

Т.Н. Жуковская
К.С. Казакова

Anima universitatis:
студенчество
Петербургского университета
в первой половине
XIX века

УДК 378.4 (470.23-25) (091)"18"
ББК 74.484.7.03(2-2СП6)5
Ж86

Печатается по решению Ученого совета Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, Ученого совета Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра РАН

Рецензенты

д.и.н., главный научный сотрудник
Санкт-Петербургского института истории РАН **А.Н. Цамутали**
к.и.н., ст. научный сотрудник
Санкт-Петербургского филиала Архива РАН **Т.В. Костина**

Жуковская Т. Н., Казакова К.С.

Anima universitatis: студенчество петербургского университета в первой половине XIX века / Т.Н. Жуковская, К. С. Казакова. – М.: Новый Хронограф, 2018. – 576 с.: илл. – ISBN 978-5-94881-421-6.

В исследовании по истории Санкт-Петербургского университета, написанном с точки зрения социальной истории, рассматривается широкий спектр проблем: правовой статус студентов университета в дореформенное время, их возрастной и численный состав, социальный и этноконфессиональный облик; особенности системы обучения и учебные практики, модели досугового поведения и формы студенческих объединений; взаимоотношения студенчества с профессорской корпорацией, городским сообществом. В фокусе внимания авторов находятся такие проблемы как система распределения и адаптации выпускников столичного университета в разных родах службы, включая военную, начало вовлечения студенческой молодежи в поле политического и отношение власти к университету. Прослеживаются этапы оформления студенческой корпоративности и локальные особенности социальной истории столичного университета, проявившиеся в 1800–1850-х гг. Авторы привлекают широкий круг источников, в том числе обширные материалы университетских и ведомственных архивов.

Издание снабжено иллюстрациями: портретами, таблицами, диаграммами, копиями архивных документов.

Для историков и широкого круга читателей, интересующихся историей высшей школы, университетских сообществ, историей Санкт-Петербургского университета.

ISBN 978-5-94881-421-6

- © Жуковская Т.Н., Казакова К.С., 2018
- © Санкт-Петербургский государственный университет, 2018
- © ЦГП КНЦ РАН, 2018
- © ФГБУН ФИЦ «Кольский научный центр Российской академии наук», 2018
- © Издательство «Новый хронограф», 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	6
Глава 1. Проблемы изучения студенческой корпоративности и особенности историописания Санкт-Петербургского университета	14
Глава 2. Источники по истории студенчества. Университетские архивы	36
Глава 3. В стенах университета: правовые нормы и культурные практики студенческой жизни	
3.1. Правовое положение студента	65
3.2. Студенты в контексте университетского «семейного стиля»: регламентация жизни, инспекционный надзор	83
3.3. Условия обучения, учебная повседневность	134
3.4. Финансовые отношения студентов и университета. Стипендии и стипендиальная политика	175
Глава 4. Социальный облик петербургского студента	
4.1. Численность, возрастные и сословные характеристики	195
4.2. Особенности этноконфессионального состава	225
4.3. Студенты-поляки и повседневная жизнь университетской Польши	233
Глава 5. Петербургский студент в системе общественных связей	
5.1. Отношения студентов и профессоров	271
5.2. Студенческие корпорации и другие объединения	288
5.3. Связи студенчества с петербургским обществом	318
5.4. Выпускники университета в педагогической, административной и военной службе	372
Глава 6. Студенты и политика	437
Заключение	483
Библиография	493
Список сокращений	516
Приложения	517
Указатель имен	529

ВВЕДЕНИЕ

Интерес к истории российской высшей школы продиктован возрастанием роли образования и науки в современном мире. Программа модернизации высшей школы, которая идет в России уже десятилетие, при всех ее несовершенствах, предоставляет современному студенчеству большую свободу выбора – в выборе профессии, в уровне и этапах специализации, в организации собственного будущего. Однако условием эффективности этих реформ является преемственность и уважение к традиции, а значит, понимание путей трансформации российского университета как национальной модели в исторической ретроспективе.

Университет рассматривается нами не только как научно-образовательная институция, но и как сообщество учащихся и учащихся, правовое, социальное и политическое положение которого становилось показателем меняющейся исторической роли российского университета. История столичного Санкт-Петербургского университета в дореформенный период отражает сложности и противоречия складывания национальной модели университета и остается наименее изученным полем исследования, по сравнению с другими университетами Российской империи или с пореформенным временем.

В XIX в. университеты заняли центральное место в общеобразовательной системе России. Они давали лучшее по тем временам образование, среди светских учебных заведений именно университеты имели преимущественное право академической аттестации – присвоения ученых степеней кандидата, магистра, доктора наук. В то же время российский университет первой половины XIX в. представлял собой уникальное культурное пространство, где взаимодействовали европейские идеи и российская социальная и правовая

действительность, внутри которого формировались научная картина мира, а также социальные связи, выходящие за рамки традиционной сословно-государственной иерархии. В лоне университета шло становление нового типа личности «универсанта» – носителя ментальных качеств, профессиональных и поведенческих стандартов, отличающих «благородного» и «просвещенного» человека.

В первые десятилетия XIX в. российское студенчество оставалось еще довольно замкнутым и немногочисленным объединением, которое складывалось из отдельных сообществ, ограниченных рамками академического пространства каждого из университетов Российской империи. Невысокая интенсивность академических миграций как в пределах империи, так и в сторону Европы, делала университеты довольно замкнутыми и малочисленными корпорациями при общности правовых, научных и административных условий их существования. Во многом успех развития наук и благополучие ученого сословия зависели от просветительских установок и политических стратегий власти. Эти стратегии для так называемых «внутренних» университетов империи, к которым принадлежал и столичный, выстраивались существенно иначе, чем в отношении к «окраинным» – Дерптскому, Виленскому, Гельсингфорсскому и Варшавскому (1816–1831), которые наделялись некоторыми административными, экономическими и иными привилегиями и опирались на поддержку национальных элит на данных территориях.

В 1830-х гг. произошел перелом в университетской политике правительства, следствием которого стало последовательное формирование усилиями Министерства народного просвещения под руководством С.С. Уварова нового контингента учащихся. Политика правительства была направлена на увеличение численности студентов путем привлечения в университеты дворянских детей, имеющих базовое гимназическое образование, а также на повышение качества научной подго-

товки выпускников университета. С этого момента университетское образование перестает быть «изящной ненужностью» и становится основанием для ускоренной карьеры государственного чиновника. Соответственно постоянно увеличивается численность студентов, особенно готовых учиться за собственный счет, своекоштных. Процесс поступательного развития университетов был искусственно сдержан политической реакцией «мрачного семилетия» (1848–1855 гг.). Но к концу 1850-х гг. по мере преодоления научной, территориальной, национальной обособленности отдельных университетов через законодательное регулирование их деятельности, унификацию условий существования для разных категорий обучающихся студенчество превращается в многочисленную, а главное, более однородную по составу группу и одновременно – в заметную общественную силу.

Специфика столичного университета Российской империи сохранялась на протяжении всей истории его существования. Идея университета в Петербурге прошла путь от так называемого «утилитарного», доклассического типа университета, который действовал при Петербургской академии наук в XVIII в., через высшую педагогическую школу под названием Главный педагогический институт (1804–1819) – к полноценному классическому университету. Последний фактически был основан на базе своего предшественника распоряжением Александра I 8(20) февраля 1819 г., но унаследовал административную и учебно-научную специфику Главного педагогического института, а главное, полностью включил в себя состав его студентов и профессоров. В следующие полтора десятилетия Петербургский университет сохранял и целевую установку своего предшественника на подготовку учителей для гимназий и уездных училищ и профессоров для высшей школы. Это обусловило преобладание в его составе казенных студентов и стипендиатов и более пристальный надзор за ними. Особенности социального состава студентов столичного

университета, о которых пойдет речь ниже, сохранялись на протяжении всего рассматриваемого времени.

Новейшие работы отечественных историков представляют достаточно специфически организованный «мир университета» XVIII – первой половины XIX в., вписанный в более широкий социально-культурный ландшафт университетских городов, и одновременно множеством нитей связанный с общеевропейским научно-образовательным пространством¹. В стенах университета складывались особые взаимоотношения как внутри студенческой среды, так и между студентами и профессорами, которые не были присущи внеуниверситетскому социуму. На протяжении времени эти отношения строились и изменялись под воздействием общественно-политических факторов, эволюции организационных основ университета, состава его профессоров и учащихся. Причем облик профессорской корпорации или «ученого сословия» менялся вместе с изменением состава и качества студенческой аудитории, хотя бы потому, что более половины профессоров в начале 1830-х гг. (а для столичного университета 1840–1850-х гг. уже $\frac{3}{4}$ профессорской корпорации) рекрутировались из состава собственных выпускников². Вот почему изолированное изучение профессорской корпорации без возможности представить современное ей университетское студенчество малопродуктивно.

Наша книга посвящена студенческому сообществу Санкт-Петербургского университета, рассмотренному в то время, когда университетские традиции и культура академических отношений в России только складывались. Основные задачи, ко-

¹ Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. М., 2002–2003. Т. 1–4; Вишленкова Е.А., Мальшева С.Ю., Сальникова А.А. Terra Universitatis: два века университетской культуры в Казани. Казань, 2005; Кулакова И.П. Университетское пространство и его обитатели. Московский университет в историко-культурной среде XVIII века. М., 2006.

² Ростовцев Е.А. Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.) М.: РОССПЭН, 2017. 903 с.; Сетевой биографический словарь профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета (1819–1917). СПб., 2012–2018 [Электронный ресурс] // URL: <http://bioslovhist.history>.

которые мы ставим перед собой, заключаются в следующем:

- описать правовой статус студентов столичного университета дореформенного времени в его изменчивости, особенности регламентации учебной деятельности и внеучебной жизни студентов;
- проследить изменения количественного, социального и этноконфессионального состава студентов столичного университета;
- оценить качество жизни университетского студента в зависимости от его сословного происхождения, материального положения и форм обучения;
- представить повседневную академическую и досуговую культуру дореформенного студенчества, формы корпоративной активности, проследить этапы складывания студенчества как субобщества;
- исследовать особенности взаимодействия студенчества с городской общественно-культурной средой, что наравне с академическими презентациями столичного университета вело к постепенному преодолению его социальной изоляции.

Особое внимание будет уделено процессу социализации выпускников университета и их включению в систему государственной службы: учительской, чиновной и военной.

Также будут рассмотрены причины и формы политизации студенчества, начало которой приходится на вторую половину 1850-х гг., хотя границы политического распространились на университетское пространство гораздо раньше.

Деятельность одного из старейших российских университетов в дореформенный период, рассмотренная с точки зрения социальной истории, как нам представляется, открывает пути для нового понимания целого комплекса проблем, недостаточно освещенных в существующих исследованиях по истории отечественной высшей школы.

Хронологические рамки нашего исследования охватывают период с 1804 г., то есть с момента открытия Петербургского

педагогического института как «отделения университета» – до конца 1861 г., когда университет в связи со студенческими «беспорядками» был закрыт до введения в действие нового университетского устава и фактически бездействовал около двух лет. Нижняя грань, за которую принят 1804 год, до сих пор не является консенсусной для университетских историков. Однако, исследуя особенности административной истории столичного университета и внутриуниверситетской жизни первой трети XIX в., неизбежно приходится обращаться к истории Петербургского педагогического института (Главного педагогического института) как непосредственного предшественника университета. История этого учреждения рассматривается нами как часть истории С.-Петербургского университета³.

Педагогический институт (1804–1816) и Главный педагогический институт (1816–1819) фактически были одним учеб-

³ В историографии университетского образования представлены две противоположные точки зрения на проблему преемственности Академического университета XVIII в. и Санкт-Петербургского университета XIX века. Первая объединяет историю этих двух учреждений в единое историописание с включением в него истории Петербургского педагогического института и Главного педагогического института. См.: Марголис Ю.Д., Тишкин Г.А. «Отечеству на пользу, а россиянам во славу»: Из истории университетского образования в Петербурге в XVIII–начале XIX в. Л., 1988; Марголис Ю. Д., Тишкин Г.А. «Единым вдохновением»: Очерки истории университетского образования в Петербурге в конце XVIII – первой половине XIX в. СПб., 2000; Жуковская Т.Н. Какая история нужна Петербургскому университету // Санкт-Петербургский университет в XVIII–XX вв.: европейские традиции и российский контекст. Материалы междунар. научной конференции. 23–25 июня 2009 г. / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко, И.А. Тихонов. СПб., 2010. С. 463–478; Жуковская Т.Н. Правительственные стратегии в сфере просвещения и идея университета в Петербурге в 1803–1819 гг. // Клио. Журнал для ученых. № 10 (82). 2013. С. 15–25.

Вторая точка зрения принадлежит московским историкам, которые ставят под сомнение возможность рассматривать обучение при Академии наук в какой-либо период как опыт университетской организации, следовательно, не считают Академический университет XVIII в. типологически близким Московскому университету и другим, учрежденным в России в следующем столетии. См.: Андреев А.Ю. О начале университетского образования в Санкт-Петербурге // Отечественная история. 1998. № 5 С. 62–72; Андреев А.Ю. Российские университеты XVIII – первой половины XIX в. в контексте университетской истории Европы. М., 2009; Кулакова И.П. Московский и Санкт-Петербургский университеты: к спору о первородстве // Российские университеты в XVIII–XX вв. Сб. науч. статей. Вып. 5. Воронеж, 2000 С. 28–64.

ным заведением, не прерывавшим своей деятельности. Педагогический институт в Петербурге хоть и не получил при своем учреждении прав самоуправления, называясь «отделением университета», однако осуществлял ряд функций университета по управлению училищами столичного учебного округа, производил аттестацию чиновников и учителей, причем в масштабах больших, чем действующие университеты. Он также присваивал ученые степени кандидата и магистра и подтверждал ученые степени, полученные в иностранных университетах. Последнее было необходимым условием при вступлении иностранцев в российскую службу. После трансформации Педагогического института в Главный педагогический институт согласно Положению 23 декабря 1816 г., это учреждение по количеству и номенклатуре кафедр, границам полномочий своей профессорской коллегии приблизилось к структуре и правам университетов, определенным уставами 1804 г. Таким образом, в 1819 г. Главный педагогический институт лишь формально «преобразовывался» в университет, а де факто со всем своим штатом, подразделениями, студентами и читаемыми курсами, не претерпевшими никаких изменений, был в университет переименован. Причем Положение от 23 декабря 1816 г. о Главном педагогическом институте оставалось основным нормативным документом и для Петербургского университета до конца 1824 г. Собственный устав Петербургского университета, проект которого был представлен в мае 1819 г. попечителем учебного округа С.С. Уваровым, долго обсуждался, но не был утвержден. Этот проект предполагал сохранить и развить уже сложившиеся к тому времени особенности университета в столице империи⁴. Делопроизводство Главного педагогического института было включено в делопроизводство Петербургского университета и отдели-

⁴ Жуковская Т.Н. С.С. Уваров и воссоздание Петербургского университета // Очерки по истории Петербургского университета. Вып. VII. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. С. 56–64.

лось от него только в XX в. в процессе передачи на постоянное хранение в государственные архивы⁵.

Данное исследование стало итогом многолетнего сотрудничества авторов, занимающихся историей Санкт-Петербургского университета и его студенчества. Мы благодарны за неоценимую помощь нашим коллегам в Санкт-Петербургском и Петрозаводском университетах, сотрудникам архивов и библиотек, в которых довелось работать, прежде всего архивистам ЦГИА СПб и РГИА. Особую признательность адресуем Музею истории СПбГУ за предоставленное право воспроизвести редкие иллюстративные материалы из его коллекций. Считаем своим долгом также поблагодарить за конструктивную и благожелательную критику нашей работы специалистов по истории просвещения и университетского образования: О.Б. Вахромееву, Е.А. Вишленкову, А.Е. Иванова, Т.В. Костину, Е.А. Калинин, О.А. Любезникова, Е.А. Ростовцева, И.Л. Тихонова и др. Мы приносим неизменную благодарность Б.В. Ананьичу, Р.Ш. Ганелину, Н.О. Серебряковой, А.Н. Цамутали за постоянную поддержку нашей работы на протяжении многих лет. Слова сердечной благодарности обращаем также к нашим близким и друзьям, без которых эта книга не могла появиться.

Исследование было подготовлено при поддержке гранта СПбГУ 5.38.98.2012 «Российская высшая школа и Петербургский университет в XIX–XX вв.: наука и политика, интеллектуальная элита и власть» (2012–2014) и проекта РФФИ «Петербургская историческая школа (XVIII – начало XX в.): биографическая база данных и информационный ресурс» (2016–2018).

⁵ См.: Жуковская Т.Н. Архив Педагогического института в Санкт-Петербурге (1804–1819): специфика отражения университетской повседневности // Биографии университетских архивов / Под ред. Е. А. Вишленковой, К.А. Ильиной, В.С. Парсамова. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2017. С. 114–164.

ГЛАВА 1

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ КОРПОРАТИВНОСТИ И ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИОПИСАНИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Данное исследование сложилось под влиянием стремительного развития университетских штудий (university studies) не только в мире, но и в России, что стало важным научным событием последних полутора десятилетий. Историки университетского образования открыли для себя целый спектр новых направлений, рассматривая университет в России не только как объект реализации правительственных просветительских программ и как государственное учреждение, но одновременно и как сложно структурированное сообщество, т. е. в историко-социальном и в историко-антропологическом ракурсе. Такая оптика потребовала ревизии методологических подходов, а также стратегий изучения и систематизации университетских архивов и уже принесла интереснейшие результаты.

В то же время мы старались вписать наши усилия в историографическую традицию, которая сложилась в течение полутора веков и отражена в тысячах публикаций, посвященных университетам Российской империи и, в частности, Петербургскому университету. Данная традиция в основном рассматривала российское студенчество как объект государственной политики или как общественную силу, вовлеченную в так называемое освободительное движение. В отечественной литературе не сложилось единства подходов к изучению самих студенческих сообществ разных университетов как социальных групп и, следовательно, единства представлений об этапах формирования и проявлениях студенческой корпоративности, о месте студенческой субкультуры внутри академической культуры

российского университета. При этом поток исследований, посвященных студентам пореформенных университетов, значительно превосходит историографию более раннего этапа истории российского студенчества.

История студенчества Московского, Харьковского, Казанского, Дерптского университетов дореформенного периода освещалась еще в дореволюционных работах, посвященных этим университетским центрам⁶. Санкт-Петербургский университет, в отличие от названных, в то время не получил развернутого и подробного историописания. Не имеет он современного академического изложения своей истории и по сей день, накануне ожидаемых университетских юбилеев 2024 и 2019 гг., связанных с 300-летием учреждения университета в составе Академии наук по указу Петра I и с 200-летием преобразования Главного педагогического института в Санкт-Петербургский университет решением Александра I. В современной фундированной и всеобъемлющей истории университета, безусловно, должна быть отражена жизнь студенческой корпорации на всем протяжении ее истории, определены этапы и особенности ее формирования, описаны внутриуниверситетские отношения, формы взаимодействия студентов с профессурой, внеуниверситетским социумом, ведомственной администрацией и верховной властью.

Однако в целом ряде имеющихся исследований отдельные периоды или проблемы, относящиеся к истории студенчества Петербургского университета, все-таки получили освещение.

Основы научной историографии Санкт-Петербургского университета заложил труд профессора В.В. Григорьева, представляющий собой первое документированное описание основных событий жизни университета, основанное на обширном материале университетских архивов⁷. Огромная ра-

⁶ Загоскин Н.П. История Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования. 1804–1904. Т. 1–4. Казань, 1902–1904; Петухов Е.В. Юрьевский, бывший Дерптский, университет за сто лет его существования (1802–1902). Т. 1. Юрьев, 1902; Шевырев С.П. История Императорского Московского университета. М., 1855.

⁷ Григорьев В.В. Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых 50 лет его существования. СПб., 1870.

бота по систематизации и обобщению материалов университетского делопроизводства была проделана еще раньше А.С. Вороновым, который впервые широко использовал официальные документы и статистику, касавшиеся студенчества столичного университета⁸. Кроме того, А.С. Воронов опубликовал списки студентов, окончивших университет с 1823 по 1853 гг., с указанием мест дальнейшей службы многих из них.

В начале XX столетия вышло несколько исследований профессора С.-Петербургского университета С.В. Рождественского, основанных на богатом фактическом материале⁹. Автор проследил действия правительства и Министерства народного просвещения по регулированию численности и состава студентов, отметил колебания в университетской политике по формированию состава обучающихся – от бессловной в начале XIX в. к последовательно продворянской, начиная с 1830-х гг. С.В. Рождественский также показал механизм формирования студенческого контингента из разных сословных групп¹⁰. Для нас важны наблюдения историка о том, что специфика социальной истории русских университетов объясняется тем, какое место им было отведено и какое они реально заняли в системе государственной службы и подготовки чиновников в первой половине XIX в.

Следует отметить также работы П.Н. Милюкова, который фиксировал изменения правительственной политики в отношении студентов университетов на протяжении первой половины XIX в.¹¹

⁸ Воронов А.С. 1) Историко-статистическое обозрение учебных заведений С.-Петербургского учебного округа с 1715 по 1828 гг. СПб., 1849; 2) Историко-статистическое обозрение учебных заведений С.-Петербургского учебного округа с 1829 по 1853 гг. СПб., 1854.

⁹ Рождественский С.В. 1) Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902; 2) Очерки истории системы народного просвещения: В 2 т. СПб., 1912. Т. 2.

¹⁰ Рождественский С.В. Сословный вопрос в русских университетах // ЖМНП. 1907. Ч. 9. Отд. 2. С. 3–28.

¹¹ Милюков П.Н. 1) Очерки по истории русской культуры: В 3 т. Т. 2. Ч. 2. М., 1994 (первое издание 1899–1903); 2) Русские университеты // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 68. СПб., 1902. С. 788–800.

В исторической литературе советских лет изучение истории высшей школы и ее контингента не относилось к числу приоритетных тем. Наибольшее внимание советские историки уделяли освещению роли учащейся молодежи в революционно-освободительном движении. Содержательные фактографические работы по истории дореформенного студенчества, построенные на архивном материале, появились только во второй половине 1950-х гг. При этом университетская политика самодержавия оценивалась однозначно как последовательно реакционная, например, в диссертации и статьях ленинградского историка Ю.Н. Егорова¹². Он рассматривал изменение сословного состава учащихся Санкт-Петербургского университета в 1830–1850 гг. как результат продворянского и охранительного курса Николая I¹³. Основным мотивом образовательной политики, по мнению Ю.Н. Егорова, являлось стремление сформировать «благонадежное» студенчество и лояльную науку. В то же время привлечение большого числа архивных материалов позволило Ю.Н. Егорову сделать важные статистические обобщения об изменениях численного и социального состава студентов столичного университета за три десятилетия.

Особое место в историописании С.-Петербургского университета занимает коллективный труд, изданный к 150-летию юбилею университета, который отмечался в 1969 г. Вводная глава этого труда была написана С.Б. Окунем и содержала немало концептуальных положений об особенностях становления столичного университета и правительственных стратегиях в отношении студенчества¹⁴.

¹² Егоров Ю.Н. Реакционная политика царизма в вопросах университетского образования в 30–50-х гг. XIX в. // Исторические науки. 1960. № 3. С. 60–75.

¹³ Егоров Ю.Н. 1) Студенчество Санкт-Петербургского университета в 30–50-х годах XIX в., его социальный состав и распределение по факультетам // Вестник Ленинградского университета. Сер. История. 1957. № 14. С. 5–19; 2) Русские университеты и студенческое движение во второй половине 1830-х до 1850-х гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1958.

¹⁴ История Ленинградского университета. Очерки. 1819–1969. Л., 1969. С. 11–62. Глава 1: Основание Санкт-Петербургского университета и начальный период его деятельности (1819–1855).

Историки 1970–1980-х гг. уделили внимание изучению общественно-политического облика студентов николаевского времени, их вовлечению в общественную жизнь. В фокус исследований впервые попали национальные объединения и философские кружки студенческой молодежи, в которых усматривались ростки политической оппозиционности, было обращено внимание на ранние формы студенческой самоорганизации¹⁵.

Единственным монографическим трудом, посвященным первому периоду деятельности Санкт-Петербургского университета в собственном статусе, до сих пор остается книга Е.М. Косачевской¹⁶. Анализируя проекты университетского устава, в редактировании которых участвовал избранный ректором М.А. Балугьянский, автор приходит к выводу о том, что они были первой после Ломоносова попыткой преобразования столичного университета на основе всесловности, свободы научной мысли, предпринятой в условиях господства реакции начала 1820-х гг.

Особое место в историографической традиции занимают фундаментальные работы Р.Г. Эймонтовой¹⁷, характеризующие историю российских университетов 40–60-х гг. XIX в. в контексте правительственной политики. Российские университеты представлены в них как центры просвещения и научной жизни России. Исследовательница опирается на богатый корпус источников, в котором важное место отводится воспоминаниям современников, периодике и публицистике. На их основе Р.Г. Эймонтова характеризует молодое поколение университетов 1850–1860-х гг. как единую социальную группу, уделяя значительное внимание студенческим тайным обществам,

¹⁵ Тишкин Г.А. Студенческое движение в Петербурге в конце 50–начале 60-х годов XIX в. Автореф... дис. канд. ист. наук. Л., 1973; Слотвинский В. Польские студенты в Петербургском университете в 30–40-х гг. XIX в. // Петербургский университет и революционное движение в России. Л., 1979. С. 117–124.

¹⁶ Косачевская Е.М. Михаил Андреевич Балугьянский и Петербургский университет первой четверти XIX в. Л., 1971.

¹⁷ Эймонтова Р.Г. 1) Русские университеты на грани двух эпох: от России крепостной к России капиталистической. М., 1985; 2) Русские университеты на путях реформы: шестидесятые годы XIX века. М., 1993.

студенческим волнениям и оппозиционным выступлениям, причины которых усматриваются в жесткой университетской политике правительства, контрастирующей с обстановкой кануна «великих реформ».

Ряд исследований по истории Санкт-Петербургского университета, дающих возможность составить более содержательную картину его становления и развития, публиковался в выпусках неперiodического издания «Очерки по истории Ленинградского (С.-Петербургского) университета» (1962–2000). К сожалению, вопросы, касающиеся истории дореформенного студенчества и университетской повседневности столичного университета в это время, затрагивались в данном издании нечасто¹⁸.

История студенчества разрабатывалась и в контексте истории интеллигенции в России¹⁹. В диссертации Л.А. Булгаковой на широкой источниковой базе были обобщены данные о численности и национальном составе учащейся молодежи дореформенных университетов и специальных высших учебных заведений. Кроме того, исследовательницей была проанализирована государственная политика в области образования второй четверти XIX в., затронуты проблемы социального состава и материального положения учащихся²⁰. Автор пришла к выводу о том, что политика правительства в области образования

¹⁸ Тишкин Г.А. Рукописные издания студентов университета в 1857–1858 годах // Очерки по истории Санкт-Петербургского университета. Т. III. Л., 1976. С. 71–84; Никольцева Г.Д., Шилов Л.А. Из истории музыкальной жизни Петербургского университета // Очерки по истории Санкт-Петербургского университета. Т. IV. Л., 1982. С. 110–135; Шубин В.Ф. Вечера Плетнева в Ректорском флигеле // Очерки по истории Санкт-Петербургского университета. Т. V. Л., 1984. С. 86–93; Чебыкина Н.В. Быт студенчества Санкт-Петербургского университета в дореформенный период // Очерки по истории С.-Петербургского университета. Вып. IX. СПб., 2000. С. 105–119 и др.

¹⁹ Лейкина-Сви́рская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971; Булгакова Л.А. Интеллигенция в России во второй четверти XIX века (состав, правовое и материальное положение). Дис... канд. ист. наук. Л., 1983.

²⁰ Булгакова Л.А. 1) Сословная политика в области образования во второй четверти XIX в. // Вопросы политической истории СССР. М.; Л., 1978. С. 105–124; 2) Особенности системы высшего образования в царствование Николая I // Николаевская Россия: власть и общество. Материалы круглого стола, посвященного 80-летию со дня рождения И.В. Пороха. Саратов, 2004. С. 124–134.

в николаевское время являлась отражением потребностей реформирования системы государственной службы.

В исследованиях Ю.Д. Марголиса и Г.А. Тишкина 1980–1990-х гг., поставивших проблему преемственности истории академических университета и гимназии XVIII в. и Санкт-Петербургского университета XIX в.²¹, была предложена общая характеристика быта воспитанников этих учебных заведений, а также затронута проблема социального и правового статуса академических студентов. Данные сюжеты обсуждались авторами и при рассмотрении истории Педагогического института как «отрасли» будущего внеакадемического университета. Формы обучения при Академии наук и проекты придания академическому университету бóльшей научно-учебной и организационной самостоятельности исследовались также Г.И. Смагиной²². Наблюдения Ю.Д. Марголиса и Г.А. Тишкина о количественном и сословном составе учащихся при Академии наук, формах их обучения и вовлечения в научную деятельность, о статусе студента в ученой иерархии, а также о быте академических студентов и гимназистов получили переосмысление и содержательную детализацию в новейших работах Т.В. Костиной²³.

Ю.Д. Марголис также посвятил ряд статей студенческим сообществам и национальным объединениям первой поло-

²¹ Марголис Ю.Д., Тишкин Г.А. «Отечеству на пользу, а россиянам во славу»: Из истории университетского образования в Петербурге в XVIII–начале XIX в. А., 1988; «Единым вдохновением». Очерки истории университетского образования в Петербурге в конце XVIII – первой половине XIX в. СПб., 2000.

²² Смагина Г.И. Российская Академия наук и российская школа (вторая половина XVIII в.) СПб., 2002; Смагина Г.И. Академик Г.Ф. Миллер и его «Проект Регламента Академического университета» (1748) // «Быть русским по духу и европейцем по образованию»: Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII – начала XX в. / Отв. сост. А.Ю. Андреев. М.: РОССПЭН, 2009. С. 52–70.

²³ Костина Т.В. 1) К вопросу о численности и статусе первых академических студентов в Петербурге (1725–1732 гг.) // Вестник ПСТГУ. 2016. № 1(68). С. 32–44; 2) Подготовка элит Российской Империи в учебных заведениях Академии наук (1726–1805) // Актуальное прошлое: взаимодействие и баланс интересов Академии наук и российского государства в XVIII – начале XX в. Очерки истории: в 2 кн. / Сост. и отв. ред. И. В. Тункина. СПб.: «Реноме», 2016. Кн. I. С. 207–302; 3) Ученики Академической гимназии 1751–1765 гг. // XVIII век. 2017. № 29. С. 270–326.

вины XIX в., в частности, вовлечению студентов и выпускников столичного университета в кружок М.В. Буташевича-Петрашевского²⁴.

Монография Н.Я. Олесич²⁵, выход которой был приурочен к 275-летию юбилею С.-Петербургского университета, представляет собой описание аудиторной и внеаудиторной повседневности петербургского студента второй половины XIX – начала XX в. и его общественной репутации. Автор в популярной форме реконструирует реалии повседневного быта студентов в основном пореформенной эпохи и, пожалуй, впервые предлагает историко-антропологическую интерпретацию жизни и активности петербургского студенчества как особой социальной группы. В дальнейшем глава Культурного фонда «Знаменитые универсанты СПбГУ» Н.Я. Олесич инициировала появление целой библиотеки историко-биографических и историко-культурных очерков, отражающих мир Петербургского университета и его питомцев, культуру университетской памяти, историю национальных сообществ в университете, историю университетского спорта²⁶.

Новый подход к изучению студенчества как особой общественной группы со своим набором ценностных установок, поведенческих моделей, идеологических и коммуникативных

²⁴ Марголис Ю.Д. 1) Петрашевцы – студенты Петербургского университета // Очерки по истории Санкт-Петербургского университета. Т. VII. СПб., 1998. С. 99–123; 2) Студенты-поляки Петербургского университета 40–60-х гг. XIX в. // Польские профессора и студенты в университетах России в конце XIX – начале XX века. Варшава, 1995. С. 132–145; 3) Студенческие переписи в России 1872–1912 гг. // Средневековая и новая Россия. Сб. науч. статей к 60-летию проф. И.Я. Фроянова. СПб., 1996. С. 656–669.

²⁵ Олесич Н.Я. Господин студент Императорского С.-Петербургского университета. СПб., 1999.

²⁶ Знаменитые универсанты. Т. 1–3. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002–2010. Олесич Н.Я. Духовная жизнь студентов Императорского Санкт-Петербургского университета // Празднование 275-й годовщины основания Санкт-Петербургского университета. Документы и материалы / Науч. ред. Л.А. Вербицкая, сост. Г.А. Тишкин. СПб., 2003. С. 357–377; Многонациональный мир Петербургского университета / Отв. ред. Н.Я. Олесич. СПб.: Культурный фонд «Знаменитые универсанты СПбГУ», 2010; Университет Олимпийский: Спортивный мир Петербургского университета / Ред. колл.: Н.Я. Олесич, С.И. Таратынов и др. СПб., 2013.

практик предложен в работах А.Р. Маркова, посвященных петроградским студентам 1910-х – первой половины 1920-х гг.²⁷

В последние полтора десятилетия издан ряд лекционных курсов, посвященных истории университетского образования в России в целом и истории отдельных университетов²⁸. Также детально исследован студенческий состав и студенческая повседневность Московского университета первой четверти XIX в.²⁹, что позволяет развернуть сравнительно-исторические наблюдения о локальных особенностях двух университетов и университетских сообществ.

К числу работ, где затронуты различные аспекты жизни университетского студенчества, относится и многотомная монография Ф.А. Петрова³⁰, претендующая на место основного обобщающего труда по истории становления и организации системы университетского образования России в первой половине XIX в. Рассматривая правительственную политику по отношению к студенчеству, автор определяет ее положительное и негативное влияние на формирование контингента учащихся и положение студентов в университете. В то же время особенностью этого труда является то, что, несмотря на привлечение обширного документального материала по истории всех русских университетов, в нем превалирует материал по истории студенчества Московского университета и не используются архивные источники из фондов Министерства народного просвещения и собственно университетские архивы за исключением архива Московского университета. Поэтому некоторые заключения Ф.А. Петрова относительно студенчества Петербургского уни-

²⁷ Марков А. Р. Что значит быть студентом? Работы 1995–2002 годов. М., 2005.

²⁸ Андреев А. Ю. Лекции по истории Московского университета. М., 2001; Вишленкова Е. А. Казанский университет Александровской эпохи. Казань, 2004; Аврус А. И. История российских университетов: Очерки. М., 2001; Жуковская Т. Н. Университеты и университетские традиции в России. Курс лекций. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2011.

²⁹ Феофанов А. М. 1) Студенчество Московского университета второй половины XVIII – первой четверти XIX века. М.: Изд-во ПСТУ, 2010.; 2) Студенты Московского университета второй половины XVIII – первой четверти XIX века. Библиографический словарь. М.: Изд-во ПСТУ, 2013.

³⁰ Петров Ф. А. Российские университеты в первой половине XIX в.: формирование системы университетского образования. Кн. 1–4. М., 1998–2002; 2-е изд. – М., 2004.

верситета нуждаются в верификации на основе имеющихся материалов ведомственного и университетского делопроизводства.

Благодаря работам И.П. Кулаковой по истории Московского университета XVIII в., написанным в жанре культурной антропологии академического сообщества, в научный оборот было введено понятие «университетское пространство», представлен визуальный и социальный облик студента XVIII в., а также его жизненные стратегии, лежащие в русле представлений о человеке века Просвещения³¹. Важные наблюдения автора актуальны и для первых десятилетий XIX в.

Тенденцией новейшей университетской историографии стало то, что жизнь университетской корпорации и история университетской повседневности в дореволюционной России уже не рассматриваются вне контекста социально-культурных и общественных связей с городским окружением³². Это позволяет представить направления и сферы влияния дореформенного университета и его студенчества, в частности, на общегородскую культуру и быт, хозяйственную и административную жизнь столицы.

Интерес к университетской тематике способствовал появлению ряда работ по проблеме университетского быта, выполненных на материалах Петербургского университета³³. С нейтральных позиций интерпретируются формы студенческой уличной активности. Применительно к дореформенному периоду в них усматривается не протест против власти или ре-

³¹ Кулакова И. П. 1) Университетское пространство и его обитатели. Московский университет в историко-культурной среде XVIII века. М., 2006; 2) Игровые формы и университетское образование в России второй половины XVIII в. // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2001. Вып. 6. С. 118–124; 3) Мундир российского студента (по материалам XVIII века) // Теория моды: Одежда. Тело. Культура. 2008. № 9; 4) Михаил Ломоносов: жизненные стратегии в контексте эпохи // Вестник Московского университета. Сер. 8 «История». 2011. № 4. С. 26–28; Иванов А.Е., Кулакова И.П. Студенческая повседневность: постановка проблемы и направления исследования // Российское студенчество: условия жизни и быта (XVIII–XXI века): Сб. науч. ст. М., 2004.

³² Университет и город в России (начало XX века) / Под ред. Т. Маурер и А. Дмитриева. М., 2009.

³³ Чебыкина Н.В. Быт студенчества Санкт-Петербургского университета в дореформенный период // Очерки по истории Санкт-Петербургского университета. Т. VIII. СПб., 2000. С. 104–119; Ендольцев Ю.А. Университетский быт – исторический ракурс // Очерки по истории Санкт-Петербургского университета. Т. VIII. СПб., 2000. С. 89–104; Гришунин П.В. Студенчество столичных университетов: структуры повседневной жизни. 1820-е–1880-е гг. Автореф. дис... канд. ист. наук. СПб., 2005.

жима обучения, а способ предъявления своей самости внеуниверситетскому миру, без чего невозможно представить оформление студенческой корпоративности³⁴.

В последние десятилетия в историографии университетского образования вырос интерес к истории социальных групп и сообществ. Применение подходов «новой социальной истории», которое мы находим в работах Б.Н. Миронова³⁵, эффективно и для понимания исторической специфики российского студенчества как субобщества.

Исключительный вклад в исследование социального облика и самоорганизации студенчества российских университетов внес А.Е. Иванов. Он подверг анализу такие вопросы, как правовое и материальное положение, социальный и национальный состав студенчества в целом и его отдельных отрядов. Предметом особого внимания историка стала проблема корпоративной организации учащихся и многообразие ее форм³⁶. Однако интересующий нас период затрагивается в исследованиях А.Е. Иванова лишь фрагментарно, поскольку они опираются на документальные комплексы, относящиеся к последним десятилетиям XIX – началу XX в.

Проследивая становление системы академической аттестации в России, А.Е. Иванов рассмотрел и процедуры достижения первых ступеней академической иерархии, соответствующих званию действительного студента и кандидата, правовой и общественный статус лицензиатов³⁷.

³⁴ Шевырев А.П. Праздники непослушания: студенческие беспорядки в городском пространстве Петербурга в 1861–1905 гг. // Санкт-Петербургский университет в XVIII–XX вв.: европейские традиции и российский контекст. Материалы международной научной конференции. 23–25 июня 2009 г. СПб., 2010. С. 148–162.

³⁵ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – нач. XX вв.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1–2. СПб., 2003. 3-е изд.

³⁶ Иванов А.Е. 1) Студенчество России конца XIX – начала XX века. Социально-историческая судьба. М., 1999; 2) Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. М., 1991; 3) Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации. М., 2004; 4) Еврейское студенчество в высшей школе Российской империи начала XX века. Каким оно было? Опыт социокультурного портретирования. М., 2007; 5) Мир российского студенчества. Конец XIX – начало XX века. М., 2010.

³⁷ Иванов А.Е. 1) Ученые степени в Российской империи. XVIII в. – 1917 г. М., 1994; 2) Ученое достоинство в Российской империи. XVIII – начало XX века. Подготовка и научная аттестация профессоров и преподавателей высшей школы. М.: Новый хронограф, 2016.

В современных исследованиях, посвященных раннему периоду истории Санкт-Петербургского университета, написанных на материалах университетских и ведомственных архивов, находят отражение такие проблемы, как проекты реорганизации университета, формы вмешательства власти во внутри-университетскую жизнь, изменение статуса обучающихся в связи с этим³⁸; положение университета и его корпорации в системе управления училищами и в системе чиновничества; адаптация универсантов в службе и формы кураторства университета в отношении своих выпускников³⁹; национальный и этноконфессиональный облик студенчества столичного университета⁴⁰; структуры университетской повседневности, включая внеучебную активность студентов; этапы формирования университетской студенческой корпоративности⁴¹; об-

³⁸ Жуковская Т.Н. 1) С.С. Уваров и воссоздание Санкт-Петербургского университета // Очерки по истории Санкт-Петербургского университета. Т.VII. СПб, 1998. С. 56–74; 2) «Императорский университет»: система высочайшего вмешательства в жизнь университетов в первой половине XIX в. // Власть, общество и реформы в России в XIX – начале XX века. Исследования, историография, источниковедение. СПб., 2009. С. 74–89; 3) Правительственные стратегии в сфере просвещения и идея университета в Петербурге // Клио. Журнал для ученых. 2013. № 10 (82). С. 15–25.

³⁹ Жуковская Т.Н., Калинина Е.А. Во главе училищ: административная деятельность университетов в первой половине XIX в. // Труды Института российской истории РАН. Вып. 13. М., 2016. С. 115–137; Жуковская Т.Н., Калинина Е.А. «От азбуки до университета»: административная деятельность Санкт-Петербургского университета в учебном округе в первой половине XIX в. // Вестник СПбГУ. 2014. № 2. С. 22–32; Жуковская Т.Н. Между Марсом и Минервой. Война, военная служба и универсанты в первой половине XIX века // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. 2009. Вып. 29. С. 285–307.

⁴⁰ Михайленко Т.М. «В библиотеке больше всего поляков...» // Многонациональный мир Петербургского университета / Отв. ред. Н.Я. Олесич. СПб.: Культурный фонд «Знаменитые универсанты СПбГУ», 2010. С. 114–134; Жуковская Т.Н. Национальные группы среди профессоров и студентов в Петербургском университете в первой половине XIX в. // National Intellectuals in Russian Empire: Universities, Knowledges and Networks / Ed. Nobuya Hashimoto. Kyoto: Showado Publishing, 2014; Жуковская Татьяна, Калинина Елена. Студенты-поляки в Петербургском университете в 1830–1860-х гг: опыт воспитания новой элиты // Nauka w Polsce i Rosji – miejsca wspólne, miejsca różne (obszar humanistyki). Seria «Studia Rossica», tom XXIII / Red. Magdalena Dąbrowska. Warszawa: Instytut Rusycystyki Uniwersitetu Warszawskiego. 2016. S. 65–73.

⁴¹ Жуковская Т.Н., Казакова К.С. Русский студент дореформенной эпохи: нормы и повседневная жизнь корпорации // Отечественная история. 2007. № 6. С. 63–76; Жуковская Т.Н., Казакова К.С. Как жили студенты Петербургского университета в первой половине XIX в. // Санкт-Петербургский университет. 2009. № 2–3. Февраль. С. 23–29; Казакова К.С. Социокультурный облик петербургских студентов первой половины XIX в. // Санкт-Петербургский университет в XVIII–XX вв.: европейские традиции и российский контекст. Матер. международной конференции 23–25 июня 2009 г. СПб., 2009. С.45–56.

щественная репутация университета, каналы и горизонты его взаимодействия с властью и обществом: научно-образовательные, правовые, хозяйственные, кадровые, сословно-иерархические, место дореформенного университета внутри городского пространства⁴², вовлечение универсантов в пространство политического⁴³ и др.

В целом в последние десятилетия история университетского образования, администрирования высшей школы и в особенности история университетских сообществ вызывают растущий научный интерес и становятся все более продуктивной областью отечественной историографии. Исследователи быстро преодолевают методологический и фактографический разрыв между российскими и западными школами университетских исследований (university studies). Расширение исследовательского поля стало результатом утверждения историко-антропологического подхода, а также использования опыта рассмотрения истории университетских сообществ и их коммуникаций с властью и внеуниверситетским миром с позиций социологии знания. Эти новые подходы успешно реализованы в трудах школы университетских историков, которая представлена именами Е.А. Вишленковой⁴⁴,

⁴² Жуковская Т.Н. Петербургский университет в городском пространстве первой трети XIX в. // Социальная история. Ежегодник. 2009 / Отв. ред. Н.А. Пушкарёва. СПб.: АЛЕТЕИЯ, 2010. С. 41–67.

⁴³ Жуковская Т.Н. «Тайные общества», студенческие «буйства» и запрещенные лекции: политика в дореформенном университете // Уроки истории – уроки историка. Сборник статей к 80-летию Ю.Д. Марголиса (1930–1996) / Сост. Т.Н. Жуковская, отв. ред. А.Ю. Дворниченко. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 258–278.

⁴⁴ Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. Terra universitatis...; Вишленкова Е.А. Публичная и частная жизнь университетского человека в Казани XIX века // Адам и Ева. 2004. № 7. С. 172–201; Вишленкова Е.А. Между «Западом» и «Востоком»: культурно-пространственные ориентации российского университета // «Быть русским по духу и европейцем по образованию»: Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII – начала XIX в. / Сост.: А. Андреев. М.: РОССПЭН, 2009. С. 83–100; Вишленкова Е.А., Ильина К.А. «Воспроизводство себе подобных» в российском университете первой половины XIX века М.: НИУ ВШЭ, 2011; Вишленкова Е., Ильина К. Об ученых степенях и о том, как диссертация в России обрела научную и практическую значимость // Новое литературное обозрение. 2013. № 4 (122). С. 84–107; Вишленкова Е.А., Галиуллина Р.Х., Ильина К.А. Русские профессора: университетская корпоративность или профессорская солидарность. М.: НАО, 2012; Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов / Ред. Е.А. Вишленковой, И.М. Савельевой. М.: Изд. дом «Высшая школа экономики», 2013 и др.

Т.В. Костиной⁴⁵, Р.Х. Галиуллиной, К.А. Ильиной⁴⁶ и др., которые в основном строят исследования на материалах Казанского и Московского университетов первой половины XIX в. Многочисленные работы этой группы авторов посвящены изучению университетской повседневности, специфике властных отношений в университетской среде, особенностям формирования профессорской корпорации в ходе трансфера европейских академических стандартов научного и профессионального поведения, механизмам смены научных поколений в дореформенных университетах, процедурам научной аттестации, феномену университетских самоописаний, проблеме университетских архивов и другим сюжетам.

Харьковская школа университетских исследований активно занимается проблемами университетского управления в XIX в., определением границ применения университетского законодательства, особенностями университетских коммемораций и

⁴⁵ Костина Т.В. 1) Мир университетского профессора Казани. 1804–1863: Дис... канд. ист. наук. Казань, 2007; 2) Сословная идентичность профессоров Казанского университета в первой половине XIX века // «Быть русским по духу и европейцем по образованию»: Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII – начала XX в. М.: РОССПЭН, 2009. С. 128–138; 3) Карьера в университете, или Сколько лет должно быть профессору? (На материалах Казанского университета 1804–1863 гг.) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М.: Издательство АКИ, 2007. Ч. 20. С. 262–269; 4) Воспитанники Санкт-Петербургского университета в Дерптском профессорском институте // Петербургские исследования. Вып. 3. СПб., 2012. С. 221–230.

⁴⁶ Галиуллина Р.Х. 1) Властные практики управления и практики самоуправления в университетах России второй половины XVIII – первой половины XIX вв.: учебное пособие. Казань, 2011; 2) Кризис университетской автономии в России: 1840-е – начало 1860-х годов // Уроки истории – уроки историка. Сборник статей к 80-летию Ю.Д. Марголиса (1930-1996) / Сост. Т.Н. Жуковская, отв. ред. А.Ю. Дворниченко. СПб., 2012. С. 278–286; Галиуллина Р.Х., Ильина К.А. «Ученые записки» ученого сословия (первая половина XIX века): препринт WP6/2012/02 [Текст]: НИУ ВШЭ. М., 2012. 44 с.; Ильина К.А. Делопроизводительная документация как источник изучения практик управления российскими университетами первой половины XIX века. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Казань, 2011; Ilina K. Academic luck: general and particular scenarios of academic attestation in Russia in the 1830s. // «Humanities» (WP BRP 81/Hum/2014) National Research University Higher School of Economics. 2013. [Электронный ресурс] URL: <http://www.hse.ru/data/2014/12/18/1103283843/81HUM2014.pdf> (последнее обращение: 10.09.2017); Ильина К.А. Траектории научной аттестации в российских университетах 1830-х годов: опыт защиты А.И. Чивилева // Диалог со временем. Вып. 56. М., 2016. С. 169–187 и др.

памяти универсантов⁴⁷, формами студенческой протестной и общественной активности⁴⁸. Мемориальная культура Харьковского университета отражена в новейшей академической публикации мемуаров его питомцев⁴⁹.

Украинская исследовательница Л.Ю. Посохова в процессе многолетнего изучения православных коллегиумов как особой переходной к университету формы высшей школы в восточноевропейских землях, представила, в частности, состав преподавателей и учащихся коллегиумов за время с конца XVII до начала XIX в., среду обитания «бурсаков», их отношения с городскими жителями и региональными элитами⁵⁰. Эти наблюдения важны в контексте близости состава, статуса и поведенческих стандартов учащихся православных коллегиумов и первых поколений студентов 1800–1820-х гг., бывших выходцами из духовных учебных заведений.

В последнее время особенное внимание исследователей университетской истории обращено на проблему трансфера и адаптации европейских моделей университетской организа-

⁴⁷ Посохов С.И. 1) Уставы российских университетов XIX века в оценках современников и потомков // Вопросы образования. 2006. №1. С. 370–381; 2) Университет и город в Российской империи (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.). Харьков. нац. ун-т им. В.Н.Каразина. Харьков: ХНУ, 2014; 3) Университет як тип інтелектуального співтовариства: міркування про «університетський дух» // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. К.: Інститут історії України НАН України, 2009. № 4. С. 125–137; 4) Конфликты в Харьковском университете в начале XIX в. и их интерпретация в публицистике и историографии // Universitates. Университеты: наука и просвещение. 2008. № 4 и др.

⁴⁸ Посохов И.С. 1) Студенческие обструкции в университетах Российской империи (XIX – нач. XX вв.) // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії. Збірник наукових праць. Харків, 2008. Вип. 11. С. 101–108; 2) Университетский карцер // Universitates: Наука и просвещение. Харьков, 2009. № 1. С. 36–41; 3) Релігійні цінності студентів (на матеріалах університетів Російської імперії XIX – початку XX ст.) // Наукові записки [Харківського педагогічного університету ім. Г.С. Сковороди]. Х., 2010. Вип. 37. С. 122–129; 4) Студентська субкультура: становлення та еволюція (на матеріалах російських університетів XIX – поч. XX ст.). Дис. ... канд. ист. наук. Харків, 2010.

⁴⁹ Харківський університет XIX – початку XX століття у спогадах його професорів та вихованців / Упор. Б.П. Зайцев, В.Ю. Іващенко, В.І. Кадєєв та ін: У 2 т. Х., 2008–2010.

⁵⁰ Посохова Л.Ю. 1) На перехресті культур, традицій, епох: православні колеґіуми України наприкінці XVII – на початку XIX ст. Харків, 2001; 2) Православные коллегиумы на пересечении культур, традиций, эпох (конец XVII – начало XIX в.). М.: РОССПЭН, 2016.

ции в широком географическом и историческом горизонте⁵¹. Можно считать, что несмотря на достаточно поздний опыт переноса на российскую почву модели европейского «модерного» университета, произведенный исключительно в интересах и под контролем государства, университеты Российской империи достаточно быстро по историческим меркам обрели академическое влияние. Группа исследователей, объединенная проектом Германского исторического института в Москве под названием «Ubi Universitas, ibi Europa», внесла существенный вклад в понимание логики и особенностей периода организации и становления системы университетов Российской империи в первой половине XIX в.⁵² Сравнительно-исторические штудии этой исследовательской группы позволили определить источники трансфера в Россию и формы усвоения европейского опыта, который извлекался из наиболее эффективной для Нового времени модели немецкого классического университета. Исследователи приходят к выводу, что на протяжении первой четверти XIX в. российский университет, несмотря на государственное покровительство и всеобъемлющее регулирование, был наделен и широкой автономией, однако, малочисленная, пестрая и несамостоятельная корпорация профессоров не пыталась ею воспользоваться. Такой элемент автономии как университетский суд

⁵¹ Уваров П.Ю. 1) Университеты и идея европейской общности // Европейский альманах. История. Традиции. Культура. М.: Наука, 1993. С. 115–123; 2) Университеты Российской империи глазами медиевиста (в защиту «идола исток») // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 7. М., 2001. С. 207–223.

⁵² См.: Андреев А.Ю. 1) О «новом прочтении» истории российских университетов // Высшее образование в России. 2009. №3. С. 149–159; 2) Российские университеты XVIII – первой половины XIX в. в контексте университетской истории Европы. М., 2009; 3) Проблемы рецепции «гумбольдтовского» университета в России в ее прошлом и настоящем // Гумбольдтовские чтения: матер. междунар. науч. конф. М.: РГГУ, 2010. С. 146–157; «Быть русским по духу и европейцем по образованию»: Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII – начало XX в.: Сб. статей. / Отв. сост. А.Ю. Андреев. М., 2009; Университетская идея в Российской империи XVIII – начала XX веков: антология: учебное пособие для вузов. Сост.: А.Ю. Андреев, С.И. Посохов. М.: РОССПЭН, 2011.

оставался почти не востребованным. На положении студентов дарованная «сверху» автономия, видимо, никак не отражалась. Столь противоречивая конструкция университета, узаконенная университетскими уставами начала XIX в., не способствовала оформлению и проявлению корпоративной самостоятельности профессоров и была фактически разрушена в ходе репрессивных и антипросветительских акций правительства в начале 1820-х гг. Обременение немецкой модели университетской организации российским опытом администрирования и социального конструирования «сверху», маргинальное положение российского университета в системе социальных лифтов, в конечном счете, определили его полную зависимость от министерской политики. Это надолго зафиксировало патерналистский тип взаимоотношений в самой академической среде, в том числе в отношениях профессоров и университетской администрации к студентам⁵³. При этом стоит отметить, что выводы исследователей об особенностях национальной модели (или нескольких сосуществовавших моделей) университетской организации в России на начальном этапе развития системы университетов строятся в основном на материалах Московского, Казанского, Харьковского университетов, а документы по истории Санкт-Петербургского университета остаются в работах представителей этого направления практически не используемыми.

Обширный материал для сравнительных наблюдений дает новейшая литература по истории академических сообществ пореформенного Санкт-Петербургского университета. В работах сотрудников Центра истории Санкт-Петербургского университета, существующего в СПбГУ с 2011 г., детально разработана историко-биографическая, историко-административная, историко-социологическая составляющие летописи академических сообществ столичного университета,

⁵³ Андреев А.Ю. Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы... С. 463–496.

вписанные в хронологические рамки 1880–1910-х гг.⁵⁴ Кроме того, исследованы национальные, общественно-литературные, региональные и иные неполитические студенческие объединения последней трети XIX – начала XX в.⁵⁵ Некоторые из них имели прообразы еще в дореформенном университете. Точно так же процессы консолидации студенческого сообщества столичного университета, как и его профессорской корпорации, которые, как показано исследователями, завершились в 1890–1900-х гг. в борьбе с властью за университетскую автономию, имели свои истоки в предыдущие десятилетия. Первый опыт коллективных социальных действий петербургское студенчество и поддерживавшие его молодые профессора получили, как известно, в событиях 1861 г., о чем пойдет речь в последней главе нашей книги.

История становления университетского образования и университетских сообществ в России изучается не только в отечественной, но и в зарубежной исторической науке. Так, в работе Дж. Флинна, посвященной университетской реформе Александра I, подчеркнута важность преобразований Дерптского университета 1802–1803 гг. для разработки университетского

⁵⁴ Ростовцев Е.А. 1) Революционные коммеморации в Петербургском университете на рубеже XIX–XX вв. // Клио. Журнал для ученых. 2011. №4 (54). С. 89–99; 2) Российские мандарины. Столичная профессура, студенчество и власть в начале XX века // Родина. 2010. Спецвыпуск. Образование в России: вчера, сегодня, завтра. С. 47–52; 3) Столичный университет в фокусе министерской политики (1884–1890) // Клио. Журнал для ученых. 2013. №10 (82). С. 5–64; 4) Университет столичного города (1905–1917) // Университет и город в России (начало XX века) / Под ред. Т. Маурер и А. Дмитриева. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 205–370; Rostovtsev E.A. The Poles In The Academic Corporation Of Saint-Petersburg Imperial University // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2014. №2. С. 194–204; Ростовцев Е.А. Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.) М.: РОССПЭН, 2017. См. также: Ростовцев Е.А., Баринов Д.А. Историко-филологический факультет Петербургского университета: проблемы коллективной биографии (1819–1917) // Клио. Журнал для ученых. 2013. №10 (82). С. 36–41 и др.

⁵⁵ Баринов Д.А. 1) Коллективная биография студенчества Санкт-Петербургского университета 1884–1917 гг.: статистический анализ // Клио. Журнал для ученых. 2013. №10. С. 42–48; 2) Этноконфессиональные и региональные организации студенчества Санкт-Петербургского университета. 1884–1917. Дис... канд. ист. наук. СПб., 2015.

устава 1804 г., который в конечном итоге определил рамки деятельности и для столичного университета⁵⁶. Вопросы правовой и социальной организации студенчества рубежа XIX–XX вв. стали предметом исследования американского историка С. Кассоу⁵⁷. Автор рассматривает студенчество в качестве особой корпорации, затрагивая повседневные стороны жизни студентов. Необходимо упомянуть и монографию американской исследовательницы Цинтии Виттекер, опубликованную в США еще в 1984 г., а в 1999 г. вышедшую и в русском переводе⁵⁸. Анализируя деятельность С.С. Уварова на посту министра народного просвещения, автор затрагивает вопросы правовой регламентации студенческой жизни, а также проблемы сословного регулирования состава студентов, что стало последовательной стратегией министерства С.С. Уварова (1833–1849 гг.).

Тему о массовом присутствии в составе студентов столичного университета польской молодежи впервые поднял Витольд Слотвиньский⁵⁹. В монографии и статьях польского исследователя Францишека Новиньского 1980–1990-х гг. на архивном материале было обстоятельно изучено сообщество студентов-поляков, бывшее одной из основных этноконфессиональных групп в составе учащихся Петербургского университета в 1830–1850-е гг.⁶⁰ Польская студенческая среда представлена автором на фоне изменений в польской политике Николая I и нового курса на деполонизацию Западного края. Много внимания уделяет Ф. Новиньский общественно-поли-

⁵⁶ Flynn J.T. The university reform of Tsar Alexander I, 1802–1835. Washington, 1988.

⁵⁷ Kassov S.D. Students, Professors and the State in Tsarist Russia. Berkeley, 1989.

⁵⁸ Виттекер Ц.Х. Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб., 1999.

⁵⁹ Слотвиньский В. Польские студенты в Петербургском университете в 30–40-х гг. XIX в. // Петербургский университет и революционное движение в России. Л., 1979. С. 117–124. См. также: Марголис Ю.Д. Студенты – поляки Петербургского университета 40–60-х годов XIX в. // Польские профессора и студенты в университетах России в конце XIX – начале XX века. Варшава, 1995. С. С. 132–145; Дьяков В.А. Польские студенческие организации 30–60-х годов XIX века в российских университетах // Там же. С. 20–28; Марахов Г.И. Поляки в Киевском университете (1834–1864) // Там же. С. 180–187; Sliwowska W. Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim w pierwszej połowie XIX wieku. Warszawa, 1998.

⁶⁰ Nowiński F. Polacy na Uniwersytecie Petersburskim w latach 1832–1884. Wrocław, 1986.

тической деятельности польских студентов, их отношениям с профессорами-поляками, также исследуются связи петербургских студентов-поляков с подпольными организациями в Царстве Польском. Представлены условия формирования польского сообщества студентов, его взаимодействие с польской диаспорой Петербурга, русскими студентами, а также формы публичности, в которых студенты-поляки могли себя выразить. Гораздо хуже освещено в литературе положение в университете и повседневная жизнь других национальных студенческих сообществ – немцев, кавказцев, малороссов.

Проблемам социальной истории российских университетов посвящены работы профессора Гёттинггенского университета Труде Маурер⁶¹, в которых автор, изучая процесс становления профессорской корпорации в России XIX в., обратила внимание на несоответствие норм университетского законодательства и реальных условий деятельности профессоров. Национальные особенности немецкой модели научных отношений, по мнению Т. Маурер, оказывали как прямое, так и опосредованное влияние на ученую среду в России, которое автор однако не склонна преувеличивать.

В монографии Ребекки Фридман основное внимание уделяется социальной истории российских университетов: дисциплинарным нормам существования студенческих корпораций, традициям студенческой жизни, выработке неписаных поведенческих моделей, взаимоотношениям студентов между собой, а также их социальным связям в обществе⁶².

В целом, на фоне широкого интереса к истории университетов Западной и Центральной Европы и экспорту модели «гум-

⁶¹ Маурер Т. Новый подход к социальной истории университета: коллективная биография профессоров // Из истории русской интеллигенции. Сб.ст. к 100-летию со дня рождения В.Р. Лейкиной-Свирской. СПб., 2003. С. 273–302; Университет и город в России (начало XX века) / Под ред. Т. Маурер и А. Дмитриева. М., 2009; Маурер Т. «Барометры» или «маяки» общества? Избранные статьи по социальной истории русских и немецких университетов». М.: РОССПЭН, 2015.

⁶² Friedman R. Masculinity, Autocracy and the Russian University. 1804–1863. L.-Berkeley, 2005.

больдтовского» классического университета⁶³ особенности организации российских университетов, их социальная история и, следовательно, особенности национальной модели «университета для России» в существующей литературе все еще не получили исчерпывающего отражения. Наименее изученным остается дореформенный период, когда специфика молодых российских университетов была особенно заметна. Анализ состояния отечественной и зарубежной историографии показывает, что история студенчества в дореформенный период нуждается в дальнейшем изучении с привлечением материалов ведомственных и университетских архивов. Только таким образом можно представить дистанцию между нормативными рамками функционирования системы университетского образования и реальными академическими и социальными условиями обучения. Обращение к архивам столичного университета позволяет показать его формирующуюся специфику в системе университетов империи – как центра подготовки образованных чиновников, в том числе предназначенных для педагогической службы и занятий наукой.

Существенный толчок для современного социально-исторического описания корпоративной культуры российских университетов дает новая социология. Теоретические основания современных подходов к границам социального и к возможности ретроспективного описания социального пространства, отношений социальных групп и сообществ через описание выработанных ими поведенческих моделей, социальных предрасположенностей, «корпоративного духа» или «габитуса», – мы находим в работах Пьера Бурдьё, посвященных социологии знания, социальному пространству деятельности научных сообществ, их коммуникативным

⁶³ Humboldt International. Der Export des deutschen Universitätsmodells im 19 und 20. Jahrhundert/ Hrsg. Von R.C. Schwinges. Basel, 2001; Geschichte der Universität in Europa (hrsg. Von W. Rüegg) Bd.3 Vom 19. Jahrhundert zum Zweiten Weltkrieg (1800–1945). München, 2004.

стратегиям и типам самопрезентации⁶⁴. Подходы и методы новой социологии и социальной истории могут быть эффективно применены и уже применяются⁶⁵ на конкретно-историческом материале благодаря полноте и разнообразию университетских архивов, отражающих все направления деятельности университета. Университетские архивы и комплексы опубликованных источников предоставляют историку университета обширные возможности исследовать социальный облик и повседневные практики петербургского студенчества, особенности его самоидентификации и этапы формирования студенческой корпоративности.

⁶⁴ См.: Бурдьё П. 1) Начала. Часть 1: Маршрут. М.: Socio-Logos, 1994; 2) Социология социального пространства / Пер. с франц., отв. ред. перевода Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2007; 3) Социальное пространство и генезис классов // Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993; 4) Университетская докса и творчество // Sociologos '96. М.: Socio-Logos, 1996; Bourdieu P. Homo academicus. Trans. by Peter Collier. Stanford: Stanford University Press, 1988.

⁶⁵ Запорожец О.А. Навигатор по карте историко-социологических исследований университета // Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов. Коллект. моногр. М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2013. С. 21–58.

ГЛАВА 2

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ СТУДЕНЧЕСТВА. УНИВЕРСИТЕТСКИЕ АРХИВЫ

Реконструкция социального облика студенчества столичного университета как особой группы внутри академического сообщества российских университетов стала возможной на основе привлечения и анализа широкого круга как опубликованных, так и неопубликованных источников, относящихся к дореформенному времени. Нами использованы источники четырех видов:

- 1) законодательные документы,
- 2) материалы университетского делопроизводства,
- 3) периодическая печать,
- 4) источники личного происхождения.

К первой группе относятся *законодательные и подзаконные акты*⁶⁶, а также *ведомственные распоряжения и циркуляры*⁶⁷. Данные комплексы положены в основу исследования правовой регламентации жизни университета и студенческого сообщества. С одной стороны, эти документы определяли общее направление образовательной политики правительства, а с другой – довольно подробно регламентировали различные стороны жизни универсанта.

Из общего массива законодательных документов необходимо выделить как наиболее важные университетские уставы 1804 и 1835 гг., Положение о педагогическом институте (1804), устав Главного педагогического института (1816). Как известно, университетскими уставами регулировалась вся дея-

⁶⁶ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т.1: Царствование Александра I. 1802–1825. Т. 1. СПб., 1864; Т. 2: Царствование императора Николая I, 1825–1855. Ч. 1–2. СПб., 1864; Т. 3: Царствование императора Александра II, 1855–1864. СПб., 1865.

⁶⁷ Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 1–2. СПб., 1866.

тельность университетов. В уставах закреплены отношения, складывавшиеся между правительством и университетским сообществом, определена структура университета, степень вмешательства властей в университетскую жизнь. Основное внимание составителей уставов 1804 г. было направлено на формулирование общих целей университетского образования. Численность студентов в начальный период существования университетов была невелика, вероятно, поэтому в первых университетских уставах студентам отводилось мало места. В уставе 1804 г. главы X и XI, посвященные студентам, содержат всего 12 параграфов, регламентирующих их поступление в университет, порядок обучения и лицензирование окончивших курс⁶⁸. Такие вопросы, как регулирование сословного состава и численности студентов, источники их рекрутирования, требования к поступающим в университет, а также особенности организации режима обучения, нравственного и дисциплинарного надзора за учащимися, – оговаривались в законодательных и подзаконных актах, принятых в последующие годы, по мере обобщения опыта деятельности молодых российских университетов.

Изучение правового положения учащихся невозможно без привлечения министерских распоряжений и циркуляров. Эти документы не требовали высочайшего утверждения и регламентировали организационно-правовые формы студенческой жизни более детально, чем документы общего характера.

Необходимость в уточнении правовых границ студенческой свободы и в усилении дисциплинарного и полицейского надзора возникла в николаевское царствование, когда студенчество стало превращаться в активную социальную группу. В 1830-х гг. были изменены требования к университетской инспекции, кроме инспектора студентов были введены должности субинспекторов. В каждом университете с интервалом в несколько лет издавались и переиздавались «Правила для сту-

⁶⁸ Сборник постановлений ... Т. 1. Стб. 286–287.

дентов», обязательные к исполнению и детально регламентирующие не только учебную активность, но и внеучебное время студента, его финансовые отношения с университетом. Последний источник занимает промежуточное положение между ведомственными распоряжениями и внутренним университетским делопроизводством. Правила для студентов, как и инструкции инспекторам студентов, печатались отдельными брошюрами, а впоследствии были включены в ведомственные «Сборники постановлений по Министерству народного просвещения». Исследователи отмечают, что министерство, как правило, заказывало изготовление таких текстов самим университетам, оставляя за собой право их редакции.

Все перечисленные официальные документы задавали общие параметры положения студентов в университетах, на практике же условия и рамки студенческой жизни значительно варьировались и были неодинаковы в разных университетах. Поэтому необходимой основой корпуса источников, на которых строится исследование истории студенчества, являются делопроизводственные документы, отражающие специфику конкретного университета. Материалами, непосредственно отражающими процесс применения законодательных норм и правил к конкретным ситуациям, возникающим в повседневной жизни университетов, являются документы Департамента народного просвещения (ф. 733) и канцелярии министра народного просвещения (ф. 735), хранящиеся в фондах Российского государственного исторического архива (далее – РГИА). Делопроизводственные материалы по деятельности университетов, сгруппированные по учебным округам, также находятся в фонде Департамента народного просвещения. Внутри этого фонда можно насчитать порядка 3 тысяч дел, имеющих непосредственное отношение к Петербургскому университету за рассматриваемый период. Они включены в описи 20–27, а также встречаются в описях 86–91 (общие дела Департамента), 95 (отчеты по учебным округам) и др. Это прежде всего отчеты уни-

верситетского Совета, Правления, представления попечителя Петербургского учебного округа, требовавшие рассмотрения и утверждения министра народного просвещения. Они касались как организации учебного процесса, так и кадровых вопросов и регламентации внеаудиторной жизни студентов. Кроме того, в Департамент поступали предписания министра и документы его канцелярии с министерской резолюцией. Большой интерес представляет также переписка попечителей учебных округов и министров по так называемым «студенческим делам», отражавшим основные административные, дисциплинарные и социальные конфликты вокруг процесса обучения. Многие из этих дел становились основанием для корректировки университетского законодательства, а казусы, находящиеся в них отражение, становились прецедентными.

Канцелярия министра народного просвещения (РГИА, ф. 735) была создана 20 января 1825 г. при назначении министром А.С. Шишкова и очередной реорганизации министерства – для ведения секретной и личной переписки министра, исполнения его поручений и принятия решений по наиболее важным и неотложным вопросам, требовавшим распоряжения министра. Хранящиеся в этом фонде прошения, донесения, отношения, представления попечителя столичного округа, администрации университета, представителей внешних ведомств и отдельных лиц дают важную информацию об утверждении правовых норм студенческой жизни, о выдаче денежного содержания студентам, о студенческих «проступках», о практиках зачисления, обучения и исключения студентов из университетов, о рамках полицейского надзора, формах надзора и о репрессиях против студентов, подозреваемых в политической «неблагонадежности». Последние из упомянутых документов откладывались в особом секретном отделе канцелярии министра (ф. 735, оп. 10). Здесь же находятся дела о надзоре за студентами-поляками, дела о так называемых «тайных обществах» в университетах, за которыми в 1830–1840-х гг. обычно стояли традиционные корпоративные объеди-

нения студентов. В Секретный отдел канцелярии министра попадали дела не только о политической благонадежности, но и о нравственном облике петербургских студентов, решаемые в сотрудничестве с городской полицией и III отделением. Это дела об изъятии у студентов сомнительных книг, к которым были отнесены не только запрещенные в России политические сочинения, но и, например, романы маркиза де Сада, документы о наблюдении за поведением студентов в театрах, гостиницах, трактирах, публичных домах, а также дела об оскорблении ими женщин, о подозрительных посетителях студенческих «номеров» и квартир, об уличных конфликтах с участием студентов.

К данному комплексу политических дел примыкают документы Секретного архива III отделения, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ, ф. 109). Архив политической полиции содержит сравнительно немного дел за вторую половину 1820-х – 1830-е гг., фигурантами которых являются студенты или профессора Петербургского университета. В сравнении с Московским университетом, где в 1825–1832 гг. преследовались «эпигоны декабристов» или Киевским, закрытым в 1839 г. в связи с активизацией «польских эмиссаров», столичный университет долго не обнаруживал зараженности «крамолой» или наличия запрещенных «тайных обществ». Первым в этом ряду, если не считать единичных упоминаний универсантов в коллекции столичных слухов и собраниях доносов, является многотомное дело «петрашевцев» (1849), в которое было вовлечено более 20 выпускников и студентов столичного университета⁶⁹. Оно включает донесения агента МВД И.П. Липранди, переписку об организации военно-судной комиссии, доклад министра внутренних дел Николаю I о составе и содержании документов, отобранных у «петрашевцев», характеристики начальников учебных заведений на отдельных фигурантов дела. Во время следствия от ректора Петербургского университета также были затребованы сведения о членах кружка,

⁶⁹ ГАРФ. Ф. 109 (Секретный архив III отд.) Оп. 1а. Дд. 64–67.

учившихся в университете – А.Д. Толстове, А.В. Ханькове, В.П. Катеневе и др.⁷⁰ В ходе следствия кружок М.В. Буташевича-Петрашевского не был признан конспирацией, имеющей отношение к университету, и таким образом на университет не возлагалась ответственность за это сообщество.

В 1858–1861 гг. нарастает поток дел о студенческих протестах в отношении режима обучения (студенческих «обструкциях» неугодных профессоров и администраторов), а также о дисциплинарных нарушениях и уличной активности. Правительство определяло все эти формы активности как «буйства», в том числе так определялись имевшие место столкновения студентов с полицией и городскими обывателями, в которых усматривалась политическая подоплека. Этот комплекс гораздо лучше сохранился в составе Секретной канцелярии министра народного просвещения, нежели в архивах III отделения.

Особняком стоит блок дел о волнениях в Петербургском университете в 1861 г., о закрытии университета, об установлении режима его консервации, о разборе персональных дел студентов разных курсов, замешанных в волнениях, о надзоре за студентами, высланными под надзор полиции или под «домашний надзор», о переводе их в другие университеты или о сдаче экзаменов для тех, кому высочайше разрешено было окончить обучение. В РГИА в фонде Совета министров (1275) отложились дела, свидетельствующие об этапах обсуждения вопроса о полном или частичном открытии университета, о поддержании корпорации в режиме частичной занятости с конца 1861 до начала 1863 г., о разрешении чтения публичных курсов некоторым профессорам и о посещении их петербуржцами.

Из всего массива ведомственной документации, имеющей отношение к Санкт-Петербургскому университету, следует особо выделить университетские отчеты (ф. 733, оп. 95), сгруппированные наряду с отчетами по другим учебным округам и университетам. Их информативные возможности и особен-

⁷⁰ См.: РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Д. 223: О студенте СПУ Алексее Толстове, обвиняемом в произнесении слов о произошедшем в Москве бунте и в дерзких и оскорбительных выражениях на счет императорской фамилии.

ности использования требуют отдельных комментариев. Дело в том, что с конца 1830-х гг. отчеты отчасти дублировались в ежегодно издававшемся «Годичном торжественном акте Императорского Санкт-Петербургского университета», но представляли собой более развернутую его редакцию⁷¹.

Как правило, отчет университета составлялся по данным календарного года и в начале декабря подавался ректором через попечителя учебного округа на рассмотрение министру. Университетский отчет состоял из трех глав. В первой («Состав университета») сообщались сведения о числе факультетов и отделений, количестве преподавателей, студентов и слушателей. Во второй, наиболее объемной части («Действия и сношения университета») сообщалось о числе учащихся, поступивших и выпущенных из университета за истекший год, о дисциплинарных мерах по отношению к учащимся «дурного поведения» с перечислением наложенных взысканий. Тут же приводились сведения о каждом студенте, оставленном в университете для подготовки магистерской диссертации или отправленном за границу для подготовки к профессуре. В эту часть отчета вносились сведения обо всех высочайших резолюциях по студенческим делам. В этой же главе приводились сведения об учебных пособиях, изданных университетом, сюда же включался отчет по хозяйственной части. Третья глава отчета («Особые происшествия») заключала в себе описание августейших и начальственных посещений университета, торжественных актов.

Данная форма впервые была использована в отчете университета за 1834 г.⁷² В отчетах, составленных в более ранние годы⁷³, некоторые из перечисленных структурных частей отчета отсутствуют. Впервые же отчет как связное «Обозрение со-

⁷¹ Впервые данные университетских отчетов публикуются в 1841 г., в виде «Краткого отчета о состоянии Императорского Санкт-Петербургского университета в течение первого четырехлетия с 1836–1840 гг., составленного орд. проф. Шульгиным» (СПб., 1841). Отдельные данные из отчетов встречаются в виде нерегулярных сообщений для публики, помещенных в «Журнале Министерства народного просвещения».

⁷² РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 87: Отчет университета за 1834 г.

⁷³ РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 315: По отчетам о состоянии Санкт-Петербургского университета и его округа с 1803 по 1829 гг. (л.253–274 об.)

стояния Императорского С.-Петербургского университета и его округа по хозяйственной и учебной части» был представлен в 1826 г. от имени ректора А.А. Дегурова и сохранился в фонде Главного правления училищ (ф. 732)⁷⁴. Попечитель столичного учебного округа К.М. Бороздин, только что вступивший в должность на смену отставленному Д.П. Руничу, представляя этот отчет министру, оправдывался, что не мог составить его более обстоятельно, «за краткостью времени и по поспешности, с которой требуется доставление отчетов, ... особенно же относительно перемен, бывших в университете прежде моего еще вступления в должность попечителя»⁷⁵. Отчет 1826 г. представляет собой настоящую развернутую историческую записку о состоянии столичного университета за несколько лет, с 1819 г. Одновременно этот документ можно рассматривать и как попытку самозащиты университета перед новым начальством с переложением всей вины за очевидный «упадок» университета за истекшие годы на отставленного попечителя Д.П. Рунича, его административные прожекты и авантюры.

Университетские отчеты, отложившиеся в фонде Департамента народного просвещения, обладают большим информационно-статистическим потенциалом. В исследовательской литературе уже отмечалось, что огромную ценность для исследователя представляют приложения к отчетам, которые содержат именные списки учащихся в Санкт-Петербургском университете за конкретный год, с указанием возраста, сословного происхождения, курса, успехов и учебного заведения, в котором данный студент обучался до поступления в университет. В приложении к отчетам также помещались списки лиц, удостоенных ученых степеней кандидата и магистра, с указанием факультета, отделения, сословного происхождения, а также того, к числу своекоштных или казеннокоштных студентов принадлежал соискатель ученого достоинства⁷⁶.

⁷⁴ РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 315: По отчетам о состоянии Санкт-Петербургского университета и его округа с 1803 по 1829 гг. (л. 253–274 об.).

⁷⁵ Там же. Л. 248.

⁷⁶ Булгакова Л.А. Отчеты попечителей по учебным округам и университетам как исторический источник // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. X. Л., 1978. С. 247.

Представляется, что упорядочение и детализация статистики окончивших и получивших ученые степени студентов связана с изменением правительственного курса в образовательной политике, начавшегося при А.С. Шишкове и завершившегося при С.С. Уварове. Этот курс выразился в активном насаждении сословного принципа в системе образования. Косвенным подтверждением этого могут служить пометы, оставленные на отчетах министром народного просвещения С.С. Уваровым, по которым видно, что наибольший интерес для министра представляли сведения о сословном составе учащихся Санкт-Петербургского университета.

До середины 1820-х гг. отчеты составлялись нерегулярно, отсутствовала единая структура документа, вследствие чего сведения о деятельности университета за ранний период остаются фрагментарными. Следует сказать, что мы не стремились верифицировать с безусловной точностью персональные данные студентов по отчетам. В нашу задачу входит определение численности различных социальных групп внутри студенческого сообщества, особенностей возрастного, сословного, национального состава, а также выявление динамики по указанным критериям на протяжении 1820–1850-х гг. Причем о национальном составе студентов мы можем судить лишь опосредованно, на основании попадающих в университетское делопроизводство данных о вероисповедании студентов, дополненных сведениями о месте их жительства до поступления в университет, о сословной принадлежности или роде занятий родителей и т. п.

Делопроизводственные документы Петербургского университета за рассматриваемый период отложились также в фондах Центрального государственного исторического архива г. Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб.): в фонде 13 (Главный педагогический институт), где отложились дела с 1803 по 1820 гг., не считая делопроизводства второго Главного педагогического института (1828–1859); в фонде 14 (Петроградский универси-

тет), в фонде 139 (Канцелярия попечителя Петербургского учебного округа). Здесь представлена переписка попечителей столичного учебного округа с ректорами университета и инспекторами по студенческим вопросам, а также дела университетского Совета и Правления. Среди дел Совета (до 1821 г. называвшегося Конференцией профессоров) наиболее интересны журналы заседаний и мемории, отражавшие не только процесс обсуждения в Совете распоряжений попечителя округа, но и особые мнения профессоров, в том числе по наиболее важным студенческим делам. В оп. 3 ф. 14 ЦГИА СПб. представлены протоколы заседаний советов факультетов за 1830–1860-е гг. Журналы факультетских собраний более раннего времени не сохранились или же не велись регулярно. В этих журналах отражается картина академической жизни: учебные планы по факультетам, программы курсов, расписания лекций с указанием имен профессоров и посещающих студентов, сведения о перенесении преподавания отдельных предметов с одних факультетов и разрядов наук на другие. В протоколах факультетских советов сохранились развернутые предложения и записки профессоров-предметников о совершенствовании преподавания отдельных курсов, с историческими обзорами развития наук в университете, а также отражена скрытая борьба корпорации в конце 1840-х гг. против изъятия общественных дисциплин (философии, статистики, экономики) из преподавания.

В делах университетского и факультетских советов отражены отношения профессорской корпорации и студентов. Через Совет окончившим студентам объявлялись вакансии в других университетах и учебных округах, обеспечивалось их заполнение, осуществлялось отправление студентов «в чужие края» для подготовки к профессорскому званию и контроль за их занятиями в Европе, давалось разрешение уходить на «кондиции», т. е. давать уроки в частных домах, допускалось занятие вакансий канцеляристов и помощников библиотекаря в самом университете. В делах Совета присутствуют копии ат-

тестатов, выданных университетом выпускникам разных лет и списки окончивших студентов. Представлены также еженедельные отчеты инспекторов о происшествиях, поведении студентов, их здоровье и нарушениях распорядка.

Основная масса дел о студентах проходила через университетское Правление (ф. 14, оп. 3, ч. 1, 2, 3, 4). Это обычные текущие дела о допущении разных лиц к поступлению в число студентов или вольнослушателей, об освобождении из подушного оклада, о переводе на казенное содержание, об оставлении при университете, о присвоении степеней действительных студентов, кандидатов, магистров, а также дела о студенческих миграциях между университетами, о незначительных студенческих «проступках» и взысканиях по ним. Здесь встречаются дела о болезни и смерти казенных студентов, рисующие бытовые реалии их проживания, питания, гигиены, лечения.

Особо следует выделить отчеты инспекторов о поведении воспитанников, в которых помимо изложения проступков студентов представлены характеристики универсантов, оценки их поведения, характера, круга знакомств, т. е. представлен круг социальных связей и модели поведения студентов разных поколений. Такие еженедельные отчеты за 1804–1816 гг. включены в опись дел Педагогического института (ЦГИА СПб. ф. 13), встречаются они и в составе дел Совета основного фонда Петербургского университета (ЦГИА СПб., ф. 14, оп. 1, 2).

Содержательны текущие хозяйственные документы: журналы Хозяйственного комитета 1819–1821 гг. и дела принявшего его функции университетского Правления. Последнее вело переписку с попечителем округа по самым разным вопросам: об увольнении окончивших казенных студентов и обеспечении их прогонными деньгами к месту службы, о смерти и выдаче денег на погребение, о ремонтах в зданиях университета, изготовлении приборов и мебели для кабинетов и библиотеки. Правление вело дела о выплате стипендий и внеочередных сумм, о получении платы со студентов за обучение, а также о финансовых дол-

гах студентов, которые университет компенсировал заемщикам из своих экономических сумм.

Написание истории университетской корпорации невозможно без систематического изучения огромного университетского архива в ЦГИА СПб. (ф. 13, 14) и фонда Канцелярии попечителя столичного учебного округа (ф. 139). В совокупности делопроизводство, имеющее отношение к дореформенному периоду деятельности университета, составляет более 15 тыс. единиц хранения. Причем многие ситуации отраженные в архивных делах, решение по которым не требовало обращения к министру народного просвещения или в Главное правление училищ (совещательный орган при министерстве), не дублируются в документах министерского делопроизводства, таким образом, информация, содержащаяся в них, по сути, уникальна. Таковы, например, документы о распределении казенных выпускников на учительские места, прошения отдельных студентов о зачислении в университет, переводе или увольнении из университета, ведомости о проведении испытаний студентов, развернутые внутриуниверситетские расследования дисциплинарных нарушений. Изучение этих документов, касающихся регламентации учебной повседневности, позволяет оценить степень отступлений от требований законодательства, допускавшихся на практике.

В отдельные описи сгруппированы кандидатские сочинения выпускников разных факультетов, которые достаточно хорошо сохранились начиная с 1840 г. (ЦГИА СПб., ф. 14, оп. 8–11), и позволяют представить, как уровень преподавания различных дисциплин и изменение границ наук, так и методику выполнения научной работы студентами под руководством профессоров.

В распоряжении исследователя имеются небольшие по объему личные дела студентов начиная со второй половины 1850-х гг. (ЦГИА СПб., ф. 14, оп. 5, 7). Можно полагать, что сохранилась основная масса дел студентов, выбывших из универ-

ситета в 1855–1862 гг., включая тех, кто держал итоговые экзамены или был исключен уже после его официального закрытия в декабре 1861 г. Сохранилось 170 личных дел на студентов, окончивших университет в 1855 г., 225 дел на окончивших в 1856 г., 370 дел на окончивших в 1858 г., 321 дело на окончивших в 1859 г., 444 дела на окончивших в 1860 г., 466 дел на окончивших в 1861 г. 292 студенческих дела были закрыты в 1862 г., когда университет не действовал, и 224 дела – в 1863 г.

В отличие от университетских отчетов, позволяющих получить уже систематизированные данные о количественных и качественных характеристиках студенческого сообщества в разные периоды, основная масса делопроизводственных документов состоит из дел о «происшествиях» (казуальных дел). Такого рода дела являются весьма информативными для изучения университетской повседневности: возникновения конфликтных ситуаций в дореформенном университете и механизмов их разрешения. Они позволяют представить границы правовых и поведенческих норм и девиаций в сознании администраторов просвещения, профессоров университета и самих студентов. Кроме того, казуальные дела дают представление об отношениях студентов с профессорской корпорацией, инспекцией, городским окружением, отражают индивидуальные характеры и отдельные академические и жизненные траектории. Ценность данных дел заключается в том, что именно по ним удастся проследить применение законодательных норм в конкретных обстоятельствах, выявить закономерности разрешения конфликтных ситуаций в разные периоды.

Особо следует выделить дела, включающие отчеты инспекторов о поведении студентов, в которых помимо изложения их проступков представлены их персональные характеристики, оценки их поведения, характера, способностей, успехов, круга знакомств. Отметим, что для изучения университетской повседневности сохранившиеся документы первой трети XIX в. оказываются более содержательными, чем документы второй

половины 1830-х – 1850-х гг. Первые составлены более свободным, неформализованным языком, содержат много дополнительной информации, не предусмотренной непосредственно целью составления документа. Это объясняется тем, что до начала административных реформ Николая I, включавших и реформу делопроизводства, университетские канцеляристы и профессора, участвовавшие в рассмотрении конфликтов и составлении рапортов о них, не были обременены большим потоком бумаг, что позволяло им тщательно оформлять дела и более свободно и подробно излагать свое представление об университетских «казусах». С другой стороны, такие дела требовали для вынесения решения не только детального знания университетского законодательства, но и информации относительно решений подобных происшествий в других университетах, которые рассматривались в качестве прецедентных. Поэтому в дело вкладывали все документы, имеющие к нему какое-либо отношение, включая выписки из законов и подзаконных актов, которыми руководствовались администраторы университета при принятии того или иного решения. Изменения практик делопроизводства по студенческим делам в целом соответствует представлениям об эволюции языка ведомственной переписки и коммуникации между «ученым сословием» и министерскими чиновниками, в связи с общей реформой делопроизводства 1830-х годов.⁷⁷

Здесь важно сказать, что мы подходим к университетскому архиву как единому комплексу документов, независимо от местонахождения его частей, учитывая непростую собственную историю этого архива, отразившего все этапы нелинейной истории Санкт-Петербургского университета⁷⁸.

⁷⁷ См.: *Ильина К.А.* Делопроизводственная документация как источник изучения практик управления российскими университетами первой половины XIX века. Автореф. дис... канд. ист. наук. Казань, 2011.

⁷⁸ Подробнее о концепции единства университетского архива, рассматривающей делопроизводственные комплексы Педагогического института, Главного педагогического института до 1819 г. и Петербургского университета после 1819 г. как нераздельные, см.: *Жуковская Т.Н.* Архив Педагогического института в Санкт-Петербурге (1804–1819)...

Материалы делопроизводства Петербургского университета до сих пор публиковались лишь эпизодически. Наиболее объемная их публикация состоялась в 1919 г. к 100-летию университета под общей редакцией С.В. Рождественского. Однако публикаторы успели выбрать и прокомментировать лишь наиболее интересные материалы истории университета, охватывающие время между 1819 и 1832–1833 гг. Этот амбициозный издательский проект, начатый в предреволюционные годы, в условиях Гражданской войны так и не был завершен⁷⁹. В данном томе документально проиллюстрированы несколько сюжетов ранней истории Петербургского университета: принятие утвердительных документов о его преобразовании из Главного педагогического института в феврале 1819 г., обсуждение проекта университетского устава, составленного С.С. Уваровым, подробная хроника «дела профессоров» 1821–1822 гг., которое мало касалось студентов, и собственно характеризующие персональный состав студентов этого переходного периода их списки с показанием их успехов в разных предметах и поведения. Еще одна подборка документов, представленная в этом издании, освещает план и организацию стажировок универсантов в Дерптском профессорском институте, а также практическую подготовку студентов-правоведов во II отделении СЕИВК.

Сведения о персональном составе студентов Петербургского университета обобщались уже его первыми историками – А.С. Вороновым и В.В. Григорьевым. Правда, списки студентов, помещенные в приложениях к трудам А.С. Воронова и В.В. Григорьева, несколько различаются. При этом авторы по-разному группировали статистические материалы. А.С. Воронов обобщал сведения обо всех студентах, окончивших университет со степенью кандидата и в звании действительного студента. У В.В. Григорьева списки студентов сгруппированы по факульте-

⁷⁹ С.-Петербургский университет в первое столетие его деятельности. 1819–1919. Материалы по истории С.-Петербургского университета. Т.1. 1819–1835. / Под ред. С.В. Рождественского. Собр. и изд. И.Л. Маяковский и А.С. Николаев. Пг., 1919.

там. По нашим наблюдениям, расхождение данных о выпускниках у двух авторов незначительно и варьируется от 2 до 5 имен в разные годы, что может быть объяснено тем, что некоторые из студентов, получившие звание действительного студента при выпуске, через год-два все же добивались степени кандидата. Так, например, согласно списку А.С. Воронова, за 1847 г. 5 студентов, окончивших в этом году обучение в звании действительного студента, в 1848 г. получили степень кандидата. В таких случаях В.В. Григорьев, как правило, не воспроизводил фамилии учащегося дважды, а приводил только сведения о получении им степени кандидата. В.В. Григорьев дает несколько бóльшие итоговые цифры окончивших Санкт-Петербургский университет за 1823–1863 гг., нежели А.С. Воронов. Можно предположить, что первый учитывал не только тех, кто обучался в Санкт-Петербургском университете, но и выпускников других российских университетов, которые переезжали в Петербург и после прохождения соответствующих испытаний получали именно в столичном университете ученую степень кандидата. Эти расхождения являются дополнительной мотивацией к уточнению данных университетской статистики на основании первоисточников.

В 2007 г. вышел в свет сборник документов по истории высшего образования в Петербурге. В нем представлены материалы по истории Педагогического института и Петербургского университета из фондов ЦГИА СПб.⁸⁰ Однако опубликованные здесь документы касаются лишь базовых положений о приеме студентов, порядке преподавания, заграничных стажировках универсантов. К тому же широкие хронологические и тематические рамки сборника, посвященного документальному отражению истории не только Петербургского университета, но и других высших учебных заведений столицы (государственных, общественных и частных), не позволили публикаторам

⁸⁰ Высшая школа Санкт-Петербурга. XIX – начало XX века. Сборник документов / Отв. сост. Н.Ф. Никольцева. СПб., 2007.

представить архив дореформенного столичного университета в сколь-нибудь значительном объеме.

Кроме уже охарактеризованных основных университетских архивных комплексов, находящихся в РГИА и ЦГИА СПб, в нашей книге использованы делопроизводственные документы университета и фрагменты переписки об университетских делах, отложившиеся в личных фондах администраторов просвещения и некоторых профессоров. Так, хранящиеся в Рукописном отделе Института русской литературы РАН документы фонда попечителя Д.П. Рунича (ф. 263) детально освещают процесс «разбора студентов», происходивший в 1821–1822 гг., и содержат яркие характеристики студентов, оставленные Руничем. Кроме того, здесь же представлены программные записки попечителя о замеченных им «неустройствах» в университете и предложенных способах «исправления»⁸¹. Материалы фонда П.А. Плетнева (ИРЛИ, ф. 234), бывшего ректором Санкт-Петербургского университета в 1840–1861 гг., содержат его заметки о положении петербургского студенчества, личные письма студентов к ректору, а также материалы представлений ректора попечителю по различным студенческим вопросам. Не менее содержателен и фонд профессора А.В. Никитенко в ИРЛИ.

Третья группа источников нашего исследования – периодические издания. В частности, это ведомственное издание «Журнал Министерства народного просвещения»⁸². Оно может быть использовано прежде всего как источник официальных сведений об учащих по всем университетам.

Уникальную и разнообразную информацию об особенностях академической повседневности первой половины XIX в. можно получить из источников личного происхождения,

⁸¹ См., например: ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 1. Д. 43: Донесение и записка о расстройстве университета. 1821–1826. Тетрадь, 146 л.; Оп. 3. Д. 49: Записка о положении университета и зависящих от него заведений с присовокуплением мнения Рунича о преобразовании их. 1822. 18 л. и т.д.

⁸² Журнал издавался с 1803 г. под разными названиями: «Периодическое сочинение об успехах народного просвещения» (СПб., 1803–1819); «Журнал департамента народного просвещения» (СПб., 1821–1824), «Журнал Министерства народного просвещения» (СПб., 1834–1917).

прежде всего *мемуаров* универсантов. Среди этих текстов представлены как воспоминания, специально посвященные их авторами годам студенчества, так и фрагменты более пространных жизнеописаний, когда мемуарист «встраивает» годы и события своей университетской молодости в общеисторический и индивидуально-биографический контекст. Мемуары почти всех универсантов отличаются ретроспективной идеализацией описываемых событий, что психологически объяснимо: воспоминания о «светлых» годах юности всегда окрашиваются иначе, чем изложение событий дальнейшей жизни, поэтому мемуарные тексты требуют критического к себе отношения. В воспоминаниях бывших студентов содержатся сведения об учебных и научных традициях, преподавателях и инспекторах, университетских нравах и конфликтах, внеучебных занятиях и развлечениях, характерных для того или иного времени.

В комплексе «петербургских» студенческих мемуаров, в отличие от «московских» или «харьковских», почти нет текстов, которые были бы посвящены 1800–1820-м гг. Это можно связать не только с малочисленностью окончивших Педагогический институт и университет в это время, но и с особенностями их происхождения и дальнейшей карьеры после университета. Дело в том, что среди студентов 1800–1820-х гг. преобладали казеннокоштные, набранные из числа бывших семинаристов. По окончании обучения многие из них были распределены за пределы столицы и основное время службы, чаще всего учительской, провели в отдаленных губерниях, не оставив личных архивов и воспоминаний. По своей ментальности и роду занятий «поповичи» не были склонны или не имели времени упорядочивать подробности своих биографий и сохранять их для потомства независимо от успешности их карьер. Или же их архивы, содержавшие неопубликованные труды и автобиографические тексты, были утрачены, как произошло с архивом наиболее известного представителя первого

выпуска Педагогического института А.П. Куницына. Исключение составляют записки питомца второго выпуска Института, впоследствии профессора и члена Петербургской академии наук К.И. Арсеньева, обработанные П. Пекарским⁸³.

В то же время в нашем распоряжении имеется уникальный дневник А.В. Никитенко, сохранивший записи середины 1820-х гг., когда он только поступил в университет, а также его содержательные воспоминания («Моя повесть о самом себе и о том, чему свидетель в жизни был»)⁸⁴. События университетской истории на протяжении следующих трех десятилетий, академические и социальные отношения в университете, академические конфликты, представленные с точки зрения преподавателя, Никитенко изображает подробно и хроникально точно.

Гораздо лучше отражена в университетской мемуаристике история Петербургского университета 1830–1850-х гг. По количеству и объему мемуаристика этого времени сопоставима с мемуарным комплексом о Московском университете и превосходит мемуаристику Казанского⁸⁵ или Харьковского⁸⁶ университетов за то же время. С этого времени столичный университет приобретает репутацию основного центра подготовки кадров государственных чиновников, в том числе правоведов, повышается уровень преподавания, изменяется состав преподавателей и быстро растет численность студентов. Основной корпус мемуаристов 1830–1850-х гг. – это бывшие студенты историко-филологического факультета (разряда) и юристы. Среди них немало педагогов, литераторов, крупных чиновников, т. е. лиц, впоследствии приобретших публичную известность и решивших оставить свои жизнеописания. Мы использовали мемуары

⁸³ [Из записок К.И. Арсеньева] // Пекарский П.П. О жизни и трудах К.И. Арсеньева. СПб.: Тип. Имп.АН, 1871. Отд. отт.: Сборник отделения русского языка и словесности Академии наук. СПб., 1872. Т. IX.

⁸⁴ Никитенко А.В. Записки и дневник: В 3 т. М., 2005.

⁸⁵ Ежова С. А. Мемуары воспитанников Казанского университета как исторический источник (XIX в.) Автореф. ... канд. ист. наук. Казань, 1995.

⁸⁶ Иващенко В.Ю. Мемуари професорів та студентів з історії Харківського університету XIX – початку XX століття. Автореф... канд. іст. наук. Дніпропетровськ, 2004.

и дневники студентов других университетов, в частности, Казанского⁸⁷ и Киевского⁸⁸, для возможности сравнения и более отчетливого представления специфики повседневной жизни и корпоративной культуры столичного университета.

Объем, направленность описания и информативность имеющихся университетских мемуаров не равноценны. Речь идет только о комплексе опубликованных текстов, поскольку в архивах неопубликованных мемуаров за интересующий нас период не выявлено. Примером воспоминаний, специально посвященных университетской тематике, являются мемуары директора Петрозаводской гимназии Ф.Н. Фортунатова о Петербургском университете 1830-х гг.⁸⁹ или воспоминания общественного деятеля А.А. Чумикова о студенческих корпорациях⁹⁰. Однако большая часть мемуаров представляет собой автобиографии, выходящие за рамки университетских лет, внутри которых автор посвящает отдельную главу университету. Такова, например, автобиография Н.И. Иваницкого⁹¹.

Всем университетским воспоминаниям присущи эмоциональная окрашенность и ретроспективная ностальгия по временам студенчества, даже если мемуарист в свое время не жаловал университетские порядки и имел обиды на университетское начальство. Многие студенты весьма критично оценивают уровень преподавания и рисуют сатирические портреты своих профессоров, «отсталых от науки». В то же время дух студенческого товарищества, образы друзей-сокурсников и роль университета в своей жизни многие из авторов описывают с неизменной теплотой и даже пафосно. Так, Н.Ф. Оже де Ранкур, впоследствии директор Ярославской военной прогимназии, пишет в завершение

⁸⁷ ОР РНБ. Ф. 37 (А.И. Артемьев). Д. 160: Дневник. 1 янв. – 31 мая 1857 г. 92 л.

⁸⁸ Галаган Г.Н. Отрывки из дневника // Киевская старина. 1898. Т. 62. № 9. С. 228–242.

⁸⁹ Фортунатов Ф.Н. Воспоминания о С.-Петербургском университете за 1830–1833 годы. (Писано в ноябре 1868 г.) Посвящается старым университетским товарищам // РА. 1869. №7. С. 305–340.

⁹⁰ Чумиков А.А. Петербургский университет полвека назад: Воспоминания бывшего студента // РА. 1888. Кн. 3. № 9. С. 120–150.

⁹¹ Иваницкий Н.И. Автобиография // РА. 1909. Кн. 3. № 10. С. 126–180.

своих воспоминаний: «Прошло более сорока лет, я уже старик; но и поныне с удовольствием, даже с увлечением вспоминаю о беззаботном и счастливом времени студенчества ... И где вы все, дорогие товарищи? Мало кого удалось мне встретить из них в этот долгий период жизни, все разбрелись по матушке России»⁹². Педагог Ф.Н. Фортунатов даже посвящает свои воспоминания «старым университетским товарищам»⁹³.

Специфика воспоминаний универсантов первых поколений состоит в том, что они достаточно близки по форме, содержанию и даже стилю письма. Этот комплекс в целом отражает особенности памяти универсантов как памяти коллективной, хотя и не столь явно, как университетская мемуаристика 1880–1900-х гг. или первой половины XX в. Тем не менее авторы воспоминаний, учившиеся в одно время, связаны общими «местами памяти», которые воспроизводят с большей или меньшей степенью детализации⁹⁴. В качестве таковых выступают образы любимых или, наоборот, нелюбимых профессоров, шалости студентов вне стен университета, конфликты с инспекцией, деятельность студенческих корпораций. К «местам памяти» выпускников Петербургского университета 1830–1850-х гг. тяготеют и символические для университетского «семейного стиля» фигуры, попадающие во многие описания: бессменный ректор университета П.А. Плетнев, швейцар Савельич, инспекторы студентов А.И. Фитцтум фон Экштедт и Н.П. Филиппов.

Важно заметить, что ряд важных академических конфликтов и громких университетских «историй» того времени, описан-

⁹² Оже де Ранкур Н.Ф. В двух университетах (Воспоминания 1837–1843 годов) // РС. 1896. Т. 86. № 6. С. 582.

⁹³ Фортунатов Ф.Н. Воспоминания о С.-Петербургском университете за 1830–1833 годы // РА. 1869. Кн. 2. № 7. Стлб. 305.

⁹⁴ Об этом см. подробнее: Жуковская Т.Н. Санкт-Петербургский (Ленинградский) университет в воспоминаниях, или Особенности университетской памяти // Парадигмы университетской истории и перспективы университетологии. VII Арсентьевские чтения (к 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова): материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 18 сент. 2017 г.) / редкол.: О. Н. Широков [и др.]. Чебоксары: ИД «Среда», 2017. С. 128–132.

ных мемуаристами (например, «дело Шакеева» 1839 г., когда студенты впервые подвергли обструкции и согнали с кафедры непопулярного историка⁹⁵), не находят документального отражения в университетских архивах. Не отражаются в них, за редким исключением, взаимоотношения национальных групп студентов и складывание национальных корпораций, самоубийства студентов, формы студенческой взаимопомощи, первые сходки второй половины 1850-х гг., как и тема случайных встреч студентов с императором Николаем I и столкновений с городскими обывателями. Между тем в мемуаристике эти сюжеты присутствуют. Это говорит не столько о следах чистки или перегруппировки архивных документов, сколько об ограниченных возможностях делопроизводственных источников вообще представлять повседневные академические и внеакадемические отношения универсантов, если они выходили за рамки профессорского или инспекторского наблюдения или не переводились в разряд особо важных политических дел. За рамками регламентированных сюжетов, попадающих в рапорты и отчеты, предназначенные для ведомственного начальства, оставалась сама разнообразная, эмоционально окрашенная повседневная жизнь университета, один день которой не похож на другой для ее непосредственного участника. Следы самых важных «университетских историй», упомянутых мемуаристами, но соответствующим образом препарированных, находят отражение лишь в архивах III отделения и в секретной переписке министра народного просвещения с ведомством тайной полиции⁹⁶.

Именно в мемуарах нашли наиболее всестороннее отражение такие повседневные социальные практики петербургских

⁹⁵ Оже де Ранкур Н.Ф. В двух университетах... С. 573.

⁹⁶ См.: ГАРФ. Ф. 109 (Секретный архив III отделения) Оп. 1а. Дд. 64–67 («Дело петрашевцев»); РГИА. Ф. 735. Оп. 10 (Секретный архив). Д. 175: О непозволенных собраниях между студентами СПб. университета; Д. 223: О студенте СПб. университета Алексее Толстове, обвиняемом в произнесении слов о произошедшем в Москве бунте и в дерзких и оскорбительных выражениях на счет императорской фамилии.

студентов 1830–1840-х гг., как кружки и корпорации. По вопросу о том, сложились ли в столичном университете в это время полноценные корпоративные товарищества, подобные корпорациям немецких университетов, мемуаристы разделились во мнениях, видимо, в зависимости от того, принадлежали ли они сами к этим сообществам или наблюдали их со стороны. «Очень понятно, что эти сходки не имели вовсе того значения, как в заграничных университетах, – вспоминал Н.Ф. Оже де Ранкур, заставший в 1837–1838 гг. самое начало процесса складывания национальных студенческих сообществ с присущими им ритуалами. – Это были просто кутежи. Собирались, кто побогаче, где-нибудь на Крестовском [острове], говорили много вздора, курили непременно кнастер (до головокружения), а главное, много пили, пили брудершафт, хотя никаких корпораций не существовало и, конечно, в очень веселом расположении духа возвращались по домам»⁹⁷. В то же время сами студенты-мемуаристы выделяли внутри университета особую группировку товарищей из числа представителей петербургской знати (группу «аристократов»), сложившуюся в начале 1840-х гг., подобной которой не встречается в это время в других университетах. Ее складывание связано с одновременным поступлением в столичный университет сыновей крупнейших петербургских сановников, в том числе сына министра народного просвещения – Алексея Уварова, кн. Григория Щербатова, братьев Владимира и Александра Бобринских⁹⁸. При этом аристократы по происхождению не вызывали у студентов более демократического облика естественного в других условиях чувства сословного антагонизма, которое компенсировалось осознанием общей принадлежности к «классу» студенчества и к университету. Наоборот, один из товарищей вспоминал: «Должно сознаться, что прилив к университету

⁹⁷ Оже де Ранкур Н.Ф. В двух университетах... С. 572.

⁹⁸ См.: Тихонов И.Л. Студенческие корпорации Санкт-Петербургского университета в описании графа А.А. Бобринского // Клио. Журнал для ученых. 2017. № 10. С. 66–76.

лиц из высших сословий стал заметно отзываться к лучшему на студенческих нравах и обычаях. Понятия солидарности, товарищества стали все более прививаться...»⁹⁹. Беднейшие студенты в это время тоже пробовали объединиться, учредив кассу взаимопомощи, но без финансовой поддержки состоятельных слушателей затея провалилась¹⁰⁰. Более долговечными оказались объединения, возникшие на национальной почве: сообщество остзейских немцев, сообщество русских студентов и организованное, но не демонстрировавшее своей национальной обособленности сообщество студентов-поляков. О последнем мы располагаем как свидетельствами самих студентов польского происхождения, так и отзывами их русских товарищей¹⁰¹.

Большинство же петербургских студентов не относило себя ни к числу приверженцев корпораций и их правил, ни к убежденным некорпорантам. «Число корпорантов было сравнительно очень невелико, едва ли достигало ста, то есть пятой части всех студентов», – пишет А. Чумиков¹⁰². Однако даже это свидетельство, с учетом ошибок памяти мемуариста, существенно преувеличившего общее количество студентов, учившихся в его время, красноречиво говорит о распространенности корпораций.

Разные авторы, описывая учебный процесс 1830–1850-х гг., наделяют одних и тех же преподавателей сходными характеристиками, по которым можно составить собирательные «негативные» или «позитивные» портреты профессоров. В этой галерее заметно преобладают профессора-гуманитарии, что объясняется тем, что и среди универсантов, оставивших мемуары, преобладали гуманитарии, слушатели I отделения фи-

⁹⁹ [Белов И.Д.] Студенческие корпорации в Петербургском университете в 1830–1840-е гг. (Из воспоминаний бывшего студента) // РС. 1881. Т. 30. С. 369.

¹⁰⁰ Там же. С. 370.

¹⁰¹ Бобровский Т. Дневник моей жизни // Поляки в Петербурге в первой половине XIX века. / Сост., предисл., коммент. А.И. Федуты. М.: НАО, 2010. С. 619–712; Пантелеев Л.Ф. Воспоминания. М., 1958. Т. 1. Кн. 1. Гл. X.

¹⁰² Чумиков А.А. Петербургский университет полвека назад: Воспоминания бывшего студента // РА. 1888. Кн. 3. № 9. С. 127.

лософского факультета, а их записки об университете обычно более объемны и обстоятельны¹⁰³. В них воспроизводятся диалоги профессора со студентами, детали его облика, курьезные истории. Встречаются характеристики профессоров естественно-научного разряда: математиков, физиков, зоологов, но они гораздо более лаконичны.

Немало писали бывшие студенты об администраторах просвещения, тех, кого могли наблюдать лично (поэтому в мемуарных источниках мы не найдем характеристики министра народного просвещения С.С. Уварова, которого студенты в университете почти ни разу не видели). Речь идет о попечителях столичного учебного округа, посещавших важнейшие университетские мероприятия, в том числе промежуточные и итоговые экзамены, открытые лекции профессоров, ежегодные университетские акты. Никакого пиетета студенты к этим администраторам не испытывали, подмечая карикатурные элементы их облика и противоречие их образа действий университетским традициям. Более-менее нейтральны описания визитов в университет попечителей К.М. Бороздина и его преемника кн. Г.П. Волконского, управлявших округом недолго. М.А. Дондукова-Корсакова, управлявшего округом с 1833 по 1842 г., сравнивали с типом «французского маркиза, тем более что он любил обращаться к студентам... с длинными речами на французском “диалекте”»¹⁰⁴. Карикатурной в глазах студентов предстала и фигура его преемника М.Н. Мушина-Пушкина.

Отражены в университетских мемуарах и образы ректоров. О ректоре А.А. Дегурове, управлявшем университетом целых три срока после известного «дела профессоров», студенты-мемуаристы отзывались неприязненно. «Странно было встре-

¹⁰³ Булгакова Л.А. Мемуары как источник по истории университетов дореформенной России // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 16. Л., 1985. С.189–202.

¹⁰⁴ Чумиков А.А. Петербургский университет полвека назад ... С. 124.

тить ректором университета француза, не говорившего по-русски», – писал один из них¹⁰⁵. «Ректор Дегуров...», – вторит ему другой, – был препротивная личность и, действительно, по наружности своей, он не возбуждал симпатии: маленький, седой, худой, с беспокойными глазами, с пустыми фразами на языке; все это вместе отталкивало от него; о деятельности его я ничего не слыхал»¹⁰⁶. Студенты считали, что Дегуров слишком ревностно выполнял полицейские обязанности, внимательно следя за установленным распорядком, стремясь привить студентам хорошие манеры, слишком навязчиво приучал их «к самому вежливому и благородному обращению»¹⁰⁷. Он «часто появлялся по утрам в университете и, увидя какого-либо студента не в форме, подходил к нему с любезностью и, подавая ему руку свою наподобие танцующего кавалера, приглашающего даму к танцам, произносил "monsieur" – и выводил студента за дверь аудитории, а иногда даже и до самой швейцарской». Формальные придирки ректора, который не знал русского языка, но при этом отличался высокомерием, не принятым в академической среде, вероятно, раздражали не только студентов, но и профессоров, которые распространяли о Дегурове всевозможные слухи. «Мы слышали, что он француз, когда-то был секретарем известного Робеспьера и убежал, спасаясь от эшафота, из Франции», – сообщает мемуарист¹⁰⁸.

Сменивший А.А. Дегурова в 1836 г. на должности ректора И.П. Шульгин тоже не вызывал симпатии слушателей своей замкнутостью, чрезмерной сухостью изложения преподаваемой им всеобщей истории. По замечанию мемуариста, «сурово было выражение его некрасивого лица и неприветливо обращение со студентами»¹⁰⁹. Совершенно противоположные

¹⁰⁵ *Фортунов Ф.Н.* Воспоминания о С.-Петербургском университете... // РА. 1869. Кн. 2. №7. Стлб. 307.

¹⁰⁶ *Колмаков Н.М.* Очерки и воспоминания // РС. 1891. Т. 70. № 5. Май. С. 458.

¹⁰⁷ *Никитенко А.В.* Записки и дневник: В 3 т. Т. 1. М., 2005. [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0030.shtml.

¹⁰⁸ *Колмаков Н.М.* Очерки и воспоминания... С. 458.

¹⁰⁹ *Чумиков А.А.* Петербургский университет полвека назад... С. 125.

отзывы практически все мемуаристы оставили о преемнике Шульгина «с 1840 года, добродушном и всегда доступном» П.А. Плетневе¹¹⁰. Исполняя ректорскую должность дольше, чем кто бы то ни было за всю историю существования Петербургского университета, П.А. Плетнев «был чрезвычайно обходителен со студентами, что влекло их к нему»¹¹¹. Плетнев «с редкою в начальнике снисходительностью выслушивал просьбы студентов и по возможности всегда удовлетворял их»¹¹². Занимая кафедру русской словесности, читая лекции по русской литературе, он «старался поощрить занятия студентов сочинительством»¹¹³. Так, он побудил к литературным занятиям П.П. Ершова, «который “Конька-Горбунка” своего написал на скамьях аудиторий»¹¹⁴. Душевная доброта и преданность университету, готовность жертвовать личным временем и преимуществами для его блага, свойственные Плетневу, перевешивали в глазах студентов его недостатки как профессора и лектора. Уже студенты 1830-х гг. понимали, что научная подготовка Плетнева не соответствовала своему времени: «Как профессор русской литературы он не отличался большими сведениями; ученый багаж его был весьма легок; зато он искренно любил “свой предмет”, обладал несколько робким, но чистым и тонким вкусом и говорил просто, ясно, не без теплоты»¹¹⁵.

В 1833 г. в университете учреждается должность инспектора студентов, названного одним из «главных чиновников университета», состоящим «под непосредственным начальством попечителя». Инспектор следил за поведением студентов и в

¹¹⁰ Чумиков А.А. Петербургский университет полвека назад ... С. 125.

¹¹¹ Колмаков Н.М. Очерки и воспоминания. С. 462.

¹¹² Чумиков А.А. Петербургский университет полвека назад ... С. 125.

¹¹³ Кудрявцев П. Детство и юность Грановского // Русский вестник. 1858. Т. 18. Кн. 1. С. 46.

¹¹⁴ Григорьев В.В. Т.Н. Грановский до его профессорства в Москве // Рус. беседа. 1856. Т. 3. Разд. V. Смесь. С. 26.

¹¹⁵ Тургенев И.С. У Плетнева // Ленинградский университет в воспоминаниях современников / Ред. В.В. Мавродина. Т. 1: Петербургский университет. 1819–1985. Изд-во ЛГУ, 1963. С. 33–34.

учебное, и во внеучебное время. Сохранились отзывы о лицах, осуществлявших инспекторский надзор, и гораздо более тесно, чем профессора, контактировавших с каждым из студентов. Причем ни о какой враждебности по отношению к своим инспекторам бывшие студенты не пишут. А инспектор А.И. Фитццум фон Экштедт, бывший полковник и герой польской кампании 1831 г., заслужил у всех мемуаристов самые душевные слова признания и благодарности за то, что более 20 лет не столько преследовал молодежь за «упущения» в униформе и в поведении, сколько покрывал шалости молодых людей, защищал их в глазах попечителя округа и лишь изредка отечески воспитывал. О другом инспекторе мемуарист вспоминал: «Инспектор студентов Н.П. Филиппов вообще слыл за человека доброго и снисходительного к грешкам молодежи. Уверяли, что он при случае даже не прочь был с ней вместе кутнуть»¹¹⁶. Фигура дореформенного инспектора, таким образом, предстает в коллективной памяти бывших студентов как неотъемлемый элемент университетского «семейного стиля», как «свой» человек в университете, в противоположность фигуре попечителя – постороннего университету и часто враждебного ему администратора.

Многие из мемуаристов увековечили в качестве неотъемлемого «места памяти» для Петербургского университета и нескольких поколений его студентов облик бессменного университетского швейцара – Савельича, служившего более 20 лет.

Среди комплекса источников личного происхождения особое значение имеют подробные дневники А.В. Никитенко, которые автор вел более полувека,¹¹⁷ и письма Н.М. Языкова, учившегося в Дерптском университете¹¹⁸, как источники, синхронные описываемому времени. Эпистолярные тексты петербургских студентов того времени нам не известны.

¹¹⁶ Чумиков А.А. Петербургский университет полвека назад ... С. 125.

¹¹⁷ Никитенко А.В. Дневник Т. 1. М., 1955.

¹¹⁸ Письма Н. М. Языкова к родным за дерптский период его жизни (1822–1829). Под ред. и с объяснительными примеч. Е. В. Петухова. СПб., 1913.

В мемуарах универсантов разных поколений отражается стремление зафиксировать собственный университетский опыт и поделиться им со своими преемниками по *alma mater*. Университетские воспоминания иногда буквально адресуются «старыми студентами» молодому поколению. При этом нельзя не учесть, что основная масса рассматриваемых мемуаров была написана и опубликована в последнее тридцатилетие XIX в., когда в печати широко обсуждались проблемы развития науки и образования. Рост мемуарных публикаций был связан и с распространением исторической периодики, интересом издателей к мемуарным источникам, а также с тем, что к тому времени юноши, обучавшиеся в дореформенных университетах, вошли в возраст, в котором можно подводить жизненные итоги. Большая часть мемуаров впервые была опубликована в исторических журналах «Русский архив», «Русская старина», «Исторический вестник». Примерно треть рассматриваемого корпуса мемуаров была в XX в. переиздана в сборниках воспоминаний, посвященных отдельным университетам, и окончательно вписана в культуру университетских коммемораций¹¹⁹. Однако эти публикации производились с большими сокращениями. К началу XX в. процесс мемуаротворчества применительно к дореформенным университетам по естественным причинам пресекся, таким образом, шанс отыскать сегодня в архивах неопубликованный текст воспоминаний о дореформенном университете практически равен нулю. Однако актуальной является задача систематической научной републикации университетских мемуаров, изданных до 1917 г.

¹¹⁹ Соловьев И.М. Русские университеты в их уставах и воспоминаниях современников. Вып.1: Университеты до эпохи шестидесятых годов. СПб., 1914; Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Т. 1. Л., 1963; Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989.

ГЛАВА 3

В СТЕНАХ УНИВЕРСИТЕТА: ПРАВОВЫЕ НОРМЫ И КУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ СТУДЕНЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

3.1. Правовое положение студента

Описать нормативные рамки существования студента в административном, учебном, культурном пространстве дореформенного университета невозможно без понимания того, что собой представлял университет в России в первые десятилетия своего существования, какие конфликты и противоречия порождала попытка заимствования и адаптации здесь европейских университетских традиций. Переходный период административного приспособления российских университетов к потребностям государственной службы и развития российской науки и образования занял не менее двух с половиной десятилетий. Для Петербургского университета он затянулся до конца 1830-х гг. К этому времени была введена в действие и дала первые результаты административная и кадровая реформа С.С. Уварова. С увеличением приема студентов оформляется студенческая корпоративность, в стенах университета происходит становление нового типа личности универсанта – носителя определенных социокультурных признаков, бытовых традиций и поведенческих моделей. Эти социокультурные характеристики студента оформляются вне зависимости от его сословного происхождения и прежнего социального опыта.

Статус студента являлся переходным и не слишком престижным в социальной иерархии дореформенной России. Социальные дивиденды от обучения студент получал только после окончания университета. С другой стороны, студент

был частью университетского сообщества, членом «ученого сословия» университета. Студенческие права и обязанности определялись законодательно и не зависели от сословного происхождения, национальности, финансовой состоятельности или возраста воспитанника. Законодательство фиксировало нормы и правила поведения студента в университете и за его пределами, задавая систему ценностей и очерчивая сферу его академических коммуникаций.

В «окраинных» Дерптском и Виленском университетах необходимость кодификации множества правил, определяющих правовые нормы студенческой жизни, осознавалась с самого момента их создания. В первой трети XIX в. численность студентов в этих университетах была на порядок выше, чем в так называемых «русских» или «внутренних» университетах, а весь студенческий быт был пронизан средневековыми традициями и обычаями германских университетов. Чтобы приучить свободное и раскованное студенческое сообщество Дерпта к мысли о предстоящей государственной службе, составители этих уставов многословно рассуждали об «обязанностях общественных», возлагаемых на студента. В стремлении минимизировать конфликты студенчества и жителей университетских городов и усилить дисциплинарный надзор за студентами кураторы Дерптского университета уже в 1802 г. печатают специальные «Правила для учащихся в Императорском Дерптском университете», которые, в свою очередь, имели большое сходство с правилами для студентов, разработанными еще в шведский период существования университета в Лифляндии¹²⁰. Эти правила имели несомненное влияние на регламентацию обучения и быта студентов других российских университетов.

Уставы «внутренних» университетов, к которым должен был принадлежать и Петербургский, раскрывали систему связей и отношений внутри университетской корпорации, но да-

¹²⁰ Петухов Е.В. Императорский Юрьевский, бывший Дерптский университет за сто лет его существования. Юрьев, 1902. Т. 1. С. 110–112.

вали лишь общее представление о статусе студентов и условиях их зачисления в университет. Причина состояла в том, что число студентов в начальный период существования университетов было невелико, их сословное происхождение и отношение к наукам на этапе составления уставов даже не обсуждались. Основная забота составителей Устава 1804 г. была направлена на формулировку общих целей университетского образования. Так, в первой главе Устава Московского, Харьковского и Казанского университетов было записано, что университет учреждается «для преподавания наук» и что «в нем приготавливается юношество для вступления в различные звания государственной службы»¹²¹. Студенты, вместе с ординарными и экстраординарными профессорами, адъюнктами, магистрами, преподавателями языков, «гимнастических упражнений и приятных искусств» названы были одним из неотъемлемых элементов «составляющих» университет.

Уставами было установлено, что студенты «пользуются всеми правами и преимуществами, с их званием сопряженными», и судятся только «университетской расправой», то есть их личность и собственность были защищены самим статусом автономного университета. Что же касается документов, регламентирующих отношения студентов и университетского начальства, то они содержали лишь пространные указания на необходимость мер, «приличных благородному воспитанию». Таким образом, университетским советам было дано право самим регламентировать дисциплинарные правила для воспитанников университета и определять границу между нормой и проступком. Согласно университетскому уставу 1804 г., блюстителем «порядка и благочиния» студентов являлся инспектор, который избирался общим собранием из ординарных профессоров и выполнял свои обязанности несколько месяцев, обычно в течение учебного года.

¹²¹ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения... Т.1. Стлб. 264.

Здесь следует провести параллель между университетскими уставами 1803–1804 гг. и законодательной базой Петербургского педагогического института, учрежденного как отделение университета с перспективой близкого преобразования в полноценный университет. Среди его воспитанников преобладали выпускники губернских духовных семинарий, принятые на полное казенное содержание. Само перемещение в Петербург и выключение из духовного сословия с перспективами «благородной» педагогической службы и более высокого социального статуса они расценивали как освобождение от прежних жестких дисциплинарных рамок «бурсы». Отсюда – многочисленные примеры «дурного поведения» этих студентов, нарушения ими порядка, неподчинения, уклонения от учебы, пьянства и даже попыток бегства, которыми изобилует делопроизводство института особенно в первые годы его деятельности.

Согласно Положению о Педагогическом институте, принятому в апреле 1804 г., обязанности его студентов заключались «в благонравном поведении и прилежании к наукам»¹²². Инспектор же должен был иметь «бдительный надзор за поступками и поведением студентов»¹²³. Отсутствие фиксированных правил поведения для студентов Института приводило к различному пониманию границ «благонравия» самими воспитанниками и профессорами. Ярким примером служит дело студента Педагогического института Мальцова. Этому студенту за неоднократные нарушения режима было запрещено покидать институт. Мальцов расценил наказание как несправедливое, заявив инспектору: «Покажите мне закон, а без того я ваших приказов не принимаю»¹²⁴. Инспектор, видя такую дерзость, запретил другим студентам давать ему верхнюю одежду для выхода из здания института (свое платье, а также

¹²² Сборник постановлений по Министерству народного просвещения... Т. 1. Стлб. 222.

¹²³ Там же. Стлб. 227.

¹²⁴ ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 359: Об умопомешательстве студента Мальцова. 1808. Л. 11.

одежда как зимние, так и летние студент заложил одному из служителей). Тогда Мальцов отвечал инспектору, что никто не имеет права запрещать студентам давать свое собственное платье, кому хотят, и что инспектор «слишком выходит из предметов своей должности»¹²⁵. Через несколько дней Мальцов обещал инспектору исправиться и попросил взаймы 5 рублей «на починку фрака». Однако и эти деньги были потрачены студентом на извозчиков, на бильярдную игру, а также на «горячие напитки». Многочисленные долги и кутежи привели к тому, что Мальцов полностью забросил учебу, «сделался уныл, оброс волосами и бородою», после чего был помещен в Обуховскую больницу на лечение.

Необходимость законодательного оформления правил для студентов признавалась и самими инспекторами. Так, адъюнкт А.С. Лубкин доносил Конференции профессоров Педагогического института: «Для студентов нужны наставления, в которых бы они принуждены были видеть себя, свое состояние и требуемое от них по их званию. Сие наставление нужно иметь во всякой комнате списанное, дабы оно, *недопуская до уверток* (выделено нами. – Т.Ж., К.К.), для всякого служило готовым зеркалом»¹²⁶. Отсутствие фиксированных правил для студентов попытались восполнить при преобразовании Педагогического института в Главный педагогический институт. Довольно обширный устав его, принятый 23 декабря 1816 г., содержал параграф, касающийся обязанностей инспектора и воспитанников, фиксирующий принятые нормы распределения учебного времени, «штрафы» или наказания, которые мог применять инспектор.

Сохранившиеся рапорты профессоров, бывших инспекторами в Педагогическом институте за 1804–1816 гг., изобилуют подробными описаниями студенческих проступков. Так, например, профессор философии и логики П.Д. Лодий в своем

¹²⁵ ЦГИА СПб. Ф.13. Оп.1. Д.359: Об умопомешательстве студента Мальцова. 1808. Л. 11.

¹²⁶ ЦГИА СПб. Ф.13. Оп.1. Д.205: Отчеты и предложения смотрителя об улучшении поведения студентов. 1807. Л. 2.

рапорте от 8 апреля 1812 г. сообщал, что студент К. Фрейдекер без разрешения принял к себе в гости двух кадетов, а на приказание проводить гостей ответил инспектору пощечиной. Студенты А. Формицын и С. Иванов отлучились из института без позволения, а затем были приведены пьяные¹²⁷ и т. п.

Профессиональные, правовые и поведенческие нормы, предписанные академической корпорации и формировавшиеся в первой четверти XIX в., нуждались в законодательном закреплении и конкретизации. Поэтому после принятия университетского устава 1804 г. правительство продолжало регламентировать различные стороны студенческой жизни с помощью отдельных постановлений и распоряжений, основанных, как правило, на прецедентной практике.

Так, например, с притоком в университеты юношей дворянского происхождения возникла необходимость унификации существовавшей системы наказаний. В первой четверти XIX в., когда студенты рекрутировались преимущественно из семинаристов, в практиках дисциплинарного воздействия использовалось облачение воспитанников в «мужицкое» (крестьянское) платье или кафтан¹²⁸, а также порка. Студенты дворянского происхождения не могли быть подвергнуты такого рода наказаниям, однако вскоре был принят закон, исключивший телесные наказания для всех студентов, но предложивший определение злостных нарушителей внутриуниверситетского порядка в военную службу.

21 апреля 1811 г. по докладу министра народного просвещения издается Положение, вводившее отдачу студентов «из духовного звания и разночинцев, развратного поведения и уличенных в важных преступлениях, по исключении вовсе из упомянутых заведений» в солдаты. О казенных же воспитанни-

¹²⁷ ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1061: Рапорты проф. П. Лодия. 1812. Л. 16.

¹²⁸ Переодевание нерадивых студентов в «серый кафтан» практиковалось в XVIII в. как в Академическом университете в Петербурге, так и Московском университете. См.: *Бороздин А.К.* Академический университет в XVIII веке // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. 1886. Апрель. С. 126; *Кулакова И.П.* Университетское пространство и его обитатели ... С. 275.

ках и студентах из дворян, совершивших проступки, несовместимые с пребыванием в университете, предписывалось делать представление на высочайшее имя. С одной стороны, правительство, употребив на «негодных» студентов «значащие издержки», требовало, чтобы они возместили их службой военной, а с другой, признало невозможным «оставить на произвол судьбы и извергнуть в общество пример разврата и соблазна другим»¹²⁹. По силе закона 1811 г. наказание, определяемое для студентов из дворян, визировалось самим императором.

Прецедентом, позволившим впервые применить этот закон, стало «дело Пургаровича» в Педагогическом институте. Австрийский уроженец, прибывший в Россию с аттестатом Венского «кейзерского» университета, он просил принять его на казенный счет сначала в Московский университет, а за недостатком мест в нем – в Педагогический институт в Петербурге, желая «продолжать науки и навсегда остаться в России»¹³⁰. В декабре 1807 г. Пургарович был зачислен студентом Педагогического института, приняв российское подданство. Ближе к окончанию курса, в начале 1811 г., он был уличен в краже и попытке сбыть краденое. Он украл сюртук у служителя института и пытался через свою знакомую, «губернскую секретаршу» Веревкину, продать его на толкучем рынке. Оба были задержаны на рынке и приведены в полицию. В присутствии инспектора института профессора Е.Ф. Зябловского от Пургаровича в полиции были взяты показания. Несмотря на то что до инцидента студент «не состоял под судом, штрафов и подозрений не имел», он был исключен из института, поскольку его слабые успехи в науках свидетельствовали о том, что «он не будет способен к учительской должности»¹³¹. Важно подчеркнуть, что характеристика успехов и способностей оказывала влияние на меру наказания воспитанников. Министр народного просвеще-

¹²⁹ Сб. постановлений по Министерству народного просвещения...Т.1. Стлб. 628–630.

¹³⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 55: О переходе в русское подданство студента ...Пургаровича. 1807. Л. 2.

¹³¹ Там же. Л. 7–8.

ния А.К. Разумовский 13 апреля 1811 г. сделал представление столичному обер-полицмейстеру П.В. Голенищеву-Кутузову, которым Пургарович был определен к отдаче в солдаты и передан в распоряжение Военного министерства.

Против отсылки исключенных студентов в армию, однако, возражало военное начальство. Военный министр М.Б. Барклай-де-Толли считал, что «смешение преступников с солдатами, на поле чести звание свое возвысившими», произведет «оскорбительное впечатление» в духе войска¹³². Министр просвещения отвечал Барклаю-де-Толли, что отсылаемые в военную службу студенты – не преступники, а лишь совершившие такие проступки, которые несовместимы с их будущим званием наставников юношества, но эти шалости вполне можно исправить «под строгою военною дисциплиною»¹³³. Для студентов, вышедших из духовного звания, признанных «негодными» к дальнейшему обучению, военная служба была признана единственной приемлемой формой социальной адаптации, т. к. возвращение их в духовное сословие было практически невозможно.

Применение Положения от 21 апреля 1811 г., как показывают материалы университетского делопроизводства первой четверти XIX в., зависело как от характера дисциплинарных нарушений, так и от взгляда Совета профессоров на тяжесть и мотивы студенческих проступков. Нетерпимая позиция профессора могла усугубить наказание студента. Так произошло в случае с определением казенного студента Петербургского педагогического института К. Фрейдекера в солдаты, произведенным по настоянию профессора П.Д. Лодия, в мае 1812 г. Причиной исключения был личный конфликт студента с профессором, в котором Конференция института приняла сторону профессора¹³⁴. Таким образом, после закрепления прецедента в законодательном порядке происходило формирование границ

¹³² См.: Жуковская Т.Н. Между Марсом и Минервой... С. 288.

¹³³ Там же.

¹³⁴ Жуковская Т.Н. Университеты в годы наполеоновских войн // Санкт-Петербургский университет в XVIII–XX вв.: европейские традиции и российский контекст... С. 28.

его применения. Контроль за соблюдением норм нравственности и применение дисциплинарных мер к учащимся всецело принадлежали университетской корпорации профессоров, в чем отчетливо проявлялся принцип «автономности» университета, декларированный уставами 1804 г.

С увеличением числа студентов во всех российских университетах возникает необходимость уточнения правовых границ студенческой свободы и усиления полицейского надзора. В 1825 г. вышло постановление Министерства народного просвещения, согласно которому следствие и суд над студентами, нарушающими благочиние и общественный порядок, должны были производиться университетским начальством в присутствии депутата от местной полиции. При этом власть университета над студентами в полицейском и судебном отношении была ограничена территорией учебного округа, за пределами которого студенты подчинялись городской полиции. Прецедентом послужили события в Дерптском университете, студент которого по фамилии Кейм за «разные буйственные поступки» был арестован рижским генерал-губернатором. Университетскому начальству о проступке студента сообщено не было, вместо этого спустя некоторое время последовало высочайшее предписание запретить студенту Кейму покидать Дерпт до окончания обучения. Попечитель Дерптского учебного округа сделал представление министру народного просвещения А.С. Шишкову о необходимости подчинить студентов, находящихся за пределами учебного округа, власти местного начальства¹³⁵. Таким образом, за студентами устанавливался контроль со стороны не только университетской администрации, но и городской полиции. Кроме того, контроль этот отныне не ограничивался территорией учебного округа, а соблюдение дисциплинарных правил для студента было обязательным вне зависимости от его местонахождения.

¹³⁵ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 4018: О новом постановлении касательно производства следствия и суда над студентами. 1825. Л. 2.

Прецедентным событием, ставшим причиной издания еще одного постановления о наблюдении за поведением и нравственностью студентов, стала смерть студента Харьковского университета Бройкевича, возвращавшегося из шинка после пирушки с друзьями. Университетскому начальству предписывалось наблюдать, чтобы студенты не посещали непристойные места и не употребляли горячих напитков¹³⁶.

В университетской практике нередко были случаи, когда студент, исключенный из университета, получал от Правления не аттестат по форме, предписанной распоряжением от 30 сентября 1814 г.¹³⁷, а первоначальные документы об окончании гимназии, поданные при поступлении. В связи со случаями зачисления уже исключенных студентов в другие университеты в январе 1828 г. было издано распоряжение о том, что университеты должны обмениваться между собой сведениями об исключенных студентах. Таким образом, с этого момента устанавливался порядок, по которому студент, исключенный из одного университета, не мог быть принят в другой.

Специальными постановлениями и распоряжениями регулировались не только нормы поведения, но и отдельные стороны учебного процесса. Особо острыми были вопрос комплектации состава студентов и регламентация положения казеннокоштных воспитанников. Чтобы повысить уровень подготовки будущих студентов, было издано распоряжение о выдаче аттестатов учащимся гимназий соответственно степени их познаний, отражавшее различия в уровне подготовки выпускников гимназий и отметок в аттестатах¹³⁸. С этой же целью было законодательно установлено, чтобы зачисление в студенты происходило только в начале учебного года¹³⁹.

¹³⁶ Сборник постановлений... Т.1. Стлб. 1640.

¹³⁷ Данным распоряжением предписывалось студентам, не окончившим полного курса обучения, выдавать аттестаты с указанием времени обучения в университете. Сборник распоряжений... Т.1. Стлб. 256.

¹³⁸ Сборник распоряжений... Т.1. Стлб. 238.

¹³⁹ Там же. Стлб. 258.

Предметом особого попечения Министерства народного просвещения были казеннокоштные студенты. Нередки были случаи, когда они, чтобы избежать обязательной службы по учебному ведомству, просили об увольнении их с казенного содержания и переводе в категорию своекоштных. Еще в 1820 г. попечителем Харьковского учебного округа был поднят вопрос о том, чтобы взыскивать с таких студентов при переводе денежное возмещение затрат на их обучение, на что министр народного просвещения А.Н. Голицын дал свое согласие¹⁴⁰. В 1828 г., после того, как попечителем Санкт-Петербургского округа было замечено, что данное положение предоставляет право способным казеннокоштным студентам уклониться от обязательной службы, оно было отменено, а право перевода казеннокоштных студентов или их исключения было передано министру народного просвещения¹⁴¹.

Изменения российских университетских уставов в XIX в. происходили по линии усиления политического и идеологического (нравственно-религиозного) контроля над университетской жизнью и содержанием учебных программ. В Петербургский университет неоднократно поступали предписания министра народного просвещения о необходимости «неослабного» надзора за студентами¹⁴². Делается обязательным ношение мундирного платья, ужесточается цензура, усиливается наблюдение за поведением и образом мыслей учащихся. Студенты по-разному оценивали происходившие перемены. Будущий профессор Петербургского университета, а тогда еще студент А.В. Никитенко оставил 12 ноября 1826 г. следующую запись в дневнике: «Слышно о больших преобразованиях и о таких, между прочим, которые подвергнут учащихся большим стеснениям и по духу, и по форме. Юношество более всего недовольно первыми...»¹⁴³. Похожую оценку ситуации в Москов-

¹⁴⁰ Сборник распоряжений... Т.1. Стлб. 413.

¹⁴¹ Там же. Стлб. 646–647.

¹⁴² См.: ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 4031: По предписанию г. министра народного просвещения о высочайшем повелении иметь неослабный надзор за университетскими студентами. 1826 г.

¹⁴³ Никитенко А.В. Дневник. СПб., 1893. Т. 1. С. 215.

ском университете дал Н.И. Пирогов, впоследствии горячо выступавший за университетскую автономию: «Несмотря на мою незрелость, неопытность и детски наивное равнодушие к общественным делам, я все-таки тотчас же почувствовал начинавшийся с 1825 года гнет в университете»¹⁴⁴.

Право определять критерии «доброй нравственности» студента стало исключительной прерогативой государства с принятием университетского устава 1835 г. Если в первые десятилетия XIX в. «отцы университета» шли по пути насаждения и мягкой регламентации модели «благородного» поведения для университетов, большинство которых были казеннокоштными студентами и не могли свободно распоряжаться собой, то в дальнейшем, с увеличением студенческой массы, перераспределением ее в пользу своекоштных студентов, разбавленных «вольнослушателями», администраторы просвещения вырабатывают все более детализированную и жесткую систему норм и запретов. Признание университетов учебно-воспитательными заведениями по существу, означало усиление над ними не только полицейской, но и интеллектуальной опеки, с ее придирчивым и мелочным надзором за учащимися и контролем над преподаванием.

Устав 1835 г., сильно урезавший сферу университетского самоуправления, заметно отличался от либерального устава 1804 г. декларируемой нормативностью множественных предписаний. Повседневные отношения студента с преподавателями и администрацией свидетельствуют о его подчиненном положении, невозможности реального выбора. Если те, кто учились за собственный счет, могли по своему желанию покинуть стены университета, казенные стипендиаты не могли и этого (за редким исключением), т. к. в случае оставления университета казеннокоштному студенту полагалось возратить сумму, потраченную на обучение¹⁴⁵. Основанием

¹⁴⁴ Пирогов Н.И. Из жизни Московского студенчества 20-х годов XIX века // Московский университет в воспоминаниях... С. 88.

¹⁴⁵ См., например: ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 3278: Об увольнении из здешнего университета студента Дохторова. 1823. 9 л.

для его исключения могла быть только серьезная болезнь или полная неспособность к учению¹⁴⁶.

Однако и неспособность нуждалась в подтверждении, поэтому обычной практикой было оставление неуспевающих студентов на том же курсе на второй год, то есть принудительное обучение не желающих учиться. По окончании трех- или четырехлетнего курса обучения зависимость выпускников устанавливалась еще на 6 лет, в течение которых они должны были служить по ведомству народного просвещения учителями гимназий, уездных или начальных училищ, смотря по способностям. Все время службы контроль над ними со стороны министерства не ослабевал¹⁴⁷.

Строго регламентировался переход студента из одного университета в другой. Практика немецких университетов, когда учащиеся могли свободно менять академическое пространство, была немыслима для российской системы образования. Право студентов на переход было зафиксировано в уставе 1835 г. с существенными оговорками. Студент, начавший обучение в одном из российских университетов, мог окончить его в другом в случае, если причины, побудившие его оставить университет, в котором он обучался, будут уважены попечителем¹⁴⁸. Точнее говоря, решение о возможности его перехода фактически согласовывалось двумя попечителями – тем, из чьего ведения он выходил, и новым, в округ которого студент перемещался.

Перевод из Петербургского университета в другие университеты империи, как свидетельствуют документы университетского делопроизводства, мог быть связан с семейными обстоятельствами, личными стремлениями студента¹⁴⁹, а мог

¹⁴⁶ См., например: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 230: Об увольнении студента Дм. Лахтина по болезни вовсе из университета. 1819.

¹⁴⁷ Об этом свидетельствует множество однотипных дел о дисциплинарных проступках выпускников Педагогического института и университета, отбывающих учительскую «повинность». Наиболее распространенными нарушениями норм с их стороны являлись пьянство и уклонение от исполнения учительских обязанностей. См. об этом подробнее в главе 5.

¹⁴⁸ Сборник постановлений... Т. 2. Отд. 1. Стлб. 757.

¹⁴⁹ См.: ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 5589: Об увольнении студентов из университета и переходе в другие университеты. 1852.

быть и способом разрешения конфликта, определяемого дисциплинарным проступком учащегося. Так, в 1840 г. студент юридического факультета Петербургского университета Н.Ф. Оже де Ранкур, повздоривший с профессором истории Н.Г. Устряловым, по совету инспектора студентов попросил о переводе в Харьковский университет. «Вооруживши против себя профессора мне мало было надежды на окончание курса», – писал он о причине перевода. Уже через несколько лет молодой человек успешно закончил обучение в Харьковском университете, однако предпочел определиться в военную службу.

Перевод из одного университета в другой санкционировался университетским начальством и в отношении казенных воспитанников, однако желание студента при этом чаще всего учитывалось¹⁵⁰. Надо заметить, что и начальство того университета, из которого студент переводился, продолжало следить за его успехами. Так, в 1859 г. ректор Киевского университета Св. Владимира просил начальство Санкт-Петербургского университета уведомить, в каких курсах находятся казеннокоштные студенты, поступившие из университета Св. Владимира и переведены ли они в высшие курсы после летних вакаций¹⁵¹.

По уставу 1835 г. перевод студента мог быть произведен только перед началом академического года, а не посередине его, как случалось ранее. Как правило, многие студенты, зачисленные в Петербургский университет из других университетов, обязаны были выдержать некий экзамен, на подготовку к которому им давалось определенное время. Таким образом, подразумевалось, что при единых дисциплинарных правилах учебного процесса уровень полученных знаний в разных университетах в силу их специфики мог отличаться. Это подтверждают и мемуаристы,

¹⁵⁰ В университетском делопроизводстве в таких случаях речь шла о перемещении студента из одного университета в другой. См., например: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 125; ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 2572; ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 4310.

¹⁵¹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 2. Д. 195: От ректора университета Св. Владимира о переводе студентов. 1859. Л. 1.

например, студент-камералист Д.П. Боборыкин, переместившийся после двух лет обучения из Казанского университета в Дерптский (пользовавшийся репутацией «Ливонских Афин»). Он сделал это как из-за неудовлетворенности уровнем преподавания в Казани, так и из желания сменить специализацию и учиться на философском факультете естественным наукам, которые только приобретали популярность¹⁵². При этом Боборыкин получил рекомендацию от казанского профессора химии А.М. Бутлерова к известному дерптскому химику К.К. Клаусу, который прежде также преподавал в Казани. После еще четырех семестров усиленных занятий химией П.Д. Боборыкин пререзориентировался на медицинский факультет Дерптского университета, но в конце концов ощутил себя литератором более чем ученым. Все летние вакации Боборыкин подолгу жил в Петербурге и имел возможность установить также связи в университетской и академической среде столицы¹⁵³. В конце концов литературные интересы возобладали над научными, и, проведя 7 лет в двух университетах, Боборыкин так и не получил университетского диплома.

В отличие от своекоштного студента П.Д. Боборыкина, те, кто получал казенные или иные стипендии, могли быть переведены из одного университета в другой в связи с какими-либо государственными программами. Так, в 1838 г. для подготовки к преподаванию на русском языке в школах Западного края из Дерптского университета в Петербургский по распоряжению императора были переведены двое стипендиатов Литовского Евангелического реформатского синода, Кемпинский и Курнатовский. После окончания университета они должны были занять вакансии учителей-предметников в Слуцкой гимназии. Попечитель Петербургского университета обратился в министерство с запросом о том, следует ли причислить молодых людей к определенному курсу или позволить им посещать уни-

¹⁵² Боборыкин П.Д. За полвека. Воспоминания. М.: Захаров, 2003. С. 90–93.

¹⁵³ Там же. С. 102–135.

верситетские лекции с обязательством выдержать экзамен на степень действительного студента или кандидата не позже ближайших двух лет. По распоряжению министра народного просвещения ректор объявил переведенным студентам о необходимости вначале сдать экзамены по тем предметам, которые не включались в программу преподавания в Дерптском университете, в числе которых была и русская словесность. Срок экзамена был назначен на май текущего учебного года, однако студенты попросили об отсрочке экзамена до зимы следующего, на что получили разрешение. По прошествии указанного срока молодые люди были экзаменованы в двух отделениях философского факультета. Решение комиссии было неутешительным. «Как показал экзамен, – говорилось в донесении министру народного просвещения, – по истечении года пребывания их в университете Кемпинский и Курнатовский не сделали значительных успехов в предметах их наук и в русском языке, поэтому Совет находит их дальнейшее пребывание в университете бесполезным и просит об увольнении из университета с назначением, сообразным их познаниям в латыни, по усмотрению Министерства»¹⁵⁴. На место исключенных Кемпинского и Курнатовского были переведены двое других студентов Дерптского университета, оказавшихся более успешными в русской словесности. В обоих случаях на перевод, равно как и на исключение стипендиатов и пансионеров, испрашивалось высочайшее разрешение. А польские уроженцы, поступавшие в Дерптский университет, охотно перемещались в Петербург при условии получения стипендии и целевого распределения в дальнейшем. Учившийся несколькими годами позже, П.Д. Боборыкин замечал, что стипендиатов в самом Дерптском университете было очень мало¹⁵⁵.

¹⁵⁴ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 2. Д. 170: О предварительном испытании переведенных из Дерптского университета в Санкт-Петербургский университет воспитанников Литовского Евангелического реформатского синода. 1838. Л. 6.

¹⁵⁵ Боборыкин П.Д. За полвека... С. 115.

Свидетельства об академических миграциях, попадающие в университетское делопроизводство, свидетельствуют, что перевод без веских на то причин и согласия университетской администрации для казеннокоштных студентов был невозможен, а для своекоштных – сильно затруднен из-за несовпадения в программах преподавания в разных университетах и тем более на разных факультетах.

Студенческие миграции довольно часто происходили и в рамках одного университета. Со второй половины 1830-х гг., вследствие унификации факультетской структуры во всех университетах с разделением философского факультета на два отделения (I – историко-филологическое, II – естественное) студент Петербургского университета мог по собственному желанию перейти с юридического факультета на философский или с одного разряда философского факультета в другой, с условием сдачи разницы предметов в отведенное время (полгода или год). Этим правом могли воспользоваться прежде всего своекоштные студенты, для казеннокоштных же студентов перемена факультета была затруднена отсутствием свободных вакансий казенных воспитанников на желаемом факультете. Об этом свидетельствует и статистика. Так, в 1849 г. переменили факультет 28 своекоштных и лишь один казеннокоштный студент, в 1850 г. – 28 своекоштных, 2 казеннокоштных и 1 пансионер¹⁵⁶. Пансионерами называли студентов, получавших ведомственную, частную (именную) или региональную стипендию, о чем подробнее будет сказано в заключительном параграфе этой главы.

Прошение о перемене факультета подавали, как правило, студенты, оканчивающие первый или второй курсы. «Чувствуя в себе более склонности к юридическим наукам, желаю перейти в юридический факультет», – писал ректору студент первого курса философского факультета Александр Шелехов¹⁵⁷. Более подробных объяснений причин, побудивших мо-

¹⁵⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 25. Д. 199: Дело об увольнении и переводе в армию студента П. Вердеревского. 1851. Л. 29.

¹⁵⁷ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 2. Д. 281: О позволении студентам переменить факультет по их желанию. 1840. Л. 2.

лодого человека к перемене факультета, не требовалось. Молодой человек, учившийся на первом курсе и желавший поменять факультет, должен был подать прошение на имя ректора с указанием причины перехода. Получив согласие ректора на перевод, он все равно обязывался сдать экзамены за первый год обучения по тому факультету, на который первоначально поступил, и только после успешной сдачи экзаменов переводился во второй курс вновь избранного факультета¹⁵⁸. Судя по сохранившимся прошениям студентов о переводе за 1840 г., студенты философского факультета, как правило, переходили на юридический факультет, а некоторые студенты-юристы, в свою очередь, стремились перейти во второе (естественное) отделение философского факультета. Подавались и прошения о переводе из разряда математических в разряд естественных наук, тот и другой разряды относились ко второму отделению философского факультета¹⁵⁹. Ректор И.П. Шульгин в своем донесении попечителю М.А. Дондукову-Корсакову писал: «Некоторые студенты первых двух курсов по времени только узнают свои способности и наклонности к специальным предметам учения, и потому переходят иногда из одного отделения в другое и даже из одного факультета в другой»¹⁶⁰.

Таким образом, возможность перемены факультета, отделения и разряда наук или перехода из одного университета в другой расширяла для студентов границы академического пространства, позволяла выбрать программу обучения и специализацию согласно своим склонностям и изменить этот выбор в случае несоответствия условий обучения первоначальным ожиданиям. Возможность перехода предоставляла студентам определенную свободу маневра в случае возникновения конфликта с членами профессорской корпорации. К сожалению, этими преимуществами в полной мере могли воспользоваться

¹⁵⁸ Сборник распоряжений... Т. 2. Стлб. 465.

¹⁵⁹ Там же.

¹⁶⁰ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 2. Д. 282: О доставлении сведений г. попечителю о способностях казеннокоштных студентов к учительскому званию. 1840. Л. 5.

только своекоштные студенты, не имеющие перед университетом финансовых обязательств. Механизм перехода был законодательно оформлен, и университетское начальство следило за соблюдением утвержденных правил. Даже после перехода студента из одного университета в другой, над ним сохранялся контроль со стороны администрации оставленного университета. Глава учебного округа или Министерство народного просвещения могли не только контролировать академическую мобильность студентов, но и влиять на нее в желаемом направлении. Это, в частности, проявлялось в ситуациях с перемещением польских стипендиатов в связи с временным закрытием в 1839 г. Киевского университета Св. Владимира и распределением части его студентов по другим университетам, а также после 1848 г., когда были введены жесткие квоты по численности своекоштных студентов в каждом университете.

3.2. Студенты в контексте университетского «семейного стиля»: регламентация жизни, инспекционный надзор

В первой четверти XIX в., когда только происходила выработка стиля университетского законодательства и делопроизводства, в рапортах профессоров встречаются довольно разнообразные, но яркие характеристики студентов: «вспыльчив», «ветрен», «ропотлив и неуступчив»¹⁶¹. Несмотря на частые и иногда довольно серьезные проступки, совершаемые студентами, в своих рапортах профессора пытались оправдать их «временно бывшие погрешности». Так, инспектор студентов Петербургского педагогического института А. Лубкин в полугодовом рапорте о поведении воспитанников писал: «Никого из них не могу я отнести к классу худого поведения, а напротив надеюсь, что и самые поползновения к погрешностям по своему темпераменту или по привычке могут совершенно

¹⁶¹ ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 205: Отчеты и предложения смотрителей об улучшении поведения студентов. 1807. Л. 7–8.

исправиться, ибо я не вижу ни в одном какой-либо злонамеренной наклонности»¹⁶².

Профессора были заинтересованы в сохранении контингента студентов, так же как гимназические учителя. Как отмечают исследователи, педагоги, зная об «отличных способностях» выпускников гимназий, готовы были закрыть глаза на их «дерзости», оставляли доучиваться и, несмотря на репутацию «беспокойных» юношей, их все же брали в университет¹⁶³. В целом отношения студентов и инспектора, избравшегося первоначально из числа профессоров, носили «патриархальный» характер (отечески заботливый, но строгий воспитатель – воспитуемые) и вписывались в так называемый «семейный стиль» взаимодействия внутри корпорации.

О «семейном стиле» отношений в дореформенном университете рассуждают исследователи университетской повседневности первой трети XIX в. «Университетская корпорация интересующего нас времени, – отмечает Е.А. Вишленкова применительно к Казанскому университету первой половины XIX в., – легко сопоставима с большой семьей»¹⁶⁴. Соответствовали «семейному стилю» отношения профессоров друг к другу и к студентам как младшим членам семьи¹⁶⁵. Патриархальные отношения внутри университета, восходящие к нормам средневековой университетской культуры, складывались в это время не только в провинциальной Казани, а были вообще характерной чертой российских университетов. И.П. Кулакова, исследовавшая Московский университет, отмечает: «Патриархальные нравы, жизнь “по-семейному”... стали стилем общения внутри университетского сообщества»¹⁶⁶. Следуя духу Просвещения и задаче одновременно обучать и вос-

¹⁶² ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 205: Отчеты и предложения смотрителей об улучшении поведения студентов. 1807. Л. 7–8.

¹⁶³ Вишленкова Е.А. «Воспроизводство себе подобных» в российских университетах первой половины XIX века... С. 12.

¹⁶⁴ Вишленкова Е.А. Казанский университет Александровской эпохи: альбом из нескольких портретов. Казань, 2003. С. 55.

¹⁶⁵ Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. Terra Universitatis... С. 192.

¹⁶⁶ Кулакова И.П. Московский университет в историко-культурной среде XVIII века. Дис... канд. ист. наук. М., 2002. С. 226.

питывать, педагоги осуществляли «воспитание и обучение в патриархальном, семейственном духе»¹⁶⁷.

Малочисленность университетского сообщества и его изолированность от городской жизни, особенно заметные в столичном Петербурге, содействовали оформлению особого «семейного» стиля общения. Для Педагогического института он выражался в том, что поочередно профессора инспектировали студентов, выслушивали их жалобы, «увещевали» и наказывали. Так было во всех университетах империи первой четверти XIX в. Профессор, инспектирующий студентов, должен был руководствоваться «отеческой заботой», так как устав 1804 г. предписывал ему «нерадивых увещаниями привлекать к должности»¹⁶⁸. Инспектор имел помощника из числа младших преподавателей, который зачастую жил рядом с казеннокоштными студентами в помещениях университета и мог их контролировать постоянно. Казенные студенты, бывшие в основном выходцами из духовной среды, легко принимали сценарий патриархального воспитания, усердных занятий науками, минимума свободы, аскетического быта. Лишь немногие проявляли «буйный нрав» и демонстративно игнорировали необходимость посвящать основное время академическим занятиям. В этом случае, следуя «бурсацкому» культурному стандарту, самые отпетые нарушители дисциплины не знали границ в деяниях, определявшихся как «порочные»: пьянстве, разгуле, воровстве, неподчинении начальству.

Конечно, за свои проступки студенты несли неотвратимые наказания, но в большинстве случаев они были довольно мягкими. В первой четверти XIX в. дело зачастую решалось «приличными извинениями одного [студента] и увещаниями другого [профессора]», с надеждой что зачинщик исправится в своем неприличном поведении¹⁶⁹. Инспектор Казанского

¹⁶⁷ Хорошилова Л.Б., Пономарева В.В. Воспитание в Московском университете в первой четверти XIX в. // Педагогика. 2000. № 10. С. 77.

¹⁶⁸ Сборник постановлений ... Т. 1. Стлб. 287.

¹⁶⁹ Свербеев Д.Н. Из воспоминаний // Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 11.

университета Ф.К. Броннер писал о том, что члены Совета, принимая решение о дисциплинарном взыскании для студента, «судят о поступке по намерению, с каким он сделан»¹⁷⁰. Как показывают материалы делопроизводства Педагогического института, решение о дисциплинарном наказании воспитанника зависело не только от тяжести студенческого проступка, но и от личностных отношений студента и членов профессорской корпорации, поскольку Совет профессоров при разборе таких дел выступал в качестве суда первой инстанции. Профессора часто защищали нарушителей порядка перед попечителем округа, поскольку именно ему обязаны были еженедельно докладывать обо всех инцидентах.

Для «исправления» студента и прекращения конфликта вначале использовались все доступные меры воздействия на него: «увещевание», лишение «стола», розги, карцер, т. е. «домашние» средства исправления, вписывающиеся в «семейный стиль» университетской повседневности. Так, например, в 1806 г. студента Педагогического института Румского, пытавшегося «изнасиловать» девку, жившую в доме эконома, Конференция профессоров решила облачить в позорный серый кафтан и заставить чистить двор института вместе со служителями. Однако Румский отказался подчиниться вынесенному решению, после чего в присутствии профессоров М.А. Балугьянского и А.М. Теряева был заключен под стражу, но не в карцер института, а передан городской полиции. После того, как Румский был выдержан на съезжей, петербургский обер-полицмейстер Ф.Ф. Эртель отправил секретарю Конференции И.И. Мартынову записку с предложением собрать Конференцию, чтобы «при ней студент просил прощения и получил оное»¹⁷¹. Только после вынесения Конференцией решения исключить Румского из института, им было написано слезное письмо, являющее «совершенное раскаяние». По решению по-

¹⁷⁰ Нагуевский Д.И. Профессор Франц Ксаверий Броннер, его дневник и переписка. (1758–1850 гг.) Казань, 1902. С. 20.

¹⁷¹ ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 150: Рапорт проф. Резанова о проступке студ. Румского. 1806. Л. 9.

печителя студент просил прощения у Конференции института, и после заключения под стражей около 20 дней был прощен.

Кроме дисциплинарного контроля со стороны инспектора, в Педагогическом институте из числа студентов выбирались так называемые «старшие»¹⁷², призванные следить за соблюдением порядка, и дежурные в классах, отмечавшие в особом журнале отсутствующих на лекциях. Однако студенческая солидарность не позволяла им превратиться в комнатных полицейских. В рапорте за 1807 г. инспектор А.С. Лубкин так писал о положении «старост»: «Они боятся иметь голос против своих товарищей и потому не в состоянии воспрепятствовать беспорядкам в комнатах, а притом и скрывают их, опасаясь ропота и ненависти от живущих с ними»¹⁷³. Положение о выборе «старших» студентов было зафиксировано в уставе Главного педагогического института (1816)¹⁷⁴ и даже вошло в проект устава Петербургского университета, разработанный С.С. Уваровым¹⁷⁵. Вероятно, оно применялось и в первые годы после преобразования Главного Педагогического института в Петербургский университет. В Казанском университете также существовала категория «камерных студентов», обязанных следить за поведением своих товарищей в комнатах, делать им замечания и рапортовать начальству обо всем происходящем¹⁷⁶. Однако вопреки замыслу здесь «камерные студенты» не оправдали своего предназначения, и через несколько лет эта практика «самонадзора» была отменена.

Таким образом, специфика правового положения студента в первой четверти XIX в. определялась тем, что именно профессорская корпорация устанавливала границы «благонамеренности», или норм и девиаций, определяла соотношение проступка и наказания, а также допустимый уровень вмеша-

¹⁷² ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 524: Об утверждении списков студентов, избранных старшими в комнатах. 1809.

¹⁷³ Там же. Д. 205: Отчеты и предложения смотрителя об улучшении поведения студентов. 1807. Л. 3.

¹⁷⁴ Сборник постановлений... Т. 1. Стлб. 863.

¹⁷⁵ Материалы по истории Санкт-Петербургского университета... С. 77–78.

¹⁷⁶ Булич Н.Н. Из первых лет Казанского университета. Рассказы по архивным документам. СПб., 1904. Т. 2. С. 402.

тельства в частную жизнь студентов. Причем регламентации подлежала не только учебная, но и бытовая жизнь воспитанника. Принципы правового регулирования положения студентов и их места в учебном процессе, утвердившиеся в 1800-х гг., надолго оставили студентов в положении «опекаемых», не только обучаемых, но и «воспитуемых», т. е. не полноправных и не вполне дееспособных членов университета. Частое употребление в законодательных документах и делопроизводстве слова «воспитанник» в качестве синонима слова «студент», это подтверждает. Тем не менее «дух университета» смягчал негибкие пункты ведомственных распоряжений, поэтому реальная жизнь универсанта была гораздо богаче предписаний, а свобода отношений, царящая внутри университетских стен, корректировала полицейский дух управления университетами.

Первая попытка законодательно регламентировать правила поведения для студентов и способы наказания провинившихся без санкции профессорского Совета относится ко времени попечительства Д.П. Рунича. В октябре 1821 г. на Петербургский университет были распространены знаменитые «Инструкции» попечителя Казанского учебного округа М.А. Магницкого, написанные для ректора и директора Казанского университета. Они позволяли попечителю формулировать свои требования к студентам, определять порядок надзора за ними. При этом эти установки неизбежно ставили профессоров в столь же жесткие дисциплинарные рамки, обрекая их присмотром за студентами, который переставал быть с этого времени «семейным» и «отеческим».

Цель университетского образования отныне формулировалась как *воспитание полезных граждан* Отечеству. «Нравственному воспитанию предлежит объять и возделать волю воспитанников, их совесть, нравы и наружное обращение», – говорилось в «Инструкциях»¹⁷⁷. С этого времени контроль над нравственностью студентов и соблюдением ими дисциплинарных норм принадлежал не профессорской корпорации, а университетской администрации, которая все более отделялась от

¹⁷⁷ Сборник постановлений... Т. 1. Стлб. 1203.

Совета профессоров и попадала в зависимость от попечителя и министерства. От попечителя же поступали прямые инструкции для инспектора студентов и его помощников. В частности, Д.П. Рунич, получив информацию по прямым каналам, сообщал инспектору весной 1826 г., что студенты в воскресные и праздничные дни приходят на литургию с опозданием и предписывал наблюдать за тем, чтобы они собирались в церкви еще до начала чтения часов, «дабы не нарушалась тишина и благоговение»¹⁷⁸. В «Инструкции» Магницкого впервые законодательно фиксировалось превосходство студентов, отличающихся христианскими добродетелями по отношению к остальным, таковых добродетелей не проявившим. При этом постулировалось, что основная добродетель юности – послушание и покорность¹⁷⁹. Инициатива в клерикализации повседневных академических и внеакадемических занятий и «духа университета» исходила от правительственных чиновников, и профессора не могли этому противостоять. До конца попечительства Рунича и его отставки особым направлением контроля было духовно-нравственное, требующее неукоснительного следования «Инструкциям» Магницкого¹⁸⁰.

Донесения попечителя Д.П. Рунича о состоянии университета министру народного просвещения, которые он считал необходимым представлять несколько раз в год, обличая крайнюю меру упадка, в который ввергли университет его предшественники и предлагая разнообразные средства «исцеления», изобилуют нелестными характеристиками универсантов. Д.П. Рунич пишет: «О нравственности студентов не могу к прискорбию сделать выгодного отзыва... самые грубейшие пороки допущены по причине худого надзора за студентами и неограниченной свободы, которой предоставлено было им пользоваться»¹⁸¹.

¹⁷⁸ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 4122: О порядке хождения воспитанников в церковь. 1826. Л. 2.

¹⁷⁹ Там же.

¹⁸⁰ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 4027: По предписанию г. министра народного просвещения о доставлении отчета в исполнении инструкций директору и ректору Казанского университета, принятых в руководство по СПб. университету. 1826.

¹⁸¹ РО ИРЛИ. Ф. 263 (Д.П. Рунич). Оп. 3. Д. 50: Записка о настоящем положении Санкт-Петербургского университета. Л. 4 об–5.

После удаления из университета профессоров, обвиненных в безбожии и вольномыслии, несовместимом с воспитанием юношества, Д.П. Рунич вслед за Магницким также формулирует систему критериев для определения «безнадежных» в академическом отношении студентов и исключает их из университета в ходе знаменитого «разбора» студентов 1822 г.¹⁸² Эта фильтрация и без того немногочисленного студенческого состава (в период преобразования университета в 1820–1821 гг. принимались только своекоштные студенты, но не было и выпусков, так что численность студентов оставалась на уровне 1817–1818 гг.) преследовала не академические, а дисциплинарные и идеологические задачи.

Ознакомившись с донесениями директора Петербургского университета Д.А. Кавелина о беспорядках в университете и Благородном пансионе при нем, Д.П. Рунич констатировал, что причина в том, что не налажено «прямого надзора» и надлежащего присмотра за поведением студентов. Он сделал вывод, что инспектор студентов, бывший флотский офицер Н.М. Клемент «за ранами и по кроткому нраву» не способен к должности, а его помощник экстраординарный профессор М.Г. Плисов (фигурировавший в «деле профессоров») «по строптивой непокорности» сам подавал студентам дурной пример¹⁸³. В результате из 121 студента, состоявшего в университете в 1822 учебном году, основная масса которых начала обучение еще в Главном педагогическом институте в 1817 г., по настоянию Рунича был уволен 51 студент «по недостаточному учению и неблагонадежности». Из оставшихся семь человек были признаны годными только к занятию должности младших учителей гимназий или учителей уездных училищ¹⁸⁴. Негодных «по неблагонадежности» к учительскому званию Рунич предложил выпустить в гражданскую службу тем же классом, который был предусмотрен для выпускников института его уставом. Но и среди восьми лучших по ака-

¹⁸² Санкт-Петербургский университет в первое столетие... С. 301–343.

¹⁸³ Там же. С. 303.

¹⁸⁴ Там же. С. 304–305.

демическим успехам студентов, которых предполагалось оставить в университете в статусе кандидатов, некоторые (Богданов, Волков и Шаумбург) были также признаны неблагонадежными по донесениям директора, но поскольку они предназначались к выпуску в Коллегию иностранных дел и специализировались по восточным языкам, терять таких специалистов Рунич считал нецелесообразным. Остальные лучшие студенты (Елпатьевский, Рождественский, Тихомиров, Семенов, Крылов, Соколов, Брут и Александр Постельс) готовились «для занятия высших ученых должностей» и действительно исполняли в следующие годы обязанности преподавателей на разных факультетах. При «разборе» все студенты были разнесены попечителем по особым спискам.

Критерием исключения студентов и последующего ограничения их в правах в гражданской службе в данном случае стали не столько академическая неуспешность, сколько мнимая «политическая неблагонадежность» и дурное поведение, которое было щедро засвидетельствовано директором Д.А. Кавелиным, к тому времени сконцентрировавшим в своих руках полицейскую часть управления университетом¹⁸⁵. Несколько студентов были удалены из университета с определением в гувернеры на том основании, что прежде они исполняли должности гувернеров в Благородном пансионе при университете. В зависимости от успехов в науках они получили разные чины при выпуске¹⁸⁶. Во всяком случае, обучение их, которое должно было продолжаться 6 лет, закончилось годом раньше. Тем самым Д.П. Рунич дезавуировал принятые прежде правила оставления в университете, выдачи аттестатов и присвоения ученых степеней действительного студента и кандидата, а также определения в чины, соответствующие должностям учителей и старших учителей. Эта контрреформа основывалась не на результатах уже сданных за годы обучения

¹⁸⁵ См.: Жуковская Т.Н. Система управления и административная практика Санкт-Петербургского университета в первой половине XIX в. // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2015. Вып. 3. С. 21–32.

¹⁸⁶ Санкт-Петербургский университет в первое столетие... С. 309.

экзаменов, поскольку оценкам экзаменационных комиссий из профессоров Рунич сразу объявил недоверие, а на представлениях самого попечителя о благонадежности и нравственности молодых людей. Инициатива Д.П. Рунича произвести «разбор» студентов по способностям и нравственности и уволить «безнадежных» была поддержана министром народного просвещения А.Н. Голицыным и Александром I.

Исключенных по неблагонадежности оказалось 30 человек. Механизм несправедливого исключения и последующую судьбу первых студентов обновленного университета можно проследить на одном ярком примере. Среди назначенных к исключению был студент третьего разряда, т. е. разряда восточной словесности историко-филологического отделения философского факультета, Богданов. Правление университета рассматривало дело о его исключении отдельно, что было скорее уступкой молодому человеку. В момент разбора студентов Богданов был признан неблагонадежным по части нравственности, но был оставлен в университете в уважение его успехов в восточной словесности. Однако не прекращавшиеся своевольные отлучки его из университета и склонность к пьянству все же вынудили Правление принять решение об исключении Богданова из университета. Так как студент происходил из духовного звания, то должен был быть отправлен в военную службу на основании Положения от 21 апреля 1811 г. Правление университета, решив не усугублять меры наказания, ходатайствовало исключить Богданова из университета без всяких прав, наряду с прочими «порочными» студентами, к разряду которых должен быть причислен Богданов. На это последовало высочайшее утверждение с указанием взять с Богданова свидетельство, в какую службу он желал бы поступить¹⁸⁷. Через год после исключения Богданов был определен канцеляристом в Царскосельскую дворянскую опеку. Благодаря положитель-

¹⁸⁷ РГИА Ф. 733. Оп. 20. Д. 277: Об исключении студента Богданова из Санкт-Петербургского университета. 1822.

ным отзывам по службе в 1826 г. молодому человеку было разрешено держать экзамен, и после высочайшего утверждения Николаем I Богданов получил чин X класса. В дальнейшем, уже после отставки Рунича, многие несправедливо исключенные из университета или определенные в службу с понижением чина против положенного, опротестовали результаты «разбора» студентов 1822 г. В 1825–1826 гг. в Правление Санкт-Петербургского университета прошения о присвоении положенного при выпуске обычным порядком чина подали еще несколько человек, исключенных в 1822 г.: Грешищев, Голубев, Плаксин, Веселовский и др., причем всем им за исключением Грешищева по решению министра был присвоен классный чин¹⁸⁸. В докладе министра народного просвещения А.С. Шишкова Николаю I говорилось, что «разбор» студентов в 1822 г. произведен был «слишком поспешно и не довольно основательно». Всего 13 студентов, исключенных Руничем, обратились с подобным ходатайством, и в большинстве случаев ходатайства были удовлетворены, по повелению Николая I, а «приговор г-на Рунича признан неосновательным»¹⁸⁹.

Несмотря на осуждение деятельности Д.П. Рунича, система управления, при которой право судить о поведении воспитанников и диктовать требования к нравственности учащихся, исходя из представлений чиновников, а не ученой корпорации, как прежде, была постепенно утверждена. Университетское пространство становится более прозрачным для контроля, «семейный стиль» с начала 1820-х гг. постепенно вытесняется мобилизацией учащихся и учащихся в образовательный процесс, интерпретируемый как род государственной службы. Однако полного огосударствления и формализации университетских отношений не могло произойти, что показала дальнейшая история столичного университета после кризиса, связанного с «делом профессоров» и «разбором» студентов.

¹⁸⁸ См., например: ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 4046; ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 4047; ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 4048; ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 4010.

¹⁸⁹ Санкт-Петербургский университет в первое столетие... С. 336–341

Дисциплинарные правила и в дальнейшем очерчивали не только рамки учебной деятельности студента, но и нормы его поведения, а внутриуниверситетский надзор контролировал поступки и даже образ мыслей учащихся. Как писала Ц. Виттекер, в течение всего николаевского царствования университеты рассматривали себя «in loco parentis» (вместо родителей. – Т.Ж., К.К.) и соответственно занимались воспитанием студентов¹⁹⁰. Студент, независимо от возраста, не считался полноценным членом общества, время его обучения использовалось и для укоренения в неокрепших умах политической благонадежности и общественной нравственности. В 1833 г. на церемонии открытия университета Св. Владимира попечитель Киевского учебного округа Е.Ф. фон Брадке в своей речи выразил установку правительства на необходимость дисциплинарного контроля за студентами со стороны университетского начальства. «Я уверен, – сказал оратор, – что на нравственность студентов будет обращено самое тщательное внимание. В тех letech, когда пылкие страсти действуют во всей своей силе, когда воля делается самостоятельнее, но не имеет твердых основ, когда ложная свобода в действиях считается истинною, юноша более, нежели когда-либо имеет необходимость в руководителе, в друге, в отце»¹⁹¹. Такого рода патернализм легитимировал навязчивую заботу государства и контроль чиновников за всеми сферами жизни студенчества¹⁹², и эта система отношений просуществовала до середины 1850-х гг.

Идея о необходимости контроля университета за нравственностью студентов наиболее развернуто представлена в инструкции инспектору студентов Московского университета, высочайше утвержденной 18 октября 1834 г. «в виде опыта» на один год, но впоследствии взятой за основу для всех университетов по силе университетского устава 1835 г. В этом

¹⁹⁰ Виттекер Ц. Граф Сергей Семенович Уваров... С. 199.

¹⁹¹ ЖМНП. 1834. № 8. С. 307.

¹⁹² Вишленкова Е.А. «Воспроизводство себе подобных» в российских университетах... С. 49.

документе поставленный под непосредственный контроль попечителя инспектор студентов был назван чиновником, которому непосредственно вверяется «нравственное управление» над всеми студентами и надзор за ними. Ему вверялись не только казенные студенты, но и те, что учились «на иждивении частных людей», своекоштные студенты и вольнослушатели. В отношении к казенным студентам нравственный, полицейский и академический надзор дополнялся надзором хозяйственным¹⁹³. Нравственность студентов определялась как залог их академических успехов (!), а также как условие воспитания «истинных сынов церкви, верных служителей престолу и полезных отечеству граждан». Поскольку религия понималась как «краеугольный камень» доброй нравственности, инспектору вменялось не допускать «равнодушия к богослужению» и наблюдать, чтобы казеннокоштные студенты ежедневно присутствовали на утренних и вечерних молитвах в собственных комнатах и отправляли их «с должным благоговением», а в воскресные и праздничные дни все, кроме иноверцев, ходили к обедне в храм (не сказано, в какой именно) и вели себя там подобающим образом. В Страстную неделю студенты должны были говеть и приобщаться Святых Тайн в университетской церкви. Студенты-лютеране должны были представить инспектору свидетельство о конфирмации, католики о первом причастии¹⁹⁴. Своёкоштные студенты могли не посещать службы в университетской церкви, но в таком случае они представляли инспектору свидетельства от причта того православного прихода, где они исповедовались и приобщались Святых Тайн или (для иноверцев) свидетельства «от духовных особ иноверческих исповеданий». Студент обязан был исполнять законы общегосударственные, законы университетские и предписания начальства, сохраняя «обязанность чинопочитания» не только в отношении лиц университетской иерархии, но и «про-

¹⁹³ Сборник постановлений... Т. 2. Отд. 1. Стлб. 619.

¹⁹⁴ Там же. Стлб. 620.

чих властей». Особенно беспокоясь о неповторении политических заговоров подобных декабристским конспирациям, автор инструкции обязывал инспектора наблюдать, «чтобы ни под каким предлогом не заводили тайных обществ и сходбищ», а в случае выявления таковых докладывать попечителю округа.

Отношение к студентам как к неполноправным гражданам, не достигшим возраста взрослости и ответственности, выражалось в том, что их нравы описаны как нравы незрелых юношей, нуждающихся в присмотре и наставлении. Инструкция университетскому инспектору предупреждала, что молодые люди, учащиеся в университете, находятся в тех годах, когда «воображение, страсти и физические силы достигают высшего периода развития», отчего происходят необдуманные поступки¹⁹⁵. Говоря о нравственности, инструкция предупреждала, что среди студентов не могут быть терпимы «порок и разврат ... даже при отличных способностях», и если некоторые из учащихся уже приходят в университет «с порочными наклонностями и вредными привычками», то долг инспектора – выявить эти пороки и «узнать характер каждого». Для этого инспектору вменялось в обязанность вести беседы со всеми студентами, узнавая об образе жизни в родительском доме и занятиях до поступления в университет, а относительно своекоштных выяснять, «с кем они живут и обращаются, какие имеют способы существования и в чем упражняются вне лекций»¹⁹⁶. Для этого предписывалось инспектору или его помощникам посещать своекоштных студентов на квартирах «в разные часы и всегда неожиданно». В случае, если студент жил с родителями или родственниками, благонадежность которых не подвергалась сомнению, обязанность наблюдения за его нравственностью и поведением перекладывалась на родственников.

Студентам запрещалось селиться там, где расположены трактиры, рестораны, постоялые дворы или «скопляются люди подозрительного поведения». В случае, если студент попал под подозрение, помощники инспектора обязаны были

¹⁹⁵ Сборник постановлений ... Т. 2. Отд. 1. Стлб. 621.

¹⁹⁶ Там же. Стлб. 622.

постоянно наблюдать не только за ним самим, но и за его связями и знакомствами.

В финансовом отношении студент тоже находился под наблюдением инспектора, который должен был «преследовать и истреблять всякую роскошь и мотовство» при ограниченных возможностях молодых людей, которым часто не хватает средств даже на учебные пособия. Это считалось особенно важным для казенных студентов, им запрещалось брать деньги в долг, который в случае их несостоятельности перекладывался на университетское Правление. Посещение студентами трактиров и питейных домов в принципе запрещалось, в наблюдении за этим университетской инспекции содействовала городская полиция. Не одобрялась даже бильярдная игра и тем более карточные игры.

Особый параграф инструкции инспектору 1834 г. посвящен преследованию чтения и распространения запрещенных книг. При обнаружении таковых студент должен был открыть, от кого они получены, что позволяло городской полиции установить пути их проникновения к читателю через книжные лавки или провоз через границу.

Тем не менее инструкция многократно подчеркивает, что инспектор должен делать различие между незначительными проступками, требующими родительского наставления, и «закоснелыми пороками и развратом, нетерпимым ни в каком учебном заведении». Пристойное внешнее поведение, предписанное студентам, исключало «странность в телодвижениях, приемах, походке» и костюме. Умение владеть своим телом, «входить, кланяться и держать себя в обществе благовоспитанных людей» совершенствовалось в университетском танцклассе, который находился в прямом ведении инспектора и был обязательным к посещению для всех казенных студентов, а по рекомендации инспектора и для некоторых своекоштных¹⁹⁷.

Рассматривая правительственную политику в отношении студенчества в 1830–1840-х гг., можно согласиться с мнением

¹⁹⁷ Сборник постановлений... Т. 2. Отд. 1. Стлб. 624.

исследователей, что усиление административно-полицейского контроля за поведением студентов было неизбежным следствием «патерналистской» политики николаевского самодержавия по отношению к молодежи¹⁹⁸ и более пристальным, чем в прежнее царствование контролем за политическими настроениями в обществе. Что касается определения границ власти университета над своими студентами, то очевидно, что если в XVIII и первые десятилетия XIX в. в рамках достаточно закрытого университетского пространства, декларированной уставами 1804 г. правовой экстерриториальности и при немногочисленности университетского сообщества, эти отношения следовали сценарию «родительской» опеки и присмотра, то с 1830-х гг. право определять критерии нравственного поведения учащихся перешло к государству. Государство стремилось максимально сузить правовое поле универсанта, поставить под контроль не только учебную деятельность, но и пространство частной жизни учащихся, их мысли и убеждения, поэтому логичным было создание столь детализированного свода дисциплинарных правил, с которыми отныне соотносили свою деятельность не только инспекторы, студенты и университетская администрация, но и профессора.

Таким образом, с момента зачисления в студенты молодой человек оказывался в особом академическом пространстве, границы которого определялись не только внутриуниверситетскими, но и внешними связями и отношениями, а дисциплинарные нормы устанавливались вручаемыми каждому студенту специальными «правилами», написанными в духе вышеупомянутой инструкции, и представлявшими свод предписаний и запретов, которым студент должен был неукоснительно следовать. Контроль за поведением и нравственностью студентов был возложен на инспекцию, превращенную в самостоятельный университетский нравственно-полицейский ин-

¹⁹⁸ Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 4. Ч. 2. С. 9.

ститут, непосредственно подчиненный попечителю округа и облегчавший возможность его прямого вмешательства в дела университета и конфликты по поводу студентов. Инспекция осуществляла нравственный, учебный и полицейский надзор в университетах, в ее непосредственном подчинении находились все студенты.

Согласно университетскому уставу 1835 г., инспектор назначался из военных или гражданских чиновников и именовался «блюстителем порядка и благочиния», именно ему высшее начальство вверяло «нравственное управление» над всеми учащимися в университете и надзор за ними¹⁹⁹. С 1834 г. у инспектора было несколько помощников, субинспекторов или, как называли их студенты, «субов», которые непосредственно наблюдали за поведением воспитанников вне аудиторий, за их занятиями и обо всех «дерзостях и соблазнительных поступках» немедленно доносили инспектору. Субинспекторы не только исполняли функции согладатаев, но и сами имели право делать студентам замечания по поводу их внешнего вида или опоздания на занятия. Количество помощников росло пропорционально увеличению численности студентов. В 1833 г. Совет Петербургского университета доносил попечителю К.М. Бороздину о необходимости в связи с ростом числа студентов увеличить число помощников инспектора с одного до двух. Новый попечитель М.А. Дондуков-Корсаков утвердил эту меру усиления надзора за студентами еще до введения нового устава, и инспектор в столичном университете получил по штату двух помощников. В декабре 1838 г. министр народного просвещения С.С. Уваров, в ответ на ходатайство попечителя, распорядился ввести в штат третьего помощника инспектора. А уже в мае 1839 г. в Санкт-Петербургском университете инспектору было разрешено иметь четырех помощников²⁰⁰.

Инспектор или, как значилось в уставе 1835 г., «чиновник по нравственной части», имел в здании университета особое

¹⁹⁹ Сборник постановлений... Т. 2. Отд. 1. Стлб. 619, 753.

²⁰⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 22. Д. 65: Об усилении надзора за студентами университета и о расширении штата лиц, занимающихся этим надзором. 1833. Л. 23.

помещение, мог посещать лекции и испытания студентов. В некоторых случаях инспектор присутствовал на заседаниях университетского Правления и имел голос наравне с другими его членами²⁰¹. Надзор инспекции за учащимися, в соответствии с духом инструкции 1834 г., заключал в себе часть учебную, а также нравственную, полицейскую, а в отношении казеннокоштных воспитанников еще и хозяйственную.

Надзор инспектора по учебной части состоял в наблюдении за тем, чтобы учащиеся исправно и в надлежащей форме являлись на лекции и пристойно себя держали как во время занятий, так и между ними. В отношении казеннокоштных студентов контроль распространялся еще дальше. Инспектор должен был наблюдать, чтобы молодые люди, живущие в зданиях университета, и вне лекций занимались учебными упражнениями и строго придерживались назначенного распорядка.

За нарушение установленного порядка казеннокоштные студенты могли лишиться права покидать университетскую территорию. Так, например, в 1839 г. инспектор направил ходатайство к ректору университета И.П. Шульгину о том, чтобы всем бывшим воспитанникам Гатчинского сиротского института, поступившим в университет на льготных условиях, был ограничен отпуск в Гатчину. Поводом к такому распоряжению послужили частые отлучки студентов на столь дальнее расстояние и пропуск ими лекций. Особое распоряжение было сделано в отношении студента Твелькмейера, который после возвращения из Гатчины был посажен в карцер на хлеб и воду на трое суток. Причина столь строгого взыскания заключалась в том, что Твелькмейер уехал в Гатчину, нарушив запрещение инспектора. Инспектор сообщал ректору: «Твелькмейер весьма грубо отвечал мне, что имеет позволение ездить в Гатчину и не снял даже предо мною фуражки»²⁰². На примере этого дела видно, что в сознании студентов выстраивалась особая градация полномо-

²⁰¹ Сборник постановлений... Т. 2. Отд. 1. Стлб. 753.

²⁰² ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 2. Ф. 216: Об ограничении отпуска студентов, поступивших в Санкт-Петербургский университет из Гатчинского сиротского института. 1839. Л. 1 об.

чий властных инстанций. Твелькмейер не подчинился распоряжению инспектора потому что, видимо, действительно испрашивал у ректора позволение съездить в Гатчину и получил его. Студент считал, что инспектор стоит в университетской иерархии ниже ректора и не вправе отменять его распоряжения в отношении студентов. В данном эпизоде открывается конфликт между вертикальной подчиненностью университета и, соответственно, его студентов через инспектора – власти попечителя, формами университетской самоуправления, допущенными уставом 1835 г., и реальными границами самоуправления, которые в отношении студентов были гораздо более узкими.

Студенты были подчинены надзору университетской полиции и в каникулярное время. Те из них, кто отправлялся на каникулы, должны были получить у инспектора отпускные билеты, а по возвращении представить эти билеты обратно²⁰³. Надзор за нравственностью студентов понимался учебным начальством довольно широко. Правительство упорно отстаивало воспитательный характер университетов, желая видеть в них учебные заведения, в которых преподавание находилось бы под бдительным надзором начальства, а молодежь воспитывалась бы в духе религиозного смирения и преданности престолу. Так, еще в 1824 г. на заседании Главного правления училищ А.С. Шишков, назначенный на должность министра народного просвещения, высказал свое убеждение в том, что «науки, поощряющие ум, не составляют без веры и нравственности благоденствия народного». В религии, нравственности, патриотизме видел Шишков основы «истинного просвещения», без которого немыслимо дальнейшее развитие общества. Об этом министр неоднократно говорил и писал впоследствии²⁰⁴.

Инспектор, как и было ему предписано, наблюдал за «чистотой нравов и беспорочным поведением» студентов, свя-

²⁰³ Правила для студентов императорского С.-Петербургского университета. СПб., 1839. С. 13. См. также: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 2. Д. 262: Об увольнении студентов Петербургского университета в отпуск. 1840 г.

²⁰⁴ Две всеподданейшие записки А.С. Шишкова // РС. 1896. № 9. С. 578.

зьями и знакомствами молодых людей, а также смотрел за тем, чтобы учащиеся не посещали трактиров и не имели у себя записанных сочинений. Под контроль инспектора было поставлено и отправление религиозных обрядов: в воскресные и праздничные дни студенты должны были присутствовать на литургии, ежегодно одну неделю Великого поста говеть и приобщаться Святых Тайн, а казеннокоштные студенты должны были ежедневно совершать совместные утренние и вечерние молитвы²⁰⁵. В отношении к университетскому начальству, правительству и государственной власти от студентов требовалось «безусловное повиновение и чинопочитание». В инструкции инспектору студентов Санкт-Петербургского университета говорилось, что «скромность, пристойность и вежливость есть одна из отраслей нравственного надзора»²⁰⁶.

В современных исследованиях, посвященных истории Московского университета начала XIX в., отмечается, что в университете шло воспитание личности, самостоятельно мыслящей и независимой. Просвещенный идеал воспитания предполагал сформировать человека образованного, гуманного и откликающегося на требования «духа времени», гражданина своего Отечества, достойного товарища и доброго семьянина²⁰⁷. Этот образ для 1800–1810-х гг. выглядит слишком отвлеченным, а в следующие десятилетия с исторической точки зрения – очевидным анахронизмом. В николаевское время главной задачей образования становится не формирование просвещенной «благородной» личности, а воспитание политической лояльности, повиновения начальству, полезности для государственной службы. Основной миссией российского университета признается именно утилитарная задача – подготовка образованных чи-

²⁰⁵ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 4122: О порядке хождения воспитанников в церковь. 1826 г.; Сборник распоряжений... Т. 2. Стлб. 122; См. также: Стаферова Е.А. Образование и религия в 1860–1870 годах: взгляд из Министерства народного просвещения // Российская история. 2010. №6. С. 70–71.

²⁰⁶ Сборник распоряжений... Т. 2. Стлб. 124.

²⁰⁷ Университет для России. Т. 2: Московский университет в александровскую эпоху. М., 2001.

новников, заимствованная в значительной мере из опыта немецких, а именно прусских университетов²⁰⁸.

В своей работе, посвященной взаимодействию государства и русских университетов, Ребекка Фридман вводит понятие «административный идеал мужественности». Не давая ему четкого определения, исследовательница подчеркивает, что составляющими этого идеала, по мнению правительства, были: сексуальная сдержанность, повиновение и благопристойность. А жесткий внутриуниверситетский режим и система правил были созданы, чтобы убедиться, что студенты действительно усваивают эти официальные ценности²⁰⁹.

Для эффективного наблюдения за нравственностью студентов инспектор, согласно инструкции, обязан был знать характер и способности каждого из них, как «отличнейших по успехам» и поведению, так и тех, кто уже замечен с дурной стороны. Особым предметом попечения инспекции было получение сведений о своекоштных студентах, о том, где и с кем они живут, какие имеют источники существования, чем занимаются вне лекций. Как и предписывалось, на студентов, живущих в домах родителей и ближайших родственников, инспекция обращала меньше внимания, чем на своекоштных студентов, вынужденных снимать жилье. Как говорилось выше, инспектору вменялось в обязанность наблюдать не только за поведением молодых людей, но и за их связями и знакомствами.

Для осуществления наблюдения инспектор и его помощники имели право в разные часы посещать студенческие квартиры, что и делали довольно часто. Так, в рапорте попечителя Петербургского учебного округа министру народного просвещения от 20 января 1849 г. сообщается, что инспектор и его

²⁰⁸ Humboldt International. Der Export des deutschen Universitätsmodells im 19 und 20. Jahrhundert / Hrsg. von R. Ch. Schwinges. Basel, 2001; Mühlpfordt G. Russlands Aufklärer und die Mitteldeutsche Aufklärung: Begegnungen, Zusammenwirken, Partnerschaft // Deutsch-russische Beziehungen im 18. Jahrhundert. Kultur, Wissenschaft und Diplomatie / Hrsg. von C. Grau, S. Karp, J. Voss. Wiesbaden, 1997. S. 83–166.

²⁰⁹ Friedman R. Masculinity, Autocracy and the Russian university... P. 31.

помощники ежедневно объезжают квартиры студентов, посещая в особенности тех из них, которые живут одни без благонадежных родителей или родственников, или тех, кто уже подвергался замечаниям²¹⁰. Ежемесячно инспектор представлял попечителю ведомость о посещениях студентов на их квартирах, с обозначением против имени каждого студента того чиновника, кто совершил посещение и даже сведениями о том, чем в момент посещения был занят студент. Например, только за декабрь 1849 г. инспектор университета и его помощники посетили на квартирах 169 студентов²¹¹. Между тем в воспоминаниях о Дерптском университете приводятся сведения о том, что студент мог не пустить субинспектора к себе в дом, если тот не требовал этого «именем ректора и закона». Цель такого обычая, укоренившегося за несколько веков в германских университетах и перешедшего в Дерпт, как пишет один из мемуаристов, заключалась в твердом представлении, что студент, как всякий другой гражданин, имеет «право домашней свободы»²¹². Однако в других российских университетах в это время «обычай» противодействия полицейскому надзору еще не сложился.

Надзор по полицейской части, по сути, включал в себя все уже упомянутые формы надзора, поскольку трактовался как надзор за самими студентами, за помещениями, ими занимаемыми, а также за прислугой, при них находящейся²¹³. Уже в 1830-е гг. он предполагал и контроль за политической благонадежностью и общественными связями студентов, имея в виду предписанное инспектору требование следить, чтобы «студенты ни под каким предлогом и названием не заводили тайных обществ и сходбищ»²¹⁴. Следование этому требованию вело к противодействию со стороны инспекции проявлениям

²¹⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 25. Д. 199. Л. 25.

²¹¹ Там же.

²¹² Об условиях университетского образования (воспоминания студента Варадинова) // Русское слово. 1859. № 4. С. 77.

²¹³ Сборник постановлений... Т. 2. Отд. 1. Стлб. 626.

²¹⁴ Сборник распоряжений... Т. 2. Стлб. 124.

студенческой корпоративной культуры и естественному процессу объединения в кружки, товарищества, дружеские и земляческие группы²¹⁵. В особых случаях, обычно по распоряжению министра или высочайшему повелению за кем-либо из студентов мог быть установлен индивидуальный надзор как в университете, так и за его пределами²¹⁶.

Разумеется, «всевидящее око» политической полиции также неустанно наблюдало за малейшими признаками превращения корпоративных организаций студентов в «тайные общества» имеющие «цель политическую». При этом дел о «тайных обществах», фигурантами которых были бы «люди университета», сравнительно мало, хотя повседневная жизнь закрытого университетского сообщества, казалось, давала повод к подозрительности. Этот факт говорит, конечно, не о «доверии» к университету, но о признании права университета самому выявлять политически неблагонадежных и принимать меры к воспитанию лояльности, а также о снисходительном отношении к корпоративной активности студентов, если она была далека от политики. Документы свидетельствуют, что само университетское начальство было очень внимательно к образу мыслей воспитанников и при малейшем подозрении в политической неблагонадежности, поводом к которому мог быть и анонимный донос со стороны, чаще всего не имеющий под собой веских оснований, исключало такого студента из университета²¹⁷. Воспитание политической лояльности средствами тотального надзора²¹⁸ дополнялось и контролем за содержанием преподавания, о чем речь пойдет ниже.

Надзор за нравственностью студентов включал как наблюдение за посещением ими храма и отправлением религиозных обрядов, которое, согласно инструкции, должен был регулярно

²¹⁵ Об этом подробнее – в гл. 5.

²¹⁶ См., например: РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Д. 211; РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Д. 232.

²¹⁷ См., например: РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Д. 223: О студенте Петербургского университета Александре Толстове. 1849 г.

²¹⁸ Булгакова Л.А. Особенности системы высшего образования в царствование Николая I... С. 124.

вести инспектор, так и пресечение и наказание проявлений «распущенности», таких как неприличное поведение в общественных местах и оскорбление женщин. Об этом подробнее речь пойдет в 5-й главе, посвященной формам социального взаимодействия студенчества с городской средой.

Контроль над нравственностью студентов на деле был эффективен лишь в отношении внешних ее проявлений, которые можно было зафиксировать на основании наблюдения или доноса. При этом чиновники университета ассоциировали с нравственными достоинствами или недостатками студента элементы внешнего облика, такие как аккуратный мундир, свежесбритое лицо, вежливый тон в обращении. Выражение «административного идеала мужественности» отыскивалось прежде всего в предписанном внешнем виде и поведении студента и лишь во вторую очередь в его академических успехах²¹⁹.

Поэтому самым распространенным поводом для конфликтов с инспекцией, множество раз отраженным в мемуарах университетов, была форменная одежда. Строгие правила ее ношения ставили студентов фактически в беззащитное положение перед мелочными придирками со стороны инспекции и внешней полиции. Для внешнего наблюдателя студенты в униформе своих университетов часто были неотличимы от военных чиновников. Отсюда, кстати, отчужденное отношение к ним городского простонародья и осторожное – со стороны полиции, опасавшейся нанести обиды «благородному человеку» в униформе. Элементом парадного мундира как раз была короткая шпага как символ «благородства», внешне уравнивавшая студентов с офицерами.

Студенческие мундиры отличали еще студентов XVIII в., учившихся в университете при Академии наук и в Московском университете. В академическом университете мундиры и шпаги для студентов предусматривались регламентом Академии наук 1747 г., но их ношение не было обязательным. Ака-

²¹⁹ Friedman R. Masculinity, Autocracy, and the Russian university... P. 31.

демические студенты были облачены в суконный зеленый кафтан, того же цвета камзол и штаны, носили башмаки, чулки, галстук и шляпу. Правда, шпаг, самого дорогостоящего элемента костюма, на всех не хватало. Во время реформы преподавания в университете при М.В. Ломоносове шпаге было придано значение стимула для поощрения к наукам, лучшие студенты награждались «именною шпагою». В числе первых этой награды по распоряжению Президента Академии наук К.Г. Разумовского был удостоен М. Сафронов. А 27 мая 1757 г. академические студенты Василий Комаренков, Алексей Разумов, Иван Шишкарёв, Илья Абрамов, Семен Введенский, Алексей Поленов, Самсон Волков, Иван Прыткой, Александр Леонтьев подали прошение о том, чтобы «для поощрения их к наукам дать бы им шпаги». Как ректор университета М.В. Ломоносов затребовал у Канцелярии формальную справку об успеваемости ходатаев, из которой следовало, что «по экзамену оказались Шишкарёв, Прыткой и Леонтьев к наукам не прилежные». «Чего ради» Ломоносов распорядился «оним Шишкарёву, Прыткому и Леонтьеву шпаг не давать, а прочим шести человекам именно Крамаренкову, Разумову, Абрамову, Введенскому, Поленову, Волкову шпаги дать»²²⁰.

В Московском университете форменная одежда в 1760–первой половине 1780-х гг. представляла собой кафтан темно-зеленого («гвардейского») цвета с красным воротом и обшлагами, камзол с короткими штанами. Костюм дополняли гарусные чулки, башмаки и треуголка. Шпага вручалась во время торжественного акта производства в студенты и воспринималась как элемент дворянского костюма²²¹.

Устав университетов 1804 г. и дополняющие его акты определили тип мундира для всех университетов, различавшийся по

²²⁰ Марголис Ю.Д. Тишкин Г.А. «Отечеству на пользу, а россиянам во славу» (Из истории университетского образования в Петербурге в XVIII – начале XIX в.). Л., 1988. С. 127.

²²¹ Кулакова И.П. Мундир российского студента (по материалам XVIII века) // Теория моды: Одежда. Тело. Культура. Международный журнал. 2008. № 9.

цвету воротника, обшлагов и особенностям шитья. Это был односторонний кафтан темно-синего сукна со стоячим воротником. Подкладка к нему полагалась синяя, камзол и нижнее платье белые. Цвет ворота и обшлагов для чиновников Московского университета был определен малиновый с золотым шитьем по вороту, обшлагам и клапанам, согласно классному чину, мундир для московских студентов не имел шитья. Для Виленского университета ворот и обшлага полагались суконные «сафирного цвета» с золотым шитьем; для Харьковского университета – черные бархатные с серебряным шитьем²²². Утверждение особых мундиров для Петербургского педагогического института было отложено, несмотря на представления Конференции профессоров на этот счет с образцами вышивки, выполненными учителем рисования института М. Берлинским²²³. До 1809 г. профессора Педагогического института носили мундир Академии наук, синего цвета «с красным суконным стоячим воротником, вышитым золотом, и таковыми же обшлагами», студенты – мундир того же типа, но без шитья²²⁴.

Образцы униформы для Петербургского учебного округа были утверждены только 20 января 1809 г. 30 апреля 1808 г. попечитель округа Н.Н. Новосильцов направил отношение министру П.В. Завадовскому с описанием и рисунком мундира. «По примеру других учебных округов» был определен «кафтан темно-синего сукна, с стоячим воротником и обшлагами бархатными фиолетового цвета (в окончательной редакции утвержденной императором, было исправлено: с обшлагами суконными красного цвета). Подкладка была дана мундиру синяя, «камзол и нижнее платье белые суконные, пуговицы позолоченные гладкие. Золотое шитье на воротнике, обшлагах и клапанах»²²⁵.

В своем проекте Н.Н. Новосильцов предложил изменить материал и цвет воротника и обшлагов, но в итоге были остав-

²²² Сборник постановлений... Т. 1. Штаты и приложения. С. 5, 6, 19.

²²³ ЦГИА СПб. Ф. 13. Д. 173.

²²⁴ Сборник постановлений... Т. 1. Штаты и приложения. С. 4.

²²⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 74. Л.1.

лены цвета академического мундира. Такой же мундир получили воспитанники Царскосельского лицея, Благородного пансиона, гимназий округа.

Студенческий сюртук для повседневной носки и даже фрак для выхода и торжественных случаев в 1800–1810-х гг. шились из дешевой ткани и выглядели бедно²²⁶, но казенным студентам было запрещено не только носить, но и приобретать «штатскую одежду»²²⁷. Увольняться «со двора» института было предписано в студенческом мундире, как и студентам других университетов.

В александровское царствование ношение мундира студентами и профессорами так и не стало обязательным. Расходы на «строительство» мундиров для большинства преподавателей и своекоштных студентов были чрезмерны. Более половины преподавателей вообще не имели парадного мундира. Это подтверждает ведомость по штатному составу Педагогического института, составленная для предполагаемой торжественной встречи Александра I при его прибытии в Петербург из европейского похода в июне 1814 г.²²⁸ В списке по учебным заведениям Петербурга было указано всего 14 персон, которые могут быть на данной церемонии, и 36, которые быть не могут, большинство – «за неимением мундира»²²⁹.

Униформа для студентов российских университетов с различием университетов по цвету воротника и виду шитья, предусмотренная университетскими уставами начала XIX в., на практике носилась не всегда. Ее вид и состояние и даже само наличие первоначально строго не контролировались. Даже казенные студенты часто одевались в свободное, а не форменное платье, особенно находясь внутри университетских зданий. В

²²⁶ Платье определялось казенным студентам на все время обучения: «на три года – сюртук синий один, на два года – фрак синий один, жилетов два, из коих один выдать для носки, а другой сберегать в магазейне до другого году...» (ЦГИА СПб. Ф. 13. Д. 1. Л. 21)

²²⁷ ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 379.

²²⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 86. Д. 389.

²²⁹ Там же. Л. 39.

некоторых случаях не хватало средств на «постройку мундиров» для казенных воспитанников (так было в Казанском университете до начала управления М.А. Магницкого) или они были пошиты из дешевых материалов, не соответствовали образцам и быстро приходили в негодность.

Отсутствие «единообразия» в ношении мундиров привлекло внимание правительства после назначения нового министра народного просвещения А.С. Шишкова. 24 августа 1825 г. попечитель С.-Петербургского учебного округа Д.П. Рунич представил обращение к министру о внесении дополнительных деталей в рисунок мундира для студентов, чиновников и служителей университета, Благородного пансиона и Высшего училища, которые бы отличали их друг от друга. Необходимость перемены мундира Д.П. Рунич мотивировал прежде всего умножением числа студентов и усложнением задач наблюдения за ними, а также отсутствием единообразия в мундире²³⁰. Рунич писал: «Порядок военной службы и вообще строгое наблюдение установленных форм, чинопачение и точность в исполнении... составляют душу дисциплины, поддерживают постоянный и единообразный во всем порядок и облегчают командование полками и армиями. Не предполагая ввести во всем пространстве в учебных заведениях, высочайше вверенных мне по званию попечителя..., военных форм и военной дисциплины, не менее того, нахожу необходимо нужным и полезным придерживаться оных», ... ибо это «приносит и в гражданских заведениях существенную пользу, облегчает присмотр за воспитанниками и вообще придает сим заведениям вид порядка и благопристойности, которое при произвольном употреблении собственного платья между чиновниками и воспитанниками возродить и удержать весьма трудно».

Попечитель предлагал покрой мундира приблизить к военному, т. к. замечено «что в тех учебных заведениях, где между чиновниками и воспитанниками введено постоянное ношение

²³⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 74. Л. 6–10. Записка Рунича легла в основу представления министра, одобренного Комитетом министров 29 декабря 1825 г. (Сборник постановлений... Т. 2. Отд. 1. СПб., 1864. Стлб. 1–4).

мундиров, по покрою несколько подобных военным, и где принят отчасти порядок и точность военной службы (автор, должно быть, имеет в виду кадетские корпуса. – Т.Ж., К.К.), ... дети имеют вообще наружность благовидную, приучаются вежливости и приобретают в движениях ловкость и непринужденность, отличающие их от воспитанников в частных пансионах и в домах родительских образованных, где едва ли обращается внимание на то, что обыкновенно почитают мелочами».

Кроме введения внешнего единообразия, попечитель предлагал «в летнее свободное от учения время» пансионеров в высших учебных заведениях столицы «приучать к правильной ходьбе, некоторому познанию фрунтовых достижений и оборотов, что без сомнения будет для них полезнее фехтования, не везде по штатам положенного»²³¹. Эта идея, как и предыдущее изложение, отражают уровень представлений Д.П. Рунича о назначении университета и образе университетского студента, которого он не отличал от воспитанника кадетского корпуса.

Д.П. Рунич представил описание и рисунки новых мундиров²³². Поразительной оказалась его способность угадать едва наметившуюся и развернувшуюся лишь в следующее царствование работу по наведению «порядка и единообразия» в системе службы. Его предложения были доложены императору министром А.С. Шишковым и после рассмотрения в Комитете министров 22 сентября 1825 г. были представлены на высочайшее утверждение²³³. В целом А.С. Шишков разделял мысль Д.П. Рунича и полагал, что введение студенческих мундиров облегчит присмотр за воспитанниками и придаст учебным заведениям «вид порядка и благоустройства»²³⁴.

Александр I, уезжая в Таганрог, не успел рассмотреть предложения Д.П. Рунича, но у Николая I они нашли отклик. 29 декабря 1825 г. Комитету министров было объявлено

²³¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 74. Л. 11.

²³² Там же. Л. 12, 35–37а (рисунки мундиров)

²³³ РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 74. Л. 19–22.

²³⁴ Шепелев Л.Е. Чиновный мир России. СПб., 1999. С. 304–305.

высочайшее решение: «Согласен, но без нашивок на рукавах у воспитанников»²³⁵. В согласии с рисунками, представленными Руничем, был изменен покрой сюртука (двубортный вместо однобортного), добавлены цветные выпушки и иные детали, «удержавшиеся» в мундире студентов до его отмены постановлением 26 мая 1861 г. Но кое-что из предложенного было отклонено. Ношение мундира стало обязательным, а отступления от предписанных образцов строго наказывались.

Таким образом, в декабре 1825 г. были внесены новые изменения в вид мундирного платья для учащихся столичного учебного округа, и это было одним из первых постановлений нового императора. Эти изменения были направлены на придание единообразия всем воспитанникам учебных заведений округа, которым был положен однобортный синий мундир с красным воротником и обшлагами, синим подбоем и выпуклыми желтыми пуговицами. К мундиру полагались черный галстук военного образца, синие панталоны, треугольная шляпа с шитьем. Для повседневной носки полагался синий же двубортный сюртук с красным воротником, синяя фуражка с красным околышем и выпушкой по верхнему кругу. На мундирах дополнительно вводились петлицы из галуна (позумента), более дешевые, чем шитье, стандартной ширины и выделки.

Студенты Петербургского университета отличались от учащихся других учебных заведений тем, что имели по две золотые петлицы на воротнике и по две золотые круглые пуговицы на рукавах мундира. В проекте мундира на обшлагах предполагались еще три петлицы, напоминавшие шевроны воспитанников Пажеского корпуса, но император удалил это излишество²³⁶. Тем не менее петлицы на воротниках студенческих мундиров, которых прежде не было, визуально делали студентов похожими на гвардейских офицеров, причем неко-

²³⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 74. Л. 19. Сборник постановлений... Т. 2. Отд. 1. СПб., 1864. Ст. 1.

²³⁶ Попов С.А. Мундир студентов и учащихся дореформенной России. М.: Фонд «Русские витязи», 2016. С. 19–22.

торые студенты еще более подчеркивали это сходство, заказывая петлицы, вышитые золотой нитью, а не сплетенные из галуна. Инспекторам студентов также был положен мундир, близкий по виду уже описанному студенческому. Эта форма мундиров послужила моделью для изменения студенческой формы и в других округах²³⁷.

В связи с принятием общего Положения о гражданских мундирах 27 февраля 1834 г. студенческая униформа была вновь изменена. С этого момента студенты всех университетов получили темно-зеленые мундиры, на темно-синих суконных воротниках которых полагались золотые или серебряные петлицы из галуна. При этом прежние различия между университетами по цвету воротника были ликвидированы, различия между униформой разных университетов устанавливались теперь не по цвету воротника, а по типу шитья (золото или серебро) и по цвету пуговиц (золотые или серебряные). Рисунок шитья для классных чинов повторял прежние образцы начала XIX в.²³⁸ Другим университетским чиновникам, включая профессоров, были оставлены темно-синие мундиры «академического» цвета. Околыш фуражки также был темно-синим. Покрой сюртука для повседневной носки не предусматривал выреза юбки спереди. Парадный мундир был фрачного покроя, с вырезом.

В 1837 г. было возвращено правило обязательного ношения треугольных шляп и шпаг как элемента парадного мундира. Министр С.С. Уваров в докладной записке писал: «С ношением шпаги как бы соединяется понятие о сохранении чести носимого мундира. Студенты, резко отличаясь тогда от воспитанников средних учебных заведений и почитая себя как бы в службе, имели бы новое побуждение удерживаться от поступков, несогласных с правилами благовоспитанности и приличия»²³⁹.

²³⁷ Попов С.А. Мундир студентов и учащихся дореформенной России. М.: С. 22.

²³⁸ Сборник постановлений... Т. 2. Отд. 1. СПб., 1864. Стлб. 544–545. Шепелев Л.Е. Чиновный мир России... С. 306–307, 313.

²³⁹ Сборник постановлений... Т. 2. Отд. 1. Стлб. 1245–1247.

Мундир выделил университетскую публику из толпы, стал знаком социальной ценности, способствовавшим формированию корпоративности. Он и в обществе воспринимался как признак высокого социального статуса. Е.А. Матисен, учившийся в Петербургском университете в середине 1830-х гг., пишет, что в обществе начинают «принимать» студентов, «обязательный [студенческий] мундир с треуголкой и шпагой получил свое значение не многим меньшее, чем мундир гвардейский»²⁴⁰.

С этого времени ношение форменной одежды стало обязательным, а покрой ее и элементы прибора (пуговицы, петлицы, форма воротника, клапаны карманов) регламентировались более строго, чем раньше²⁴¹. В «Правилах для студентов С.-Петербургского университета» 1839 г. говорилось, что в одежде студенты должны соблюдать установленную форму и опрятность, не носить усов и длинных причесок, «несообразных» с форменной одеждой. Сверх того во всех публичных собраниях, на гуляниях и на улице полагалось ходить при шпаге и быть застегнутыми на все пуговицы и крючки воротника. Пестрые брюки и галстуки при форменной одежде носить запрещалось. Предусматривались панталоны мундирного сукна, а летом белые, с помочами. Для холодного времени года полагалась серая шинель с пелериной, на которой с 1837 г. предусматривался темно-синий воротник, как на мундире. Выходя в город, студенты обязаны были носить треуголку, введенную еще уставами 1804 г., а форменную фуражку, носимую в обычные дни во время лекций, дозволено было носить только за городом²⁴². Это можно связать с тем, что в первой трети XIX в. как в военной, так и в статской форменной одежде треуголка оставалась элементом парадного костюма, тогда как фуражка считалась элементом повседневного и предусматривалась Ни-

²⁴⁰ Матисен Е.А. Воспоминания из дальних лет // Ленинградский университет в воспоминаниях современников: В 3 т. Т. 1. Л., 1963. С. 26.

²⁴¹ Об университетском мундире см.: Шепелев Л.Е. Чиновный мир России... С. 304–312; Кирсанова Р. Московский «Латинский квартал» // Родина. 1997. № 12. С. 51–54.

²⁴² Правила для студентов императорского С.-Петербургского университета. СПб., 1839. С. 3.

колаем I «только для домашнего употребления». Выходя за территорию университета, студент в униформе представлял не только «ученое сословие», но и образ «государственного человека», занимающего свою нишу в иерархии чинов; за городом социальная иерархия теряла свое значение.

Император лично подавал пример строгости в отношении соблюдения формы, и студенты столичного университета ощущали это на себе гораздо чаще и болезненнее, чем студенты других университетов. 5 марта 1839 г. Николай I через статс-секретаря передал министру С.С. Уварову, что лично заметил «большие неисправности в студентах С.-Петербургского университета. Часто встречаются студенты, носящие шляпы не по предписанной форме наравне с пажам, многие не останавливаются перед офицерами; недавно три не остановились перед самим Государем, и на вопрос отговорились тем, что Государя в лицо не знают, тогда как, видя генерала, должны были во всяком случае отдать должную честь всякому офицеру. Наконец, вчера встречены Его Величеством два студента на Сенатской площади, вместе идущие; один из них был в фуражке и, увидя Государя, отворотился, но был нагнан Его Величеством, на вопрос, зачем в фуражке, осмелился сказать, что потерял шляпу, за что тут же и арестован». По поводу данного инцидента император потребовал объявить ректору университета И.П. Шульгину строгий выговор и предписал, чтобы ректор лично осматривал студентов перед их приходом на лекции, «в приличном ли виде явились, наблюдая то же по окончании классов и не позволяя выходить из университетского здания иначе как пристойно одетым в предписанной форме»²⁴³. Эпизод, ставший поводом для возмущения императора и нового усиления инспекторского надзора, произвел в студенческой среде сильный резонанс, поскольку попал в описания мемуаристов²⁴⁴. И он был далеко не единственным.

²⁴³ Сборник постановлений... Т. 2. Отд. 1. Стлб. 1476–1477.

²⁴⁴ *Оже де Ранкур* Н.Ф. В двух университетах... С. 571–572.

Еще 6 апреля 1837 г. в собственноручной записке императора С.С. Уварову он писал в том же духе: «Нахожу нужным уведомить вас, что часто встречаю студентов, мне известных, здешнего университета, во фраках и со всеми безумными выдумками, ... потому мне желательно, чтоб вы в виде полицейской меры приказали, чтобы студенты иного платья не носили, как мундирное»²⁴⁵. В университетском делопроизводстве зафиксирован еще более ранний случай, когда студенты Петербургского университета Марков и Сологорский были неожиданно вызваны к попечителю округа. В ходе беседы попечитель старался выяснить, «не кроется ли в молодых людях дух вольнодумства, дерзости или непокорности к властям». Позже стало понятно, что поводом для столь пристрастной беседы была встреча студентов с Николаем I, при которой они «то ли от минутной забывчивости, то ли от рассеяния», не отдали государю чести. Император довел этот случай до сведения министра народного просвещения. Тот, в свою очередь, возложил на попечителя Петербургского университета обязанность «исправить оный беспорядок и ввести лучшую бдительность в наставников юношества»²⁴⁶.

Являясь знаком включенности в систему государственной службы, в то же время в восприятии самих студентов форменная одежда превращалась в признак корпоративности, символ университетского «микрокосмоса». Задолго до поступления, еще только предвкушая университетскую жизнь, молодой человек мечтал о форме, спешил заказать ее или заблаговременно приобрести. Мундир выделял университетскую публику из толпы, был знаком социальной значимости. В то же время мундир являлся предметом постоянных придирок со стороны инспекции, причиной конфликтов, лежавших вне академической сферы отношений и оттого порождавших у студентов сознание своей пра-

²⁴⁵ Цит. по: *Петров Ф.А.* Формирование системы университетского образования в России. Т. 4. Ч. 2. С. 259.

²⁴⁶ РГИА Ф. 735. Оп. 1. Д. 144: По отношению статс-секретаря Муравьева о воспитанниках Санкт-Петербургского университета Маркове и Сокологорском, подвергнувшихся высочайшему замечанию. 1826. Л. 5.

вовый ущербности. Воспитанник Московского университета Н.А. Белоголовый в своих воспоминаниях отмечал: «Со студентами, в том возрасте, когда за большинством из них законы признают гражданскую правоспособность, обращались как с малолетками. Инспектор мог любого, хотя бы самого даровитого и наиболее занимающегося распечь за малейший пустяк, за растегнутую пуговицу, и распечь безобразным образом, крича и ругаясь, – и это публично, в присутствии товарищей»²⁴⁷.

Администрация Петербургского университета вынуждена была предъявлять более строгие требования к соблюдению формы, т. к. в столичном городе встреча студентов с высокопоставленными чиновниками и даже самим императором могла произойти совершенно неожиданно, на улице. Таким образом, постоянный контроль не только со стороны администрации университета, но и городской полиции, и высших властей приводил к тому, что инспекторы строже, чем это было в других университетах, взыскивали с петербургских студентов за малейшие нарушения формы, а студенты, чтобы избежать замечаний, относились к этим требованиям более осмотрительно. Таким образом, соединенными усилиями власть и университетское начальство добивалось от воспитанников внешнего единообразия, стирающего индивидуальность²⁴⁸.

В данном контексте отступления в ношении формы считались чуть ли не фрондерством. Причем самым распространенным из них была практика ношения вместо галуна шитых золотых петлиц на воротнике, подобных офицерским, но не предусмотренных Положением о гражданских мундирах. Эта мода была почти повсеместной, что отражают живописные портреты и мемуары студентов 1840-х – начала 1850-х гг., так что некоторые администраторы просвещения даже предлагали узаконить этот элемент декора²⁴⁹. Для самих студентов шитые

²⁴⁷ Белоголовый Н.А. Из моих воспоминаний о Сергее Петровиче Боткине // Московский университет в воспоминаниях... С. 307.

²⁴⁸ Вишленкова Е.А. «Воспроизводство себе подобных» в российских университетах... С. 30.

²⁴⁹ Попов С.А. Мундир студентов и учащихся дореформенной России... С. 42.

петлицы, видимо, приобретали статусный знак сближения их в социальной иерархии с офицерством.

После ужесточения дисциплинарных правил в университетские отчеты 1830–1840-х гг. стали включаться сведения о ранжировании студентов по поведению. Критерии оценки были произвольными и целиком зависели от личного восприятия студенческого сообщества университетским начальством. Систему ранжирования студенческого поведения университетским начальством можно реконструировать, в частности, по данным о поведении студентов Санкт-Петербургского университета за 1837–1852 г.²⁵⁰, включавшимся в университетские отчеты.

За нарушение дисциплинарных правил студенты могли подвергаться различным мерам наказания, главная цель которых заключалась в «отвращении от преступлений отнятием свободы»²⁵¹. Иерархия наказаний выглядела следующим образом: выговор от ректора или университетского Совета, выставление на черной доске имени провинившегося, уменьшение размера стипендии или полное ее лишение, заключение под стражу, исключение из университета.

Основные причины взысканий, которым подвергались студенты Петербургского университета, указывались в перечневых ведомостях о студентах. Чаще всего это были мелкие проступки, такие как несоблюдение формы и предписанных правил, а также «нескромные поступки», под которыми обычно подразумевались нарушения правил общественного поведения. Другую группу наказаний составляли взыскания по учебной части: за неявку на лекцию или экзамен, за посещение утреннего спектакля во время лекций и т. п. Оценить общее количество и соотношение разных проступков за определенный период не представляется возможным. Инспектор регулярно подавал сведения о таких проступках попечителю, однако эти данные сохранились в университетском делопроиз-

²⁵⁰ См. Приложение, табл. №1.

²⁵¹ Сборник постановлений... Т. 1. Стлб. 120.

водстве фрагментарно. В университетских отчетах сведения о числе студентов, подвергшихся дисциплинарному взысканию, не сообщались, возможно, потому, что отчетам придавалось значение репрезентаций и они не должны были уронить репутацию университета. «Никто не вел себя дурно», – такова стандартная формулировка отчетов 1830–1840-х гг. Эта формулировка отнюдь не означала того, что за отчетный год не было студентов, подвергнутых взысканию. Но, согласно нормам, студент «дурного поведения», по терминологии университетского делопроизводства того времени, должен был быть исключен из университета. Поведение студентов, замеченных лишь в мелких нарушениях правил, квалифицировалось языком университетского законодательства как «довольно хорошее».

По имеющимся сведениям, не попадавшим в отчеты, реальное число студентов, получивших взыскания, было немалым. Так, за 1849 г. разного рода взысканиям подверглись 62 студента Петербургского университета, в 1850 г. – 53, в следующем году наказания понесли 30 студентов²⁵². Уменьшение во второй половине 1850-х гг. числа наказанных студентов на фоне резкого роста их численности свидетельствует не об уменьшении числа проступков и дисциплинарных конфликтов, а о либерализации режима управления университетами. Заметим, что среди наказанных всегда преобладали студенты младших курсов, причем многие из них, по аттестациям самого инспектора, были «поведения довольно хорошего». Это говорит о том, что дисциплинарные конфликты в дореформенном университете носили частный характер, вызывались скорее неопытностью нарушивших правила лиц, но отнюдь не их сознательным стремлением противостоять установленному дисциплинарному режиму.

Причины взысканий, которые налагались на студентов в середине – второй половине 1850-х гг., были теми же, что и прежде: несоблюдение формы, неисполнение приказаний ин-

²⁵² РГИА Ф. 735. Оп. 25. Д. 199: Дело об увольнении и переводе в армию студента П. Вердеревского. 1851. Л. 30–35.

спектора, ссоры между студентами, посещение немецкого клуба, куда вход универсамтам был запрещен, пьянство. Кроме того, наказывались неявка на лекции без уважительной причины, грубые ответы профессорам во время лекций, несоблюдение приличия в кабинетах для занятий. В 1854 г. из 22 наказанных студентов 15 человек были арестованы за несоблюдение формы, 5 – за несоблюдение правил, 1 – за «нескромные» поступки, 1 – за пропуски лекций²⁵³.

Уже в следующие годы число студентов, подвергшихся взысканию за несоблюдение формы, уменьшается, а основной причиной взысканий становится нарушение дисциплинарных рамок учебного процесса, прежде всего редкое посещение лекций. Тенденция к уменьшению наказаний за нарушение внешних правил поведения и перенос внимания инспекции на соблюдение студентами своих академических обязанностей наглядно иллюстрирует изменение в правительственной политике в отношении университетов. С начала царствования Александра II, еще до введения в действие нового устава, университетское обучение в глазах правительства утрачивает значение инструмента воспитания лояльности, а университет воспринимается исключительно в его основном качестве – как место подготовки специалистов и распространения научного знания.

Нередко студентам в виде наказания за проступки определялось заключение под стражу. Согласно инструкции инспектора студентов Санкт-Петербургского университета, заключенный под арест должен был содержаться в особой комнате, где были постель, пища и книги²⁵⁴. Более суровым наказанием считалось заключение в карцер, во время которого виновный не посещал лекции, не имел постели и книг и содержался только на хлебе и воде. Однако, по признанию многих мемуаристов, даже заключение в карцер не расстраивало студентов. А.И. Герцен сообщает, что препровождение в

²⁵³ РГИА Ф. 733. Оп. 95. Д. 156: Отчет университета за 1856 г. Л. 36.

²⁵⁴ Сборник распоряжений... Т. 2. Стлб. 132.

карцер в Московском университете сопровождалось студенческой демонстрацией сочувствия наказанным, которые чувствовали себя героями. В «заточении» благодаря помощи товарищей провинившиеся совсем не страдали: «Нас было велено содержать на хлебе и воде, ректор прислал какой-то суп, мы отказались и хорошо сделали: как только смерклося и университет опустел, товарищи принесли нам сыру, дичи, сигар, вина и ликеру. Солдат сердился, ворчал, брал двугривенные и носил припасы. После полуночи он пошел далее и пустил к нам несколько человек гостей. Так проводили мы время, пируя ночью и ложась спать днем»²⁵⁵. Студент Петербургского университета Н.И. Иваницкий вспоминал, что двое его провинившихся товарищей, Васильчиков и Сверчков, во время нахождения в карцере также не унывали и в продолжение трех дней выпили 18 бутылок шампанского, которые приносил им солдат²⁵⁶. Сходные воспоминания оставили мемуаристы, обучавшиеся в других университетах²⁵⁷.

Если молодой человек подвергся взысканиям неоднократно, все «мягкие» меры дисциплинарного воздействия оказывались тщетны, и он «не подавал надежды, чтобы мог научиться настоящему употреблению свободы и управления самим собой»²⁵⁸, виновнику грозило исключение. Самое большое количество исключенных студентов было в Дерптском университете. Так, по информации, опубликованной в «Журнале Министерства народного просвещения», в 1835 г. из Дерптского университета за «дурное поведение» были исключены 11 студентов, тогда как из Петербургского – лишь один, а в Московском и Казанском – по три человека²⁵⁹. Исключенному не разрешалось оставаться в университетском городе, если

²⁵⁵ Герцен А.И. Былое и думы. Собр. соч. в 30 т. Т. 8. М., 1956. С. 121.

²⁵⁶ Иваницкий Н.И. Указ. соч. С. 141.

²⁵⁷ Мамаев Н.И. Записки // ИВ. 1897. Т. 83. № 4. С. 78; Летопись забав и шалостей дерптских студентов // РС. 1890. Т. 65. С. 358.

²⁵⁸ Сборник постановлений... Т.1. Стлб. 120.

²⁵⁹ Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 4. Ч. 2. С. 376.

только он не проживал в том же городе вместе с родителями. Подобная практика должна была, по мнению правительства, исключить любые связи и отношения исключенного с бывшими товарищами по университету.

Судя по данным университетских отчетов, число студентов, ежегодно исключаемых из С.-Петербургского университета за проступки в 30–50-х гг. XIX в., было небольшим и составляло от одного до четырех человек. Лишь в 1836 г. по распоряжению начальства из университета были исключены сразу 10 человек, что можно связать с принятием нового устава и усилением контроля за поведением студентов²⁶⁰. Сопоставляя данные о числе студентов, исключенных из университета, с общей численностью учащихся, мы видим, что доля воспитанников, отчисленных по распоряжению начальства, в разные годы составила от 0,6 до 1,5 %.

Незначительное число «уволенных из университета за проступки» свидетельствует о том, что исключение действительно использовалось как крайняя мера наказания, поскольку оно законодательно отсекало для исключенного возможность закончить университетский курс в каком-либо другом университете. Сведения о студентах, исключенных из того или иного университета, рассылались в другие учебные заведения²⁶¹. Однако в 20–30-е гг. XIX в. делалось это не всегда аккуратно и своевременно, что порождало ситуацию, когда молодой человек, исключенный из одного университета, без каких-либо препятствий поступал в другое учебное заведение. Этот маневр был возможен потому, что при исключении из университета студенту возвращались документы, которые он представлял при поступлении, а именно аттестат об окончании гимназии. Так произошло со студентом

²⁶⁰ См. Приложение, табл. № 10.

²⁶¹ Данное положение было зафиксировано в Правилах для учащихся в Дерптском университете 1838 г. (Сборник постановлений... Т. 2. Отд. 1. Стлб. 1363). Однако на практике это положение соблюдалось всеми русскими университетами. В Санкт-Петербургский университет регулярно поступали сведения о студентах, исключенных из других университетов. См., например: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 314; ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 1358; ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 2340; ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 2429.

Харьковского университета Поповым, исключенным в 1827 г. за кражу из университетской столовой серебряной ложки, который, получив обратно свой аттестат об окончании Воронежской губернской гимназии, представил его снова в Правление Московского университета и был зачислен на политическое отделение²⁶². С усилением административного контроля за учащимися правило оповещения обо всех исключенных студентах соблюдалось более строго.

В литературе отмечалось, что иерархия студенческих проступков оформлялась в правительственных текстах по-разному, в зависимости от политических вызовов, усиления охранительных начал в правительственной политике и страха верховной власти перед проникновением революционных идей²⁶³. В 1840-е гг. студент мог быть удален из университета за неявку из отпуска, за неприличное поведение в университете или за его пределами, по одному подозрению в совершении уголовного преступления, к числу которых были отнесены и преступления политические. Так, например, в 1849 г. на студента IV курса Александра Толстова (члена кружка М.В. Буташевича-Петрашевского) поступил анонимный донос о том, что он неуважительно высказывался насчет правительства. Студент в объяснительной записке написал, что никогда ничего против правительства не говорил, после чего был вызван к министру народного просвещения, а затем доставлен в III отделение СЕИВК. После допроса студент был отпущен, однако глава политической полиции Л.В. Дубельт распорядился установить за ним секретное наблюдение со стороны университетского начальства. На это попечитель М.Н. Мусин-Пушкин отвечал министру, что, по его мнению, «студент, подвергшийся подозрению и над которым учреждается секретное наблюдение по требованию жандармского начальства, не дол-

²⁶² РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Д. 47: Об истребовании по высочайшему повелению почему студент Попов, быв уже за предосудительные поступки по суду исключен из Харьковского университета, принят в Московский. 1827 г.

²⁶³ Вишленкова Е.А. «Воспроизводство себе подобных» в российских университетах... С. 26.

жен оставаться в университете, но должен быть немедленно уволен и отдан под надзор полиции, располагающей для секретного наблюдения средствами, которых не имеет университетское начальство»²⁶⁴. Так или иначе, еще до завершения следствия студенту грозило отчисление из университета по подозрению в неблагонадежности. Но поскольку Александр Толстов был студентом IV курса, ему по решению попечителя было разрешено в течение апреля и мая выдержать итоговые испытания и только после этого оставить университет²⁶⁵.

В случаях, когда причины исключения были достаточно серьезными, дело поступало на рассмотрение министра и даже самого императора. Характер высочайшего вмешательства и вся система политического наблюдения за студентами хорошо иллюстрируются на примере дела студента Петербургского университета П. Вердеревского²⁶⁶. Студент III курса юридического факультета П. Вердеревский и студент IV курса того же факультета Д. Бибиков вместе с другими студентами ужинали в ресторации Дюсо, где между молодыми людьми произошел «пустяковый» спор. Однако разгоряченные вином юноши условились о дуэли. В тот же вечер об этом было доложено попечителю округа. Будучи вызваны им, молодые люди уверяли, что важной ссоры не было, и что они уже помирились. После чего Бибиков был отослан к матери, а Вердеревский, замеченный и прежде в «неблагонадежном поведении», оставлен под арестом на 3 дня.

Возможно, дело не получило бы продолжения, если бы молодые люди, следуя корпоративным условностям, не оставили намерения драться и вновь не назначили поединка. Своевременная информация об этом снова достигла попечителя, который на этот раз обратился к министру и ходатайствовал об исключении Вердеревского. Бибикова же решено было оставить в университете из уважения к долговременной службе его

²⁶⁴ РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Д. 223: О студенте Александре Толстове... 1849. Л. 5.

²⁶⁵ Там же. Л. 5 об.

²⁶⁶ РГИА. Ф. 735. Оп. 25. Д. 199.

отца, киевского военного губернатора. На основании высочайшей резолюции Вердеревский был исключен из университета и выслан на Кавказ рядовым, с выслугой не прежде трех месяцев. Прочие студенты, участвовавшие в пирушке, за неуведомление университетского начальства о дуэли были арестованы на неделю.

Механизм разрастания этого конфликта свидетельствует о том, насколько четко было поставлено наблюдение за поведением студентов, не исключавшее доносительства с их стороны²⁶⁷. Кроме того, в данном деле отражена реальная практика смягчения наказания студенту по прошению родителей, если они были известны «благонадежностью» и занимали важное положение в службе. Подобная практика, по нашим наблюдениям, применялась исключительно в отношении студентов дворянского происхождения. В некоторых случаях по решению попечителя студенту-дворянину, которому грозило исключение, могло быть выдано свидетельство в том, что он выбыл из университета по собственному желанию. Это давало ему возможность через некоторое время продолжить обучение в другом университете, даже без потери курса²⁶⁸. Таким образом, правовое поле было одинаковым для всех студентов, однако механизм определения наказания для своекоштных студентов-дворян за дисциплинарные проступки предусматривал возможность его смягчения. Для казеннокоштных студентов и стипендиатов наказание за аналогичные проступки было более суровым и неотвратимым. Но они, как

²⁶⁷ Доносчик (осведомитель инспектора из студентов) мог оказаться в каждой компании. В случае выявления доносчика, даже случайно показавшего на товарищей, отношение к нему портилось навсегда, и доносивший подвергался остракизму. А.И. Герцен пишет в связи с «маловской историей» 1831 г. в Московском университете: «Один пустой мальчик, допрашиваемый своей матерью о маловской истории под угрозой прута, рассказал ей кое-что. Нежная мать, аристократка и княгиня, бросилась к ректору и передала донос сына как доказательство его раскаяния. Мы узнали это и мучили его до того, что он не остался до окончания курса» (Герцен А.И. Былое и думы. Собр. соч. в 30 т. Т. 8. М., 1956. С. 117).

²⁶⁸ См., например: РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Д. 266: Об исключении студентов: Блахина, Случевского и Абашеева из Петербургского университета. 1852.

правило, сторонились шумных компаний, осознавая свое зависимое положение. «Все воспитание несчастных семинаристов, все их понятия были совсем иные, чем у нас, мы говорили разными языками; они, выросшие под гнетом монашеского деспотизма, забытые своей риторикой и теологией, завидовали нашей развязности; мы досадовали на их христианское смирение», – пишет А.И. Герцен²⁶⁹.

Даже после исключения оставалась возможность вновь поступить в университет при условии подачи соответствующего прошения на имя попечителя округа. Окончательное решение о приеме принималось министром народного просвещения, и шансы быть восстановленным у претендента действительно имелись, если в его исключении не усматривалось политических мотивов. В случае же когда он признавался политически неблагонадежным, ходатайство отклонялось. Архивные документы свидетельствуют о том, что все случаи «политической неблагонадежности» студентов доводились до сведения Николая I, многие из подобных дел хранят его резолюции. На примере дела об отклонении просьбы о восстановлении бывшего студента Московского университета А. Рогова видно, что министерство аргументировало свой отказ именно тем, что после исключения молодой человек находился под надзором полиции, т. к. был замешан в одно из тайных обществ²⁷⁰.

Случаи, когда выявленная политическая неблагонадежность мешала быть принятым в число студентов при переводе или первом поступлении в университет, отражаются и в делопроизводстве Петербургского университета. Так, в 1836 г. просьба некоего Г. Брама о зачислении в столичный университет была отклонена на основании того, что некоторое время молодой человек находился под надзором полиции за участие в распространении среди учеников Витебской гимназии анти-

²⁶⁹ Герцен А.И. Былое и думы. С. 109.

²⁷⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 29. Д. 146: Дело об отклонении просьбы бывшего студента университета А. Рогова о предоставлении ему прав действительного студента. 1828.

правительственных песен и сочинений²⁷¹. В 1831 г. воспитанник Дерптского университета Генрих Бах за участие в дуэли в качестве секунданта был предан уголовному суду, затем, согласно постановлению о его удалении из города как исключенного студента, уехал в Париж. Спустя несколько лет, вернувшись в Россию, Бах был отдан под надзор полиции, которая, как доносил А.Х. Бенкендорф министру народного просвещения С.С. Уварову, располагала сведениями «о весьма предосудительном образе мыслей этого молодого человека и его поведения за границей». Вследствие этого министерство отклонило просьбу Г. Баха о сдаче экзаменов за курс университета²⁷². Из опасения вредного влияния бывших студентов на основную массу учащихся, дела о повторном приеме «неблагонадежных» студентов отклонялись.

При рассмотрении структуры управления университетом в первой четверти XIX в., бросается в глаза, что границы полномочий различных инстанций в отношении студентов на практике оказывались размыты. Только часть дел принадлежала той или иной инстанции безусловно, другая же часть проходила через несколько инстанций и могла получить свое разрешение на разных уровнях административной вертикали²⁷³. Участник университетского конфликта в поисках выхода из него мог апеллировать к более высокой инстанции, например, к министру народного просвещения, минуя попечителя. Некоторые молодые люди обращались с прошениями о повторном зачислении в университет или о нарушениях дарованных студентам прав напрямую к министру, пытаясь представить незаконным и несправедливым решение попечителя

²⁷¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 23. Д. 11: Дело о разрешении принять в университет Г. Брама. 1836.

²⁷² РГИА. Ф. 733. Оп. 30. Д. 253: Дело об отказе в разрешении бывшему студенту Дерптского университета Г. Баху сдачи в Московском университете экзаменов в связи с отрицательным отзывом III отделения С.Е.И.В. канцелярии. 1836.

²⁷³ См. подробнее: Литвак Б.Г. О закономерностях эволюции делопроизводственной документации в XVIII–XIX вв. (К постановке вопроса) // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин (Статьи и материалы). М., 1984. С. 48–55.

округа о своем исключении. Подобные обращения через голову окружного начальства не преследовались, но в большинстве случаев действия попечителя и администрации университета признавались правомерными, а податели жалоб получали отказ в пересмотре дела²⁷⁴. Если дело просителя возвращалось в попечительскую канцелярию, то у него было больше шансов на внимательный разбор и снисхождение. С развитием законодательства и практики его применения обращение к высшим административным инстанциям, минуя внутриуниверситетские, переставало восприниматься как норма. И все же апелляция в высшие инстанции, включая прошения на высочайшее имя, студента или его родителей была допустима, иллюстрируя патрональный характер управления «императорскими университетами» в дореформенное время²⁷⁵.

Возможны были и жалобы студентов на нарушение своих прав и «притеснения», адресованные напрямую министру. Так, в 1831 г. на имя министра народного просвещения князя К.А. Ливена поступило прошение от бывшего студента Харьковского университета А. Мерцалова. В прошении утверждалось, что все «сословие» харьковских казеннокоштных студентов страдает от унижения со стороны инспектора Бойкова. О себе молодой человек сообщал, что, «находясь в неприличном состоянии нищенства» и страдая от жестокого обращения, решился подать жалобу попечителю на притеснения инспектора. В свою очередь инспектор, «дабы поселить у начальства невыгодное мнение» о студенте и пресечь повторение подобных жалоб, «наведя всеобщий страх», приказал посадить жалобщика на двое суток в карцер, а затем объявил о его исключении. Считая свое исключение незаконным, А. Мерцалов просил министра о своем переводе в казеннокоштные

²⁷⁴ РГИА. Ф. 735. Оп.1. Д. 374: По жалобе бывшего студента Харьковского университета А. Мерцалова на делаемые ему якобы притеснения. 1831.

²⁷⁵ См.: Жуковская Т.Н. «Императорский университет»: система высочайшего вмешательства в жизнь университетов в первой половине XIX в. // Власть, общество и реформы в России в XIX – начале XX века. Исследования, историография, источниковедение. СПб.: Лики России, 2009. С. 74–89.

студенты Санкт-Петербургского университета. Прошение не осталось без внимания министра, однако после выяснения обстоятельств дела было признано, что жалобы бывшего студента на притеснения со стороны инспектора неосновательны. На запрос министра попечитель Харьковского учебного округа В.И. Филатьев отвечал, что А. Мерцалов во время обучения неоднократно был замечен в пьянстве, отлучался из университета, пропускал лекции, при этом не показал больших успехов в учении, за что и был исключен²⁷⁶. Относительно точности обвинений против студента, произнесенных попечителем «*post factum*», в намерении оправдать уже совершившиеся действия университетской администрации, можно усомниться. Однако в сценарии данного конфликта важно то, что пострадавший истолковывает совершившееся нарушение университетского законодательства (необоснованное исключение) как решение превысившего власть инспектора. Сообщество профессоров, как и администрация университета, выглядят в этом деле пассивными наблюдателями.

Заметим, что дело студента Мерцалова относится к началу 1830-х гг., когда строгая властная иерархия в университете еще не была закреплена законодательно, порядок рассмотрения дел и принятия решений допускал отклонения. С введением устава 1835 г. подобные «превышения служебных полномочий» со стороны инспектора уже не встречаются. Инспектор своей властью мог наказывать студентов выговором или арестом в карцере до 7 дней. В случае проступков, требующих более серьезного наказания, окончательное решение принимал попечитель. В результате власть инспектора была ограничена. При определенных обстоятельствах он был обязан консультироваться с ректором и, в конечном счете, следовать распоряжениям ректора, университетского Совета и попечителя²⁷⁷. В то же время во всех инструкциях инспектору имелся специ-

²⁷⁶ РГИА. Ф. 735. Оп. 1. Д. 374: По жалобе бывшего студента Харьковского университета А. Мерцалова...

²⁷⁷ Friedman R. Masculinity, Autocracy and the Russian University... P. 28.

альный параграф, предписывающий ему самому делать «разграничение между проступками неопытной юности» и «закостенелым пороком и развратом»²⁷⁸. Право определять критерии тяжести студенческих проступков, предоставленное инспектору, а не университетской корпорации, как это было в первой четверти XIX в., порождало в сознании студентов представление о неограниченной власти инспектора.

Исключение из университета означало лишение права на получение звания действительного студента, соответствующего XIV классному чину, а также возможности выхода в службу с чином XII или X (для кандидатов и выпускников университетских благородных пансионов) класса. Однако исключение оставляло возможность вступления в службу и получения в короткий срок первого классного чина в службе. В 1848 г. МНП с разрешения местного начальства дозволялось вступать в службу и сохранять право на чин XIV класса, «с утверждением в оном не прежде года службы, но со старшинством со времени определения, показывая в послужных их списках исключение из университета»²⁷⁹. Таким образом, даже студент, вступивший в конфликт с нормами корпорации и законом и отторгнутый от университета, сохранял часть преимуществ, дарованных «человеку университета».

Как видим, положение студента университета сообщало ему немалые преимущества и помещало в особое правовое пространство. Принципы университетской автономии, закрепленные уставами начала века, гарантировали правовую защиту «чинов университета». Еще «Предварительные правила народного просвещения» 1803 г. предоставляли университету исключительное право суда над «подчиненными лицами и местами». Студенты всех университетов подчинялись университетскому начальству, а не городской полиции. Даже в случае

²⁷⁸ Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 3. С. 295.

²⁷⁹ Сборник постановлений...Т. 2. Отд. 2. Стлб. 675.

совершения уголовного преступления университет мог оказывать определенное влияние на ход судебного разбирательства: до передачи преступника обычной полиции здесь проводилось предварительное расследование²⁸⁰. Университетский суд («университетская расправа») выносил решение по всем спорам, произошедшим между членами университета, а также по дисциплинарным проступкам студентов, в том числе совершенным вне университета. Принцип неподсудности членов университетской корпорации обычному суду, хотя и не в полном объеме, был сохранен и в университетском уставе 1835 г., где говорилось о том, что «в случае если преподаватель, чиновник или студент университета взят военной стражей или городской полицией не по участию или подозрению в уголовном преступлении, то немедленно препровождается с изъяснением проступка его к ректору; в противном же случае, университет уведомляется о задержании виновного для наряда с его стороны депутата при следствии»²⁸¹.

Насколько соблюдались на практике эти нормы? Различные уличные столкновения, участниками которых становились студенты, случались довольно часто, и городская полиция, согласно закону, передавала рассмотрение таких дел университетскому начальству. Более того, устав Дерптского университета содержал пункт о необходимости защиты корпоративной чести: о том, что «в случае обиды посторонним обществом или частным человеком, оказанной корпусу студентов или одному из них, университет по получении о том сведения, обязан стараться о защищении их чести и исходатайствовании удовлетворения»²⁸². Это положение рассматривает конфликт отдельного студента с частным лицом или посторонней университету группой как дело всей корпорации, за которое корпорация несет ответственность. Подробности столкновений студентов и горожан, студентов и городской по-

²⁸⁰ Жуковская Т.Н. Правительство и общество при Александре I... С. 120–121.

²⁸¹ Сборник постановлений... Т. 2. Отд. 1. Стлб. 763.

²⁸² Там же. Т. 1. Стлб. 122.

лиции говорят о том, что свои действия в подобных случаях каждый студент истолковывал как защиту не только собственной чести, но чести всей корпорации. На практике это положение имело реальную силу во всех университетских городах, и не только в начале века, но и в следующие десятилетия²⁸³.

Необходимость подчинения студентов полицейскому надзору ощущалась все острее, по мере роста численности, единства и организованности студенческой корпорации. Во второй половине 1850-х гг. администрация Петербургского университета также была обеспокоена растущей студенческой активностью. В личном фонде ректора П.А. Плетнева сохранилась его заметка о мерах к предупреждению столкновений студентов с полицией, написанная уже в годы царствования Александра II. В этой записке, представлявшей собой черновой набросок, который, вероятно, еще предполагалось обсудить, П.А. Плетнев рассуждает о средствах к предупреждению столкновений между студентами и полицией. В сущности, он ведет речь о дополнительных мерах регулирования состава студентов и их поведения и вносит несколько предложений, которые идут вразрез с прежней практикой тотального надзора за поведением студентов.

Во-первых, ректор полагал, что необходимо усилить строгость приемных испытаний, а кроме того, повысить возрастной ценз приема до 18 лет. Во-вторых, подумать об уничтожении форменной одежды для студентов и о подчинении их общему надзору полиции²⁸⁴. Александр II при рассмотрении в Совете министров предложений о мерах к предупреждению столкновений университетских студентов с полицией повелел передать через министра внутренних дел губернаторам тех мест, где находятся университеты, высочайшую волю о строгом с их стороны наблюдении, чтобы местная полиция обходилась со

²⁸³ См. подробнее: Жуковская Т.Н., Казакова К.С. Русский студент дореформенной эпохи: нормы и повседневная жизнь корпорации... С. 76.

²⁸⁴ РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 1. Д. 155: Заметка о мерах к предупреждению столкновений между студентами и полицией. Л. 1.

студентами университета «благодушно и отнюдь не оскорбляла их резкими и неприличными выходками»²⁸⁵. Так или иначе, к концу 1850-х гг. перед правительством остро стоял вопрос об изменении правового статуса студента в сторону его большей правовой самостоятельности и одновременном смягчении дисциплинарных норм и правил. Одновременно это означало ликвидацию архаических черт университетской автономии, которые сообщались университетскими уставами начала XIX в. и частично сохранились после принятия устава 1835 г. (мы имеем в виду декларирование в уставах начала XIX в. правового иммунитета, воспроизводящего традиции средневековых немецких университетов).

Особенностью правового положения студента дореформенного университета было его подчиненное положение по отношению к университетскому начальству и переходный социальный статус. Как видим, положение студента накладывало на молодого человека определенные обязательства, но одновременно сообщало ему немалые преимущества. На протяжении первой половины XIX в. менялись критерии оценки нравственности учащихся, соответственно трансформировалось понимание проступка и соотношение проступка и наказания. Дисциплинарный надзор включал в себя контроль не только за внешними действиями, внутриуниверситетскими отношениями и поведением студента, но и за приватной жизнью учащихся и прежде всего за «образом мыслей» студента. Сопоставление положения студентов столичного университета и провинциальных университетских центров приводит к выводу о том, что столичный университет требовал от студентов большей собранности не только в учебе, но и в поведении. Учащиеся были всегда на виду, а значит должны были более строго соблюдать внешние правила поведения. Несомненно, что дела о дисциплинарных нарушениях со стороны студентов в столице чаще попадали в поле зрения министра и императора, чем конфликты

²⁸⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 172: Отчет университета за 1859 г. Л. 18.

подобного рода в других университетских городах, даже в Москве. В случае личного вмешательства императора в дело «проштрафившегося» студента «высочайшая» резолюция могла иметь катастрофические последствия для его судьбы.

Сословное происхождение студентов, за исключением выходцев из податных сословий, которые лишь по окончании университета исключались из подушного оклада, формально не влияло на их правовой статус. Однако происхождение оказывалось существенным при разборе каких-либо дисциплинарных проступков. Несоблюдение студентом предписанных норм поведения истолковывалось как нарушение «обязанностей» по отношению к обществу и могло привести к исключению из университета и потере прав. Но эта потеря не была полной. Можно сказать, что человек, однажды получивший доступ к корпоративным привилегиям, распространяющимся на студента, не выбывал из правового пространства университета окончательно, даже нарушив «социальный договор».

3.3. Условия обучения, учебная повседневность

Существование строгих дисциплинарных правил для учащихся было не единственной особенностью университетов Российской империи. В течение первой половины XIX в. были выработаны и законодательно закреплены принципы и условия обучения, существенно отличавшие их от немецких университетов, модели которых реформаторы российского просвещения следовали лишь во внешних чертах.

В образовательном пространстве Российской империи, помимо существования жестких дисциплинарных норм и регламентации публичного и частного поведения студента, сама «свобода обучения», т. е. академическая свобода учащихся, имела серьезные ограничения. Собственно сама цель обучения в российском университете формулировалась не как самодостаточное образование, приобретение познаний, а прежде

всего как подготовка к вступлению в государственную службу. По сути пребывание в университете рассматривалось как первая ступень карьеры, а для казеннокоштных студентов – главное условие вертикальной социальной мобильности.

Трансформация экзаменационной системы на протяжении первой половины XIX в. происходила в соответствии с меняющимися задачами правительства в области образования. Правила обучения были призваны не только контролировать процесс приобретения знаний учащимися, но и регулировать состав студентов.

В первой четверти XIX в., когда главной задачей правительства было наполнить аудитории слушателями и студентов приходилось буквально «зазывать» в университет, вступительные экзамены были скорее формальностью²⁸⁶. Немногочисленные обладатели аттестатов гимназий вступительных экзаменов не держали²⁸⁷. Разумеется, никаких приемных экзаменов не производилось и для семинаристов, присланных в университет из губернских семинарий. За «качество» исходного материала в этом случае несло ответственность руководство епархий, откуда прибывали будущие студенты. Правительство смотрело сквозь пальцы даже на поступление в университет лиц из податных сословий (мещан, казенных или владельческих крестьян), лишь бы они представили документ об освобождении из подушного оклада по решению общины или владельца²⁸⁸. Лишь тем, кто получил «домашнее образование» (дворянским недорослям) и собирался учиться за собственный счет, приходилось экзаменоваться. Формально это была проверка знания языков (включая латынь), математики, истории – в объеме гимназического курса. Но, испытывая дефицит студентов, на недостаток познаний у таких «недорослей» уни-

²⁸⁶ Подробнее об этом: Тихонов И.А., Жуковская Т.Н. Как поступали в университет 200 лет назад // Санкт-Петербургский университет. 2008. №11 (3778) С. 23–26.

²⁸⁷ См.: ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 500: По отношению г. министра о вызове из гимназий здешнего округа учеников, не пожелают ли поступать на вакансии студентов в Педагогический институт. 1811.

²⁸⁸ Подробнее о процедуре освобождения из подушного оклада см. в главе 4.

верситет смотрел сквозь пальцы. Кроме того, чтобы решить задачу численного наполнения университетов студентами, прием в студенты осуществлялся на протяжении всего учебного года. Подобная практика была законодательно приостановлена в октябре 1814 г. С этого времени набор студентов осуществлялся только в начале курса, о чем объявлялось в губернских ведомостях и, кроме того, сообщалось ученикам губернских гимназий через директора²⁸⁹.

По уставу Главного педагогического института 1816 г. от поступающего требовалось предоставить свидетельство об успехах и поведении от того учебного заведения, где он обучался прежде. Затем он подвергался испытанию в присутствии попечителя и полного собрания профессоров. От поступающих требовалось знание Закона Божьего, российской грамматики, риторики и начал логики, знание латинского языка, арифметики, геометрии, физики, истории, российской географии и всеобщей истории. Кроме того, поступающие в число воспитанников института должны были обладать способностями, потребными для наставника²⁹⁰.

С преобразованием Главного педагогического института в университет возникла необходимость введения новых положений для приема учащихся, которые были бы согласованы с подобными правилами, действующими в других русских университетах. Поскольку Петербургский университет в первые годы существования не имел собственного устава, его Конференция руководствовалась положениями о приеме студентов, предложенными попечителем С.С. Уваровым и утвержденными Главным правлением училищ в 1820 г., которые тем не менее были сходны с положениями о приеме, утвержденными для других русских университетов.

В Петербургский университет без экзаменов принимались только выпускники гимназий, хотя университет оставлял за

²⁸⁹ Сборник распоряжений... Т.1. Стлб. 258.

²⁹⁰ Сборник постановлений... Т. 1. Стлб. 832.

собой право подвергнуть поступающего испытанию, если сочтет аттестат недостаточным или сомнительным²⁹¹. На основании списка поступающих в Санкт-Петербургский университет в 1820 г. можно сказать, что в университет принимались почти все желающие, а строгость приемных испытаний была относительной. Так, в университет был принят Степан Пузыревский, показавший хорошие знания географии, истории и русского языка, однако недостаточные познания в латыни. Также в университет был принят и Андрей Кривцов, вовсе не экзаменовавшийся в латинском языке, но показавший достаточные сведения в немецком языке. В то же время в приеме было отказано, например, Николаю Вишневному, который за перевод с русского на французский получил 4 балла, а в других предметах гимназического курса обнаружил «посредственные и недостаточные сведения»²⁹². Таким образом, главной задачей приема в начале 1820-х гг. еще оставалось увеличение количества студентов, а не отбор действительно способных воспринимать курсы наук. Даже в Московском университете, привлекавшем гораздо большее количество абитуриентов, готовых учиться за собственный счет, на способности поступавших смотрели сквозь пальцы, хотя вступительные экзамены и проводились уже с 1760-х гг. Своекоштные дворяне экзаменовались достаточно поверхностно, хотя и в их отношении следовало соблюдать п. 109 университетского устава 1804 г. о том, что никто не может быть принят в университет студентом «не имея нужных познаний для слушания курсов, в университете преподаваемых». Гораздо строже производился экзамен для тех, кто зачислялся на казенный счет²⁹³. Выпускников гимназий, более подготовленных для обучения в университете, до конца 1820-х гг. было не так много. При этом, как справедливо замечал С.В. Рождественский, результат приемного испытания же-

²⁹¹ Сборник постановлений... Т. 1. Стлб. 832.

²⁹² ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1 Д. 69: О поступающих в Санкт-Петербургский университет. 1820. Л. 1.

²⁹³ Феофанов А.М. Студенчество Московского университета... С. 83–84

лающих поступить в своекоштные студенты был весьма показателен для того низкого уровня, на каком стояло среднее образование того времени²⁹⁴.

Процесс преподавания был организован так, что в 1810-х гг. в Педагогическом институте, а затем в университете преподавание делилось на «внутренний» и «внешний» курсы. Последний предназначался для вольнослушателей, не обязанных оканчивать курса и только по их желанию экзаменуемых в Комитете испытаний института²⁹⁵. Эту процедуру проходили не все соискатели аттестатов и не всегда успешно, но она была необходимой для получения чина коллежского асессора, согласно закону 1809 г. об экзаменах на чин. Как правило в Педагогическом институте, а позже и в Петербургском университете в силу немногочисленности слушателей, «внутренний» курс сливался с «внешним», лекции читали одни и те же профессора, в одно и то же время. Различалась, главным образом, процедура аттестации для собственных студентов и для вольнослушателей, которых было не так много. Упорядочение системы лицензирования происходило постепенно.

Попечитель Петербургского учебного округа С.С. Уваров, в сравнении с предшественниками, существенно расширил свое вмешательство в учебную часть. Примером использования власти попечителя может служить дело студента Созоновича. Отец студента, статский советник Василий Созонович в письме на имя ректора просил Конференцию Санкт-Петербургского университета выдать его сыну Василию Созоновичу свидетельство о том, что он в течение года посещал лекции физико-математического факультета Педагогического института как вольнослушатель. Поскольку студентам, не окончившим

²⁹⁴ Материалы по истории С.-Петербургского университета... С. XVI.

²⁹⁵ *Феребов А.Н.* Дела о выдаче аттестатов испытательным комитетом при Московском университете по указу от 6 августа 1809 года: перспективы изучения // Парадигмы университетской истории и перспективы университетологии. VII Арсентьевские чтения (к 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова) : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / Редкол.: О.Н. Широков [и др.]. Чебоксары: ИД «Среда», 2017. С. 208–211.

полного курса, аттестаты выдавались согласно распоряжению от 30 сентября 1814 г., Конференция сочла возможным выдать такое свидетельство и вольнослушателю. Однако, ознакомившись с делом, С.С. Уваров предписал свидетельство Созоновичу не выдавать и в дальнейшем руководствоваться данным правилом в отношении вольнослушателей²⁹⁶. В первой половине 1820-х гг. в попечительство Д.П. Рунича о вольнослушателях в университете упоминается крайне редко.

Для системы университетского преподавания 1800-х – начала 1820-х гг. существенное значение приобретал язык преподавания наук. Дело не только в том, что в это время половина профессоров-иностранцев с трудом объяснялась по-русски, но и в том, что научная терминология для многих предметов естественно-научного и общественного цикла плохо переводилась на русский язык и еще не стала общеупотребительной. Также отсутствовали учебные пособия на русском языке, использующие русскоязычную терминологию, а большинство иностранных профессоров читали свои курсы по собственным «запискам», представлявшим компиляцию из иностранных учебных руководств. Вначале преподавание происходило на родном языке приглашенного профессора (чаще немецком, реже – французском) или на латыни. Но ни уровень преподавания самих «новых» европейских языков в гимназиях и университетах, ни уровень знания латыни слушателями не были достаточны для восприятия наук. Правительство избирает путь одновременного замещения кафедр учеными «из природных русских уроженцев» и повышения уровня подготовки студентов в латинском языке. Последняя задача представлялась сложной. Еще в начале XIX в. составители первых университетских уставов предусматривали, что поступающие в университет должны хорошо знать латинский язык, который считался важным условием подготовленности юношей к слушанию университетских лекций. Но на деле оказывалось, что достаточные

²⁹⁶ ЦГИА СПб. Ф.139. Оп.1. Д. 3261: О невыдавании студенту Созоновичу и другим аттестатов. 1823. Л. 3.

знания в латыни имеют лишь отдельные студенты, как правило, семинаристы²⁹⁷. В первой четверти XIX в. обычным было зачисление в студенты юношей, сдавших основные предметы, но не владеющих латынью. В Петербурге высокие требования к знанию латыни поступающими и студентами сформулировал попечитель столичного учебного округа С.С. Уваров²⁹⁸. При нем была изменена подготовка по древним языкам в гимназиях округа и организация обучения латинскому языку в Педагогическом институте (готовившем учителей для гимназий), куда по рекомендации С.С. Уварова в 1811 г. профессором латинской словесности был приглашен питомец Лейпцигского университета Ф.Б. Грефе²⁹⁹.

В 1819 г., сразу после преобразования Педагогического института в университет, для поступающих было введено обязательное знание латыни³⁰⁰. Однако по предложению попечителя для первых двух приемов студентов были сделаны некоторые исключения. Так, студенты, принимаемые в 1819 г. и не имеющие достаточных сведений в латинском языке, зачислялись в университет с обязательством «достаточно выучиться языку» в течение двух лет. Для студентов, поступающих в 1820 г., срок был сокращен до одного года. Таким образом, к 1821 г. все студенты, зачисленные в университет, должны были хорошо знать латынь, причем предполагалось, что студент должен был сам найти возможность для частных занятий, если было недостаточно обязательных. Предложение Конференции Петербургского университета об учреждении «особого класса» для занятий латинским языком было признано «несовместимым

²⁹⁷ Павлова Г.Е. Организация науки в России в первой половине XIX в. М., 1990. С.152.

²⁹⁸ Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 2 С. 461.

²⁹⁹ Биографический словарь профессоров Санкт-Петербургского университета... [Электронный ресурс] URL: <http://bioslovhist.spbu.ru/person/848-greife-fedor-bogdanovich.html>

³⁰⁰ В литературе высказывалось предположение о том, что введение обязательного знания классических языков было одновременно направлено на ограничение числа поступающих из непривилегированных сословий. См.: Павлова Г.Е. Организация науки в России в первой половине XIX в. С. 92. Однако это можно считать лишь побочным следствием стремления превратить латинский язык в язык преподавания.

с образованием университета, как училища только высших наук»³⁰¹. Контроль за успехами в латинском языке предполагался только для студентов историко-словесного факультета, которые должны были экзаменоваться в нем каждые шесть месяцев. Подобными требованиями университетское начальство пыталось сформировать контингент достаточно подготовленных слушателей, но вместе с тем и вводило временные послабления, чтобы совсем не отпугнуть желающих поступить в университет. В целом, как отмечает Ф.А. Петров, послевоенный период характеризуется постепенной нормализацией процесса приема в студенты, что свидетельствовало о достаточной зрелости самого университетского образования³⁰².

Но если к этому времени «процесс приема в студенты» был упорядочен, то уровень знаний поступающих оставался много ниже предъявляемых к ним требований. В 1827 г. Николай I дал нелестную характеристику студентам всех университетов, тем самым поставив задачу повышения уровня подготовки слушателей: «У нас студентов нет, а называются такими сволочь шулунов или мальчишек не только не способных следовать курсам университетов, но с трудом готовящихся в высшие классы гимназий»³⁰³. Причина низкой подготовки абитуриентов, по мнению правительства, заключалась в том, что большинство поступающих в университет студентов получали домашнее образование или обучались в частных пансионах. Отдавая предпочтение при приеме в университет выпускникам гимназий, с начала 1830-х гг. и еще более последовательно в министерство С.С. Уварова, правительство устанавливало тем самым четкую связь между высшей и средней школой. Конечной целью мыслился плавный переход от среднего к высшему образованию так, чтобы в итоге можно было обойтись без приемных экзаменов³⁰⁴.

³⁰¹ Сборник распоряжений... Т. 1. Стлб. 404.

³⁰² Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 2. С. 198.

³⁰³ Цит. по: Булгакова Л.А. Особенности системы высшего образования... С. 126.

³⁰⁴ Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 4. Ч. 2. С. 13.

Опережающим свое время можно считать разработанный в 1835 г. ректором Петербургского университета И.П. Шульгиным проект о приеме, переводе и выпуске студентов Санкт-Петербургского университета³⁰⁵. В проекте предлагалось, что юноши, которые воспитывались дома или в частных пансионах, будут держать экзамен в гимназии и получать от гимназического начальства аттестат по установленной для гимназистов форме. Таковой аттестат они и должны были бы прилагать к своим прошениям о поступлении в университет. В проекте Шульгина предусматривалось, что после первого года обучения университетское начальство предоставляет в МНП через попечителя списки: из какой гимназии сколько поступило при начале учебного года и сколько при годичном испытании оказалось отличных, хороших, посредственных и слабых, с тем, чтобы такая ведомость помещалась в ежегодном отчете. Тем самым предлагалось устранить сами приемные экзамены в университете и установить ответственность гимназического начальства за качество аттестатов. Однако этот проект был отклонен попечителем ввиду ожидающегося введения в действие нового устава университетов, в котором предусматривались меры, не согласные с предложениями И.П. Шульгина. Правительство понимало, что уровень подготовки в столичных и провинциальных гимназиях может быть разным, как и индивидуальные способности поступающих. Достижение идеала прямой преемственности среднего и высшего образования происходило постепенно, в течение следующего десятилетия.

Основные дисциплинарные правила поступления были зафиксированы в университетском уставе 1835 г. По сути, они узаконили практику, уже существовавшую в российских университетах. С этого времени требования к систематичности и уровню подготовки абитуриентов постоянно повышались.

³⁰⁵ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 4467: С представлением проекта положения о приеме, экзаменах, переводе и выпуске студентов, составленного проф. Шульгиным. 1835. Л. 4.

По уставу 1835 г. приемные испытания предусматривались уже для всех поступающих, но реально юноши, имевшие хорошие аттестаты гимназий, как и прежде, от экзаменов освобождались. В 1837 г. были разработаны особые «Правила испытания для желающих поступить в университеты», введенные в действие в виде опыта на четыре года, однако затем неоднократно продлевавшиеся³⁰⁶. Согласно этим правилам молодые люди, имеющие аттестат об окончании полного курса гимназии и одобрительные отзывы о поведении, могли быть освобождены от экзамена по представлению попечителя учебного округа, с разрешения министра народного просвещения. Таким образом, большинство выпускников гимназий принималось в Санкт-Петербургский университет без экзаменов³⁰⁷.

Министерскими циркулярами от 16 октября и 27 ноября 1841 г. было запрещено принимать в университеты исключенных из гимназий за дурное поведение³⁰⁸. Чтобы исключить зачисление в студенты учеников гимназий, не окончивших полного курса, с марта 1839 г., по предписанию министра, директора гимназий должны были сообщать сведения о таких учениках в университет. Причем сведения следовало подавать дважды. Первый список представлялся в университет к 1 июня и должен был содержать сведения об учениках, выбывших в течение года. А второй, дополнительный, с фамилиями учеников, выбывших за время после составления первого, представлялся в срок до 15 августа³⁰⁹. Ученики, выбывающие из 7-го класса гимназии по неуспеваемости, равно как и окончившие только шесть классов, могли быть допущены к экзамену для поступления в университет только по истечении года со времени окончания гимназии. Ученики, исключенные из гимназии за дурное поведение, также могли быть приняты в университет по прошествии года, но «не иначе как по строгом удостове-

³⁰⁶ Сборник распоряжений... Т. 2. Стлб. 169–176.

³⁰⁷ Там же. Стлб. 148.

³⁰⁸ Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 4. Ч. 2. С. 11.

³⁰⁹ Краткий отчет о состоянии Императорского Санкт-Петербургского университета в течение первого четырехлетия с 1836–1840 гг. СПб. 1841. С. 44.

нии в действительном исправлении и под собственною ответственность Совета»³¹⁰. Таким образом, предусматривалось, что поступающие в университет юноши обладают не только достаточными знаниями, но и хорошей нравственностью, засвидетельствованной во время обучения в гимназии. По наблюдению А.Е. Иванова, справедливому и для дореформенного времени, распределение выпускников-среднешкольников по университетам представляло собой непрерывный процесс социального и административного регулирования студенческого контингента российской высшей школы³¹¹.

Как обладатели гимназических аттестатов, так и молодые люди, не имеющие таковых, должны были подавать прошение о зачислении в университет на имя ректора, в котором указывали избранный факультет или отделение. Кроме того, необходимо было предоставить свидетельство о происхождении и крещении, а для лиц из податных состояний – увольнительные свидетельства от сельских или городских обществ. Предоставленные документы ректор отсылал к синдику, а гимназические аттестаты – к деканам факультетов для проверки. В течение трех дней последние должны были сообщить ректору о подлинности и полноте документов. Проверенные документы отсылались в университетское Правление, а неполные или недействительные возвращались просителю. Этот «пакет» вступительных документов был альтернативой простой имматрикуляции (записи в университетские и факультетские книги), принятой в европейских университетах. Те, кто не мог быть принят по недостатку познаний, могли посещать лекции в статусе вольнослушателей, а через год попытаться повторить процедуру «испытания» в приемной комиссии из профессоров³¹².

Гораздо более строгий отбор проходили те, кто поступал на казенное содержание в университет. В отличие от молодых людей, поступающих в качестве своекоштных студентов, же-

³¹⁰ Сборник распоряжений... Т. 2. Стб. 528.

³¹¹ Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX – начала XX века: Социально-историческая судьба... С. 81.

³¹² Феофанов А.М. Студенчество Московского университета... С. 89

лающие обучаться за счет казны, кроме уже названных документов, должны были предоставить от университетских медицинских чиновников или от Врачебной управы свидетельство о здоровье. Насколько известно, впервые от поступающих стали требовать медицинские справки о состоянии здоровья («врачебные освидетельствования») в Харьковском университете в 1812 г. Это было связано со вспышками эпидемий, которым подверглись университетские города из-за притока военнопленных и беженцев. Но и после того как эпидемия закончилась, Харьковский университет сохранил требование медицинского освидетельствования абитуриентов³¹³.

Медицинское освидетельствование поступающих было обязательным и в Главном педагогическом институте в 1816–1819 гг. Так, директору института вменялось в обязанность узнать, нет ли у кого из поступающих природного недостатка, препятствующего быть учителем, затем директор поручал штатному врачу института освидетельствовать «здоровье и телесное сложение» поступающих³¹⁴. Это ограничение, как представляется, было введено для того, чтобы поступающие на казенное содержание не могли затем отказаться от обязательной службы, ссылаясь на плохое здоровье. Или, в случае могущих открыться уже в процессе обучения хронических болезней студентов, чтобы деньги государства не были потрачены напрасно.

Невозможность законным образом получить разрешение на обучение вынуждало некоторых идти на подлог. В архивах встречаются дела, касающиеся различных махинаций с документами. Судя по ним, предоставление фальшивых документов при зачислении было нередким, абитуриентам в этом могли способствовать университетские канцеляристы или мелкие чиновники МНП³¹⁵. За подобные преступления можно было

³¹³ Вишленкова Е.А. «Воспроизводство себе подобных» в российских университетах первой половины XIX века. С. 18.

³¹⁴ Сборник постановлений... Т. 1. Стлб. 833.

³¹⁵ См., например: РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 683: Дело об увольнении секретаря Правления университета В.В. Цыганенкова за прием в университет студента Д. Чугуева. 1828.

не только лишиться права обучения в университете, но и быть преданным уголовному суду.

В Петербургском университете, в отличие от провинциальных, строже следили за соответствием документации нормативным стандартам. Установление таких стандартов еще раз показывает то, что процедура зачисления в университет играла роль особого фильтра формирования студенческого состава.

С ростом численности обучающихся в университетах усиливалась тревога властей по поводу сохранения сословных устоев общества³¹⁶. Одним из надежных способов фильтрации считалась плата за обучение. Но этот способ сохранения принципов «сословности» в университетском преподавании не был единственным.

В 1840 г. возникла идея использовать процедуру зачисления в университет в качестве барьера для выходцев из «низших» сословий. С этого времени все документы поступающий подавал лично на имя попечителя, чтобы тот мог «устранить от поступления в университет молодых людей никакого наружного образования не получивших в домах, бедных и низкого происхождения людей, не вознаграждающих сей недостаток отличными способностями» (выделено нами. – Т.Ж., К.К.)³¹⁷. Можно согласиться с историком начала XX в., что данное постановление, в котором говорится о «всюду возрастающем стремлении к образованию», официально констатирует факт «умственного пробуждения» общества³¹⁸. Прием у попечителя округа, по существу, становился испытанием для поступающих, о чем вспоминают многие мемуаристы. Сын профессора истории Ф.Н. Устрялов вспоминал, что, явившись на прием к попечителю М.Н. Мусину-Пушкину, он очень волновался и даже цепочку от часов (дань

³¹⁶ Булгакова Л.А. Сословная политика в сфере образования (XVIII – первая половина XIX в.) // Сословие и государственная власть в России XV – середины XIX вв. Ч.1. М., 1994. С. 39–51.

³¹⁷ Никонов С.П. Университетские реформы в России // Вестник права: журнал юридического общества при Императорском С.-Петербургском университете. 1901. № 9. С. 83.

³¹⁸ Там же. С. 84.

моде) запрягал себе за мундир. «Предварительно взглянув, нет ли у меня какого-либо франтовства, попечитель разрешил мне заниматься», – сообщает мемуарист³¹⁹.

Молодые люди, не имевшие аттестата об окончании гимназии, а также обладатели свидетельств частных учебных заведений подвергались в университете вступительному экзамену. Согласно «Правилам для желающих поступить в университеты», утвержденным в 1837 г., приемные экзамены в Санкт-Петербургский университет проходили в трех комиссиях (по числу факультетов), которыми руководили деканы. От поступающих требовалось знание предметов гимназического курса: Закона Божьего и церковной истории, российской грамматики, словесности и логики, математики, физики, географии и статистики, истории. Кроме того, абитуриент должен был знать латынь, французский и немецкий языки, а для поступающих на историко-филологическое отделение обязательным было знание греческого языка³²⁰. Поступающие экзаменовались как устно, так и письменно. «Изустное испытание» предусматривалось в Законе Божьем, церковной истории, логике, географии, статистике, истории и физике. По каждому предмету поступающий должен был ответить на три вопроса, взятые им по жребию. Если молодой человек не мог ответить на два или на все три вопроса, то ему разрешалось взять еще два дополнительных. Однако в таком случае даже при удовлетворительном ответе он получал за экзамен три балла. Если же, кроме того, он затруднялся ответить на один из дополнительных вопросов, то получал «2». Возможность выбора дополнительных вопросов предусматривалась и ст. 27 «Правил...» 1837 г. в случае, «если при самом приступе к испытанию замечено будет, что испытуемый не отвечает удовлетворительно от робости, а не от незнания»³²¹.

³¹⁹ Устрялов Ф.Н. Воспоминания о С.-Петербургском университете в 1852–1856 гг. // ИВ. 1884. Т. 16. № 5. С. 583.

³²⁰ Сборник распоряжений... Т. 2. Стлб. 171.

³²¹ Там же. Стлб. 174.

По российской словесности, иностранным языкам и математике предусматривался письменный экзамен, для которого по факультетам определялись темы сочинений, тексты для переводов и задачи. Темы для экзамена по российской словесности формулировались таким образом, чтобы профессор мог судить не только о знании грамматики, но и о степени умственного развития юноши. Лишь для иностранцев, поступающих в Петербургский университет, сочинение заменялось на письменный перевод с русского языка на родной и с родного на русский. Испытания в языках (французском, немецком, латинском и греческом) вызывали у абитуриентов наибольшие сложности³²². На экзамене по иностранному языку поступающий сам мог выбрать тему сочинения или перевод. Темы для перевода или сочинения он тянул по жребию и через определенное время возвращал комиссии вместе с ответом. Профессора, в свою очередь, могли задать по содержанию сочинения, перевода или задачи неопределенное число вопросов. Отметки за экзамен выставлялись экзаменатором в особом списке, который после окончания экзамена подписывался председателем испытательной комиссии и всеми ее членами. Согласно списку поступающих в Петербургский университет за 1840–1841 академический год, самые низкие баллы принесли, и, соответственно, наибольшие трудности у поступающих вызвали экзамены по физике, математике и российской словесности. Не очень высокие баллы абитуриенты получили и по немецкому и французскому языкам, а также латыни. Экзамен по греческому языку сдавали только поступавшие в первое (историко-филологическое) отделение философского факультета, однако высшего балла из них не получил никто, а знания большинства были оценены как «достаточные», т. е. на 3 балла³²³.

³²² ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 2. Д. 375: О годичных экзаменах студентов за 1840–1841 гг. Л. 12.

³²³ Там же. Об установлении шкалы оценок в первой половине XIX в. см.: Жарова Е.Ю. Экзамены в университетах Российской империи в первой половине XIX в. // Вопросы образования. 2014. № 4. С. 246–259.

Для определения уровня познаний поступающего использовался средний балл, т. е. сумма цифр, полученная по всем предметам, поделенная на число предметов. В университет принимались только те, кто в среднем выводе имел не менее 3 баллов, причем по Закону Божьему и российской словесности требовалось получить не менее 3, а в латинском языке – не менее 2 баллов³²⁴. Права на зачисление лишались те, кто получал по 1 баллу в двух предметах экзамена. В историко-филологическое отделение не принимались те, кто получил менее 3 баллов в латыни, а в физико-математическое – менее 3 в математике³²⁵. В «Правилах...» было определено, что «получившему менее 3-х баллов в предметах, которые составляют необходимое условие принятия в университет, воспрещается продолжение испытания»³²⁶. «Правилами...» также определялось, что юноши, не зачисленные в университет по результатам испытаний, могли вновь подать прошение лишь по прошествии академического года. Ц. Виттекер отмечает, что при С.С. Уварове стало труднее не только окончить университет, но и поступить в него³²⁷. Увеличение требований к абитуриентам было поступательным. Если с 1835 по 1840 г. процент непринятых в Петербургский университет колебался от 17 до 25 %, то в 1840-е гг. он составил от 27 до 43 %³²⁸. Данные о поступающих и непринятых в университет наглядно иллюстрируют как возросший престиж университетского образования, а, следовательно, его привлекательность для дворянской элиты, так и то, что постепенное устроение правил приема давало свои результаты в виде получения более подготовленной аудитории.

Но, как свидетельствуют документы университетского делопроизводства, правила приема не всегда соблюдались с безукло-

³²⁴ Сборник распоряжений... Т. 2. Стлб.175.

³²⁵ Там же.

³²⁶ Там же. Стлб. 176.

³²⁷ Виттекер Ц.Х. Граф Сергей Семенович Уваров... С. 202.

³²⁸ Подсчитано по: Краткий отчет о состоянии Санкт-Петербургского университета в течении первого четырехлетия 1836–1840 гг. Годичный торжественный акт... 1846, 1847, 1848 гг.

ризненной точностью. В Петербургском университете имели место случаи отступления от принятых законодательных норм. Так, например, воспитанник Могилевской гимназии Наполеон Крушевский, успешно сдав основные экзамены в 1841 г., получил по латинскому языку «1», тогда как «Правилами...» оговаривалось, что по этому предмету необходимо было иметь по крайней мере «2». В том же году, успешно сдав экзамены по предметам гимназического курса, В. Ильяшенко также получил по латинскому языку «1». Оба молодых человека подали прошение ректору о возможности зачисления их в студенты с «обязательством выдержать экзамен по истечении короткого времени, как то Советом было дозволено в прежние годы»³²⁹. Прошения были удовлетворены попечителем, и юноши зачислены в университет. Показательно, что в прошениях присутствовала отсылка к тому, что такие отступления от «Правил...» уже допускались ранее. Таким образом, решение принималось попечителем на основании прецедентной практики. О том, что подобные отступления были распространены, и не только в столичном университете, свидетельствует положение «Правил о приеме в студенты Санкт-Петербургского учебного округа...» 1864 г., приостанавливающее негласно укоренившиеся нарушения правил поступления и запрещающее так называемые «условные зачисления» в студенты³³⁰.

В университетском делопроизводстве зафиксированы и другие нарушения принятых правил о приеме студентов. Так, в 1841 г. при представлении министру С.С. Уварову списков о вновь поступивших в Петербургский университет им было замечено, что двое молодых людей, окончивших курс в Немецком училище при евангелической церкви Св. Петра, в нарушение предписанных правил, приняты в университет без испытания.

³²⁹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 2. Д. 353: По прошениям студентов о переэкзаменовании из некоторых предметов. 1841. Л. 1.

³³⁰ Правила о приеме в студенты Санкт-Петербургского учебного округа. СПб., 1864. С. 2.

Совету университета было сделано предупреждение избегать подобных нарушений впредь, однако списки принятых были оставлены без изменений³³¹. Можно лишь предположить, что в Санкт-Петербургском университете и прежде существовала негласная практика приема воспитанников этого училища без экзаменов. В пользу этого свидетельствует и то, что еще 6 мая 1836 г. Главное немецкое училище при с.-петербургской евангелической церкви Св. Петра было отнесено ко второму разряду учебных заведений наравне с гимназиями³³².

Нарушения установленных правил были и в других университетах³³³. Таким образом, в университетах формировалась практика «отступления», а значит, нивелирования законодательных норм. Об этом свидетельствуют не только материалы университетского делопроизводства. В январе 1859 г. министр народного просвещения сообщил попечителю высочайшую волю усилить строгость приемных и переводных экзаменов в университетах. На обсуждении Совета Санкт-Петербургского университета о том, какие меры следует принять для усиления строгости экзаменов, деканы факультетов отметили, что все представленные в Совет замечания возникли вследствие изменений, сделанных в этих правилах распоряжениями гг. попечителей. Совет университета признал необходимым и вполне достаточным для усиления строгости переводных и окончательных испытаний студентов руководствоваться «во всей силе и точности» правилами, утвержденными г. министром в июле 1844 г.³³⁴ Таким образом, решение Совета подтвердило существование в Санкт-Петербургском университете негласной практики отступления от принятых норм «испытаний».

Молодой человек, принятый в студенты, заносился в списки, которые отчасти воспроизводили имматрикуляционные книги

³³¹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 2. Д. 345: О замечаниях, сделанных попечителем. 1841. Л. 2.

³³² Сборник распоряжений... Т. 2. Стлб. 715.

³³³ Виттекер. Ц.Х. Граф Сергей Семенович Уваров... С. 202.

³³⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 172: Отчет университета за 1859 г. Л. 144.

немецких университетов, но использовались как контрольно-статистические документы, облегчавшие наблюдение за студентами, их успехами и поведением. Как отмечали современники, «само собой приходилось отличать разночинцев от столбовых дворян и вообще незнатных от знатных»³³⁵. Конечно, установление более строгого отбора поступающих не означало, что все из них смогут окончить университетский курс и получить аттестат. Ректор университета П.А. Плетнев в отчете за 1842 г. писал: «Обыкновенно число студентов заметно уменьшается, чем выше курсы, – это путь очищения в отношении умственном и количественном»³³⁶.

В целом приемные испытания были первым фильтром формирования студенческого состава университета. Требования к поступающим менялись в зависимости от того, какими правительством виделось учащимся высших учебных заведений. Если в первой четверти XIX в. особого социального заказа в отношении студента не существовало, а главной задачей было наполнение аудиторий слушателями, то с 1830-х гг. были сформированы требования правительства не только в отношении познаний, достаточных для восприятия университетского курса, но и в отношении социального облика абитуриентов. Они должны были по преимуществу быть выходцами из тех сословий, которые имели право вступления в гражданскую службу. В ряде случаев наблюдалось незначительное отступление от правил приема в сторону их смягчения, что закреплялось прецедентной практикой. Но документы свидетельствуют о том, что подобные снисхождения могли быть сделаны только в отношении юношей «благородного сословия». Наряду с повышением платы за обучение система вступительных экзаменов должна были сформировать благонадежный контингент учащихся с преобладанием детей состоятельных родителей или выходцев из дворян, обладающих достаточной подготовкой.

³³⁵ Буслаев Ф.И. Мои воспоминания // Московский университет в воспоминаниях... С. 210.

³³⁶ Годичный торжественный акт в Императорском Санкт-Петербургском университете. 1842 г. СПб., 1842. С. 44.

Здесь мы сталкиваемся с основной институциональной дисфункцией дореформенных университетов. Согласно просветительской «идее университета», исходившей от верховной власти в начале XIX в., университет предназначался не только для того, чтобы обучать россиян наукам, но и для того, чтобы учить их мыслить по-европейски³³⁷. Однако основной задачей российских университетов была признана задача утилитарная: подготовка образованных чиновников, в значительной мере препятствующая развитию университетской науки, которую трудно подчинить критерию полезности и утилитарности. Другим препятствием развития университетской науки была чрезмерная регламентация университетского управления. «Весь учебный строй [университетов] проникнут был духом строгой регламентации, так же как и весь быт казенных студентов», – писал С.В. Рождественский³³⁸.

При устройстве ученой и учебной части в университетах реформаторы ориентировались прежде всего на современное состояние наук в Европе и распределение их в лучших европейских университетах. Студентам каждого факультета преподавались науки, «служащие к общей и каждого пользе», и науки «полезные для граждан разного состояния и нужные в разных родах службы»³³⁹. Другими словами, предметы были разделены по их относительной важности на факультетские или главные, общие и дополнительные. Принцип государственной пользы тех или иных наук, таким образом, был руководящим и определял «полезность» университета в целом как государственного учреждения.

Однако в распределении наук и традиции их преподавания в Санкт-Петербургском университете исторически сложились определенные особенности, отличавшие его от других университетов империи. Первоначально это было связано с

³³⁷ См.: Захаров И.В., Ляхович Е.С. Миссия университета в европейской культуре. М., 1994.

³³⁸ Санкт-Петербургский университет в первое столетие... С. IX.

³³⁹ Сборник постановлений... Т. 1. Стлб. 255.

ориентацией на подготовку из казенных студентов учителей гимназий и уездных училищ и одновременно – профессоров для университетов. Эта особенность сформировалась за годы деятельности Педагогического института как отделения университета и Главного педагогического института, задуманного как высшая педагогическая школа. Но долгое время эта специфика сохранялась и в деятельности преемника этих учебных заведений – Петербургского университета.

Курс наук в Главном педагогическом институте, согласно его уставу 1816 г., продолжался шесть лет и делился на три ступени: «предварительный» курс, продолжавшийся два года; курс «высших наук», или специальный, рассчитанный на три года; и «заключительный», занимавший последний год обучения и посвящавшийся изучению педагогики³⁴⁰. В уставах 1804 г. четко не оговаривался срок обучения в университете, но, как правило, он продолжался три года (четыре на медицинских факультетах университетов)³⁴¹. По уставу 1835 г. полный курс обучения составил 5 лет на медицинском и 4 года на остальных факультетах.

С развитием научного знания и дифференциацией наук первый год обучения в университете потерял значение «предварительного», однако на протяжении этого года студентам преподавались, как правило, более общие предметы, такие как богословие и церковная история, всеобщая история, логика, а из языков – российская словесность и латынь. Кроме того, согласно уставу 1835 г., вводилось обучение всех казеннокоштных студентов рисованию, танцам и музыке. В годовом отчете ректора Петербургского университета за 1847 г. было сказано, что «университет, не упуская из виду эстетического развития души молодых людей, которое часто решает судьбу целой жизни, употребляет к тому все способы, а уроки рисования, танцевания и музыки идут параллельно с прочими»³⁴². Таким образом, даже в план учебных занятий были включены предметы, способные

³⁴⁰ Григорьев В.В. Императорский Санкт-Петербургский университет... С. 4.

³⁴¹ См.: Вишленкова Е.А. Университетский человек и время // Образование и просвещение в губернской Казани. Сб. статей. Вып. 2. Казань, 2009. С. 24–52.

³⁴² Годичный торжественный акт... 1847 г. СПб., 1847. С. 49.

влиять на формирование эстетических вкусов и навыков, соответствующих критериям «благородной» модели поведения.

В первой четверти XIX в. в университетской практике не существовало понятия академического учебного года. Так, например, в 1819 г. по неоднократному представлению попечителя Конференция профессоров Петербургского университета должна была сама определить, «с какого времени считать учебный год в нынешнем окончательном курсе». В собраниях 14 апреля и 5 мая Конференция рассудила, что в прежних представлениях по Педагогическому институту было определено считать его с 1 августа (в 1817 г.), а в другом – с 1 января (в 1818 г.). Поэтому в 1819 г. было решено началом года считать 1 января³⁴³. Таким образом, учебный год считался с января, а летние вакации (каникулы) приходились на середину года.

Считать учебный год с августа по июнь разрешено было, по ходатайству Совета, лишь в 1831 г., вследствие чего этот учебный год продолжался 18 месяцев, с января 1831 до июля 1832 г.³⁴⁴ По университетскому уставу 1835 г. академический год начинался с 22 июля, а летние вакации, начинавшиеся с 10 июня, соответственно, обозначали его окончание. Зимние вакации продолжались с 20 декабря по 12 января³⁴⁵. В 1857 г. Совет Харьковского университета направил в МНП предложение о продлении летних каникул и отмене зимних. Необходимость такой меры объяснялась тем, что в Харькове в течение июля и августа обыкновенно бывает жаркая погода, «приводящая в расслабление» силы не только студентов, но и преподавателей. Кроме того, в докладе Совета сообщалось, что многие молодые люди имеют обыкновение просить о продлении отпуска с тем, чтобы вернуться в Харьков вместе с родственниками, приезжающими к середине августа на Успенскую ярмарку. Совет также доносил, что в течение од-

³⁴³ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1 Д. 16: О том, с какого времени считать учебный год. 1819. Л. 1.

³⁴⁴ Григорьев В.В. Императорский Санкт-Петербургский университет. С. 102.

³⁴⁵ Сборник постановлений... Т. 2. Отд. 1. Стлб. 758.

ного месяца и 10 дней, назначенных на летние вакации, невозможно успеть сделать ежегодные ремонтные работы в зданиях университета. Летние вакации в Харьковском университете предлагалось ввести с 10 июня по 16 августа, т. е. продлить на 23 дня за счет зимних каникул, которые предполагалось вовсе отменить.

После рассмотрения этого предложения в МНП оно с положительным решением было направлено в Главное правление училищ. Однако последнее заключило, что отменить зимние вакации не представляется возможным по причине их совпадения с праздниками Рождества и Нового года, в которые преподавание должно быть прекращено на основании общегосударственных установлений. Что же касается летних вакаций, то было признано, что и в других учебных округах университетское начальство всегда имеет затруднения с началом обучения в установленный уставом срок, т. е. 22 июля. Поэтому Главное правление училищ постановило, оставив зимние каникулы в определенном уставом размере, продолжить летние до 1 августа, распространив эту меру на все университеты³⁴⁶. Это постановление лишь закрепило существовавшую практику, согласно которой учебный год ежегодно отодвигался на август.

Ежегодно конкретная дата начала нового учебного года вместе со сроками для подачи прошений о приеме в Петербургский университет сообщалась заблаговременно через приложение к «Известиям Академии наук». Так, например, в 1839 г. сроком для подачи прошений о приеме в Петербургский университет было назначено 15 июля, для приемных испытаний – 25 июля, а новый академический год был начат 16 августа³⁴⁷. По уставу 1863 г. начало учебного года было перенесено на 15-е, а уставом 1884 г. – на 20 августа.

³⁴⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 990: Дело об отмене зимних каникул и продлении летних в Харьковском университете. 1857. Л. 15.

³⁴⁷ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 2. Д. 256: Об утверждении срока для подачи прошений о принятии в число студентов Санкт-Петербургского университета, назначении времени для приема экзаменов и начатии нового академического года. 1839. Л. 2.

Преподавание в университете делилось на полугодичные курсы. Лекционный метод преподавания до конца 1830-х гг. был основным в учебном процессе на всех факультетах. В Петербургском университете лекционные часы делились на утренние с 8 до 12 и вечерние, с 14 до 18 часов. Однако, по свидетельству мемуаристов, редко кто из профессоров начинал читать с 8 утра. Большинство лекций читалось с 9 часов, точно также из всех профессоров лишь немногие проводили послеобеденные занятия с 14 часов, а наиболее популярными были часы с 5–6 вечера. «Счастливые студенты настоящего времени, – писал В.В. Григорьев, – и представить себе не могут, как тягостны были эти послеобеденные лекции... Ну, да и позевали же мы на них»³⁴⁸. Не менее трудными были утренние лекции, особенно зимой, «при сальных свечах, расставленных по мелким обветшалым и изрезанным пюпитрам...»³⁴⁹. Поэтому своекоштные студенты, вынужденные два раза в день проделывать путь от дома до университета, пропускали либо утренние, либо вечерние лекции. «Некоторые преподаватели, – доносил директор университета Д.А. Кавелин в начале 1822 г. – не находя в положенное время слушателей в аудиториях, закрывали классы и объявляли о том Конференции»³⁵⁰. В 1837 г. послеобеденные лекции отменили³⁵¹.

Лекции были двухчасовыми, но, по воспоминаниям мемуаристов, многие профессора приходили в аудиторию спустя полчаса, а иные уходили из аудитории получасом ранее положенного, и лекции у тех и у других продолжались не более полутора часов³⁵². Вопрос о продолжительности лекций обсуждался на протяжении всей первой половины XIX в. Так, еще в

³⁴⁸ Григорьев В.В. Т.Н. Грановский до его профессорства в Москве // Ленинградский университет в воспоминаниях ... С. 37.

³⁴⁹ Матисен Е.А. Воспоминания из дальних лет // Ленинградский университет... С. 26.

³⁵⁰ Цит. по: Григорьев В.В. Императорский Санкт-Петербургский университет. С. 102.

³⁵¹ 275 лет. Санкт-Петербургский государственный университет. Летопись. 1724–1999. / Сост. Г.А. Соболев, И.А. Тихонов, Г.А. Тишкин. СПб., 1999. С. 104.

³⁵² Фортунатов Ф.Н. Воспоминания о С.-Петербургском университете за 1830–1833 годы... С. 310.

феврале 1810 г. Совет Казанского университета заслушал предложение профессора Фукса «о перемене преподавания на одночасовое». Главным доводом был тот, что студент не все лекции может слушать в течение двух часов подряд, «не ослабев во внимании», и не для всех преподавателей всегда удобно говорить два часа кряду³⁵³. Однако это предложение членами университетского Совета принято не было. По уставу 1835 г. продолжительность лекции была ограничена 1,5 часами. С началом Крымской войны и введением в 1855 г. преподавания военных наук и строевого устава в Петербургском университете лекции были сокращены до одного часа, однако уже в 1856 г. прежний порядок полуторачасовых занятий был восстановлен³⁵⁴.

Что касается практических занятий, то они признавались необходимыми лишь на медицинских факультетах³⁵⁵. Однако уже в университетском уставе 1804 г. высказывалось пожелание, чтобы профессора наук, особенно словесных, философских и юридических, учредили со студентами беседы о научных предметах, в которых «исправляли бы суждение их и самый образ выражения, приучали бы их основательно и свободно изъяснять свои мысли»³⁵⁶. Обычно молодые люди выбирали себе одного-двух преподавателей, которые руководили их практическими занятиями и исследованиями. Некоторые профессора устраивали нечто вроде семинарских занятий у себя на дому. У студентов, приглашенных к преподавателю, появлялась возможность не только ближе с ним познакомиться, но главное – совместно, творчески работать над научной проблемой. В 1843 г. студенты историко-филологического факультета Петербургского университета получили от университетского начальства официальное разрешение заниматься «педагогическими руководствами» у профессора М.С. Куторги на его квартире³⁵⁷.

³⁵³ Булич Н.Н. Из первых лет Казанского университета. Т. 1. СПб., 1904. С. 257.

³⁵⁴ Годичный торжественный акт в Санкт-Петербургском университете, бывший 8 февраля 1856 г. СПб., 1857. С. 14.

³⁵⁵ Эймонтова Р.Г. Русские университеты на грани двух эпох ... С. 80–81.

³⁵⁶ Сборник постановлений ... Т. 1. Стлб. 288.

³⁵⁷ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 4815: О дозволении студентам заниматься педагогическими руководствами у проф. Куторги. 1843 г.

В связи соотношением университетского диплома со ступенями чиновной лестницы со времен М.М. Сперанского в российских университетах постепенно складывается система экзаменов: вступительных, годовых (переводных) и выпускных, вырабатываются правила и процедуры для каждого вида. Совокупность вступительных экзаменов, ограничивавшихся только временем перед началом учебного года, переводных, т. е. экзаменов между курсами, необходимых для перевода студентов в следующий курс, и выпускных экзаменов составляла курсовую систему российских университетов. Окончательно законодательное закрепление курсовой системы связывается в историографии с принятием положения об ученых степенях 1819 г.³⁵⁸ А.Ю. Андреев отмечает, что введение в 1804 г. курсовой системы в русских университетах было проявлением принципа утилитаризма, когда учеба получала смысл только в свете будущей службы³⁵⁹. Прохождение годичных и выпускных экзаменов признавалось обязательным для всех студентов.

В Петербургском университете с 1819 г. существовали также и полугодовые экзамены, введенные скорее как дисциплинарная мера, нежели как форма контроля знаний студентов. В 1820 г. эти «частные испытания» проводились на всех трех факультетах Петербургского университета, с 7 января ежедневно до их окончания, кроме табельных дней, с 10 утра до 2 часов пополудни³⁶⁰. Переводные экзамены были частными, т. е. закрытыми, а выпускные – публичными, на них могли присутствовать попечитель, ректор, архиепископ, инспектор, профессора и приглашенные персоны. Однако, как отмечали многие мемуаристы, экзамен редко посещали посторонние лица, только на экзамене по церковно-библейской истории и богословию присутствовал местный архиерей и несколько духовных лиц. По выражению студента Казанского университета

³⁵⁸ Андреев А.Ю. Российские университеты... С. 485.

³⁵⁹ Андреев А.Ю. Идея университета в России (XVIII – начало XX в.)... С. 18.

³⁶⁰ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 251: Выписка о частном испытании студентов. 1820. Л. 1.

Н.И. Мамаева, обыкновенно экзамены производились «ке-лейно». «Было то же “спрашивание”, что и на лекциях, – вспоминал он, – только в другой обстановке: в актовом зале, в присутствии попечителя и профессоров. Попечитель вызывал студентов по списку, выслушивал ответы и ставил баллы»³⁶¹.

На протяжении первой трети XIX в. происходила выработка единой системы оценки знаний. Как правило, на вступительных и годовых экзаменах использовались баллы от 0 до 5, что в словесном выражении означало: совершенное незнание (0), слабые (1), посредственные (2), достаточные (3), хорошие (4) и отличные (5) сведения³⁶². На выпускных экзаменах полный балл составляла цифра 4, причем допускались и половинные дроби. Лишь перед началом 1836–1837 академического года Совет Петербургского университета составил предварительные правила для единообразного исчисления баллов, которые были утверждены попечителем. При выведении среднего балла дробь более $\frac{1}{2}$ принималась за единицу, а менее $\frac{1}{2}$ – отбрасывалась³⁶³.

С принятием нового университетского устава 1835 г. были введены и новые правила для проведения экзаменов студентов. Так, в «Правилах испытания для перевода и выпуска студентов Императорского С.-Петербургского университета», изданных в 1840 г.³⁶⁴, определялась как сама процедура проведения экзамена, так и шкала баллов, необходимых для перевода на следующий курс или для получения ученых степеней действительного студента и кандидата при выпуске из университета. Годичные испытания продолжались в течение мая – до 10 июня, одновременно по всем факультетам, в 3-х испытательных комиссиях под председательством деканов и под общим наблюдением ректора. Для студентов, отсутствовавших на годичном экзамене по причине болезни, испытание проводилось перед началом нового академического года. Для более точного определения степени

³⁶¹ Мамаев Н.И. Записки... С. 52.

³⁶² ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 259: Об одобрении студентов. Л. 1–1об.

³⁶³ Воронов А.С. Историко-статистическое обозрение... Т. 2. С. 47.

³⁶⁴ Сборник распоряжений... Т. 2. Стлб. 462–469.

успехов студентов во время годичных испытаний на них, кроме декана факультета и экзаменатора, должны были присутствовать два профессора из того же или другого факультета, также обязательным было присутствие секретаря.

Перед началом экзамена профессор представлял декану программу пройденных в течение курса вопросов и билеты, с теми же вопросами под той же нумерацией, какие были внесены в программу. Декан, перемешав билеты, клал их на стол «закрытыми» и вызывал студентов по списку. Молодой человек, взяв билет, зачитывал вслух вопрос и спустя несколько минут, необходимых «для соображения», начинал отвечать на каждый вопрос программы в виде «подробного рассуждения или разбора». Если студент затруднялся ответить или отвечал слабо, то экзаменатор предлагал ему взять еще один или два билета и «по соображениям из всех ответов ставил средний балл, отмечая это обстоятельство в списке»³⁶⁵. Все присутствующие члены испытательной комиссии имели право задавать студенту вопросы, не выходящие за рамки программы. «Испытание студента» оканчивалось по общему согласию всех членов комиссии, после того как «каждый вывел свое окончательное решение», – говорилось в §9 Правил. После окончания экзамена студенты удалялись из экзаменационной аудитории и профессор, преподающий предмет, после совещания с другими членами комиссии ставил отметки. Правилами предусматривалось, что в случае несогласия хотя бы одного из членов комиссии с профессором-предметником дело передавалось на рассмотрение в особое заседание факультетского собрания.

«Правилами для испытания студентов Петербургского университета» предусматривалась шкала баллов, которые необходимо было получить студенту на курсовых (переводных) экзаменах для успешного продолжения обучения. Так, студент, получивший на экзамене менее 3-х баллов в среднем выводе, лишался права на перевод в следующий курс. Права на перевод

³⁶⁵ Сборник распоряжений... Т. 2. Стлб. 462–469.

лишались и те студенты, которые получили хотя бы в одном из предметов отметку «0», и те, которые показали слабые знания в двух дополнительных предметах. Три балла, полученные на экзамене в одном из факультетских (основных) предметов, независимо от результатов других испытаний, также были свидетельством провала на экзаменах.

В сводных годовых ведомостях об успеваемости студентов кроме отметок и среднего балла указывались возраст, происхождение, факультет и отделение, а также место предварительного обучения студента. В общий список фамилии студентов заносились в последовательности, согласно полученному среднему баллу. Так, например, в ведомости о годичных испытаниях студентов Санкт-Петербургского университета за 1840–1841 академический год в числе первых значилось имя Алексея Уварова со средним баллом 4 и $\frac{6}{10}$, а также имена Владимира Бобринского и Семена Мордвинова со средним баллом в 4 и $\frac{3}{10}$ ³⁶⁶. Аристократическое происхождение ли этих студентов оказывало влияние на оценку профессорами их успехов, или они действительно были одними из способнейших, – трудно определить.

В первой половине XIX в. в русских университетах существовала практика, по которой неуспевающего студента оставляли на одном и том же курсе в течение двух лет. Не раз министерство пыталось законодательно приостановить подобную практику. В 1828 г. Главное правление училищ признало, что содержание неспособных казенных воспитанников еще в течение года не только в тягость казне, но и отнимает место у способных, и постановило исключать казенных воспитанников в случае их неспособности к наукам, но не иначе как с разрешения министра³⁶⁷. В 1849 г. вышло циркулярное предложение министра народного просвещения о запрещении всем вообще студентам оставаться на одном курсе два года³⁶⁸.

³⁶⁶ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 2. Д. 375: О годичных экзаменах студентов за истекший 1840–1841 академический год. Л. 11.

³⁶⁷ Сборник распоряжений... Т. 1. Стлб. 656.

³⁶⁸ Там же. Т. 2. Стлб. 1057.

Тем не менее практика оставления студентов «по малоуспешности» на тех же курсах сохранилась. Так, в 1840 г. из 336 студентов Петербургского университета по итогам экзаменов 90 были оставлены на тех же курсах, в 1845 г. из 539 учащихся – 106 не были удостоены перевода³⁶⁹. К концу 40-х гг. XIX в. число «малоуспешных» студентов, оставленных в университете из-за низкого балла, для повторного обучения на том же курсе, снижается (см. Приложение, табл. № 2) При этом данные университетского делопроизводства свидетельствуют о том, что на протяжении 40–50-х гг. XIX в. число студентов, не удостоенных перевода на высшие курсы, было наибольшим в первом отделении философского факультета, впоследствии (с 1850 г.) в историко-филологическом факультете, что могло быть связано с трудностями освоения предметов этого направления, особенно классических языков³⁷⁰. (См. Приложение, табл. № 3). С 1857 г. абсолютная цифра студентов, не удостоенных перевода на следующий курс, резко повышается, что можно связать с быстрым ростом общей численности учащихся, демократизацией состава студентов и режима обучения.

С ужесточением правил переводных экзаменов и введением запрета на оставление на одном и том же курсе более двух лет, среди студентов Петербургского университета получает распространение практика пропуска экзамена «по болезни». Многие студенты попросту не являлись на экзамен, ссылаясь на болезнь, чтобы получить возможность переэкзаменовки осенью. Распространившееся уклонение от экзаменов под видом болезни вынудило учебное начальство Петербургского университета утвердить в 1837 г. дополнительные правила, соблюдаемые в случае болезни студентов во время годичных испытаний. Так, заболевший студент обязан был прежде всего известить инспектора о своей болезни и предоставить ему свидетельство от доктора, удостоверяющее, что студент болен. В свою очередь, секретари факультетов должны были не позже следующего дня после экза-

³⁶⁹ РГИА Ф. 733. Оп. 95 Д. 109. Л. 56; Ф. 733. Оп. 95. Д. 124. Л. 35.

³⁷⁰ Подсчет выполнен на основании университетских отчетов 1840–1859 гг.

мена доставить инспектору списки студентов, которые не были на нем. Инспектору предписывалось сделать список из имеющих у него уведомлений о болезни и о тех, кто не явился на экзамен без законных причин. Этот список доставлялся к ректору не позже двух дней после окончания годичных испытаний³⁷¹.

Из выписки инспектора, поданной ректору 6 мая 1841 г., видно, что в большинстве случаев сообщение студента о болезни не подтверждалось медицинским освидетельствованием. Так, из 17 студентов объявивших о своей болезни инспектору, только 8 имели подтверждение доктора³⁷². При этом на экзамены, проходившие с 11 по 18 мая, не явились 32 человека, из которых 15 объявили себя больными, но лишь 10 получили в том подтверждение³⁷³. В целом число студентов, отсутствовавших на годичных экзаменах в 1841 г., было значительным. Так, на экзамены, назначенные с 28 апреля по 4 мая, не явились 58 студентов, с 5 по 11 мая – 9, с 11 по 8 мая – 32 человека, с 18 по 1 июня 65 человек³⁷⁴. Причины были различны. Студент 1-го курса Топтыга не смог подготовиться, т. к. накануне был под арестом, студент 2-го курса Гутовский не явился из отпуска, некоторые молодые люди объявили, что не смогли подготовиться, т. к. накануне экзамена были нездоровы³⁷⁵. В большинстве же случаев инспектор сообщал в рапортах, что причина, по которой студент не явился на экзамен, ему не известна.

«Правилами испытания для перевода и выпуска студентов С.-Петербургского университета» 1840 г. предусматривалось, что студент, пропустивший по болезни экзамен в положенный день, мог просить декана о назначении испытания в другой день в течение времени годичных испытаний³⁷⁶. Кроме того,

³⁷¹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 2. Д. 253: О правилах, соблюдаемых во время годичного испытания. 1837. Л. 1.

³⁷² ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 2. Д. 329: По представлению г. инспектора студентов о студентах, не явившихся на экзамен в назначенные дня. 1841. Л. 3–4. (Здесь и ниже подсчет наш. – Т.Ж., К.К.)

³⁷³ Там же. Л. 7–8.

³⁷⁴ Там же. Л. 3–8.

³⁷⁵ Там же.

³⁷⁶ Сборник распоряжений...Т. 2. Стлб. 468.

перед началом нового учебного года назначался один день для так называемого дополнительного экзамена. К нему допускались студенты, представившие «уважительное» обоснование своего отсутствия на годичных испытаниях.

Решение о допуске к повторному экзамену принималось ректором в каждом конкретном случае. Так, например, казеннокоштный студент 1-го курса историко-филологического отделения философского факультета Василий Воронов, не сдававший переводного экзамена по причине болезни, продолжавшейся более полутора месяцев, получил разрешение экзаменоваться на дополнительном экзамене по окончании каникулярного времени. Однако молодой человек, «не надеясь выдержать испытание», просил ректора об оставлении его на том же курсе «для большего усовершенствования». В этом ему однако было отказано³⁷⁷.

Архивные материалы свидетельствуют о том, что имели место случаи личного вмешательства императора в дела, которые на первый взгляд всецело принадлежали компетенции университетского Совета, например, о «переекзаменовке» студента, что наглядно отражает национальную специфику российской системы университетского образования. Так, в 1849 г. Николай I, принимая во внимание особенные, «лично его величеству известные причины», по которым студент Петербургского университета Григорий Данилевский не мог выдержать установленного экзамена, высочайше повелел допустить его к «переекзаменовке», дав нужное для этого время³⁷⁸. Дело заключалось в том, что в 1849 г. Данилевский был арестован по делу петрашевцев и заключен в Петропавловскую крепость. Поводом к аресту послужило его знакомство со слушателем университета петрашевцем В.П. Катеневым. После почти четырех месяцев заключения Данилевский был освобожден за недостат-

³⁷⁷ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 2. Д. 378: О принятии разных лиц в число студентов. 1843. Л. 8.

³⁷⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 25. Д. 88: О разрешении студенту держать экзамен «по высочайшему повелению». 1849 г.

ком улик, но еще некоторое время находился под надзором полиции. Для того чтобы студент мог быть допущен к экзамену потребовалось высочайшее предписание. В 1850 г. Г.П. Данилевский успешно окончил университет³⁷⁹.

Студентов, не способных выдержать экзаменационные испытания, исключали из университета «по малоуспешности в науках». Согласно данным университетских отчетов за 1834–1841 гг. таких студентов не было вовсе. Число студентов, отчисленных по малоуспешности в науках в 40-е гг. XIX в., как показывает статистика, составляло в абсолютных цифрах от 6 до 22 человек в год. Максимальное число отчисленных пришлось на 1845 г. и составило 4% от общей массы учащихся³⁸⁰, что можно связать с усилением требований переводных и выпускных экзаменов. Затем число «малоуспешных» студентов, уволенных из университета, уменьшается, и в 1850-е гг. составляет 3–5 человек, т. е. от 0,7 до 1,3% от общего числа обучающихся. В 1859 г. наблюдается увеличение числа студентов, отчисленных по малоуспешности, до 34 человек, что однако в процентном соотношении с количеством учащихся составляет всего около 3,3%. Можно предположить, что некоторый рост числа «уволенных по малоуспешности» к концу 50-х гг. XIX в. был вызван увлечением студентов общественной деятельностью в ущерб научным занятиям. Учащиеся, исключенные из университета по малоуспешности, не могли быть вновь приняты в университет как студенты, а могли быть зачислены лишь вольнослушателями³⁸¹, однако имели возможность, выдержав выпускной экзамен, получить университетский аттестат.

С введением правил для испытания студентов более строгими стали требования не только к годовым, но и к выпускным экзаменам. Статус выпускника университета, окончившего полный курс наук, соответствовал первым двум ученым степеням: действительного студента и кандидата. Степень «действительный студент», как считает А.Е. Иванов, была плодом бюрократиче-

³⁷⁹ Русский писатели. Биобиблиографический словарь. Т. 1. М., 1990. С. 245.

³⁸⁰ См.: Приложение, табл. № 5.

³⁸¹ Сборник распоряжений...Т. 2. Стлб. 862.

ского воззрения на иерархию ученых степеней как на своеобразную табель об академических рангах³⁸². Присвоение звания «действительный студент» подчеркивало высокий бюрократический и социальный статус всех окончивших университет, а не только тех, кто избрал науку своей профессией.

Если до введения «Правил испытания для перевода и выпуска студентов» для присуждения степени действительного студента требовалось получить на выпускных экзаменах не менее 2-х баллов по каждому из предметов, а для кандидата – не менее 3 ½ балла, то после их введения звание «действительный студент» мог получить только выпускник, имеющий в среднем выводе не менее 3-х³⁸³. Степени кандидата удостоивались студенты, которые в среднем выводе за все четыре года получили 5 или 4 ½ балла. При этом половина принималась за единицу, а дробь менее половины откидывалась. В 1844 г. МНП были введены некоторые уточнения счета баллов как переводных, так и выпускных экзаменов³⁸⁴. По ним средний балл высчитывался отдельно из предметов дополнительных и факультетских. Если при общем результате в 5 баллов выпускник за время обучения показал в нескольких предметах «слабые» или «посредственные» знания, то он мог лишиться права на получение степени кандидата. Кроме того, по богословию, предмету, общему для всех факультетов, кандидат не мог иметь менее 4-х, а действительный студент – менее 3-х баллов³⁸⁵, что еще раз демонстрирует повышенное внимание, с которым МНП относилось к религиозному воспитанию учащихся. В целом можно согласиться с Ф.А. Петровым, который отмечает, что абстрактно-просветительское пожелание к кандидату университета, содержавшееся в Положении 1819 г., с 1844 г. проявлялось вполне конкретными требованиями³⁸⁶.

³⁸² Иванов А.Е. Ученые степени ... С. 42.

³⁸³ Воронов А.С. Историко-статистическое обозрение ... Т. 2. С. 51.

³⁸⁴ Сборник распоряжений... Т. 2. Стлб. 752.

³⁸⁵ Там же. Стлб. 754.

³⁸⁶ Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования. Т. 3. С. 367.

Однако правила для испытаний студентов оговаривали и отступления, которые Совет мог допускать при присуждении студенту ученой степени кандидата. Так, чтобы «не отнять надежды на получение степени кандидата и побудить к усердным занятиям» Положение предусматривало, что по решению факультета студенту может быть разрешена переэкзаменовка, не более чем в трех предметах низших курсов, во время которой претендент на степень кандидата должен показать отличные знания. Переэкзаменовка назначалась по представлению ректора и не иначе как с разрешения попечителя. Кроме того, факультет мог ходатайствовать перед Советом университета о присвоении степени кандидата студенту, имеющему средний балл ниже $4\frac{1}{2}$ «в уважение его прилежания и благонравия»³⁸⁷. Так, в 1841 г. юридический факультет обратился в Совет с просьбой о присвоении степени кандидата студенту 4-го курса Михаилу Заблоцкому, имеющему средний балл « $4\frac{11}{28}$ » и представившему «рассуждение», одобренное профессорами³⁸⁸. Просьба факультета была удовлетворена. Таким образом, допускались существенные отступления от закрепленных норм, что делало практику применения законодательства достаточно разнообразной.

Вместе с тем кандидатские испытания имели свою специфику в сравнении с выпускными испытаниями на звание «действительный студент». Специфика выражалась в обязанности соискателя ученой степени выполнить сверхпрограммную письменную работу («рассуждение» или диссертацию), посвященную значимой научной теме³⁸⁹. Работу необходимо было представить не позднее 15 февраля декану факультета, после чего она и мнение о ее достоинстве, представленное одним из профессоров, рассматривались в собрании факультета, где и выносилось решение о присуждении кандидатской степени. В 1840-х гг. содержание и объем кандидатских сочинений изменяются в сторону придания им качеств научной ра-

³⁸⁷ Сборник распоряжений... Т. 2. Стлб. 469.

³⁸⁸ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 2. Д. 375: О годовичных экзаменах студентов за 1840–1841 гг. Л. 10.

³⁸⁹ Иванов А.Е. Ученые степени... С. 104.

боты. Они довольно хорошо сохранились в составе университетского архива, начиная с этого времени³⁹⁰. Сохранилось около 300 кандидатских сочинений студентов Петербургского университета за период до 1861 г. Большая часть их написана студентами юридического факультета, но немало и диссертаций по всеобщей и российской истории, классической словесности, естественным наукам.

Исследователи отмечают, что курсовая система российских университетов не раз подвергалась критике и вызвала проекты введения свободы обучения, однако все же оставалась неизменной и приобрела к концу XIX в. еще более жесткие черты³⁹¹. Один из таких проектов, авторство которого установить не удалось, был подан на рассмотрение попечителю Петербургского учебного округа М.Н. Мусину-Пушкину в начале 1850-х гг.³⁹² В проекте, в частности, предлагалось отменить не только годовые экзамены в университете, но и звание действительного студента. Проект подвергся жесткой критике университетского Совета и был передан в министерство, а его положения так и остались на бумаге.

Основным документом, подтверждающим право на чин после окончания университета, был аттестат. В первой четверти XIX в. происходила выработка единой для всех русских университетов формы аттестата. Еще в начале XIX в. студентам Петербургского педагогического института выдавались разные по форме аттестаты. Так, в аттестате, выданном Конференцией института 21 марта 1808 г. студенту Д. Василевскому, перечислялись предметы, которым обучался молодой человек: логика, метафизика, моральная философия, право естественное, частное и публичное, политическая экономия, наука о финансах, древ-

³⁹⁰ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 9: Диссертации студентов. 1808–1849; оп. 10: Диссертации студентов. 1850–1859; оп. 11: Диссертации студентов. 1860–1869 и т.д. Наиболее ранняя из сохранившихся студенческих диссертаций датирована 1808 г. Это сочинение Всеволода Игнатьева «Рассуждение о геологии» (Ф. 14. Оп. 9. Д. 1).

³⁹¹ Андреев А.Ю. «Идея университета» в России (XVIII – начало XX в) ... С. 18.

³⁹² ОР РНБ. Ф. 531 (А.С. Норов). Д. 46: Документы, связанные с его деятельностью в МНП в 1850–1858 гг.

няя, всеобщая история, всеобщая грамматика, эстетика, латинская и российская словесность. «При очень хорошем поведении и прилежании оказал по сим предметам отличные успехи, в удостоверение чего и дано ему сие свидетельство», – значилось в аттестате³⁹³. Другому выпускнику Педагогического института Шароградскому аттестат был выдан профессором чистой и прикладной математики М.Е. Резановым с приложением его личной печати, в том что молодой человек «между прочим, в *оном университете* (так в тексте, и это общая формула аттестатов Педагогического института. – Т.Ж., К.К.) около 4-х лет обучался чистой и прикладной математике с хорошим поведением и прилежанием»³⁹⁴. Студент Санкт-Петербургского педагогического института Фома Петрушевский по окончании университета получил несколько аттестатов от разных профессоров: по математике от того же профессора М.Е. Резанова, по химии, подписанный Александром Шерером, по опытной физике, подписанный В.Г. Кукольниковым, по рисованию и черчению, подписанный учителем М. Берлинским, по географии всеобщей и российской, подписанный Е.Ф. Зябловским и т. д.³⁹⁵ В апреле 1813 г. по утвержденному проекту правил для Комитета испытаний Педагогического института, составленному попечителем С.С. Уваровым, подобная практика была приостановлена. Отныне ни один профессор не мог «выдавать частного аттестата», единый документ об окончании института мог быть выдан только за подписью директора института и подписями всех профессоров, у которых студент обучался³⁹⁶.

Процедура получения аттестата без экзаменов, а лишь по «свидетельству» профессоров вполне соответствовала практике немецких университетов³⁹⁷. В первой четверти XIX в. аттестаты выдавались и окончившим курс студентам, и молодым

³⁹³ ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 364: Аттестаты студентов I отделения. 1808. Л. 10.

³⁹⁴ Там же. Л. 34.

³⁹⁵ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 1082: Формулярные списки о службе чиновников округа. 1813. Л. 5–10.

³⁹⁶ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 955 Л. 1.

³⁹⁷ Андреев А.Ю. Российские университеты... С. 484.

людям, проучившимся в университете лишь некоторое время. Поэтому можно согласиться с А.Ю. Андреевым, что только к студентам, которые экзаменовались по предметам факультета, можно применять термин «окончили университет», а относительно же всех остальных, которые выходили из университета с аттестатом о прослушанных лекциях, следует говорить, что они «учились в университете»³⁹⁸.

Пытаясь отрегулировать сложившуюся практику, когда молодые люди приходили в университеты лишь на непродолжительное время, для получения аттестата, МНП в 1814 г. издало распоряжение, по которому студентам, не окончившим курса учения, выдавались аттестаты с указанием времени обучения. Кроме того, указывалось, что на обладателей неполного аттестата не распространяется указ 6 августа 1809 г. и 26-я статья «Предварительных правил народного просвещения» (1803 г.), дающие право на чин³⁹⁹. Данное распоряжение было повторено в 1822 г., так как, говоря языком законодателя, «по некоторым встречающимся случаям несоблюдение предшествующего предписания подает повод к затруднительным вновь перепискам и справкам»⁴⁰⁰. Таким образом, были, наконец, приведены в соответствие университетское законодательство и сложившаяся практика обучения в университете.

В аттестатах неменной составляющей было указание на поведение студента во время обучения в университете. Но по распоряжению министерства в аттестатах «не следовало означать частных случаев, встречавшихся во время продолжения учения», а надлежало показывать только общий результат поведения выпускника, который должен был быть не менее «хорошего»⁴⁰¹. Таким образом, форма университетского аттестата, который студент получал по окончании универси-

³⁹⁸ Андреев А.Ю. Российские университеты... С. 484.

³⁹⁹ Сборник распоряжений... Т. 1. Стлб. 256.

⁴⁰⁰ Там же. Стлб. 473.

⁴⁰¹ Там же. Т. 2. Стлб. 121.

тета в торжественном собрании, закрепились лишь к середине 1820-х гг. В аттестате, подписанном членами университетского Правления с приложением печати, значилось время обучения в университете, свидетельства профессоров об успехах выпускника в преподаваемых предметах, а также свидетельство ректора о поведении. Обязательным было указание на то, что студент выслушал полный курс и был экзаменован⁴⁰².

В университетской практике встречались случаи, когда по распоряжению Министерства народного просвещения в аттестаты вносились дополнительные сведения. Например, так было в 1824 г., когда пятерым казеннокоштным студентам Петербургского университета, начавшим обучение еще в Главном педагогическом институте, за неимением подходящих учительских вакансий было разрешено поступать в службу по собственному желанию. Выпускники, узнав о таком решении министерства, подали прошение о внесении в аттестаты дополнительные сведения о том, что они по окончании полного шестилетнего университетского курса признаны в звании старших учителей гимназии, которое соответствует IX классу государственных чиновников. «Без сего ясного и точного изложения наших прав мы подвергаемся явной опасности лишиться в другой службе принадлежащих нашему званию прав»⁴⁰³, – говорилось в прошении. Кроме того, студенты просили о внесении в аттестаты свидетельства в том, что они увольняются из педагогической службы «не за неимением в них надобности для учебных заведений, что легко может привести людей, не знающих о распоряжении университетского начальства, в сомнение» насчет их успехов и поведения, но по недостатку учительских мест, соответствующих их званию. Министр, рассмотрев просьбу студентов, предложил Правлению университета включить в аттестаты студентов обстоятель-

⁴⁰² ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 109: С означением на аттестатах студентов, что оные окончили полный курс учения и были экзаменованы. 1820. Л. 2.

⁴⁰³ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 3392: О распределении студентов университета, остающихся без должностей. 1823. Л. 21.

ства, значащиеся в прошении молодых людей. Детали этого дела наглядно иллюстрируют значимость университетского аттестата как документа, гарантировавшего определенный чин при поступлении на службу. Поскольку в данном случае университет не смог обеспечить социальную защиту своим выпускникам (казеннокоштным), они хотели, чтобы эту роль отчасти взял на себя документ, выданный университетом. Документ с включением дополнительных сведений и разъяснений должен был защитить студентов от возможных недоразумений при поступлении на службу. Студенты ходатайствовали об уравнивании в правах с товарищами, которые прошли ту же подготовку и были распределены на учительские вакансии. Таким образом, университет, выступая гарантом прав своих выпускников на чин, обеспечивал механизм их социализации. В целом обстоятельства этого дела наглядно иллюстрируют изменение характера системы университетского образования в первой четверти XIX в. в сторону его прагматизации.

Аттестат как свидетельство успешного окончания университета иногда мог становиться рычагом дисциплинарного воздействия на учащихся. Если молодой человек имел перед университетом какие-либо обязательства, то аттестат выдавался ему только после их выполнения. Так, казеннокоштному студенту Петербургского университета Хорошилову, согласившемуся на назначение учителем в Казанский учебный округ, были выданы деньги «во вспоможение и на прогоны». Однако после получения этой суммы молодой человек отказался от назначения. Министр распорядился не выдавать Хорошилову увольнительного аттестата до внесения денег обратно в казну⁴⁰⁴.

С 1835 г. вид аттестата, без различия – для действительного студента или кандидата, унифицируется по всем университетам империи (исключая Гельсингфорсский) благодаря сближению учебных планов, системы оценок, номенклатуры наук и кафедр. Последнее было важно, т. к. ученая степень по уни-

⁴⁰⁴ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 3392: О распределении студентов университета, остающихся без должностей. 1823. Л. 20.

верситетскому уставу 1835 г. привязывалась не только к конкретному отделению и факультету, но и к специализации, «разряду»⁴⁰⁵. Выпускник писался в дипломе «кандидатом прав» или «действительным студентом естественного отделения физико-математического факультета», что определяло и его профессиональную специализацию и уровень подготовки. Дифференцированный метод научной аттестации, отразившийся в формуляре дипломов, сохранился и после принятия нового устава университетов 1863 г.

Диплом (аттестат) выдавался от имени Совета университета, что было отражено в основной записи: «Совет Императорского С.-Петербургского университета сим объявляет, что имярек ... поступил в число студентов ..., выслушал полный курс ... и признан достойным ученой степени кандидата ...». Диплом печатался на особой, «гербовой» бумаге, поэтому с его обладателей при получении взимался особый сбор в казну⁴⁰⁶.

Таким образом, к середине XIX в. полностью сложилась система научной аттестации, единые условия образовательного процесса и вместе с тем выросла социальная ценность университетского образования. В отличие от XVIII и начала XIX в., когда время пребывания в университете не было регламентировано и могло продолжаться от года до 10 лет⁴⁰⁷, время обучения ограничивается определенным количеством лет, соответствующих 4-м курсам обучения. С 30-х гг. XIX в. число юношей, претендующих на получение университетского аттестата, закрепляющего высокий социальный статус универсанта, заметно увеличивается, а вместе с тем повышаются требования к профессиональной подготовке студента. Не только введение курсовой системы, но и дифференциация полученных знаний, свидетельствовали о тенденции к прагмати-

⁴⁰⁵ Иванов А.Е. Ученые степени ... С. 39.

⁴⁰⁶ Жуковская Т.Н. Эволюция университетских дипломов // Санкт-Петербургский университет. 2009. № 20 (3807). С. 32. См. также: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 2838: О деньгах, взысканных с кандидатов и студентов за аттестаты. 1831 г.

⁴⁰⁷ Феофанов А.М. Студенчество Московского университета в XVIII – первой четверти XIX в. ... С. 97–101.

зации системы университетского образования. Организация преподавания, сложившаяся по уставу 1835 г., и дисциплинарные требования к обучению диктовали студенту необходимость соблюдать заданные рамки учебного процесса, принуждали к выполнению необходимых условий прохождения университетского курса, тем самым сводя на нет принцип «свободы обучения», характерный для немецких университетов XVIII в., на которые во многом ориентировались создатели уставов начала XIX в. Однако законодательно закрепленные правила обучения корректировались практиками их нивелирования или сглаживания, оставляя учащимся некое пространство для свободы учебных отношений. Уменьшение с начала 1840-х гг. числа студентов, оставленных по «малоуспешности» на второй год на том же курсе, наряду с незначительными колебаниями количества отчисленных за неуспехи, свидетельствует о безусловном повышении уровня подготовки студентов.

3.4. Финансовые отношения студентов и университета. Стипендии и стипендиальная политика

Финансовые отношения между университетом и обучающимися регламентировались законодательно и в значительной мере определяли материальное положение и социальный облик студенчества. Студенты делились на две основных категории: своекоштные и казеннокоштные. Первые обучались за собственный счет, вторые – за счет казны. Как правило, на казенное содержание поступали выпускники гимназий и приравненных к ним казенных учебных заведений, а также воспитанники, испытывавшие материальные затруднения.

В Педагогическом институте преобладание казенных студентов до 1816 г. было абсолютным. Но и в следующее 10-летие в Петербургском университете их было большинство, в том числе принятых еще в Главный педагогический институт на 6-летний курс обучения и обязанных службой по ведомству МНП. Эти

молодые люди заканчивали обучение в 1822–1824 гг. уже в университете и получали университетский аттестат. Численное преобладание казенных студентов в первой четверти XIX в. можно назвать одной из особенностей Петербургского университета, унаследованной от Педагогического института⁴⁰⁸.

Во второй четверти XIX в. с притоком в университет большого числа юношей дворянского происхождения число своекоштных студентов увеличивается. Согласно штату С.-Петербургского университета 1835 г., в университете определено было содержать всего 20 казенных воспитанников. С этого времени численность казеннокоштных студентов не только не увеличивалась, но постепенно уменьшалась. Было установлено, что за 1835–1848 гг. уменьшилась доля казеннокоштных и в других высших учебных заведениях, т. к. при постоянном росте числа учащихся штаты их оставались прежними, и это не позволяло заметно увеличить число казеннокоштных⁴⁰⁹. В то же время документы университетского делопроизводства свидетельствуют о том, что число казеннокоштных студентов, окончивших университет, превышало число свободных учительских вакансий в гимназиях⁴¹⁰. Таким образом, в увеличении числа казеннокоштных студентов не было практической необходимости, тем более что в эти годы увеличивается число стипендиатов, подготавливаемых за счет средств различных ведомств и выпускавшихся не только в педагогическую, но и в дипломатическую, юридическую и иную службу. Сокращение числа казенных стипендий компенсировалось также учреждением региональных, ведомственных, именных стипендий.

Летом 1847 г. по представлению попечителя М.Н. Мусина-Пушкина число казенных студентов столичного университета было уменьшено с 20 до 16 человек. Спорным является

⁴⁰⁸ Жуковская Т.Н., Калинина Е.А. Во главе училищ: административная деятельность университетов в первой половине XIX в. // Труды Института российской истории РАН. Вып. 13. М., 2016. С. 115–137.

⁴⁰⁹ Булгакова Л.А. Русская интеллигенция... С. 42.

⁴¹⁰ См. например: РГИА. Ф. 733. Оп. 25. Д. 104: О сохранении вакантных мест в 3-й Петербургской гимназии для стипендиатов Министерства государственных имуществ.

утверждение Ю.Н. Егорова о том, что эта мера создавала «искусственные материальные затруднения для казеннокоштных»⁴¹¹. Ограничение числа казеннокоштных студентов, на наш взгляд, было вызвано практической необходимостью, а именно отсутствием необходимого числа свободных вакансий для них прежде всего в учительской службе. Отсутствие учительских вакансий в учебном округе затрудняло процесс распределения, и университетское начальство было вынуждено оставлять выпускника на неопределенный срок при университете, а значит, нести финансовые издержки⁴¹². В 1847 г. попечитель Мусин-Пушкин предлагал для сокращения расходов перевести всех казенных студентов в стипендиаты, число которых не должно было превышать 15 человек⁴¹³. Главным доводом попечителя было то, что число ежегодно оканчивающих курс казеннокоштных студентов превышает потребность Санкт-Петербургского учебного округа в учителях.

Распределение выпускников Петербургского университета производилось и за пределы учебного округа при получении известий о свободных вакансиях от начальства других округов. Представляется, что к концу 1840-х гг. вакансий в губернских городах других округов было также мало, а ехать в небольшие города на места уездных учителей выпускники университета не хотели. Таким образом, со временем практика добровольного распределения на учительские места сошла на нет.

В «Проекте положения о стипендиях...» М.Н. Мусина-Пушкина предусмотрено, что стипендиаты должны были отныне жить на наемных квартирах, а за счет помещений, занимаемых прежде казенными студентами в здании Двенадцати коллегий, предлагалось расширить пространство аудиторий. В число стипендиатов, по мнению автора проекта, могли быть приняты только молодые люди христианского вероисповедания, российские подданные, при этом лишь дети потомственных или личных

⁴¹¹ Егоров Ю.Н. Студенчество Санкт-Петербургского университета... С. 9.

⁴¹² См. подробнее об этом в главе 5.

⁴¹³ РГИА. Ф. 733. Оп. 25. Д. 10: О рассмотрении проекта положения о стипендиях в Петербургском университете. 1847–1848 гг.

дворян и чиновников. Стипендиатов предполагалось принимать только в разряд общей словесности и математических наук, куда поступало меньше всего своекоштных студентов. Таким образом, попечитель предлагал решить сразу две задачи: ограничить число студентов из низших сословий и иностранцев и пополнить стипендиатами наиболее малочисленные разряды философского факультета. Однако министр С.С. Уваров посчитал эту меру «неудобной и преждевременной». Как известно, правительство пошло по другому пути, прибегнув к ограничению числа своекоштных студентов и повышению платы за обучение. Причина этого выбора, возможно, заключалась в том, что правительство боялось ослабить дисциплинарный и административный контроль над студентами-стипендиатами, которые по проекту Мусина-Пушкина наделялись гораздо большей свободой, нежели казеннокоштные студенты. В 1850 г. существование казеннокоштных воспитанников в университете было окончательно упразднено⁴¹⁴.

Если студенты, зачисленные на казенный кошт, содержались в университете за счет казны и могли не беспокоиться об устройстве своего быта, то многие из своекоштных студентов, поступивших в университет, сталкивались с материальными трудностями⁴¹⁵. В 1830-х гг. в университетах появляется категория студентов-пансионеров, которые не считались ни своекоштными, ни казеннокоштными. Некоторые из них, при наличии места, помещались в университете вместе с казеннокоштными студентами, но именовались пансионерами. За свое содержание студенты-пансионеры (точнее то ведомство, на содержании которого они находились) вносили по 150 руб. «на первоначальное обзаведение» и 500 рублей ежегодно⁴¹⁶. Эта сумма была на порядок больше платы за обучение, установленной для своекоштных студентов, и покрывала содержание пан-

⁴¹⁴ Григорьев В.В. Императорский Санкт-Петербургский университет... С. 299.

⁴¹⁵ См.: Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX – начала XX века: Соц.-ист. судьба. С. 265–300; Юркина Н.Н. Повседневная жизнь московского студенчества 1830–1890-е гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. С. 121–147.

⁴¹⁶ Сборник распоряжений... Т. 2. Стлб. 194.

сионеров в университетских зданиях, питание, а возможно, и обмундирование.

Плата за обучение для своекоштных студентов во всех русских университетах была введена 21 марта 1839 г. Инициатива этого решения исходила от попечителя Санкт-Петербургского учебного округа М.А. Дондукова-Корсакова и, несомненно, была согласована с С.С. Уваровым. Петербургский попечитель подал на имя министра народного просвещения записку о необходимости введения денежного сбора со своекоштных студентов и вольных слушателей университета. «С одной стороны, для ежегодных расходов по содержанию университетских зданий нет никакой возможности довольствоваться настоящим штатным назначением суммы, – писал он, – с другой, имея в виду затруднения, встречаемые в ассигновании из казны дополнительных сумм, я бы полагал установить денежный сбор с своекоштных студентов и вольноприходящих учеников»⁴¹⁷. Попечитель предлагал употребить эти денежные сборы на расходы по содержанию в исправности аудиторий, отопление и освещение, ремонт мебели, наем служителей, на разъезды. До этого времени за обучение студенты университета не платили, единственным исключением в этом отношении был Дерптский университет, где с момента его основания существовала практика так называемых «гонораров» в пользу профессоров. Плата, установленная в Московском университете в 1820 г., видимо, не была обязательной и не превышала 20 руб.⁴¹⁸

Предлагаемая М.А. Дондуковым-Корсаковым система оплаты выглядела как вознаграждение, обращенное в пользу «ученого сословия», как в Дерптском университете, поскольку эти суммы надлежало употреблять не только на хозяйственные цели, а напрямую поощрять из них тех преподавателей, лекции которых посещали молодые люди, вносящие эту плату. В других

⁴¹⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 219: Дело об учреждении университета в Петербурге. 1819–1835. Л. 271.

⁴¹⁸ Феоданов А.М. Студенчество Московского университета в XVIII – первой четверти XIX в. ... С. 166.

университетах с 1839 г. суммы, вносимые в виде платы за обучение, отводились на содержание в исправности аудиторий, отопление и освещение, ремонт мебели, найм служителей, на разъезд и другие потребности⁴¹⁹.

Помимо задачи пополнения бюджетного содержания университетов от казны, введение платы за обучение, по мнению правительства, должно было усложнить доступ к высшему образованию для лиц из податных сословий. С введением платы за обучение своекоштные студенты Петербургского университета должны были вносить по 100 руб. асс. в год (28 руб. 57 коп. сер.). В июле 1845 г. эта сумма была доведена до 40 руб. сер., а в 1848 г. составила уже 50 руб. сер. в год. В провинциальных университетах эта сумма была вдвое меньше.

Плата за слушание лекций во всех университетах империи вносилась дважды в год, по полугодиям, не позже 15 сентября и 15 февраля. Но «Правилами для студентов Санкт-Петербургского университета», изданными в 1846 г., устанавливалось, что положенную плату за обучение студент обязан вносить в начале каждого семестра не позже 1 сентября и 1 февраля⁴²⁰. Соответственно к этому же сроку должны были быть представлены и свидетельства, необходимые для освобождения от платы за обучение. От платы за обучение без предъявления свидетельства о бедности совершенно освобождались пансионеры императора и особы высочайшей фамилии, штатные казенные студенты и стипендиаты, а также дети преподавателей и чиновников, служащих при тех же учебных заведениях, молодые люди, воспитываемые за счет Приказов общественного призрения и других благотворительных обществ⁴²¹. В совокупности, число студентов, вносивших плату за обучение, было значительно меньшим, чем число от нее освобожденных.

На старших курсах, на основании академических успехов, не-

⁴¹⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 219. Л. 271.

⁴²⁰ Правила для студентов Императорского Санкт-Петербургского университета. СПб., 1846. С. 1.

⁴²¹ Сборник распоряжений... Т. 2. Стб. 825.

которым студентам удавалось получить какую-либо стипендию, добиться перевода в пансионеры или освобождения от платы за обучение. Если в 1849 г. только один из своекоштных студентов был переведен в пансионеры, то в 1850 г. таких студентов было уже четверо, в 1851 г. в стипендиаты было зачислено уже 20 своекоштных студентов⁴²². Как правило, с прошением о зачислении в стипендиаты обращались студенты, с успехом выдержавшие годичные испытания после первого года обучения. На перевод в казеннокоштные студенты требовалось согласие попечителя, который, в свою очередь, запрашивал у ректора сведения о том, на каком курсе находится студент, какие успехи показал на экзамене и какого молодой человек поведения. Если студент успешно сдавал годовые экзамены и имел положительный отзыв инспектора о поведении, то попечитель рекомендовал Совету «иметь молодого человека в виду при избрании воспитанников для замещения вакансий казеннокоштных студентов»⁴²³. Таким образом в университете происходила ротация категорий студентов, а при определении государственных льгот устанавливалась связь между интеллектуальными способностями студента, его благонадежностью и определением казенного содержания. Многие студенты при этом могли считать, что их поощрение или наказание зависит от профессоров, что увеличивало ресурс власти наставника⁴²⁴.

От внесения платы за обучение освобождались студенты, представившие свидетельства «о недостаточном состоянии». Данная процедура получения льгот со временем усложнялась. Распоряжением от 19 декабря 1841 г. были изданы специальные дополнительные правила для освобождения студентов от платы за слушание лекций, имевшие в виду ужесточение документального сопровождения⁴²⁵. В правилах уточнялось, что

⁴²² РГИА. Ф. 733. Оп. 25. Д. 199. Л. 31.

⁴²³ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 2. Д. 378: О принятии разных лиц в число казенных студентов и пансионеров разных ведомств. 1843 г.

⁴²⁴ Вишленкова Е.А. «Воспроизводство себе подобных» в российских университетах... С. 6.

⁴²⁵ Сборник распоряжений... Т. 2. Стлб. 535–536.

на свидетельстве «о недостаточном состоянии» учащегося или его родителей, кроме подписи председателя или одного из членов присутственного места, выдавшего документ, должна стоять подпись секретаря, номер исходящего документа и казенная печать. При этом студенту недостаточно было лично представить подлинник полученного свидетельства. Университет должен был получить копию этого документа из самого присутственного места, его выдавшего, за всеми подписями. Этот механизм должен был исключить возможность предоставления студентами подложных документов. Кроме того, предусматривалось, что если после выдачи свидетельства «о бедности» у студента или его родителей появится возможность вносить установленную плату за обучение, то об этом следует немедленно сообщить в университет. Этими же правилами декларировалось, что университет, «в особенности при назначении пособий, руководствуется не только предоставляемыми свидетельствами о недостаточном состоянии, но и принимает в соображение образ их (студентов. – Т.Ж., К.К.) жизни»⁴²⁶. То есть при дисциплинарных нарушениях даже студент, освобожденный от платы в связи с бедностью, мог лишиться этой льготы. Новым положением о внесении платы, утвержденным в 1852 г., лица податного состояния даже в случае предоставления свидетельства о бедности, не могли быть освобождены от внесения платы⁴²⁷.

В 1851 г. необходимые документы об освобождении от платы за обучение предоставили 22 студента Петербургского университета. После утверждения попечителем списка недостаточных студентов, 14 из которых были своекоштными и 9 вольнослушателями, молодые люди получили право не вносить установленной платы в продолжение всего курса. Из 14 своекоштных студентов все за исключением Андрея Космана, перешедшего на 3-й курс юридического факультета, были первокурсниками. Десять из них поступили на юридический факультет, двое на фи-

⁴²⁶ Сборник распоряжений... Т. 2. Стлб. 536.

⁴²⁷ Там же. Т. 3. Стлб. 101.

зико-математический и один на историко-филологический, в разряд восточной словесности⁴²⁸. По происхождению восемь из них были дворянами и лишь двое разночинцами.

«Положением» 1852 г. предусматривалось, что лица всех состояний, освобожденные по бедности от взноса платы за обучение, теряли это право, если были замечены в неодобрительном поведении или не переводились в высший курс по недостаточным успехам. В «Правилах для студентов Санкт-Петербургского университета» указывалось также, что «в случае неодобрительного засвидетельствования инспектора о поведении и нравственности студента, он не может быть переведен в высший курс, не принимается на казенное содержание, не удостоивается золотой или серебряной медали, хотя бы и заслуживал ее по успехам в науках»⁴²⁹. Таким образом, право на льготы по оплате обучения или получение казенного содержания были мощным ограничителем для студентов, мотивируя их на усердную учебу и осмотнительное поведение. Несвобода казенных студентов, их подчиненное положение подчеркиваются их товарищами-мемуаристами, которые учились в более свободном режиме.

Для тех, кто не мог представить свидетельство о бедности, но нуждался в финансовой помощи университета, оставалась возможность получения стипендии. Предусматривалось, что часть суммы, собранной за слушание лекций, перечислялась университетом на вспомоществование «беднейшим из отличнейших» по прилежанию и поведению своекоштных студентов и перечислялась как в продолжении курса обучения, так и при его окончании. Вспоможение назначалось с разрешения попечителя и могло состоять в единовременном пособии, которое не должно было превышать 60 руб. в год, в обмундировании, снабжении учебными пособиями или назначении

⁴²⁸ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 5450: О невзносе некоторыми студентами денег за слушание лекций и освобождении других от взноса сих денег. 1851. Л. 2. (Подсчитано нами. – Т.Ж., К.К.)

⁴²⁹ Правила для студентов Санкт-Петербургского университета. СПб., 1846. С. 11.

стипендии, максимальный размер которой устанавливался в 143 руб. сер.⁴³⁰ Необходимым условием для получения пособия была успешная учеба, подтверждаемая отметками на годичных испытаниях, и свидетельство инспектора о нравственности учащегося.

В годовом отчете за 1847 г. ректор Санкт-Петербургского университета писал: «Те из них (студентов. – Т.Ж., К.К.), которым необходимо денежное пособие для продолжения курсов по разрешению попечителя получают стипендии и таким образом принимают от университета вдруг нравственную, умственную и вещественную помощь, чтобы вполне обеспечено было их будущее»⁴³¹. Согласно данным университетских отчетов, в 1846 г. из 518 своекоштных студентов 22 человека получали пособие. В 1849 г. после ограничительных мер правительства уменьшается число учащихся и число пособий: из 432 своекоштных студентов лишь 12 получают материальную помощь от университета. С начала 1850-х гг. число пособий вновь постепенно растет: в 1856 г. из 381 своекоштных студентов 26 человек получают пособие. Соответственно, если в 1846 / 1847 г. университетское пособие получали 4 % своекоштных студентов, в 1848 / 1849 г. лишь 2%, то с начала 50-х гг. XIX в. число своекоштных студентов, получающих материальную поддержку от университета, выросло с 6 до 8%⁴³².

Таким образом, высокая плата за обучение играла роль фильтра, чтобы уменьшить число выходцев из непривилегированных сословий, поступающих в университет, а система материальной помощи – оказать поддержку тем студентам из беднейших слоев, которые, по мнению администрации, были достойны получения университетского диплома.

⁴³⁰ Сборник распоряжений... Т. 2. Стлб. 821; Положение о взимании платы, утвержденное министром народного просвещения 16 мая 1852 г. СПб., 1852. С. 6.

⁴³¹ Годичный торжественный акт... 1847 г. С. 49.

⁴³² Подсчеты выполнены на основании данных университетских отчетов за 1846–1856 гг. См. подробнее: Приложение, табл. № 6.

Кроме того, с 1830-х гг. в Санкт-Петербургском университете, как и в других университетах империи, увеличивается число студентов-стипендиатов. Это было следствием политики целевого стимулирования академической активности тех, кто не был в состоянии учиться за собственный счет, но имел к этому необходимые способности. В целом она продолжала линию государственного патронажа над университетами, избранную в начале XIX в., но была более сословно ориентированной.

Все стипендии, назначаемые учащимся, разделялись на постоянные и временные. Таблица № 11, помещенная нами в Приложении, где приведены данные о типах стипендий, существовавших в С.-Петербургском университете в 1819–1861 гг., показывает, что в этот период доминировали государственные формы помощи малообеспеченным студентам, а число персональных и региональных стипендий, определенных от частных лиц и сообществ, было сравнительно невелико.

Возможность частных пожертвований университету для учреждения стипендий оговаривалась еще в уставе Московского, Казанского и Харьковского университетов 1804 г. «Университет не откажет способствовать желанию благотворителей просвещения, которые назначили или впредь назначить могут содержание для неимущих студентов. Таковые воспитанники отличаются именем их благотворителей, доколе на содержании пребывают, и университет употребит все способы, от него зависящие, для изъявления должной благотворителям признательности перед лицом общества»⁴³³, – говорилось в уставе.

По существу, в первой четверти XIX в., когда большинство студентов были казеннокоштными, а плата за обучение не взималась, стипендий как таковых не было. Документы свидетельствуют о том, что студент мог получить от университета единовременно материальную поддержку за особые успехи. Так, например, по ходатайству профессора восточной словесности О.И. Сенковского в 1823 г. попечитель округа просил

⁴³³ Сравнительная таблица уставов университетов 1884, 1863, 1835 и 1804 гг. СПб., 1901. С. 188.

министра о дозволении выдать студенту Михаилу Волкову из общих университетских остатков 300 руб. Подобной награды за успехи по представлению Конференции был удостоен и студент Иван Грацилевский за составление персидской грамматики⁴³⁴. Оба студента были оставлены затем при университете в статусе магистров и преподавателей.

Можно заметить, что в русских университетах в первой половине XIX в. было гораздо меньше частных стипендий, нежели, например, в Дерптском⁴³⁵. Постоянные стипендии находились в большинстве своем в ведении МНП. В сметы министерства вносилось и содержание от посторонних ведомств, например, Литовско-реформатского синода или кабинета государя императора. В правилах получения стипендии оговаривались условия, на которых она предоставлялась. Как правило, стипендиаты, как и казенные воспитанники, по окончании университета должны были прослужить по учебному ведомству несколько лет. В условиях получения стипендии оговаривался и порядок выдачи финансовой помощи. Так, стипендия И.А. Крылова, определенная в 800 руб. в год, выдавалась по третям года. А именная стипендия Алексея Евреинова – ежемесячно по 20 руб. сер., и в начале каждого полугодия – еще по 30 руб. «на экипировку» студента⁴³⁶. Некоторую сумму студент-стипендиат мог получить и по завершении обучения. Это предусматривалось, например, положением о стипендии на счет капитала Тамбовцева, согласно которому, студент при выпуске из университета в учительскую службу получал 120 руб. на обмундирование и 80 руб. на учебные пособия⁴³⁷.

Выбор кандидата на получение стипендии зависел от того, частная это стипендия или ведомственная. В случаях, когда этот выбор предоставлялся министру, он сам мог рекомендовать

⁴³⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 295: Дела о выпуске студентов. 1823–1826.

⁴³⁵ Петухов Е.В. Юрьевский, бывший Дерптский университет... С. 512–513.

⁴³⁶ Сборник распоряжений... Т. 3. Стлб. 28.

⁴³⁷ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 2. Д. 522: Об учреждении стипендии на счет капитала, пожертвованного г. Тамбовцевым. 1861. Л. 3.

кого-либо из молодых людей на это место. Так, в 1860 г. министр народного просвещения по ходатайству генерал-губернатора Восточной Сибири графа Н.Н. Муравьева-Амурского запрашивал ректора Санкт-Петербургского университета о возможности определения в стипендиаты по восточному факультету инородца Ампила Бадмаева, зарекомендовавшего себя в изучении восточных языков⁴³⁸. Выбор кандидата для получения частной стипендии принадлежал, как правило, учредителю стипендии или Совету Санкт-Петербургского университета. В ведении Совета также находилась стипендия князя Н.Б. Юсупова и стипендия М.Н. Мусина-Пушкина.

Размер стипендии составлял в среднем 200–300 руб. в год. Так, например, стипендиаты Виленского учебного округа получали в год по 142 руб. 85 коп., стипендиаты дирекции училищ Бессарабской области – 200 руб., стипендиаты Черниговского приказа общественного призрения – по 242 руб., стипендиаты дворянского общества Псковской губернии – по 250 руб. Пансионеры Закавказского края, которых в Санкт-Петербургском университете к 1861 г. насчитывалось 17 человек, получали по 300 руб. в год. Такую же сумму получали 12 стипендиатов факультета восточных языков. Были стипендии совсем незначительные в финансовом отношении, учрежденные скорее для того, чтобы оказать некое моральное поощрение или материальное содействие студенту, нежели обеспечить его на время прохождения курса. Такие стипендии, как правило учрежденные в отдаленных губерниях для подготовки учителей, были единичными. Так, стипендиат дирекции училищ Ковенской губернии получал всего 60 руб. в год, столько же было определено для студента-стипендиата Тамбовского приказа общественного призрения⁴³⁹.

⁴³⁸ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 2. Д. 407: Зачисление некоторых студентов в стипендиаты. 1860. Л. 4.

⁴³⁹ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 6087: О беспорядках студентов Санкт-Петербургского университета. 1861. Л. 26.

Многие современники отмечали, что размер стипендии был недостаточен и не обеспечивал молодым людям средств к самому скромному существованию⁴⁴⁰. Во многих случаях назначение столь скромной стипендии не достигало своей цели, поскольку не давало возможности посвятить себя наукам, не прибегая к дополнительным источникам заработка: урокам, переводам, переписыванию бумаг в канцеляриях, сотрудничеству в различных журналах. Один из мемуаристов, поступивший в Петербургский университет в начале 1860-х гг., вспоминал, что все приходящие из гимназии казеннокоштные гимназисты от платы за слушание лекций освобождались, но в первый год никакими стипендиями не пользовались, так что должны были жить и питаться где, чем и как угодно⁴⁴¹. Лишь в незначительной степени положение спасали благотворительные акции самих студентов с перечислением вырученных средств беднейшим товарищам или только что организованные студенческие кассы. В. Острогорский писал: «Можно было, правда, выхлопотать что-нибудь из суммы, собранной с ежегодного концерта, наконец, из нашей собственной, едва возникшей кассы, но нуждающихся было так много, а денег так мало, что урвать что-либо было и трудно, да и просто совестно, если только проситель буквально не умирал с голоду»⁴⁴².

Не имея законных оснований для получения стипендии, молодые люди могли обратиться с личной просьбой к ректору. Так, в личном фонде П.А. Плетнева сохранилось письмо от студента Ивана Кудринского с просьбой о помощи в получении стипендии. Из письма понятно, что молодой человек не впервые обращается к П.А. Плетневу. Он пишет: «Обязанный уже Вам многим, многим, я не решился беспокоить Вас до тех пор, пока не убедился, что положение мое безвыходно»⁴⁴³. Студент сообщает о том, что по болезни отсутствовал в университете в течение академического года, и Правление согласилось на пере-

⁴⁴⁰ Записка о стипендиях в русских университетах, кроме Дерптского. 1863. С. 3.

⁴⁴¹ Острогорский В. Из истории моего учительства. СПб., 1895. С. 82.

⁴⁴² Там же. С. 83.

⁴⁴³ РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 3. Д. 353: Письмо к Плетневу П.А. Кудринского Ивана (студента). 1860. Л. 2.

вод его со второго курса на третий с обязательством сдать в августе экзамен по дифференциальному исчислению. Однако перенос экзамена на осень означал потерю стипендии на следующий год. Из письма ясно, что Кудринский ежемесячно получал «балловые деньги» (т. е. пособие за хорошие успехи), которые составляли для него единственное средство к существованию. «Не имея здесь души знакомой, не имея даже товарищей, которые могли бы мне помочь, тревожимый опасностью нетерпимой нищенской жизни, которую я испытывал в Одессе, я решился обратиться снова к Вам», – пишет он П.А. Плетневу. Молодой человек просит ректора поручиться за него перед университетским Правлением в том, что он выдержит экзамен в августе. Кудринский пишет П.А. Плетневу, что он мог бы обратиться за поручительством и к начальству гимназии, которую он окончил с золотой медалью, но согласия пришлось бы ждать около трех месяцев. «Опыт научил меня, что значит просить формально, о чем бы то ни было за 2000 верст, – печально констатирует он, – согласие я получил бы тогда, когда уже не нуждался бы в нем»⁴⁴⁴. Кудринский, однако, допускает, что его просьба о поручительстве может быть невыполнима. При таком исходе он просит П.А. Плетнева как «частного человека» ссудить его (попросту дать в долг) суммой, равной месячной стипендии, т. е. 25 руб. 83 1/3 коп. в июле и такой же суммой в августе и гарантирует возврат долга своим честным словом. Можно предположить, что отзывчивый П.А. Плетнев оказал молодому человеку финансовую помощь приватно. Практика обращения с личными прошениями к ректору существовала и в других русских университетах⁴⁴⁵.

Безвыходное материальное положение вынуждало молодых людей на отчаянные поступки. В феврале 1825 г. своекоштный студент Иван Сокальский обратился с прошением (а точнее, письмом, поскольку оно было подано вопреки установленному

⁴⁴⁴ РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 3. Д. 353: Письмо к Плетневу П.А. Кудринского Ивана (студента). 1860. Л. 2.

⁴⁴⁵ ОР РНБ. Ф. 850 (Шевырев С.П.) Д. 363: Малиновский Д., студент. Письма (2) С.П. Шевыреву. Москва [1847]. Л. 7.

порядку) прямо на высочайшее имя, вероятно, препроводив его в отделение императорской канцелярии. Студент сообщал, что живет на вольной квартире, не имеет средств содержать себя, и просил вспомоществования на год, до окончания курса наук. «Иначе мне придется, – говорилось в прошении, – оставить продолжение наук, так необходимое средство к общей пользе... Нет у меня ни родных, ни благодетелей, могущих поддержать меня еще один год до окончания наук моих, без которых нельзя быть полезным отечеству»⁴⁴⁶.

Император вмешался в это дело. В итоге переписки чиновников университета и МНП по обращению студента Александр I повелел перевести на содержание студента Сокальского в Санкт-Петербургском университете до окончания курса учения по 500 руб. в год и сверх того выдать ему единовременно на уплату долга 150 руб. из сумм Государственного казначейства. 20 августа было получено предписание министра о начислении содержания студенту, а в сентябре деньги были перечислены. Но для Сокальского это благодеяние оказалось роковым. Будучи поселен вместе с казеннокоштными студентами в здании университета он оказался не в состоянии перенести регламентацию быта и совершил «нравственные проступки». Он несколько раз без разрешения уходил со двора университета к своим знакомым, живущим поблизости, найден был там специально посланным служителем пьяным и приведен в университет. Правление университета определило ходатайствовать об исключении Сокальского 19 ноября 1825 г. (в день смерти его благодетеля!).

Встречаются случаи личного участия Николая I в судьбе университетов. Так, студент Петербургского университета, Александров, оставшись без квартиры, взял свои вещи и демонстративно переехал на Семеновский плац, прямо напротив университета. Рано утром на скамейке, где он ночевал, была оставлена записка: «квартира студента Александрова». Вернувшись, он объяснил

⁴⁴⁶ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 3917: По всеподданнейшему прошению своекоштного студента Сокальского о вспомоществовании. 1825. Л. 2.

прибывшему обер-полицмейстеру, что крайняя нужда заставила его искать жительства на Семеновском плацу⁴⁴⁷.

Попечитель Петербургского учебного округа К.М. Бороздин в переписке с директором департамента МНП Д.И. Языковым выразил глубокое сожаление о невозможности поместить на казенное содержание бедствующего своекоштного студента Александрова, «ибо в Университете нет даже места для воспитанников, окончивших курс в гимназии»; но добавил, что весьма желательно было бы сделать Александрову какое-либо вспомоществование, которое он весьма заслужил, но университет не имеет на это совершенно никаких средств⁴⁴⁸. Вскоре последовало высочайшее повеление студенту Александрову вступить в военную службу, а до того времени о выдаче ему на пропитание ста рублей. Судьба студента была решена императором без всякого снисхождения к засвидетельствованным университетом его способностям к наукам.

Иногда судьба «недостаточных» студентов заканчивалась трагически. Так, 17 ноября 1851 г. в лесу, примыкающем к Чесменской военной богадельне, было найдено тело студента Петербургского университета Осипа Петрицы. После тщательного расследования выяснилось, что молодой человек, проучившись год за казенный счет как стипендиат Виленского учебного округа, был исключен из числа стипендиатов из-за недостатка вакансий. Оставшись без средств, студент обратился за помощью к дяде, который не смог ему помочь. По заключению следствия, «находясь в совершенной нужде», Петрица лишил себя жизни⁴⁴⁹. Вообще, в конце 1840-х гг. студенчество охватывает первая «волна» самоубийств, имеющая, видимо, чисто социальные причины: бедность, невозможность погасить долги, отсутствие или внезапное лишение содержания. Все это происходило на фоне ужесточения политики Ни-

⁴⁴⁷ Иваницкий Н.И. Автобиография... С. 142.

⁴⁴⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 21. Д. 188. Л. 3 об.

⁴⁴⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 25. Д. 146: Дело о расследовании самоубийства студента Санкт-Петербургского университета О. Петрицы, вызванного тяжелым материальным положением. 1850.

колая I в университетском вопросе: повышения платы за обучение, сокращения количества казенных стипендий, усиления учебного, полицейского и нравственного надзора. Практика личного вмешательства монарха в дела студентов и трагические судьбы некоторых универсантов свидетельствуют о несовершенстве системы государственной помощи беднейшим студентам.

Студенты, не внесшие в указанные сроки плату за обучение, исключались из университета. Число студентов, уволенных из университета на этом основании, плавно росло на протяжении 1840-х гг., достигнув 28 человек в 1848 г.⁴⁵⁰ Многие молодые люди, не имевшие возможности продолжить обучение из-за отсутствия необходимых финансовых средств, часто сами подавали прошение уволить их из университета по крайней бедности или по «домашним обстоятельствам», как завуалировано указывалось в прошениях. Соответственно, они числились в ведомостях как выбывшие из университета по собственному желанию. В связи с этим количество студентов, которые покидали университет из-за материальных затруднений, представляется гораздо большим, нежели можно видеть по данным университетской статистики. В 1850-х гг. число уволенных студентов снижается благодаря увеличению количества стипендий, переводу студентов на казенное содержание и распространению форм государственной и частной финансовой помощи малообеспеченным. Как отмечал Ю.Н. Егоров, ограничительные меры, такие как введение платы за обучение, были главным фактором сокращения в составе студентов доли выходцев из низших сословий и не обладавших достаточным состоянием⁴⁵¹. Многократное увеличение дворянской прослойки в студенчестве столичного университета между 1820-ми и 1840-ми гг. также можно связать с существенным сокращением числа вакансий для казеннокоштных и переориентацией принципов комплектования с выпускников духовных семинарий на выпускников гимназий, среди которых преобладали дети дворян и чиновников.

⁴⁵⁰ См. Приложение, табл. № 10.

⁴⁵¹ Егоров Ю.Н. Студенчество Санкт-Петербургского университета ... С. 9.

В целом университет и студенты были связаны системой финансовых обязательств, которая регулировалась государственной властью. Формы государственной финансовой помощи малообеспеченным студентам были разнообразными: освобождение от платы за обучение, единовременные денежные пособия, «балловые деньги», т. е. выплаты за успешную учебу, различные стипендии. Тем не менее система финансовой помощи студентам оказалась несовершенной в условиях роста их численности. Об этом косвенно свидетельствует рост отчисленных за неуплату в 1840-е гг., а также практика вмешательства в судьбы недостаточных студентов со стороны университетской администрации, Министерства народного просвещения и даже самого императора.

Приведенные сведения позволяют обобщить представления о сословном и имущественном статусе петербургского студента первой половины XIX в., который был весьма изменчивым. За этот период изменились количественные и социальные параметры студенчества. Большинство поступающих в университет в первой четверти XIX в. были казеннокоштными студентами, выходцами из несвободного духовного сословия, как правило, бывшими семинаристами, прибывшими из великорусских, реже малороссийских губерний. С ростом престижа университетского образования в 30-е гг. XIX в. студенческий состав столичного университета быстро растет и все чаще пополняется молодыми дворянами, обучающимися за свой счет. Численное преобладание студентов-дворян в 30–50-е гг. XIX в. было одной из особенностей столичного университета.

В 1830-е гг. выравниваются возрастные показатели студенческого сообщества, как и уровень подготовки студентов, большинство из которых поступают в университет с аттестатом гимназий. С другой стороны, этноконфессиональный состав студентов становится более пестрым: увеличивается число студентов-поляков, кавказцев, остзейских немцев, о чем пойдет речь в следующей главе. Социальные и национальные

различия, а также неодинаковый материальный статус студентов и система их финансовых отношений с университетом определяли вариативность моделей поведения, принятых в студенческой среде, от «аристократов» на одном полюсе студенческой массы – до беднейших «бурсаков», сохранивших грубость нравов и аскетические привычки в быту. Но в целом единые для всех условия обучения, одинаковое правовое положение в стенах университета и общность профессиональной деятельности (занятий науками) способствовали сглаживанию сословных, возрастных и национальных различий и переплавляли сословное самосознание учащихся в корпоративное. «Пестрая молодежь, пришедшая сверху, снизу, с юга и севера, быстро сплавлялась в компактную массу товарищества... Общественные различия не имели у нас того оскорбительного влияния, которое мы встречаем в английских школах и казармах; об английских университетах я не говорю... Студент, который бы вздумал у нас хвастаться своей белой костью или богатством, был бы отлучен от “воды и огня”, замучен товарищами,» – писал А.И. Герцен о московских студентах начала 1830-х гг.⁴⁵² Но его характеристики применимы и к студентам петербургским.

⁴⁵² Герцен А.И. Былое и думы. С. 108.

ГЛАВА 4

СОЦИАЛЬНЫЙ ОБЛИК ПЕТЕРБУРГСКОГО СТУДЕНТА

4.1. Численность, возрастные и сословные характеристики

Формирование студенческой корпорации и корпоративного сознания студентов Петербургского университета шло на протяжении всей первой половины XIX в. и характеризовалось рядом особенностей, определяемых как политикой правительства, так и спецификой столичного университета.

С «переименованием» Главного педагогического института в университет его воспитанники составили основную часть учащихся университета. Роль государства была решающей в вопросах учреждения новых университетов, их финансирования, обеспечения кадрами ученых и преподавателей, контингентом учащихся⁴⁵³. Контингент студентов трех выпусков Педагогического института комплектовался благодаря организованным наборам выпускников духовных семинарий и студентов духовных академий. По распоряжению попечителя учебного округа, в первые десятилетия XIX в. будущие студенты подыскивались в разных губерниях и при этом обязывались прослужить по окончании 3–4-летнего обучения по МНП учителями гимназий и уездных училищ не менее 6 лет. Среди них были как прославившиеся впоследствии ученые, профессора, литераторы А.П. Куницын, А.И. Галич, Д.С. Чижов, К.И. Арсеньев, П.А. Плетнев (будущий ректор университета), так и люди, не имевшие склонности к наукам, или слабого здо-

⁴⁵³ О роли государства см.: Кузнецова Н.И. Социокультурные проблемы формирования науки в России (XVIII – начала XIX в.). М., 1999; Мантров Ю.Н. Государственная политика России по управлению и развитию университетов в первой трети XIX века. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007.

ровья. Главной причиной немногочисленности слушателей в университетских аудиториях в начале XIX в. являлось отсутствие у дворян интереса к получению законченного образования в гимназии или университете⁴⁵⁴.

На младших курсах студенты первых наборов тяготели к философским дисциплинам, затем приобретали специализацию, учитывая, что учителям-предметникам в гимназиях при необходимости приходилось совмещать преподавание разных дисциплин⁴⁵⁵. Подготовка юристов в чистом виде до принятия устава 1835 г. и образования юридического факультета не осуществлялась, поскольку, следуя структуре Главного педагогического института, Петербургский университет разделялся на отделения или факультеты: физико-математический, историко-словесный и факультет нравственных и политических наук (философско-юридический). Такая структура как для Главного педагогического института, так и для университета в первое десятилетие его существования диктовалась не требованиями развития наук, а прагматическими потребностями подготовки учителей разных специальностей. В расписание каждого отделения включались как общие, так и специальные предметы.

С повышением престижа университетского образования в обществе число студентов во всех университетах плавно росло. На момент принятия устава 1835 г. в Санкт-Петербургском университете насчитывалось около 200 учащихся, что, однако, было меньше, чем в Московском (419), Харьковском (348) и даже Казанском (252) университетах⁴⁵⁶. К 1848 г. число учащихся в столичном университете увеличилось в 3,5 раза – с 200 до 731 человека, несмотря на то что в Петербурге отсутствовал медицинский факультет, дававший в Московском университете более трети всех студентов⁴⁵⁷. В Московском

⁴⁵⁴ Шевченко М.М. Император Николай I и ведомство народного просвещения // Философский век. Альманах. Вып. 6. СПб., 1998. С. 107.

⁴⁵⁵ ЦГИА СПб. Ф.14. Оп. 1. Д.152: Со списками студентов университета по факультетам. 1820. Л.20.

⁴⁵⁶ Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 4. Ч. 2. С. 27.

⁴⁵⁷ Там же.

университете в 1847/48 уч. г. насчитывалось 1165 студентов, 402 из которых обучались на медицинском факультете⁴⁵⁸. Таким образом, начиная с 1835 г. количество студентов в столичном университете росло быстрее, чем в других.

Численность студентов была существенным показателем престижа университета и университетского образования. Администрация презентовала обществу возрастание количественных показателей студенческой корпорации как залог успешности и востребованности университета. Можно заметить, что уже в 1840-х гг. складывались конкурентные отношения между университетами. Подтверждает это история с опубликованием Ф.В. Булгариным панегирика Дерптскому университету. В сентябре 1846 г. в ответ на статью Ф.В. Булгарина в «Северной пчеле» о том, что увеличение числа студентов Дерптского университета свидетельствует о «блистательном» положении этого учебного заведения, последовали замечания попечителя Санкт-Петербургского учебного округа. М.Н. Мусин-Пушкин отмечал, что «основательнее было бы объявить русской публике, что в Санкт-Петербургском университете в продолжение 15 лет число студентов возросло до 700»⁴⁵⁹. Попечитель писал о том, что Санкт-Петербургский университет один из самых молодых, не имея медицинского факультета, ежегодно увеличивает число своих слушателей. Замечания попечителя были опубликованы во втором номере «Северной пчелы», тем самым было публично заявлено о востребованности университетского образования в обществе и росте престижа столичного университета.

Численный рост студентов обязательно подчеркивался на годичных торжественных актах С.-Петербургского университета. «Возрастание числа студентов доказывает растущую в молодом поколении ... потребность в учении основательном, как следствие общего стремления к образованию, ... возбуждаемого ободрительным вниманием правительства ... Мы видим в этом

⁴⁵⁸ Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 4. Ч. 2. С. 377.

⁴⁵⁹ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 5039: О напечатании в «Северной пчеле» замечаний на статью. 1846. Л. 1.

возрастающее доверие общества к университету», – говорил в актовой речи 1839 г. ректор И.П. Шульгин⁴⁶⁰.

Естественный процесс роста студенческого контингента был прерван высочайшим повелением 1848 г. об ограничении числа студентов в каждом университете до 300 человек «с воспрещением приема студентов, доколе наличное число не войдет в сей узаконенный размер»⁴⁶¹. Это ограничение касалось прежде всего своекоштных студентов и не распространялось на казенных стипендиатов. Таким образом, прием новых студентов в университеты на некоторое время совершенно прекращался, за исключением медицинского факультета, студентам которого был запрещен переход на другие факультеты. В историографии отмечается, что поводом к принятию постановления послужили западноевропейские события⁴⁶². Некоторое смягчение принятого ограничения было сделано в начале 1855 г., когда на каждый факультет двух столичных университетов было разрешено принимать дополнительно по 50 человек сверх ранее установленного числа. В декабре 1855 г. Александр II вернул неограниченный прием студентов во все университеты⁴⁶³.

Структура столичного университета сохранила свою специфику и после принятия общеуниверситетского устава 1835 г. Юридический факультет получил самостоятельное существование, как и в других университетах. Философский факультет университета существовал в виде двух отделений: I – историко-филологического и II – математического, как и в других российских университетах⁴⁶⁴. Однако внутри первого отделения был выделен разряд восточной словесности, внутри второго – разряд естественных наук и разряд камеральных наук.

⁴⁶⁰ [Шульгин И.П.] Краткий отчет о состоянии Императорского Санкт-Петербургского университета за минувший 1837–1839 акад. год. СПб., 1839. С. 36.

⁴⁶¹ Сборник постановлений... Т. 2. Отд. 2. Стлб. 877, 879-881; Эймонтова Р.Г. Русские университеты на грани двух эпох... С. 47.

⁴⁶² См.: Егоров Ю.Н. Реакционная политика царизма. С. 65. См. также: Булгакова Л.А. Сословная политика в области образования во второй четверти XIX в. С. 112–113.

⁴⁶³ Сборник постановлений... Т. 3. Стлб. 40–41.

⁴⁶⁴ Григорьев В.В. Императорский Санкт-Петербургский университет... С. 100.

Последний существовал с 1843 г. по 1860 г. В 1860 г. последний был преобразован в разряд административных наук с заменой ряда преподаваемых предметов⁴⁶⁵.

Юридический факультет во всех университетах пользовался все возрастающей популярностью, поскольку его выпускники были востребованы во всех сферах государственной службы⁴⁶⁶. Ф.А. Петров отмечал, что уже в 1840-х гг. интерес к историческим и филологическим наукам уступал интересу к более практически ориентированным дисциплинам, таким как юриспруденция, медицина, а также естественные и точные науки⁴⁶⁷. Как нам представляется, растущая популярность юридического факультета была связана и с увеличением числа дворян среди студентов, ориентированных на государственную службу, но, в отличие от казенных стипендиатов, на свободный выбор места службы. Многие обеспеченные студенты-юристы, учившиеся за счет родителей, пользовались протекцией при выборе места службы после окончания университета и делали быструю карьеру в министерствах и ведомствах столицы. Семинаристы же, владевшие латынью, могли без труда быть зачисленными на историко-филологическое отделение, но после выхода из университета протекции не имели и определялись в учебные заведения, в том числе в отдаленные губернии учебного округа.

Из всех университетских юридических факультетов юридический факультет Санкт-Петербургского университета был самым авторитетным и массовым. Здесь в 1843 г. учились 33,3%, в 1848 г. – 36,2%, в 1852 г. – 37% и в 1855 г. – 31,1% от студентов-юристов всех пяти русских университетов, взятых вместе⁴⁶⁸. «Видимо, что знания, необходимые для гражданской службы, в обществе находят более одобрения, нежели

⁴⁶⁵ См.: ЖМНП. 1860. Ч. 107. С. 20.

⁴⁶⁶ См.: Шилов Л.А. Из истории юридического факультета Петербургского университета (1819–1917) // Вестник Ленинградского ун-та. Сер.: Экономика, философия, право. 1969. № 5. Вып. 1. С. 107–120.

⁴⁶⁷ Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 4. Ч. 2 С. 29.

⁴⁶⁸ Егоров Ю.Н. Студенчество Санкт-Петербургского университета ... С. 15.

знания, сопряженные преимущественно со службой ученой», – заключил проф. П.А. Плетнев в своей речи на торжественном акте 25 марта 1840 г.⁴⁶⁹

Физико-математическое отделение философского факультета также было достаточно популярно среди поступающих, и процент дворян на этом отделении был также высок⁴⁷⁰. (Процентные данные о распределении студентов по факультетам и отделениям приведены в Приложении, см. табл. № 4)⁴⁷¹.

На протяжении 1830–1850-х гг. отмечается последовательный рост удельного веса студентов второго отделения философского факультета (с 1850 г. физико-математического факультета): с 15,6% в 1836 г. до 26,5 % в 1859 г.⁴⁷² С 1850 г. численность учащихся этого факультета превосходит их число на историко-филологическом факультете. Это, безусловно, было связано с ростом научной составляющей в преподавании, дифференциацией наук, активной политикой по развитию естественных и точных наук в связи с экономическими потребностями государства. Историко-филологическое отделение готовило специалистов с более узкой сферой применения. Многие его выпускники занимались преподавательской, научной и литературной деятельностью. Количество учащихся на этом отделении также неуклонно росло, однако удельный вес их по отношению к другим факультетам снижался⁴⁷³. Выделение из последнего в 1855 г. факультета восточных языков ослабило его еще более⁴⁷⁴.

Можно предположить, что студенты историко-филологического отделения более осознанно выбирали данную сферу деятельности и были готовы к учительской или профессорской карьере. Об этом косвенно свидетельствуют данные о количестве студентов, выбывших из университета. Так, в 1845 г. с юридического факультета выбыло 17% учащихся, из второго

⁴⁶⁹ Годовой торжественный акт в Санкт-Петербургском университете, бывший 25 марта 1840 г. СПб., 1841. С. 6.

⁴⁷⁰ Булгакова Л.А. Русская интеллигенция во второй четверти XIX в. ... Л. 27.

⁴⁷¹ См. также: Казакова К.С. Некоторые особенности учебного процесса в русских университетах... С. 30–37.

⁴⁷² Егоров Ю.Н. Студенчество Санкт-Петербургского университета... С. 18.

⁴⁷³ Там же. С. 16.

⁴⁷⁴ Григорьев В.В. Императорский Санкт-Петербургский университет... С. 306.

отделения философского факультета – 10,5%, из первого (историко-филологического) – всего 7%⁴⁷⁵. В 1847 г. с юридического факультета выбыло 10% учащихся, из второго отделения философского факультета – 7,4%, из первого – 7,2%⁴⁷⁶. Тем не менее в историко-филологическом отделении философского факультета в 40–50-е гг. XIX в. число студентов, оставленных по малоуспешности на тех же курсах, было наибольшим, что свидетельствовало о трудностях в освоении программы отделения.

Рассматривая возрастной состав студентов Петербургского университета первой половины XIX в., прежде всего следует заметить, что минимальный возраст для поступления в университет уставом 1804 г. установлен не был. Поэтому в студенты могли быть приняты юноши 14-ти и даже 12-ти лет, как правило, молодые дворяне. Практика столь раннего приема в студенты не способствовала глубокому усвоению наук, но для дворянских семейств была естественной, исходя из того, что к 16–18 годам молодые люди должны были уже быть в службе и находиться не на последних ступенях чиновной лестницы. То, что в начале XIX в. при зачислении в университет дворянами ценилось прежде всего звание студента, а не полученная возможность постигать науки, прекрасно выразил С.П. Жихарев. «Звание мое не безделица и порадует моих домашних»⁴⁷⁷, – пишет он в дневнике в 1805 г., будучи в 16 лет зачислен в университет. В Московском университете студенты, бывшие моложе 17 лет на момент поступления, составляли в 1804–1812 гг. 56% обучающихся⁴⁷⁸. С учреждением благородных пансионов при университетах контингент «студентов-детей» переместился в них, тем более что пансионы давали более высокий классный чин при выпуске⁴⁷⁹.

⁴⁷⁵ РГИА Ф. 733. Оп. 95. Д. 124: Отчет университета за 1845 г. Подсчитано нами. – Т.Ж., К.К.

⁴⁷⁶ РГИА Ф. 733. Оп. 95. Д. 135: Отчет университета за 1847 г. Подсчитано нами. – Т.Ж., К.К.

⁴⁷⁷ Жихарев С.П. Дневник студента. Л., 1989. С. 31.

⁴⁷⁸ Феофанов А.М. Студенчество Московского университета... С. 90–91.

⁴⁷⁹ См.: Жуковская Т.Н., Дубровская Н.В. Благородный пансион при Санкт-Петербургском университете (1817–1830): организационная структура и повседневная жизнь // Клио. Журнал для ученых 2017. № 9. С. 57–65.

Размытость критериев «взрослости» и разброс возрастов поступающих отличали все университеты. Самому юному студенту Казанского университета 1810-х гг. было 13, самому взрослому – 20 лет⁴⁸⁰. Возрастные рамки для студентов Харьковского университета начала XIX в. находились в пределах 19–21 года. Здесь число молодых дворян, не достигших 17-летнего возраста, начинает увеличиваться с 1821 г. и достигает в 1825–1826 гг. 45 человек. Однако затем число их заметно снижается до 8 человек в 1835–1836 уч. г.⁴⁸¹ С другой стороны, основной массе казеннокоштных студентов, поступавших в университеты и в Петербургский педагогический институт после окончания семинарий, было уже по 20–22 года, и к этому моменту они пребывали в науках по 9–10 лет, пройдя курс обучения в духовном училище, а затем в духовной семинарии⁴⁸².

В Петербургском университете, в отличие от Московского и провинциальных, возрастной состав студентов был более стабильным, а 13–14-летних студентов в первые годы его существования, как и в Педагогическом институте, не встречалось. Причиной этого было утвержденное уже в 1820 г. Главным правлением училищ предложение попечителя С.-Петербургского учебного округа С.С. Уварова о приеме в студенты не моложе 17 лет. «Однако по уважительным обстоятельствам предусматривалось делать некоторые от сего правила отступления», – говорилось в распоряжении⁴⁸³. Рекомендации о приеме в студенты юношей не моложе 17 лет были даны и в ответ на представление попечителя Казанского учебного округа, в котором говорилось, что «всякое по сему предмету сомнение должно само собой разрешиться при соображении, что ученик, кончивший курс в гим-

⁴⁸⁰ Аристов В.В. Страницы славной истории. Рассказы о Казанском университете. Казань, 1987. С. 24.

⁴⁸¹ Носалевич М.И. Материалы для истории студенчества Харьковского университета за сто лет (1806–1806 гг.) // Записки Харьковского университета. 1906. Кн. 4. С. 8.

⁴⁸² См.: РГИА. Ф. 732. Оп. Ф. 732. Оп. 1. Д. 230: О поступлении семинаристов в Педагогический институт для образования к учительским должностям. Л. 34–54 об.: Список студентов 2-го отделения.

⁴⁸³ Сборник распоряжений... Т. 1. Стлб. 404.

назии, не может быть моложе 17 лет, а с сим надлежит сообразовываться и относительно принимаемых в университет молодых людей, получивших частное воспитание»⁴⁸⁴.

В университетском делопроизводстве Петербургского университета за 1826 г. сохранилось личное прошение императору Николаю I от недоросля Александра Эстеррейха, в котором молодой человек просил, несмотря на 15-летний возраст, зачислить его студентом университета, чтобы, как писал он, «посвятить себя службе Вашего Императорского Величества»⁴⁸⁵. «Омоложение» студенчества в начале 1830-х гг., которое фиксируют историки для всех университетов⁴⁸⁶, было связано с поступлением в студенты молодых дворян, которые прежде учились в университетских благородных пансионах, закрытых в 1830 г. Соответственно, уменьшается доля студентов, происходивших из духовного и других недворянских сословий, которые в качестве наследия Главного педагогического института преобладали в столичном университете в первые годы его существования.

В «Правилах испытания для желающих поступить в университеты», введенных в 1837 г., минимальный возраст поступления в университет был определен в 16 лет. Исключение допускалось в случае необыкновенных способностей поступающего, но только в форме персонального ходатайства ректора, одобренного попечителем. Притом оговаривалось, что исключение было возможно сделать только для юношей, которым на момент зачисления до 16-летия не хватало не более трех месяцев⁴⁸⁷. Можно допустить, что введение возрастных ограничений было связано и со стремлением чиновников соотнести биологический возраст и умственные способности универсантов и тем самым получить более монолитную возрастную группу учащихся⁴⁸⁸. Однако к

⁴⁸⁴ Сборник распоряжений... Т. 1. Стлб. 764.

⁴⁸⁵ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 957: О принятии недоросля Эстеррейха. 1826 г. Л. 1.

⁴⁸⁶ Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 2. С. 210.

⁴⁸⁷ Сборник распоряжений... Т. 2. Стлб. 170.

⁴⁸⁸ Вишленкова Е.А. «Воспроизводство себе подобных» в российских университетах... С. 48.

этому времени основной контингент поступающих составили юноши, окончившие в 16–18 лет полный курс гимназий, за счет этого выравнился и возрастной диапазон студентов.

Для соотнесения возраста и сословного происхождения студентов обратимся к ведомостям поступивших в Петербургский университет, которые сохранились, например, за 1840–1841 академический год. В них отражены не только успехи поступающих по отдельным предметам и средний балл, но и возраст, и сословное происхождение молодых людей. Можно видеть, что 16-летние абитуриенты принадлежали исключительно к дворянскому сословию и получили домашнее образование⁴⁸⁹. Однако таких среди поступивших в Петербургский университет было немного: в 1850 г. – 6 человек, а в 1851 г. – лишь трое⁴⁹⁰. Основной массе поступающих исполнилось 18–19 лет, следовательно, средний возраст обучающихся в университете составил 21 год. Целенаправленная политика МНП по комплектованию университетов преимущественно выпускниками гимназий приводила к тому, что постепенно исчезали прежние типы студентов – великовозрастные из бедных семинаристов и отроки из богатых дворянских семейств, воспитывавшиеся дома.

Однако во второй половине 1850-х гг. по мере распространения культа естественных наук в обществе среди студентов увеличивается число юношей 25–27 лет, которые избирали обучение в университете после нескольких лет службы, либо уже закончив один факультет или же проучившись на нем два-три года, поступали на другой факультет того же или другого университета⁴⁹¹. Чаше траектория академической мобильности пролегла от юридического факультета в качестве первоначального – к физико-математическому (реже – историко-филологическому) отделению философского факультета. Данные

⁴⁸⁹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 2. Д. 375: О годичных экзаменах студентов за 1840–1841 гг. Л. 12.

⁴⁹⁰ РГИА Ф. 733. Оп. 25. Д. 199: Дело об увольнении и переводе в армию студента П. Вердеревского. 1851. Л. 30.

⁴⁹¹ Эймонтова Р.Г. Русские университеты на грани двух эпох ... С. 239–240.

университетских отчетов это подтверждают. Так, в 1859 г. число студентов Санкт-Петербургского университета, уже имеющих университетское образование или обучавшихся какое-то время в других университетах, составило 162 человека, т. е. около 16 % от общего числа учащихся⁴⁹².

Образование, полученное абитуриентом до поступления в университет, определяло качество предварительной подготовки студента и сложности адаптации к условиям университетской жизни. Так, студент, учившийся прежде в гимназии или другом университете, быстро усваивал дисциплинарные правила и организацию преподавания в университете. Тот же, кто получил домашнее образование, должен был привыкать к дисциплинарным ограничениям, труднее сходился с другими студентами. Курс Министерства народного просвещения на приоритетное поступление в университеты выпускников гимназий не только имел целью административное регулирование социального облика студентов, но и обеспечивал эффективность усвоения учебной программы⁴⁹³.

Увеличение в конце 1830–1840-х гг. доли абитуриентов, получивших гимназическое образование, говорит о том, что политика правительства по вытеснению государственными учебными заведениями частных пансионов и домашнего образования была достаточно успешна. Результатом этого являлось формирование более однородного по возрасту и предварительной подготовке состава студенчества и уменьшение «отсева» неспособных освоить учебную программу.

Изменения возрастного состава дореформенного студенчества напрямую связаны и с изменениями его социального облика, изучение которого связано для исследователя с некоторыми трудностями. Как уже отмечала Р.Г. Эймонтова, в отчетах по Министерству народного просвещения встречаются элементарные ошибки. Общая численность студентов

⁴⁹² РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 172: Отчет университета за 1859 г.

⁴⁹³ Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 4. Ч. 2. С. 15.

в ряде случаев расходится с приведенными в тех же отчетах цифрами и данными об их распределении по факультетам и по сословным группам⁴⁹⁴. Кроме того, численность студентов в течение календарного года, за который составлялся отчет, менялась. Поэтому в приводимых ниже данных, по нашему мнению, важны не столько общие показатели, которые в действительности могут колебаться в пределах нескольких процентов, сколько исторические тенденции, которые стоят за этими показателями.

Как отмечал еще С.В. Рождественский, установки правительства в университетской политике в начале XIX в. были чужды сословных ограничений, поскольку первостепенной задачей было наполнение университетских аудиторий. Правда, при обсуждении проекта устава Дерптского университета министр П.В. Завадовский внес поправки в 1-й параграф, во фразу «университет принимает в студенты людей всякого состояния» он вставил слово «свободного»⁴⁹⁵. Параграф устава, требовавший от поступающего предъявить свидетельство о состоянии, скрывал установку на то, что лицам податных сословий вход в университет был существенно ограничен. Университетский устав 1835 г. также не устанавливал каких-либо явных сословных ограничений. Лишь отдельные постановления и распоряжения усложняли доступ в университеты людям недворянского происхождения. Однако они имели целью не только регулирование социального состава поступающих в университет, но и повышение уровня их подготовки⁴⁹⁶. Можно согласиться с тем, что стремление правительства «предназначить университеты преимущественно для детей дворян» и «не допустить в них представителей податных сословий» так и не было открыто закреплено в законодательном порядке, что во многом было обусловлено практическими потребностями – «острой нехваткой

⁴⁹⁴ Эймонтова Р.Г. Русские университеты на грани двух эпох... С. 242.

⁴⁹⁵ Рождественский С.В. Сословный вопрос в русских университетах // ЖМНП. 1907. № 1907. Ч. 9. Отд. 2. С. 5.

⁴⁹⁶ Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 4. Ч. 2. С. 10.

образованных специалистов»⁴⁹⁷. Таким образом, по выражению Труде Маурер, российский университет оставался с сословной и национальной точки зрения учреждением открытым⁴⁹⁸.

После того как в 1811 г. вышел указ о приостановлении приема в статскую службу лиц, состоящих в подушном окладе, университет оказался единственным гражданским институтом, который создавал путь для вступления в государственную службу выходцам из податного сословия. Правда, законодательством были установлены определенные правовые ограничения для студентов из податных сословий, касающиеся процедуры приема и выпуска из университета. 10 ноября 1811 г. вышло постановление, предписывавшее «студентов, поступающих в университеты из состояний, в оклад положенных, и кои бы пожелали посвятить себя ученому званию или же военной и гражданской службе, исключать из оклада не прежде, как по окончании ими полного курса ученья в университетах; о чем начальство учебное, согласно изъявленному от них желанию, всякий раз имеет представлять Правительствующему Сенату»⁴⁹⁹. «Я полагаю, – писал министр народного просвещения А.К. Разумовский в представлении на высочайшее имя, – что одно вступление в университет студентов, по состоянию родителей записанных в подушный оклад, не освобождает их от оного. Студенты, пока они не окончили еще учения, не принадлежат к ученому сословию, хотя и приготавливаются к оному»⁵⁰⁰. Предложения А.К. Разумовского были одобрены императором, и принятое правило впоследствии соблюдалось неукоснительно⁵⁰¹. Так, на представление Конфе-

⁴⁹⁷ Булгакова Л.А. Сословная политика в области образования во второй четверти XIX в. // Вопросы политической истории СССР. Л., 1978. С. 117.

⁴⁹⁸ Маурер Т. Университет и (его) город: новая перспектива для исследования истории российских университетов // Университет и город в России (начало XX века) М., 2009. С. 73.

⁴⁹⁹ Сборник постановлений... Т. 1. Стлб. 685–686.

⁵⁰⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 86. Д. 271. Л. 14.

⁵⁰¹ Одним из редких нарушений данного правила являлось исключение Ивана Корина из казачьего звания по высочайшему повелению и зачисление его в Петербургский университет. Поводом к данному распоряжению послужило ходатайство об этом самого Александра Гумбольдта, путешествовавшего по России. См: РГИА. Ф. 733. Оп. 22. Д. 62: О приеме в число студентов Санкт-Петербургского университета бывшего казака Корина. 1829.

ренции Педагогического института об исключении из подушного оклада студентов Ключова и Кокорина, министр народного просвещения отвечал, что не может сделать представление в Сенат, поскольку студенты, хотя и переведены в высшее отделение института, но полного курса учения еще не окончили⁵⁰².

Сама процедура исключения из податного состояния по окончании университета на протяжении длительного времени не была отлажена. Были случаи, когда из-за длительности процедуры и обилия бюрократической переписки процесс исключения затягивался. На примере дела об исключении из купеческого звания студента Малышева видно, насколько длительной могла быть эта процедура. Студент Петербургского университета Малышев, происходивший из купеческого сословия, окончив полный курс, был представлен в Сенат для утверждения в чине XII класса для определения на службу по ведомству Государственного контроля. В Департаменте народного просвещения, рассматривавшем бумаги к определению, обнаружилось, что Малышев после окончания университета не был представлен к исключению из купеческого звания. Ректор Петербургского университета при разборе этого недоразумения объяснил, что представление не было сделано, потому что Малышев по окончании курса уехал в отпуск в г. Кострому на несколько месяцев и увез с собой свидетельство об увольнении его из купеческого звания, на основании которого необходимо было сделать представление. Министр народного просвещения предписал «сделать замечание тем, от кого произошло таковое упущение» (т. е. университетской администрации)⁵⁰³.

Дело Малышева было рассмотрено в Совете Петербургского университета, в Департамент народного просвещения были отправлены новые объяснения, в которых говорилось, что универ-

⁵⁰² ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 1263: По донесению Конференции о состоянии в подушном окладе студентов. 1814.

⁵⁰³ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 2401: О представлении окончившего в университете курс наук из купеческого звания Малышева к исключению из податного сословия. 1831. Л. 4.

ситет обязан ходатайствовать только о казеннокоштных студентах и о тех, кто поступил после окончания университета на службу в учебное ведомство. «Что касается своекоштных и не поступающих в ведомство университета, – подчеркивалось в объяснении, – таковые снабжаются аттестатами с указанием ученой степени, а чины отыскивают сами через то ведомство, куда случится им поступать на службу»⁵⁰⁴. Совет ссылался также и на указ от 10 сентября 1811 г., где говорилось, что университет может делать представление Сенату об исключении из податного сословия студента-выпускника на основании изъявленного им желания и подчеркивал, что Малышев о таком своем намерении не заявлял. В ответ было сделано разъяснение от министра кн. К.А. Ливена на имя попечителя округа, со ссылкой на положение о производстве в ученые степени, в котором было сказано, что никто из находящихся в состоянии, «податями обложенном», не производится в ученые степени пока не получит увольнение с утверждением Сената. «Совет выдал Малышеву свидетельство на ученую степень прежде, нежели он был освобожден из своего состояния, нарушив тем самым закон 1819 года», – констатировал министр. Кроме того, указывалось на то, что на проезд студенту необходимо было выдать вид от университета, который впоследствии был обнаружен в делах Правления университета (т. е. был выписан, но не выдан), а не увольнительное свидетельство. «Прошу Вас внушить ректору впредь внимательнее следить за делопроизводством»⁵⁰⁵, – замечал министр. Таким образом, были уточнены детали процедуры исключения из купеческого звания для своекоштных студентов по окончании университета и обращено внимание на ведение дел в университете.

Впоследствии Совет Санкт-Петербургского университета регулярно делал представления в Сенат об исключении из подушного оклада тех выпускников, которые утверждались затем

⁵⁰⁴ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 2401: О представлении окончившего в университете курс наук из купеческого звания Малышева к исключению из податного сословия. 1831. Л. 5.

⁵⁰⁵ Там же. Л. 9.

в службе по учебной части. Сама процедура приобрела следующий вид. Правление университета ходатайствовало перед попечителем о допущении выпускника к учительской должности и увольнении из подушного оклада. Тот, в свою очередь, делал представление в Министерство народного просвещения, а затем от имени министра представление шло в Сенат. Причем указом от 12 января 1815 г. предписывалось, чтобы увольнительные свидетельства представляемы были в Сенат в оригинале. И только Сенат своей властью утверждал выпускника в службе и окончательно увольнял из подушного оклада.

Однако и в этой четко выстроенной процедуре встречались разного рода затруднения. Дело в том, что до принятия Сенатом указа об исключении выпускника из подушного оклада университет не имел право выдавать молодому человеку диплом. Однако многие студенты из податного состояния после окончания университета не имели никаких средств к существованию и хотели скорее вступить в службу, но не могли быть приняты до сенатского постановления об исключении из податного состояния. Так случилось со студентом Петербургского университета Михаилом Филипповым, удостоенным в 1851 г. степени кандидата по юридическому факультету, который оказался после окончания университета в совершенно бедственном материальном положении и не мог ни вступить в службу, ни покинуть Петербург. Он подал в Правление университета прошение, в котором указывал на необходимость выдачи ему диплома, не дожидаясь решения Сената. Филиппов писал о том, что при поступлении представил увольнительное свидетельство от Одесской городской думы, а, следовательно, препятствий к его исключению из подушного оклада быть не может.

В ответ на представление попечителя М.Н. Мусина-Пушкина о Филиппове министр сделал распоряжение, чтобы до исключения выпускников из подушного оклада по установленному порядку через Сенат, им выдавались бы предварительные свидетельства «с надлежащим объяснением о причине

выдачи такового свидетельства, и что оно в свое время будет заменено установленным дипломом»⁵⁰⁶. Казеннокоштных студентов, исключенных из подушного оклада и поступивших на службу в ученое ведомство, как, впрочем, и остальных казенных студентов, обязывали подпиской прослужить в этом ведомстве не менее шести лет⁵⁰⁷.

В целом столь пристальное внимание правительства и университетской администрации к процедуре исключения из подушного оклада было связано с открывавшейся для студентов этой категории перспективой социальной мобильности. Разработанная процедура должна была исключить всякую возможность нарушений или злоупотреблений на этом пути, что обеспечивалось прохождением дел о выпускниках, переходивших из податного состояния в свободное после получения диплома, через несколько властных инстанций.

Заметим, что согласно уставу Главного педагогического института лица несвободного состояния даже при условии представления увольнительного свидетельства не могли быть приняты в это учебное заведение⁵⁰⁸. В Петербургском университете в первые годы его существования в собственном статусе число студентов из податных сословий было невелико. В 1833–1834 гг. в столичном университете обучалось 12 человек из податных сословий, что составляло около 5% от общего числа учащихся. В 1845 г. число таковых среди учащихся достигает максимальной цифры (55 человек, или 10 %). Затем прослеживается тенденция к уменьшению в университете числа студентов из податных состояний. В 50-е гг. XIX в. их доля колебалась от 1 до 5 % от общего числа учащихся столичного университета, причем количество студентов из податных сословий вновь заметно снижается в 1852–1854 гг., когда дей-

⁵⁰⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 26. Д. 9: О введении особых предварительных свидетельств об отчислении из податного сословия. 1852. Л. 9.

⁵⁰⁷ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 19: О находящихся по университетам своекоштных студентах в оклад положенных. 1819. Л. 2.

⁵⁰⁸ См., например: ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1748: Об отказе С. Отрокову в увольнении из мещанского сословия. 1818.

ствовало постановление об ограничении общей численности студентов⁵⁰⁹. Тенденция уменьшения числа студентов из непри- вилегированных сословий была характерна для всех русских университетов⁵¹⁰.

В 40-е гг. XIX в. среди поступающих в Санкт-Петербург- ский университет появляются финляндские уроженцы, при- писанные к мещанскому сословию городов, со шведскими и финскими фамилиями, которые по своему происхождению также принадлежали к податным сословиям. При зачислении в университет молодые люди кроме метрического свидетель- ства предоставляли свидетельство, выданное им финляндским статс-секретариатом, тогда как Правление Санкт-Петербур- гского университета требовало от них предъявления увольни- тельного свидетельства от городских обществ. Потребовалось издание специального распоряжения министра народного просвещения, предписывавшего не требовать от финляндских уроженцев из податных сословий увольнительного свидетель- ства. Признавалось достаточным предоставление свидетель- ства, выданного финляндской паспортной экспедицией в том, что предъявитель не имеет препятствий со стороны админист- рации Великого княжества Финляндского к поступлению в Петербургский университет⁵¹¹.

Сложнее обстояло дело с процедурой их исключения из по- датного состояния, которая следовала за успешным оконча- нием университетского курса. При первой же попытке сделать представление в Сенат об исключении финляндского уро- женца Петра Нокелина из податного состояния Департамент народного просвещения, ссылаясь на отсутствие увольнитель- ного свидетельства, вернул документы обратно в университет. Попечитель Санкт-Петербургского округа вынужден был об-

⁵⁰⁹ Подсчитано на основании данных университетских отчетов 1833–1859 гг. См. Приложение, табл. № 7.

⁵¹⁰ Булгакова Л. А. Интеллигенция в России во второй половине XIX века (состав, пра- вовое и материальное положение). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1983. С. 9.

⁵¹¹ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 5629: О порядке принятия в учебные заведения финляндских уроженцев. 1852. Л. 3.

ратиться за разъяснением к министру народного просвещения, а тот, в свою очередь, к графу А.Г. Армфельту, министру статс-секретарю по делам Великого княжества Финляндского. В ходе переписки было решено, что «в выдаче университетского аттестата Нокелину, несмотря на его происхождение, нет никаких препятствий, так как уроженцы Финляндии всех состояний могут одинаково располагать своею будущностью по собственному желанию»⁵¹². Таким образом была выработана процедура зачисления и выпуска из университета студентов из податного состояния не только для русских, но и для уроженцев финляндской окраины. В целом университет давал студентам податных сословий больше возможностей для вертикальной социальной мобильности, чем какое-либо другое учебное заведение, что и привлекало наиболее способных выходцев из купечества, городского мещанства, казачества и даже из казенных крестьян. Однако усложненный документооборот между университетским Правлением и несколькими властными инстанциями как при их поступлении, так и, в еще большей степени, при их выпуске из университета, по мысли законодателей, должен был стать надежным фильтром против чрезмерного количества желающих приобрести права свободных сословий через университетское образование.

Особую и многочисленную группу среди студентов всех русских университетов, в том числе Педагогического института в Петербурге и Петербургского университета, составляли выходцы из среды духовенства. В первые десятилетия XIX в. состав студентов пополнялся в основном не за счет дворян, а из числа выпускников духовных семинарий. Ими были укомплектованы первые выпуски Педагогического института, набранные в 1804 и 1806 гг. (во второй разряд института). Но уже в третьем выпуске, набранном в 1810 г., доля «поповичей» уменьшилась в пользу выпускников гимназий. В 1810 г.

⁵¹² РГИА. Ф. 733. Оп. 23. Д. 150: Об исключении из податного состояния студентов А. Савельева, А. Шифнера, И. Разумного и др. 1840. Л. 13.

министр народного просвещения А.К. Разумовский адресовал на высочайшее имя записку, в которой испрашивал повеления истребовать 50 студентов из духовных училищ для поступления в Педагогический институт. «Числа сего достаточно, – писал он, – потому что уже не в толиком множестве предстоит надобность в учителях, как была в начале открытия института, так и потому, что может поступить в оный еще несколько из учеников, окончивших науки в гимназиях и других училищах»⁵¹³. В числе зачисленных в Педагогический институт студентов третьего выпуска были два будущих ректора университета Павел Плетнев и Иван Шульгин, первый – воспитанник Тверской, второй – Костромской семинарии.

Можно предположить, что сами семинаристы воспринимали поступление в университет прежде всего как возможность выхода из духовного звания. Хотя далеко не все из них стремились к овладению науками и университетскому аттестату, обязывающему их в дальнейшем к шестилетней службе учителями. Университетское начальство также не очень-то жаловало семинаристов. В докладе о состоянии Санкт-Петербургского университета за 1821 г., представленном попечителем Д.П. Руничем, говорилось: «В казеннокоштные студенты университета поступали до сего ученики духовных семинарий, совершеннолетние и доброе нравственное образование получившие. Часто многие из них приносили с собой развратные склонности, грубые нравы и навыки, отчего в университете и происходили многие безобразные явления. Недостаток нравственного образования и основательного обучения в юношестве всегда трудно вознаградить в letech совершенных»⁵¹⁴. Власть и позднее опасалась «демократических привычек» и настроений семинаристов и их влияния на умы студенчества. Академик, профессор Петербургского университета А.Н. Бе-

⁵¹³ РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 84: Об истребовании воспитанников из духовных семинарий для поступления в Педагогический институт. Л. 1 об.

⁵¹⁴ Санкт-Петербургский университет в первое столетие. Материалы по истории С.-Петербургского университета... С. 392.

кетов, наблюдая за жизнью учащейся молодежи 1860-х гг., замечал, что «семинаристы, будучи почти всегда детьми сельских духовных лиц, отличаются большой простотой нравов, ... веселье этой части русского студенчества нередко шумно и отзывается изрядным русским разгулом»⁵¹⁵.

Присутствие семинаристов в университетах подало повод установить по отношению ко всем вообще учащимся разночинцам весьма суровую дисциплинарную меру, которая впервые была применена Комиссией о народных училищах к Учительской семинарии XVIII в. Не только воспитанников семинарии из духовного звания, но и выпущенных из нее учителей, состоявших в службе, «за развратное поведение и важные преступления» Комиссия неоднократно отсылала в солдаты. Эта же мера применялась и к казенным воспитанникам Санкт-Петербургского Педагогического института, которые в большинстве своем тоже набирались из семинаристов. «Поистине трагическим было положение казенно-коштного студента-семинариста, признанного нетерпимым в светской школе, – отмечал С.В. Рождественский, – духовное начальство не принимало его обратно на том основании, что “негодный к другим званиям, тем более должен быть неспособен к званию служителя церкви”, начальство светское рассуждало, что, не будучи способны вернуть казне издержки “службою в учебном ведомстве”, они должны “заплатить оные службою военною”, отпускать же их с увольнительным аттестатом – значит умножать “разврат” в обществе»⁵¹⁶. Таким образом, положение бывшего семинариста на студенческой скамье было очень шатким в правовом отношении, ибо в случае неспособности окончить университет, он оказывался маргиналом или социально ущемленным, т. е. происходила его необратимая десоциализация.

⁵¹⁵ Бекетов А.Н. Описание студентов, особенно петербургских // Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Т. I. Петербургский университет. 1819–1895. Л., 1963. С. 198.

⁵¹⁶ Рождественский С.В. Сословный вопрос... С. 27.

Если в первые годы после преобразования Педагогического института в Петербургский университет доля студентов – выходцев из среды духовенства была преобладающей, то к моменту принятия устава 1835 г. из 200 учащихся лишь шестеро были выходцами из духовного звания. На протяжении 40-х гг. XIX в. доля «поповичей» среди учащихся столичного университета составляла 3–4%. Однако отмена ограничения общей численности студентов в начале 1855 г. привела к резкому увеличению числа выходцев из духовной среды. В 1855 г. таковых было 22 (5,5 %), в 1857 – 45 (6,2 %), в 1859 – 96 человек (9,3%)⁵¹⁷.

В 1861 г. курс семинарского учения был признан соответствующим гимназическому, и уже с 1863 г. выпускников духовных семинарий принимали в университет без экзамена. Выходцы из духовной среды относились по университетскому законодательству к категории разночинцев. Как замечает Э.К. Виртшафтер, значение термина «разночинцы», применяемого и в университетском законодательстве, менялось и не всегда следовало правовым формулировкам⁵¹⁸. Университетское законодательство определяло разночинцев как студентов недворянского происхождения (за исключением крепостных). Нечеткость этого негативного определения не ставилась под вопрос во второй четверти XIX в., т. е. до того времени, когда формальная социальная мобильность и доступ к наградам за службу все в большей степени связывается с образованием чиновников. В 1831 г. по МНП было отдано распоряжение о включении в категорию разночинцев детей копиистов недворянского происхождения, канцелярских служителей и чиновников с чином IX класса и ниже, а также детей священников и слуг, которые были исключены из духовного ведомства. В целом общественные представления об этой группе сводились к суждению о разночинцах как о незнатных образованных простолюдинах из социальных низов⁵¹⁹. Социальная репутация

⁵¹⁷ Подсчитано на основании данных университетских отчетов за 1833–1859 гг. См.: Приложение, табл. № 7.

⁵¹⁸ Виртшафтер Э. К. Социальные структуры: разночинцы в Российской империи. М., 2002. С. 86.

⁵¹⁹ Там же. С. 158.

«поповичей» как «чужаков» и их выраженная социальная изоляция⁵²⁰ часто распространялись на всех разночинцев, хотя, как мы попытались показать, по своему происхождению данная прослойка студентов была более пестрой. Значительную долю их составляли дети чиновников низших рангов, так называемые «обер-офицерские дети», не наследовавшие дворянства родителей.

Большая часть студентов по своему происхождению принадлежала к привилегированным сословиям. С начала XIX столетия правительство добивалось возможно более массового привлечения в государственные учебные заведения представителей дворянского сословия. Однако образованность в России не была обязательным атрибутом благородства. Тяга дворянства к получению университетского образования оставалась все еще невелика, мотивация к тому, чтобы не «пребывать» в университете, а оканчивать его с дипломом, росла слишком медленно. В целом число выпущенных в службу чиновников с университетскими дипломами отставало от увеличения государственных потребностей⁵²¹. Определяющую роль в привлечении дворянской молодежи в университеты сыграл закон от 6 августа 1809 г. об экзаменах на чин. «Согласно с духом всей учебной реформы он имел целью привлечь дворянскую молодежь к высшему образованию не перспективой каких-либо новых преимуществ по службе, а наоборот, подчинением служебной карьеры дворянства условиям образовательного ценза, чуждым совершенно какой-либо сословной тенденции», – писал С.В. Рождественский⁵²². Высокие классные чины, обещанные уставом 1804 г. выпускникам университета, должны были отвлекать дворянских детей от стремления обучаться за границей. Таким образом, сословные привилегии при вступлении в службу оказались отождествлены с образовательным цензом.

⁵²⁰ Манчестер Лори. Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России. М.: НЛО, 2015. С. 27–50.

⁵²¹ Шевченко М.М. Император Николай I и ведомство народного просвещения. С. 107.

⁵²² Рождественский С.В. Сословный вопрос... С. 15.

Определенной альтернативой высшему образованию в первой четверти XIX в. выступали благородные пансионы, в том числе Благородный пансион, открытый при Главном педагогическом институте и перенесенный в университет (1817–1830 гг.). По социальному составу это учебное заведение было исключительно дворянским и в начале 1820-х гг. даже было более многочисленным, чем собственно университет. Даже в 1828 г. в пансионе числилось 108 воспитанников⁵²³, тогда как число студентов в университете было менее 100.

Служебные привилегии, дух элитарности Благородного пансиона и одновременно высокий уровень подготовки, обеспеченный чтением учебных предметов университетскими профессорами, – все это в совокупности делало для столичной дворянской молодежи обучение в нем более привлекательным, чем слушание основного курса в университете, где вплоть до конца 1820-х гг. преобладали казеннокоштные студенты, в значительной части вышедшие из духовного звания. Отсюда странное, на первый взгляд, положение, что в годы расцвета университетского Благородного пансиона численность студентов в самом Петербургском университете была минимальной, а в 1822–1826 гг. не превышала 100 человек. То есть университетский пансион, более многочисленный и престижный, оттягивал на себя именно тех, кто мог себе позволить учиться за собственный счет. Благородный пансион и университет представляли собой сообщающиеся сосуды. Учеба в Благородном пансионе казалась более привлекательной, т. к. до 1822 г. это учебное заведение предоставляло своим воспитанникам право на более высокий чин, чем университет⁵²⁴. Окон-

⁵²³ Соловьев Д.Н. Первое пятидесятилетие Петербургской гимназии. СПб.: Тип. 2-го отделения Е.И.В. канцелярии, 1880.

⁵²⁴ О благородных пансионах см.: Пономарева В.В. Хорошилова Л.Б. Университет для России. Т. 3: Благородный пансион. М., 2006; Ендольцев Ю.А. Университетский быт – исторический ракурс // Очерки по истории Санкт-Петербургского университета. Т. VIII. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2000. С. 89–104; Диссон Ю.А. Лицей и благородные пансионы в системе народного просвещения России в первой трети XIX века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2008. 26 с.; Жуковская Т.Н., Дубровская Н.В. Благородный пансион при Санкт-Петербургском университете (1817–1830): организационная структура и повседневная жизнь // Клио. Журнал для ученых 2017. № 9. С. 57–65.

чившие курс в пансионе, смотря по их успехам, могли претендовать на получение максимального X класса по Табели о рангах. Иначе говоря, служебный статус выпускников пансиона был выше, чем у выпускников самого университета, которые при окончании получали максимальный XII чин, причем только если оканчивали университет кандидатами. Окончившие университет в звании действительного студента могли вступить в службу только с чином коллежского регистратора, т. е. XIV классом. Это неравенство отражало как сословные критерии в организации госслужбы в первой трети XIX в., которые ставились выше профессиональных качеств и способностей чиновников, так и систему уступок дворянству со стороны правительства в политике просвещения.

Формы сословного покровительства проявлялись также в том, что помимо своекоштных воспитанников, за которых вносили плату родители, в университетском Благородном пансионе учились стипендиаты императора или членов императорской фамилии, а также «экономические» пансионеры, за которых вносилась плата «из экономических средств заведения». По состоянию на 1828 г. 91 воспитанник содержался за собственный счет, 13 человек числилось «на иждивении Государя Императора и Высочайшей фамилии», за счет экономических сумм пансиона училось 4 человека⁵²⁵.

Привлекала дворянских отпрысков в пансион достаточно формальная процедура поступления и отсутствие многоуровневых выпускных экзаменов, существовавших в университете. Представлениям дворянства об идеальном образовании отвечал и реестр предметов, преподаваемых в пансионе, имевший явный гуманитарный уклон. В то же время на Благородный пансион распространялся престиж университетского образования, поскольку предметы в старшем классе читались университетскими профессорами. Здесь в 1820-х гг. преподавали М.А. Балугьянский, Э.-Б. Раупах, А.П. Куницын, К.И. Арсеньев, Ф.Б. Грефе,

⁵²⁵ Жуковская Т.Н., Дубровская Н.В. Благородный пансион при Санкт-Петербургском университете... С. 60.

Я.В. Толмачев, Т.О. Рогов и др. Однако качество знаний воспитанников, учитывая их возраст (7–9 лет в младшем классе пансиона, 15–17 лет в старшем), не было высоким. И.П. Кулакова применительно к Благородному пансиону Московского университета заключила, что «как сословное учебное заведение... он имел все признаки привилегированности в программах и предметах: широко, но не глубоко»⁵²⁶. Преподаватели Благородного пансиона при Главном педагогическом институте и Петербургском университете также жаловались на то, что уровень знаний учеников пансиона не соответствует тем привилегиям, которые они получали при выпуске. И.И. Панаев, учившийся в Благородном пансионе во второй половине 1820-х гг., вспоминал: «Некоторые профессора университета и учителя не скрывали по этому поводу своего негодования и высказывали его очень резко, особенно на экзаменах. Они пожимали плечами, покачивали головами и справедливо замечали, что награждать университетскими привилегиями таких неучей, как мы – вопиющая несправедливость»⁵²⁷. Именно отсутствие ожидаемых академических успехов и в то же время социальная напряженность, обусловленная конфликтами, в том числе на сословной почве, в стенах университетского Благородного пансиона в значительной мере послужили поводом к преобразованию его в 1830 г. в обычную городскую гимназию с понижением статуса выпускников. Это факт в свою очередь ожидаемо увеличил число дворян, желавших поступить в столичный университет.

Повышение престижа университетского образования в обществе приводит к увеличению численности студенчества в 30–40-е гг. XIX в. Правительство придавало особое значение «одворяниванию» Петербургского университета⁵²⁸. Как вспоминал Н. Ф. Оже де Ранкур, поступивший на юридический факультет в 1837 г., когда университет переехал в перестроенное

⁵²⁶ Кулакова И.П. Университетское пространство и его обитатели... С. 161.

⁵²⁷ Панаев И.И. Литературные воспоминания. Л.: Academia, 1928. С. 28.

⁵²⁸ Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 4. Ч. 2. С. 37.

для него огромное здание Двенадцати коллегий, «университет в первый же год своего обновления пополнился молодыми людьми многих аристократических фамилий»⁵²⁹. Во второй половине 1830-х гг. на разных факультетах учились представители российской знати, в том числе сыновья крупных сановников: бар. Альфред Гейкинг, гр. Эммануил Сиверс, кн. Давид Голицын, кн. Григорий Щербатов, сыновья министра внутренних дел гр. Андрей и Вадим Блудовы, гр. Петр Шувалов, бар. Максимилиан Шодуар, кн. Александр Васильчиков, бар. Николай Николаи, гр. Константин Толь, бар. Федор Шеппинг, кн. Аркадий и Борис Голицыны, сыновья попечителя учебного округа кн. Александр и Алексей Дондуковы-Корсаковы, кн. Сергей Кочубей, гр. Алексей Комаровский и др. В 1840-е гг. студентами столичного университета были сын министра народного просвещения Алексей Уваров, бар. Андрей Будберг, кн. Павел и Александр Голицыны, гр. Александр и Владимир Бобринские, кн. Николай Мещерский, кн. Сергей Одоевский, кн. Николай Юсупов, кн. И. Чавчавадзе и И. Цицианов⁵³⁰.

В 40-е гг. XIX в. «золотая молодежь» в Петербургском университете представляла собой обособленную группу в студенческой среде. В своем отношении на имя министра народного просвещения С.С. Уварова о корпорациях, существующих в Санкт-Петербургском университете, шеф III отделения граф А.Ф. Орлов в качестве одной из них называет общество «аристократов». Однако после «тщательного разыскания» утверждение об обществе «аристократов» как обособленной корпорации было признано ошибочным. Опровержение представил сам министр. «В университетах аристократами называют детей известных фамилий, которые близки, – отвечал С.С. Уваров, – они между собой соединяются и на поприще учебных

⁵²⁹ Оже де Ранкур Н.Ф. В двух университетах... С. 571.

⁵³⁰ Воронов А.С. Именной список студентов университета, окончивших полный курс с 1829 года // Воронов А.С. Историко-статистическое обозрение учебных заведений С.-Петербургского учебного округа с 1829 по 1853 г. ... С. 45–77.

успехов оспаривают, несомненно, первенство у разночинцев»⁵³¹. В то же время мемуаристы писали о том, что студенты из аристократических фамилий по образу жизни были далеки от остального студенческого мира. Студент Петербургского университета конца 1830-х гг. А.А. Чумиков в годы обучения был знаком с образом жизни товарищей из разных кружков, как аристократического, так и демократического. «Не могу скрыть от читателя, – писал он в мемуарах, – что одни увлекались кутежом, другие танцклассами, третьи карточной игрой»⁵³². Похожее отношение к аристократам было и у студентов Московского университета. «Сурово смотрели старые студенты на этих новых поклонников форменности и держали себя с ними гордо и далеко», – писал К.С. Аксаков о молодых аристократах 1830-х годов⁵³³. Заметим, что почти все представители родовитых фамилий оканчивали университет кандидатами, получая право на XII класс по Табели о рангах, многие вскоре удаивались придворного звания камер-юнкера⁵³⁴, чем еще более облегчалось их карьерное восхождение.

Большинство же студентов дворянского происхождения были детьми мелкопоместных неродовитых дворян и чиновников. Многие из них вышли из обедневших, многодетных помещичьих семей и не могли рассчитывать на помощь из дома. Эти молодые люди шли в университет, чтобы получить образование и потом зарабатывать на жизнь собственным трудом. В конце 1830–1840-х гг. в дворянской прослойке студентов двух столичных университетов более половины составляли польские фамилии. Этот феномен мы раскроем чуть ниже. Подобно своим товарищам из других сословий дети мелкопоместных нечиновных дворян старались попасть в число казеннокоштных студен-

⁵³¹ РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Д. 175: О недозволительных собраниях между студентами Санкт-Петербургского университета. 1844. Л. 5 об.

⁵³² Чумиков А.А. Петербургский университет полвека назад // РА. 1888. Кн. 3. С. 150.

⁵³³ Аксаков К.С. Воспоминания студентства 1832–1835 гг. // Московский университет в воспоминаниях... С. 198.

⁵³⁴ Воронов А.С. Именной список студентов университета...

тов, получить какую-либо стипендию или вспомоществование. Во время обучения они, как и разночинцы, добывали средства к жизни давая уроки, занимаясь перепиской бумаг, работая для журналов. В этой связи заметим, что для второй половины 1840–1850-х гг. при сохранении преобладающей дворянской прослойки среди студентов очевидна демократизация состава студенчества по всем университетам, но не по происхождению, а по имущественному положению. Если в XVIII – начале XIX в. в числе своекоштных студентов Московского университета было много представителей аристократических фамилий, а казеннокоштные набирались в основном из семинаристов, «солдатских детей», разночинцев, то в следующие десятилетия картина меняется. Теперь среди студентов преобладают выходцы из среды неродовитого, а часто и обедневшего дворянства, также нуждавшиеся в государственной поддержке во время обучения, как и разночинцы.

В целом на фоне имущественной, профессиональной, образовательной эволюции самого дворянского сословия⁵³⁵ число студентов дворянского происхождения среди студентов университетов было преобладающим на протяжении всей первой половины XIX в. В столичном университете доля студентов-дворян еще в первой трети XIX в. была существенно ниже, чем в Московском университете. Но уже к концу 1830-х гг. она оказалась выше, чем в других русских университетах за счет притока детей столичных чиновников, а также стипендиатов Царства Польского и Западного края.

Однако, судя по данным университетских отчетов, дворянская прослойка в студенчестве не была постоянной⁵³⁶. В 1833–1834 гг. дворяне составляли 51% от всех студентов столичного университета. К 1845 г. это соотношение меняется, и

⁵³⁵ См. об этом: *Мионов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – нач. XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1. С. 138–140.

⁵³⁶ За основу взята методика подсчета, согласно которой обер-офицерские дети отнесены к категории разночинцев (см.: *Зайончковский П.А.* Правительственный аппарат в самодержавной России в XIX в. М., 1978).

дворяне составили уже 58,4 % от общего числа учащихся. Затем к 1849 г. доля дворян несколько уменьшается за счет роста разночинной прослойки среди студентов. В 1849 г. из 503 студентов 287 были дворянами, что составило 57%. С введением ограничения общего числа студентов снова наблюдается некоторый рост доли студентов-дворян. В 1854 г. они составили 62% от общего числа учащихся. Однако уже в следующие несколько лет доля дворян среди учащихся снижается до 57%⁵³⁷. Эти показатели существенно расходятся с данными Ю.Н. Егорова, который считал, что за четыре года (1854–1859) удельный вес представителей дворянства продолжал увеличиваться⁵³⁸. Так или иначе, стабильно более высокая, чем в других университетах, доля дворян среди студентов на протяжении двух с половиной десятилетий (1825–1860 гг.) была отличительной особенностью столичного университета. Даже в Московском университете дворянская прослойка была менее плотной. В 1825 г. на 52 % дворян в составе студентов Московского университета приходилось 43 % разночинцев, включая обер-офицерских детей⁵³⁹. Причем тенденция 1820-х гг. для Московского университета была обратной в сравнении с Петербургским и состояла как раз в уменьшении доли дворян среди студентов. В 1840–1850-х гг. среди студентов Петербургского университета процент дворян остается по-прежнему высоким и достигает максимума в последние годы николаевского царствования. Он обеспечивался как интересом к столичному университету со стороны дворянской элиты, так и притоком детей классных военных и статских чиновников и обучением «польских стипендиатов».

⁵³⁷ Подсчитано на основании данных университетских отчетов 1833–1859 гг. См.: Приложение, табл. № 7.

⁵³⁸ Егоров Ю.Н. Студенчество Санкт-Петербургского университета... С. 14. Правда, в историографии уже отмечалось, что не вполне корректные выводы этого автора происходят от совмещения им в одной группе дворян и обер-офицерских детей. См.: Булгакова Л.А. Интеллигенция в России... Дис. ... канд. ист. наук. С. 23.

⁵³⁹ Булгакова Л.А. Интеллигенция в России...; Феофанов А.М. Студенчество Московского университета... С. 67–68.

4.2. Особенности этноконфессионального состава

Уникальность положения Петербургского университета состояла в том, что в течение длительного времени он был самым многонациональным по составу студентов. Доля юношей с русскими фамилиями, вероятно, не составляла и половины студентов. Это отчасти объясняется тем, что «многонациональный университет» был отражением этнической карты Петербурга, самого многонационального города Российской империи. Наиболее пестрым был этноконфессиональный состав студентов столичного университета в конце 1830–1850-х гг. В годы существования Педагогического института и в первые годы после образования Петербургского университета в собственном статусе большая часть казеннокоштных студентов и стипендиатов были выходцами из великорусских, реже малороссийских губерний. Среди последних еще не встречается ни польских фамилий, ни указания на католическое вероисповедание.

Но уже во второй половине 1820-х гг. этнический состав студентов становится более разнообразным: растет доля балтийских и петербургских немцев (но не превышает 25 % всех студентов), что понятно на фоне традиционно многочисленной немецкой диаспоры в военно-чиновном Петербурге. Точные данные по другим национальным группам, представленным в составе студентов 1830–1850-х гг. (грузины, сербы, французы, финны, шведы), не устанавливались, но в данном случае речь идет лишь о нескольких представителях каждой группы.

В 1800-х – начале 1820-х гг. большинство казеннокоштных студентов были выпускниками духовных семинарий, выходцами из великорусских или малороссийских губерний. Среди 103 студентов первого выпуска Педагогического института⁵⁴⁰ было 8 малороссов, над языком и привычками которых подшучивали их товарищи. Национальная принадлежность студентов первых

⁵⁴⁰ Всеобщий алфавитный список студентам СПб. Педагогического института, находившимся в оном в 1805 г. // ЦГИА. Ф. 13. Д. 116: Отчет по Педагогическому институту за 1805 г. Л. 7, 12.

выпусков института определяется условно, по сведениям о том, откуда они прибыли в Петербург. Это были Киево-Могилянская духовная академия, духовные семинарии, расположенные в пределах Малороссийского генерал-губернаторства, в также Волынская и Воронежская духовные семинарии⁵⁴¹.

Профессора, инспектировавшие студентов в 1805 г., обратили внимание на то, что над языком и привычками малороссов смеются их товарищи и советовали им «привыкать к наречию великороссийскому». Конференция института постановила «разместить студентов по комнатам так, чтобы в каждой из них были малороссийские уроженцы перемешаны с великороссийскими»⁵⁴². Постепенно малороссы адаптировались, чему немало способствовал демократический состав первых наборов Педагогического института и тот факт, что все они были казеннокоштными и компактно проживали в зданиях университета, редко их покидая. Своекоштных студентов в это время было немного, в 1819 г. всего 14 человек.

В связи с тем, что Россия при Александре I стремилась опекал сербское национальное движение, в 1810-х гг. в Педагогическом институте появляются несколько студентов-сербов. Благодаря учреждению специальных стипендий и в следующее десятилетие здесь учились также небольшие группы сербов и уроженцев Дунайских княжеств, состоявших под протекторатом империи. Только в Петербургском университете с 1839 г. существовала кафедра валахо-молдавского языка⁵⁴³.

В 1820-х гг. и позже в столичном университете учились кавказские стипендиаты, хотя в большинстве своем это были, конечно, не коренные кавказцы, а уроженцы Юга России, сыновья русских чиновников, служивших на Кавказе, которые

⁵⁴¹ Юго-западные уезды Воронежской губернии, например, Острогожский, в конце XVIII – начале XIX в. были ареалом распространения малороссийского языка, что подтверждается и мемуаристами. См.: *Никитенко А.В. Моя повесть о самом себе и о том, чему свидетель в жизни был* // Никитенко А.В. Записки и дневник. М.: Захаров, 2005.

⁵⁴² ЦГИА СПб. Ф. 13. Д. 123. 1805.

⁵⁴³ По решению Министерства иностранных дел от 2 мая 1858 г. временно существовавшая кафедра была закрыта. См.: ЖМНП. 1859. Ч. 103. С. 37.

имели необходимую для поступления в университет подготовку. Были среди «кавказцев» и потомственные казаки, и этнические грузины.

В 1825 г. в университет в качестве вольнослушателя философско-юридического факультета поступил Соломон Додаев (Додашвили), покинувший университет в 1827 г. По возвращении в Грузию он опубликовал учебник грузинской грамматики, составил учебник логики. В 1830 г. он был привлечен по делу о грузинском тайном обществе и сослан в Вятку⁵⁴⁴. Его судьба является скорее исключением из правил, т. к. большинство грузинских юношей поступало в кадетские корпуса или военные училища⁵⁴⁵.

«Кавказцев» стало больше после 1845 г. и открытия кафедр грузинского и армянского языков, присоединенных к разряду восточной словесности⁵⁴⁶. Однако грузинское землячество в университете было одним из самых малочисленных, скорее напоминавшим узкий замкнутый кружок, «молодое братство» или «единую семью», как называли себя сами юноши в «Песне грузинских студентов»⁵⁴⁷. Правительство, заинтересованное в успешной подготовке грамотных специалистов, предписывало при выборе из учеников Тифлисской гимназии будущих студентов, обращать особое внимание не на происхождение, а на способности и успехи⁵⁴⁸.

У многих закавказских уроженцев, поступающих в университет, как и у польских пансионеров, о которых речь пойдет ниже, были проблемы со знанием русского языка. На занятиях по русской словесности в университете не было возможности заниматься русским языком в рамках гимназического курса. Именно поэтому в 1846 г. для практических занятий по рус-

⁵⁴⁴ Фельдман М.А. Новое о студенте Соломоне Ивановиче Додашвили // Очерки по истории Ленинградского университета. Т. VI. Л., 1989. С. 163–167.

⁵⁴⁵ Там же.

⁵⁴⁶ Марголис Ю.Д., Фельдман М.А., Тишкин Г.А. Грузинские студенты в Петербурге: 1824–1917 // Интернациональные традиции русской культуры. Сб. науч. трудов. Л., 1991. С. 61–68.

⁵⁴⁷ Ленинградский университет в воспоминаниях современников ... С. 266.

⁵⁴⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 135: Отчет университета за 1847 г. Л. 26 об.

скому языку для закавказских уроженцев и пансионеров Царства Польского был приглашен в качестве временного преподавателя русского языка старший учитель одной из петербургских гимназий⁵⁴⁹.

Студентам из закавказских уроженцев, обучающимся в Санкт-Петербургском университете на казенном содержании, был разрешен так называемый льготный год. Это означало, что студент после первого года обучения мог быть оставлен на казенном содержании на том же курсе еще на год даже в случае, если он не оказал удовлетворительных успехов на переводных экзаменах. Кроме того, согласно положению 1849 г. о закавказских уроженцах, обучающихся в высших и специальных заведениях империи, многие из них, за исключением студентов, готовящихся к должности учителей русского языка, освобождались от изучения российской истории, законодательства (кроме студентов юридического факультета) и церковно-славянского языка⁵⁵⁰. Общий надзор за воспитанием закавказских уроженцев в учебных заведениях империи был возложен на управляющего делами Кавказского комитета с тем, чтобы он или назначенный им чиновник Комитета присутствовали на всех испытаниях этих студентов. Университетское начальство, в свою очередь, подавало в комитет периодические сводки об успехах и поведении кавказских воспитанников⁵⁵¹.

Для облегчения поступления в университет детей из дворянских грузинских фамилий первоначально устраивали в гимназию, некоторые из них были приняты в университет в 1820-х гг. на средства Кабинета Его Императорского Величества.

В 1840 г. университет окончил грузинский князь Захарий Палавандов, в следующие годы в составе студентов появились грузинские князья Илья Чавчавадзе и Иосиф Цицианов, а также грузин Давид Чубинов, сделавший впоследствии бле-

⁵⁴⁹ Годичный торжественный акт в Императорском Санкт-Петербургском университете. СПб., 1846. С. 24.

⁵⁵⁰ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 5244: О новом положении для воспитания кавказских уроженцев. 1849. Л. 3.

⁵⁵¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 124: Отчет университета за 1845 г.

стящую карьеру переводчика, составителя словарей и преподавателя грузинского языка в университете. Будучи еще студентом 4-го курса первого отделения философского факультета Давид Чубинов-Георгиев несколько лет занимался по заданию Академии наук составлением грузино-русско-французского словаря. Совет университета ходатайствовал в 1838 г. о публикации этого пособия по восточной лексикографии⁵⁵². Позже на созданный восточный разряд историко-филологического отделения целенаправленно будут приниматься уроженцы Кавказа и Закавказья.

Кроме уроженцев южных и западных окраин Российской империи в университете учились дети иностранных подданных. Согласно официальному отчету ректора, в 1838 г. в числе студентов университета дворян было 132, из обер-офицерских детей – 65 человек, из духовного звания – 19, из купеческого – 40, из мещан – 31, из разночинцев – 9, из иностранцев – 5⁵⁵³. Данное определение, как видим, маркирует одновременно и социальную, и национальную принадлежность. К последним ректор, скорее всего, относил тех, чьи отцы не приняли российское подданство, хотя могли и состоять в российской службе. Известно, что даже сами приехавшие в Россию еще в 1803–1804 гг. профессора университета М.А. Балугьянский и П.Д. Лодий (чьи сыновья учились в гимназии за казенный счет) приняли российское подданство только тогда, когда их старшим сыновьям предстояло определиться в службу или поступать в университет. Свидетельств о том, что в эти годы в Петербурге учился хоть один студент, приехавший самостоятельно из Западной Европы, не встречается. В составе студентов Петербургского университета в 1830–1840-х гг. появляются дети французских эмигрантов, вступивших в российскую службу

⁵⁵² [Шульгин И.П.] Краткий отчет о состоянии Императорского СПб. университета за минувший 1837–1838 академический год. СПб., 1840. С. 23; Харатишвили Г.С. Кавказоведение в Санкт-Петербургском университете и его преподаватели (Часть 1) // Вестник СПбГУ. Сер. 13. 2014. Вып. 3. С. 35–47.

⁵⁵³ [Шульгин И.П.] Краткий отчет о состоянии Императорского СПб. университета... С. 24–25.

на рубеже XVIII – XIX вв. (Петр Демезон, Павел Убри, Александр Делаacroa, Иван Рибопьер), итальянцев и греков (Карл Роспини, Гавриил Дестунис), потомки выходцев из Швеции (Линдквист, Павел Игельстрем, Андрей Будберг)⁵⁵⁴.

С целью распространения русского языка в Финляндии в 1850-х гг. в Санкт-Петербургский университет были переведены несколько десятков студентов Гельсингфорсского Александровского университета из финляндских уроженцев, которые так же как и польские студенты освобождались от платы за обучение⁵⁵⁵.

С конца 1820-х гг. в составе студентов наблюдается все больше немцев-протестантов: как «коренных», петербургских, так и выходцев из остзейских губерний. Группа студентов немецкого происхождения в 1840–1850-х гг. была по численности третьей, после русских и поляков. Данные по этой группе не могут быть столь же точны, как данные о поляках. На студентов-лютеран, в отличие от католиков, не составлялось особых списков с указанием места рождения, вероисповедания, а в общих списках эти данные отсутствуют. Однако можно предположить, что, как и в случае с профессорами, внутри данной группы большую часть составляли этнические немцы – уроженцы Петербурга и ближайших губерний, меньшую – остзейские немцы. Последние избирали Петербургский университет, уже после того как определенное время проучились в Дерптском университете. Вообще миграция из Дерпта в Петербург не была многочисленной, гораздо больше было тех, кто по разным причинам, чаще побуждаемый желанием сменить факультет, материальными или семейными обстоятельствами, переезжал из Петербурга в Дерпт⁵⁵⁶.

⁵⁵⁴ Воронов А.С. Именной список студентов университета, окончивших полный курс с 1829 года... С. 47–77.

⁵⁵⁵ Годичный торжественный акт... 1854 г. С. 17.

⁵⁵⁶ Kazakova K., Zhukovskaya T. From St. Petersburg to Dorpat and back: on academic migrations and communications between universities in the first half of the XIX century [Из Дерпта в Петербург и обратно: проблема академических миграций между университетами в первой половине XIX в.] // Acta Baltica Historiae et Philosophiae Scientiarum. Vol. VI. 2018 (в печати).

Документы университетского делопроизводства свидетельствуют, что поступающие в Санкт-Петербургский университет выпускники гимназий Остзейских губерний составляли особую группу. Как выпускники гимназий они могли быть приняты в университет без экзаменов. В Остзейском крае окончившим курс гимназий выдавались свидетельства трех видов. Свидетельства первого и второго вида выдавались выпускникам, получившим на экзаменах лучшие отметки. Свидетельство особого вида, так называемое «испытательное», получали воспитанники, не показавшие особых успехов в обучении. Попечитель Петербургского учебного округа М.А. Дондуков-Корсаков в 1840 г. обратился за разъяснением к попечителю Дерптского учебного округа, который подтвердил, что лишь выпускники гимназий, предъявляющие «увольнительные свидетельства» первого и второго вида, могут быть приняты в Санкт-Петербургский университет без экзаменов⁵⁵⁷. Сама переписка чиновников Министерства народного просвещения по этому поводу говорит о том, что Петербург все больше привлекал молодежь из Лифляндии и Эстляндии. Многие дети балтийских дворян поступали в столичный университет уже после того как определенное время проучились в Дерптском университете. Благодаря этому в Петербургском университете сложилась довольно многочисленная студенческая корпорация остзейских уроженцев «Балтика», которая воспроизводила перенесенные из Дерпта и немецких университетов ритуалы, дуэльную и досуговую культуру, иерархию корпорантов, корпоративные суды чести и т.д. Лучшими представителями дерптских «академических мигрантов» были А.В. Шнейдер. Э.К. Рейнгольд, сделавшие яркую ученую карьеру в Петербурге.

Встречались в списках студентов выходцы из самих германских земель, чьи родители переселились в Россию в на-

⁵⁵⁷ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 2. Д. 257: С какими свидетельствами принимать в университет без испытания из Остзейских губерний. 1840. Л. 3.

чале XIX в. Одним из таких был Карл Кесслер, учившийся в университете в 1836–1838 гг. В 1837 г. он получил золотую медаль за лучшее студенческое сочинение по чистой математике о решении уравнений⁵⁵⁸. Это была одна из первых медалей, введенных для студентов по уставу 1835 г. Однако вскоре К.Ф. Кесслер увлекся зоологией, преподавал в Киевском университете, затем вернулся в Петербург. С 1863 г. он занимал кафедру зоологии столичного университета, трижды избирался его ректором в 1867–1873 гг.

Группа студентов-протестантов (по преимуществу немцев) в начале 1840-х гг. в Петербургском университете была по численности третьей, после русских и поляков, хотя по всем университетам империи в это время она держалась на второй позиции, за счет Дерптского университета. В 1835 г. доля протестантов в составе всего студенчества составляла 29,4 %⁵⁵⁹. Однако к 1848 г. процент протестантов становится уже заметно меньше, чем процент католиков по всем университетам (католиков 27,7, протестантов 19,5 %⁵⁶⁰) за счет притока польских уроженцев. Особенно быстро растет доля католиков в столичном университете.

Сословное происхождение студентов, относимых нами к той или иной национальной группе, формально не влияло на возможность получения университетского образования. Определяющим критерием их положения в университете были академические способности, поведение и материальные возможности продолжать обучение.

⁵⁵⁸ [Шульгин И.П.] Краткий отчет... С. 22–23.

⁵⁵⁹ Булгакова Л.А. Интеллигенция в России... С. 34–35.

⁵⁶⁰ Там же.

4.3. Студенты-поляки и повседневная жизнь университетской Полонии

Самым же многочисленным из национальных сообществ в Петербургском университете было польское. В состав профессорской корпорации поляки входили почти с самого начала в лице ориенталиста О.И. Сенковского, а в конце 1830-х гг. с открытием кафедр польского законоведения число студентов-поляков увеличилось и оставалось стабильным все следующее 20-летие. Обучались на этих кафедрах, главным образом, польские студенты, а преподавали польские профессора⁵⁶¹.

Проблема обучения и деятельности польских студентов в Петербургском университете в рассматриваемый период представляет собой очевидную и весьма важную лакуну как в исследовании роли польской диаспоры в жизни столицы Российской империи, так и в связи с изучением истории университета как академического сообщества. В отечественной историографии до последнего времени она изучалась в основном в контексте русско-польских революционных связей в период между восстаниями в Польше. Составляя не менее трети от всего состава обучающихся, в 1840–1850-х гг. студенты-поляки придавали специфику облику корпорации столичного университета, внутри которой сформировалась также группировка профессоров-поляков. В литературе на русском языке, посвященной истории университета, этот сюжет все еще разработан недостаточно, хотя уже в советской юбилейной литературе отмечалась роль студентов-поляков как будущих участников и предводителей Январского восстания 1863 г.⁵⁶²

⁵⁶¹ Nowiński F. Polacy na Uniwersytecie Petersburskim w latach 1832–1884. Wrocław, 1986; Жуковская Т.Н. Национальные группы в составе профессоров С.-Петербургского университета в начале XIX в. // Ученые записки Волгоградского гос. университета. 2011. Сер. 4 (История). № 2 (20). С. 13–19; Ростовцев Е.А. The Poles in the academic corporation of St.-Petersburg imperial university (the 19-th – the beginning of the 20-th century) // Studia Slavica and Balkanica Petropolitana. 2014. № 2. Июль–декабрь. С. 194–204.

⁵⁶² История Ленинградского университета. Очерки. 1819–1969. Л., 1969. С. 68–69.

В свое время польский историк Витольд Слотвиньский опроверг точку зрения об отсутствии студенческого движения в Петербургском университете в 30–40-х гг. XIX в., воссоздав, в частности, историю сообществ уроженцев западных губерний Российской империи и Царства Польского, которые были достаточно радикальны в своих настроениях и действовали весьма разнообразно⁵⁶³. Длительное существование в университете оппозиционной группы польских студентов, представленное на архивных материалах, отражено и в немногочисленных источниках личного происхождения. Польским историком были широко использованы дневник выпускника историко-филологического отделения Юлиана Бартошевича, учившегося в университете в 1838–1842 гг., а также его письма к родителям, содержащие помимо интереснейших бытовых и академических подробностей сведения об общественной деятельности польских студентов в Петербурге.

Единственным опытом целостного изложения истории поляков в Петербургском университете является монография Францишека Новиньского⁵⁶⁴. В ней польская студенческая среда 1830–1850-х гг. представлена на широком социально-политическом фоне: колебаний правительственной политики в области просвещения и в польском вопросе, социально-культурной жизни польской диаспоры в столице. Специальное внимание Ф. Новиньский уделил стипендиальной политике правительства, которая позволила после закрытия Варшавского и Виленского университетов в 1831 г. подготовить во «внутренних» университетах империи многочисленную когорту педагогов и юристов для службы в западных губерниях и Царстве Польском. Ф. Новиньский уточнил численность различных групп студентов польского происхождения, круг их общения в столице, формы публичной, литературной и иной внеакадемической деятельности, а также организационные основы существования сообщества польских студентов в университете. Ф. Новиньский

⁵⁶³ Слотвиньский В. Польские студенты в Петербургском университете в 30–40-х гг. XIX в. // Петербургский университет и революционное движение в России. Л., 1979. С. 117–124.

⁵⁶⁴ Nowiński F. Polacy na Uniwersytecie Petersburskim w latach 1832–1884...

объективно освещает участие студентов-поляков в политических акциях, а также их связи с подпольными организациями в Царстве Польском и Западном крае.

Важной вехой в изучении университетской Полонии стало издание в Варшаве в 1995 г. сборника статей «Польские профессора и студенты в университетах России (XIX – начало XX в.)», поместившего материалы одноименной научной конференции в Казани. Отражение на страницах сборника получила тема польского студенчества в российских университетах. Деятельности его в Петербургском университете посвящены статьи В.А. Дьякова⁵⁶⁵ и Ю.Д. Марголиса⁵⁶⁶. В.А. Дьяков, обращаясь к изучению польских студенческих организаций, сосредоточил свое внимание на их культурно-воспитательной роли. Началом культурно-объединительной и политической деятельности польского сообщества, на его взгляд, стало уже создание в декабре 1838 г. польскими студентами собственной библиотеки, состоявшей в основном из запрещенных цензурой польских изданий и пополнявшейся за счет материалов, привозимых с собой вновь поступавшими и возвращавшимися с каникул студентами. В.А. Дьяков попытался уйти из плена традиции историко-революционной литературы видеть явления как бы в обратной перспективе, в данном случае интерпретировать разрозненные факты национально-патриотической деятельности поляков в России как подготовку к восстанию 1863 г. В то же время В.А. Дьяков пишет о растущей политизированности польского студенческого сообщества (Огула), фиксируя уже с марта 1861 г. его ориентацию на подготовку вооруженного восстания.

Ю.Д. Марголис также рассматривал деятельность польских университетских студентов левой ориентации и созданных ими сообществ. Отмечая существенную роль студентов-поляков Пе-

⁵⁶⁵ Дьяков В.А. Польские студенческие организации 30–60-х годов XIX века в российских университетах // Польские профессора и студенты в университетах России в конце XIX – начале XX века. Варшава, 1995. С. 20–28.

⁵⁶⁶ Марголис Ю.Д. Студенты-поляки Петербургского университета 40–60-х годов XIX в. // Польские профессора и студенты ... С. 132–145.

тербургского университета во всероссийском освободительном движении 30–60-х гг. XIX в., историк определяет польский Огул как одно из первых студенческих землячеств с оформленной структурой и собственными печатными органами, которое послужило прообразом для создания ему подобных в других российских университетах. Ю.Д. Марголис рассматривал формирование Огула в столичном университете в контексте общеуниверситетской атмосферы рубежа 1830–1840-х гг. Историк подчеркивал, что длительному бесконфликтному существованию польского сообщества студентов способствовала общая доброжелательная обстановка в университете, возможность прямого покровительства полякам многих профессоров (П.А. Плетнева, А.В. Никитенко и др.), мягкость университетской инспекции того времени. В новейших публикациях также предпринимались попытки оценить опыт длительного существования многочисленной группы польских студентов в Петербургском университете для развития русско-польских культурных связей, а также судьбы самого университета⁵⁶⁷.

Пласт литературы, посвященной развитию всей польской диаспоры в Петербурге, так или иначе касается и ее студенческого сегмента, тем более что многие своекоштные студенты-поляки приезжали учиться в столицу с намерением здесь остаться. Это общие работы, посвященные петербургской Полонии, которые принадлежат Л. Базылеву, Р. Пиотровскому, Я. Тазбиру, С. М. Фальковичу, Т. М. Смирновой⁵⁶⁸, а также В. Сливовской, А. Киясу⁵⁶⁹. В названных работах воссоздается атмосфера различных городских сообществ, свет-

⁵⁶⁷ Михайленко В.В. «В библиотеке больше всего поляков...» // Многонациональный мир Петербургского университета. СПб., 2010. С. 114–134.

⁵⁶⁸ Базылев Л. Поляки в Петербурге. СПб.: «Блиц», 2003; Пиотровский Р. Поляки в Петербурге: страницы истории. СПб., 2004. Серия «Полоника Петрополитана» Вып. 2; Тазбир Я. Карьеры в Петербурге // Новая Польша. 2004. № 2; Фалькович С.М. Поляки в сердце Российской империи: участие в экономической, общественно-политической, культурной и научной жизни Санкт-Петербурга в XIX – начале XX вв. // Россия и Польша: память империй // Империи памяти / Отв.ред. Д.А. Спиврак. СПб., 2013. С. 181–193; Смирнова Т.М. Польские общества в Санкт-Петербурге. Конец XIX – начало XX века. СПб., 2013.

⁵⁶⁹ Sliwowska W. Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim w pierwszej połowie XIX wieku. Warszawa, 1998; Kijas A. Polacy w Rosji od XVII do 1917 roku: Słownik biograficzny. Warszawa; Poznań, 2000.

ских, театральных, литературных кружков, молодежных союзов столицы XIX в., куда были вхожи и поляки.

Одним из содержательных источников по данной проблеме являются воспоминания Л.Ф. Пантелеева, раскрывающие участие студентов-поляков в общественном движении рубежа 1850–1860-х гг., их взаимоотношения с другими национальными студенческими сообществами внутри университета. Детально описывают существование польской студенческой диаспоры конца 1840-х гг. недавно переведенные на русский язык воспоминания Тадеуша Бобровского⁵⁷⁰.

Имеющиеся исследования о польских студентах в других университетах в дореформенный период важны для нас в сравнительном отношении, т. к. показывают, что и в других университетских центрах (Киевском, Московском, Харьковском, Казанском университетах) поляки как члены университетского социума также имели значительное представительство и до некоторой степени определяли облик университетского города⁵⁷¹. Многие поляки, обучавшиеся в Казанском университете в 30–40-е гг. XIX в., впоследствии защитили здесь магистерские и даже докторские диссертации, заняли профессорские кафедры на разных факультетах. По данным исследователей, в течение XIX в. в Казанском университете обучалось свыше 1100 поляков и лиц польского происхождения⁵⁷². Эта цифра кажется несколько

⁵⁷⁰ Бобровский Т. Дневник моей жизни // Поляки в Петербурге в первой половине XIX в. / Публ. и коммент. А.И. Федуты. М., 2010. С. 629–631. См: Bartoszewicz J. Listy do rodzików. Cz. 1, 2 // Przeglądnik Naukowy i Literacki. T. 29. 1901.

⁵⁷¹ См.: Циунчук Р.А. Польская диаспора в Казани: зарождение и место в социокультурном развитии города в имперский период // Поляки в России: Эпохи и судьбы. Краснодар, 2009. С. 51–55; Рузевич Е. Поляки в университете и ветеринарном институте Казани // Польские профессора и студенты... С. 69–75. Голикова Е.М. «Польский период» в истории Харьковского национального аграрного университета им. В. В. Докучаева (1816–1914) // Санкт-Петербургский университет в XVIII – XX вв.: европейские традиции и российский контекст: труды международной научной конференции. СПб., 2009. С. 271–285; Бартницка К. Профессорский институт Дерптского университета и его польские учащиеся // Польские профессора и студенты... С. 149–163; Марахов Г.И. Поляки в Киевском университете (1834–1864) // Польские профессора и студенты... С. 180–187.

⁵⁷² Михайлова С. М. Польские студенты и преподаватели Казанского университета в культурно-просветительской и общественной жизни Поволжья // Польские профессора и студенты... С. 93.

преувеличенной, особенно в сопоставлении с размерами петербургской университетской Полонии, которые определяются польскими и российскими историками⁵⁷³.

Несмотря на имеющиеся исследования, многие вопросы в истории польской студенческой диаспоры в столичном городе и университете, на наш взгляд, еще не изучены детально, хотя обширный материал университетских архивов позволяет это сделать. Возможны уточнения по таким проблемам, как численность польского элемента среди студентов университета и других учебных заведений столицы, внутреннее структурирование университетской Полонии по месту рождения на уроженцев Царства Польского, Западного и Юго-Западного края, Малороссии и т.д., а по вероисповедению на католиков, лютеран, иудеев (были и такие), на аристократов и мелких шляхтичей. Требуется уточнение правовое положение студентов-поляков, их социальный облик, режим их обучения, выбор научной специализации. Особый интерес представляют проблемы культурной адаптации студентов-поляков в имперском городе, формы надзора за ними, этапы складывания в рамках университета польских студенческих организаций⁵⁷⁴. Не менее интересны академические траектории студентов-поляков в университете и служебные – после его окончания.

⁵⁷³ *Ростовцев Е.А.* The Poles in the academic corporation of St.-Petersburg imperial university... С. 195; *Базылев Л.* Поляки в Петербурге...; *Sliwowska W.* Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim... По самооценкам поляков, уже к началу 1830-х гг. польская диаспора в Петербурге приблизилась к 10 тыс. человек. В конце XIX – начале XX в. поляки составляли четвертую по численности этническую группу в имперской столице. Однако число связанных с университетом поляков в составе польской диаспоры столицы (учащихся или уже окончивших университет, а также магистров и профессоров) несопоставимо с общим количеством поляков, прошедших университет, поскольку многие из студентов, особенно стипендиаты, обязанные службою, покидали Петербург сразу после получения диплома. (См. *Бобровский Т.* Дневник моей жизни... С. 710).

⁵⁷⁴ См.: *Жуковская Т.Н.* Национальные группы среди профессоров и студентов в Петербургском университете в первой половине XIX в. // *National Intellectuals in Russian Empire: Universities, Knowledges and Networks* / Ed. Nobuya Hashimoto. Kyoto: Showado Publishing, 2014. Р. 22–47; *Жуковская Татьяна, Калинина Елена.* Студенты-поляки в Петербургском университете в 1830–1860-х гг: опыт воспитания новой элиты // *Nauka w Polsce i Rosji – miejsca wspólne, miejsca różne (obszar humanistyki)*. Seria «Studia Rossica», tom XXIII / Red. Magdalena Dąbrowska. Warszawa: Instytut Rosycystyki Uniwersitetu Warszawskiego. S. 65–73.

Причины массового определения поляков в Петербургский и Московский университеты, а также увеличение их численности в Харьковском, Казанском и Дерптском университетах связаны с изменениями правительственного курса в отношении Царства Польского и Западных губерний, которые произошли после польского восстания 1830–1831 гг. В наказание за «измену» своих польских подданных Николай I закрывает польские по составу учащих и учащихся университеты – Варшавский и Виленский и избирает в отношении Царства Польского меры административного ограничения, ликвидации политической автономии, а в социально-культурном отношении – меры «деполонизации», более или менее жесткой, но до конца его царствования последовательной и всесторонней. Эти меры представлялись достижимыми в отношении польской молодежи, которую, по мысли властных идеологов (того же С.С. Уварова), надлежало «оторвать» от родины в самом юном возрасте и воспитать в духе лояльности в условиях национально-культурной изоляции.

Процесс воспитания новой польской элиты должен был происходить в крупных университетских центрах под наблюдением высшей полиции, университетской администрации и инспекции. Одновременно правительство получало плеяду подготовленных чиновников, а польские окраины – новую элиту, которая должна была вытеснить старую, зараженную духом сепаратизма. Для этого в Петербургском, Московском, а позже в Харьковском и Казанском университетах учреждались специальные вакансии для стипендиатов из Царства Польского.

Отвечая на запрос С.С. Уварова о целесообразности организации подготовки в Петербурге и Москве для Царства Польского не только юристов и педагогов, но также медиков, попечитель Варшавского учебного округа ген.-майор Н.А. Окунев писал 9 марта 1841 г.: «Стараясь вполне развить систему воспитания юношества Царства по мерам указанным Вашим Высокопревосходительством, я все внимание обращаю на то,

чтоб наставники старались внушать юношеству здоровые понятия о Верховной самодержавной власти, о безусловном повиновении и беспредельной преданности к священной особе Государя императора. Достигнуть же сей мысли единственно возможно только приведением год от году в лучшее состояние учебных заведений, замещением мест отличными как в нравственном, так и в политическом отношении преподавателями, которые притом необходимо должны получать окончательное образование в Империи для того, чтобы ознакомиться и с духом народным, и с тем вместе, иметь полное понятие о состоянии и ходе просвещения в России». Эти представители новой польской элиты должны были заменить нынешних чиновников и «вполне соответствовать уже принятым или предпринимаемым мерам» (т. е. русификации. – Т.Ж., К.К.)⁵⁷⁵.

Вопрос о статусе и допустимой численности студентов-поляков в российских университетах с самого начала был важным для руководства Министерства народного просвещения как вопрос политический. Но официальную статистику относительно числа студентов-поляков приходится корректировать. Ключевым вопросом здесь является методика определения «польскости». Дело в том, что определение принадлежности к той или иной этноконфессиональной группе по репрезентативным источникам XIX в. затруднено тем, что в них обычно указывается вероисповедание, а не национальная принадлежность. Руководство МНП, университетская администрация, высшая и городская полиция, которые осуществляли надзор за студентами-поляками в то время, оперировали понятием «римско-католическое исповедание» как основополагающим критерием выявления уроженцев Царства Польского и поляков Западного края. Иногда администрация университета и округа по запросу полиции ограничивалась предоставлением списков студентов-католиков, без уточнения, что речь идет о поляках, по умолчанию, поскольку именно это

⁵⁷⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 77. Д. 74. Л. 1–3.

интересовало запрашивающих. Историк имеет возможность определить национальную принадлежность более корректно путем дополнения сведений о вероисповедании студентов рядом характеристик, которые фиксировались в университетском делопроизводстве при их зачислении.

В списках поступивших, кроме вероисповедания, обычно полностью указывалась фамилия и имя студента (при сложном произношении дублировались латиницей), место рождения, сословное происхождение и / или род занятий отца, название гимназии, которую окончил молодой человек, или место прежнего проживания. То есть по совокупности этих характеристик польское происхождение определяется почти безошибочно. Примечательно, что в списках стипендиатов Царства Польского встречаются лица с немецкими или еврейскими фамилиями, однако вероисповедание для всех за редким исключением указывается римско-католическое⁵⁷⁶.

Этот подход дает верифицируемые результаты при исследовании университетской Полонии, причем как в отношении профессоров, так и в отношении студентов и использован при составлении биографических баз данных.

Не боясь ошибиться, можно утверждать вслед за мемуаристами, что каждый третий студент, учившийся в столичном университете в 1830–1850-х гг., был поляком, хотя таких сведений

⁵⁷⁶ В именном списке 1841 г. отправляемых в Петербургский университет «для приурочения к занятию учительских и юридических должностей по Царству Польскому» значится имя Станислава Пфау (РГИА. Ф. 733. Оп. 77. Д. 74. Л. 53), в списках 1845 г. имена Маврикия Раппопорта, Леопольда Берковича, Леонарда Беркевича, Людвиг Фиткаля, в списках 1846 г. – Эдуарда Штуммеля, в 1847 г. – Александра Неймана (там же. Л. 53, 211, 253, 586) и т.п. В 1849 г. один из упомянутых, Маврикий Раппопорт, окончил С.-Петербургский университет со званием действительного студента и просил разрешения задержаться в Петербурге до получения разрешения от попечителя Варшавского округа поступить на службу в империю. Однако С.С. Уваров ответил ему 4 августа 1849 г., что по Правилам о стипендиях... стипендиаты освобождаются от службы в Царстве Польском только по решению наместника, поэтому Раппопорт должен немедленно отправиться в Царство Польское «для исполнения принятых ранее обязанностей служить там положенное число лет за получение образования» (там же, л. 295–296). М. Раппопорт отправился по месту назначения, в Варшаву. В списке польских пансионеров Харьковского университета в 1844 г. значатся Альберт Шислер, Франц Рер (там же, л. 509).

университетские отчеты не содержат. Причин столь сильной полонизации университета было несколько. Первая состояла в том, что после восстания 1830–1831 гг. польские по составу Виленский и Варшавский университеты были закрыты. Кроме того, еще Александром I в 1822 г. был ограничен выезд для обучения в немецкие университеты⁵⁷⁷. В иной редакции, уже применительно к польскому юношеству, запрет на получение образования за границей продолжал действовать при Николае I, поскольку диплом европейского университета не признавался основанием для принятия в государственную службу. Выезд из империи поляков моложе 25 лет был ограничен.

Проводимая Николаем I политика деполонизации (это определение корректнее термина «русификация») заключалась в том, чтобы оторвать польское юношество от национальных корней, по возможности «размыть» национальную идентичность профессиональной в системе обучения, а потом в системе государственной службы. Это действительно удавалось, если дальнейшая служба проходила в непольских губерниях или в столице⁵⁷⁸.

В отношении поляков Царства Польского, возвращавшихся на родину по окончании обучения в столице империи, речь шла не о подавлении и расползчивании, а о заключении политического соглашения: обучение в обмен на лояльность. Конечно, искать прямого отражения в университетской политике имперских стратегий было бы упрощением, слишком много собственных задач стояло перед российскими университетами. Однако через университет и систему образования предполагалось не только контролировать, но и направлять интеллектуальные устремления, настроения, идейное и профессиональное воспитание национальных элит.

⁵⁷⁷ О распространении на все вообще губернии запрещения отправлять юношество для обучения в университеты Гейдельбергский, Йенский, Гессенский и Вюрцбургский // Сборник постановлений по МНП. СПб., 1875. Т.1: 1802–1825. Стлб. 1699–1705.

⁵⁷⁸ См.: Горизонтов А.Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.) М., 1999.

Для самих студентов польского происхождения прагматическая цель приезда на учебу в Петербург состояла в том, что здесь и в Московском университете было открыто по две кафедры польского законовещения, ориентировавшие на подготовку юристов-практиков, для которых складывались условия применения юридических знаний в форме работы в государственных комитетах и учреждениях, быстрого карьерного роста. Пребывание в столичных городах в течение 3–5 лет открывало молодому человеку круг влиятельных знакомств и полезных связей среди соотечественников, уже обосновавшихся в столице, представлявших бюрократическую, литературную, военную, педагогическую элиту.

Первые студенты с польскими фамилиями (Грацилевский, Навроцкий, Пухальский) появились в составе студентов и вольнослушателей Педагогического института и Петербургского университета еще в 1800–1820-х гг., но их было немного. Причем их этническая принадлежность не определяется достоверно из-за отсутствия в списках студентов того времени каких-либо упоминаний о вероисповедании. Уже в 1820-х гг. в университете преподавали профессора-поляки (В.К. Вишневский, О.И. Сенковский, К.А. Шелейховский). Первые студенты-поляки были в основном казеннокоштными, обязанными службой по МНП. Так, окончивший университет кандидатом в 1836 г. Иосиф Кржижановский отправился в екатеринославскую гимназию, где прослужил около 20 лет.

На рубеже 1830–1840-х гг. после создания особых условий для обучения польских стипендиатов группа студентов-поляков становится второй по численности, после русских и превосходя группу студентов немецкого происхождения. Полонизация Петербургского университета продолжается в 1840-е гг., причем протекает она на фоне увеличения (до 1849 г.) общей численности студентов. Число поляков растет примерно пропорционально общему числу студентов.

Студенты-поляки делились на три группы: своекоштных (т. е. учившихся на средства своих родителей); тех, кто учился на стипендии, выделенные Варшавским учебным округом (они назывались пансионерами), и тех, что получали стипендии, учрежденные дворянством отдельных западных губерний.

Стипендии Царства Польского делились на «юридические» и «педагогические». Первые предназначались для студентов, целенаправленно обучавшихся на юридическом факультете по кафедрам польского законоведения и судопроизводства с перспективой возвращения на родину или оставления в Петербурге для преподавания или кодификационных работ в области польского права. «Педагогические» стипендиаты учились на двух других факультетах и готовились быть преподавателями гимназий Царства Польского или Западных губерний. Число учрежденных стипендий Царства Польского было не столь велико (10–11 юридических и не более 15 педагогических в год). При наличии вакансий возможна была ротация между стипендиатами-юристами и «педагогами» и даже между польскими стипендиатами разных университетов империи.

Только наличием системы государственных и региональных стипендий не объясняются причины стремительной полонизации Петербургского университета. Основную массу прибывавших в него поляков составляли все же готовые учиться за собственный счет представители дворянства западных губерний, а не «короняжи» (уроженцы Царства Польского). Располагая собой после получения диплома, они часто предпочитали военную службу гражданской, если не возвращались к родителям.

И все-таки наличие в Петербургском университете постоянных стипендий, «стипендиатов» и немалого количества претендующих на стипендию, увеличение с каждым годом плотности польской диаспоры в столице, сеть личных связей с уже укоренившимися здесь земляками, – все это притягивало все новые волны молодых поляков, желавших учиться и устроить свою карьеру в Петербурге. Правительство со своей

стороны рассчитывало, что сама обстановка имперского города, всесторонний надзор и последовательное воспитание юношей будут способствовать в будущем изменению настроений значительной части польской элиты в пользу лояльности. Этот расчет строился на создании идеальных условий для обучения и на том, что возраст учащихся на момент поступления не превышал 19–20 лет, а значит, они не успели приобрести опыт участия в патриотических объединениях на родине.

Как же была организована правительственная программа обучения польских студентов в Петербургском университете?

Положением о стипендиях для юношества Царства Польского предусматривались полные стипендии от 250–300 руб. сер. в год, пособия студентам на проезд домой во время вакансий и по окончании университета к месту службы. Законодательство о стипендиях несколько раз корректировалось. Согласно Положению о стипендиях для уроженцев Царства Польского, изданному 11 августа 1846 г., стипендии по-прежнему разделялись на «юридические» и «педагогические». Но первые отныне назначались не попечителем Варшавского учебного округа, а решением наместника Царства Польского, вторые находились в ведении министра народного просвещения. Те и другие стипендии были установлены в 300 руб. сер. в год. К этому, как и раньше, добавлялась оплата поездок студентов на родину во время вакансий и проезда к месту службы. «Юридические» стипендиаты поступали на юридический разряд в Петербургский и Московский университеты, где были открыты кафедры польского законоведения и судопроизводства, а по окончании образования обязывались вернуться в Царство Польское и не менее 6 лет служить по специальности⁵⁷⁹. «Педагогические» стипендиаты учились как на отделении камеральных наук юридического факультета, так и на других факультетах. Они также распределялись преимуще-

⁵⁷⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 77. Д. 74, 75: О стипендиатах Царства Польского. Л. 92–95. См.: *Nowiński, F.: Polacy na Uniwersytecie Petersburskim w latach 1832–1884...* S. 48–52.

ственно в польские губернии, но при отсутствии вакансий или особых обстоятельствах могли быть устроены и в центральных губерниях с тем же сроком обязательной службы. Любопытно, что состав стипендиатов Царства Польского не был чисто дворянским и даже чисто польским: в списках встречаются выходцы из мещан, немецкие, еврейские и даже русские фамилии. Так, в июле 1848 г. наместник Царства Польского граф И.Ф. Паскевич ходатайствовал о принятии на юридическую стипендию Царства Польского в 300 руб. в столичный университет Николая Горлова, сына ген.-майора военного губернатора Радомской губернии, во внимание к заслугам отца. На это министр С.С. Уваров распорядился производить Николаю Горлову по 300 руб. в год, из остатков педагогической стипендиальной суммы, до открытия вакантной юридической стипендии⁵⁸⁰.

Стипендий для Петербургского университета устанавливалось несколько больше, чем для Московского, при этом оставалась возможность перераспределять стипендии между «юристами» и «педагогами», но не между университетами. «Воспитанники Царства Польского» освобождались от платы за обучение. За возможность обучаться стипендиаты должны были «довольствоваться назначенными им местами» и прослужить по окончании университета соответственно по 6 (юристы) и 10 (педагоги) лет, из них пять – в центральных губерниях России. При этом учащиеся, удостоенные при выпуске звания действительного студента, могли быть определены в Царстве Польском к должностям X класса, а удостоенные степени кандидата – IX класса⁵⁸¹. «Правила для юридических воспитанников Царства Польского в Санкт-Петербургском университете», утвержденные 27 ноября 1847 г., предъявляли и академические требования к студентам, требуя от них прохождения полного курса польского законодательства, в то же время освобождали их от необходимости слушать лекции по законодательству о фи-

⁵⁸⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 77. Д. 74. Л. 441–442.

⁵⁸¹ Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 4. Ч. 2. С. 64.

нансах, государственному праву западноевропейских держав и от занятий по иностранным языкам⁵⁸².

Есть несколько способов установить число поляков, окончивших университет. Списки поступивших стипендиатов по годам обучения сохранились в фондах университета, однако они включают и лиц, не окончивших курса и переведенных в другие университеты. Но в эти списки не попадают учившиеся за собственный счет с начала до конца обучения (как, например, мемуарист Тадеуш Бобровский). В то же время имеется полный список студентов, составленный А.С. Вороновым, который включает всех окончивших университет за 1823–1853 гг., с разбивкой по годам и указанием присвоенной при окончании степени: действительного студента или кандидата⁵⁸³.

В 1841 г., в год выпуска первых стипендиатов Царства Польского, принятых в 1836 г., число поляков в составе студентов Петербургского университета достигло трети, это было больше, чем в Московском или Киевском. Так, в списке студентов, окончивших Петербургский университет в 1842 г., из 63 выпускников поляков было 26, в 1847 г. из 113 окончивших – 33 поляка⁵⁸⁴. В соотношении с общим количеством студентов это означает, что количество поляков, одновременно обучавшихся в университете, составляло 100–120 человек.

Доля стипендиатов среди поляков, окончивших университет в эти годы, составляла не более 1/4 от общего числа. Остальные были своекоштными студентами, с преобладанием среди них уроженцев Западных губерний.

⁵⁸² Сборник распоряжений... Т. 2. Стлб. 971.

⁵⁸³ См.: Воронов А.С. Историко-статистическое обозрение учебных заведений С.-Петербургского учебного округа с 1775 по 1853 гг. СПб., 1849. С. 280–283. Приложения. С. 45–77. Особые списки студентов – польских уроженцев стали составляться по университетам с конца 1830-х гг. для представления в Министерство народного просвещения. Нет сомнения, что эти списки запрашивал сам Николай I, державший под контролем все дела о нелояльности своих польских подданных, в том числе студентов. С 1849 г. практика составления списков только студентов-поляков заменяется представлением общего списка на всех студентов с указанием их происхождения и вероисповедания.

⁵⁸⁴ Подсчитано по: Воронов А.С. Историко-статистическое обозрение... С. 59–60; 67–69. Списки стипендиатов Царства Польского за разные годы см.: РГИА. Ф. 733. Оп. 77. Д. 74, 75.

Положение 11 августа 1846 г. действовало до конца николаевского царствования. Ежегодно на «юридические» стипендии и на «педагогические» определялось строгое число вакансий. Число претендентов на «юридические» стипендии всегда превышало число вакансий, однако, по решению министра, было возможно принять достойного кандидата на «педагогическую» стипендию, с тем, чтобы он в процессе обучения перешел на юридический разряд, либо по окончании университета не обязывался учительской службой по Варшавскому учебному округу. От обязательной службы стипендиата могло избавить плохое здоровье, подтвержденное медицинскими документами.

Студенты-поляки, обучавшиеся в столичных университетах, имели более широкие возможности получить правительственную стипендию в сравнении со своими русскими товарищами. Также польские студенты имели возможность окончить университетский курс ускоренным порядком, за три года. Прецедентом к принятию такого распоряжения стало рассмотрение прошения Александра Фивечера, поступившего в Петербургский университет в 1837 г.⁵⁸⁵ Молодой человек, окончив курс наук в Варшавской гимназии, в течение года обучался там же на педагогических прибавочных курсах. Обратившись к университетскому начальству с прошением о том, чтобы год, проведенный в Варшаве, был засчитан как год обучения в университете, Фивечер получил ответ, что решение по этому вопросу принимает Правительственная комиссия Царства Польского. Однако члены Комиссии, в свою очередь, предписали студенту обратиться для решения этого вопроса к начальству Санкт-Петербургского университета. Результатом рассмотрения этого дела стало представление министра от 14 марта 1840 г. о сокращении одним годом времени пребывания в Санкт-Петербургском и Московском университетах тем из пансионеров Царства Польского, кто по окончании гимназии

⁵⁸⁵ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 2. Д. 248: По прошению студента Фивечера о дозволении кончить курс в три года. 1840.

посещали дополнительные педагогические курсы в Варшаве. Однако в представлении, утвержденном императором, говорилось, что время обучения в университете сокращалось только для тех из пансионеров, которые при приемных испытаниях имели сведения, требуемые от студентов, кончивших с успехом первый годичный курс⁵⁸⁶.

Тадеуш Бобровский, учившийся за собственный счет, при поступлении из Киевского университета в 1846 г. получил возможность быть принятым на юридический факультет сразу на 3-й курс, при условии, что он сдаст разницу предметов за три курса в течение первого года обучения. Бобровский с этой задачей справился, а еще через два года по окончании университета он смог сдать магистерские экзамены и защитить в университете магистерскую диссертацию⁵⁸⁷.

В 1840 г. последовало постановление о том, чтобы сведения об успехах в науках и поведении воспитанников Царства Польского, обучающихся в Санкт-Петербургском университете, ежегодно доставлялись главе Варшавского учебного округа. Таким образом, процесс обучения студентов польского происхождения в русских университетах был подчинен прагматическим установкам правительства. Более длительный, чем для русских студентов, срок обязательной службы для студентов-поляков уравнивался перечисленными преимуществами во время прохождения университетского курса. Однако в случае прекращения выплаты стипендии и отсутствия других материальных источников, польским студентам трудно было рассчитывать удержаться в университете.

Один из противников обучения поляков в русских университетах ген.-адъютант А.А. Кавелин выразил свою точку зрения во всеподданнейшей записке 1851 г., которая сохранилась в документах секретной части канцелярии министра народного просвещения. Он высказал опасение, что поляки, посту-

⁵⁸⁶ Сборник постановлений... Т. 2. Отд. 2. Стлб. 11.

⁵⁸⁷ Бобровский Т. Дневник моей жизни... С. 619–630.

пая в университет поневоле, «со всеми глупыми химерами о восстановлении Польши, с мщением в душе за насильственное удаление их из родного края и разлучения с близкими, с советами пропаганды действовать везде, ... не только не излечатся от заразы, но и привьют ее нашей здоровой еще молодежи, среди которой есть и легковерные, и с дурными наклонностями, и бесхарактерные». «Вряд ли польские уроженцы обрусятся в русских университетах, русский язык послужит злонамеренным из них лучшим оружием вредить России, ибо оружие отравят они занесенным ими с собой ядом», – заключал автор записки⁵⁸⁸.

При всех преимуществах, существование поляков в Петербургском университете было отягощено чрезмерно настороженным отношением к ним университетского начальства и инспекции. Система этого надзора утвердилась не сразу. В 1838 г. в своем докладе императору о польских студентах, обучающихся в Санкт-Петербургском университете, исполняющий должность попечителя князь Григорий Волконский писал, что поляки подчинены общему порядку надзора за студентами, и отделить их от прочих было бы не только неудобно, но и невозможно. Николай I наложил резолюцию: «Надзор как ни труден, но необходим, ... и мне известно, что они более общаются среди своих, чем сближаются с русскими, потому весьма желательно за ними следить как здесь, так и в Москве»⁵⁸⁹. Настороженную переписку между университетским начальством и МНП вызвали сообщения из перлюстрированной переписки и показаний выпускника Санкт-Петербургского университета В. Давида, определенного на должность учителя Люблинской гимназии, о том, что во время его обучения в университете с 1837 по 1841 г. сту-

⁵⁸⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 10. Д. 305: Секретная переписка по МНП (1851–1865). Л. 11.

⁵⁸⁹ РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Д. 167: По отношению князя Варшавского о существующем между студентами Петербургского университета демократическом образе мыслей. 1838.

денты-поляки распространяли книги «возмутительного содержания», и в их кружке «развивались демократические мысли и понятия»⁵⁹⁰.

В дополнение к Положению о стипендиях, по предложению министра С.С. Уварова, из стипендиальных сумм было положено отпускать ежегодно по 1000 р. «на усиление способов надзора за польскими воспитанниками в университетах Империи»⁵⁹¹. Кроме контроля за политической благонадежностью студентов-поляков университетское начальство в конце каждого полугодия сообщало попечителю Варшавского учебного округа сведения об успехах и поведении каждого из молодых людей.

В любых проступках поляков полиция и университетская инспекция искали политическую подоплеку, и молодой человек рисковал быть исключенным из университета по одному подозрению в политической нелояльности. Так, например, студенты-поляки Крупский, Полубинский и Валицкий, отпущенные в каникулярное время в Минскую губернию, были там арестованы по случайному доносу и обвинены в произнесении суждений «противных правительству». Однако при производстве следствия выяснилось, что политических намерений у студентов не было, и донос ничем не доказан. Тем не менее молодые люди были наказаны за хранение у себя запрещенных книг и выдержаны под арестом при III отделении. После чего Николай I, всегда лично и тщательно рассматривавший подобные дела, соизволил «допустить студентов после ареста к экзамену, так чтобы настоящий случай не составлял препятствия ни к переходу в высшие классы, ни к получению при выпуске из университета преимуществ»⁵⁹². Тем не менее после означенных событий один из студентов не смог продолжать обучение и подал прошение об увольнении из университета «по домашним обстоятельствам».

⁵⁹⁰ Слотвинский В. Польские студенты в Петербургском университете. С. 117–124.

⁵⁹¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 77. Д. 74. Л. 105.

⁵⁹² ЦГИА СПб. Ф.139. Оп.1. Д. 5146: О студентах Санкт-Петербургского университета, подвергшихся аресту. 1848. Л. 106.

Исследование проблемы академического сосуществования сообщества поляков с остальными студентами в университете на опубликованных и архивных материалах обращает внимание на то, что в университетских отчетах, в отзывах профессоров и администрации, а также в отзывах мемуаристов-неполяков польские студенты нередко получали хвалебные характеристики. Поляки оценивались как профессорами, так и товарищами-неполяками как весьма способные и трудолюбивые студенты. «У меня ревностно учатся одни поляки! – сетовали на своих лекциях профессор русской истории Н.Г. Устрялов и юрист Н.Ф. Рождественский, – русским студентам надо бы брать с них пример»⁵⁹³. Исследование биографий студентов-поляков Профессорского института Дерптского университета приводит историков к тем же наблюдениям⁵⁹⁴.

Поляки старались не конфликтовать с университетской администрацией, отличались особым рвением в отношении учебных занятий, некоторые, как уже было сказано, проходили четырехлетнюю программу обучения за три года. Как свидетельствует Т. Бобровский, говоря о конкурсах медальных сочинений в 1847 г.: «В тот год только один русский и один немец получили медали, остальное же – то есть шесть – забрали поляки, и такое было стремление к работе, что только на юридическом факультете на конкурс было подано одиннадцать работ»⁵⁹⁵. Сам Бобровский на последнем курсе получил серебряную медаль за кандидатское сочинение «О выкупе родовых владений».

По предложению министра юстиции В.Н. Панина в 1851 г. был усилен надзор не только за студентами, но и теми из выпускников-юристов, кто временно был оставлен в присутственных местах обеих столиц «для практического образования в делопроизводстве». С 1844 г. некоторые из вос-

⁵⁹³ Бобровский Т. Дневник моей жизни... С 631.

⁵⁹⁴ Бартниicka К. Профессорский институт Дерптского университета и его польские учащиеся // Польские профессора и студенты... С. 153–155.

⁵⁹⁵ Бобровский Т. Дневник моей жизни... С. 630–631.

питанников Царства Польского, выпускаемые кандидатами, проходили такую практику, а потом возвращались на родину для замещения судебных должностей⁵⁹⁶.

Вместе с тем министр юстиции был обеспокоен тем, что некоторые из чиновников Царства Польского, получившие образование в Петербургском университете, по возвращении на родину «навлекают на себя сомнение в отношении политических правил». Он предлагал установить «надзор за связями тех из уроженцев Царства, кои воспитываются в здешнем университете», как посредством университетской инспекции, так и путем установления негласного надзора чиновников III отделения. Фактически неослабный надзор за выпускниками университета из поляков осуществлялся все время обучения и обязательной службы в России и продолжался по возвращении на родину. В ответ на предложение В.Н. Панина усилить надзор помощник попечителя князь Щербатов уверил, что надзор и без того достаточно жесткий: инспектор студентов и его помощник ежемесячно посещают студентов, живущих на частных квартирах, и, «соображаясь со своими замечаниями о их нравственных качествах, располагают свои посещения в разное время, иногда чаще, иногда реже, следя ... за их занятиями, связями, сообществом и образом жизни». Инспектор ведет журналы этих осмотров, «ежемесячно представляемые попечителю». Университетское начальство также собирало сведения от домохозяев о квартирующих студентах, что облегчалось компактным поселением поляков на квартирах у своих соотечественников.

Помимо надзора университетской инспекции уроженцы западных губерний и Царства Польского были подчинены негласному наблюдению полицейского начальства, для чего по предписанию министра народного просвещения от 22 октября 1843 г. в начале каждого семестра в министерство поступали списки студентов-поляков, которые сообщались через шефа

⁵⁹⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 77. Д. 339: По отношению министра юстиции об усилении наблюдения за воспитанниками Царства Польского, обучающимися в СПб. университете. Май – июль 1851.

корпуса жандармов в III отделение. В уже цитированном ответе министру юстиции Щербатов высказался, что этот многоуровневый надзор «совершенно достаточен», а его усиление «... могло бы нанести только вред, потеряв характер секретного наблюдения»⁵⁹⁷. Далее Щербатов проводит мысль о том, что университетское начальство не может отвечать за образ мыслей «молодых людей, которые по окончании курса вышли из-под надзора учебного ведомства». Это особенно касается уроженцев Царства Польского, «кои по выходе из университета возвращаясь на родину, могут в особенности быть увлечены дурными примерами и пустыми мечтаниями». Ответственность за дальнейшую их деятельность Щербатов предлагал переложить на начальство «тех ведомств, в которых они избрали себе службу»⁵⁹⁸.

Наиболее высокая доля поляков в столичном университете, судя по документальным источникам, была в 1848 г., до введения ограничений по численности студентов. Сохранились списки всех студентов, представленные инспектором попечителю учебного округа в апреле 1848 г., из которых следует, что казеннокоштных студентов и пансионеров, живших в здании университета, значилось 45 человек, своекоштных студентов Царства Польского, жительствовавших «на вольных квартирах», внесено 47 фамилий. Всего в список инспектора внесено 92 студента-поляка⁵⁹⁹. Кстати, эти списки дают исчерпывающие сведения обо всех студентах-поляках, учившихся на казенный счет, как выходцах из Царства Польского, так и уроженцах других местностей. «Неучтенными» инспекцией как поляки, вероятно, могли остаться лишь некоторые своекоштные студенты, прибывшие из Западного края, или те, чьи родители давно проживали в Петербурге.

⁵⁹⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 77. Д. 339: По отношению министра юстиции об усилении наблюдения за воспитанниками Царства Польского, обучающимися в СПб. университете. Май – июль 1851. Л. 23–24 об.

⁵⁹⁸ Там же.

⁵⁹⁹ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 5132: Со списками студентов и местом их жительства. 1848.

В 1849 г. последовала реакция на революционные события в Европе: Николай I распорядился уменьшить в российских университетах комплект своекоштных студентов до 300 и ограничить выдачу казенных стипендий. На тот момент в Московском и Петербургском университетах своекоштных студентов из уроженцев Царства Польского было 71, стипендиатов – 34. В 1850 г. по случаю «введения в норму» общего числа своекоштных студентов прием в эти университеты воспитанников Варшавского учебного округа «на собственное иждивение» вообще не производился. В 1851 г., когда «комплект» в 300 студентов был уже достигнут, министр народного просвещения П.А. Ширинский-Шихматов ходатайствовал перед императором о разрешении принять сверх комплекта в Московский и Петербургский университеты еще по 30 студентов из уроженцев Царства Польского для обучения на кафедрах польского законоведения, «чтобы не лишить Царство возможности избирать к юридическим должностям чиновников, получивших высшее юридическое образование и не оставить учрежденные для этого кафедры без слушателей». Николай I не отказал в приеме поляков сверх комплекта, но повелел «отложить до времени»⁶⁰⁰.

По наблюдениям университетской инспекции и по свидетельствам мемуаристов, студенты-поляки были тесно инкорпорированы в польскую диаспору столицы, к тому времени уже довольно многочисленную⁶⁰¹. По оценкам самих поляков, она достигала 10 тыс. человек. К 1869 г. в Петербурге проживало 14,5 тыс. поляков⁶⁰². Показательным для определения плотности Петербургской Полонии является тираж польской газеты «Tygodnik Peterburski», издаваемой О.А. Пржецлавским, который составлял 500 экземпляров⁶⁰³. Студенты-поляки вели активную публичную жизнь, входили в национальные городские

⁶⁰⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 77. Д. 338: О помещении в СПб. и Московский университет сверх 300 еще по 15 своекоштных воспитанников Царства Польского. 1851. Л. 1–2.

⁶⁰¹ Бобровский Т. Дневник моей жизни... Глава «Польская колония на Неве». С. 680–709.

⁶⁰² Юхнева Н.В. Петербург – многонациональная столица // Старый Петербург. Историко-этнографические исследования. Л., 1982. С. 12.

⁶⁰³ Федута А.И. «Город пышный, город бедный...» глазами польских подданных // Поляки в Петербурге в первой половине XIX века... С. 16.

сообщества и группы, литературные и светские, постоянно поддерживали контакты с обширной польской диаспорой столицы, в том числе с видными чиновниками, литераторами, художниками и музыкантами польского происхождения. Своекоштные студенты-поляки арендовали жилье у соотечественников, посещали польские трактиры и кофейни, неформальные театральные и литературные салоны, давали уроки детям в польских семьях, пользовались протекцией и материальной поддержкой соотечественников в трудных ситуациях. Им удавалось через книгопродавца М. Вольфа даже получать запрещенные польские книги⁶⁰⁴.

Конечно, сообщество поляков в Петербурге, как и все сообщество студентов, было структурировано на более локальные группы, в зависимости от происхождения, места рождения, родственных связей. По свидетельству мемуариста, в конце 1840-х гг. одним из мест, где сходились представители литовской студенческой молодежи и более солидная публика, были «литературные и смешанные» вечера у Константина Рдултовского, друга А. Мицкевича, в гостинице «Клея» на Большой Михайловской. В неформальной обстановке салона Рдултовского кандидат прав и магистр университета могли неформально беседовать с министром статс-секретарем по делам Царства Польского Игнатием Туркулом, «первым лицом в иерархии Петербургской колонии», а также польскими писателями, журналистами, духовными лицами.

Мемуарист, однако, свидетельствует, что знатные поляки в столице были дистанцированы от жизни студенческой молодежи и даже сознательно ее избегали, «подозревая в различных либеральных мыслях и фантазиях», принимая в своих домах только окончивших университет чиновников или «соискателей высших ученых степеней, которые считались людьми уже состоявшимися и солидными»⁶⁰⁵. Некоторые университетские профессора из поляков принимали польскую мо-

⁶⁰⁴ Бобровский Т. Дневник моей жизни... С. 659.

⁶⁰⁵ Там же. С. 685.

лодежь у себя в доме. Так, профессор международного права и декан юридического факультета И.И. Ивановский в конце 1840-х гг. собирал «литовскую, в основном, минскую, молодежь, интересовался ее делами, поддерживая по мере сил»⁶⁰⁶. Причем «во время вечерних воскресных забав было запрещено разговаривать с профессором на научные темы, для такого разговора приходили к нему в воскресенье утром»⁶⁰⁷.

Другие профессора-поляки, преподававшие на юридическом факультете (А.П. Чайковский, Р.М. Губе, К.А. Заборовский, В.Д. Спасович), как и молодые преподаватели (С.М. Будзинский, С.И. Лагуна), также приглашали к себе в дом студенческую молодежь. Студенты-поляки были постоянными участниками общих университетских литературных и музыкальных вечеров, которые устраивались ректором П.А. Плетневым и инспектором студентов А.И. Фицтумом фон Экштедтом.

Несмотря на конкурентные отношения польской и непольской студенческой молодежи в аудиториях, в случае уличных столкновений с полицией или солдатами, студенческая взаимопомощь обязывала всех студентов стоять друг за друга. Так, в 1858 г. во время избиения студентов солдатами при пожаре на 3-й линии Васильевского острова русские студенты заступились за поляков и ввязались в драку с солдатами. Во время судебного разбирательства они объясняли это тем, что фактом задержания и избиения товарищей почувствовали себя оскорбленными в коллективной чести⁶⁰⁸. Так же вели себя студенты во время критических эпизодов волнений осени 1861 г.

Рост числа поляков в столичном университете в определенный момент привел к складыванию организации польских студентов в допустимых университетским начальством формах. По свидетельству мемуаристов, это случилось уже во второй половине 1830-х гг., когда в университете одновременно, в под-

⁶⁰⁶ Бобровский Т. *Дневник моей жизни...* С. 683–684, 706.

⁶⁰⁷ Там же. С. 636.

⁶⁰⁸ Жуковская Т.Н. «Тайные общества», студенческие «буйства» и запрещенные лекции... С. 272–273.

ражание традициям немецких корпорантов, складываются немецкая и русская студенческие корпорации. Польское сообщество студентов, называемое Огулом (Ogół – это, собственно, сообщество в переводе с польского, т. е. сообщество всех учащихся поляков). Огул распространял свое влияние на всех университетских студентов-поляков, обучавшихся в разных формах, а также поддерживал связи с соотечественниками – воспитанниками других учебных заведений. В Петербурге это были студенты Медико-хирургической академии и Технологического института. В меньшей степени контакты Огула распространялись на учащихся кадетских корпусов не только из-за разницы в возрасте и статусе, но и потому, что между кадетами и студентами традиционно выстраивались отношения противостояния.

В 1838 г. поляки создали первую в университете студенческую библиотеку, вскоре начали выпуск рукописного журнала «*Ramętnik*», а затем и печатных альманахов – «Незабудка», «*Ramętnik półnosny*»⁶⁰⁹.

Представители польского землячества вели активную публичную жизнь, в отличие от немецких корпорантов, чья активность проявлялась на закрытых кнейпах, «буршеншафтах» (студенческих празднествах), в ритуальных дуэлях. Мемуаристы утверждают, что польское университетское землячество только по традиции именовалось корпорацией и, сосуществуя с другими национально ориентированными корпорациями (Балтикой и Рутенией), было устроено иначе.

В польском Огуле, в отличие от корпорации немецких студентов, «ритуальная» сторона корпоративной жизни была смикширована, на первый план выходила бытовая взаимопомощь, подобно более поздним студенческим землячествам 1860–1870-х гг. Т. Бобровский характеризует практику пополнения общей студенческой кассы (не только польской) путем

⁶⁰⁹ Слотвиньский В. Польские студенты в Петербургском университете в 30–40-х гг. XIX в. ... С. 117–124.

сборов на музыкальных вечерах, где играли и пели сами студенты или приглашенные знаменитости. Один концерт мог принести студенческой кассе до 3000 руб.⁶¹⁰ Контроль за сборами и их распределением между нуждающимися студентами осуществлял инспектор студентов А.И. Фицтум фон Экштедт, который более тесно и неформально был связан со студентами, чем профессора и считался меломаном. Его репутация и 20-летнее инспекторство до 1861 г. отражены студентами-мемуаристами в исключительно добрых и признательных характеристиках.

Организация взаимопомощи и совместной деятельности облегчалась тем, что все польские стипендиаты жили в здании университета, а своекоштные селились компактными группами в Васильевской и Адмиралтейской части, судя по спискам студентов с указанными адресами их жительства⁶¹¹. Социально-культурная направленность в деятельности сообществ польских студентов преобладала и в более позднее время. Но в этой деятельности начальство всегда искало скрытый политический подтекст, проявления мятежного «польского духа» и более настороженно относилось к объединениям студентов-поляков, чем к аналогичным сообществам других национальностей⁶¹².

Исследователи считают, что польские «огулы» во всех университетских городах носили характер межвузовских организаций, в них не было понятия строгого членства. Число молодых людей, одновременно состоящих в столичном польском Огуле и

⁶¹⁰ Бобровский Т. Дневник моей жизни... С. 638.

⁶¹¹ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 5132: Со списками студентов и местом их жительства. 1848.

⁶¹² Уже в 1909 г. в университете сложилась многочисленная польская корпорация «Сарматия», которая была разрешена университетским начальством. Эта предельно лояльная организация, в уставе которой было записано, что «затрагивание вопросов политического и религиозного характера в Корпорации не допускается», тем не менее, попала под подозрение МВД и С.-Петербургского градоначальника. «Сарматия», в отличие от современных ей немецких корпораций, осталась чисто университетским сообществом, т. к. не получила разрешения принимать в свой состав студентов других учебных заведений. Подозревая, что корпоранты все равно занимаются политикой под вывеской самообразования и взаимопомощи, в помещении, арендуемом корпорацией, время от времени устраивались обыски. В 1911 г. по предложению с.-петербургского градоначальника деятельность «Сарматии» была прекращена. См.: РГИА. Ф. 1284. Оп. 49. Д. 155.

действующих в его духе в конце 1850-х гг., во время «постсева-стопольской весны» оценивается «примерно в 500 человек»⁶¹³.

В это время во главе Огула стоял выборный комитет, проводились общие собрания, которые утверждали предложения комитета. А.Ф. Пантелеев, учившийся в те годы, впоследствии член «Земли и воли», вспоминал, что «студенты-поляки держали себя совсем особняком от русских, никакого сближения не было». Во главе общества стояли «корониажи», т. е. именно уроженцы Царства Польского, общество в это время имело «превосходную библиотеку и особую польскую кассу»⁶¹⁴.

Новый приток поляков в Петербургский университет приходится на первые годы царствования Александра II, когда после снятия всех ограничений по приему общее число студентов прирастало на 150–200 человек в год.

По мнению Ф. Новиньского, весной 1858 г. товарищество польских студентов Петербургского университета легализовало свою деятельность. Осенью того же года это сделал Огул московских студентов. В Киевском университете в то же время оформился «Тройницкий союз» (*Związek Trojnicki*). Представители московского и петербургского огулов пытались выработать общую программу, но между ними имелись серьезные расхождения относительно структуры и целей организации. Московские студенты, среди которых преобладали выходцы из обедневшей и деклассированной шляхты «кре-сов» (т. е. литовско-белорусских губерний), считали программу петербургского Огула отвлеченно-консервативной и называли ее иронически «Отель Ламбер»⁶¹⁵. Так или иначе, деятельность огулов все более политизировалась по мере развития событий в Царстве Польском. В начале 1860-х гг. петер-

⁶¹³ *Nowiński. Fr. Stowarzyszenie Studentów «Ogół» (1848–1880)* [Электронный ресурс] URL: <http://www.polskaipetersburg.pl/hasla>

⁶¹⁴ Пантелеев А.Ф. Польская студенческая корпорация // Ленинградский университет в воспоминаниях современников... С. 68–71.

⁶¹⁵ Отель Ламбер (фр. *Hôtel Lambert*) – в переносном смысле – консервативная верхушка польской эмиграции 1840–1850-х гг., штаб-квартирой которой с 1843 г. был особняк Ламбер в Париже, купленный Чарторыйскими.

бургское студенческое сообщество налаживает сотрудничество с кружком польских офицеров, во главе которого стояли Зигмунт Сераковский, в прошлом исключенный за неблагонадежность студент университета, и Ярослав Домбровский⁶¹⁶.

Среди лидеров Огула в Петербургском университете накануне волнений 1861 г. были студент физико-математического разряда Игнатий Зданович и юрист Винцентий-Константин Калиновский, исполнявший обязанности библиотекаря. После него библиотекарями были избраны Ян Непомуцен Трейдосевич, Поляновский, Ян-Онуфрий Станевич и, по некоторым сведениям, Феликс Зенькович. Собрания членов Огула проводились в библиотеке или на частных квартирах В. Калиновского, Петра-Эмманюэля Юндзилла, Эдмунда Вериги. Активистами Огула были также Йозеф Горчак, Павел Коновицкий, Теодор Опоцкий, Адам Крушевский и др. Библиотекарям помогал выборный совет из пяти членов. Одним из членов совета, по свидетельству Л.Ф. Пантелеева, был Владислав Хорошевский, бывший, в отличие от многих соотечественников, сторонником тесного сотрудничества с российскими студентами. Пантелеев также обратил внимание на нежелание польских студентов оформить подписку на герценовский «Колокол», который, по их мнению, пропагандировал идеи социализма и славянской федерации, «вредные для польского дела».

Историки выделяют внутри студенческого Огула накануне событий 1861 г. три течения: «белых», «умеренных» и «красных» (радикалов). Радикально настроенное крыло было представлено выходцами из «кресов» и было наиболее многочисленным. Среди них процветало «хлопоманство», подчеркнутое ношение одежды простолюдинов. Они называли себя «либералами и революционерами», активно действовали в сельских общинах в Литве и Белоруссии во время вакансий, поддерживали контакты с русскими народническими кружками начала 1860-х гг. Партия «белых» – студенты из зажи-

⁶¹⁶ Nowiński. *Fr. Stowarzyszenie Studentów «Ogól» (1848–1880).*

точных семейств, образовали, в свою очередь, группу, провозгласившую целью получение университетских дипломов, лояльное отношение к власти в рамках «Органического статута» 1832 г. для Царства Польского. Среди третьей группы («умеренных») преобладала молодежь из Царства Польского, которая после перенесения в 1859 г. всех кафедр польского права из Московского университета в Петербургский стала более многочисленной. Влиятельными активистами этой части Огула были Адам Маевский, Северин Маркевич, Цезарь Чарнецкий, Иосиф Станкевич и др. Эта группа пыталась примирить стремление к приобретению знаний с участием в политической жизни, поддерживая требование восстановления независимости Польши, но без социальной революции. Встречается также разделение польской молодежи на «специалистов» («академистов») и «демократов», которых еще называли «пуританами».

Наблюдение за активистами Огула с 1861 г. отражено в полицейских источниках, изученных Ф. Новинским. Информаторы тайной полиции упоминают Болеслава Анка, Игнатия Курневича, Эдмунда Веригу, Иосифа Горчака, Эдварда Антошевича, Феликса Зеньковича. Информатор тайной полиции, вероятно из студентов, бывал на собраниях в библиотеке и на частных квартирах активистов Огула Теофила Руцкого, Юзефа Бернацкого, Феликса Зеньковича на наб. Малой Невки. Мемуаристы упоминают и другие имена активистов студенческой организации: Тадеуша Цешинского, Бронислава Грабовского, Адольфа Пеньковского, Петра Долинского, Владзимежа Прокоповича и Владислава Нивиньского. По некоторым сведениям, легальная юридическая библиотека Огула хранилась в университетских зданиях на Стрелке Васильевского острова, а нелегальная в квартире студента Павловского на Петроградской стороне⁶¹⁷.

Заседания петербургского Огула были открытыми для всех поляков, основные дискуссии в них были посвящены вопросу

⁶¹⁷ Nowiński. *Fr. Stowarzyszenie Studentów «Ogół» (1848–1880).*

о восстановлении независимости Польши. Однако наиболее важные решения по деятельности Огула принимались группой активистов. Важной формой деятельности организации на последнем этапе стало направление добровольцев в военную школу Людвига Мерославского, основанную в Париже в 1860 г. После вмешательства российского посла во Франции военное училище было закрыто, однако 1 октября 1861 г. в Генуе открылась другая, так называемая Польская военная школа. Сопровождением нелегального отъезда добровольцев во Францию и Италию руководили Анк, Зданович и Курневич, которые организовывали лотереи для покрытия расходов на поездки. До начала Январского восстания, по данным Ф. Новиньского, около 40 добровольцев покинули Санкт-Петербург, чтобы пройти военную подготовку, в том числе Стефан Шепелевич, Юзеф Джудицкий и некий Рыльский; организация их поездок велась Зеньковичем, Курневичем и Поплоньским.

В свою очередь студент Юзеф Бернацкий перевез из-за границы в Петербург около 1 тысячи прокламаций из-за границы. Эта информация была подтверждена в III отделении, которое визировало зарубежные поездки разных лиц и выдавало разрешение, в частности, на поездки двух братьев Джудицких, Юзефа Стемповского, Курневича, Калиновского, Шилишкевича и Вилбута. Не менее важной задачей петербургского Огула были акции пропаганды в сельских районах, в родных местах членов Огула, во время летних вакаций. На основе членских взносов была создана касса, доход которой разделялся на две части: на нужды библиотеки и для беднейших студентов. «Ogół» содержал нелегальную лавку для беднейших студентов, принадлежавшую Маркевичу и Маевскому и управлявшуюся Юзефом Штемпелем.

В октябре 1861 г., как известно, Петербургский университет был закрыт в связи с первыми студенческими «беспорядками» – фактически до августа 1863 г. Поляки приняли активное участие в этих событиях. Так, по данным Ф. Новиньского, среди

арестованных в первые дни студенческих волнений и препровожденных в крепость было 104 поляка, происходивших из Царства Польского и Западных губерний. Среди тех, кто был признан «зачинщиками» беспорядков, был упомянут всего один поляк – Зигмунт Залевский⁶¹⁸. Однако на деле поддержавших общестуденческий протест, а затем пострадавших от закрытия университета, поляков было гораздо больше. Одним из таких был и студент Александр Березовский, однофамилец совершившего покушение на Александра II в 1867 г. в Париже. В 1861 г. А. Березовский провел в крепости под арестом два месяца, а вскоре после освобождения и исключения из университета эмигрировал⁶¹⁹.

Из числа поляков, учившихся в университете на момент его закрытия, около ста были исключены и привлечены к суду по делу о «беспорядках». Некоторые студенты старшего курса смогли воспользоваться дарованным правом сдать экзамены экстерном и считались окончившими, третьи смогли перевестись в другие университеты империи, но без сохранения стипендий. Однако основная масса поляков, как можно предположить, в 1862 г. отправилась на родину с отчетливой целью – содействовать ее возрождению, многие приняли участие в деятельности революционных кружков и в Январском восстании. Разумеется, многие уезжали из Петербурга тайно, поэтому университетское начальство этого не зафиксировало. Среди участников Польского восстания 1863 г. оказалось множество бывших студентов Петербургского университета, 60 из них были преданы военному суду, многие из них отправлены на каторгу и в ссылку, оказались в эмиграции. Трое лидеров Польского восстания, связанных в прошлом с Петербургским университетом, были расстреляны по приговору военного суда. Это Сигизмунд Сераковский, Константин Калиновский и Титус Далевский⁶²⁰.

⁶¹⁸ Nowiński F. Polacy na Uniwersytecie Petersburskim w latach 1832–1884. S. 170–171.

⁶¹⁹ Там же.

⁶²⁰ Восстание 1863 г. Документы и материалы. Т. 1–25. М.; Wrocław, 1960–1986. Указатель.

В связи со вторым Польским восстанием вопрос о численности поляков в университете снова обострился. В мае 1864 г. последовал запрос министра народного просвещения, «сколько в каждом году с 1853 по 1863 г. включительно находилось в СПб. университете студентов польского происхождения или католического вероисповедания, буде сведения по происхождению не могут быть достаточными».

Ректор университета А.А. Воскресенский отвечал через попечителя, что сведений о количестве поляков «извлечь невозможно», по неимению точных источников. Однако университет представил справку из дел Канцелярии Совета о числе студентов римско-католического вероисповедания за указанное десятилетие со следующими данными: 1853 – 81 (при общем числе студентов менее 400), 1854 – 72, 1855 – 75, 1856 – 106, 1857 – 227, 1858 – 269, 1859 – 301, 1860 – 425. После закрытия университета число учтенных инспекцией католиков резко сокращается: в 1862 – 126, 1863 – 151 (на 2057 студентов, обучавшихся в этом году в университете)⁶²¹.

Таким образом, в Петербургском университете с 1853 по 1860 г. рост числа студентов-католиков был пятикратным, тогда как общее число студентов за эти годы, хоть и росло стремительно, но увеличилось всего в 3 раза. Едва ли можно определить точно общее число поляков, учившихся в столичном университете до 1861 г., учитывая академические миграции, повторное обучение на том же курсе, или, наоборот, досрочную сдачу экзаменов. Ежегодно показываемые в рапортах инспекции за каждый год цифры студентов римско-католического исповедания некорректно было бы просто складывать, чтобы получить общую цифру, как это делает Фр. Новиньский, основывающийся на указанном источнике⁶²², а следует разделить по крайней мере

⁶²¹ ЦГИА СПб. Ф 14. Оп. 2. Д. 830: Сведения о числе студентов польского происхождения. Л. 1–2.

⁶²² Польский историк ошибочно указывает, что только в 1853–1863 гг. через университет прошло 2057 поляков (*Nowiński, F.: Polacy na Uniwersytecie Petersburskim w latach 183–1884... С. 117*). Тогда как эту цифру нужно разделить на 4 и вычесть из нее количество поляков, зафиксированных в 1862 г., так как это были те же лица, что числились студентами в 1861 г., на момент закрытия университета.

на 4, по числу лет обучения. Более близкая к реальной цифра студентов-католиков за последнее предреформенное десятилетие истории университета составляет, по нашим представлениям, около 550 человек.

В 1861 г. университет был закрыт, поэтому за этот год в списках, составленных инспекцией для III отделения, фиксируются только те из студентов, кто оставался в Петербурге. В 1862 г. и особенно после начала Польского восстания студенты-поляки стали покидать столицу империи, что вызвало закономерную тревогу правительства⁶²³. Среди вновь поступивших в 1863 г. было не более 30–40 римско-католиков.

В момент полного открытия Петербургского университета в 1863 г. доля поляков среди студентов уменьшилась до 7,4%. Больше никогда она не была столь значительной, как в 1840–1850-е гг. Однако в той или иной форме студенческие польские кружки и сообщества возобновляли свою деятельность в столице, до 1917 г. их насчитывалось уже несколько десятков, общей численностью до 8 тыс. человек. Действовала польская кухмистерская, библиотека с читальным залом. В 1882 г. по инициативе студентов Технологического института было основано «коло польской молодежи».

Профессиональные и жизненные траектории польских стипендиатов можно проследить на двух ярких примерах. Так, Юлиан Бартошевич, окончивший историко-филологический факультет Петербургского университета в 1842 г., стал известным историком у себя на родине. Еще в Петербурге Бартошевич начал свои занятия по истории в собрании Залусских в Императорской публичной библиотеке. Знакомство с русскими источниками определило направление некоторых его исследований, например, по истории московско-польских отношений в XV в. Как пансионер, получавший «педагогиче-

⁶²³ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 2. Д. 773: О запрещении принимать вновь в университет всех тех студентов СПб. Медико-хирургической академии и университетов, уроженцев Царства Польского и западных губерний, которые ныне оставят университет или академию. 1863.

скую» стипендию, Бартошевич по возвращении на родину несколько лет преподавал в провинциальных училищах, потом был учителем во II Варшавской гимназии, но все это время занимался наукой.

Выпускник же Московского университета 1854 г. историк Генрих Вызинский получил по окончании обучения продление стипендии еще на два года (что было аналогично оставлению в университете для подготовки к профессуре). Потом стипендия в 250 руб. была продлена еще на 10 месяцев для сдачи магистерских экзаменов и завершения работы над магистерской диссертацией. После успешной защиты диссертации с разрешения попечителя Варшавского учебного округа Вызинский отпросился за границу на год к Эмским минеральным водам, а зимой 1857–1858 гг. посетил Францию, Сицилию и Италию. Несмотря на обязательство вернуться в Царство Польское и прослужить по учительской части 6 лет, Вызинский был определен по просьбе Московского университета на кафедру, ставшую вакантной после смерти профессора П.Н. Кудрявцева и утвержден в должности адъюнкта. В обращении Совета университета 4 апреля 1858 г. говорилось о Вызинском как о наиболее достойном кандидате на кафедру всеобщей истории, где «он может много сделать для науки не только по основательному знанию своего предмета, но и по хорошему политическому направлению, а также по отсутствию всякого религиозного фанатизма»⁶²⁴. Такие объяснения вполне понятны, ведь речь шла об определении католика на политически значимую кафедру. В 1859–1862 гг. Г. Вызинский был экстраординарным профессором кафедры всеобщей истории Московского университета, написав ряд трудов по истории папства и Просвещения в Англии, сотрудничал в «Русском вестнике».

Мы видим, что в Петербургском университете, как и в других российских университетах, структуризация студенческой

⁶²⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 77. Д. 75. Л. 61–62, 66–67, 91, 98 об.–99.

корпорации по этноконфессиональному признаку стала возможна только с достижением ею относительной многочисленности. Это произошло в 1830–1840-е гг. и совпало, с одной стороны, с подъемом национального романтизма как этапа нациестроительства, давшего импульс историко-филологическим и этнографическим исследованиям, открытию новых специализаций, а с другой – с переопределением национальной политики империи в Царстве Польском, Западном крае, на других окраинах. Стержнем этой политики становились воспитание политической лояльности, более или менее мягкая русификация в культурно-языковом отношении, но главное – стремление к последовательной инкорпорации национальных элит в тело общеимперской бюрократии.

Благодаря большому количеству государственных стипендий, а также столичному положению Петербургского университета обучение здесь для поляков было привлекательным, несмотря на ограничения при распределении на службу, всесторонний надзор и отрыв от родного края. Состоятельные своекоштные студенты также предпочитали начать карьеру в Петербурге, где обширная уже к 1840-м гг. польская диаспора не позволяла чувствовать себя в культурной изоляции. Эта часть поляков по окончании университета оседала на гражданской службе в центральных учреждениях или вступала в военную службу офицерами, поскольку это допускалось законодательством.

Практика стипендий для поляков действовала более 20 лет и отразила консенсус между стратегиями, избранными властью в национальной политике и в образовании. В этом выборе, думается, проявились не столько русификаторские установки, сколько последовательные усилия правительства по воспитанию новой польской элиты. Эта элита, по мысли идеологов, могла сохранять национальный облик, но за годы обучения и обязательной службы приобретала лояльность и, что не

менее важно, профессиональную востребованность на всей территории империи.

Следствием длительного, относительно спокойного развития польской студенческой организации стало установление ее членами разносторонних контактов в среде литераторов, учащихся других учебных заведений, молодежных студенческих кружков в столице и формирование собственного радикального крыла. Именно польская студенческая корпорация стала одной из опорных организаций первой «Земли и воли», а многие из ее членов-поляков впоследствии стали участниками Январского восстания 1863 г.

Таким образом, своеобразие этнического состава петербургского студенчества состояло в том, что оно включало значительный отряд польской молодежи. Это отличие Петербургского университета относится только к дореформенному периоду, поскольку университетское законодательство последующих десятилетий унифицировало положение поляков, как и других национальных меньшинств в университетах империи. А вскоре на территории Царства Польского был воссоздан и национальный университет – Варшавский, правда, с преобладанием неполяков в его профессорской корпорации.

В целом положение национальных групп внутри петербургского студенчества было подчинено принципам и методам национальной политики государства. Сотрудничество с национальными элитами и попытка воспитания новых лояльных элит через общеимперскую систему просвещения была долговременным и достаточно успешным курсом российского правительства, но не в случае с поляками. Обучение студентов, представляющих национальные окраины империи, в столичном университете было законодательно поставлено под контроль не только университетской администрации, но и особых национальных комитетов, существовавших в составе высших государственных учреждений, а также административного

управления национальных окраин (Царства Польского и Великого княжества Финляндского). Комплектование студенческого состава представителями различных национальных групп в меньшей степени зависело от принципа «сословности», декларированного МНП, чем это имело место в отношении русских студентов. Наоборот, среди студентов-поляков как в Московском, так и в Петербургском университете преобладали выходцы из небогатых семейств, дети чиновников, а не помещиков, учившиеся за казенный счет. Их происхождение делало их более зависимыми от администрации университета и облегчало контроль и надзор. Основным критерием приема в университет для поляков были не только успехи и способности, но и лояльность на протяжении обучения.

ГЛАВА 5

ПЕТЕРБУРГСКИЙ СТУДЕНТ В СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ

5.1. Отношения студентов и профессоров

Рамки правового поля, соответствующего статусу универсанта, академическая система отношений формировали пространство существования студенческого сообщества. Для определения значимых университетских ценностей, специфических черт корпоративного сознания студентов необходимо рассмотреть существовавшую в дореформенном университете систему связей и отношений внутри студенческого сообщества, а также отношения студентов с профессорской корпорацией и городским окружением. Идентичность универсанта была определена социально-культурными и профессиональными координатами, в которые вписываются взаимоотношения обучающихся, преподавателей, администрации, университетской инспекции⁶²⁵.

Согласно университетскому уставу 1804 г., университет представлял собой «вышнее ученое сословие, для преподавания наук учрежденное»⁶²⁶, которое состояло из профессоров, преподавателей и студентов. Среди российской интеллигенции дореформенного времени профессура составляла особую группу, отличавшуюся от прочих образованием, родом деятельности, положением в обществе, некоторыми своеобразными чертами. Подобно другим социальным слоям это была исторически изменчивая категория, подверженная влиянию своего времени и условиям, в которых приходилось действовать. В первые десятилетия XIX в. профессора российских уни-

⁶²⁵ Будылин Д.Ю., Полатайко С.В. Онтологический анализ университетского идеала // Философский век. Альманах. Вып. 29. Т. 2. СПб., 2005. С. 121.

⁶²⁶ Сборник постановлений... Т. 1. Стлб. 264.

верситетов как социопрофессиональная группа постепенно формируют и проявляют собственную идентичность⁶²⁷.

Внутри университета между профессорской корпорацией и студентами складывались особые взаимоотношения, специфические межличностные, профессиональные и социальные связи, эволюционировавшие от «семейного стиля» первых десятилетий XIX в. к отношениям более формальным и академическим. Эти отношения подвергались изменениям под воздействием общественно-политических условий и эволюции организационных основ университета. Это отражалось в изменении интересов универсантов и моделей поведения, повышения в них академической и профессиональной мотивации.

Пространственное сосредоточение в течение более или менее длительного времени значительного количества молодежи, объединенной повседневной деятельностью и единым правовым статусом, способствовало формированию корпоративного самосознания и у студентов. Поскольку отношения профессора и студента являлись не только индивидуальными, но и социально-групповыми, взаимодействие младшей и старшей групп внутри университетского сообщества постепенно формировало особую культуру общения, в которой имела значение как ритуальная академическая дистанция между студентом и преподавателем, так и осознание общей принадлежности к университетскому миру.

С момента основания в России университетов в систему взаимоотношений учащихся и учащихся была заложена двойственность. С одной стороны, университет жил коллегиальностью, с такими мягкими формами саморегуляции и поддержания порядка, как мотивация, договор, символическое принуждение. С другой стороны, преподаватель и студент были включены в Табель о рангах, получали государственное содержание и чины и в этом качестве являлись частью бюро-

⁶²⁷ Вишленкова Е.А., Галиуллина Р.Х., Ильина К.А. Русские профессора: университетская корпоративность или профессиональная солидарность. М.: Новое лит. обозрение, 2012; Костина Т.В. Мир университетского профессора Казани. 1804–1863. Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2007.

кратической системы, со свойственными ей отношениями⁶²⁸. Стипендиаты, получавшие государственное содержание, были и материально зависимы, и не могли уклониться от прохождения учебного курса.

Национальная специфика университета в России заключалась в том, что связи и отношения профессорской корпорации и студенчества жестко фиксировались нормативными документами⁶²⁹. За студентом дореформенного университета не признавалось право выбора преподавателя, сроков обучения, тех или иных курсов лекций, формы занятий, тогда как в немецких университетах того времени не было внешнего принуждения к слушанию лекций и была достаточная свобода выбора траектории обучения. Как писал Ф. Паульсен, «немецкий студент, по крайней мере, не обязан слушать преподавателя, который ему не нравится; в том же университете обыкновенно есть другой представитель той же науки, если же такового нет, то он в другом университете ищет преподавателя, который бы его более удовлетворял»⁶³⁰.

В российских же университетах академическая конкуренция, основанная на принципе свободы преподавания и обучения, сложилась только в конце XIX в. с распространением приват-доцентских курсов, и только в 1906 г. была узаконена предметная система обучения, предполагавшая свободу выбора списка изучаемых предметов, порядка их слушания и сдачи, за исключением обязательных курсов. А в первой половине XIX в. возможность перехода из одного университета в другой хоть и существовала, но была трудноосуществима из-за малочисленности университетов, больших расстояний между ними, различия в программах преподавания и материальных обстоятельств, часто диктующих студенту выбор места

⁶²⁸ Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. *Terra Universitatis*... С. 194.

⁶²⁹ О национальной специфике российских университетов и европейских традициях в университетской культуре см.: Уваров П.Ю. Университеты Российской империи глазами медиевиста (в защиту «идола истоков») // *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории*. Вып. 7. М., 2001. С. 207–223.

⁶³⁰ Паульсен Ф. *Немецкие университеты и их историческое развитие*. М., 1898. С. 75.

проживания. Институт доцентов, читающих вспомогательные курсы, в российских университетах сложился только по уставу 1863 г. До этого времени профессора приглашались согласно штату на конкретные кафедры, и, следовательно, курсы их лекций тематически не перекрывали друг друга⁶³¹. Нельзя было компенсировать недостатки основного курса несколькими неосновными из-за малочисленности последних. Так что проблема неудовлетворенности студентов лекциями отдельных профессоров и отсутствия альтернативы существовала довольно долго. Повседневная жизнь студенческой корпорации Петербургского университета первой половины XIX в. обнаруживает различные формы студенческого сопротивления академической несвободе, интеллектуальному принуждению.

В Московском университете XVIII в. студент мог просто не посещать не нравившийся ему курс и тогда он не заносился в аттестат как прослушавший этот курс. В Петербургском университете 1810–1820-х гг. при абсолютном преобладании казеннокоштных студентов слушание лекций было обязательным. Не изменилась существенно обстановка и в 1830-х гг. Рассказы об университетской повседневности обнаруживают различные виды уклонения студентов от своей обязанности слушать лекции. Так, например, студенты Казанского университета использовали вражду двух профессоров, провоцируя их на выяснение отношений между собой во время занятий в аудитории, что приводило к срыву лекции нелюбимого профессора. Студенты словесного отделения Московского университета просили более опытных в греческом языке товарищей «заговорить» профессора античности С.М. Ивашковского, чтобы отвлечь его и сократить время лекции. С увеличением числа студентов, развитием у большей части молодых людей научных интересов подобные ребяческие выходки уходят в прошлое.

⁶³¹ О профессорах Петербургского университета см.: *Танклер Х.А.* Научно-педагогическая деятельность преподавателей Петербургского университета в первой половине XIX в. // *Очерки по истории Ленинградского университета.* Т. VI. Л., 1990. С. 136–158.

Несмотря на строгий инспекторский надзор, некоторые студенты все же решались не посещать лекции нелюбимых профессоров, которые «нагоняли скуку и сон своей монотонностью, сухостью и бездарностью, или же возбуждали смех своей комичной безталантливостью»⁶³². Как правило, такие профессора принадлежали к числу «отсталых от своей науки», по выражению министра С.С. Уварова, относились к своему делу с полным равнодушием и видели в нем не более чем источник доходов. Студент Петербургского университета 1850-х гг. В.М. Сорокин вспоминал, что несколько юридических предметов им читал профессор (мемуарист не упоминает его фамилии), бравшийся за все без разбора, лишь бы ему платили за лекции. Он утомлял студентов своей монотонной диктовкой, за что получил прозвище «читальщик». В один прекрасный день студенты обратились к профессору с просьбой читать поживее, на что тот с невозмутимым спокойствием ответил: «Прибавьте мне жалования, я и буду читать поживее»⁶³³. Видя столь циничное отношение профессора к своим слушателям, студенты перестали посещать его лекции. Практика непосещения студентами лекций была настолько распространена, что в 1839 г. Совет Петербургского университета был вынужден распорядиться о внушении студентам, что они обязаны посещать лекции и иметь должное уважение к профессорам⁶³⁴.

В повседневность студенческой жизни постепенно входят аплодисменты как один из способов выражения своего отношения к лектору. Причем в одних случаях они могли свидетельствовать о любви и благодарности за интересную лекцию, в других, напротив, – о неудовлетворенности качеством лекции и неуважении к лектору, которого «захлопывали», не давая ему говорить. Способом выражения недовольства было шарканье ногами, свист и шиканье. Одобрительные аплодис-

⁶³² Сорокин В.М. Воспоминания старого студента // РС. 1888. Т. 60. № 12. С. 627.

⁶³³ Там же. С. 628.

⁶³⁴ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 2. Д. 251: О подтверждении, что студентам положено посещать университетские лекции и иметь должное уважение к профессорам. 1839.

менты вошли в обычай с началом публичных лекций в университетах и ростом числа их посещающих. Московских профессоров С.П. Шевырева и Т.Н. Грановского публика встречала и провожала рукоплесканиями, аплодисментами награждали петербургского историка М.С. Куторгу и молодого Н.И. Костомарова. Но некоторые профессора были вынуждены уходить из аудитории, не имея возможности продолжать свои лекции из-за недовольного свиста и шума.

Свидетельства о проявлении признательности профессору со стороны его слушателей в форме аплодисментов доводились до сведения полиции, поскольку эта форма отношений находилась за рамками дозволенного. Так, в 1834 г. начальник III отделения А.Х. Бенкендорф, узнав об оvationах, случившихся на лекции профессора Московского университета И.И. Давыдова, писал министру народного просвещения К.А. Ливену: «Дозволение одобрять профессора рукоплесканиями может вести к заключению, что в случае неудовольствия студенты имеют право и освистывать своих наставников, каковое действие конечно ни в каком случае не могло бы быть терпимо и подало бы повод к крайнему беспорядку»⁶³⁵. При разборе этого дела попечитель С.Г. Строганов пытался оградить студентов от каких-либо мер наказания и отвечал, что на лекции, кроме студентов, находились многие посторонние известные особы, которые также участвовали в рукоплескании, и это действие было «общее всех слушателей и не имело начала от какого-либо особенного лица». Профессор И.И. Давыдов, однако, решив продемонстрировать лояльность, обратился к студентам с письмом, в котором призывал их к исполнению предначертанных для них правил и обязанностей. «Не рукоплескание, а успехи в предстоящем деле да будут красноречивейшим свидетельством важных наших стараний. В этом заключается и все мое настоящее и все ваше будущее»⁶³⁶, – писал профессор.

⁶³⁵ РГИА. Ф. 735. Оп. 1. Д. 494: По отношению ген.-ад. Бенкендорфа от 24 декабря 1831 г. к министру.

⁶³⁶ РГИА. Ф. 735. Оп. 1. Д. 404: О беспорядках на лекции профессора Давыдова. 1831. Л. 15.

Правительство не признавало права студентов публично изъявлять профессорам знаки своего одобрения (посредством рукоплескания) или порицания (шikanьем, свистом, выходом из аудиторий и т. п.)⁶³⁷. За такое поведение полагалось исключение из университета вне зависимости от числа участников акции и степени их виновности. Профессорам же предписывалось, «не увлекаясь суетным исканием популярности между студентами, добросовестно исполнять долг свой, и нравственным влиянием на своих слушателей направлять умы их к истинной цели просвещения»⁶³⁸. Проявление благодарности и признательности профессору со стороны студента могло быть выражено лишь «почтительным и скромным образом», под чем подразумевалось внимание, успехи и прилежание.

Мемуаристы свидетельствуют, что в практиках университетской жизни первой половины XIX в. не было проявлений коллективного недовольства тем или иным профессором. «По-нынешнему, иные были бы сейчас же “бойкотированы”, так они плохо читали; мы просто не ходили на их лекции, но шикать, или посылать депутации, или требовать, чтобы они перестали читать, это никому в голову не приходило!» – писал П.Д. Боборыкин⁶³⁹. Тем не менее архивные материалы говорят о том, что единичные случаи коллективных действий студентов против неудобных профессоров имели место уже в 1840-х – начале 1850-х годов.

Подача адресов и прошений за несколькими подписями, выставление перед администрацией каких бы то ни было заявлений от имени студентов, все что прямо или косвенно носило характер коллективных действий, расценивалось университетским начальством и правительством как проявление неповиновения, а участники этих акций приравнивались к заговорщикам⁶⁴⁰. Так, например, все студенты Харьковского университета, подав-

⁶³⁷ Костина Т.В. Мир университетского профессора Казани... С. 109.

⁶³⁸ Там же.

⁶³⁹ Боборыкин П.Д. За полвека. Мои воспоминания. М.; Л. 1929. С. 109.

⁶⁴⁰ О подаче студенческих адресов и прошений см.: РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 996; Ф. 735. Оп. 2. Д. 310.

шие в 1834 г. прошение с обвинением ординатора клиники В.Х. Клингера в незнании преподаваемого предмета и неправильном лечении, были подвергнуты разного рода наказаниям⁶⁴¹.

Представление студентов о границах своей свободы не всегда укладывалось в рамки ведомственной или внутриуниверситетской регламентации. Самолюбие студентов, будучи уязвлено кем-либо из профессоров или даже университетской администрацией, провоцировало взрыв возмущения, находивший сочувствие у основной массы их товарищей и было основанием к выступлениям. Оскорбление, нанесенное профессором одному из студентов, могло стать причиной коллективного выступления в защиту товарища, которая расценивалась как защита прав студенческой корпорации в целом. Так, выступление против профессора филологии Дерптского университета Л. Преллера, в котором участвовали не только студенты, посещающие его лекции, но и слушатели других факультетов, было вызвано замечанием профессора в адрес одного из студентов о том, что непозволительно отвечать, облокотясь на руку. В ходе разбирательства шесть студентов были исключены из университета, все остальные, участвовавшие в беспорядках, посажены в карцер и лишены пособия⁶⁴². Подобные выступления по столь мелкому, казалось бы, поводу понятны в контексте истории Дерптского университета, студенты которого представляли собой сплоченное и многочисленное сообщество с развитым чувством корпоративной солидарности.

Когда же во второй половине 1850-х гг. в русских университетах сформировались студенческая корпоративность и чувство общности студентов, и в то же время ослабел режим надзора и регламентации, по всем университетам прокатилась волна организованных отказов студентов от слушания лекций профессоров. Студенты стали в резкой форме требовать признания

⁶⁴¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 963: О привлечении к ответственности студентов университета за поданное медицинским факультетом прошение. 1834.

⁶⁴² РГИА. Ф. 735. Оп. 2. Д. 277: О неприличном поступке на лекции профессора Преллера. 1841.

своего права определять пригодность того или иного профессора к преподаванию. В конце 1850-х гг. студенты Казанского университета вынудили покинуть университет профессоров, лекции которых их категорически не удовлетворяли. Это были профессора физиологии В.Ф. Берви, всеобщей истории В.М. Ведров, греческой литературы Р.А. Шарбе, римской словесности Ф.А. Струве⁶⁴³. Готовилась демонстрация против профессора физики И.А. Больцани⁶⁴⁴. Усиление влияния студентов на ход преподавания и изменения в отношениях с профессурой наблюдались и в других городах. Студент Харьковского университета Н.А. Шрамченко вспоминал о профессоре анатомии: «Характера Венидиктов был вспыльчивого и не особенно вежливо обращался со студентами, так что однажды дело дошло до того, что после лекции по анатомии ... студенты окружили шумною толпою Венидиктова и сделали ему выговор за невежливое обращение со студентами. Венидиктов растерялся, снял шляпу и извинился. Но зато на экзаменах отомстил студентам ...»⁶⁴⁵.

В Петербургском университете подобных выступлений было немного. Причиной этого являлось, во-первых, столичное положение университета, близость Министерства народного просвещения и, соответственно, строгость надзора, а также более сильный, по сравнению с провинциальными университетами, состав профессоров. Отношение студентов Петербургского университета к своим профессорам было в целом лояльным.

Выражение недовольства студентов столичного университета своим преподавателем, известное как «дело Шакеева»⁶⁴⁶, было вызвано скорее всеобщей любовью и уважением к его предшественнику профессору всеобщей истории М.С. Куторге, нежели неприязнью к А.В. Шакееву. По свидетельству мемуариста, студенты, узнав, что ректор И.П. Шульгин хочет

⁶⁴³ Казанский университет. 1804–1979. Очерки истории. Казань, 1979. С. 22.

⁶⁴⁴ ПФА РАН. Ф. 22. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 1 об.

⁶⁴⁵ Шрамченко Н.А. Мои воспоминания // Харківський університет ХІХ – початку ХХ століття у спогадах його професорів та вихованців. Харків, 2008. Т. 1. С. 173–174.

⁶⁴⁶ Виттекер Ц.Х. Граф Сергей Семенович Уваров ... С. 201.

заменить М.С. Куторгу своим протеже А.В. Шакеевым, явились на вступительную лекцию последнего и освистали его⁶⁴⁷. На следующих лекциях в ход пошло пассивное сопротивление. Зато, когда вернулся М.С. Куторга, его встретили восторженными аплодисментами, а после лекции вынесли из аудитории на руках.

Такие демонстрации любви и недовольства, а также согласованное непосещение студентами лекций были средством противостояния бюрократической регламентации учебной повседневности, попыткой студенческого сообщества доступным способом влиять на лекционную практику.

Личные взаимосвязи профессора и студента играли в первой половине XIX в. огромную роль, являясь важной составляющей учебного процесса. Любимых профессоров студенты боготворили. В Дерптском университете, весь строй жизни которого был проникнут духом средневекового немецкого университета, среди студентов был распространен обычай кричать торжественно «виват» профессорам, оставляющим университет и заслужившим любовь студентов. Поэт Н.М. Языков в письме к брату 6 мая 1823 г. писал о прощании студентов с профессором Эртманом: «Вечером команда студентов в черных фраках при многочисленных факелах, при музыке строем шла по городу к дому профессора, чтобы засвидетельствовать ему благодарность и печаль об его удалении. Профессор вышел на крыльцо, сказал краткую речь и повел к себе послов для питья шампанского, между тем гремела музыка и раздавалось громкое “виват”»⁶⁴⁸.

Профессора, в свою очередь, нередко принимали участие в судьбе воспитанников, оказывая им посильную помощь. Так, один из мемуаристов писал о том, что П.А. Плетнев был «доступен во всякую пору студентам, желавшим получить от него совет или какое-либо содействие»⁶⁴⁹. Не случайно в фонде П.А. Плет-

⁶⁴⁷ Чумиков А.А. Петербургский университет полвека назад: Воспоминания бывшего студента... С. 140.

⁶⁴⁸ Письма Н.М. Языкова к родным (1822–1829). СПб., 1913. С. 70.

⁶⁴⁹ Фортунатов Ф.Н. Воспоминания... С. 23.

нева среди его многочисленной переписки сохранились письма студентов, свидетельствующие о помощи профессора в разного рода студенческих делах⁶⁵⁰. В ректорском флигеле П.А. Плетнев регулярно устраивал литературные вечера, в которых участвовали и молодые литераторы. Эти встречи приобрели со временем характер регулярного неформального общения. Университетские многолюдные «среды» П.А. Плетнева приобрели, по мнению исследователей, черты «салона», а не «вечеров», для которых характерна профессиональная направленность⁶⁵¹.

Праздники, отмечаемые совместно, также сближали сообщество студентов и профессорскую коллегия. В. Лебедев, бывший студентом Казанского университета в середине 1850-х гг., вспоминал о праздничных визитах к своим наставникам: «В Новый год и первый день Пасхи некоторые из нас расписывались у ректора в сенях его квартиры и у инспектора, на поздравительном листе. Некоторые поздравляли также любимых профессоров»⁶⁵².

Говоря об отношениях российской профессуры и студенчества, необходимо учитывать особое значение индивидуального начала, так как, несмотря на единую общественную функцию и юридически установленные права и обязанности, объединявшие профессоров в особое «ученое сословие», внутри него всегда существовали совершенно разные типы личностей и ученых. Лучших из них отличала любовь к науке и своим ученикам, другие заботились лишь об извлечении из своей должности материального дохода. Это, несомненно, влияло на отношение профессора к студентам и студентов к профессору. В мемуарах универсантов можно встретить точные характеристики и тех и других типов, поскольку, как отмечал М.А. Дмитриев, «сту-

⁶⁵⁰ См.: РО ИРЛИ. Ф.234. Оп. 3. Д. 353: Письмо к Плетневу П.А. Кудринского Ивана (студента). 1860.

⁶⁵¹ Шубин В.Ф. Вечера Плетнева в Ректорском флигеле // Очерки по истории Ленинградского университета. Т. V. Л., 1984. С. 88.

⁶⁵² Лебедев В. Учебные воспоминания. Казанский университет на рубеже второго пятидесятилетия своей жизни // РС. 1908. Т. 138. С. 254.

денты, несмотря на молодость и неопытность в науке, бывают всегда самыми верными и беспристрастными ценителями и знаний, и достоинств профессоров»⁶⁵³.

Основываясь на мемуарных свидетельствах, можно заметить, что студенты оценивали не только профессиональный уровень членов «ученого сословия», но и их внешний облик, четко подмечая черты характера того или иного профессора, иногда иронизировали над ними более или менее добродушно. От студентов не ускользала ни одна деталь. Так, по их наблюдениям, профессор П.А. Плетнев имел обыкновение приносить с собой на лекцию какую-то черную трость, которая, как уверяли, досталась ему на память от Пушкина⁶⁵⁴. А профессор всеобщей истории М.И. Касторский, коренастый старик с маленькими глазками, бегавшими во все стороны, непременно ходил с порыжевшим от старости портфелем, который студенты называли «чемоданом истории», поскольку «все, что ни говорил Касторский на своих лекциях, целиком было извлечено им из своего портфеля и ничего нового прибавить профессор был решительно не в состоянии»⁶⁵⁵.

В первые десятилетия XIX в. в университетской среде вырабатываются особые академические нормы и профессиональная этика, обеспечивающие единство и одновременно обособленность университетской корпорации. Как мундир и бюрократический стиль для чиновника, университетского человека в России отличали особенные нормы речевого поведения и просвещенная риторика. В XVIII и первой четверти XIX в. люди университета использовали их для того, чтобы вписаться в рамки «семейного стиля» и одновременно образа поведения «просвещенного» человека. При этом было распространено обращение к студентам и служащим университета на «ты». Как сообщал студент Московского университета С.П. Полуденский,

⁶⁵³ Дмитриев М.А. Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998. С. 123.

⁶⁵⁴ Соловьев И.М. Русские университеты в их уставах и воспоминаниях современников. Вып. 1. СПб., 1914. С. 143.

⁶⁵⁵ Сорокин В.М. Воспоминания старого студента. С. 627.

обучавшийся во второй половине 80-х – начале 90-х гг. XVIII в.: «В бытность... в университете, студентам и ученикам профессора говорили «ты», и в то время в этом никто ничего обидного не находил»⁶⁵⁶. Это воспоминание подкрепляется и другим свидетельством, московского студента Третьякова, который писал о Х.А. Чеботареве: «Всем известно было, что новый ректор отличался примерною честностию, простотою, добродушием, обходился со всеми по-дружески, говорил каждому ты»⁶⁵⁷. Благодаря такой манере поведения, ассоциирующейся с привычками влиятельных сановников, несмотря на явное небрежение в одежде, Чеботарев внушал студентам уважение. И.М. Снегирев отмечал: «Никто при виде Харитона Андреевича не смел улыбнуться, а тем паче засмеяться и зашикать. Так уважали его»⁶⁵⁸. Профессора в это время относились к студентам как к ученикам и воспитуемым, обыкновенно говорили им «ты» и, по свидетельству одного из мемуаристов, переходили на «вы» лишь с теми, на кого сердились. Студенты, в свою очередь, учтивости от профессоров не требовали⁶⁵⁹.

Формулы обращений студентов к своим наставникам, а также преподавателей к студентам отражали меняющийся характер отношений между ними. Рассматривая студентов как пассивный компонент учебного процесса, этикет университетской жизни предписывал им быть лишь молчаливыми участниками действия. Поэтому в качестве жеста приветствия и прощания использовалось нейтральное вставание слушателей. Идеалом «овладения» аудиторией считалась тишина в учебном помещении, где мог звучать только один голос – голос лектора⁶⁶⁰.

Позже, к 1830-м гг., произошло изменение в способах общения. В эти годы большим уважением студентов пользовались те профессора, которые могли пренебречь сложившимися

⁶⁵⁶ Полуденский С.П. Заметки о старом Московском университете // Москвитянин. 1853. Т. 6. Декабрь. Кн. 1. Исторические материалы. С. 20.

⁶⁵⁷ Третьяков М.П. Императорский Московский университет в 1799–1830 гг. // РС. 1892. Т. 75. С. 120.

⁶⁵⁸ Цит. по: Андреев А.Ю. 1812 год в истории Московского университета. М., 1998. С. 8.

⁶⁵⁹ Свербеев Д.Н. Из воспоминаний... С. 66.

⁶⁶⁰ Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. Terra Universitatis... С. 432.

формальностями и сократить дистанцию между собой и слушателями. Студент Харьковского университета 1820-х гг. А. Ничпаевский вспоминал: «Манера чтения у Сухомлинова тоже была особенная: он никогда не садился на кафедру; у него не было ни книги, ни тетрадки, а обыкновенно он ходил по зале, заложив руки в карманы, иногда останавливался перед самою скамьею, облакачивался на нее; вел себя как дома или как в обществе своих знакомых»⁶⁶¹.

Если для преподавателей манера обращения к ним студентов являлась выражением уважения и благодарности, то формулы приветствия лектором воспитанников имели еще и глубоко символический смысл. Как правило, профессор входил в аудиторию, закрывал за собой дверь, несколько секунд молчал, осматривая сидящих, а затем в полной тишине произносил: «Господа!» или «Милостивые государи!»⁶⁶². Студенты гордились таким обращением. В 1830–1840-х гг. возросший авторитет профессуры уже не требовал подчеркнуто уничижительного отношения к студентам. Напротив, в практику вошло уважительно-корректное отношение к ним. Это отчетливо проявилось с появлением в университетах нового типа профессоров, профессоров-просветителей⁶⁶³, среди которых яркими фигурами были Т.Н. Грановский⁶⁶⁴, В.С. Порошин, В.А. Милютин и др.

Студенты презирали профессора, который мог позволить себе грубое обращение, и иногда коллективно бойкотировали лекции такого преподавателя. В этом смысле показательна история с организованным бойкотом лекций московского профессора права М.Я. Малова, обстоятельства которой подробно описывает А.И. Герцен в «Былом и думах»⁶⁶⁵. Нам не удалось обнаружить данных о подобных конфликтах в Пе-

⁶⁶¹ Ничпаевский А. Воспоминания о Харьковском университете, 1823–1829 годы // Харківський університет ХІХ – початку ХХ століття у спогадах його професорів та вихованців. Харків, 2008. Т. 1. С. 64.

⁶⁶² Янишевский Э.П. Из воспоминаний старого казанского студента. Казань, 1893. С. 23.

⁶⁶³ Эймонтова Р.Г. Россия на грани двух эпох... С. 94.

⁶⁶⁴ Левандовский А.А. Время Грановского: У истоков формирования русской интеллигенции. М., 1990.

⁶⁶⁵ Герцен А.И. Московский университет <Глава из романа «Былое и думы»> // Московский университет... С. 115–143.

тербургском университете, скорее всего, они были, но имели более сглаженный характер. Но А.В. Никитенко-студент упоминает в дневнике 1826 г., что его товарищей уже тогда возмущало высокомерие и грубость ориенталиста О.И. Сенковского. Профессору в дневнике студента дана характеристика: «Отличный ориенталист, но, должно быть, плохой человек»⁶⁶⁶. Недовольство студентов, однако, не приводило к обструкции лекций Сенковского, поскольку такое коллективное действие никому еще не приходило в голову.

Причиной возмущения студентов стала грубость Сенковского по отношению к студенту, пропустившему его лекции. Он сказал студенту: «Я сделаю то, что вас будут драть розгами: объявите это всем вашим товарищам. Не говорите мне об уставе – я ваш устав»⁶⁶⁷. По просьбе своих однокурсников студент А.В. Никитенко, уже служивший к тому времени в качестве секретаря попечителя учебного округа К.М. Бороздина, обратился к попечителю с жалобой на непристойное поведение О.И. Сенковского, и к жалобе, донесенной таким неформальным способом, просвещенный Бороздин отнесся внимательно. После его вмешательства О.И. Сенковскому был объявлен выговор от имени ректора, что было исключением из обычной практики разрешения конфликтов профессоров со студентами. Отсутствие других примеров студенческих обструкций в столичном университете, кроме упомянутого «дела Шакеева» 1839 г.⁶⁶⁸, можно связать как с более жестким инспекторским надзором над студентами, так и с тем, что преподавательский состав С.-Петербургского университета отличался большим профессионализмом, а многие его представители, пройдя стажировку в зарубежных университетах, переняли и академические нормы общения с учащимися, принятые в пространстве «свободного обучения».

⁶⁶⁶ Никитенко А.В. Дневник... Т. 1. С. 37

⁶⁶⁷ Там же. С. 38

⁶⁶⁸ Об А.В. Шакееве и его службе в С.-Петербургском университете см.: [Электронный ресурс] URL: <http://bioslovhist.spbu.ru/person/1442-shakeyev-aleksandr-venediktovich.html>. Дата обращения 30 мая 2018 г.

Студенты остро реагировали на нарушение сложившихся норм социального взаимодействия не только со стороны профессора, но и со стороны администрации. Типичное дело такого рода: «О дошедших до императора слухах, будто студенты Петербургского университета намерены при экзамене освистать попечителя и даже коснуться его орденских знаков» (июнь 1848)⁶⁶⁹. До сведения императора дошла информация о том, что студенты, численностью около 300 человек намерены во время публичного экзамена освистать попечителя округа М.Н. Мусина-Пушкина и даже «коснуться его орденских знаков» в виде оскорбления действием. О расследовании этого дела и предотвращении студенческой демонстрации пойдет речь в последней главе. Как говорилось в секретном уведомлении III отделения, студенты имели намерение отомстить за товарища на публичном экзамене. Чтобы не допустить такого происшествия, экзамен был перенесен на более поздний срок. Вместе с тем министр С.С. Уваров сделал замечание попечителю, отличавшемуся иногда солдатской грубостью в обращении, что «следует умерять силу выражений употребляемых публично во всем, что относится к самолюбию или личной чести студентов»⁶⁷⁰. Это замечание Уварова важно как признание права студентов как сообщества на защиту коллективной чести и сделано оно было тогда, когда его собственный сын Алексей окончил курс университета вместе с несколькими представителями аристократических фамилий. Это не могло не изменить представления министра о «духе студенчества» и его социальном облике на более уважительные, что отразилось и в его попытке в том же 1848 г. последовательно защищать российские университеты от угрозы их закрытия под влиянием страха правительства перед революционным кризисом. Авторитарное же поведение попечителя М.Н. Мусина-Пушкина, его вспыльчивость нередко возмущали не только студентов, но и просвещенное общество столицы⁶⁷¹.

⁶⁶⁹ РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Д. 209: О дошедших до императора слухах, будто студенты Петербургского университета намерены при экзамене освистать попечителя. 1848.

⁶⁷⁰ Там же.

⁶⁷¹ Галиуллина Р.Х. М.Н. Мусин-Пушкин – попечитель Казанского и Петербургского учебных округов // Санкт-Петербургский университет в XVIII–XX вв.: европейские традиции и российский контекст... С. 98.

Нормы университетской этики предписывали студентам почтительное отношение к профессору. Любое проявление грубости или неуважения со стороны студента по отношению к профессору или просто в его присутствии расценивалось как неуважение и неповиновение. Однако в живом общении многое зависело от личности профессора и выстраиваемых им отношений с аудиторией.

Что касается отношений с администрацией, то они были более формализованы, т. е. студент имел право подавать в Правление университета личные прошения, касающиеся его отношения к процедурам обучения. Правление университета обязано было разбирать студенческие прошения. Постепенно, на протяжении рассматриваемого периода, студенты дистанцировались от профессорской корпорации и особенно от университетского начальства. Отстранение профессуры от воспитания учащихся и искусственный патернализм по отношению к взрослым людям способствовали зарождению протестных настроений в студенческой среде, как отмечают Е.А. Вишленкова и К.А. Ильина⁶⁷².

Ситуация, при которой отношения профессуры и студенчества все более последовательно определялись министерскими чиновниками, а свобода студентов при этом ограничивалась, на фоне роста их численности, самоорганизации и авторитета университетской науки, выглядела в начале 1860-х гг. уже откровенной архаикой. Конфликт студентов с администрацией по поводу ужесточения дисциплинарного надзора и запрещения студенческих касс, кружков и изданий осенью 1861 г. произошел в ситуации разобщения университетской корпорации. Во время так называемых университетских «беспорядков» 1861 г. профессура не смогла ни выступить посредником между студентами и администрацией МНП, ни поддержать справедливые требования студенчества. Государственные чиновники со своей стороны обвинили профессуру в попустительстве «беспорядкам».

⁶⁷² Вишленкова Е.А. «Воспроизводство себе подобных» в российских университетах... С. 50.

Так, министр народного просвещения в 1861 г. писал: «Студенты не могли встретить с послушанием новые правила, т. к. привыкли к безнаказанности при учении и безусловному самоуправству»⁶⁷³. Молодые, сочувствующие студентам профессора, в свою очередь, пытались дистанцироваться от государственных чиновников и курса на ужесточение надзора, связанного с именем нового министра Е.В. Путятина. Профессор К.Д. Кавелин в ответ на предложение попечителя выдавать новые матрикулы студентам без излишней огласки, в факультетских собраниях, писал: «Правила, заключающиеся в матрикулах, не есть те, которые представлены советом университета. Студентам это известно, а потому если профессора будут предлагать им правила, несогласные с их выраженными убеждениями, то могут потерять последний авторитет»⁶⁷⁴.

Таким образом, отношения профессора и студента в дореформенном университете имели свои особенности, определяемые подчиненностью нормам, регламентирующим академическую жизнь. Изменения принятых форм преподавания и речевого общения свидетельствовали как о трансформации социальных практик взаимодействия внутри университетского пространства, так и об изменении корпоративного сознания студентов и профессоров.

5.2. Студенческие корпорации и другие объединения

Студенчество, представлявшее собой группу учащейся молодежи, объединенную единым правовым статусом, сходными материально-бытовыми условиями жизни, характером типологически однородной повседневной деятельности (являющейся родом профессиональной)⁶⁷⁵ – учебой, в первой четверти XIX в. еще не представляло собой корпорации как

⁶⁷³ РГИА Ф. 733. Оп. 27. Д. 231: О закрытии Санкт-Петербургского университета. 1861. Л. 16.

⁶⁷⁴ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 2. Д. 597: По предложению г. попечителя о прекращении лекций. 1861. Л. 15.

⁶⁷⁵ Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX – начала XX века: Социально-историческая судьба...

сплоченного сообщества. Коллективная идентичность студенчества как социальной группы формировалась постепенно и отражалась в характере социального взаимодействия этой группы с другими сообществами и группами, в моделях поведения ее членов, диктуемых значимыми для университетского человека нормами, ритуалами и ценностями.

Исследователи истории университетов часто рассуждают об университетской корпорации как объединении, включающем всех людей, принадлежащих университету⁶⁷⁶. В связи с европейской университетской традицией, согласно которой средневековые университеты обладали автономностью и имели корпоративные привилегии⁶⁷⁷, принято говорить об особенностях корпоративного устройства российских университетов. Так, И.П. Кулакова, выявляя признаки корпоративности применительно к Московскому университету конца XVIII в., пишет о проявлениях уже в это время «корпоративного сознания» у людей, принадлежащих университету⁶⁷⁸. Исследователи истории университетов дореформенного периода доказывают, что уже во второй половине 1830-х гг. можно говорить о формировании профессорской корпорации как особого сословия ученых⁶⁷⁹ и даже отмечают возникновение особой корпоративной «профессорской культуры»⁶⁸⁰.

Применительно к студенчеству дореформенных университетов нельзя зафиксировать безусловных признаков корпоративного единства, прежде всего в силу того, что внутренняя стратификация студенчества (по происхождению, первоначальному образованию, условиям обучения, имущественному поло-

⁶⁷⁶ Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. *Terra Universitatis...*

⁶⁷⁷ См.: Кавелин К.Д. Устройство и управление немецких университетов. Собр. соч. Т. 3. СПб., 1899. С. 92–187.

⁶⁷⁸ Кулакова И.П. Университетское пространство и его обитатели ... С. 243.

⁶⁷⁹ Костина Т.В. Сословная идентичность профессоров Казанского университета в первой половине XIX в. // «Быть русским по духу и европейцем по образованию» ... С. 128–138.

⁶⁸⁰ Горин Д.Г. К вопросу о «профессорской культуре» России XIX – начала XX в. // Отечественная культура и историческая наука XVIII – XX веков. Сб. статей. Брянск, 1996. С. 42.

жению, о чем мы вели речь в предыдущих главах) не сглаживалась окончательно за годы совместного обучения. Не могла сложиться и общность интересов всех студентов, поскольку, в отличие от профессоров, далеко не все студенты считали науку сферой своей профессиональной реализации. Наоборот, большая часть студентов рассматривала университетский диплом как конечный и самоценный акт процесса обучения, необходимый для дальнейшей карьеры в государственной службе. Формы «коллективных действий» студентов до конца 1850-х гг., рассмотренные нами, также говорят о незрелости внутренних оснований для корпоративного объединения. Подобие его возникало стихийно, чаще при внешнем давлении, необходимости противостоять «конкурентным» социальным группам, внеуниверситетскому окружению.

Причины «отложенного» оформления студенческой корпорации в русских университетах, в том числе С.-Петербургском, обнаруживаются не только в несовершенстве правового регулирования ее развития, но и в том, что людям университета необходимо было время на преодоление национальных, сословных, интеллектуальных перегородок в собственной среде, для того чтобы ощутить себя единым целым, выработать неписанные нормы и особые практики академического поведения и взаимоотношений с внешней средой, выражающие тот «университетский стиль» жизни, который усваивается и воспроизводится следующими поколениями.

Социальные контакты учащихся первой четверти XIX в. определялись прежде всего средой их обитания и происхождением. Как правило, студент имел нескольких близких друзей, с которыми делил свой досуг. Казеннокоштные студенты, живущие в университетских номерах, отличались большей сплоченностью, чем своекоштные, но оставались замкнутой группой, мало контактируя с внеуниверситетской средой.

Архивные источники свидетельствуют о том, что нравы студенчества начала XIX в., которые отражались во внутриунивер-

ситетских отношениях, не были подчинены какому-либо кодексу и определенным нормам. Часто студенты игнорировали и внешнюю регламентацию их быта и воспроизводили в своих действиях грубые нравы «бурсы», т. е. духовной школы, где в то время процветали зубрежка, телесные наказания, унижения и физические ограничения. В протоколах Конференции Педагогического института неоднократно встречаются дела об избивании одного студента другим. Описание подобных ситуаций встречается и в рапортах инспекторов⁶⁸¹. С укоренением между студентами корпоративных (общеуниверситетских) ценностей и моделей поведения в сознании студентов начинают формироваться представления о чести и достоинстве «университетского человека», вырабатываются определенные нормы в отношениях как с профессорами, так и между собой. Обучавшийся в Петербургском университете в середине 1830-х гг. Е.А. Матисен вспоминал, что, несмотря на сохранявшиеся социальные барьеры, среди студенчества «некоторый дух равенства и общая научная цель, поддерживаемая прилежным посещением лекций, давали себя чувствовать, и вообще поведение между собой студентов было не лишено достоинства и равноправия»⁶⁸².

Обычные практики университетской жизни имели постоянную апелляцию к нормам поведения, приличным для просвещенного человека, притом готовящегося к государственной службе. Так, все профессора и студенты обязаны были носить особый мундир, выделяющий университетского человека из городского окружения. Не случайно одной из причин отмены студенческой формы в 1861 г. было названо то, что обязательное и постоянное ношение мундира предрасполагало к развитию и укреплению в среде студентов духа корпоративности⁶⁸³.

⁶⁸¹ ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 133: Жалоба студента Павлова на побои, нанесенные ему студентом Сахаровым. 1806; Ф. 13. Оп. 1. Д. 123: Отчет об инспектировании студентов проф. Резановым. 1806. Л. 24.

⁶⁸² Матисен Е.А. Воспоминания из дальних лет // Ленинградский университет... С. 26.

⁶⁸³ Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX – начала XX века: Социально-историческая судьба... С. 246.

Самоотождествление студента с университетской корпорацией и студенческим сообществом осуществлялось благодаря университетским ритуалам. Знаковые события жизни студента, такие как зачисление в университет, публичные экзамены, награждение шпагой и медалью за конкурсное сочинение (этот порядок был введен с 1837 г.), сопровождались особым ритуалом, свидетельствовавшим о единстве университетского сообщества. Помимо официально установленных церемоний в студенческой среде складывались и неформальные традиции. Интеграция новичка осуществлялась через посвящение, ритуалы «перехода», передачу закрытого для посторонних опыта от старших к младшим. Часть этих ритуалов, как, например, посвящение в студенты с вручением шпаги из рук ректора, были открытыми, другая часть (студенческие пирушки, кнейперейны или кнейпы, буршеншафты, дуэли, уличные шалости) представляла собой довольно сложный кодекс поведения, определяющий неписанные границы студенческой «вольности». Конфликты с инспекцией, которые должны были демонстрировать презрение к условностям и дисциплине, также включались в поведенческую модель студенческого «молодечества» и «разгула». Эта модель, безусловно, восходила к тому образу маскулинности, который был присущ закрытым мужским сообществам сословно-кастового типа, наиболее ярким выражением его были обычаи кадетских корпусов⁶⁸⁴ и элитарных лицеев. Однако, ощущая себя внутри академической традиции и иерархии, студенты дореформенного времени одновременно воспроизводили и усвоенные посредством культурного трансфера обычаи немецкого студенчества XVIII – начала XIX в.

Так, по обыкновению пирушки для оканчивающих университет, которые сопровождались обильными возлияниями, устраивались на средства студентов младших курсов. Вот описание одного из таких празднеств, оставленное студентом Пе-

⁶⁸⁴ См.: Аурова Н.Н. От кадета до генерала. Повседневная жизнь русского офицера в конце XVIII – первой половине XIX в. М.: Новый хронограф, 2010. С. 127–140.

тербургского университета Н.И. Иваницким: «Все студенты первых трех курсов сложились по 10 рублей, выбрали место на берегу озера, накупили вина и приготовили кутеж. Каждый должен был приезжать туда со своей трубкой и табаком. На празднике было всего человек до сорока: пили, ели, дурачились и прочее почти до утра»⁶⁸⁵. Традиция «отдыха на природе» была всегда популярна в Дерптском университете, студенты которого в летнее время устраивали общую пирушку за городом на средства вновь поступивших. Начальство университета в 1822 г. ввело, однако, ограничение на размер студенческого взноса на организацию таких праздников. По распоряжению ректора он не должен был превышать десяти рублей. Тем не менее нередко новички вносили более значительную сумму, составлявшую от 10 до 75 и даже до 150 рублей⁶⁸⁶. Среди студентов существовал устоявшийся обычай угощать друзей в день получения стипендии или денег из дома. С конца 1840-х гг. в среде казеннокоштных студентов Казанского университета установилась практика совместного пропивания «писарских денег», т. е. сумм, выдаваемых по третям года на перья и чернила⁶⁸⁷. Несмотря на то что данные ритуалы были неофициальными, именно они являлись проявлением студенческой корпоративности.

Культивирование общеуниверситетских ценностей предполагало следование определенным нравственным критериям и неписаным нормам поведения. В 1840-е гг. в студенческой среде формируются представления о корпоративной нравственности, о том, что прилично делать в среде «своих» и в среде «чужих». Мемуаристы пишут об особом «кодексе чести», который существовал в студенческой среде⁶⁸⁸. Поведение, не вписывающееся в рамки этого «кодекса», подвергалось коллективному осуждению. А.И. Артемьев в своем дневнике отражает весьма неординарный случай из жизни до-

⁶⁸⁵ Иваницкий Н.И. Автобиография // РА. 1909. Кн. 3. № 10. С. 148.

⁶⁸⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 56. Д. 326: О студенческих праздниках. 1822.

⁶⁸⁷ Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. Terra universitatis... С. 359.

⁶⁸⁸ Аксаков К.С. Воспоминание студентства 1832–1835 // Московский университет...; См. также: ОР РНБ. Ф. 37 (Артемьев А.И.). Д. 160. Л. 85.

реформенного университета. Речь идет о том, что попечитель Киевского учебного округа Н.Р. Ребиндер отдал на суд самих студентов поступок их товарища, который отказался помочь девушке, родившей от него ребенка. Студенты созвали митинг и решили обязать студента подпискою, чтобы он давал средства на воспитание своего ребенка; а после его отказа постановили подвергнуть его заключению в карцере. Н.Р. Ребиндер утвердил такой приговор. Правда, вскоре попечителя вызвали в столицу для объяснений⁶⁸⁹. Подобный исход университетской истории не означает, что представления о нравственности у студентов сильно расходились с официальными критериями поведения. Однако право судить о поступках и поведении учащихся было признано исключительной прерогативой университетского начальства.

Нельзя сказать, что с формированием корпоративного самосознания и ощущения общности студенческого сообщества конфликтные ситуации в студенческой среде сглаживались. Они повторялись, но способы их разрешения отличались от тех, которые были приняты в начале века. В случае ссоры студентов правила поведения предписывали доложить о происшедшем начальству с тем, чтобы к виновному («зачинщику» конфликта) были применены меры наказания. Доносительство в студенческой среде хоть и существовало, но считалось недостойным поступком, а ссоры, особенно между студентами дворянского происхождения, решались дуэлью, т. е. средством противозаконным, но одобряемым сообществом.

Свидетельством формирования корпоративного сознания универсанта является практика взаимопомощи и материальной поддержки друг друга, получившая распространение в 40–50-е гг. XIX в. Впервые в университетском делопроизводстве сведения о финансовой помощи «недостаточному» студенту со стороны более обеспеченных товарищей встречаются в 1837 г. Так, студент 3-го курса 2-го отделения философского факультета Павел

⁶⁸⁹ ОР РНБ Ф. 37 (Артемьев А.И.) Д. 160: Дневник (1 янв. – 31 мая 1857 г.) Л. 32.

Зиновьев добровольно пожертвовал сумму в 300 р., чтобы поступивший в университет «недостаточного состояния Василий Поллнер мог содержаться в числе своекоштных пансионеров университета и продолжать курс учения», что было расценено университетским начальством как «похвальный поступок»⁶⁹⁰. Финансовую помощь учащимся оказывали и бывшие студенты, тем самым сознательно поддерживая связь с *alma mater* и университетами младших поколений. Студент юридического факультета Павел Демидов, окончив университет, просил о принятии 3 тыс. рублей ежегодно для учреждения стипендии, чтобы, как писал он в прошении, оставаться для него (университета. – Т.Ж., К.К.) полезным по мере средств своих и сохранить таким образом связь, которую он ценит очень высоко⁶⁹¹. Примечательно, что в данном случае помощь не была персонифицирована и средства, переведенные Демидовым, распределялись по решению Совета и Правления университета.

Осознание необходимости морально-материальной помощи товарищам было свойственно всему студенческому сообществу. Если в 60-е гг. XIX в. эта идея реализовывалась в рамках землячеств, игравших, по мнению А.Е. Иванова, реальную роль в демократизации студенческого социума⁶⁹², то в 1840–1850-е гг. она реализовывалась через общеуниверситетские мероприятия, инициатором которых выступали сами учащиеся. Например, музыкальные занятия студентов Санкт-Петербургского университета, постепенно перерастая рамки кружка любителей, приобрели общественный характер, превратившись с 1842 г. в столь известные «Музыкальные упражнения студентов Санкт-Петербургского университета»⁶⁹³. Концерты были платными, и все собранные средства расходовались на вспомоществование беднейшим студентам.

⁶⁹⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 96: Отчет университета за 1837 год. Л. 29.

⁶⁹¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 27. Д. 164: О пожертвовании студента университета Павла Демидова 3 тыс. руб. сер. 1860. Л. 1об.

⁶⁹² Иванов А.Е. Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX века: опыт культурной и политической самореализации. М., 2004. С. 45.

⁶⁹³ Никольцева Г.Д., Шилов Л.А. Из истории музыкальной жизни Петербургского университета // Очерки по истории Санкт-Петербургского университета. Т. IV. Л., 1982. С. 110–135.

В конце 1850-х гг. идея материальной помощи студентам как членам той же социальной общности находит поддержку и у профессорской корпорации. Так, в 1859 г. студенты университета обратились к профессорам с просьбой оказать содействие к пополнению студенческой кассы открытием публичных курсов в зимнее время. Профессора А.В. Никитенко, И.Я. Горлов, В.С. Ценковский, М.М. Стасюлевич и Н.М. Благовещенский охотно согласились прочитать по несколько лекций в пользу «недостаточных» студентов⁶⁹⁴. Практика взаимопомощи, прежде всего возможность финансовой помощи одних студентов другим, становится более организованной и массовой, что, несомненно, являлось проявлением формирующегося корпоративного сознания студенчества.

В рассматриваемый период в столичном университете существовали различные студенческие кружки и объединения. Относительно благоприятная обстановка для возникновения студенческих кружков и сообществ продержалась до начала 1820-х гг. В это время, по крайней мере, существуют подобные объединения в Московском университете. Но после «разгрома» Петербургского университета Д.П. Руничем и сокращения численности студентов в 1822–1826 гг. о создании каких-либо студенческих объединений не могло быть и речи. Лишь к середине 1830-х гг. с увеличением численности студентов в столичном университете создаются предпосылки для появления разного рода кружков и обществ.

Однако в 1830-х гг. и особенно в конце 1840-х – первой половине 1850-х гг. официальное или полуофициальное существование студенческих научных и досуговых объединений становится чрезвычайно затруднительным. В результате потребность студентов в товарищеском неофициальном общении на основе научно-философских, исторических, литературно-художественных и общественно-идейных интересов нашла выражение в полутайных домашних «кружках» универсантов,

⁶⁹⁴ ЖМНП. 1859. Ч. 103. Отд. 1. С. 73.

распространенных в конце 1820-х – первой половине 1830-х гг. Романтическая мода на конспирации и широкий резонанс дела декабристов придавали членам этих кружков репутацию «эпигонов декабристов» не только в глазах чрезмерно бдительной полиции, но и в глазах общества и позднейших историков. Большая часть этих молодежных сообществ существовала в стенах Московского университета, в летописях которого запечатлелись «Литературное общество 11 нумера» В. Г. Белинского и М. Б. Чистякова, товарищеские кружки Я. И. Костенецкого, Н.С. Селивановского, М.Ю. Лермонтова, А.И. Герцена – Н.П. Огарева, Н.В. Станкевича⁶⁹⁵.

В Петербургском университете уже в следующее десятилетие в центре внимания правительства оказались студенческие корпорации, созданные по примеру негласно существовавших корпораций Дерптского университета⁶⁹⁶. Традиции корпораций были заимствованы в 1830-х гг. через «мигрировавших» дерптских студентов. В начале 1835 г. студентам Дерптского университета, исключенным в 1833 г. за участие в студенческом обществе «Буршенштафт», было разрешено продолжить обучение в любом из российских университетов, кроме Дерптского⁶⁹⁷. В университетской мемуаристике встречаются предположения о том, что перемещение этих немецких и русских студентов из Дерпта в Петербургский университет и было одной из главных причин образования в 1836 г. корпораций в Санкт-Петербурге⁶⁹⁸.

В Петербургском университете в 1836–1837 гг. сложилось две корпорации: русская – Ruthenia, вдохновителем которой

⁶⁹⁵ Федосов И.А. Революционное движение в России во 2-й четверти XIX в. (Революционные организации и кружки). М., 1956; Насонкина Л.И. Московский университет после восстания декабристов. М., 1972; Дьяков В.А. Освободительное движение в России 1825–1861 гг. М., 1979; Бокова В.М. Эпоха тайных обществ. М., 2003.

⁶⁹⁶ История Тартуского университета. 1632–1982 / Под ред. проф. К. Сийливаска. Таллин, 1982. С. 77–83.

⁶⁹⁷ Friedman R. Masculinity, Autocracy, and the Russian university... P. 59.

⁶⁹⁸ Чумиков А.А. Студенческие корпорации в Петербургском университете в 1830–1840-х годах // РС. 1881. Т. 30. № 2. С. 379.

был поэт Н.М. Языков, учившийся в Дерпте семь лет, и немецкая – Baltika, которую возглавлял П. Прейс, исключенный из Дерптского университета за уличную демонстрацию. Корпорационные цвета, присвоенные знамени корпорации и фуражкам ее членов, были едва ли не единственными отличительными признаками этих двух студенческих объединений. Цвета «Рутении» были оранжевый, белый и черный, цвета «Балтики» – голубой, белый и золотой. Фасон фуражек членов «Рутении» был военный, с высокой тульей, у «Балтики» – с низкой, на манер дерптских. Цветные ленты нашивались на околыш фуражки, но надевать такой головной убор можно было только во время студенческих пирушек и неформальных сходок. Как отмечали мемуаристы, корпорации жили между собой в ладу⁶⁹⁹.

Корпорации по примеру тайных и полутайных обществ 1810–1820-х гг. большое значение придавали не только символическим, но и ритуалам, одним из которых было «принятие» новых членов. Важно отметить, что в корпорацию не принимали студентов-поляков, чтобы «не было повода к предположениям, что тут кроется что-либо политическое»⁷⁰⁰. Для принятия новых членов в корпорацию назначался в известный день конвент (сходка) на квартире одного из товарищей. Вот как описывает этот ритуал студент Петербургского университета И.Д. Белов: «В урочный час я был на месте, где собралось до 40 человек, которые курили, разговаривали и смеялись. Вдруг один из старших студентов прокричал: *silentium!* (“тихо”, лат. – обычное выражение для призвания к порядку) и пригласил всех садиться. После торжественных речей, посвящаемый залпом должен был выпить стакан вина, который подавал ему сеньор (глава корпорации). Затем всякий вновь поступивший в корпорацию подписывался в книге избранным им псевдонимом (на случай, если книга попадет в руки началь-

⁶⁹⁹ Чумиков А.А. Студенческие корпорации в Петербургском университете в 1830–1840-х годах // РС. 1881. Т. 30. № 2. С. 379.

⁷⁰⁰ РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Д. 175: О неправомерных собраниях между студентами С.-Петербургского университета. 1844 г. Л. 2.

ства) в том, что он свято будет исполнять все постановления комана, т. е. корпорационного устава, в который входили не только главные, существенные правила корпорации, но и мелкие правила относительно коммершей (больших праздников корпорации) и кнейпов (маленьких праздников, на которые сходились отдельными кружками, между тем как в коммершах участвовали все члены корпорации), правила дуэлей, бывших в ходу в то время между членами корпорации и носивших немецкое название шкандалов. Вводилось также пение немецких Burschenlieder (студенческих песен) вперемешку с русскими студенческими песнями Н.М. Языкова»⁷⁰¹. Таким образом, корпоранты устанавливали свои правила поведения и ритуалы, которые в некотором смысле являлись альтернативой норм, предписываемых студенчеству начальством.

Как в любом замкнутом сообществе, внутри корпораций соблюдалась строгая иерархия: студенты первого полугодия носили титул фуксов, т. е. лис, а старшие корпоранты назывались буршами. Студенты, не входившие в корпорацию, носили прозвище «диких». Как отмечают исследователи, оппозиция «свой–чужой» являлась для студенческого корпоративного сознания принципиальной, а соблюдение принципа субординации – одним из главных условий для корпорантов⁷⁰². Главная задача корпораций состояла в том, чтобы развить дух товарищества и солидарности между студентами, наблюдать, чтобы они не позволяли себе поступков, недостойных честных людей⁷⁰³. Литератор А.А. Чумиков, впоследствии профессор Николаевского сиротского института, в студенческие годы был членом «Рутении». В своих воспоминаниях он писал: «Жизненный опыт говорит, что молодой человек гораздо

⁷⁰¹ В европейских университетах застольные песни были частью молодежной субкультуры. См.: Кулакова И.П. Университетское пространство и его обитатели... С. 225–230.

⁷⁰² Митюрёв С.Н. «Раздолье Вакха и свободы...» (Буршество как тип поведения) // Школьный быт и фольклор. Сб. статей под ред. С.Н. Митюрёва, Ч. 1. Таллин, 1992. С. 191.

⁷⁰³ Белов И.Д. Университет и корпорации (отрывок из воспоминаний) // ИВ. 1880. Т. 1. № 4. С. 792.

охотнее подчиняется порядкам и дисциплине, установленным товарищеским кодексом, нежели полицейскому надзору начальства»⁷⁰⁴. Таким образом, университетские корпорации 1830–1840-х гг. преследовали не научные или политические цели, а цели общественные, которые сводились к объединению товарищей вокруг неформальных (игровых) предписаний и обрядов, уравнивавших и дополнявших формальные, которым студент подчинялся по принуждению. Впрочем, правила корпораций не шли вразрез с законом и официальным распорядком, а влияние этих неформальных объединений могло быть использовано администрацией, чтобы мобилизовать студентов, как это делалось в Дерптском университете. Влияние корпораций на университетскую повседневность нельзя недооценивать. Студент безупречного для начальства поведения мог быть подвергнут ostracismu и исключен из корпорации за поступок, несовместимый с понятиями братства, чести и солидарности (например, за донос, несдержанное слово или обман женщины).

Студент, совершивший недостойный поступок, подлежал суду чести (Ehregericht). За незначительный проступок, не ставящий под сомнение нравственные качества студента, провинившийся подвергался временному исключению из среды корпорантов, т. е. он оставался студентом, но товарищи не разговаривали с ним в продолжении некоторого времени, по истечении которого он снова принимался в корпорацию. За более серьезные проступки против нравственности виновный подвергался «вечной изоляции», т. е. до окончания курса никто из членов корпорации с ним не общался. В Дерптском университете решение студенческого суда чести имело огромное влияние на учащихся, сопоставимое с решениями администрации. Были студенты, которые на все время обучения оказывались изгнаны из корпорации и их положение без товарищеской поддержки и

⁷⁰⁴ Белов И.Д. Университет и корпорации... С. 792.

взаимопомощи было нелегким. Корпорации 1840-х гг., по крайней мере, в глазах следующих поколений студентов, были до того сильны, «что могли заставить студента покинуть университет. Стоило только обвинить его и поставить его под *фершюс* (бойкот. – Т.Ж., К.К.)»⁷⁰⁵. Фершюс за нечестный поступок, определенный конвентом, означал, что «никто из студентов не имел права ни кланяться ему, ни говорить с ним, ни протянуть ему руки, и до того это действовало, что студенты под фершюсом или оставляли университет, или решались на все, чтобы искупить совершенное бесчестие»⁷⁰⁶. Попасть под фершюс можно было и за отказ биться на дуэли.

Если студент оскорблял своего товарища словом или поступком, то он должен был драться с ним на дуэли. «С каким бывало интересом, – вспоминал И.Д. Белов, – услышишь, что такой-то такому-то послал дурака, что означало вызов на шкандал (поединок на шпагах. – Т.Ж., К.К.)»⁷⁰⁷. Для исполнения этого корпоративного ритуала студенты брали уроки фехтования. Фукс-ольдерман, т. е. старший из младших студентов, получив известие о шкандале, немедленно поручал одному из фуксов «озаботиться поездкой к оружейному мастеру, жившему в то время на Мещанской, для заказа отточенных клинков эспадронов»⁷⁰⁸. Шпага была элементом парадной униформы студента, но, видимо, для поединка клинки шпаг специально затачивались, так что риск получить рану был нешуточным. Поводы для дуэлей были и серьезные, и совершенно комичные. Так, однажды один из корпорантов, обнимая своего друга, самым задушевым голосом сказал: «Какая же ты свинья, Павлуша! Экая же ты дурачина!» Стоявший вблизи студент, услышав упомянутые выражения, счел их оскорбительными и потребовал собрать конвент. На сходке друзья доказывали, что они привыкли обращаться к друг другу без всяких церемоний и стеснений, и что

⁷⁰⁵ Тихонов И.А. Студенческие корпорации Санкт-Петербургского университета в описании графа А.А. Бобринского // Клио. Журнал для ученых. 2017. № 10 (130). С. 66–76.

⁷⁰⁶ Там же. С. 73.

⁷⁰⁷ Белов И.Д. Университет и корпорации... С. 792.

⁷⁰⁸ Там же. С. 793.

даться для них дело немыслимое. Однако шкандал все-таки состоялся. Получив небольшую царапину, Павлуша в припадке нежности назвал своего приятеля свинтусом⁷⁰⁹. Позже был принят запрет дуэлировать по столь ничтожному поводу как невежливое слово и даже пощечина. По окончании дуэли противники снимали защитные каски, сходились на границе между сторонами, определенной при начале поединка (*мензуры*) и обнимались в знак примирения.

Частым местом для поединков одно время служила гостеприимная квартира студента, проживавшего в доме, выходящем на Михайловскую площадь. Так как начальство совсем не сочувственно относилось к корпорациям, коммершам, конвентам, ко всему, что было связано с корпоративным устройством, то, как свидетельствует мемуарист, приходилось устраивать собрания и шкандалы в величайшей тайне. В подобных случаях «даже прислуга, из предосторожности, усылалась со двора, а на окна спускались шторы», – вспоминал А.А. Чумиков⁷¹⁰. Дуэли были строжайше запрещены университетским начальством, если о поединке становилось известно инспектору, то виновным грозило исключение, а в некоторых случаях и определение в солдаты. Не случайно в «Правилах для студентов», изданных в 1843 г., появляется статья, предписывающая студентам, живущим на частных квартирах, заниматься фехтованием только в специальных фехтовальных залах⁷¹¹.

На дуэлях у каждого противника было по секунданту; затем избирался особый посредник, который обязан был считать удары, наблюдать, чтобы шкандал соответствовал правилам мана. Дрались обыкновенно до первой крови, хотя в мемуаристике есть и детальное описание сценария «канонического» шкандала, количества и силы приемлемых ударов клинком, глубины допустимых ран, слишком подробное, чтобы быть прак-

⁷⁰⁹ Белов И.Д. Университет и корпорации ... С. 794.

⁷¹⁰ Чумиков А.А. Студенческие корпорации в Петербургском университете... С. 373.

⁷¹¹ Правила для студентов Императорского Санкт-Петербургского университета. СПб., 1843. С. 9.

тическим руководством к действию⁷¹². Вероятно, в каждом поединке случались экспромты и непредвиденные моменты, но можно предполагать, что большинство дуэлей студентов, как и вообще русских дуэлей, заканчивалось примирением на линии поединка еще до первых ударов.

Дуэли исполнялись буквально по немецкому уставу: на голову надевалась кожаная каска, на шею – волосяной галстук, на руки, до самого локтя, – перчатки, на живот – волосяной набрюшник. А.А. Чумиков отмечал, что «чаще шкандалы происходили между членами Балтики, потому ли, что у них правила комана соблюдались с большой строгостью, или по той причине, что немец, пропустив несколько стаканов пуншу (обыкновенный на коммершах напиток), вообще, делается задорнее, тогда как русский в подобном же состоянии становится добродушнее и снисходительнее»⁷¹³.

По окончании дуэли противники сходились и целовались в знак полного примирения и забвения прошлого. Начинался кнейп с обычными песнями и смехом. Совместные попойки призваны были прежде всего стать зримым воплощением идеи братства. «Собирались где-нибудь на Крестовском, говорили много вздора, курили непременно кнастер (до головокружения), а главное много пили, пили бруденшафт», – пишет Н.Ф. Оже де Ранкур⁷¹⁴. В целом, корпоративные правила не противоречили нормам повседневной жизни петербургского студенчества. Однако безоговорочное их соблюдение, внимание к ритуализированным формам досуга не находило поддержки у большинства студентов. А.Е. Иванов отмечает, что немецкие корпорации, по примеру которых были организованы корпорации в Петербурге, были институтом кастово-аристократическим, предназначенным для организации нескучного и

⁷¹² Тихонов И.А. Студенческие корпорации Санкт-Петербургского университета в описании графа А.А. Бобринского... С. 73.

⁷¹³ Белов И.Д. Университет и корпорации ... С. 794.

⁷¹⁴ Оже де Ранкур Н.Ф. В двух университетах ... С. 572.

благоустроенного досуга состоятельного немецкого студенчества из дворян⁷¹⁵. Не случайно появление студенческих корпораций в Петербургском университете исследователи связывают и с появлением среди студентов юношей аристократического происхождения⁷¹⁶.

Корпорации просуществовали в Петербургском университете менее десяти лет и во второй половине 1840-х гг., а тем более после событий 1848 г. и ужесточения надзора не могли быть терпимы. Объединение польских студентов, о котором говорилось в предыдущей главе, просуществовало дольше, но оно преследовало совсем другие цели: материальной взаимопомощи и поддержания культурно-национальной идентичности поляков в имперской столице, потому оказалось более жизнеспособным. Польская корпорация в университете возглавлялась выборным комитетом и имела «превосходную библиотеку и особую польскую кассу»⁷¹⁷. Во второй половине 1840-х гг., когда привлекательность и влияние «Балтики» и «Рутении» стало ослабевать, объединение студентов-поляков переживало период своего расцвета, поскольку в это время доля поляков в составе студентов была максимальной. Важной целью существования объединения поляков, именуемого *Ogół*, была материальная взаимопомощь, подобно более поздним студенческим землячествам 1860–1870-х гг.

Контакты студентов-поляков между собой облегчались тем, что польские стипендиаты жили в здании университета, а своекоштные студенты-поляки селились поблизости компактными группами, в Васильевской и Адмиралтейской части⁷¹⁸. Л.Ф. Пантелеев, учившийся в Петербургском университете уже в 1850-е гг., вспоминал, что «студенты-поляки держали себя совсем особняком от русских, никакого сближения не было; самое большое, что допускалось, – при встре-

⁷¹⁵ Иванов А.Е. Студенческая корпорация... С. 45.

⁷¹⁶ Аврус А.И. История российских университетов. Очерки. М., 2001. С. 15.

⁷¹⁷ Пантелеев Л.Ф. Воспоминания. М., 1958. С. 215.

⁷¹⁸ Марголис Ю.Д. Студенты-поляки Петербургского университета 40–60-х годов XIX в... С. 132–145.

чах на лекциях вежливый поклон»⁷¹⁹. Однако далее мемуарист пишет о своих прочных, дружественных связях с одним из признанных лидеров польской корпорации В.Ю. Хорошевским, «имевшим многочисленные знакомства между русскими студентами»⁷²⁰. Представители польского землячества держались подчеркнуто лояльно в отношении администрации, при этом были постоянными участниками литературных и музыкальных вечеров, которые устраивались ректором П.А. Плетневым и инспектором студентов А.И. Фицтумом фон Экштедтом. Развитая национальная идентичность студентов-поляков способствовала более раннему проявлению чувства общности и оформлению этой группы студентов в корпорацию, а более прагматические цели существования корпорации отвечали интересам всего сообщества.

Ускорило кризис корпоративной организации русских студентов то, что она, в отличие от национальной «немецкой» корпорации, не объединяла всех русских, да и не могла объединить. Большая часть русских студентов прекрасно чувствовала себя в университете и без корпоративных ритуалов и предписаний. Однажды, как свидетельствуют мемуаристы, студенты, не принадлежавшие к корпорации, выдвинули протест против нее из-за попытки корпорантов привлекать их к своему суду. Протестанты выбрали своих представителей и были допущены на конвент. Депутаты доказывали, что все немецкие обычаи не более чем игрушки, а дуэли – безобразие, с которым не может примириться ни один умственно развитый человек. Это привело к расколу внутри корпорации «Рутения», и в середине 1840-х гг. она распалась. Через несколько лет по окончании университета бывший корпорант И.Д. Белов писал, что, «отрезвившись от угара корпоративной жизни», он хорошо понял справедливость доводов упомянутых студентов-протестантов⁷²¹. Член петербургской судебной палаты Е.А. Матисен, окончив-

⁷¹⁹ Пантелеев А.Ф. Воспоминания ... С. 217.

⁷²⁰ Там же.

⁷²¹ Белов И.Д. Университет и корпорации... С. 780.

ший Петербургский университет в 1837 г., главной причиной распада корпорации считал тот факт, что в Петербурге молодежь не могла сплотиться так тесно, как в малых германских городах или в Дерпте, где студенчество играет первую роль⁷²². Действительно, число корпорантов в столичном университете было сравнительно невелико и едва ли достигало 1/3 части всех студентов.

Еще одна важная причина недолговечности и избирательного влияния корпораций в столичном университете заключалась в том, что у этих объединений, за исключением польского, отсутствовали общественные и тем более научные цели, которые бы отвечали растущим духовным запросам молодого поколения. Корпорации российских университетов переняли лишь внешнюю, ритуализированную сторону жизни корпораций немецких. Роль корпорации как представительного органа студенческого сообщества в 1830-1840-х гг. не могла быть воплощена в русском университете с его системой многоуровневого надзора и административными ограничениями внеучебной деятельности студентов.

Мемуаристы в своих воспоминаниях отмечали и положительные стороны корпоративной организации студенчества. П.Д. Боборыкин, учившийся в Казанском и Дерптском университетах, считал, что подражательный ритуал больше всего вредил русским «бурсакам». Тем не менее он отмечал и то, что корпоративный быт привил молодым людям привычку к товариществу, при котором нельзя сторониться друг друга. «Суть этого единения была уже пуста, сводилась к кутежу и “шалдашничанью” (то есть ничегонеделанью), – писал он не без сожаления, – но идея солидарности все-таки держалась»⁷²³. Самым горячим сторонником корпоративной организации был Н.И. Пирогов, также хорошо знакомый с дерптскими студенческими обычаями. В одном из своих сочинений он писал о том,

⁷²² Матисен Е.А. Воспоминания из дальних лет... С. 27.

⁷²³ Боборыкин П.Д. Воспоминания... С. 141.

что корпоративное устройство студенчества – важное дело в отношении «порядка и благочиния», там, где оно складывается естественно и исторически обусловлено. Учреждение корпораций в русских университетах по образу Дерптского ученый считал беспочвенной затеей, но рассчитывал, что когда-нибудь студенческая самодеятельность найдет адекватные формы проявления. «В Дерпте, как и в германских университетах, корпоративное дело есть дело традиционное. А у нас нет для него почвы. Но тем не менее, пока не придумают в наших университетах учредить тем или другим способом студенческого представительства, правильно организованного, пусть университетское начальство не рассчитывает на свое влияние и воздействие на учащуюся молодежь», – писал Н.И. Пирогов⁷²⁴. В качестве отрицательной черты корпораций русские студенты, учившиеся в Дерпте, отмечали беспрекословное следование корпорантов «Комману», своду правил и норм, берущих свое начало в ритуалах средневековых «цехов ученых».

Попытка переноса корпоративного устройства в Санкт-Петербургский университет не увенчалась успехом. Тем не менее появление этих студенческих организаций способствовало процессу объединения студенчества. Как отмечали современники, с появлением корпораций понятия товарищества и солидарности стали все более укореняться. Как легальные, так и полуконспиративные объединения учащейся молодежи были формой культурного досуга и способом общения друзей-единомышленников.

В то время как в Дерптском университете корпорации существовали более или менее гласно⁷²⁵, в русских университетах – студенческие объединения в глазах начальства представлялись недозволенными, а потому опасными «тайными обществами». При этом «мысль о том, что корпорация и ее собрания составляют запретный плод, ибо они пресле-

⁷²⁴ Цит. по: Сумцов Н.Ф. Столетие Юрьевского бывшего Дерптского университета. Харьков. 1903. С. 16.

⁷²⁵ Плотникова Л.Н. Студенческие корпорации в Дерптском университете в первой половине XIX в. Философский век. Альманах. Вып. 29. СПб., 2005. С. 44–56.

довались начальством, только подогрела к ней интерес», – признавал И.Д. Белов⁷²⁶.

Можно заметить, что в замкнутой студенческой среде в 1830–1840-х гг. еще существовали отголоски конспиративных традиций предшествующих десятилетий. Корпорации, приобретшие форму полулегальных организаций, переняли не только немецкие средневековые обычаи, но и определенные элементы конспирации, характерные для декабристских тайных обществ 1810–1820-х гг., например, такие как подчинение индивидуальности целям организации через систему клятв и иерархию ролей, «правила», уставы и символику⁷²⁷. Начальство университета и министр народного просвещения были обеспокоены существованием студенческих корпораций в столичном университете. Об этом свидетельствует секретная переписка между попечителем и министром народного просвещения. О существовании в столичном университете студенческих корпораций был осведомлен и император. Несмотря на признание того, что единственный вред таких сообществ состоял в самой таинственности их существования, император предписал министру народного просвещения С.С. Уварову решить это дело «домашним образом и без огласки»⁷²⁸, т. е. выяснить меру опасности корпораций и прекратить их деятельность, если они будут признаны вредными. Усилия ведомственного начальства стремились к тому, чтобы в конечном счете разбить любую студенческую организованность как заведомо опасную и превратить студентов в «отдельных посетителей университета», которые бы чувствовали полную прозрачность своей академической и внеучебной жизни⁷²⁹.

Запрет на существование неподконтрольных университетских сообществ и объединений перевел активность студентов

⁷²⁶ Белов И.Д. Университет и корпорации... С. 780.

⁷²⁷ Жуковская Т.Н. Правительство и общество при Александре I... Глава 3: Тайные общества 1810–1820-х годов как исторический феномен. С. 176–211. См. также: Косачевская Е.М. Декабристы и Петербургский университет // Петербургский университет и революционное движение в России. Л., 1979. С. 124–137.

⁷²⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 10. Д. 175: О недозволительных собраниях между студентами Санкт-Петербургского университета. 1844.

⁷²⁹ Иванов А.Е. Студенческая корпорация... С. 23.

в академическое русло. Расширилось участие студентов в научных кружках, появившихся в конце 40–50-х гг. XIX в. и соединявших науку и политику. По мнению, высказанному в литературе о социальном структурировании науки, под кружком в данном случае понимается группа лиц, собирающаяся вне официальных стен, связанная дружбой и общими постоянно дебатруемыми интеллектуальными интересами⁷³⁰.

Таким кружком, в котором активное участие принимала учащаяся молодежь, стал во второй половине 1840-х гг. кружок, сложившийся вокруг М.В. Буташевича-Петрашевского. Среди петрашевцев был 21 студент Петербургского университета, из числа привлекавшихся к следствию и суду. В это число исследователями включаются и вольнослушатели, и студенты, уже окончившие университет на момент ареста⁷³¹. Многие студенты-петрашевцы, и прежде всего сам М.В. Буташевич-Петрашевский, а также А.В. Ханьков, В.П. Катенев, В.А. Головинский и др. связывали оформление своих общественно-политических взглядов с воздействием университета. Именно здесь сформировались многие личные связи участников кружка. Благодаря личным знакомствам и связям к петрашевцам примыкало все большее число молодежи, симпатизировавшей идеям общества. Так, Майков сблизился с Петрашевским именно потому, что общество Петрашевского составляли «все юноши и знакомые»⁷³². Среди студентов-петрашевцев большая группа (Д.Д. Ахшарумов, П.И. Европеус, А.Н. Плещеев, А.Д. Толстов, А.В. Ханьков) были питомцами восточного отделения университета. Идейным вождем их был сам Буташевич-Петрашевский, деятельность которого была непосредственно связана с учебно-научными интересами этой группы молодежи⁷³³.

⁷³⁰ Александров Д.А. Методологические проблемы историко-научных исследований // Вопросы истории естествознания и техники. 1994. № 4. С. 7.

⁷³¹ Марголис Ю.Д. Петрашевцы – студенты Петербургского университета... С. 102.

⁷³² Там же. С. 103.

⁷³³ Там же. С. 102.

Молодежи были близки социалистические идеи фурьеристов, сен-симонистов, основная масса членов кружка придерживалась и антикрепостнических взглядов. Таким образом, определяющей в организации кружка была не корпоративная общность большинства его членов, а идейная. Как отмечал В.А. Дьяков, петрашевцы направляли свои пропагандистские усилия прежде всего на учащихся гимназий, военных училищ, университета⁷³⁴ и встречали поддержку, особенно среди студентов. Кроме того, члены кружка Петрашевского активно взаимодействовали с польскими «огулами» в Петербурге. Не случайно, современниками петрашевцы воспринимались главным образом как представители студенчества.

Университетское начальство не только пресекало существование студенческих организаций и участие студентов в каких-либо кружках и обществах, но и старалось не допустить корпоративной консолидации студенческого сообщества. Попытки любых коллективных действий студентов встречали противодействие со стороны инспекции, администрации и руководства МНП. Так, правительство было очень обеспокоено формировавшейся в 40-е гг. XIX в. практикой выражения лектору аплодисментами порицания или признательности со стороны слушателей, усматривая в этом проявление корпоративной организованности. В 1848 г. в связи с участвовавшими проявлениями недовольства студентов профессорами С.С. Уваров предостерегал от любых коллективных действий: «... Тут же рождается зло превыше всех прочих; тут возникает в студентах мысль, что они составляют отдельное сословие, – сословие имеющее свои виды, свой голос и даже свои права <... > эта вредная мечта, которая легко могла бы поселиться в умах неопытной и возбуждаемой молодежи, противоречит прямо коренному началу, коим мы обязаны непреклонно руководствоваться. В продолжении уни-

⁷³⁴ Дьяков В.А. Освободительное движение в России. 1825–1861 гг. М.: Мысль, 1979. С. 124.

верситетского учения, студенты *in corpore* не должны быть допускаемы ни к какому общему изъятию общей мысли»⁷³⁵, – писал министр. Таким образом, правительство стремилось препятствовать оформлению студенческой корпоративности, несогласной с задачами университета как государственного учреждения. Но остановить естественный процесс консолидации разрозненных групп студентов в суб-общество в каждом отдельном университете, ускорившийся в следующее десятилетие, было уже невозможно.

В 1858 г. произошли студенческие волнения в Харьковском университете, которые, как отмечается в секретной переписке, начались с «ничтожной истории», когда двое студентов за пьянство были высланы попечителем из университетского города под надзор родителей. Группа студентов Харьковского университета стала требовать немедленного их возвращения и удаления попечителя П.В. Зиновьева от должности. По мнению самого попечителя, волнения в университете были связаны «с возрождением духа корпорации», из-за сближения университетской администрации со студентами. Виновные были удалены из университета, а всем учащимся было сделано строгое наставление о необходимости соблюдения правил поведения. Университет посетил сам император Александр II и произнес речь о необходимости подчинения студентов не только полиции, но и своему начальству. По прошествии нескольких недель попечитель сообщал министру в секретном письме о том, что студенты, «видя, что глаза на них открыты с двух сторон, стали вести себя гораздо скромнее, и дух корпорации, который при ослаблении нашего надзора мог бы быстро развиться, теперь совершенно и, я надеюсь, окончательно расстроен»⁷³⁶. Таким образом, правительство кое-где успешно

⁷³⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 34. Д. 3: Предписание об установлении строгой дисциплины в университете, о систематической борьбе со стремлением студентов рассматривать себя как корпорацию, и о запрещении им выражать на лекциях одобрение профессорам аплодисментами. 1848. Л. 2.

⁷³⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 50 Д. 1052: Дело о волнениях студентов Харьковского университета. 1858. Л. 42–43.

пресекало массовые коллективные действия студентов, препятствуя процессу их объединения.

В то время контакты между студенческими сообществами разных университетов были затруднены, и если они все же возникали, то, можно предположить, что эти контакты были персонализированы и строились на основе личных знакомств. Университетское начальство следило за такими контактами и перепиской. В 1841 г. в руки полиции попало письмо студентов Киевского университета своим товарищам из других университетов. Министр народного просвещения С.С. Уваров предписал попечителю Киевского учебного округа вникнуть в дело «без малейшей огласки, обратив внимание на то, что письму дан вид адреса от студентов всего университета»⁷³⁷. В ходе расследования выяснилось, что трое студентов Киевского университета, будучи наслышаны о свободной жизни студентов Дерптского и Гельсингфорсского университетов, решили написать письма *студентам* (выделено нами. – Т.Ж., К.К.) филологического отделения Гельсингфорсского и Дерптского университетов с просьбой сообщить им приватно сведения о правах и преимуществах выпускников, плате за обучение и ценах на жилье. «Мы решили адресоваться прямо к господам студентам, – говорилось в письме, – будучи уверены, что студенты везде студенты, и ученые везде составляют братию»⁷³⁸. Выяснилось, что писавшие – студенты Ф.А. Венцовский, Д. Пильчиков и П.Е. Чуйков принадлежали к «недостаточным» студентам литературного отделения философского факультета. На вопрос инспектора о причинах, побудивших их разослать письма подобного содержания, отвечали, что хотели бы перейти в Дерптский или Гельсингфорсский университеты для практического изучения там немецкого языка. Писавшие объясняли, что письма были адресованы всему обществу студентов лишь потому, что они никого не знают в этих универ-

⁷³⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 50 Д. 1052: Дело о волнениях студентов Харьковского университета. 1858. Л. 30.

⁷³⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 69. Д. 617: Дело о расследовании причин, побудивших студентов Киевского университета Ф.А. Венцовского, Д. Пильчикова и П.Е. Чуйкова писать письма студентам Гельсингфорсского и Дерптского университетов и об установлении наблюдения за авторами писем. 1841–1843. Л. 25.

ситетах. После тщательного расследования университетское начальство пришло к выводу, что письма эти не представляют никакой важности и этот поступок «показывает не более как неосновательность возраста и незрелость ума»⁷³⁹. Авторы писем были посажены в карцер, после чего за ними по распоряжению императора было установлено тщательное наблюдение.

Университетское начальство следило за связями учащихся и с бывшими студентами, особенно если они были исключены из университета за проступки или были признаны неблагонадежными. В 1849 г., во время усиления цензурного режима и общего надзора министр внутренних дел Л.А. Перовский предлагал высылать экс-студентов Московского университета скандального поведения из Москвы в родные города или отправлять в военную службу. За теми, кто оставался в Москве, устанавливалось тщательное наблюдение⁷⁴⁰.

В столичном университете вопрос о наблюдении за связями учащихся между собой был решен подобным образом гораздо раньше. В 1830 г. в университет поступило предложение санкт-петербургского военного губернатора об уведомлении его о выпускниках университета, проживающих в городе без поступления на службу⁷⁴¹. Пребывание лиц с дипломом университета вне службы уже считалось предосудительным и поводом для полицейского наблюдения. Таким образом, университетское начальство и полиция следили за связями учащихся, которые могли возникнуть между разными поколениями студентов и разными университетскими городами, с целью не допустить порочного влияния на университет со стороны «неблагонадежных» и противодействовать процессу объединения студенчества.

Во второй половине 1850-х гг. по мере либерализации управления университетами и оживления общественной жизни в

⁷³⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 69. Д. 617: Дело о расследовании причин, побудивших студентов Киевского университета Ф.А. Венцовского, Д. Пильчикова и П.Е. Чуйкова писать письма студентам Гельсингфорского и Дерптского университетов и об установлении наблюдения за авторами писем. 1841–1843. Л. 37.

⁷⁴⁰ Friedman R. Masculinity, Autocracy, and the Russian university... С. 27.

⁷⁴¹ РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Д. 62: По отношению Санкт-Петербургского военного генерал-губернатора об уведомлении о проживающих без поступления на службу университетских студентах. 1830.

целом, культурно-досуговая активность студентов дополняется активностью, имеющей общественную направленность. На смену немногочисленным кружкам и замкнутым корпорациям приходят более массовые и открытые объединения студентов. Можно сказать, что это были объединения не чисто студенческие, а общеуниверситетские, т. к. активное участие в них принимали и члены профессорского сообщества. Подготовка и публикация «Сборника, издаваемого студентами Императорского Петербургского университета» стали одной из общественно-значимых акций⁷⁴². Многие профессора и литераторы поддержали идею издания студенческих сочинений и научных работ. Так, С.Т. Аксаков писал, что «намерение студентов издавать “Сборник” он считает достойным всякого уважения, красноречиво говорящим о благородном направлении к общепольным и основательным трудам и просвещенной деятельности университетского юношества»⁷⁴³. Ректор С.-Петербургского университета П.А. Плетнев полагал, что издание «Сборника» послужит средством к «единению между студентами»⁷⁴⁴.

В первые два выпуска «Сборника», которые удалось издать за счет сумм II отделения СЕИВК, по ходатайству его начальника графа Д.Н. Блудова, вошли выдержки из кандидатских сочинений, переводы научных статей, тексты публичных лекций некоторых профессоров, различные биографические и библиографические заметки⁷⁴⁵. Несмотря на непериодический характер сборников и тираж в несколько экземпляров, эти издания представляют большой интерес, т. к. отражают про-

⁷⁴² См. подробнее: Берков П.Н. Из ранней истории научных и литературных сборников студентов Петербургского университета // Очерки по истории Ленинградского университета. Л., 1962. С. 88–105; Тишкин Г.А. Рукописные издания студентов университета в 1857–1858 годах // Очерки по истории Санкт-Петербургского университета. Т. III. Л., 1976. С. 71–84.

⁷⁴³ Цит. по: Рудаков В.Е. Студенческие научные общества // ИВ. 1899. № 12. С. 152.

⁷⁴⁴ Там же.

⁷⁴⁵ См.: Сборник, издаваемый студентами Императорского Петербургского университета. Вып. I. СПб., 1857; Сборник, издаваемый студентами Императорского Петербургского университета. Вып. II. СПб., 1860.

цесс обособления научных и общественных интересов студенчества от разнонаправленной юношеской активности, присущей ему ранее, и использование форм публичности, характерных для зрелых научных сообществ. Литератор А.М. Скабичевский, обучавшийся в столичном университете в середине 1850-х гг., писал: «Если сборник и не стоял на высоте своего призвания по части чистой науки, зато удовлетворял другой потребности: именно потребности в объединении находившихся в полной изолированности студентов»⁷⁴⁶. Как уже отмечалось в литературе, «Сборник» был не единственным изданием, подготовленным петербургскими студентами в конце 1850-х – начале 1860-х гг. В это время организуются первые уже не групповые, а общеуниверситетские газеты и журналы, в том числе рукописные⁷⁴⁷.

За несколько лет, прошедших с начала нового царствования, на фоне общественного подъема и быстрого роста количества обучающихся в университете, студенты апробировали множество новых форм корпоративной активности, в частности, студенческие библиотеки и читальни при них, которые превращались в студенческие клубы с диспутами на острые темы. В студенческих библиотеках имелись запрещенные, литографированные и редкие издания, которые отсутствовали в официальных книгохранилищах. Большое значение получили кассы взаимопомощи как формы организованной материальной взаимоподдержки, противопоставленные официальным стипендиям и пособиям. За первые полтора года существования такой кассы с 1857 по 1859 г. из нее было выдано 9 тыс. руб., что почти на 2 тыс. больше, чем за тот же период было выдано стипендий и пособий нуждающимся студентам через университетское Правление⁷⁴⁸. Кассы взаимопомощи пополнялись, как и прежде, от благотворительных концертов, доб-

⁷⁴⁶ Скабичевский А.М. Литературные воспоминания. М., 2001. С. 105.

⁷⁴⁷ Тишкин Г.А. Рукописные издания студентов... С. 72–73.

⁷⁴⁸ Ашевский С. Русское студенчество в эпоху шестидесятых годов (1855–1863) // Современный мир. 1907. № 10. С. 32–33.

ровольных взносов студентов и частных лиц, открытых диспутов и публичных лекций профессоров. Но существенно возросли размеры студенческой взаимопомощи. В Петербургском университете, так же как в Казанском и Киевском, был создан студенческий суд, напоминавший суд чести и разбиравший проступки товарищей с участием выбранных из числа самих студентов обвинителей и адвокатов, в том числе конфликты между студентами и посторонними университету лицами. Суд имел право налагать взыскания и даже исключать из университета и тем самым серьезно оппонировал университетской администрации и инспекции⁷⁴⁹. Эта студенческая активность была основана на принципе выборности и самоуправления и приобретала все больший размах, что и настораживало администраторов просвещения. В 1860–1861 гг. студенты принимают участие в организации воскресных школ для рабочих.

Новой формой университетской активности в это время становятся студенческие сходки, на которых избирались старосты библиотек, заведующие студенческими кассами, редакторы студенческих изданий. Администрация Петербургского университета допускала сходки, они были санкционированы попечителем князем Г.А. Щербатовым⁷⁵⁰. Вначале это были собрания землячеств, уроженцев одной местности, а затем и общеуниверситетские сходки. Студенческая корпоративность на данном этапе проявлялась в выборах старост, библиотекарей, редакторов, а также депутатов для представления интересов студенчества перед администрацией университета, в организации сходок, касс взаимопомощи, студенческих библиотек и читален. По мнению А.М. Скабичевского, эта активность даже в конце 1850-х гг. не имела еще никакого политического характера⁷⁵¹, но в любой момент она могла приобрести политическую направленность, что и показали события 1861 г.

⁷⁴⁹ Новиков М.В., Перфилова Т.Б. Студенческие волнения накануне эпохи «Великих реформ» // Ярославский педагогический вестник. 2013. № 2. Т. 1 (Гуманитарные науки). С. 14–15.

⁷⁵⁰ Эймонтова Р.Г. Русские университеты на грани двух эпох ... С. 259.

⁷⁵¹ Скабичевский А.М. Литературные воспоминания ... С. 168.

Эти события показали, что студенческая корпорация уже вполне оформилась. Такие проявления корпоративности, как формирование органов самоуправления (выбор депутатов, подача адресов, уличная активность, сходки, координация действий между Петербургом и Москвой и т.д.), ярко проявились в событиях сентября – октября 1861 г. Эти события ускорили работу над новым университетским уставом. Рамки существования студенческой корпорации, однако, так и не были закреплены законодательно, т. к. устав 1863 г., считая студентов «за отдельных посетителей университета», запрещал любые коллективные действия учащихся⁷⁵².

В целом события 1861 г. показывают, что формирование корпоративности как системы ценностей студенческого самосознания и набора апробированных форм организованных действий зашло достаточно далеко. Однако при национальной, социальной и региональной разобщенности студентов этого времени трудно говорить об оформлении студенчества какого-либо из российских университетов как о сплоченной и однородной общности. В это время признаки корпоративности формируются скорее у отдельных групп студентов, нежели у студенчества Петербургского университета в целом. В повседневной жизни студенчества столичного университета корпоративность проявлялась в существовании и деятельности различных студенческих обществ, действии неписаных норм, определяющих уклад жизни универсантов, в особенностях вовлечения новичков в общую «семью» и – не в последнюю очередь – в поддержании связей выпускников с университетом. Сам статус студента предполагал постоянную апелляцию к корпоративной традиции, для которой были характерны социально и культурно значимые повторяющиеся действия (ритуалы). Университетские ритуалы, нормы и правила использовались как средство цементирования сообщества на стадии его складывания, а единые социальные практики детерминировали постепенное развитие коллективной идентичности студенчества.

⁷⁵² Иванов А.Е. Студенческая корпорация России... С. 24.

Формирование корпоративной общности студентов включало в себя два параллельных процесса: во-первых, осознание внутри-групповой общности, которая обеспечивалась единым правовым статусом, сходными материально-бытовыми условиями, стилем жизни и обособленностью от других групп; во-вторых, увлечение объединяющими целями, такими как отстаивание академических свобод и режима университетского самоуправления. Но главное – у студентов к концу 1850-х гг. сформировались представления о своей вписанности в академическую культуру и научные интересы, на основании которых подвергались критике профессора-ретрограды. Последнее совершенно не было свойственно студентам первых десятилетий XIX в., но отличает студентов конца 1850-х гг., организующих издание собственных научных трудов и сознательно строивших академические карьеры в университете. Усиление академической активности студентов не противоречило одновременной увлеченности общественными акциями и политикой в период общественного подъема второй половины 1850-х гг. – начала 1860-х гг. В целом к этому времени благодаря преодолению научной, территориальной, национальной обособленности отдельных университетов через законодательное регулирование их деятельности, унификацию условий существования для разных категорий обучающихся, студенчество превращается в сплоченную группу. Единые правовые нормы, оговоренные в законодательстве, единообразные формы учебной повседневности служили постепенному объединению учащейся молодежи и с этого времени придавали русскому студенчеству черты социальной общности или субобщества, формировали корпоративное самосознание, а также способствовали закреплению особого стиля поведения универсанта.

5.3. Связи студенчества с петербургским обществом

Столичный университет изначально был частью городского пространства. Однако при этом его профессора и студенты как

сообщество людей, занимающихся интеллектуальным трудом, долгое время были обособлены в культурном пространстве имперского города в силу периферийности первоначального положения университета. Но со временем социальная маргинальность «ученого сословия» и его культурная изолированность преодолеваются.

В университетах России в XIX в. контраст между миром университета и городским окружением был выражен сильнее, чем в средневековых университетах Европы, где «помимо горстки профессиональных магистров и нескольких десятков университетских корпораций существовала обширная, но аморфная околоуниверситетская среда»⁷⁵³. Исследователи находят отражение этой обособленности в пространственной и социальной организации российского университета XVIII – начала XIX в. Речь идет прежде всего о Московском университете, достаточно многолюдном, со сложившейся к концу XVIII в. общественной репутацией. Корпоративное сознание формировалось у профессоров и студентов университета в условиях, когда «его территория... обносилась оградой с воротами и караулом на входе», и эта изоляция не была случайной⁷⁵⁴.

В первой трети XIX в. территориальное обособление было характерно и для С.-Петербургского университета. Необходимое обособление учебного пространства и мест проживания казеннокоштных студентов и основной части профессоров, адъюнктов и магистров было достигнуто уже в годы существования Педагогического института на Васильевском острове, в здании на 5-й линии («дом Паульсена», где начинала свою деятельность Учительская семинария) и в четырех коллегиях основного здания Двенадцати коллегий на Стрелке Васильевского острова. В пределах Васильевского острова корпорация института и университета существовала достаточно замкнуто. При-

⁷⁵³ Уваров П.Ю. История интеллектуалов и интеллектуального труда в средневековой Европе (спецкурс). М., 2000. С. 21.

⁷⁵⁴ Кулакова И.П. Московский университет в историко-культурной среде XVIII века... С. 190.

мерно 2–3 недели в году из-за ледостава и ледохода на Неве Васильевский остров был отрезан от центра города природными обстоятельствами, а лекции некоторых преподавателей, живущих на левом берегу Невы или на Петербургской стороне, на это время отменялись.

Перемещение университетских зданий и учебного процесса на окраину города по плану попечителя Д.П. Рунича и его преемников в 1822–1836 гг. осложнило коммуникации университета и городского общества и не прибавило университету публичности. Отдаленное положение университетских зданий вызывало недовольство у самих профессоров, писавших жалобы на имя попечителя. Преподаватели вынуждены были перемещаться по городу на большие расстояния с Васильевского острова, где многие продолжали жить, в аудитории перестроенных для университета зданий на Звенигородской улице. Здесь, на окраине, еще не было ни уличного освещения, ни ровных мостовых и легко было повстречать «лихих людей» в темное время. В этой пространственной и социально-культурной изоляции университет находился до 1838 г. и возвращения в перестроенное здание старых коллегий. Все это время администрация университета стремилась не только сохранить все занимаемые площади в здании Двенадцати коллегий, соседствовавшие с Сенатским архивом и помещениями Римско-католической духовной коллегии, но и ремонтировать их и расширять занимаемое пространство⁷⁵⁵.

Материалы делопроизводства Педагогического института и Петербургского университета свидетельствуют о том, что на территорию университета не допускались посторонние люди. Студенты обязаны были испрашивать разрешение инспектора на посещение их в своих комнатах посторонними университета лицами, независимо от социального положения приглашенных. За поведением гостей и их своевременным уходом

⁷⁵⁵ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 4225: По отношению директора Департамента народного просвещения об отдаче комнат, занимаемых в 12-ти коллегиях чиновниками университета в ведение Римско-католической духовной коллегии. Л. 1–3.

следили инспекторы и комнатные старосты из студентов. Чаще всего казенных студентов университета посещали родственники или приятели из военно-учебных заведений, Медико-хирургической академии, Горного корпуса. Университетское начальство внимательно следило за связями и знакомствами студента во время его пребывания за территорией университета. Кроме того, определенные ограничения существовали для самокоштных студентов в выборе места проживания.

Таким образом, университет старался по возможности оградить студентов от влияния культурно и социально чуждого окружения. Беспокойство о «порче нравов» воспитанников, попадающих под влияние городских соблазнов, пронизывает рапорты профессоров-инспекторов и другие документы университетского делопроизводства. Стремление к изоляции воспитанников «премудрых учреждений» от грубости нравов традиционной среды лежало в русле общих педагогических идей эпохи Просвещения⁷⁵⁶. Яркий пример – ограничение посещений студентами Дерптского университета городского мещанского клуба. В поисках развлечений студенты охотно посещали балы, дававшиеся в этом клубе, но посещение клуба нередко заканчивалось скандалами. Причина крылась в том, что у дерптских студентов, выстроивших развитую корпоративную культуру, уже в начальный период существования университета сформировалась высокая самооценка, представление о своих особых правах и роли в жизни городского общества маленького Дерпта⁷⁵⁷. Мысль о необходимости ограждать универсантов от влияния «непросвещенной» среды разделяли и администраторы просвещения. Министр народного просвещения князь К.А. Ливен, мотивируя запрет на посещение мещанского клуба студентами, писал не о беспорядках, учиняемых студентами, а о том, что общество ремесленников «не может иметь благоприятное действие

⁷⁵⁶ Кулакова И. П. У истоков высшей школы. Московский университет в XVIII в. // Отечественные записки. 2002. № 2. С. 135–158.

⁷⁵⁷ Петухов Е.В. Юрьевский, бывший Дерптский, университет... С. 275.

на нравственное образование учащихся»⁷⁵⁸. По всеподданнейшему докладу министра вход в мещанский клуб для студентов был запрещен⁷⁵⁹.

В качестве альтернативы городским трактирам в самом университете был учрежден открытый клуб «Academische musse» (Академическая мусса). Цель учреждения клуба заключалась «в доставлении членам его, а равно и остальной образованной части городского общества возможности приличного и недорогого времяпрепровождения»⁷⁶⁰. Главная идея этого учреждения заключалась в объединении универсантов и образованной части дерптского общества. В русских университетских городах первой четверти XIX в. подобный симбиоз университета и городского просвещенного общества был невозможен. Как отмечают исследователи истории Московского университета, неоднозначное отношение к университету и университетской публике отличало общественное мнение начала XIX в. Причина этого отчасти состояла в том, что русской ментальности не свойственны архетипические установки на ценность образования и учености, точнее, эти установки были совершенно разными не только для разных сословий, но и для разных прослоек внутри этих сословий⁷⁶¹. Можно сказать, что к университету тяготела только тонкая «просвещенная» прослойка дворянской элиты.

В то же время университет стремился включить в зону своего влияния как можно более широкие круги городского общества, превратить образование из интеллектуальной роскоши в прагматическую необходимость. Этому, в частности, была подчинена система публичных лекций для вольнослушателей из числа военных и статских чиновников, желающих сдать «экзамен на чин» за курс университета, экзамены для

⁷⁵⁸ РГИА. Ф.733. Оп. 56. Д. 209: Насчет посещения студентами мещанского клуба. Л. 6.

⁷⁵⁹ Сборник постановлений... Т. 1. Стлб. 1313–1314.

⁷⁶⁰ Правила для учрежденной при Дерптском университете Академической муссы. Дерпт, 1857.

⁷⁶¹ Университет для России. Т. 2: Московский университет в александровскую эпоху. М., 2001. С. 63.

учителей и гувернеров, желающих получить лицензию на преподавание, частные лекции профессоров, разрешенные к чтению на дому, и т. д. Интенсивность внешней деятельности Петербургского университета в силу плотности чиновной среды в административной столице империи была существенно выше, чем подобная деятельность университетов в Казани, Харькове или Дерпте.

Общепризнано, что университетская интеллектуальная среда формировалась как подчеркнуто открытая, а не элитарная⁷⁶². Университет оказывал влияние не только на науку и образование, но и на социальную жизнь университетского города и его жителей. Самопрезентация Петербургского университета городу происходила в разных формах: участия публики в различных университетских ритуалах и коммеморациях, таких как открытые испытания выпускников, учреждение новых кафедр, публичные лекции с демонстрацией физических и химических опытов, похожие на театрализованные действия и популярные со времен Академического университета XVIII в., университетские торжественные акты, ставшие ежегодными с 1844 г., и празднования «25-летия основания» университета, считая от 1819 г. Открытыми были процедуры награждения студентов-медалистов, диспуты при защите диссертаций, где соискатели должны были полемизировать в присутствии зрителей. Не менее значимыми для выстраивания социальной коммуникации чиновников и университетских профессоров было их преподавание по совместительству в других учебных заведениях столицы, работа в различных комитетах и высших административных органах, цензорская деятельность, а также ритуалы университетских похорон и юбилеев. Исследователи подчеркивают, что российские университеты изначально не только выполняли образовательную и исследовательскую миссии, но и активно участвовали в просвещении населения,

⁷⁶² Дмитриев А. По ту сторону «университетского вопроса»: правительственная политика и социальная жизнь российской высшей школы (1900–1917 годы) // Университет и город в России (начало XX века). М., 2009. С. 138.

системе академической аттестации, популяризации знания. Они были тесно связаны с другими учреждениями культуры, Академией наук и т.д.⁷⁶³ Все перечисленные формы публичной активности университетского сообщества, по сути, были трансляцией населению университетского города модели просвещенной культуры и стиля поведения. Этот новый культурный опыт, который прагматически организовывался, приобретал игровые и ритуализированные формы, оказывал на петербуржца гораздо большее влияние, чем на жителей других городов⁷⁶⁴. Но авторитет самого университета и его студентов внутри столичного общества приобретался постепенно, в аристократическом Петербурге этот процесс занял больше времени, чем в других университетских городах. Универсанты долго ощущали себя неравноценными субъектами административных, социальных и культурных отношений столичного города. Если облик провинциальных городов с момента учреждения в них университета определялся именно университетом, превращавшимся в градообразующий, культурный, архитектурный центр, если Московский университет был общественным центром старой Москвы уже в конце XVIII в., то в Петербурге университет до конца 1830-х гг. оставался на периферии городской и общественной жизни⁷⁶⁵. Главной причиной этого представляется малочисленность корпорации, отсутствие, за небольшим исключением, у ее членов связей в среде высших чиновников, без которых в петербургское общество войти было невозможно. Сравнительно низкий общественный статус петербургского профессора, несмотря на высокий классный чин надворного и даже статского советника (VII–VI по Табели о рангах), определялся его непринадлежностью к потомственному дворянству. Профессора, в своем большинстве выходцы

⁷⁶³ Аврус А.И., Голосеева А.А. Культурная и просветительская деятельность российских классических университетов // *Философский век. Альманах* ... С. 95.

⁷⁶⁴ Кулакова И.П. Игровые формы и университетское образование в России второй половины XVIII века // *Диалог со временем*. М., 2001. Вып. 6. С. 134.

⁷⁶⁵ Жуковская Т.Н. Петербургский университет первой трети XIX в. в городском пространстве... С. 63.

из демократической среды, не исключая иностранцев в русской службе, с получением университетской кафедры и докторской степени приобретали высокий служебный статус, не обеспеченный общественным признанием. Ученая служба, ставшая эффективным социальным лифтом, признавалась обществом слишком «легкой», периферийной, социально малоценной. Неудивительно, что университетские профессора первой половины XIX в. занимали периферийное положение в социальной иерархии светского и чиновного Петербурга⁷⁶⁶.

Кроме того, до конца 1830-х гг. Петербургскому университету не хватало «публичности». Лишь с 1822 г. публикуются типографским способом «объявления о преподавании наук» на каждый следующий учебный год с перечислением имен профессоров и преподаваемых предметов.

Однако еще в 1811–1821 гг. попечитель С.С. Уваров попытался ближе «познакомить» город с университетом. По его инициативе было организовано торжественное открытие двух кафедр восточных языков в Главном педагогическом институте (1818), которое освещали общественно значимые издания («Сын Отечества»). На эту презентацию попечителем были приглашены, кроме членов Академии наук и ученых обществ, крупные чиновники, литераторы, «арзамасцы»⁷⁶⁷. Речь самого Уварова на открытии кафедр восточных языков в январе 1818 г. стала манифестом официального либерализма и имела большой общественный резонанс. Тем не менее в печать и в записки современников в это время попадают лишь лаконичные упоминания о том или ином событии, произошедшем в университете, без характеристики самого университета⁷⁶⁸. Недооценка общественной значимости Педагогического института, а затем университета с точки зрения критериев «столичности»,

⁷⁶⁶ О социальном положении профессоров в обществе см.: Кулакова И.П. Университетское пространство и его обитатели... С. 209–213.

⁷⁶⁷ Жуковская Т.Н. Петербургский университет первой трети XIX в. в городском пространстве... С. 64.

⁷⁶⁸ См.: Остафьевский архив кн. Вяземских. Т. 1. СПб., 1899. С. 96; Декабрист Н.И. Тургенев. Письма к брату С.И. Тургеневу. 1811–1824. М.; Л., 1936. С. 254–255.

«европейскости» была характерна для первой четверти XIX в. Эта оценка, вынесенная дворянской и литературной элитой столицы, расходилась с официальной оценкой полезности и эффективности университета и его предшественника, Педагогического института, которая проявилась, например, в личном интересе императора Александра I к этому учебному заведению. Недооценка петербургским обществом университета сыграла в судьбе последнего печальную роль, что выразилось в пассивном наблюдении общества за «делом профессоров», инспирированным Д.П. Руничем и дискредитацией им идеи университета в 1821–1826 гг. В ходе следствия над профессорами и публичного суда университет лишился лучших преподавателей, а главное, был поставлен в прямое попечительское управление в нарушение университетских уставов 1804 г. Резко сократилась численность его студентов, многие из которых попали под «разбор» попечителя и были исключены как не способные к наукам или «неблагонадежные»⁷⁶⁹.

Прорывом общественного изоляционизма и социальной периферийности стали университетские торжественные акты, которые ежегодно проводились с 1838 г. и собирали в здании университета приглашенную публику. Эти акции, безусловно, несли в себе смысл сакрализации успехов Просвещения в России, демонстрировали желание «освятить науку и репрезентировать ее обществу»⁷⁷⁰. Торжественный акт 25 марта 1838 г. хотя и не был первым (еще в 1834 г., публике представлялся отчет о деятельности университета), но был знаковым: он был приурочен к окончанию многолетней реконструкции здания Двенадцати коллегий, приспособленного целиком под нужды университета. «Возвращение» университета в историческое здание, находящееся рядом с Академией наук, в котором уже с 1806 г. располагался его предшественник, Педагогический институт, было интерпретировано как возвращение к духу

⁷⁶⁹ Марголис Ю.Д., Тишкин Г.А. «Единым вдохновением...»: Очерки истории университетского образования в Петербурге... С. 127–175.

⁷⁷⁰ Кулакова И.П. Университетское пространство и его обитатели... С. 254.

Петровских реформ и одновременно как знак преемственности в отношении высшей педагогической школы, существовавшей в столице за несколько десятилетий до 1819 г. и официального «учреждения» университета. Этим актом во-едино были связаны имена царей–реформаторов просвещения Петра I и Александра I, тем более что в качестве актовой речи на этот раз прозвучало «Похвальное слово Петру Великому», произнесенное профессором А.В. Никитенко⁷⁷¹. В официальной церемонии принимали участие первые лица Российской империи, включая министров и наследника престола великого князя Александра Николаевича. Празднование продолжалось много дней и включало освящение университетской церкви Петра и Павла, визиты в университет высочайших особ, сам торжественный акт, подготовку и издание речей и исторических справок⁷⁷². Торжество проходило в просторном Актовом зале, вписанном в старое здание коллегий архитектором А.Ф. Щедриным. Незадолго до торжественного акта 1838 г. университет впервые посетил Николай I. 25 марта было избрано отныне постоянной датой для торжественных актов и определено как «день обновления университета».

Данная форма широкой презентации успехов университета публике была воспроизведена в 1839 и 1840 гг. и с тех пор стала традиционной. Правда, дата репрезентации вскоре была изменена. Новый ректор университета П.А. Плетнев с 1844 г. перенес день ежегодного университетского торжественного акта с 25 марта на 8 февраля, связав ее окончательно с событиями 1819 г. Правилom стало опубликование полного текста актовых речей, содержавших краткий отчет ректора о состоянии университета и лекцию одного из профессоров, представляющего публике успехи в своей области науки. В 1820-е – начале 1830-х гг. публичные речи профессоров хоть и публиковались, но нерегулярно и были малоинформативными.

⁷⁷¹ Марголис Ю.Д., Тишкин Г.А. «Единым вдохновением...»: Очерки истории университетского образования в Петербурге... С. 177–199.

⁷⁷² Там же. С. 177–178.

Непосредственное влияние на городское общество университет оказывал через систему публичных лекций, организуемых преимущественно для военных и статских чиновников, а также благодаря разрешению профессорам вести частные курсы, а студентам – давать частные уроки. Постепенно в публичные действия университета втягивались и горожане, переходя от незнания, удивления и любопытства – к включенности в новую культурную деятельность. Ярким примером такого взаимодействия университета и общества были музыкальные концерты, проводившиеся в университете в 40-е гг. XIX в. Эти мероприятия были публичными: о них давали объявления в газетах, вход был платным, в качестве солистов в них участвовали профессиональные певцы и музыканты. Основные сборы от концертов шли в пользу «недостаточных» студентов.

С января 1846 г. началась новая серия таких концертов – «музыкальные утра»: при помощи университетского оркестра и при содействии известных солистов, включая ведущих артистов и примадонн императорских театров, ежегодно в течение зимы в Актовом зале Двенадцати коллегий, по воскресным дням, устраивались по десять симфонических концертов⁷⁷³. Концерты спланировали вокруг себя молодежь и в то же время носили просветительский характер, приобщая слушателей к классической музыке. В репертуар исполнителей входили преимущественно произведения Бетховена, Мендельсона, Моцарта, Гайдна и Баха. Воспитанник Петербургского университета В.М. Сорокин отмечал, что, несмотря на всевозможные шутки и смех, свойственный молодости, студенты выходили после таких вечеров обогащенными множеством самых разнообразных сведений и эмоций⁷⁷⁴. Увлеченность студентов музыкой уже в 1840-х гг. была настолько массовой, что знание студентами широкого репертуара оперных арий, романсов и симфонической музыки, а также владение музыкальными инструментами воспринимались

⁷⁷³ Чебыкина Н.В. Быт студенчества С.-Петербургского университета в дореформенный период // Очерки по истории С.-Петербургского университета. Т. VIII. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. С. 114.

⁷⁷⁴ Сорокин В.М. Воспоминания старого студента // РС. 1888. Т. 60. № 12. С. 625.

как вещи совершенно естественные, составляющие часть повседневности образованного человека. Универсанты на протяжении всей истории университетского образования в России проявляли большое тяготение к искусству, причем не только как его потребители, но прежде всего как создатели⁷⁷⁵. В Петербургском университете в первой половине XIX в. учились композитор, член «Могучей кучки» А.С. Гуссаковский, артист оперы Ф.П. Комиссаржевский, пианист, композитор А.И. Мизандари, артист оперы и музыкальный педагог А.Н. Николаев, режиссер и педагог С.Г. Павловский. Как композитор, музыкальный критик, профессор Петербургской консерватории известен А.С. Фаминцын⁷⁷⁶.

В 50-е гг. XIX в. процесс интеграции университета в петербургское городское общество был продолжен. В 1859 г. в Петербурге было учреждено Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым, в которое вошли представители самых читаемых тогда петербургских журналов («Современника», «Отечественных записок», «Библиотеки для чтения») И.С. Тургенев, К.Д. Кавелин, П.В. Анненков, Н.Г. Чернышевский, А.В. Никитенко, А.А. Краевский, С.С. Дудышкин, А.Д. Галахов, А.П. Заблоцкий-Десятовский, Е.П. Ковалевский и А.В. Дружинин. Целью общества была помощь литераторам, ученым и их семьям, а также предоставление нуждающимся даровитым молодым людям способов к окончанию образования и приготовлению себя к литературной и ученой деятельности. Комитет общества в заседании 12 декабря 1861 г. определил в дополнение к прежде назначенным пятистам рублям для распределения между нуждающимся юношеством, назначить дополнительно еще тысячу рублей. Размер пособия учащемуся мог составлять от 10 до 25 руб., пособия были разовыми и долговременными⁷⁷⁷. Членами общества могли быть как писатели и ученые, так и вообще лица,

⁷⁷⁵ Аврус А.И., Голосеева А.А. Культурная и просветительская деятельность российских классических университетов... С. 98.

⁷⁷⁶ Универсанты в мире музыки. Проект культурного фонда «Знаменитые универсанты СПбГУ». СПб., 2009.

⁷⁷⁷ ОР РНБ. Ф. 438 (Литфонд). Д. 11: Комитет общества для пособия нуждающимся литераторам. Л. 48.

«сочувствующие отечественной литературе и просвещению». Общество периодически устраивало литературные чтения, публичные лекции, любительские спектакли в зале Пассажа, в которых участвовали не только члены общества, но и студенты.

Несмотря на активные контакты университета и образованной части русского общества, исследователи отмечают, что на местном уровне речь шла скорее о спорадическом, чем о непрерывном сотрудничестве⁷⁷⁸. Отношения же и связи профессоров и студентов столичного университета с конца 1830-х гг. превратились в постоянные и разнообразные.

Естественно, что контакты студентов с представителями неуниверситетского социума происходили чаще всего за границами университетского пространства. Студенты, имевшие в городе родственников или знакомых, получали возможность несколько вечеров в неделю проводить в семейных домах, оставаться там во время праздников. Там молодые люди могли отдохнуть от занятий, поужинать, выпить, потанцевать. Правда, казенный студент вынужден был покидать эти вечера задолго до их окончания, т. к. ему предписывалось вернуться в университет до 12 ночи.

В середине столетия студенты были принимаемы и в так называемом «хорошем обществе». Повышение статуса петербургского студента было связано с увеличением числа студентов дворянского происхождения. Почти ни один бал или вечер, даже в аристократических домах, не обходился без значительного числа студентов. Конечно, в данном случае речь шла прежде всего о своекоштных студентах из дворян. Так, студент сначала Петербургского, а потом Харьковского университета Н.Ф. Оже де Ранкур нередко посещал дворянское собрание в Харькове, бывал на балах у генерал-губернатора князя Долгорукова, у известного откупщика Кузина, других представителей провинциального общества. В Петербурге посещать великосветские собрания могли лишь студенты-аристо-

⁷⁷⁸ Маурер Т. Университет и (его) город: новая перспектива для исследования истории российских университетов... С. 69–70.

краты, проживающие в Петербурге или имеющие здесь родственников. Так, например, участие в великосветских вечерах принимал сын генерал-лейтенанта граф Петр Шувалов, князь Григорий Щербатов, сын сенатора Николай Безобразов, бывшие студентами в начале 1830-х гг. Стоит заметить, что на публичные увеселения приглашался человек «принятый в обществе» (он мог быть и студентом), но не студенты как прослойка городского населения. Причина подобного явления кроется прежде всего в низком общественном статусе студента и его неполноправности, о чем шла речь во второй главе.

Обучавшийся в Петербургском университете в первой половине 1830-х гг. Е.А. Матисен не без идеализации пишет о том, что отношение к студентам «столичного общества, в которое являлись лучшие... представители студенчества, было исполнено доверия к юному поколению и даже некоторою гордостью на его успех»⁷⁷⁹. «Студенты в это время стали входить в моду», – пишет Н.Ф. Оже де Ранкур, поступивший в Петербургский университет в 1837 г.⁷⁸⁰ В данном случае мемуаристы констатируют скорее то, что в дворянском обществе повышался престиж университетского образования, а не общественный статус студента.

Забота об интеграции студентов и образованной части городского общества проявлялась в деятельности университетской администрации провинциальных университетов, таких как Казанский или Харьковский. Так, М.Н. Мусин-Пушкин, будучи попечителем Казанского учебного округа, стремился к тому, чтобы студенты могли достойно представлять университетскую корпорацию на балах в Казанском дворянском собрании, и был убежден, что «хорошее общество научает молодых людей приличному обращению»⁷⁸¹. Тем не менее только студенты «прилежные к наукам и благонравного поведения»

⁷⁷⁹ Матисен Е.А. Воспоминания из дальних лет // Ленинградский университет... С. 27.

⁷⁸⁰ Оже де Ранкур Н.Ф. В двух университетах... С. 574.

⁷⁸¹ Галлиулина Р.Х. М.Н. Мусин-Пушкин – попечитель Казанского учебного округа (1827–1845 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1997. С. 68.

могли получить право присутствовать на городских балах в праздничные дни. В другие дни присутствие студентов на балах не предусматривалось. Список студентов лично одобрялся попечителем в день собрания, кроме того, для надзора за их поведением присутствовать на балу должен был инспектор. Таким образом, университетские администраторы стремились привить студентам «благородные» манеры, привычку к общению с представителями чиновного мира, женщинами, создать предпосылки к последующей социализации студентов в губернском городе.

Подобный механизм «презентации» студентов городскому обществу был использован и в Киевском университете. Его историограф В.Я. Шульгин пишет о том, что студенты были малочисленны, но большей части из них не был закрыт доступ в общество. Сам попечитель Е.Ф. фон Брадке «открывал у себя вечера, на которые по очереди приглашал студентов, и таким образом сам лично отворял двери во все лучшие киевские дома... Студенты, появляясь более или менее все в одних и тех же сферах общества, как бы уравнивались друг с другом по происхождению»⁷⁸².

В столичном городе механизмы организованного знакомства студентов с дворянским обществом вне стен университета не были выработаны, к тому же студенчество Петербургского университета в социальном и этноконфессиональном отношении было более пестрым. Мемуарист упоминает, что студенты-поляки легче находили способы сближения с верхушкой польской диаспоры и искали протекции через поляков в окружении министра народного просвещения С.С. Уварова и др.⁷⁸³ Однако польские аристократы старшего поколения были далеки от университетской молодежи.

Казеннокоштные студенты недворянского происхождения, не имевшие в городе связей и знакомств, а кроме того подчинен-

⁷⁸² Шульгин В.Я. Киевский университет... С. 201.

⁷⁸³ Бобровский Т. Дневник моей жизни... С. 673, 685.

ные тотальному контролю инспекции, были практически «невыездными». Тем не менее и эта категория студентов обязана была посещать танцевальный класс, где им подавался пример того, как должно ходить, кланяться и «держаться в обществе благовоспитанных людей»⁷⁸⁴. Таким образом, университет старался привить студентам благородные манеры и правила «людскости», нормативного публичного поведения. В первой половине XIX в. социальные контакты студентов за пределами университета выстраивались, как правило, в нескольких горизонтах, в зависимости от их происхождения. Провинциалы, которых было большинство, только к концу обучения обрести знакомства в городской среде. В целом образ студента был скорее положительным, а присутствие студентов в общественных собраниях или просто на гуляниях в парках и городских садах, на городских праздниках поднимало репутацию университета.

Студенты университета были связаны с городскими обывателями прежде всего экономическими отношениями как арендаторы квартир и комнат, посетители театров, платных публичных заведений. Студенты нередко посещали дешевые трактиры вблизи университета, где могли получить еду и напитки в долг. В Петербурге в 1830–1840-х гг. такими демократичными заведениями были различные «залы» в Загибенном переулке (исчезнувшее историческое название, обозначающее существующие ныне Биржевой, Тучков, Кубанский переулки). Популярными у студентов ресторациями Васильевского острова были кухмистерская «Лондон» и заведение Гейде, оба они находились на 7-й линии. Здесь студентов также обслуживали в долг, который по положению не должен был превышать 10 руб. ассигнациями. Эту сумму университетское Правление готово было погасить по требованию кредиторов в случае финансовой несостоятельности студента⁷⁸⁵.

⁷⁸⁴ Сборник постановлений... Т. 2. Отд. 1. Стлб. 624.

⁷⁸⁵ См.: Жуковская Т.Н., Казакова К.С. Как жили студенты Петербургского университета в первой половине XIX в. // Санкт-Петербургский университет. № 2. 2009. С. 16–22.

Дела о долгах студентов заимодавцам и квартирным хозяевам проходили через Правление университета. Судя по ним, студенты нередко закладывали вещи, в том числе казенные. В университетском архиве попадаются дела о возвращении костюма казенного студента (проданного или заложенного), краже книг из библиотеки, серебряных ложек из столовой с целью продажи, даже бритвенных принадлежностей. В документах встречаются иски кредиторов по долгам умерших студентов, которые университет также возвращал. Эта практика распространялась и на семьи умерших преподавателей, оставивших долги (в частности, семью многодетного профессора П.Д. Лодия). Таким образом, в силу корпоративных традиций, отраженных университетским законодательством, частные экономические отношения отдельного университета становились отношениями университета.

Университет иногда выступал в качестве посредника в разрешении споров по денежным вопросам. Так, в 1821 г. в Правление университета поступила просьба от инспектора Подольской семинарии «побудить» студента Смирнова возвратить 70 руб., высланных ему для покупки медицинских книг⁷⁸⁶. Имеющиеся рычаги воздействия университета на учащихся и собственная юрисдикция над студентами помогали разрешить данные конфликты без привлечения полиции.

Обычную статью дохода для студента, испытывающего материальные трудности, составляли частные уроки. Н.И. Иванецкий, дававший много уроков, писал: «...У меня денег было достаточно на чай, кофей, табак, на извозчиков, на театр и пр.»⁷⁸⁷. Давая уроки или, как говорилось, уходя на «кондиции» в семейства, студент мог там столоваться, оставаться на летние месяцы, вступая в непрерывное общение с семьей ученика. Один из мемуаристов описывает отношения между студентом и неким аристократическим семейством следующим

⁷⁸⁶ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3 Д. 153: По прошению инспектора Подольской семинарии о взыскании денег. 1821.

⁷⁸⁷ Иванецкий Н.И. Автобиография... С. 148.

образом: «В какой-то семейный праздник, студент, примундировавшись, отправился с поздравлением. Жена Ушакова, не столь гордая, приняла студента ласково и, зная его за *своего человека* (подчеркнуто в тексте. – Т.Ж., К.К.) в знакомом доме, благосклонно пригласила быть вечером»⁷⁸⁸. А.В. Никитенко, поступив в университет в 1826 г. и не получая казенной стипендии, жил уроками в нескольких домах и перепиской бумаг в канцелярии попечителя К.М. Бороздина. Студентам, окончившим курс обучения и дающим частные уроки, разрешалось жить в домах своих учеников⁷⁸⁹, таким образом, молодой человек еще до выпуска встраивался в систему общественных связей.

Особые экономические отношения связывали в университетских городах студентов и хозяев сдаваемого жилья. Студенты искали комнаты в пансионах или маленьких квартирах через газеты или личные связи. Сдаваемое жилье, где студенты жили в окружении самых разных людей, по обычаю петербургских доходных домов, расширяло связи с внеуниверситетским миром⁷⁹⁰. В делопроизводстве Петербургского университета не осталось каких-либо особых упоминаний о буйствах студентов или жалобах на них со стороны хозяев жилья. Но это не означало, что отношения студентов с квартирными хозяевами были бесконфликтными. «Ни домохозяева, ни жильцы не осмеливаются доносить о безобразиях, совершенных студентами, т. к. опасаются мщения и лишения заработка, беднейший класс в Дерпте живет лишь студентами», – писал Е.В. Петухов о ситуации в Дерпте⁷⁹¹.

В столичном Петербурге ситуация была несколько иная. В большом городе было множество вариантов аренды жилья, и при возникновении конфликта студент мог сменить место жительства. Однако удобное, а главное, дешевое жилье было не так просто найти, поэтому трудности в отношениях студента

⁷⁸⁸ ОР РНБ. Ф. 37 (Артемьев А.И.). Д. 160: Дневник. 1 янв. – 31 мая 1857 г. Л. 11.

⁷⁸⁹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 58: О дозволении окончившим курс студентам жить в тех местах, где они занимаются преподаванием. 1820.

⁷⁹⁰ Friedman R. Masculinity, Autocracy, and the Russian university... С. 24.

⁷⁹¹ Петухов Е.В. Юрьевский, бывший Дерптский, университет... С. 530–531.

с квартирохозяевами чаще всего разрешались без привлечения университетских властей. Жалобы на студентов, как правило, поступали в университет не от хозяев квартир, а от соседей, лиц, проживающих в этом же доме. Но и такие жалобы были редкостью. Так, в 1849 г. некая вдова Славинская, жившая в доме дворянки Розинской, написала жалобу на имя попечителя о том, что студенты братья Прибытковы и Александр Шильбкнехт, поселившиеся в том же доме, собирают у себя большую компанию товарищей и целые ночи проводят в игре в карты и шуме, и попойки продолжаются до 5 утра. Видимо, жалобщица была женщиной нервной и недолюбливала студентов. Характерно, что сама хозяйка дома жалоб на студентов не подавала. Уже через несколько дней после начала расследования обстоятельств конфликта вдова Славинская написала еще одно письмо, в котором признавала, что «поступила сгоряча, что студенты не так виноваты, как я представила» и просила оставить это дело без дальнейшего расследования. Расследование показало, что у студентов действительно бывали их товарищи, но особенного шума они не делали. Однако один из студентов, Сергей Прибытков, «делавший более шума, нежели другие», все же был по распоряжению ректора посажен в карцер⁷⁹².

Вообще, реконструировать все направления и горизонты взаимодействий студентов и горожан непросто, т. к. эта сторона жизни универсанта достаточно плохо отражена в источниках. Основная масса документов, отражающих связи и отношения студента в рамках городского пространства, представляет собой разбирательства какого-либо конфликта: драки, взаимных оскорблений, столкновения с полицией или военными чинами. Уличные столкновения с мещанами и мастеровыми, вероятно, также имели место, но не отражались в делопроизводстве, поскольку простой люд не предъявлял университетскому начальству письменных претензий к «обидчикам-студентам». А студент, ставивший себя в социальной иерархии достаточно вы-

⁷⁹² ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 5236: О неблагоприятных поступках студентов Шильбкнехта и Прибытковых по жалобе вдовы ... 1849.

соко, не снисходил до представителей социальных низов в качестве объекта претензий. Отражение в казуальных делах повторяющихся конфликтов может создать ложное впечатление о пониженном правосознании и агрессивности студентов, нараставшей по мере увеличения их численности.

Напротив, в первые десятилетия XIX в. отношения горожан и студентов кажутся еще относительно «бесконфликтными», поскольку университетское законодательство и язык университетского делопроизводства только оформлялись. Девиации нормативного поведения еще не фиксировались столь строго, регламентация наказаний и проступков не сложилась, не было всестороннего надзора за студентами, какой утвердился в николаевское время. Но надо полагать, различные уличные столкновения, участниками которых становились студенты, случались и в это время. Осознавая свою «особость» в городском сообществе, а также имея в виду силу юридических привилегий, обеспечивавших им щадящие наказания, студенты учиняли «беспорядки», на которые их подвигали возраст, пребывание в большом городе, вдали от родины, однородная мужская среда, принадлежность по рождению к двум социально активным группам – дворянству и духовенству⁷⁹³.

При внимательном взгляде в студенческих шалостях можно обнаружить элементы социальной оппозиции городским обывателям. На Васильевском острове происходила довольно длительная «война» студентов с местными немцами-мастеровыми. Мемуарист сообщает как об обычном, повторяющемся событии, о том, что студенты ходили на 27-ю линию (городская окраина) «кататься с следовых гор одного из шустерклубов» (немецких клубов). При этом студенты «били немцев, сидя на их спинах, спускались с гор» и вообще производили на Васильевском острове всевозможные шалости⁷⁹⁴. Отметим, что в университетском делопроизводстве мы почти не видим дел,

⁷⁹³ Вишленкова Е.А., Мальшова С.Ю., Сальникова А.А. *Terra Universitatis...* С. 311.

⁷⁹⁴ Устрялов Ф.Н. *Воспоминания...* С. 131.

отражающих столкновения студентов и городских обывателей, занимающих более низкое место в социальной иерархии. Подобные инциденты, видимо, разрешались простейшими методами без привлечения полиции и университетского начальства.

И наоборот, поведение студента в «обществе», под которым чаще всего подразумевалось дворянское образованное общество, было предметом пристального наблюдения как университетской инспекции, так и городской полиции, которое облегчалось предписанным ношением университетских мундиров.

Документы свидетельствуют о том, что разбирательство конфликтной ситуации с участием студентов в большинстве случаев представляло собой рассмотрение двух противоположных версий конфликта, и окончательное решение зависело от того, чью сторону примет университет. Примером такого типичного разбирательства является дело «О происшествии, случившемся вечером на Невском проспекте»⁷⁹⁵. Привлеченный по этому делу студент представлял конфликт таким образом, что не он, а шедший перед ним неизвестный, будучи в пьяном виде, оскорбил даму, прогуливавшуюся по Невскому проспекту. Спутник дамы, надворный советник Постников, пожаловался квартальному надзирателю, что какой-то неизвестный в сопровождении трех студентов нанес оскорбление его даме и скрылся, а студенты были сопровождены в часть. Там они свидетельствовали, что нанесший оскорбление прохожий им совершенно неизвестен, а они даму не обижали. Зато в показаниях студентов ярко описывается грубое обхождение с ними квартального надзирателя и прочих чинов полиции. «Эка невидаль, студенты, знаем мы вас, много ваших братьев у нас перебивало»⁷⁹⁶, – воспроизвели они слова квартального в своих показаниях инспектору. Вообще можно заметить, что студенты в таких конфликтах особенно нетер-

⁷⁹⁵ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 4919: О происшествии, случившемся 4 октября вечером на Невском проспекте со студентом Мессингом и об увольнении из университета студента Соца. 1846.

⁷⁹⁶ Там же. Л. 2.

пимо относились к грубости в свой адрес. В их объяснениях именно этот мотив выставлялся в качестве причины их несдержанного поведения, а сам конфликт они истолковывали как защиту корпоративной чести от обвинений, напрасно возведенных спутником дамы и усугубленных полицейскими.

Донесение обер-полицмейстера о том же происшествии совершенно иное. Он сообщал, что студенты, шедшие в одной компании с пьяным спутником, попытались бежать, но были задержаны. Притом, никто грубо со студентами не обращался, тогда как они сами «произносили неприличные выражения» в адрес квартального надзирателя.

После предварительного разбирательства дело было представлено на рассмотрение попечителю М.Н. Мусину-Пушкину, который предписал уволить двух студентов из университета. Свою роль в рассмотрении конфликта играло и высокое сословное происхождение студентов. Так, один из виновных был сыном цензора статского советника В.И. Соца, другой же – действительного статского советника Г.И. Мессинга. В уважение этого обстоятельства, а также того, что студенты принесли «совершенное раскаяние» в своих поступках (обязательное условие смягчения наказания, практиковавшееся еще в Педагогическом институте. – Т.Ж., К.К.), попечитель ходатайствовал перед Правлением университета о том, чтобы в увольнительном свидетельстве было указано, что эти молодые люди увольняются из университета по собственному желанию, чтобы они могли продолжить обучение в другом университете, что и было сделано. Таким образом, рассмотренное дело не только иллюстрирует механизм мягкого разрешения конфликтной ситуации, но еще раз свидетельствует о негласно существующей практике смягчения наказаний для студентов-дворян.

Случалось, что зачинщиками конфликта были городские жители. Так, трое своекоштных студентов университета, гуляя поздно вечером в парке, столкнулись с двумя нетрезвыми чиновниками, которые завели ссору, не давая студентам пройти.

В ответ на уговоры прекратить ссору один из чиновников нанес студенту побои палкой. Желая защититься, студент Беккер выхватил шпагу из ножен. И хотя пустить оружие в дело не пришлось, после того как полиция арестовала всех участников конфликта, студент Беккер был доставлен в университет как виновный в обнажении шпаги, а прочие студенты освобождены. В процессе разбирательства зачинщиками конфликта были признаны чиновники, однако за то, что студенты поздно посещали общественные гуляния, они подверглись обычному аресту в университете, а студент Беккер за обнажение шпаги был отправлен под арест на хлеб и воду⁷⁹⁷.

Конфликт между студентом и обывателем мог быть решен и без привлечения полиции. Как правило, подобным образом решались дела, когда потерпевший не желал широкой огласки произошедшего или хотел проявить «благородство» в отношении неопытной молодежи. В подобных случаях он обращался на имя попечителя учебного округа с заявлением о том, что его обида удовлетворена, и он не имеет претензий к студентам. Когда дело решалось подобным образом, вопрос о наказании студента-«обидчика» не ставился или оно было формальным и нестрогим. Так, оскорбленный одним из студентов университета Голубцовым коллежский секретарь Александр Корсак, некогда учившийся в университете, дважды обращался к попечителю, чтобы тот, «выдав домашнее наставление обидчику, заставил его вести себя осторожнее». Из описания дела ясно, что Корсак и Голубцов были давно знакомы, возможно, еще во время учебы первого в университете. Взаимная неприязнь породила конфликт, который не прекратился и после окончания А. Корсаком университета. При встрече на улице Голубцов оскорбил Корсака, осыпав его бранью и явно желая вынудить его на дуэль. Однако Корсак уклонился от дуэли и решил «искать защиту от угроз перед попечителем». Обстоятельства дела были тща-

⁷⁹⁷ РГИА. Ф. 735. Оп. 2. Д. 659: О происшествии, случившемся в Александровском парке со студентами. 1848. Л. 8.

тельно проверены инспектором, и после того как жалоба А. Корсака подтвердилась, Голубцов был арестован на трое суток и предупрежден, что при повторении подобного поступка будет исключен из университета.

Правилами поведения для студентов особо регламентировались отношения с военными. Причиной конфликтов студентов и младших офицеров было соперничество представителей этих близких и конкурентных социальных групп в попытке доказать свое превосходство. Н.М. Языков в дневнике за 1824 г. упоминает о столкновениях дерптских студентов и младших офицеров, временно квартировавших в Дерпте: «Встретятся студент и офицер, первый сталкивает последнего в грязь, последний спрашивает фамилию столкнувшего, сей объявляет оную верно. Офицер жалуется ректору, а виновного сажают в карцер: это повторяется почти ежедневно. Офицеры поставили себе за правило не принимать вызовов на дуэли от студентов, а жаловаться в случаях оскорбления, что еще больше заставляет и подстрекает студентов и толкать, и бранить, и всячески досаждают офицерам»⁷⁹⁸. В русских университетских городах подобные столкновения между студентами и офицерством, несомненно, возникали, но они носили характер скрытых или персонифицированных конфликтов, о которых университетскому начальству становилось известно далеко не во всех случаях⁷⁹⁹. Гвардейские офицеры, которых в Петербурге и окрестностях было большинство, часто имели хорошее военное или даже университетское образование и оправданно считали себя выше студентов в социальной иерархии. Конфликты студентов с представителями этой группы встречаются редко, как и столкновения с учащимися военно-учебных заведений, которые, наоборот, в силу юного возраста и неоформленного социального статуса не соперничали со студен-

⁷⁹⁸ Письма Н.М. Языкова к родным (1822–1829)... С. 128–129.

⁷⁹⁹ См., например: РГИА. Ф. 735. Оп. 6. Д. 21: По представлению попечителя СПб. учебного округа о дуэли между студентом Демидовым и поручиком Мейендорфом. 1860.

тами университета. Лицейисты также не рассматривались студентами университета как конкурентная группа. Студенты Медико-хирургической академии гораздо чаще проявляли солидарность со студентами университета, чем вступали в столкновения.

Совсем в ином ракурсе представлены в университетском делопроизводстве конфликты студентов с высшими военными чинами, поскольку в них усматривались злостные нарушения дисциплины. Конфликтом могло считаться даже небольшое отступление от правил ношения формы и субординации, распространенных при Николае I на студентов. Студентам, согласно правилам поведения, при встречах следовало отдавать честь генералам «особым образом»: становясь во фронт и сбросив с плеч шинель, как это требовалось от офицеров. Этот ритуал был не лишен комизма в глазах мемуаристов⁸⁰⁰.

Предписания диктовали студентам необходимость с особым почтением относиться к высшим военным чинам. С развитием в студенческой среде корпоративных ценностей «ученого сословия», замещающих уважение к иерархии чинов и бюрократических статусов, студенты все чаще уклоняются от демонстративного чинопочитания. В таком поведении после революционных событий 1848–1849 гг. усматриваются зерна политической неблагонадежности.

В 1849 г. попечителю столичного округа было конфиденциально предписано принять меры к строжайшему внушению и наблюдению, чтобы при посещении общественных мест студенты соблюдали приличие. Причиной подобного предписания были неоднократные свидетельства военных о том, что студенты столичного университета, прогуливаясь в Пассаже, не оказывают должного уважения генералам⁸⁰¹.

Примеры личных конфликтов между студентами и высшими военными чинами встречаются и в университетском

⁸⁰⁰ Оже де Ранкур Н.Ф. В двух университетах... С. 571.

⁸⁰¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 25. Д. 92: Дело о предписании попечителя принять меры для прекращения нарушений (насчет посещения воспитанниками Пассажа). 1849. Л. 4.

делопроизводстве. Такого рода столкновения часто имели для студента печальные последствия. Так, студенты Райский и Погуляев, выходя из кондитерской Вольфа, «нанесли оскорбление» бессарабскому военному губернатору М.Л. Фантону-де-Веррайону, не отдав чести и неприлично пошутив над ним, видимо, не заметив знаков отличия. Об этом происшествии Фантон-де-Веррайон сообщил в университет. После начала следствия студенты, раскаиваясь в своем поступке, просили у генерала прощения, свидетельствуя, что были пьяны. Генерал принял извинения, но его ходатайство о смягчении наказания не остановило следствия. Попечитель М.Н. Мусин-Пушкин в ответ на ходатайство истца написал о том, что действия студента не могут быть уравнены с действиями частного лица, поскольку все учащиеся подчинены университетскому начальству, а значит, административное наказание неизбежно.

Обстоятельства этого дела дошли до императора, который предписал сделать виновным примерное взыскание. Кроме того, – говорилось в высочайшей резолюции, – «до сведения моего доходят неоднократные самовольства здешних студентов на что прошу обратить особое ваше внимание и надлежащего начальства»⁸⁰². Райский и Погуляев были исключены из университета. Однако практика смягчения наказания студентам дворянского происхождения была применена и в этом случае, несмотря на тяжесть проступка. Студент Райский по ходатайству министра народного просвещения А.С. Норова через месяц был выпущен с гауптвахты, а после личного прошения на высочайшее имя получил разрешение продолжить обучение в Дерптском университете. Погуляеву по прошению его брата, статского советника, выдали свидетельство об обучении в университете без указания, что он исключен из университета за проступки. В целом, как справедливо отмечала

⁸⁰² РГИА. Ф. 733. Оп. 27. Д. 19: О неприличных поступках, произведенных студентами СПб. университета А. 26.

Т. Маурер, отношения между университетским сообществом и военными кругами осложнялись в силу растущей отдаленности интеллигенции и образованных кругов от армии в целом⁸⁰³. Соперничество «ученого сословия» и военной элиты, которое трудно было представить во времена декабристов, в конце николаевского царствования выливалось в разного рода конфликтные ситуации, которые в зависимости от сословного происхождения и статуса оппонентов разрешались университетским начальством с большей или меньшей твердостью.

Администрация университета (ректор и университетское Правление) представляли собой первую инстанцию, способную разрешать конфликты с участием студентов. Поскольку от позиции первой инстанции иной раз зависело не только наказание, но и судьба учащегося, все конфликтные ситуации между студентами и городскими обывателями тщательно разбирались в университете. Студенту давалась характеристика со стороны инспектора и его товарищей, как правило, положительная, а его проступок представлялся как случайное происшествие, не вытекающее из нравственных качеств. Действия отдельного студента в столкновении с «частным человеком» рассматривались как дело корпорации, за которые вся корпорация несет ответственность. Именно этим объясняется использование администрацией Дерптского университета смягчающих механизмов по отношению к студентам, что прослеживается при рассмотрении дел о конфликтах студентов и горожан⁸⁰⁴. В одном из конфликтов, по сообщению мемуариста, университетскому суду было предписано «при обсуждении проступков студентов всегда иметь в виду смягчающие обстоятельства и оценивать их соответственно их истинной природе»⁸⁰⁵. Таким образом, проступки студентов, за исключением дуэлей, приравнивались

⁸⁰³ Маурер Т. Университет и (его) город: новая перспектива для исследования истории российских университетов... С. 47.

⁸⁰⁴ См., например: РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Д. 252: Об оказанной студентом Дерптского университета Карлблумом и некоторыми другими товарищами его дерзости против жандармского офицера Серебренникова. 1851. Л. 23.

⁸⁰⁵ Летопись забав и шалостей дерптских студентов... С. 368.

к ошибкам, свойственным «неопытной юности», университетская администрация не искала в них отражения нравственных пороков или политической окраски.

В столице империи поиски смягчающих аргументов в пользу студента наталкивались на желание городской администрации и полиции уменьшить само присутствие «беспокойного» сословия на публичных площадках. Поэтому любое появление студентов в городе вызывало пристальное внимание к ним. Университетский Совет и Правление при всем желании защитить универсанта были слишком зависимы от городских властей и ведомственного начальства. От студента требовались безусловное повиновение властям и безукоризненное общественное поведение, всякое нарушение предписанных норм поведения администрация была вынуждена истолковывать как серьезный проступок, а коллективные действия, нарушающие общественный порядок – как серьезное городское происшествие.

В 1840-х гг. малейшее «превышение власти», угрозы или оскорбления студентов со стороны нижних чинов или офицеров полиции вызывали коллективное противодействие со стороны студентов. Так было, по крайней мере, в губернской Казани. Зимой 1849 г. в Казани произошла драка большого числа студентов с полицией – дело в университетской истории нерядовое. Попечитель Казанского учебного округа В.П. Молоствов вынужден был признать, что причиной конфликта были «некоторые неуместные угрозы, употребленные квартальным надзирателем». Но администрация университета и начальство III отделения отнеслись к инциденту со всей строгостью. Раскрученное по спирали преувеличений следствие привело к массовым исключениям казанских студентов и наказаниям карцером⁸⁰⁶.

Механизм защиты чести университета и его воспитанников в конфликтных столкновениях с обывателями сформировался только к середине XIX в., с развитием в студенческой среде

⁸⁰⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 45. Д. 104: О столкновении студентов Казанского университета с полицией. Л. 10.

корпоративной этики и правосознания. В 1857 г. при разбирательстве драки студента Харьковского университета В. Солодовникова с мещанином Чернощекковым министр народного просвещения А.С. Норов дал прямое предписание: до подтверждения вины студента не подвергать его никакому наказанию, «дабы таким образом удовлетворить хотя в некоторой степени чувству оскорбленного достоинства целого сословия студентов, видевшего своего товарища поставленным на одну доску с неким служителем»⁸⁰⁷. Таким образом, укоренение в среде студенчества корпоративных ценностей и осознание корпоративной обособленности способствовали корректировке позиции университетской администрации и ведомственных властей при рассмотрении конфликтов между студентами и городскими обывателями.

Покровительственное отношение к студентам как членам университетской корпорации обнаруживается на примере разбора дела «О нанесении студентами Петербургского университета оскорблений нижним чинам Гвардейского экипажа во время пожара»⁸⁰⁸. Во время тушения пожара в доме на 3-й линии Васильевского острова студенты, жившие там и помогавшие выносить вещи из квартир жителей, были избиты матросами, стоявшими в оцеплении на месте пожара. Матросы, имевшие приказ держать оцепление, не просто препятствовали проходу студентов, но по приказу начальника караула капитана Николева избили студентов прикладами, так что некоторые из них вынуждены были обратиться в университетский лазарет. Через попечителя пострадавшие заявили свою жалобу «на оскорбления и побои» со стороны нижних чинов Гвардейского экипажа, которые были санкционированы офицером. Дело получило широкую огласку, по личному распоряжению императора было проведено его «строжайшее исследование». В ходе разбирательства были получены частные свидетельства от горожан о том, что студенты не

⁸⁰⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 996. Л. 115.

⁸⁰⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 27. Д. 20: О нанесении студентами СПб университета оскорблений нижним чинам Гвардейского экипажа во время пожара. 1858.

нарушали порядок, а помогали в тушении пожара. По итогам следствия, длившегося несколько месяцев, министр народного просвещения представил императору доклад на основании заключения следователей, в котором обосновал мнение о необходимости наказать офицера, отдавшего приказ матросам применить силу против студентов. Александр II повелел это заключение исполнить, о чем было сообщено студентам через попечителя⁸⁰⁹. Фактически исходом этого дела стало публичное признание верховной властью обиды, нанесенной военными чинами не отдельным студентам, а студенчеству столичного университета как сообществу.

Признаком формирующейся коллективной идентичности студенчества в 50-е гг. XIX в. являлось тиражирование образа «человека университета» как обладателя высокого социального статуса и особых умственных, а значит, и нравственных качеств. Выделение студентов как членов университетской корпорации из общей массы городских обывателей присутствует и в документах этого времени⁸¹⁰. Так, П.А. Плетнев в записке министру А.С. Норову по поводу проекта реформирования университета писал: «Полтора века правительство наше торжественно и благодушно отличало образованность, знание перед невежеством, заурядностью»⁸¹¹. В конце концов, сложилась корпоративная мораль, проявлявшаяся в процессе социального взаимодействия студентов с другими группами и городским окружением. В середине века во всех университетских городах в моменты конфликтов студентов с «нестуденческим» миром уже отчетливо проявлялось стремление учащихся к корпоративному единству как принцип безусловной солидарности и взаимоподдержки. В случае конфликта с городскими обывателями студент мог рассчитывать на поддержку университетского начальства. Причиной таких конфликтов, как правило, было отсутствие консенсуса

⁸⁰⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 27. Д. 20: О нанесении студентами СПб университета оскорблений нижним чинам Гвардейского экипажа во время пожара. 1858. Л. 20–22.

⁸¹⁰ См.: Вишленкова Е.А. Университетский человек и время // Образование и просвещение в губернской Казани. Сб. статей. Вып. 2. Казань, 2009. С. 24–52.

⁸¹¹ ОР РНБ. Ф. 531 (Норов А.С.). Д. 47. Л. 229.

при определении места «университетского человека» в социальной иерархии.

В целом, несмотря на тесные связи университета с просвещенной частью петербургского общества, собирательный образ студента в глазах обывателей был скорее негативным. Он складывался из опыта взаимодействия, столкновений студентов и жителей столицы. Негативный образ «бедного студента», легкомысленного, склонного к воровству, дракам без повода, а то и к преступлению, в сознании городских обывателей формировался отчасти вследствие ложных доносов на студентов. Так, например, при расследовании дела об убийстве мещанской девицы Екатерины Матвеевой, занимавшейся ростовщицеством, свидетели доказывали, что приходивший к ней накануне молодой человек был одет в партикулярное платье и фуражку, худощавого вида с едва пробивающимися усами и называл себя студентом. Однако при расследовании ни один из студентов не был уличен в преступлении, а университетское начальство доносило полиции, что виновный «присвоил себе звание студента»⁸¹². «Есть люди, а таких немало, кои в студентах видят каких-то буянов, сорванцов и вообще людей дерзких, отрицающих бытие Божие, не чтящих и не уважающих никого и ничего», – писал универсанта Н.М. Колмаков. Именно такие люди, по мнению мемуариста, при всяком удобном случае пускали в ход про студентов всякие небылицы.

Студенты, склонные эпатировать общественную нравственность, встречались чаще среди выходцев из дворян, и эта черта была следствием упущений не университетского, а их домашнего воспитания. Так, например, один из студентов-аристократов, имея на конюшне собственных лошадей, развлекался тем, что под вечер выезжал на улицу в качестве извозчика и вводил в смущение тех, кто к нему садился, в том числе дам⁸¹³. Но мемуаристы сходятся в том, что городские истории о «безнравственности» студентов чаще всего раздувались из пустяковых

⁸¹² ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Т. 2. Д. 4748: О сделании розыскания, кто из студентов оказывается виновным в нанесении удара ножом мещанской девице. 1842. Л. 5.

⁸¹³ Колмаков Н.М. Очерки и воспоминания // РС. 1891. Т. 70. № 6. С. 662.

происшествий, виной чему были завышенные требования к нравственности молодых людей и всеобъемлющий внеуниверситетский и внешний надзор за ними. Это, в частности, подтверждает случай, произошедший со студентом Н.Ф. Оже де Ранкуром и описанный им в мемуарах. Молодой человек всего лишь бросил в театре мимолетный взгляд через лорнет на незнакомую даму, что было представлено в доносе как посягательство на ее честь. Университетское начальство дало ход доносу, и Оже де Ранкуру пришлось отсидеть трое суток в карцере.

Вообще отношения студентов дореформенного времени с женщинами, неизбежные и регламентируемые писаными нормами и корпоративной этикой, заслуживают отдельного рассмотрения. Нормы гендерного поведения студента как члена замкнутого мужского сообщества предполагали негативное отношение к женщинам вообще и эскапизм как желаемый образ действий «незрелых юношей» в отношении женщин. На практике контакты студентов с женской частью городского сообщества, знакомыми, родственницами, квартирными хозяйками, прислугой, в том числе живущей на территории университета, были разнообразны и постоянны.

В вечерних разговорах в комнатах казеннокоштных студентов, как о том свидетельствуют мемуаристы, тема женщин была постоянной. Н.И. Пирогов, в начале 1820-х гг. совсем юный своекоштный студент Московского университета, был частым гостем «10-го номера», где жили казеннокоштные. В своих воспоминаниях он фиксирует разговоры товарищей о женщинах и браке, которые перемежались спорами о Пушкине, тайных обществах, Наполеоне. Один из «авторитетных» жильцов «номера», студент Чистов при этом весьма цинично рассуждал: «Да что вам толковать о женитьбе! Что за брак! На что его вам? Кто вам сказал, что нельзя попросту спать с любой женщиною?»⁸¹⁴.

Серьезный и открытый «дискурс о браке», принятие сожителства как приемлемого сценария отношений с женщи-

⁸¹⁴ Пирогов Н. И. Из жизни московского студенчества 20-х годов XIX века // Московский университет в воспоминаниях... С. 82.

ной, в студенческой среде стал возможным лишь в пореформенные десятилетия, что было проявлением смены студенческого габитуса: превращения студентов из зависимых, опекаемых, аполитичных «детей» в свободных, самоорганизующихся, общественно активных «взрослых». Это выразилось в либерализации предписаний и правил для студентов и в размывании неписаных поведенческих норм, вариативности моделей поведения. Эти процессы ускоряются в конце XIX в. под влиянием литературы модернизма, общей «сексуализации культуры»⁸¹⁵. Если в 1840-х гг. упоминание о том, что кто-то из студентов живет в браке (на деле – сожительствует) с женщиной, были единичны⁸¹⁶, то на рубеже XIX и XX вв., по студенческим самопереписям только живших в законном браке с разрешения университетского начальства, было уже около 4%⁸¹⁷. Значительная доля студентов имела постоянных сожительниц из числа прачек, белошвеек, наемной прислуги как категории наиболее доступной, самостоятельной и нетребовательной. Настоящий гимн романтическим отношениям студентов со «швейками» создал студент 1910-х гг. Николай Агнивцев⁸¹⁸.

Дискурс о женщине для студента начинался на лекциях. Но в первые десятилетия XIX в. программа преподавания гуманитарных предметов, даже таких как естественное право (включавшее курс права семейного), не формировала у студентов представления не то что о правовом неравенстве женщин, но вообще об их социальных ролях, о браке как социальном договоре. Перекося этот был чисто интеллектуальный, поскольку говорить в реальности о «незнании» женщин и отсутствии интереса к ним у студентов не приходится. Представление о дореформенном университете как о закрытом мужском со-

⁸¹⁵ Марков А.Р. Что значит быть студентом: работы 1995–2002 годов. М., 2005. С. 84–89.

⁸¹⁶ Бобровский Т. Дневник моей жизни... С. 664.

⁸¹⁷ Марков А.Р. Что значит быть студентом... С. 84–90, 174–176.

⁸¹⁸ Выскочков Л.В. «Проза» студенческой жизни в поэзии Н.Я. Агнивцева // Уроки истории – уроки историка. Сборник статей к 80-летию Ю.Д. Марголиса (1930–1996). Сост. Т.Н. Жуковская, отв. ред. А.Ю. Дворниченко. СПб.: Изд-во Нестор-история, 2012. С. 322–340.

обществе, лишенном влияния женщин, требует корректировки. Несмотря на стремление властей законодательно ограничить присутствие женщин на территории университета, повседневная жизнь была такова, что устраивала студенту встречи с женщинами на каждом шагу.

Речь идет не просто о присутствии женщин (прислуги, кухарок, прачек, профессорских жен и дочерей) на территории университета как «неизбежном зле», а об установлении их законодательных отношений с университетом. Женщина, имевшая отношение к университету, наделялась и университетской экстерриториальностью, ее жизнь подлежала административному и финансовому регулированию со стороны университета. Прежде всего речь идет о женской университетской прислуге, женах университетских инвалидов, но также и о женах профессоров. Жены инвалидов, имея паспорт, подписанный Правлением университета, могли выезжать из Петербурга на родину, лечиться в городской больнице. Для первой половины XIX в. нормой было проживание семей преподавателей, а также служителей в зданиях университета, на Васильевском острове и у Семеновских казарм. Система пенсионного обеспечения предусматривала обязательства университета перед вдовами и малолетними дочерьми не только профессоров, но и простых служителей.

Казеннокоштный студент ежедневно сталкивался внутри зданий, во дворах с женской прислугой (женами служителей, солдат-инвалидов), профессорскими женами и дочерьми. Некоторые профессора держали в отведенных им покоях пансионеры (обучение с полным содержанием) и полупансионеры (то есть обучение со столом, но без оставления на ночь). Обед у пансионеров проходил за общим столом. Профессорские пансионеры были распространенным явлением в Москве и Казани. Причем профессора устраивали пансионеры как для абитуриентов, только намеревавшихся поступать в университет, подготавливая их к поступлению, так и для своекоштных студентов. Так, в 1830-х гг. историк М.П. Погодин содержал

частный пансион по подготовке в университет, в котором учился, например, А.А. Фет⁸¹⁹. Д.Н. Свербеев, поступивший в Московский университет в 1813 г., находился на «полупансионе» у профессора А. Ф. Мерзлякова⁸²⁰.

В Петербургском университете, в отличие от Московского и провинциальных, долгое время не было профессорских пансионов. Едва ли не единственное исключение составляли в этом смысле профессора А. Л. Крылов и А. И. Брут⁸²¹. Не были распространены и частные уроки на дому у профессоров, как это было в Москве. В Петербургском университете 1820–1840-х гг. брать уроки у профессора позволяли себе только редкие богатые студенты, на которых косо смотрели их товарищи. Таким образом, у студента-петербуржца было сравнительно меньше возможностей оказаться в обстановке профессорского дома, познакомиться с его семьей.

В то же время территориально до переезда Петербургского университета в 1838 г. в реконструированное здание Двенадцати коллегий казеннокоштные студенты и семейные профессора жили буквально под одной крышей. Так было в период размещения Педагогического института в 4-х «коллегиях» центральной части здания в 1806-1823 гг. Покои на втором этаже в той же части здания занимали профессора, над ними располагались аудитории и спальные комнаты студентов. Несколько лет Педагогический институт вел тяжбу с размещенными по соседству, в нижнем этаже, с окнами во двор, служителями Сенатского архива и экспедиции заготовления бумаг об освобождении помещений. Обычной картиной был завешанный бельем университетский двор, стирающие, готовые обед, носящие дрова и воду жены сенатских служителей и профессорская прислуга. Администрация Педагогического ин-

⁸¹⁹ Фет А. А. Воспоминания... // Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 230–231.

⁸²⁰ Свербеев Д. Н. Из воспоминаний // Там же. С. 65.

⁸²¹ Григорьев В. В. Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб., 1870. С. 103.

ститута безуспешно добивалась хотя бы устройства отдельного выхода во двор в этой части здания⁸²².

Во время размещения университета «в ротах Семеновского полка» на Звенигородской улице (1823–1837) в одних и тех же зданиях несколько лет в большой тесноте жительствоваали казенные студенты, воспитанники Благородного университетского пансиона, некоторые преподаватели и служители университета⁸²³.

Для студента существовала возможность войти в дом профессора в качестве гостя, и студенты ею пользовались. Сближаясь с профессорами, некоторые студенты становились своими для членов семьи профессора. Московский студент Я.П. Полонский свидетельствует, что его сокурсник Аполлон Григорьев, впервые побывав в доме у декана Н. И. Крылова, был «обворожен любезностью хозяйки (молодой жены профессора Любови Федоровны, урожденной Корш. – Т. Ж., К.К.) и ее матери, приезжавшей на вечер с двумя дочерьми». Впоследствии А. Григорьев стал своим человеком и в доме Коршей⁸²⁴. И.Ф. Тимковский, учившийся в Московском университете в начале 1790-х гг., был введен И.В. Лопухиным в дом профессора истории Х.А. Чеботарева и поселился у него⁸²⁵. В студенческие годы он, по собственному признанию, «имел в обществе почетные и приятные знакомства, не развлекаясь на многие дома. На досугах любил бывать у избранных профессоров»⁸²⁶. Если для Тимковского «досуги» в профессорском доме были частью неформального общения, то в 1840-х гг. приглашения в дом ректора университета А. А. Альфонского или попечителя С.Г. Строганова практиковались уже как форма официального поощрения лучших студентов⁸²⁷.

⁸²² РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 14: О перестройке здания Мануфактур-коллегии.

⁸²³ Столянский П. Н. К истории зданий С.-Петербургского университета // Материалы по истории Санкт-Петербургского университета. Т. 1. 1819–1835. Пг., 1919. С. СХ – СХLVII.

⁸²⁴ Полонский Я. П. Мои студенческие воспоминания // Московский университет в воспоминаниях ... С. 237, 241.

⁸²⁵ Тимковский И. Ф. Воспоминания // Московский университет в воспоминаниях ... С. 44.

⁸²⁶ Там же. С. 40.

⁸²⁷ Белоголовый Н. А. Из моих воспоминаний о Сергее Петровиче Боткине // Там же. С. 314.

Приглашение студентов в дом к ректору Петербургского университета И.П. Шульгину, состоявшему в этой должности с 1835 по 1840 г., могло иметь и вполне семейный повод, например, именины жены. Устраивались музыкальные вечера и в доме инспектора Фицтума фон Экштедта, куда, кроме студентов, приглашались воспитанницы Патриотического и Екатерининского институтов. В 1840–1850-е гг. очень известными и многолюдными были литературные вечера по средам у ректора П.А. Плетнева. В нижнем этаже приобретенного для нужд университета ректорского флигеля Плетнев устроил что-то вроде гостиной, куда приглашались и студенты⁸²⁸. Сама обстановка встреч в домах любимых и авторитетных профессоров, в присутствии хозяина и хозяйки дома, «воспитывала». При свойственной дореформенному университету «патриархальности» отношений, когда представители профессорской корпорации относились к студентам не как к младшим коллегам, а как к воспитанникам, между ними действительно устанавливались почти семейные отношения. Профессорский дом мог заменять иногородним студентам их собственный, и эти «семейные» отношения продолжались после окончания университета. Бывшие студенты приглашали профессоров быть посаженными отцами на свадьбах, крестными отцами при рождении детей.

Санкционированной формой гендерного взаимодействия студента с внешней городской средой были «кондиции», т. е. уроки, которые студент с разрешения начальства давал в семьях горожан. Архивные источники по истории Педагогического института свидетельствуют о том, что уже в 1806 г. его наиболее способные студенты отпрашивались на «кондиции» с разрешения Конференции профессоров. Причем они давали уроки в домах высших сановников: детям сенатора и попечителя Московского университета М.Н. Муравь-

⁸²⁸ Шубин В.Ф. Вечера Плетнева в ректорском флигеле // Очерки по истории С.-Петербургского университета. Вып. V. А., 1984. С. 86–93.

ева, графа П.А. Строганова, кн. Голицына, появлялись в домах представителей иностранных посольств⁸²⁹.

Давая уроки или, как говорилось, уходя на «кондиции в семейства», студент мог там столоваться, оставаться на летние месяцы (если требовалось «подтянуть» ученика), вступая в непрерывное общение с женской частью семьи. Адюльтер на «кондициях» – хрестоматийный сюжет в русской литературе XIX в. Летняя дачная жизнь с романтическими прогулками, вдали от инспекторского надзора, воспета и в мемуарах студентов⁸³⁰.

Среди развлечений студентов одним из самых любимых на протяжении всего XIX в. был театр. Причем театру драматическому и музыкальному отдавалось равное внимание, несмотря на то что хождение на балетные спектакли было «по карману». Студенты были завсегдатаями городских театров, особенно провинциальных, занимая дешевые места в партере или в абонированной ложе, и составляли круг поклонников хороших актрис. Студенты-театралы разбивались на «партии» в зависимости от приверженности той или иной актрисе, подносили объекту своего поклонения цветы и венки, встречали ее «неистовым хлопанием», а ее конкурентку провожали дружным «шиканьем»⁸³¹. Организованное проявление театральных пристрастий нередко привлекало внимание полиции, заканчивалось разбирательством и ужесточением надзора за студентами, как, например, было в Харьковском университете 1820-х гг. после «буйства» студентов в театре.

Мемуаристы из Московского университета начала 1830-х гг. упоминают и об организации в самом университете любительских спектаклей по подписке, с приглашением городской публики. Любопытно, что женские роли в пьесах исполняли сами студенты⁸³².

⁸²⁹ ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 187: Списки студентам, кои хотят на кондиции.

⁸³⁰ Оже де Ранкур Н.Ф. Воспоминания... С. 586–590.

⁸³¹ Афанасьев А. Н. Московский университет (1844–1848) // Московский университет в воспоминаниях... С. 279–280.

⁸³² Агилландер Н. А. Виссарион Григорьевич Белинский // Московский университет в воспоминаниях... С. 98.

Студенты, имевшие в городе родственников или знакомых, получали возможность несколько вечеров в неделю проводить в семейных домах, оставаться там во время церковных праздников, на Рождество и Пасху. У родственников или опекунов молодые люди могли отдохнуть от занятий, поужинать, выпить, потанцевать. Правда, казенный студент вынужден был покидать эти вечера задолго до окончания, т. к. ему предписывалось вернуться в университет до 12 ночи. Но нарушения правил поведения были столь часты, что на ночные перемещения студентов их инспектор Фитцтум фон Экштедт вынужден был смотреть сквозь пальцы. Его легендарный «либерализм», когда инспектор, ложась спать, оставлял дверь в здание открытой, а запоздавший студент сам аккуратно ее запирает, был прославлен в воспоминаниях петербургских студентов.

В середине столетия студенты были принимаемы и в так называемом «хорошем обществе», почти ни один бал или вечер, даже в аристократических домах, не обходился без значительного числа студентов. Конечно, в данном случае речь шла прежде всего о своекоштных студентах из дворян. Так, студент Харьковского университета Н. Ф. Оже де Ранкур посещал вечера в Дворянском собрании, бывал на балах у генерал-губернатора князя Н.А. Долгорукова, у известного в Харькове откупщика Кузина, других представителей провинциального «монда».

Парадокс в том, что приглашался на публичные увеселения конкретный человек, «принятый в обществе» (он мог быть и студентом), но не студенты как прослойка городского населения. «Студентов» в первой половине XIX в. не прилично было приглашать на бал, в театр, в другие места, где были женщины «из благородного общества», прежде всего потому, что университетский юноша в то время «не был полноправным участником брачного рынка. Он еще не служил, не имел устойчивых средств к существованию и не рассматривался городскими обывателями в качестве потенциального жениха»⁸³³. В столице империи исключение делалось для

⁸³³ Вишленкова Е. А., Мальшева С. Ю., Сальникова А. А. *Terra universitatis* ... С. 337.

юношей из аристократических семейств, социальный статус которых в данном случае оценивался не по принадлежности к университету, а по положению их отцов.

Провинциальные нравы были демократичнее. Даже в 1824–1825 гг. во время попечительства М.А. Магницкого казанские студенты, отринув «смирennemудрие», давали в залах университета с разрешения начальства публичные маскарады и, как сообщал автор анонимного доноса, «до утра танцевали с девицами и дамами»⁸³⁴.

По воспоминаниям, казанские студенты 1840–1850-х гг. «были хорошо принимаемы в обществе... Многие слыли хорошими танцорами и потому были видными дамскими кавалерами. Почти ни один бал или вечер, даже в аристократических домах Казани, не обходился без значительного числа студентов»⁸³⁵. Когда же девушки хороших фамилий слишком явно оказывали предпочтение офицеру перед студентом (что с точки зрения брачных стратегий было естественно), товарищи студента устраивали девушке, «оскорбителю»-офицеру и даже ее родителям неприятные сцены. В данном случае студенты вели себя по правилам корпоративной солидарности, но вступали в конфликт с нормами общественной морали.

Участие студентов в городских увеселениях и даже костюмированных балах (несмотря на запрет участия в маскарадах из-за невозможности появляться на них в предписанном уставом мундире) было повсеместным. П.Д. Боборыкин свидетельствует, что студенты участвовали в «галантных» историях казанского общества начала 1850-х гг.⁸³⁶ Сам мемуарист в первую же зиму своего студенчества, несмотря на бедность, «стал бывать в казанских гостиных» (где принимали студентов, но не принимали, например, чиновников-недворян), флиртовал с девушками из «общества», и это куртуазное времяпрепровождение было, как

⁸³⁴ Вишленкова Е. А., Мальшева С. Ю., Сальникова А. А. *Terra universitatis*... С. 354.

⁸³⁵ Ильинский А. И. За полстолетия. 1841-1892. Воспоминания о пережитом // РС. 1894. № 4. С. 34.

⁸³⁶ Боборыкин П. Д. Воспоминания... С. 73.

выражается мемуарист, «полезно», поскольку отвлекало «от многих грязных увлечений студенчества», к тому же юноша таким образом «полировался», т. е. приобретал знакомства, манеры, умение держаться в обществе⁸³⁷.

Мир «города» был противоположен миру университета. Взаимодействие универсанта с городской средой открывало более или менее свободный доступ в мир женщин (родственников, любовниц, проституток, знакомых) в родительском доме, трактире, на «кондициях», в театре, на загородной даче.

В отношениях студентов с женщинами, как и вообще с городской публикой, выезд за пределы города отодвигал условности и расширял границы допустимого поведения. Прогулка с девушками на открытом воздухе даже в черте города уменьшала количество свидетелей и соглядатаев, ослабляла надзор. В середине XIX в. в Казани излюбленным местом гуляний горожан был Лядской сад, который студенты не случайно окрестили «Садом любви»⁸³⁸. Романтические отношения со студентом считались допустимыми, если были известны родителям девушки и студент был принят в родительском доме. Всякое иное «ухаживание» считалось оскорблением, даже если происходило по обоюдному согласию. Эти культурные нормы соответствовали границам «благородного поведения», присущим дворянской культуре⁸³⁹. Эти нормы могли быть нарушены, если девушка принадлежала к мещанскому сословию.

Петербургские студенты отмечали начало летних вакансий поездкой на острова. Элементом формирующегося корпоративного ритуала студентов-петербуржцев были «выпускные вечера» с угощением, которые прямо на островах устраивали младшие курсы тем, кто покидал университет⁸⁴⁰. Кутежи на открытом воздухе сопровождались обильными возлияниями. Вот описание одного из таких празднеств, оставленное студен-

⁸³⁷ Боборыкин П.Д. Воспоминания... С. 65.

⁸³⁸ Там же. С. 356.

⁸³⁹ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства XVIII – начала XIX в. СПб., 1994.

⁸⁴⁰ Чебыкина Н. В. Быт студенчества... С. 118

том Петербургского университета Н.И. Иваницким: «Все студенты первых трех курсов сложились по 10 рублей, выбрали место на берегу озера, накупили вина и приготовили кутеж. Каждый должен был приезжать туда в сюртуке, фуражке, со своей трубкой и табаком. На празднике было всего человек до 40: пили, ели, дурачились и прочее почти до утра»⁸⁴¹. Практика «отдыха на природе» была особенно популярна в Дерптском университете, студенты которого в летнее время устраивали общую пирушку за городом на средства вновь поступивших. Начальство университета не могло этому противостоять и лишь ввело в 1822 г. ограничение на размер взноса, определенного на организацию студенческих праздников. Подобные кутежи, естественно, не обходились без женщин.

Как уже отмечалось, дореформенный университет призван был не только обучать, но и формировать «нравственность» учащихся, под чем понималась нормативная религиозность, следование правилам хорошего тона в общении как с мужской частью общества, так и с женской. Если конфликты студентов в публичном пространстве с простолюдинами мужского пола «выпадают» из сферы наблюдения, то в отношениях студентов с женщинами значение придавалось как конфликтам с «благородными особами», так и проступкам в отношении женщин низкого происхождения (это могли быть оскорбления на улице, обман сожительниц, сексуальное насилие в отношении девушек из числа прислуги и т. д.). Такие проступки были наглядной характеристикой «нравственного падения» студента, не имели оправдания и были поводом для его исключения из сообщества⁸⁴².

Как правило, в случаях, когда неприличными словами или действиями была задета честь дамы из «благородного сословия», обидчикам определялось серьезное наказание. Так, например, в 1826 г. студенты Московского университета, позволившие себе оскорбить на прогулке в Александровском саду женщину из хо-

⁸⁴¹ Иваницкий Н. И. Автобиография // РА. 1909. Кн. 3. № 10. С. 283.

⁸⁴² См., например: РГИА. Ф. 735. Оп. 10 Д. 266: Об исключении студентов: Благина, Случевского и Абашева из Петербургского университета. 1853.

рошего общества, были немедленно исключены из университета. Данный инцидент дал повод к изданию особого постановления министра народного просвещения об устроении надзора за нравственностью студентов во время их увольнений в город⁸⁴³.

Однако современники утверждают, что на незаконные отлучки, шалости, галантные похождения студентов на стороне университетская инспекция смотрела «сквозь пальцы», не смотря на строгие параграфы инструкций. «В сущности, инспекторский надзор с его “субами” (субинспекторами, набираемыми из чиновников университета, подчинявшихся инспектору. – Т. Ж, К.К.), которых ни в грош не ставили, не проникал в глубь студенческой жизни... и под внешней подтянутостью держались довольно-таки дикие нравы – пьянство, буйство, половая распущенность»⁸⁴⁴.

Степень «половой распущенности» дореформенного студента была пропорциональна суровости ограничений его допустимых контактов с женщинами. Посещение студентами публичных домов визуально фиксировалось полицией, как и посещение трактиров, но само по себе не наказывалось. Заботой университетского начальства вкупе с политической полицией было лишь то, чтобы ближайшие заведения подобного рода отстояли от университета территориально как можно дальше. Так, 27 октября 1836 г. начальник III отделения А.Х. Бенкендорф сообщал секретным письмом на имя министра народного просвещения С.С. Уварова, что до сведения его дошло, что в окрестностях университета «помещаются публичные женщины». «Принимая в соображение вред, могущий произойти от сего для молодых людей, посещающих университет, – писал Бенкендорф, – я отнесся к С.-Петербургскому обер-полицмейстеру, дабы он сделал распоряжение к очищению окрестностей Университета от означенного зла»⁸⁴⁵.

⁸⁴³ Сборник постановлений... Т. 2. Отд. 1. Стлб. 63–64.

⁸⁴⁴ Боборыкин П. Д. Воспоминания... С. 60.

⁸⁴⁵ РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Д. 114: По отношению ген.-ад. Бенкендорфа об очищении окрестностей С.-Петербургского университета от публичных женщин. Л. 3.

Студенческие шалости, жертвами которых становились женщины, могли быть как невинными, так и предосудительными, оскорблявшими честь женщины и даже опасными. Среди петербургских студентов 1820-х гг. бытовал апокрифический рассказ, записанный Н.М. Колмаковым, о том, что один студент-аристократ из своекоштных, «имея на конюшне много лошадей без дела, забавлялся тем, что под вечер выезжал на улицу в качестве извозчика и предлагал свои услуги в особенности юным женщинам»⁸⁴⁶. Далее эта история повествует о том, как однажды «извозчик» раскрыл себя, обратившись по-французски к двум дамам, севшим в его экипаж и рассуждавшим, как лучше «устроить свидание со своим кавалером». Дамы, «услышав его и вообразив, что это переодетый разбойник или мошенник, выскочили из экипажа, подняли крик». Забавы князя, переодевавшегося извозчиком, если это было на самом деле, должны были кончиться вмешательством университетского суда.

В иерархии ценностей студенческого мира любовь к женщине стояла ниже не только «служения науке», но и «святой мужской дружбы», «студенческого братства». Без труда находя «любовь на час» в городских публичных домах, трактирах, у хозяек наемных квартир или университетской прислуги, студенты не включали любовь к женщине в ряд «серьезных» увлечений. Поэтому в студенческом фольклоре женщина воспевается как сексуальный объект, но не источник возвышенного чувства. В студенческой любовной лирике присутствует тема обольщения женщины, но практически отсутствует тема «платонической любви», естественная для молодых людей, лишенных возможности вступления в брак по любви. «Вакхическая» тема, преобладающая в текстах студенческих песен, исключает появление рядом с ней «романтических» образов. «*Нам рюмок звонкий поцелуй / Милей и краше юной девы*», – пели в середине XIX в. казанские студенты⁸⁴⁷. «Вообще, сен-

⁸⁴⁶ Колмаков Н. М. Очерки и воспоминания // РС.1891. Т. 70. № 6. С. 662.

⁸⁴⁷ Аристов А. П. Песни казанских студентов. 1840–1868. СПб., 1904. С. 63.

тиментального оттенка в чувствах к другому полу замечалось очень мало. О какой-нибудь роковой истории вроде самоубийства одного или обоих возлюбленных, никогда и ни от кого не слышал», – пишет П. Д. Боборыкин⁸⁴⁸.

Групповая, гендерная и возрастная однородность студенчества определяла специфические формы досуга, которые воспроизводись из поколения в поколение: литературные и драматические упражнения, совместное музицирование, пирушки, студенческие дуэли. Многие корпоративные практики прекрасно обходились без женского общества. Невозможность для многих казеннокоштных студентов посетить частные дома (если у них не было в городе родственников или знакомых) отталкивала их от увольнений и они оставались в университете даже в свободное от лекций время. Да и будучи в городе, казеннокоштным студентам было гораздо труднее, чем своекоштным, найти приличное женское общество. Время вне университета они тоже проводили чаще по трактирам, без женщин, в соответствии с тощим кошельком и бурсацкими привычками. А если во время увольнений казеннокоштный студент сталкивался с «женским населением» города, то эти встречи часто не вписывались в рамки должного поведения.

«Шутка» с женщиной во время прогулки в Александровском саду дорого обошлась двум казеннокоштным студентам Московского университета. Видимо дама, к которой они «приставали» (судя по всему, студенты ограничились непристойными словами, не переходя к «действиям»), была из «хорошего общества» и, почувствовав себя оскорбленной, она обратилась с жалобой к университетской администрации. Дело это попало на глаза императору и закончилось исключением обоих виновников и специальным постановлением министра народного просвещения об устроении надзора за нравственностью студентов во время их увольнений в город⁸⁴⁹.

⁸⁴⁸ Боборыкин П. Д. Воспоминания... С. 81.

⁸⁴⁹ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. Ч. 1. СПб., 1867. Стлб. 63–64.

Студентам, бывшим «при деньгах», нетрудно было найти себе любовниц на час в соответствующих заведениях. Останавливалась на этом пути только опасность заразиться «дурной болезнью». Своекоштные студенты, живущие из-за бедности по самым дешевым квартирам, часто оказывались в «трущобах» с дурной репутацией. В Казани 1850-х гг. многие своекоштные студенты обитали в «акчуринских квартирах с нумерами, в которых студенческая братия проживала вперемешку с особами прекрасного пола и легкого поведения»⁸⁵⁰.

На территории университета администрация, как могла, ограничивала сферу контакта студентов с женской прислугой. В свободное от занятий время они находились под постоянным надзором, ночью в спальнях комнат студентов дежурил субинспектор. Тем не менее совершенно исключить соблазн было не под силу самым бдительным инспекторам. Сохранился дневник Франца Ксаверия Броннера, бывшего в 1814–1817 гг. инспектором студентов в Казанском университете. Этот уникальный источник содержит многочисленные, почти ежедневные записи о поведении студентов и борьбе автора за их нравственность. Среди этих записей немало свидетельств о домогательствах студентов в отношении прачек, кухарок и другой прислуги. «Пьяные студенты Дмитрий Соловьев и Уфимцев грубо обошлись со служанкой проф[ессора] Брейтенбаха ... Мною заперт в карцер студент Филарет Базилев за то, что ... в отсутствие профессора вошел в его спальную и стал приставать к служанке, но когда она отказала, он надавал ей пощечин», – вот две из многих похожих записей в дневнике инспектора⁸⁵¹.

Оскорбленными могли быть признаны как женщины благородного происхождения, на основании только непристойного взгляда или жеста, допущенных студентами в их адрес в пуб-

⁸⁵⁰ Лебедев В. А. Учебные воспоминания // РС. 1908. № 7. С. 33; Вишленкова Е. А., Мальшиева С. Ю., Сальникова А. А. Terra universitatis... С. 337.

⁸⁵¹ Профессор Франц Ксаверий Броннер, его дневник и переписка (1758–1850 гг.). Публ. Д. Нагуевского. Казань, 1902. С. 177, 182, 187.

личных местах, так и простолюдинки. Но последним необходимо было представить фактические доказательства «оскорбления» или найти свидетелей. Вот характерный инцидент, который можно интерпретировать как дело о попытке изнасилования, попавший в секретное делопроизводство канцелярии министра народного просвещения, как и другие документы о «нравственных преступлениях».

В конце декабря 1852 г. попечитель С.-Петербургского учебного округа М.Н. Мусин-Пушкин доносил министру народного просвещения П.А. Ширинскому-Шихматову, что 15 декабря 1852 г. двое студентов университета, а именно «казенный студент 3 курса юридического факультета Владимир Блахин и своекоштный студент 2-го курса разряда естественных наук Измаил Случевский» пришли на квартиру к своему товарищу, своекоштному студенту 2-го курса разряда естественных наук Алексею Абашеву, который жил у художника Василия Юневича в доме Миллера, в 5-й линии Васильевского острова. Здесь трое студентов в отсутствие хозяина квартиры позволили себе «делать неприличные поступки со служанкою Юневича Дарьей Григорьевой, позванной ими для уборки комнаты». Вошедшему при этом художнику Юневичу «отвечали невежливо». Попечитель учебного округа, получив известие об этом инциденте, приказал арестовать студентов, исключить из университета и отдать под суд. Их поступок был назван «весьма предосудительным» и повлек полицейское расследование, выводы которого запятнали бы честь университета, если бы не оказались подтасованными⁸⁵².

Судя по тому, что служанка Григорьева подала на студентов жалобу квартальному надзирателю, откуда она поступила в Управу благочиния для разбирательства, студенты обошлись с ней грубо, но доказать факт изнасилования студентами женщина не смогла. Дело дошло до медицинской экспертизы, про-

⁸⁵² РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Д. 266: Об исключении студентов Блахина, Случевского и Абашева. Л. 1–2.

веденной Санкт-Петербургским физикатом. По данным экспертизы, представленным следствию, выяснилось, «что у Григорьевой девственная плева повреждена, но когда это случилось, того в настоящее время определить невозможно, сама же крестьянка Григорьева созналась, что она так давно лишена невинности, что не помнит даже и времени этому». В свою очередь попечитель округа пытался выгородить студентов и в повторном донесении министру от 9 марта 1853 г. представил дело, с их слов, так, что изнасилования не было, а было только посягательство и «непристойные шутки». Судебный иск своей прислуги пытался поддержать только художник Юневич, также чувствовавший себя оскорбленным, но не преуспел в этом. Впоследствии Григорьева свои претензии к студентам отозвала. Возможно, родители студентов или администрация университета пытались влиять на потерпевшую. Ведший дело судебный пристав представил его так, что жалобы девки никем не подтверждаются, сами же студенты на следствии показали, что они «никакого бесчинства с Григорьевой не делали», просто «обращались к ней с шутками», когда она вошла в комнату. Налицо было соглашение следствия с администрацией учебного округа, а уже исключенные из университета молодые люди признаны «пострадавшими невинно». На этом основании попечитель через два месяца после инцидента просил разрешения министра смягчить для студентов наказание и объявил, чтобы они «взошли с прошениями» о перемене свидетельств, которые получили при увольнении. Т. е. в ближайшем будущем студенты могли рассчитывать на восстановление в столичном университете или в каком-либо другом. Таким образом, при поддержке администрации округа в лице М.Н. Мусина-Пушкина уголовное дело приняло характер дисциплинарного нарушения, а корпоративная честь была «восстановлена» не лучшим способом лжесвидетельств, возможно, подкупа и давления. Однако это соответствовало сословному неравенству сторон перед судом.

Говоря о культурных нормах маскулинности в студенческой среде, нельзя обойти тему *сексуальной дезориентации*. Для культуры и повседневности XIX в. это звучит точнее современного понятия «нетрадиционная ориентация», применительно к достаточно замкнутому мужскому сообществу студентов. Примеры такой «дезориентации» (подобно переключению сексуального интереса на товарищей в кадетских корпусах, и на подруг – в женских закрытых учебных заведениях) редко упоминаются мемуаристами первой половины XIX в., что можно связать не с реальным отсутствием подобных отношений в университете, а с их осуждением моралью корпорации. Зато в документах университетской канцелярии о надзоре за поведением студентов проблема гомосексуализма возникает довольно часто как предмет разбирательства и жесткого наказания.

В начале XIX в. случаи гомосексуализма, бывшие частью повседневности кадетских корпусов, солдатских казарм и студенческих общежитий, не воспринимались современниками как нечто чрезвычайное. В университетском сообществе они оценивались «как проявление болезни, вызывая сожаление у преподавателей, отвращение у не вовлеченных в такие отношения сокурсников, страх у родителей»⁸⁵³. «Содомский грех» среди воспитанников было трудно предотвратить, поскольку нельзя было изолировать «больных» от «здоровых», и он превращался в настоящую фобию университетского начальства. В университетском законодательстве первых лет XIX в. специальное наказание за «развратное поведение» предусматривалось только в уставе Дерптского университета, в главе «О студентах»⁸⁵⁴. В остальных университетах студентов, уличенных в «содомском грехе», наказывали «домашними средствами»: делали внушения, лишали увольнения, сажали в карцер. Цели предотвращения «развратных поступков» служило назначение комнатных старост

⁸⁵³ Вишленкова Е. А., Малышева С. Ю., Сальникова А. А. Terra universitatis ... С. 334–335.

⁸⁵⁴ Сборник постановлений ... Т. 1: 1802–1825. СПб., 1864. Стлб. 110, 111–113.

и частое посещение студенческих комнат инспектором, в неожиданное время, не только днем, но и ночью. При этом наказание за моральные проступки определялось всегда более жестким чем, например, за леность или нарушение формы. Оно определялось постановлением от 21 апреля 1811 г., которое предписывало казенных студентов из духовного звания и разночинцев, «уличенных во вредных преступлениях и *развратном поведении*», отсылать в военную службу⁸⁵⁵. Однако это постановление практически не применялось до середины 1820-х гг. В николаевское царствование в отношении юношей, уличенных в содомии и развращении сокурсников, отдача в солдаты как мера наказания стала неотвратимой.

Повышение общественного статуса петербургского студента как актора культурной и социальной коммуникации происходило медленно, начиная с 1830-х гг., что было связано с притоком в аудитории своекоштных студентов-дворян, которых до конца 1820-х гг. в столичном университете было мало. Мода на университет и «ученых юношей» в Петербурге установилась на три десятилетия позже, чем в Москве, где общество студентов-дворян признавалось приемлемым для благородного собрания еще в «допожарный» период. Отношение к студентам со стороны поколения «отцов» и «матерей», рассматривавших их как социально чуждых и странных в своем увлечении «книжностью», утрированно, но ёмко выражает монолог княгини Тугоуховской из бессмертной комедии А.С. Грибоедова. Этот монолог, между прочим, буквально включает формулы обвинения из университетского «дела профессоров» 1821 г., осуждение «учености» и ее носителей, признаваемых социально «неполноценными»:

«... в Петербурге институт
Пе-да-го-гический, так, кажется, зовут.
Там упражняются в расколах и безверьи
Профессоры!! У них учился наш родня

⁸⁵⁵ Сборник постановлений... Т. 1: 1802–1825. СПб., 1864. Стлб. 686.

И вышел! Хоть сейчас в аптеку, в подмастерьи,
От женщин бегают, и даже от меня!
Чинов не хочет знать. Он химик, он ботаник.
Князь Федор, мой племянник»⁸⁵⁶.

Столь асоциальные и неприемлемые для «света» персонажи, как «князь Федор» и Чацкий, разумеется, не брались в расчет при выстраивании матримониальных стратегий. Но и студенты, вписанные в поведенческие и жизненные стратегии дворянско-чиновного мира, не спешили к алтарю, не будучи до конца обучения признаны ни родителями, ни обществом полноценными гражданами, способными завести семью.

«В наше время дико было представить себе *женатого студента*; и в Казани, и еще более в Дерпте, кутилы или зубрилы – все одинаково далеко стояли от брачных мыслей, смотрели на себя как на учащихся, а не как на обывателей в треуголках с голубым околышем, – писал в своих воспоминаниях П. Д. Боборыкин. – Интриги имел кое-кто; а остальная братия держалась дешевых и довольно нечистоплотных сношений с женщинами»⁸⁵⁷.

Брачный статус студента изменился коренным образом лишь с введением устава 1884 г., который официально допускал заключение брака во время обучения в университете с особого разрешения ректора, при условии, что материальное положение жениха соответствует семейным обязательствам. Но даже в 1900-х гг. доля студентов, состоящих в браке, не превышала нескольких процентов от общего числа, при том часть их поступала в университет, уже будучи женатыми.

Гражданские браки, или более-менее длительное сожительство с женщинами, затрагивали 3–4 % студентов (по материалам студенческих самопереписей 1900-х гг.), но в первой половине XIX в. они были еще менее приемлемы, поскольку

⁸⁵⁶ Грибоедов А.С. Горе от ума. Действие III, явление 21.

⁸⁵⁷ Боборыкин П. Д. Воспоминания... С. 81.

корпоративная мораль однозначно осуждала длительные отношения с женщиной как «измену студенческому братству», а материальное и правовое положение «женихов» и их собственные ценностные установки не позволяли связи с женщиной до окончания обучения стать сколь-нибудь прочной. Исключением могло быть сожителство студента с квартирной хозяйкой (или ее дочерью), но студент при этом сильно рисковал в случае инспекторской проверки (инспекторы регулярно посещали студентов на квартирах), и даже при попытке к «бегству», т. к. в случае обращения в университет обиженной сожительницы он подлежал университетскому суду за аморальное поведение, «обман женщины». Обиженная сожительница могла обратиться в Правление университета и с требованием возвращения долга. Правление несло финансовые обязательства по студенческим долгам и вносило деньги за студентов-должников. Поэтому студенты старались быть свободными от материальных и моральных обязательств перед сожительницами и попросту избегали серьезных отношений, манифестируя это как верность «кодексу чести» корпорации.

Распространенные в университете в конце 1830–1840-х гг. студенческие корпорации, в которые была вовлечена значительная часть студентов, независимо от национальной принадлежности корпорантов, выступали регулятором сексуального поведения, допустимого правилами корпоративной чести. Студент, допустивший «обман женщины» (т. е. отклонившийся от принятых в сообществе правил) подлежал исключению из корпорации по «суду чести». В конечном счете, дело все равно доводилось до университетского суда и реального исключения студента.

С приходом в университет первых вольнослушательниц в начале 1860-х гг. гендерное взаимодействие в его стенах усложнилось. В то же время присутствие женщин в аудиториях положило конец формальной гендерной «экстерриториальности» университета, смягчило нравы учащейся молодежи, спо-

собствовало постепенному превращению его из социальной группы с переходным статусом в полноценное сообщество.

Вообще студенты Петербургского университета оказывались в гораздо более изолированном положении в пространстве столичного города, чем студенты провинциальных университетских городов, где именно университет воспринимался как градообразующий, культурный, архитектурный центр и центр социального притяжения⁸⁵⁸. Если Московский университет был общественным центром старой Москвы уже в конце XVIII в., то в Петербурге Педагогический институт и университет в первые десятилетия оставались на периферии городской и общественной жизни. Думается, что это положение в значительной мере обуславливалось демократичным социальным составом профессоров и длительным отсутствием дворянско-чиновной прослойки в студенчестве. Столичный город вообще до конца 1830-х гг. мало видел и плохо знал своих студентов, живущих изолированно в «доме университета».

Образ петербургского студента – драчуна, пьяницы, склонного к разврату и воровству, сложившийся в сознании городских обывателей в 30–40-е гг. XIX в., не оставался неизменным. С конца 1850-х гг., по мере роста общественной и политической активности студенчества и авторитета университетской науки, он постепенно вытесняется образом студента-оппозиционера и студента-интеллектуала⁸⁵⁹.

Показательно, что именно на этом рубеже изменилась и позиция университетской администрации, и МНП в рассмотрении конфликтов студентов с посторонними университетами лицами. Активное участие в расследовании причин инцидента принимают обыватели, готовые дать свидетельства в том, что студенты не являлись виновниками ссоры, а были спровоцированы. Так, например, в расследовании причин ссоры студентов Алексеева и Аверкина с прапорщиком

⁸⁵⁸ Вишленкова Е. А., Малышева С. Ю., Сальникова А. А. *Terra universitatis* ... С. 15.

⁸⁵⁹ См.: Жуковская Т. Н., Казакова К. С. Русский студент дореформенной эпохи ... С. 75.

лейб-гвардии Гатчинского полка Шембелем, произошедшей после спектакля в Александринском театре, принимали участие коллежский секретарь Григорьев, купец Зимин и коллежский регистратор, фамилия которого не упоминалась в деле. Они свидетельствовали, что причиной ссоры было грубое обращение Шембеля к студентам. Военный публично произнес бранные слова в их адрес, закончив фразой: «Вы дети, вы трусы и, наконец, что вы такое!»⁸⁶⁰. Подобные ситуации свидетельствовали о том, что к этому времени студент в глазах обывателей воспринимается как человек с устойчивым социальным статусом, имеющий право на уважение.

С момента своего возникновения университет выполнял особую миссию просвещения общества, представляя ему не только эталон научного знания, но и высокие нравственные критерии поведения университетского человека. Социальные отношения универсанта с просвещенной частью общества были довольно тесными уже в 1830–1840-е гг., когда университет начал играть заметную роль в культурной жизни столицы.

Проблема социальной адаптации студента в пространстве столичного города порождала скрытые и явные конфликты. В ходе разбирательства конфликта участвовали две стороны: полиция в качестве представителя городского окружения и депутат от университета. При рассмотрении конфликтов студентов и горожан, как нам представляется, обнаруживается следующая закономерность: на стадии интеграции университета как сообщества людей в пространство столичного города к поведению студентов предъявляются строгие требования соответствия установленным критериям. При рассмотрении конфликтов универсантов и городских жителей университет занимал жесткую позицию по отношению к провинившемуся, а в случае серьезных проступков виновный исключался из университета сразу же, до выяснения причин и обстоятельств про-

⁸⁶⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 27. Д. 104: О происшествии в Александринском театре со студентами Алексеевым и Аверкиным и прапорщиком Шембелем. 1859. Л. 15.

исшедшего. В 50-е гг. XIX в. с укоренением корпоративных ценностей и модели поведения «университетского человека» происходит смена установки в разборе конфликтных ситуаций. Университет тщательно разбирает конфликтные ситуации и в случае необоснованного обвинения встает на защиту студента как члена корпорации. К началу 60-х гг. XIX в. изменяется позиция обывателя, который более не воспринимает студента как маргинала, пренебрегающего социальными нормами и правилами поведения.

5.4. Выпускники университета в педагогической, административной и военной службе

Звание «студент» маркировало временный статус обучающегося, однако окончание курса наук и превращение его в «действительного студента» приобретало высокую социальную значимость: согласно российской системе научной аттестации, это была первая ученая степень, за которой следовала традиционная комбинация: «кандидат» – «магистр» – «доктор». То есть это звание давало его обладателю потенциальную возможность пополнить сообщество людей науки. Статус студента, переходный и сам по себе не слишком престижный в социoproфессиональной иерархии, открывал молодому человеку немалые жизненные перспективы в будущем.

Число студентов в первых выпусках Петербургского университета было невелико, поскольку многие покидали университет, не кончив курса. Лишь в 1831–1832 гг. по всем факультетам число окончивших университет и получивших аттестат несколько возрастает. Так, в 1830 г. философско-юридический факультет окончили 6 человек, физико-математический – столько же, историко-филологический – 13. В следующем 1831 г. выпускников философско-юридического факультета было 16, физико-математического – 3, историко-филологического – 11⁸⁶¹.

⁸⁶¹ Григорьев В.В. Императорский Санкт-Петербургский университет... С. 83–84.

С ростом числа обучающихся в столичном университете увеличивается и количество выпускников, причем соотношение числа студентов, получивших степень кандидата, и удостоенных звания действительного студента, было неодинаково в разные годы. В годовом отчете за 1848 г. ректор университета доносил, что после годичных испытаний, проведенных для 107 студентов, 62 из них получили степень кандидата, а 45 человек звание действительного студента⁸⁶². «Эта пропорция, по сравнению с той, которая выходила в прежние годы, ясно свидетельствует, что после нового порядка экзаменов, приобретение ученой степени кандидата сделалось затруднительнее, от чего и сама степень приобрела высшее значение в глазах каждого судии», – писал ректор в отчете⁸⁶³. Данные статистики свидетельствуют об обратном. Если в 1830-х гг. число студентов, получивших звание действительного студента, превышало число кандидатов, то в 1840-е и особенно в 1850-е гг. число учащихся, удостоенных кандидатской степени, наоборот, превалировало. С 1840 по 1849 г. университет выпустил 470 кандидатов и 317 действительных студентов, с 1850 г. по 1859 г. – 561 кандидата и 171 окончивших его в звании действительного студента⁸⁶⁴. Стоит заметить, что численное преобладание окончивших со степенью кандидата в 40–50-е гг. XIX в. было характерно для всех сословных групп учащихся. Так, с 1840 по 1857 г. университет со степенью кандидата окончили 706 студентов дворянского происхождения, 87 – из духовенства, 80 – из купцов, 56 – из разночинцев, 51 – из мещан. Тогда как за тот же период университет в звании «действительный студент» окончили лишь 320 дворян, 35 – из детей духовенства, 60 из купцов, 37 – из разночинцев и 37 из мещан⁸⁶⁵.

⁸⁶² Эти данные не совпадают с данными, представленными в университетском отчете за 1848 г., согласно которым из общего числа выпускников степень кандидата получили 70 человек, а звание действительного студента – 21. См.: РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 136: Отчет университета за 1848 г.

⁸⁶³ Годичный торжественный акт... бывший 8 февраля 1848 г. СПб., 1848. С. 34.

⁸⁶⁴ Подсчеты произведены на основании университетских отчетов 1840–1859 гг.

⁸⁶⁵ Подсчеты произведены на основании университетских отчетов 1840–1857 гг.

Для казеннокоштных студентов традиционным было поступление на службу в учебное ведомство. Уже на последних курсах контроль со стороны учебного начальства над практическими занятиями и подготовкой их к педагогической деятельности заметно возрастал. Как писал ректор Петербургского университета И.П. Шульгин, «педагогические занятия приносят существенную пользу только в два последние года, когда их (т. е. студентов. – Т.Ж., К.К.) умственные способности получают большее развитие, обогатившись положительными сведениями в науках предшествующих двух курсов»⁸⁶⁶.

Университетское начальство регулярно собирало сведения от профессоров о способностях выпускников к учительскому званию и их успехах в науках. Так, весной 1840 г. попечитель Петербургского учебного округа М.А. Дондуков-Корсаков предписал ректору собрать сведения о казеннокоштных студентах, оканчивающих университет, а также о том, в чем именно состояли «практические упражнения» для подготовки выпускников к преподавательской деятельности. Из отзывов профессора математики Д.С. Чижова, профессора словесности Ф.Б. Грефе и И.П. Шульгина, преподававшего историю, видно, что практические занятия не выходили за рамки университетского курса и состояли в чтении студентами сочинений, указанных профессором, а также в написании собственных рассуждений по тому или иному вопросу и их критическом разборе. При этом профессор и ректор И.П. Шульгин доносил попечителю о том, что преподавание в университете не может быть согласовано с будущими условиями преподавания в гимназии или уездном училище. «Студент, даже читая пробные лекции перед своими товарищами, неизбежно имеет в виду слушателей ему равных, что и настраивает его на тон чтения университетского, который он непременно перенесет и на место

⁸⁶⁶ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 2. Д. 2826: О доставлении сведений г. попечителю о способностях казеннокоштных студентов к учительскому званию. 1840. Л. 7.

своего учительского служения не к пользе будущих своих слушателей, – писал ректор, – только благоразумие и опытность дадут со временем другое направление его преподаванию»⁸⁶⁷. Фактически он указывал на недостаток опыта преподавания у студентов, а потому высказал предложение о возложении на казеннокоштных студентов обязанностей преподавателей еще до окончания обучения. Шульгин предложил использовать их в петербургских гимназиях во время болезни учителей или на усмотрение начальства округа, т. е., по сути, предложил форму «педагогической практики».

Рассмотрев отзывы экспертов на это предложение, попечитель М.А. Дондуков-Корсаков предписал, чтобы профессора сообщали студентам лучшие русские и иностранные руководства по предметам гимназического курса и требовали от них отчета в изучении, а также обращали внимание на методику преподавания различных предметов в гимназиях. Предложение И.П. Шульгина было поддержано, и для студентов 3-го и 4-го курсов, «приготавливаемых к учительскому званию», было назначено обязательное проведение в разных классах петербургских гимназий трех уроков по каждому предмету в течение года⁸⁶⁸.

Ежегодно в университете проходило распределение выпускников по губернским гимназиям и уездным училищам. Не только Петербургский педагогический институт, но и Петербургский университет в первой половине XIX в. выполняли миссию «рассадника народных учителей». Только с 1807 по 1830 г. институтом и университетом было выпущено не менее 400 студентов, большая часть которых была принята в службу учителями гимназий, причем не только в столичный учебный округ, но и в другие округа империи. Особенно многочисленными были три выпуска Педагогического института (1808, 1811, 1815 гг.). Ни один другой университет России в то время

⁸⁶⁷ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 2. Д. 2826: О доставлении сведений г. попечителю о способностях казеннокоштных студентов к учительскому званию. 1840. Л. 7.

⁸⁶⁸ Там же. Л. 11.

не осуществляя столь масштабную и последовательную кадровую экспансию в другие округа⁸⁶⁹.

Список учительских вакансий заранее оглашался студентам, а списки выпускников, отправляемых на учительские должности, утверждал попечитель учебного округа. Распределение по «учительским местам» проводила Конференция Педагогического института (с 1820 г. Правление университета), но это распределение производилось с согласия студентов, данного в письменной форме. Против желания студента распределение осуществлялось в исключительных случаях, в виде временного наказания или испытательного срока.

Сам механизм назначения выпускника на должность, не изменившийся при преобразовании Педагогического института в университет, был следующий: от попечителя учебного округа в МНП направлялось отношение об имеющихся вакансиях. Эти сведения поступали в Конференцию Педагогического института (позже в университетское Правление), которая объявляла о вакансиях студентам. Выпускник, изъявивший желание занять вакантное место учителя, снабжался прогонными деньгами и третьим жалованьем (за треть года) из сумм института (университета). Затем эта сумма возвращалась университету из средств губернской училищной дирекции. Занимаясь распределением студентов, Правление университета пыталось соблюсти и их собственные интересы, и потребности кадрового обеспечения губернских гимназий.

Однако и в этом отлаженном механизме распределения случались сбои. Так, студент Василий Хорошилов, окончивший в 1824 г. Петербургский университет, изъявил согласие определиться учителем в Павловское народное училище Казанского учебного округа. Однако, получив деньги «в жалованье, во вспоможение и на прогоны», в Казанский учебный округ он так и не отправился. Правление университета не-

⁸⁶⁹ См.: Жуковская Т.Н., Калинина Е.А. Во главе училищ: административная деятельность университетов в первой половине XIX в. // Труды Института российской истории РАН. Вып. 13. М., 2016. С. 115–137.

однократно предписывало Хорошилову явиться на должность учителя⁸⁷⁰. А попечителем было предписано не выдавать ему увольнительного аттестата до тех пор, пока студент не вернет полученные деньги в казну. В конце концов студент, видимо, был вынужден отправиться по назначению в Казанский учебный округ.

Естественно, что выпускники старались получить место учителя в гимназиях или других учебных заведениях в столице или С.-Петербургской губернии. Кроме Высшего училища (бывшей Академической гимназии) и Первой С.-Петербургской гимназии, они преподавали в Благородном пансионе при университете, кадетских корпусах, Горном и Пажеском корпусах, Смольном институте для благородных девиц, Екатерининском женском институте, С.-Петербургском Воспитательном доме (позже Николаевском сиротском институте) и др. Охотно принимали студенты назначение на должности старших учителей в губернских гимназиях Олонецкой, Вологодской и Архангельской губерний, поскольку это была перспективная и статусная служба⁸⁷¹. Гораздо меньше было охотников преподавать в уездных училищах отдаленных губерний, туда отправлялись, как правило, не показавшие больших успехов или вообще не окончившие университет казенные студенты. В декабре 1819 г. Конференция Петербургского университета доносила попечителю, что никто из студентов, окончивших курс учения, не изъявил желания поступить на учительские места в Белозерское, Устюжское, Тихвинское и Валдайское уездные училища Новгородской губернии⁸⁷². Также никто из выпускников не пожелал ехать преподавать в Веденское уездное училище Дерптского учебного округа⁸⁷³. И таких примеров много.

⁸⁷⁰ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 391: Объявление студенту Василию Хорошилову, чтобы он явился на должность учителя. 1824.

⁸⁷¹ Жуковская Т.Н., Калинина Е.А. «Полезный класс государственных служителей»: к истории формирования российского учительства в первой половине XIX в. (по материалам Русского Севера) // Российская история. 2018. № 5 (в печати).

⁸⁷² ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 77: Донесения Конференции. 1819. Л. 1–2.

⁸⁷³ Там же.

Подчас и материальные выгоды назначения не могли заставить выпускников принять должность учителя в отдаленной губернии за пределами губернских городов. В марте 1819 г. Конференция университета рапортовала попечителю о том, что среди выпускников не нашлось желающих поступить учителями русского языка и грамматики в Тифлисское благородное училище в Грузии с жалованьем 250 руб. в год серебром⁸⁷⁴.

Попытка МНП привлечь желающих повышением размера жалованья также не принесла успеха. В 1845 г. попечитель С.-Петербургского учебного округа М.Н. Мусин-Пушкин предложил принять за правило распределять студентов, получивших степень кандидата, на вакансии старших учителей в гимназиях, а выпускников, окончивших университет в звании действительных студентов, – в уездные училища Петербургской и других губерний. С.С. Уваров ответил так: «Распределение кандидатов на должности учителей гимназии и так давно является правилом, а в отношении учительских вакансий по уездным училищам предлагаемое правило могло бы иметь применение к одной столице»⁸⁷⁵. Министр писал о реально существующей практике, когда выпускник университета, попадая в провинциальное училище, испытывал многие тяготы, связанные не только с ограниченностью материальных средств, тяжелыми условиями жизни, но и «скудостью умственных интересов» местного общества. Единственным выходом из этой ситуации, по мнению С.С. Уварова, было комплектование штата уездных учителей отдаленных губерний из местных уроженцев, которые, окончив университетский курс, возвращались бы к себе на родину. Тем самым в первой половине XIX в. необходимость обеспечения учебных заведений разных уровней учителями министерство пыталось согласовать с интересами выпускников.

⁸⁷⁴ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10: По предложению попечителя... об объявлении воспитанникам университета, не пожелает ли кто из них поступить в Тифлисское благородное училище в Грузии. 1819. Л. 1.

⁸⁷⁵ РГИА Ф. 733. Оп. 24. Д. 122: О порядке назначения кандидатов на должность. 1845. Л. 4.

Встречались случаи отступления от действующего законодательства, диктуемые прежде всего нехваткой народных учителей. Так, казенному студенту Петербургского университета Н.Н. Митинскому, не раз замеченному в пьянстве и нарушении правил поведения, вопреки действующему постановлению от 21 апреля 1811 г., которое предписывало казенных студентов «развратного поведения» из духовного звания и разночинцев отсылать в военную службу, все же было поручено исправление учительской должности в Псковском уездном училище. Попечитель округа полагал: «Нельзя уволить Митинского из учебного ведомства, поскольку таковое снисхождение дало бы повод другим казенным студентам оказывать неповиновение в надежде освободиться от исполнения возлагаемых на них по окончании курса обязанностей»⁸⁷⁶. Вскоре после отъезда на место службы Митинский был снова замечен в пьянстве и, в конце концов, отстранен от должности. От военной службы молодого человека спасло лишь вмешательство отца. На листах архивного дела значится резолюция самого Николая I: «Не могу не заметить ни с чем не сообразного распоряжения Министерства народного просвещения, которое безнравственного студента допустило не только к учительской должности, но даже назначило в надзиратели в пансион. Подобное небрежение к первой обязанности доказывает ясно в глазах моих, что нет порядка, ни чувств благородных в тех лицах, через руки коих сие дело шло; виновным сделать строжайший выговор и внести в формулярные списки»⁸⁷⁷.

Отсылка студентов на должности учителей уездных училищ, вместо ожидаемой вакансии в одной из гимназий, была своего рода наказанием, практиковавшимся в отношении плохо успевающих или совершивших проступки студентов. Решения подобного рода принимались и ранее еще в отношении нерадивых студентов Педагогического института. Так, в декабре 1811 г. студенты института Александр Розанов и Петр Беликов были

⁸⁷⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 22. Д. 33. 1832–1834. Л. 34.

⁸⁷⁷ Там же. Л. 38.

«за дурные проступки и малые успехи в учении» удалены из института и отправлены «на исправление» в Олонецкую губернскую гимназию. Попечитель округа С.С. Уваров предписал директору гимназии строжайше наблюдать за студентами, «когда же исправятся, тогда употребить их на учительские места в низших училищах Олонецкой губернии; если же не исправятся, в то время принять другую строжайшую меру»⁸⁷⁸.

Сохранились ежемесячные донесения директора народных училищ Олонецкой губернии Н.П. Ушакова о «благонравном» поведении «сосланных» студентов, ведомости прихода и расхода их годового содержания, определенного по 200 руб. на каждого. В течение 1812–1813 учебного года А. Розанова и П. Беликова привлекали к преподаванию в Петрозаводском приходском училище и первых классах Олонецкой гимназии, но только на время отсутствия постоянных учителей. Своеобразная ссылка студентов продолжалась около полутора лет, до мая 1813 г. После этого С. С. Уваров запросил мнение директора училищ о возможности определения этих студентов на учительские должности. Н.П. Ушаков ответил, что назначение их учителями возможно только после окончания ими института, т. к. «знаний к преподаванию в уездных училищах у них пока недостаточно»⁸⁷⁹.

Нехватка учителей заставляла университет использовать все средства для «исправления» нерадивых студентов, и делать значительные уступки при зачислении на казенный кошт. Нарушением установленных норм было, например, вторичное принятие в Санкт-Петербургский университет в 1819 г. по указанию попечителя казеннокоштного студента Захара Карганова, отчисленного ранее за неуспеваемость, только из-за взятого с него обязательства по окончании курса преподавать русский язык в Грузии⁸⁸⁰. Однако уже через два

⁸⁷⁸ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 739: О студентах Педагогического института Розанове и Беликове, отправленных в Олонецкую губернию на исправление. 1811. Л. 6.

⁸⁷⁹ Там же. Л. 23.

⁸⁸⁰ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 151: О вторичном принятии в студенты Захара Карганова. 1819.

года студент подал прошение об увольнении из университета и исчез из поля зрения⁸⁸¹.

В то же время практика добровольного распределения на учительские места приводила к тому, что по окончании курса некоторые из казеннокоштных студентов за неимением подходящих вакансий оставались без определения на учительскую должность. В этом случае, с согласия министра народного просвещения, студенты, не нашедшие себе места, оставались при университете до появления вакансии. Так было с некоторыми студентами, окончившими Педагогический институт, которых использовали в качестве комнатных надзирателей, библиотекарей, архивариусов, переписчиков бумаг и т. п. В 1823 г. восемь казеннокоштных студентов, окончивших в этом году университет, за неимением подходящих учительских вакансий в гимназиях, также были оставлены в университете с выплатой жалованья по 600 руб. в год наравне с кандидатами. Определение их в уездные училища было бы воспринято как дискриминационная мера, понижение социального статуса. Попечителям учебных округов был разослан запрос от министра народного просвещения А.Н. Голицына о свободных вакансиях с приложением сведений о выпускниках, трое из которых окончили философско-юридический факультет, трое – физико-математический и двое – историко-филологический.

Через два месяца попечитель Московского учебного округа сообщил об имеющейся вакансии учителя математики и физики в Смоленской губернской гимназии, однако оказалось, что один из выпускников уже поступил в службу по учебному ведомству, а двое других окончили отделение естественных наук физико-математического факультета, и поэтому занять открывшуюся вакансию учителя-предметника не могут⁸⁸². За

⁸⁸¹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 265: Об увольнении по прошению студента Захара Карганова вовсе из университета. 1821.

⁸⁸² Порядок взаимного обмена сведениями о вакантных местах был установлен в 1815 г. См.: РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 257: Дело о разрешении распределять казенных студентов университета на вакантные места в других учебных округах и об установлении порядка взаимного доставления университетами сведений о вакантных местах. 1815–1816.

этим последовало распоряжение министра при распределении студентов всегда указывать не только факультет, но и отделение, на котором обучался выпускник. К маю 1824 г., т. е. по прошествии девяти месяцев, было решено пятерых студентов, не получивших назначение, уволить из университета с правом вступить в службу по собственному желанию³⁸³. Подобные практики, когда студенты, не нашедшие себе места, оставались при университете до определения, встречались и в более поздние годы. Так, казеннокоштные студенты Борислав Островский и Михаил Скобелинов, окончившие университет в 1851 г., просили о выделении им содержания до момента определения в службу, на что получили разрешение начальства³⁸⁴. В ряде случаев, с согласия министра, время, в течение которого выпускник оставался при университете до определения к должности, засчитывалось ему в действительную службу³⁸⁵.

И все же нехватка вакансий и порой тяжелые материальные условия вынуждали иных выпускников, получивших звание кандидата, определяться на учительские места в уездные училища. Подобные случаи встречались, но не были распространены, т. к. для молодых людей подобное определение было сопряжено с получением более низкого чина. В этих случаях университет также пытался соблюсти интересы своих воспитанников. Так, при определении в учителя уездного училища в Полтаве за неимением места в какой-либо гимназии, Анастасий Савинский был снабжен от Конференции университета свидетельством на звание старшего учителя гимназии и на чин IX класса. Прослужив три года, Савинский был представлен к чину за выслугу лет, но училищное начальство Харьковского университета не признало свидетельства достаточным и представило Савинского к получению XII класса. Считая себя оби-

³⁸³ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 3392: О распределении студентов университета. 1824.

³⁸⁴ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 5137: О приготовлении преподавателей технических наук в Санкт-Петербургском университете. 1851. Л. 4.

³⁸⁵ См., например: РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 295: Дела о выпуске студентов. 1823–1826. Л. 82.

женным, выпускник обратился в Санкт-Петербургский университет с просьбой о ходатайстве в решении своего дела. Конференция университета, «поставляя обязанностью защищать лучших своих выпускников», подала прошение в министерство с просьбой об удовлетворении жалобы Савинского⁸⁸⁶.

В случае отсутствия вакансий в Санкт-Петербургском учебном округе университетское начальство не препятствовало определению выпускника на службу по другому ведомству до тех пор, пока не появлялось свободное место учителя в одной из гимназий или училищах округа. Так, например, действительному студенту Александру Касторскому было дано словесное разрешение попечителя за неимением подходящих вакансий определиться на место учителя истории в Первый кадетский корпус. После года службы по военному ведомству выпускник получил предписание занять открывшуюся вакансию учителя в Петрозаводской гимназии. Но обратный перевод выпускника не состоялся, поскольку вылился в конфликт ведомств. Начальство Первого кадетского корпуса отпускать Касторского не хотело (а, скорее всего, он сам делал всевозможные усилия, чтобы остаться в столице). Министр народного просвещения С.С. Уваров в ответ на ходатайство инспектора военно-учебных заведений ген.-лейт. П.П. Годейна об оставлении Касторского в корпусе вынужден был испрашивать высочайшего соизволения на это. «В соображении успехов воспитанников в классах Касторского и его усердия», засвидетельствованного начальством, император дал согласие на увольнение бывшего казенного воспитанника из ведомства МНП⁸⁸⁷. Кадетский корпус в столице был, конечно, более привлекательным местом службы для студента, чем провинциальная гимназия.

Распределение на места учителей в столице постоянно контролировалось не только администрацией университета, но и

⁸⁸⁶ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 2524: По представлению Конференции университета об испрошении учителю Полтавского училища Савинскому сравнения в чине со сверстниками. 1820. Л. 3.

⁸⁸⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 23. Д. 36: Об оставлении казеннокоштного студента Санкт-Петербургского университета Касторского. 1837. Л. 4.

находящимся в столице МНП. В университет поступали предписания, регламентирующие распределение студентов на разные должности⁸⁸⁸. Преимущества в распределении на места в столице имели студенты, проживающие здесь с родителями или имеющие властных покровителей, которые могли бы поспособствовать подобному определению. Тем не менее и у студентов, приехавших в Петербург из провинции, были более широкие возможности начать карьеру в столице, чем у выпускников других университетов. Многие студенты, распределенные на учительские места в провинцию, благодаря связям, сложившимся за годы учебы, а также рекомендациям университетского начальства могли через некоторое время вернуться в Санкт-Петербург и занять учительские места в столичной гимназии.

Университет выполнял патрональную функцию по отношению к студентам даже после окончания ими курса наук. Студент, однажды получив корпоративные привилегии члена университетского сообщества, сохранял их и после выхода из университета. Кроме того, университет дореформенного времени выполнял роль эффективного механизма вертикальной социальной мобильности, условием которой было превращение науки в профессию. Социализация универсанта начиналась с момента его поступления, а «переходный период» занимал около 10 лет, до окончания срока обязательной службы казенного студента⁸⁸⁹. Практика добровольного распределения порождала много сложностей, когда, с одной стороны, университет старался привлечь специалистов на службу по МНП в отдаленные губернии, но в то же время вынужден был считаться с интересами и желанием студентов, выделять дополнительные средства на содержание их при университете в ожидании вакансий или давать согласие на определение по другим ведомствам.

⁸⁸⁸ См. например: РГИА. Ф. 733. Оп. 25. Д. 104: О сохранении вакантных мест в 3-й Петербургской гимназии для стипендиатов Министерства государственных имуществ.

⁸⁸⁹ Жуковская Т.Н., Калинина Е.А. Во главе училищ ...

Архивные документы свидетельствуют, что снисходительное отношение к обязанности отбыть «учительскую повинность» постепенно изживает себя. В 1862 г. попечитель С.-Петербургского учебного округа предписал объявить студенту Николаю Козьевскому, что он не имеет права отказываться от предлагаемого ему места служения и потому должен выбрать себе таковое из числа означенных в списке⁸⁹⁰. Между тем в списке значились вакансии только по Виленскому учебному округу, поэтому нежелание выпускника принять подобное определение было вполне закономерно.

Вплоть до 1836 г. судьбы выпускников Санкт-Петербургского университета, уже отбывших на учительскую службу, были под пристальным вниманием университетского Правления. Имея посредством представляемых отчетов подробную информацию о работе учителей округа, именно университет делал представления на имя попечителя об их награждениях и взысканиях, отмечая профессиональные достоинства и нравственные характеристики педагогов. Эти представления становились важным фактором в их дальнейшей карьере. Одних педагогов переводили из уездных училищ в губернские гимназии, повышали в чине, назначали старшими учителями, смотрителями уездных училищ. Некоторым выпускникам университета удавалось дослужиться до позиции директора губернской гимназии и главы губернской дирекции, как М.И. Троицкому, сделавшему педагогическую карьеру в Петрозаводске. Другим удавалось через несколько лет вернуться в Петербург или другой университетский город и стать преподавателями университета при условии представления и защиты диссертации. Так, например, в 1819 г. члены Конференции рекомендовали для занятия кафедры дипломатики и политической экономии в Казанском университете выпускника Педагогического института старшего учителя Новгородской гимназии Парфена Никольского⁸⁹¹. Хотя

⁸⁹⁰ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 2. Д. 695: О содействии студентам для занятия вакантных мест. 1862. Л. 23.

⁸⁹¹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 66: Донесение Конференции 1819. Л. 1.

сам П. Никольский впоследствии отказался от назначения. В то же время в 1820 г. ректором Казанского университета стал профессор математики, питомец первого выпуска Петербургского педагогического института Григорий Никольский.

Руководство учебного округа по согласованию с Советом университета могло переместить выпускника, с его согласия, не только из провинции в столичные учебные заведения, но и из одного учебного округа в другой⁸⁹². Причем питомцы университета назывались в делопроизводственных документах «студентами» вплоть до истечения срока обязательной службы, хотя по должности они могли быть учителями, старшими учителями, смотрителями училищ, цензорами, лаборантами, лекторами и т. д. Кроме того, некоторое время сохранялась и финансовая зависимость выпускников от университета, т. к. они должны были вернуть в Правление университета прежние долги⁸⁹³.

Студенты, получившие учительские места в пределах Санкт-Петербургского округа, оставались в подчинении университета. Это распространялось не только на их преподавательскую деятельность, контроль училищного начальства над учителями затрагивал и личную жизнь выпускников. Учителя спрашивали у попечителя учебного округа разрешения на отбытие в отпуск и на брак, а тот, в свою очередь, запрашивал у Конференции Педагогического института или Совета университета их характеристики⁸⁹⁴. Приезжая на новое место службы, молодые педагоги достаточно быстро вступали в брак. Чаще всего их женами становились дочери провинциальных чиновников или учителей. То есть, будучи выходцами из духовного звания, многие бывшие ка-

⁸⁹² Калинина Е.А. Санкт-Петербургский университет первой половины XIX века в системе управления подведомственными училищами: административный, социальный, культурный аспекты // Труды международной научной конференции 23–25 июня 2009 г. / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко, И.А. Тихонов. СПб.: Изд. дом СПбГУ, 2010. С. 84.

⁸⁹³ См., например: ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1068: О присылке в институт денег для оплаты долгов учителя Воронежской гимназии, выпускника института Поникова. 1812.

⁸⁹⁴ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 765: О позволении учителю СПб. гимназии Пальмину вступить в брак. 1812.

зенные студенты женились на дворянках, а вскоре по выслуге получали потомственное дворянство.

Правление университета занималось даже организацией лечения учителей из числа бывших воспитанников, имея возможность помещать их как бывших казенных студентов в Обуховскую градскую больницу в Петербурге, тогда как педагоги и выпускники других учебных заведений такой льготой не пользовались⁸⁹⁵. «Неблаговидное» поведение учителей (уклонение от исполнения учительских обязанностей, пьянство) также становилось объектом пристального внимания училищного начальства. Директор училищ губернии о таких фактах обязан был докладывать ректору университета и попечителю учебного округа.

В целом существовавшие практики распределения на места и социальной опеки университета над бывшими студентами свидетельствовали о том, что университет не только предоставлял студентам возможность повысить свой социальный статус, но и обеспечивал социальное, академическое и административное кураторство в дальнейшем. Университетский Совет рекомендовал к печати учебные пособия, написанные учителями, содействовал рассмотрению их научных трудов и защите представленных ими диссертаций.

Система обеспечения учебного округа кадрами, включавшая подготовку студентов к учительской карьере, распределение на места, контроль за их профессиональной деятельностью и повседневной жизнью, была не единственным механизмом социальной опеки университета над своими воспитанниками. Одна из важнейших функций университета – воспроизводство профессорской корпорации. Она осуществлялась с начала XIX в. Педагогическим институтом и была унаследована Петербургским университетом. Наиболее массовой акцией организованной подготовки университетских профессоров была посылка профессорантов Педагогического института в Ев-

⁸⁹⁵ Жуковская Т.Н., Калинина Е.А. Во главе училищ...

ропу в 1808–1812 гг. Она стала и формой социальной поддержки лучших студентов, окончивших курс. История командирования в европейские научные центры первых стипендиатов для подготовки их к профессуре, ход их обучения, академические миграции и последующее трудоустройство в *alma mater*, других университетах и учебных заведениях представляет собой важный сюжет для понимания связанности Петербургского университета с предшествующими учреждениями, с одной стороны, а с другой – его вписанности в общеевропейское академическое пространство.

В первые годы XIX в. все существующие в Российской империи университеты направляли отдельных своих студентов в университеты Европы, чаще по их собственному желанию. Но Петербургский педагогический институт осуществил именно массовую отправку в соответствии с долговременной программой, в перспективе ожидаемого преобразования в университет. В первой партии, отправленной в июне 1808 г., было 12 бывших студентов первого выпуска института, «отличных дарованиями и знанием иностранных языков», через 2–3 года за ними должны были последовать лучшие студенты второго выпуска. Успех этого плана облегчался тем фактом, что все стипендиаты принадлежали к числу казеннокоштных студентов, которых в институте было подавляющее большинство. Они, как правило, происходили из духовного звания, прежде учились в семинариях, т. е. изначально после института были «обязаны службою» по Министерству народного просвещения. Профессорская карьера для них, субъективно, была наиболее привлекательным поприщем и социальным лифтом, объективно же только таких студентов в то время и можно было успешно «мобилизовать» в науку, на пожизненное служение. Дворяне предпочитали «пребывать» в университете, не оканчивая его, а окончив, избирали дипломатическую или военную карьеру, поскольку ставили ее выше академической.

Вся масштабная реформа системы образования Александра I, связанная с почти одновременным открытием в разных частях империи шести университетов, поставила задачу обеспечения их со временем преподавательскими кадрами «из природных россиян». В связи с этим отправка в Европу профессорантов Петербургского педагогического института приобретала не локальное, а общероссийское значение. Решение об этом, как можно судить по документальным источникам, было принято в прямой связи с посещением института императором Александром I в сентябре 1807 г., обставленным весьма торжественно и вместе с тем деловито. Многие из будущих стипендиатов в присутствии императора прочитали лекции, вернее, провели уроки по своему предмету, поскольку готовились к учительской должности. Идея отправки лучших студентов в Европу для подготовки из них профессоров, которые в скором будущем заполнят кафедры столичного университета, была предложена попечителем столичного учебного округа Н.Н. Новосильцовым в проекте, названном «Начертание об отправлении студентов С.-Петербургского педагогического института в чужие края». Основная часть этого проекта была датирована 1 сентября 1807 г., а 23 мая 1808 г. окончательный план отправки 12 профессорантов за границу был высочайше утвержден⁸⁹⁶.

В составе «Начертания...» имеется целый комплекс документов: вводная записка попечителя, ставшая основой соответствующего законодательного акта⁸⁹⁷, подробные персональные инструкции каждому из профессорантов о порядке пребывания в европейских университетах, с именами ученых, с которыми надлежало установить контакт и чьими «наставлениями» пользоваться. «Начертание...» Новосильцова было составлено на основании «соображений» профессоров М.А. Балугьянского, К.Ф. Германа, неперменного секретаря Академии наук Н.И. Фуса об индивидуальных программах для каждого студента, границах их специализации и т.п. Также были составлены для каждого со-

⁸⁹⁶ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 231.

⁸⁹⁷ Сборник постановлений... Т. 1. Стлб. 458–474.

проводительные письма к европейским ученым и дипломатическим представителям России за границей, подготовлены заграничные паспорта.

В самом начале пространной записки Н.Н. Новосильцова звучит мысль о том, что существующий Педагогический институт может стать центром подготовки профессоров не только для предполагаемого в столице университета, но и для других университетов империи. В этом документе говорится: «Высочайшими постановлениями по части МНП предопределено в здешней столице учредить Университет, коему и штат утвержден Государем Императором. СПб Педагогический институт есть отделение сего Университета... Главный предмет при образовании Университета есть доставление сему заведению профессоров и адъюнктов». Профессоров и адъюнктов следует «всеми существующими способами» готовить «из природных россиян». Студенты 1-го отделения Педагогического института, по мнению автора «Начертания...», «наилучшим образом соответствовать могут сему намерению, как приобретшие важные сведения, открывающие им путь к достижению высших ученых степеней. По сему уважению предполагается на счет суммы здешнего Университета послать в чужие края 12 студентов, отличных дарованиями, знаниями наук и иностранных языков»⁸⁹⁸. В представлении на имя министра народного просвещения Н.Н. Новосильцов аргументировал необходимость посылки стипендиатов потребностью завершения периода «строительства» университета. «Предметом их пребывания в чужих краях, – писал он, – будет то, чтоб усовершенствовать себя в науках, по которым могли бы они в будущем университете занять места адъюнктов и профессоров для составления, по крайней мере, двух полных факультетов: нравственно-политического и физико-математического»⁸⁹⁹.

⁸⁹⁸ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 231. Л. 21–22 об.

⁸⁹⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 61. Л. 1–2. Доложена министру и одобрена 28 марта 1808 г.

Предположение Н.Н. Новосильцова об особой роли Педагогического института, в общем, было реализовано, хотя посылка новых партий стипендиатов в Европу по условиям военного времени была затруднена и возобновилась только в 1816 г. Однако Педагогический институт, основанный как отделение будущего университета, в течение полутора десятилетий выполнял миссию общероссийского центра подготовки учителей для гимназий и уездных училищ, а также функции «профессорского института», поставляя кадры профессоров в другие университеты империи, не исключая окраинный – Дерптский.

Полноценная подготовка к профессуре «всеми возможными способами», по мысли кураторов просвещения, могла завершиться только в Европе. Н.Н. Новосильцов после обстоятельных консультаций с членами Академии наук и профессорами института составил подробную инструкцию для каждого из командируемых с научной целью молодых людей. Трехлетний срок обучения в ней был расписан на семестры, и каждому из них предписывалось специализироваться в той или иной науке определенное количество времени, перемещаясь из одного центра в другой⁹⁰⁰.

Среди утвержденных кандидатур были лучшие по успехам и поведению молодые люди, которым к моменту окончания института исполнилось по 23–24 года. Семь из 12 стипендиатов (Н.И. Бутырский, А.И. Галич, И.А. Кастальский, М.Г. Плисов, А.В. Ржевский, М.Ф. Соловьев, Д.С. Чижов) по возвращении и утверждении в звании магистров начали преподавать в самом институте, а в 1819 г. составили костяк профессорской корпорации образованного на его месте университета. А.П. Куницын, Я.И. Карцов и И.К. Кайданов были определены в Царскосельский лицей.

18 мая 1808 г. попечитель представил окончательное «Начертание об отправлении студентов Педагогического института в

⁹⁰⁰ См. Приложение, табл. № 5.

чужие края» с росписью, кто из них по какой науке и в каких научных центрах будет специализироваться в каждый год обучения. Роспись эта весьма детальна. С отпечатанными паспортами и рекомендательными письмами студентам надлежало отправиться «Кайданову в Геттинген, Галичу в Гельмштедт и Геттинген, Плюсову в Геттинген, Гейдельберг и Париж, Куницыну в Геттинген, Гейдельберг и Париж, Бутырскому в Геттинген, Париж, Вену и др. города Франции и Германии; Чижову в Гельмштедт, Галлу, Геттинген и Париж, Воронковскому в Геттинген, Берлин, Лилленталь, Вену, Милан и Париж; Ржевскому в Париж, Вену и Зальцбург; Кастальскому в Германию, Францию и Италию; Подзорскому в Геттинген и Берлин⁹⁰¹. Как видим, география стажировок была задумана всеевропейской. Предполагалась подготовка в лучших университетах Германии, Австрии, Италии, Франции. Англию в последний момент из географии стажировок пришлось исключить, поскольку в июне 1807 г. Россия вступила в союз с наполеоновской Францией, направленный против Англии.

Профессорами института, кроме рекомендательных писем к европейским ученым, были составлены персональные «наставления» отъезжающим, какие отрасли науки должны наиболее заинтересовать каждого в расчете на необходимость постановки их преподавания в будущем. Н.Н. Новосильцов активизировал и собственные академические и дипломатические связи, которые им и другими попечителями учебных округов использовались при приглашении в Россию иностранных ученых. Благодаря этим связям и налаженной переписке со своими питомцами Конференция Педагогического института могла направлять их перемещение по Европе, облегчать научные контакты, корректировать список обязательных и дополнительных курсов, ими прослушанных, контролировать характер научных занятий, круг чтения, поведение, состояние здоровья, денежные расходы. За границу молодые люди отправлялись уже в статусе

⁹⁰¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 61. Л. 38.

магистров, «заслуженном ими во всех отношениях», их содержание было рассчитано исходя из магистерского жалованья, определенного в 400 руб. Правда, в официальной переписке они продолжали именоваться студентами в течение всего срока «академического путешествия» и даже по возвращении, но сама стилистика обращений к ним Конференции демонстрирует уважение, подчеркивающее отношения равенства, принятые в ученом сообществе. И секретарь Конференции института, и сам министр обращаются к ним по имени-отчеству, с прибавлением неизменного «милостивый государь мой», хотя, как известно, многие из студентов были выходцами из беднейшего духовенства, в прошлом семинаристами. Сами они с тем же достоинством обращаются к Конференции, витиевато и пространно пишут лично к министру в особых случаях. В этих документах еще не заметна регламентация делового письма, установившаяся в следующие десятилетия, в том числе в университетском делопроизводстве.

Студенты, согласно инструкции Новосильцова, препоручены были «на местах известным по своим правилам и роду жизни профессорам, корреспондентам здешней Императорской Академии наук, или почетным ее членам и министрам российского двора» (то есть российским дипломатическим представителям за границей). Они обязывались «присылать чрез каждые 3 мес. подробные донесения о своих занятиях» в Конференцию института.

Содержание студентов за границей определялось из сумм, зарезервированных до открытия в столице полноценного университета (поэтому в финансовых отчетах самого Педагогического института эти суммы не показывались). Часть денег за треть или две трети первого года стажировки студенты получили еще в России. На всех первоначально была определена сумма в 12 тыс. руб. ежегодно, т. е. всего 36 тыс. руб.⁹⁰², но в итоге она была значительно превышена. Не погружаясь в предварительную роспись

⁹⁰² РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 61. Л. 3–3 об.

предполагаемых расходов и коррективы, внесенные в нее из-за инфляции и превышения сроков стажировки, скажем, что всего на 12 профессорантов за 3 года их пребывания за границей было затрачено около 80 тыс. руб. Для сравнения, это в 1,5 раза больше годового штата, определенного Педагогическому институту в первые годы его существования, и сопоставимо с суммой, ежегодно отпускаемой в это время от казны на Дерптский или Харьковский университеты.

Об истории 3-летней научной стажировки командированных мы имеем довольно подробные сведения, заключенные в их собственных отчетах, посылаемых в Конференцию Педагогического института. Это несравнимо больше, чем мы знаем о стипендиатах XVIII в., имевших отношение к Академии наук или Московскому университету. Сохранились отчеты и письма из-за границы практически всех названных молодых людей, посланные в Конференцию института, на имя попечителя и даже министра. Наиболее обстоятельны и регулярны донесения И.К. Кайданова, М.Ф. Соловьева, А.П. Куницына и особенно Н.К. Воронковского, с отчетами о своих занятиях, а также ходатайствами и просьбами. Дело в том, что почти всем профессорантам пришлось по условиям военного времени, а также по недостатку средств, отсутствию необходимых курсов или читающих их ученых довольно часто отклоняться от предписанного плана и согласовывать эти отклонения с Петербургом.

Так, специализировавшийся в астрономии Николай Кириллович Воронковский сообщал Конференции письмом от 6 июля 1809 г. из Геттингена: «Что же касается до практической астрономии, то еще и до сих пор не начинал, ибо проф. Gauss... никаких астрономических лекций не читает. Не видя никакого другого средства слушать сию науку, хотелось бы взять у него *privatissima* (приватные лекции. – Т.Ж., К.К.), но услышав от него, что это стоит 12 лудоров, т. е. 65 талеров за 5 1/2 месяцев, принужден был оставить мое намерение, поелику сумма

сия составляет почти половину третнего моего жалования: по причине худого курса и большой в Геттингене дороговизны»⁹⁰³. Конференция, отвечая студенту, выражала удивление, что вместо предписанного слушания курса у профессора Боде в Берлине, Воронковский все еще находится в Геттингене. Попечитель со своей стороны также внушал Воронковскому, чтобы тот «непременно, следуя наставлению Вам данному, по выслушании в настоящий семестр курса (буде Вы начали)», отправился в Берлин⁹⁰⁴. Воронковский отвечал на это, приводя безупречные с научной и экономической точки зрения аргументы: «По уверению профессора Gauss, г. Bode по причине своей старости, а больше по избытку должностей, возлагаемых на него королем, с довольно долгого времени не читает уже публичных лекций, а ежели бы мне удалось упротить его давать мне *privatissima*, говорил Гаусс, то он бы мне стоил гораздо больше, нежели здесь, и потому самому принужден был я остаться в Геттингене»⁹⁰⁵.

24 мая 1810 г. Воронковский писал: «Почтеннейшие члены Конференции! На основании данной мне инструкции имею честь донести вам, что в течение прошедшего году... занятия мои составляли следующие науки. У проф. Thibaut летом слушал я науку о комбинациях и практическую геометрию, а у профессора Gauss зимою прямолинейную и сферическую тригонометрию в отношении к астрономии, теорию высших уравнений, науку интерполирования и теоретическую астрономию, что же касается до практической астрономии, то по причине мрачных ночей, которые здесь почти во все продолжение зимы были, он ее не преподавал»⁹⁰⁶.

Воронковскому пришлось изменить график не только второго, но и третьего года стажировки, которая, согласно плану, должна была закончиться во Франции. Будучи неудовлетворен

⁹⁰³ ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 809. Л. 2–2 об; 3.

⁹⁰⁴ Там же. Л. 3.

⁹⁰⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 61. Л. 166–167.

⁹⁰⁶ Там же. Л. 167.

своей полугодовой работой во Франции, в намерении снова вернуться в Геттинген он писал 3 февраля 1811 г.: «Следуя предписанию почтеннейшей Конференции, отправился в Париж. Проживши здесь 6 месяцев, ... не имея никакого руководства и, следственно, без существенной пользы, увидел, наконец, при открытии курсов, что и здесь мне невозможно достигнуть моей цели, ибо практической астрономии ни приватно, ни публично никто не преподает, и вход в Императорскую обсерваторию для студентов столь труден, что даже и имея короткое знакомство с профессором, не можно ходить столь часто, сколько бы это нужно..., и притом профессор... бывает очень занят, студенту невозможно пользоваться надлежащим образом его наставлениями». В связи с этим Воронковский просил о продлении срока его стажировки еще на 2,5 года, разрешении на возвращение в Геттинген под руководство Гаусса и о присылке ему дополнительно годового содержания. Только тогда, как заверял он Конференцию, он мог бы «приобрести такие сведения в астрономии, с которыми... возвратиться в Россию для исполнения имеющей быть возложенной на меня должности, и, желая приносить ощутимую пользу моему отечеству»⁹⁰⁷.

Маршруты «академических путешествий» изменялись и у других профессорантов. В феврале 1811 г. Я.И. Карцов сообщал Конференции, что в последний год своего путешествия он тоже вынужден был вернуться в Германию в университет Галле, проведя в Париже несколько месяцев напрасно и не найдя нужных руководств и консультантов в области прикладной математики⁹⁰⁸.

Очевидные научные преимущества немецких университетов корректировались условиями военного времени. Если в первой половине 1807 г., когда составлялась вышеупомянутая инструкция Новосильцова, судьба немецких государств еще не была предрешена, то в 1807–1810 гг. многие из них были

⁹⁰⁷ ЦГИА СПб. Ф. 1. Оп. 1. Д. 809. Л. 7–7 об.

⁹⁰⁸ Там же. Ф. 13. Оп. 1. Д. 789. Л. 2–2 об.

оккупированы Наполеоном, а иные университеты закрыты. Немецкие ученые вынуждены были сами перемещаться по Европе в поисках заработка и возможности заниматься наукой, и пути их не миновали Россию⁹⁰⁹. Франция после Тильзита стала основным союзником России, а Австрия и Пруссия, наоборот, оказались в лагере противников. С точки зрения развития европейских научных связей, это была невыгодная замена еще и потому, что сама система образования и науки во Франции при Наполеоне переживала период неудачных реорганизаций. Пребывание российских студентов в Германии в эти несколько лет лишилось прежнего удобства, официальной опеки дипломатических представителей России и превратилось исключительно в приватное предприятие. Все они оказались в бедственном материальном положении, поскольку при нерегулярном получении денег из России могли рассчитывать только на займы у богатых соотечественников, русских дипломатов и вынуждены были входить в долги, покупая книги, слушая лекции или пользуясь консультациями и библиотеками. Политическая нестабильность стала одной из причин невыполнения многими из них предписанной программы стажировки и мотивом просьб о ее продлении.

Н.К. Воронковский отважился просить об этом самого министра народного просвещения А.К. Разумовского в личном письме от 5 сентября 1811 г., составленном очень эмоционально: «Позвольте мне возвратиться в Россию позже, но с тем большею для нее пользою. Не откажитесь составить чрез сие вечное мое щастие. Сжальтесь над согбенными под старостью лет моими родителями, кои дышут одною только надеждою видеть меня некогда полезным членом общества»⁹¹⁰.

Стипендиаты подкрепляют необходимость продлить стажировку чисто академическими аргументами, ссылаясь на то, что курс наук был начат позже и затянулся не по их вине, но должен

⁹⁰⁹ Подробнее см.: Жуковская Т.Н. Университеты в годы наполеоновских войн ... С. 22–37.

⁹¹⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 61. Л. 168.

быть окончен, что рекомендованный «инструкцией» профессор стар, но рядом (или в другом университете) появилось новое светило, у которого хотелось бы взять приватные лекции за сходную плату. Стремление молодых людей задержаться в Европе хотя бы на несколько лишних месяцев объясняется не только незавершенностью научной программы, но и осознанием контраста российского и европейского быта и стиля отношений, в том числе академических. Они не могли не почувствовать того «духа свободы», который подкупал всех русских путешественников XIX в. за границей. Болезненным был и разрыв личных и научных связей при возвращении на Родину накануне ожидаемой войны. У того же Воронковского за время пребывания в Геттингене появилась гражданская жена (сожительница), о которой упоминает Н.И. Тургенев в своих геттингенских дневниках.

Н.К. Воронковскому удалось испросить продления стажировки на 6 месяцев и присылки дополнительных денег. Дальнейшая судьба этого человека остается для нас не ясной, видимо, он не успел вернуться на родину до начала наполеоновской кампании 1812 г. Последнее донесение российского дипломатического представителя в Германии от декабря 1811 г. говорило о том, что студент Воронковский «сделался сильно болен», и отправить его на родину пока нет возможности. С июня 1812 г. в документах МНП его имя не упоминается.

Степан Подзорский также просил позволения задержаться в Пруссии, где после открытия Берлинского университета им были начаты новые курсы технологии и экономии, которые он прежде не мог прослушать⁹¹¹. Витиеватость стиля его обращений к министру А.К. Разумовскому достойна того, чтобы их воспроизвести. 26 января 1811 г. Подзорский писал: «Сиятельный граф! Какое искусство я должен употребить при испрошении от Вас сего соизволения? Чем прикрою пред гла-

⁹¹¹ ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп.1. Д. 754. Л. 1–2, 11–12.

зами Вашими ту необходимость, что к продолжению сего курса в числе прочих Елевов я должен также иметь сумму по крайней мере четырех сот талеров? В надежде, что Ваше правосудие не требует искусства и хитрости в истине, я лобызая уже Вашу руку, благословляющую мое намерение...». К своему обращению Подзорский приложил рекомендацию берлинского профессора практической экономии А.-Д. Тера, который подтверждал, что студенту необходимо слушать его лекции еще один семестр 1811 г.⁹¹² Просьба С. Подзорского была удовлетворена: он получил из Петербурга разрешение на продление стажировки и просимые 400 талеров на оплату лекций и проживание.

Эти примеры говорят о достаточной свободе перемещения русских профессорантов за границей, свободе выбора лекций и профессоров, у которых они проходили подготовку, по необходимости отклоняясь от первоначальных инструкций. С другой стороны, приведенная переписка свидетельствует о внимательной и постоянной опеке их со стороны *alma-mater* и ведомственного начальства.

В Германии и Франции студенты вели самый скромный образ жизни, употребляя почти все полученные деньги на оплату лекций, книги, приборы и опыты. При этом во всех издержках до последнего пфеннинга или сантима они отчитывались перед Конференцией. Так, в письмах Н.К. Воронковского мы находим подробный перечень его расходов и можем себе представить образ жизни «русского стипендиата» в Геттингене. Наибольшие расходы для него составляли переезды, а также *privatissima* (частные курсы), взятые у разных профессоров, приобретение книг и приборов, уроки разговорного языка. Так, в первый год стажировки из полученных за две трети года денег почти 900 руб. Воронковским было издержано на дорогу до Геттингена – через Ригу, Ревель и Берлин и на покупку дорожных вещей. Остальные деньги после обращения в векселя и обмена

⁹¹² ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп.1. Д. 754. Л. 8.

на немецкую монету были издержаны следующим образом (далее счет идет в немецких талерах): «... Проректору за принятие в университет запла[ачено] 8». За квартиру «с дровами, свечами, прислугой, столом, мытьем белья и чищением сапог» в следующие полгода было заплачено 175». Профессорам за лекции, за английский и французский язык 79. На книги – 30. На некоторые математические инструменты – 10. На бал, которой я согласил всех русских, в том числе курляндцев, лифляндцев, эстляндцев и финляндцев был дан для здешней публики в день рождения нашего государя – 5. На путешествие по Гарцу – 20. На обувь, белье и верхнее платье – 70. На необходимые мелочи, так и на позволенные удовольствия – 34. [Итого] 434»⁹¹³. За 10 месяцев пребывания во Франции с мая 1810 по март 1811 г. Воронковский из полученного содержания истратил: «на проезд от Геттингена до Парижа – 145 талеров или 580 фр. ... За квартиру в месяц 30 фр., всего – 270 фр. За завтрак, обед и ужин в месяц 115 фр., всего – 1035 фр. За мытье белья в месяц 3 фр., всего – 27. За чищение сапог в месяц 3 фр., всего 27. За свечи в месяц 4 фр., всего 24. За дрова 45. За наем прачки – 12. За две пары сапогов – 80. За шляпу – 25. За книги – 150. Лекарь – 300. За лекарства – 200. Итого 2195 франков»⁹¹⁴.

К сожалению, суммы в отчетах указываются в разной национальной монете, что при меняющемся курсе, инфляции многих валют, в том числе русского рубля, затрудняет расчеты как для тех, от кого зависело определение размеров содержания профессорантов, так и для современного исследователя.

Можно заметить, что бытовые расходы «академических путешественников» – на квартиру, стирку и починку белья, на питание, лекаря и даже на «дозволенные развлечения» в сравнении с дорожными издержками и оплатой научных занятий – были крайне скромны. По описаниям видно, что новая одежда и обувь приобретались лишь в случае крайней нужды

⁹¹³ ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 809. Л. 5–5 об.

⁹¹⁴ Там же. Л. 6–6 об.

и русские стипендиаты, с юных лет привыкшие к ограничениям, жили в Европе настоящими аскетами.

Однако сложнее всего было возвратиться домой. Н.И. Бутырский обращается к членам Конференции института с подробнейшим отчетом и просьбой о присылке денег на обратную дорогу: «В последний раз, если не ошибаюсь, дерзаю утруждать слух ваш, без сомнения уже утомленный нашими просьбами в течение целых почти трех лет»⁹¹⁵. Министерству при посредничестве дипломатических агентов пришлось пересылать ему и другим деньги на дорогу, а также возмещать сделанные ими долги, правда, это было сделано «заимообразно» – из будущего жалованья. В то же время стипендиаты привезли с собой в Россию не только книги, ученую корреспонденцию, но и некоторые дорогостоящие приборы и коллекции, приобретенные за границей, купленные по собственной инициативе или по поручению института. В этом отразился их профессиональный взгляд на будущее преподавание. При этом никаких дорогих приобретений для себя они не сделали. В реестре ввозимых личных вещей, составленном для таможни, отмечались «старый фрак», вывезенный еще из России, бритвенный прибор, сапоги и т. п.

В течение 1811 г. все профессоранты, кроме Воронковского, вернулись из-за границы. Конференция Педагогического института устроила для каждого из них индивидуальные «испытания» по разным предметам – в общем собрании профессоров и академиков Академии наук (по образцу испытаний, практиковавшихся в XVIII в. для возвращавшихся из Европы студентов Академического университета)⁹¹⁶. Если студент претендовал на «высшую степень» адъюнкта, то он держал испытание, отвечая 6 вопросов «первой важности» из каждой науки: 3 устно и 3 письменно. Если не претендовал – зачислялся магистром без испытаний⁹¹⁷. Соискателю должности адъюнкта затем полагалось прочесть публичную лекцию и представить диссертацию из

⁹¹⁵ ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 754. Л. 3.

⁹¹⁶ Там же. Д. 878.

⁹¹⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 61. Л. 277–282.

своего предмета. Притом, как предусматривалось инструкцией об испытаниях, написанной попечителем С.-Петербургского учебного округа С.С. Уваровым, «выдержавший испытание на степень адъюнкта не подвергается уже вторичному экзамену на докторское достоинство, если возводить в оное Педагогический институт получит право»⁹¹⁸. То есть познания профессоранта признавались адекватными *докторской* степени, получение которой было бы ему обеспечено при ожидаемом преобразовании института в университет. Эта процедура свидетельствует о том, что целью пребывания за границей русских профессорантов было приобретение научных познаний, а не дипломов и степеней европейских университетов.

В течение нескольких месяцев после возвращения все молодые люди выдержали испытания на степень магистра в самом институте и рассчитывали представить диссертационные сочинения, подготовленные по итогам обучения. 13 августа 1811 г. попечитель С.С. Уваров уведомлял министра А.К. Разумовского о том, что Конференция Академии наук и Педагогический институт, произведя испытание Куницыну, Карцову и Кайданову, словесное и письменное, а также в виде «пробных лекций», признали их «достойными степени адъюнкт-профессоров, Куницына по нравственным наукам, разумея под оными философские и политические, Карцова по физико-математическим, а Кайданова по историческим». По просьбе С.С. Уварова они были утверждены в должности адъюнктов сразу, до представления диссертаций⁹¹⁹.

Возвращение стипендиатов Педагогического института совпало с резким ухудшением международной обстановки накануне войны с Францией. Поэтому в 1811–1816 гг. правительство сочло за лучшее готовить магистрантов из второго и третьего выпусков института на месте. Так, магистрами, не выезжая за границу, стали К.И. Арсеньев и Т.О. Рогов. Через 3–4 года и они получили должности адъюнктов.

⁹¹⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 61. Л. 287.

⁹¹⁹ Там же. Л. 288.

В 1816 г. в связи с реорганизацией Педагогического института и переходом на 2-уровневую систему подготовки учителей (отдельно для гимназий и для низших – уездных и приходских училищ) возник новый план: послать в Англию несколько человек для обучения методике взаимного обучения по Дж. Ланкастеру. В Англию были отправлены Ф. Буссе, К. Свенске, М. Тимаев и А. Ободовский⁹²⁰. В Педагогическом институте к тому времени изучались английский язык и педагогика, так что в этом случае подготовка педагогов-методистов за границей приобретала ознакомительно-утилитарный характер. Она продолжалась более двух лет, молодые люди знакомились с постановкой преподавания в закрытых школах Англии, о чем сохранилось составленное ими любопытное описание в форме «журнала путешествия»⁹²¹. Студенты посетили в Лондоне одну из центральных школ для обучения по методу Ланкастера, открытую для детей аборигенов Новой Зеландии, Сьерра-Леоне и других британских колоний. Побывали они, между прочим, и в институте знаменитого швейцарского педагога Песталоцци, где также разрабатывались новые методы преподавания элементарных предметов. Чиновник российского посольства в Англии И. Штрэндман, под наблюдение которого поступили четверо стипендиатов, сообщал уже через несколько месяцев о «чудесных успехах» молодых людей, в частности, о том, что уже через 3 месяца пребывания в Англии они оказались «способны обучать детей англичан отечественному их языку» по новой методе Ланкастера⁹²². С успехами этой группы внимательно ознакомился сам император Александр I, которому министр народного просвещения пересылал донесения Штрэндмана. Идея распространения нового педагогического метода на Россию нашла отражение в официальной газете «*Le conservateur impartial*», которая опубликовала донесение об успехе стипендиатов Педагогического института и цели их поездки в Англию⁹²³.

⁹²⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Л. 174.

⁹²¹ Там же. Л. 91–99 об.; 104–110.

⁹²² Там же. Л. 35.

⁹²³ *Le conservateur impartial*. № 19 от 6 (18) марта 1817. S. 106.

По возвращении Буссе, Свенске и Ободовский заняли вакансии в Учительском институте, который был преобразован из младшего отделения (2-го разряда) Главного педагогического института и существовал при С.-Петербургском университете два года (1819–1820), стали авторами сочинений по дидактике, методике преподавания (в том числе в школах взаимного обучения), учебников для уездных и начальных училищ по арифметике (Ф.И. Буссе), всеобщей географии (А.И. Ободовский), всеобщей истории и русской грамматике (М.М. Тимаев).

В 1819 г. предполагалось послать в Европу еще одну партию стипендиатов от Главного педагогического института (фактически, уже ставшего университетом) – Сергеева, Тимковского, братьев Максимовичей. Но эта акция не состоялась, видимо, из-за опасений правительства перед ростом либеральных и революционных движений в Европе.

Как сложилась судьба первого поколения европейских стипендиатов Петербургского университета? Трех из них удалось стать уже в 1811–1816 гг. профессорами Царскосельского лицея, А.П. Куницын при этом совмещал кафедру нравственных наук в лицее и кафедру естественного права в университете. Однако удачная карьера ждала не всех. Известна судьба А.П. Куницына, удаленного из университета по решению Главного правления училищ в 1820 г. Вместе с тем была запрещена его книга «Естественное право» (1819, 1820 – 2-е изд.), по которой он читал лекции в университете и Царскосельском лицее. Через год после этого оставить преподавание в университете и гимназии был вынужден М.Г. Плисов. Философ А.И. Галич был замешан в инспирированное Д.П. Руничем «дело профессоров» 1821 г. и также уволен из университета.

Слабое здоровье не позволило полностью реализовать свои познания и способности зоологу А.В. Ржевскому. Уже в 1817 г. он просил отставки по болезни. Правда, по возвращении в 1819 г. в реорганизованный университет Ржевский служил еще до 1833 г., затем был уволен окончательно в ходе

кадровой реформы С.С. Уварова. Увольняться Ржевский не хотел, хотя к тому времени явно «отстал» от науки, но министр добился его согласия на увольнение, обещая ему полный пенсион. Точно так же был уволен из университета уже в 1819 г. ботаник И. Кастальский, не проявивший серьезных научных амбиций.

Историк И.К. Кайданов и математик Я.И. Карцов предпочли службу в привилегированном Царскосельском лицее, первый из них снискал известность как автор учебников по отечественной истории, переиздававшихся несколько раз.

Мы имеем редкую возможность оценить внешний облик некоторых из названных лиц и даже отношение к ним воспитанников, основываясь на шаржированном рисунке, сделанном сокурсником Пушкина по лицей А.Д. Илличевским. На карикатуре «Профессора, ищущие места у А. К. Разумовского» изображены среди других А.П. Куницын, И.К. Кайданов и Я.И. Карцов. Показательно, что любимый лицеистами А.П. Куницын на этом рисунке держится независимо (но он уже с орденом в петлице), а вот Кайданов всем своим видом «ищет расположения» министра, обращаясь к нему с какой-то бумагой. (См. илл. на вкладке)

Успешно сложилась университетская карьера Дмитрия Семеновича Чижова, специализировавшегося в чистой математике. Питомец Кашинской духовной семинарии и Педагогического института, он отбыл «в чужие края» 23 июня 1808 г. и провел там 3,5 года. По возвращении и окончании «испытаний» Д.С. Чижов был назначен в 1812 г. адъюнктом, а в 1816 г. профессором чистой и прикладной математики в Педагогическом институте и занимал эту кафедру около 30 лет⁹²⁴. Одновременно Д.С. Чижов преподавал математику в Институте корпуса путей сообщения и на публичных курсах при университете. В 1819 г. он избирается первым деканом физико-математического факультета, в 1826 г. членом-корреспондентом Императорской

⁹²⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 24. Д. 733.

Академии наук, а в 1828 г. – действительным членом Российской академии. Наиболее популярное его сочинение – «Записки о приложении начал механики к исчислению действия машин наиболее употребительных» (СПб., 1823). Современники отмечали в Чижове не только высокий профессионализм, но и мягкий характер, а также отсутствие карьеризма. Не случайно он четыре срока подряд избирался деканом философского факультета, а в 1840 г. получил наибольшее количество избирательных голосов при выборах ректора. Ректором Д.С. Чижев, однако, не стал, поскольку не хотел противостоять своему конкуренту – историку И.П. Шульгину, близкому ко двору, за которым явно чувствовался «административный ресурс». Д.С. Чижев подал прошение о невозможности исполнять ректорскую должность по слабости здоровья и ... занятости преподаванием. В 1846 г. после 35-летнего преподавания он был отправлен в отставку, несмотря на еще крепкое здоровье. Этого требовали формальные условия ротации кадров, установленные С.С. Уваровым. Умер Д.С. Чижев 67-ми лет, 26 мая 1852 г., и был погребен на Смоленском православном кладбище. За его вдовой была сохранена пенсия мужа.

С точки зрения профессиональных и жизненных траекторий, подготовка русских профессоров за границей изменялась от классического «академического путешествия», когда кандидат мог по согласованию с направившим его университетом изменить местопребывание, расширить список прослушанных курсов и авторитетных консультантов, разработать дополнительное направление научной подготовки, к более прагматичному и краткому путешествию с целью подготовки и написания научной работы по заранее определенной теме. Эта практика стала почти обязательной во второй половине XIX в. как для представителей точных и естественных наук, так и для гуманитариев и способствовала все более тесному включению российских университетов в общеевропейское интеллектуальное пространство. В середине 1830-х гг. в науку вступило

новое поколение русских профессоров, имевшее европейский кругозор и отчасти усвоившее европейские стандарты корпоративного поведения. Но и в первом поколении русских профессорантов-«европейцев» Петербургского университета уже заметны черты, отличавшие их от поколения их наставников, не выезжавших из России и получивших образование еще в Учительской семинарии: широкий кругозор, научная активность, высокая самооценка и чувство достоинства, свободомыслие. Это отражалось как во внутрикорпоративных отношениях и академических конфликтах, так и в их научной и преподавательской деятельности.

Отличие «академического путешествия» россиян в XIX в. от обычного для европейских студентов перемещения из одного университетского города в другой состояло в подконтрольности научных миграций, их финансировании государством, нацеленности профессорантов на научную карьеру по конкретной специальности. Уже в 1830-е гг. они включались в научные исследования за границей под руководством своих консультантов. Условием их пребывания в Европе было обязательное возвращение на родину. В целом в это время система подготовки российских профессорантов не только отвечала потребностям расширения преподавания в российских университетах, но и соответствовала уровню европейской науки. Недаром ни один из стипендиатов в своей переписке с Петербургом не жаловался на невозможность «понимать» преподавание иностранных ученых и не требовал дополнительных инструкций, предметом переписки чаще всего являлась прибавка к определенному министерством денежному содержанию и продление срока стажировки. Важно, что система их подготовки включала необходимые формы социальной опеки: материальную и интеллектуальную помощь, контроль за деятельностью воспитанника, трудоустройство по возвращении.

Основным местом подготовки к профессуре за границей как в начале XIX в., так и в 1830-х гг. были немецкие универси-

теты, сохранявшие на протяжении всего XIX в. значение эталона научного знания⁹²⁵. Лишь в связи с революционными событиями в Европе 1820–1821 гг. поездки за границу студентов Петербургского и других русских университетов были временно приостановлены. В 1820 г. Конференция Петербургского университета рассматривала вопрос об отправлении за границу на стажировку студентов Петра Сергеева и Павла и Александра Максимовичей и предоставила этот вопрос решению министра духовных дел и народного просвещения. А.Н. Голицын рассудил тогда, что всего надежнее было бы послать означенных студентов в Англию, по опыту удачной подготовки там Буссе, Свенске, Ободовского и Тимаева, при условии, «если знают они английский язык», или в австрийские владения⁹²⁶. Однако 22 февраля 1823 г. вышло постановление, запрещающее всем российским подданным учебу в нескольких университетах Германии: Йенском, Гейдельбергском, Гессенском и Вюрцбургском⁹²⁷.

Практика подготовки профессорантов для русских университетов возобновилась спустя несколько лет на базе организованного в Дерпте Профессорского института (1828–1838 гг.)⁹²⁸. Идея учреждения института принадлежала бывшему ректору Дерптского университета Г.-Ф. Парроту, который, будучи избран в академики, в 1826 г. переехал в Петербург. В 1827 г. он подал Николаю I докладную записку, содержащую обширную программу подготовки русской национальной профессуры в Дерптском университете. Студенты, окончившие институт, в дальнейшем должны были занять профессорские кафедры. «Профессорским институтом» называлось впоследствии не

⁹²⁵ См.: Тарасов Е.И. Русские «геттингенцы» первой четверти XIX в. и влияние их на развитие либерализма в России // Голос минувшего. 1914. № 7. С. 195–209.

⁹²⁶ ЦГИА СПб Ф. 14. Оп. 1. Д. 139: Об отправлении в чужие края студентов Сергеева и Максимовичей. 1820 г. Л. 2.

⁹²⁷ Андреев А.Ю. Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половины XIX в. М., 2005. С. 286.

⁹²⁸ Иванов А.Е. Ученые степени ... С. 72–75; Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 4. Ч. 1. С. 23–39; Тамул В.Э. Профессорский институт и международные научные связи Тартуского университета в первой половине XIX в.: Автореф. дис... канд. ист. наук. Тарту, 1988. С. 10–15.

какое-то отдельное учебное заведение, а, по выражению университетского историка, «общность всех кандидатов наших университетов», подготовленных к профессуре как в Дерпте, так и вне его⁹²⁹.

Выбор кандидатов для отправления в Профессорский институт предоставлялся советам университетов. Соответствующих кандидатов отбирали на основе испытаний из воспитанников Московского, Петербургского, Виленского, Казанского и Харьковского университетов. Всех кандидатов отправляли за казенный счет в Петербург, где они подвергались контрольному испытанию в Академии наук по своей специальности. Профессоранты давали обязательство прослужить в учебном ведомстве не менее 12 лет со времени определения их в должности по кафедре, т. е. половину профессорского срока. Все претенденты для отправки в Дерпт должны были обладать «достаточными сведениями вообще, и особенно в избранной каждой части учения», в том числе иметь основательное знание латинского языка и словесности, а также французского и немецкого языков, а для тех, кто посвящает себя филологии, и греческого языка⁹³⁰. От молодых людей требовалась беспорочная нравственность, природные дарования, любовь к наукам, а также надежное состояние здоровья⁹³¹.

В первый набор профессорантов от Петербургского университета было включено шестеро студентов, т. е. больше, чем от какого-либо другого. Это были А. Чивилев (впоследствии профессор Московского университета), В. Лапшин (впоследствии профессор Харьковского университета), П.Н. Калмыков, С.С. Куторга и М.С. Куторга (впоследствии профессора Петербургского университета), Павел Шкляревский, умерший в Дерпте (талантливый поэт, после его смерти, в 1831 г. вышел сборник его стихов). Между тем у В.В. Григорьева есть упоминание еще об одном поэте из числа студентов, Михаиле Загорском, умершем в 21 год, во время обучения⁹³². Никто из

⁹²⁹ Григорьев В.В. Императорский С.-Петербургский университет... С. 86.

⁹³⁰ Там же. С. 474.

⁹³¹ Там же.

⁹³² Там же. С. 27, 28.

избранных кандидатами еще не окончил университетского курса. Один из них заканчивал в момент командирования в Дерпт 3-й курс, остальные были первокурсниками. В донесении попечителя Петербургского учебного округа К.М. Бороздина говорилось: «...Взяв в соображение продолжительное время (студенты, назначаемые для отправления за границу, должны были пробывать в Дерптском университете три года. – Т.Ж., К.К.) и прилежание первокурсных студентов, доказанное значительными успехами в науках, невзирая на кратковременность пребывания их в здешнем университете, можно надеяться, что они усовершенствуют себя в познаниях самым удовлетворительным образом»⁹³³. Этот выбор, очевидно, объяснялся тем, что никто из немногих студентов, уже окончивших университет кандидатами в 1824–1826 гг., и старшекурсников не изъявил желание продолжить усовершенствование в науках. Отказался от стажировки за границей, например, А.В. Никитенко.

Кандидаты должны были пройти трехлетнее обучение в Профессорском институте в Дерпте и двухлетнюю стажировку в университетах Парижа и Берлина. Обучение должно было проходить под руководством дерптских профессоров по индивидуальным планам. Основными направлениями в обучении должны были стать медицина, ботаника, математика, астрономия, хозяйственное право, дипломатия и история⁹³⁴. Надо заметить, что молодые ученые, отправленные в Профессорский институт в Дерпт, ходили там во фраках и сюртуках своих университетов⁹³⁵. Это помогало им идентифицировать себя с определенным университетом, который направил их в Дерпт, а значит, готов был принять в члены своей корпорации после возвращения из-за границы.

⁹³³ Санкт-Петербургский университет в первое столетие. Материалы по истории Санкт-Петербургского университета... С. 477.

⁹³⁴ Там же.

⁹³⁵ Бартницка К. Профессорский институт Дерптского университета и его польские учащиеся // Польские профессора и студенты в университетах России (XIX – начало XX в.). Варшава, 1995. С. 152.

Первым из выпускников Профессорского института в 1832 г. из-за границы вернулся С.С. Куторга, за ним его брат М.С. Куторга, В.С. Порошин, А.И. Чивилев, А.Н. Савич, П.Я. Петров. Деятельность каждого из перечисленных ученых стала выдающимся вкладом в развитие университетской науки и преподавания. Важнейшим результатом заграничных стажировок и деятельности Профессорского института явилось формирование новой генерации профессоров, задававших высокую научную планку для всех остальных. Не случайно через 1–2 года после возвращения они заняли профессорские кафедры в статусе докторов наук и стали опорой С.С. Уварова в проводившейся им в это время в университетах кадровой реформе.

Практика подготовки профессоров за границей дополнялась и деятельностью второго Главного педагогического института, действовавшего в 1828–1859 гг. и размещавшегося с Петербургским университетом в одном здании⁹³⁶. По уставу институт был учрежден для приготовления учителей и профессоров Министерства народного просвещения и имел право посылки за границу «отличнейших» своих студентов, предназначенных для профессорской карьеры⁹³⁷.

Со временем менялись условия научных стажировок университетов, их локализация, цели, финансовое обеспечение, массовость. Успешным был также опыт подготовки русских правоведов за границей в 1828–1833 гг., инициированный М.М. Сперанским и начавшийся именно с их целенаправленной подготовки в стенах Петербургского университета.

24 января 1828 г. последовал указ Николая I «Об образовании при Петербургском университете кандидатов правоведения». По высочайшему повелению надлежало приготовить из шести лучших студентов духовных академий профессоров законоведения. Необходимость подготовки правоведов для пре-

⁹³⁶ Иванов А.Е. Главный педагогический институт (1828–1859 гг.). Из истории подготовки российской профессуры // Вестник истории, литературы, искусства. 2014. Т. 9. С. 32–46.

⁹³⁷ Сборник постановлений... Т. 2. Отд. 1. Стлб. 113.

подавания в русских университетах, а также план их обучения были подробно изложены в записке М.М. Сперанского, поданной на высочайшее утверждение в 1828 г. Кроме университетских лекций, предполагались обязательные занятия правоведов во II отделении СЕИВК под руководством М.Г. Плисова и А.П. Куницына. Важно, что оба наставника принадлежали к первому поколению подготовленных в Европе для Петербургского университета специалистов, но после «дела профессоров» в университет не вернулись. М.М. Сперанский писал о кандидатах правоведения: «Соединяя ежедневно практику с теорией, есть надежда, что в два года они пройдут довольно далеко, чтобы употребить еще третий год на окончательное обозрение всех предметов и, выдержав строгий экзамен, быть в состоянии давать уроки как публичного, так и частного права, по крайней мере, в двух первых университетах, Московском и Петербургском»⁹³⁸. Для обучения были выбраны воспитанники С.-Петербургской духовной академии Сергей Орнатский, Александр Пешехонов и Савва Богородский, а также Московской духовной академии – Василий Знаменский, Константин Неволин и Алексей Благовещенский. В следующем году к ним были присоединены Александр Федотов, Алексей Куницын, Никита Крылов, а кроме того, двое студентов Дерптского университета, Петр Калмыков и Петр Редкин.

После полутора лет подготовки в «практическом законоведении», в мае и июне 1829 г., молодым людям было произведено испытание. Вслед за тем они были командированы в Берлинский университет, где в течение трех лет, под главным руководством проф. Ф.К. Савиньи занимались энциклопедией и философией права, историей и теорией государственного права, правами римским, германским, прусским и международным правом европейских держав. После возвращения студенты были прикомандированы ко II отделению СЕИВК, и

⁹³⁸ Архив СПб. ИИ РАН. Ф. 115. Д. 116: Краткая записка о студентах, состоящих при II отделении СЕИВК в 1828–1835 гг. для образования в российском законоведении. Л. 2.

еще около трех лет занимались, готовясь к защите научных работ на ученую степень. То есть общий срок обучения правоведов составил более семи лет.

Определение кандидатов на кафедры состоялось в 1835 г.: в университет Св. Владимира были определены Сергей Орнатский, Савва Богородский и Константин Неволин, в Харьковский – Александр Федотов-Чеховский, Иван Платонов, Алексей Куницын, в Московский – Сергей Баршев, Никита Крылов, Петр Редкин, в Санкт-Петербургский – Петр Калмыков, Яков Баршев⁹³⁹. Таким образом, университетские кафедры заняли молодые профессора права с блестящей подготовкой. Ф.А. Петров, анализируя систему подготовки профессорских кадров и деятельность Профессорского института в Дерпте, II отделения СЕИВК и Главного педагогического института, называет их «тремя всероссийскими аспирантурами»⁹⁴⁰.

Несмотря на то что в 1830-е гг. практика отправления лучших выпускников университета за границу для подготовки к профессуре возобновилась, это были все же индивидуальные научные траектории, а не система подготовки. Хотя Дерптский профессорский институт существовал до 1838 г., но второй и третий его выпуски были более малочисленными⁹⁴¹. Число студентов, командированных для подготовки к профессуре в Дерпт и в европейские университеты, по отношению к общей массе выпускников было мизерным. По-прежнему основной формой подготовки к профессуре было «оставление при университете» с одновременным (чаще всего) возложением нагрузки младшего преподавателя. Так, с 1834 по 1853 г. Санкт-Петербургский университет удостоил ученых степеней магистра и доктора 43 соискателей из числа своих студентов⁹⁴².

⁹³⁹ Архив СПб. ИИ РАН. Ф. 115. Д. 116: Краткая записка о студентах, состоящих при II отделении СЕИВК в 1828–1835 гг. для образования в российском законоведении. Л. 144–149.

⁹⁴⁰ Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 4 Ч. 1. С. 57.

⁹⁴¹ Костина Т.В. Воспитанники Санкт-Петербургского университета в Дерптском профессорском институте // Петербургские исследования. Вып. 3. СПб., 2012. С. 221–230.

⁹⁴² Воронов А.С. Историко-статистическое обозрение учебных заведений... Т. 1. С. 297.

После принятия устава 1835 г. российские университеты вернулись к практике прямого командирования за границу своих наиболее талантливых студентов, минуя промежуточные инстанции, подобные Дерптскому университету. Чаще всего эти командировки стали осуществляться не сразу после окончания университета, а уже после защиты магистерской диссертации в своем университете и занятия адъюнктской должности⁹⁴³. Выпускник, признанный достойным впоследствии занять профессорскую кафедру, мог быть оставлен в университете на индивидуальных условиях для написания диссертации, если характер его научной работы не требовал заграничной командировки. Так, в 1847 г. по распоряжению попечителя была учреждена особая стипендия от Санкт-Петербургского университета для казеннокоштного студента Ведрова, который после получения степени магистра был оставлен в университете «для подготовки к докторскому испытанию в исторических науках, политической экономии и статистике»⁹⁴⁴. В конце 1830-х – начале 1840-х гг. университеты уже не испытывали острого дефицита русских преподавателей. Более поздние «академические путешествия» организуются уже в индивидуальном порядке, а не «серийно», превращаясь в более краткосрочные и направленные научные командировки. После европейских революций 1848 г. – с наступлением «мрачного семилетия», утверждения политического изоляционизма в качестве государственной доктрины – и вплоть до 1856 г. академические путешествия прерываются.

Массовый характер заграничные стажировки приняли в период министерства А.В. Головнина (1861–1866), который впервые подвел под свои начинания теоретическую базу, доказывая, что ученые командировки необходимы не только для воспроизводства профессорского корпуса, но и для создания более тесной связи между русской и европейской наукой⁹⁴⁵.

⁹⁴³ Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 4 Ч. 1. С. 34.

⁹⁴⁴ Годичный торжественный акт Санкт-Петербургского университета ... 1849 г. С. 17.

⁹⁴⁵ Трохимовский А.Ю. Заграничные командировки ученых Московского университета в 1856–1881 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. С. 18.

Научная или профессорская карьера была уделом немногих лучших выпускников Санкт-Петербургского университета. Большинство своекоштных студентов поступали по окончании курса на службу в государственные учреждения. Верховная власть таким образом стремилась за счет притока образованных людей радикально обновить чиновничество, поднять качество государственной службы, общую культуру управления⁹⁴⁶.

Среди выпускников Петербургского университета 1830-х гг. многие дослужились до высоких государственных должностей в статской, морской и военной службе. Так, Павел Славинский, окончивший университет в 1829 г., к концу 1840-х гг. состоял в должности обер-прокурора в межевом департаменте Сената, Павел Суслов – в должности инспектора департамента Морского министерства, Иван Гонзаго-Павличинский – чиновника особых поручений при министре статс-секретаре Царства Польского, Николай Мухин – дослужился до генерального консула в Сербии. Николай Безобразов стал действительным статским советником в составе I отделения СЕИВК, Егор Гейкинг – прокурором Лифляндской губернии, Александр Стригоцкий – обер-секретарем 4-го департамента Сената и т. д.⁹⁴⁷

Университет мог тем или иным образом способствовать продвижению выпускника по карьерной лестнице. С 1838 г. по инициативе министра народного просвещения С.С. Уварова императору подавались списки отличнейших выпускников русских университетов, с тем, чтобы «оказываемо было некоторое снисхождение к дальнейшему назначению на поприще государственной службы»⁹⁴⁸. Надо заметить, что подобные списки составлялись прежде всего на выпускников

⁹⁴⁶ Шевченко М.М. Император Николай I и ведомство народного просвещения // Философский век. Альманах. Вып. 6: Россия в николаевское время: наука, политика, просвещение / Отв. ред. М.Ф. Хартамович, М.И. Микешин. СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 1998. С. 108.

⁹⁴⁷ Списки окончивших университет см.: Воронов А.С. Историко-статистическое обозрение учебных заведений С.-Петербургского учебного округа с 1775 по 1853 гг. СПб., 1849. С. 45–77.

⁹⁴⁸ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 4823: С представлением государю Императору рапортов о молодых дворянах, служащих по округу. 1843 г.; Сборник постановлений... Т. 2. Отд. 1. Стлб. 1420.

Петербургского университета, принадлежавших к дворянским фамилиям. Прецедентом к подобному распоряжению стало ходатайство министра в 1838 г. об определении ко II отделению СЕИВК князя Григория Александровича Щербатова, с успехом окончившего юридический факультет Петербургского университета. Согласия на определение под свое руководство другого выпускника Петербургского университета графа П.П. Шувалова добился М.М. Сперанский. Традиционно при появлении свободных вакансий в различных департаментах государственных учреждений в Санкт-Петербургский университет посылались запросы о способных выпускниках, желающих занять вакантное место. Как правило, факультеты рекомендовали того или иного выпускника, тем самым являясь гарантом его профессиональной подготовки. Университет мог ходатайствовать о назначении способных выпускников в министерства перед императором, как это было сделано в 1857 г. в отношении кандидатов Карла Шнейдера, Петра Мякина и Александра Тимофеева⁹⁴⁹. Большинство универсантов, сделавших успешную административную карьеру, были выпускниками юридического факультета, с 1835 г. и на протяжении всей истории дореволюционного университета – самого многочисленного и престижного.

Что касается перспектив выхода выпускника университета в военную службу, то они также всегда были открыты. Университет обеспечивал возможность перехода в военную службу для окончивших или недоучившихся студентов. Однако свобода перехода сохранялась только за своекоштными студентами, как правило, выходцами из дворян. Студенты, учившиеся на казенный счет, свободно выйти в военную службу по окончании университета или посередине курса не могли. Хотя и здесь встречались исключения. Делопроизводство Комиссии училищ содержит дело о зачислении студентов Учительской семинарии, непосредственной предшественницы Петербург-

⁹⁴⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 165: Отчет университета за 1857 год. Л. 18.

ского университета, Зубаковича, Назарецкого и Ольховского по их прошениям рядовыми в л.-гв. Преображенский полк, а студента Бутовича юнкером в Харьковский кирасирский полк. На это в июле 1798 г. вышло высочайшее соизволение⁹⁵⁰. Заметим, что этот случай относится ко времени Павла I, который, во-первых, сам отдавал военной службе особое предпочтение перед статской, а во-вторых, был вполне равнодушен к просветительским начинаниям своей матери.

По уставам университетов 1804 г. право вступать в военную службу не признавалось за казенными студентами. Вообще допуск казенных студентов, в основном выходцев из духовного звания, в дворянский по составу офицерский корпус выглядел нонсенсом. В то же время присутствие семинаристов в университетах подало повод установить по отношению ко всем вообще учащимся-разночинцам весьма суровую дисциплинарную меру, которая прежде применялась Комиссией народных училищ в Учительской семинарии. Не только воспитанников семинарии из духовного звания, но всех вообще выпущенных из нее учителей, состоявших в службе, «за развратное поведение и важные преступления» Комиссия отсылала в солдаты. Та же мера, как говорилось выше, применялась и к казенным воспитанникам Петербургского педагогического института, которые в большинстве своем также набирались из семинаристов. До 1811 г. эта мера не имела под собой нормативной базы, и каждый подобный конфликт разрешался в индивидуальном порядке.

В практике отдача в солдаты в 1800-х гг. использовалась редко, лишь в качестве крайней меры наказания для казенно-коштного студента, от которого иным способом невозможно было избавиться. Поводом для наказания была полная «неспособность» к обучению и злостное нарушение дисциплины, пьянство, «буйство». Журналы инспекторов Педагогического института пестрят красноречивыми описаниями таких про-

⁹⁵⁰ Описание дел архива МНП / Под ред. С.Ф. Платонова и А.С. Николаева. Т. 1. Пг., 1917. С. 215. Дело начато 22 января 1797, окончено 26 июля 1798 г.

ступков. Так, в 1806 г. хронического пьяницу Григория Соловьева удалось исключить из Педагогического института с отправкой в военную службу, когда законодательно такой выход еще не был закреплён. Соловьев без спроса отлучился со двора и был «найден полицейскими на Выборгской стороне мертвецки пьяный, босой и весь в грязи, и отведен ими в Управу благочиния, где ... ночевал вместе с колодниками, не имея образа человеческого». Петербургский полицмейстер Ф.Ф. Эртель распорядился «выслать его тотчас же из города, для чего и билет был ему уже написан», но по выяснении, что задержанный – студент института и пользуется правом неподсудности обычной полиции, это дело было переправлено попечителю учебного округа, а от него в Конференцию профессоров. Соловьев, как говорит тот же источник, «от содержания его чрез целую неделю в уединенном покое на хлебе и воде хотя с начала на несколько времени и исправился было, но после опять настолько ослабел, что редкий стал проходить день, в который бы он не напивался до безобразия»⁹⁵¹. Поскольку для науки от такого студента проку не было, Конференция профессоров, истощив все усилия, обратилась к попечителю с предложением удалить негодного студента от института, определив его в военную службу, что и было сделано по решению министра народного просвещения в конце декабря 1806 г.⁹⁵²

21 апреля 1811 г. по докладу министра народного просвещения А.К. Разумовского издается Положение, вводящее отсылку студентов «из духовного звания и разночинцев, развратного поведения и уличенных в важных преступлениях по исключении вовсе из упомянутых заведений», в военную службу. Подобные инциденты в отношении «казенных воспитанников и студентов из дворян» было положено представлять на рассмотрение самого императора. Тем самым правительство рассчитывало на компенсацию, хотя бы частичную, издержек, употребленных на

⁹⁵¹ ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 147. Л. 5 об. – 6.

⁹⁵² Там же. Л. 8.

обучение казенных студентов, а с другой стороны, признавало невозможным «оставить на произвол судьбы и извергнуть в общество пример разврата и соблазна другим»⁹⁵³. О прецедентном для издания данного закона деле студента Педагогического института Пургаровича уже шла речь в главе 3.

Нам известно еще несколько случаев применения закона 1811 г. в отношении студентов Педагогического института, наказанных отсылкой в военную службу, в частности дело студента Фрейдекера, возбужденное проф. П.Д. Лодием, одновременно исполнявшим должность инспектора. Для исхода этого дела роковую роль сыграла дерзость и неповиновение студента в отношении Лодия, известного своей обидчивостью и конфликтным характером. Свидетельства Лодия, представленные при разборе дела в Конференцию профессоров, расходились с объяснениями самого Фрейдекера, написанными в карцере. Поводом к конфликту стало то, что Фрейдекер привел в здание института, в студенческие комнаты «гостей» – молодых офицеров и кадета, даже не предупредив инспектора об этом посещении, чем подвел его. Лодий приказал служителю выпроводить «гостей» силой, при этом случилась потасовка, во время которой студент ударил профессора (!). При попытке арестовать Фрейдекера он обратился за помощью к товарищам, что было истолковано Лодием как призыв к бунту.

Конференция профессоров, разумеется, встала на сторону П.Д. Лодия, и к нарушителю порядка было применено положение об отдаче в солдаты 1811 г. Фрейдекер был исключен из института и отправлен в распоряжение военного министерства. 18 мая 1812 г., за три недели до начала Отечественной войны, студент был определен в войска Финляндского корпуса под командованием генерал-лейтенанта Ф.Ф. Штейнгейля⁹⁵⁴. Можно предположить, что вместе с Финляндским корпусом осенью того же 1812 г. бывший студент участвовал в рейде от Риги к По-

⁹⁵³ Сборник постановлений... Т. 1. Стлб. 628–630.

⁹⁵⁴ ЦГИА СПб. Ф. 13. Д. 1133.

лоцку, освобождении Полоцка, затем в битве при Березине, осаде Данцига... Установить его дальнейшую судьбу было бы возможно лишь в том случае, если к концу войны исключенный студент дослужился до офицерского звания, а не погиб как тысячи безымянных героев. Для студентов, вышедших из духовного звания, признанных «негодными» к дальнейшему обучению, военная служба являлась единственной приемлемой формой социальной адаптации, т. к. возвращение их в духовное сословие было практически невозможно.

Против отсылки исключенных студентов в армию, однако, возражало военное начальство. Военный министр Барклай-де-Толли считал, что «смешение преступников с солдатами, на поле чести звание свое возвысившими», произведет «оскорбительное впечатление» в духе войска⁹⁵⁵. Министр просвещения отвечал Барклаю-де-Толли, что отсылаемые в военную службу студенты – не преступники, а лишь совершившие такие проступки, которые несовместимы с их будущим званием наставников юношества, но эти шалости можно исправить «под строгою военною дисциплиною»⁹⁵⁶.

В николаевское время студент мог быть отдан в солдаты и за политическую неблагонадежность, и за участие в студенческих дуэлях. Одной из таких историй являлась дуэльная история между студентами юридического факультета П. Вердеревским и Д. Бибиковым, случившаяся в ресторации Дюсо и разобранный в главе о дисциплинарных рамках студенческой повседневности. В данном случае один из дуэлянтов, а именно Вердеревский, замеченный и прежде в неблагонадежном поведении, был исключен из университета и отправлен на Кавказ рядовым, с выслугой не прежде трех месяцев⁹⁵⁷.

Иногда выход в военную службу для своекоштных студентов был спасением от полной нищеты, некоторые сами его до-

⁹⁵⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 86. Д. 270. Л. 9.

⁹⁵⁶ Там же. Л. 11–12.

⁹⁵⁷ РГИА. Ф. 735 (Канцелярия министра народного просвещения). Оп. 25. Д. 199. Л. 30–35.

бывались. Так, своекоштному студенту Александрову, которому нечем было платить за квартиру, приходилось ночевать под открытым небом. Он выбрал для «жительства» Семеновский плац, прямо напротив университета, размещавшегося тогда у Семеновских казарм. Утром, уходя на лекции, он оставил на скамейке, где ночевал, шуточную записку: «Квартира студента Александрова», а по возвращении ему пришлось объясняться с обер-полицмейстером⁹⁵⁸. Попечитель не нашел возможности поместить бедствующего студента на казенное содержание в университет. Вскоре последовало высочайшее повеление студенту Александрову вступить в военную службу, а до того времени о выдаче ему на пропитание ста рублей⁹⁵⁹.

Для своекоштных студентов-дворян предусматривался особый механизм вступления в военную службу, предполагавший добровольность и кое-какие познания в военных науках. Для их приобретения, например, в Московском университете еще в царствование императрицы Екатерины II «после Пасхи начинались по вечерам военные экзерциции. Под руководством офицеров студенты отрабатывали ружейные приемы, маршировали в строю». В летнюю вакацию эти занятия повторялись чаще и продолжались до сентября. Осенью «бывал университетскому пехотному батальону смотр в присутствии Московского коменданта или шефа полка из стоящих в столице»⁹⁶⁰.

Перспектива готовить «просвещенных граждан» Отечества, которые могли бы быть употреблены с пользой не только в статской, но и в военной службе, сохранялась во время университетской реформы Александра I. Она отвечала настроениям дворянской молодежи, предпочитавшей скорую и яркую военную карьеру, но готовой потратить несколько лет и для приобретения университетских познаний. Для дерптских студентов, большинство которых были выходцами из остзейских

⁹⁵⁸ Из автобиографии Иваницкого // Русский архив. 1909. Кн. 3. № 10. С. 142.

⁹⁵⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 21. Д. 188.

⁹⁶⁰ Из всеподданнейшего доклада министра А.С. Норова Николаю I 27 декабря 1854 // РА. 1915. № 3. С. 328.

дворян, уже в 1806 г. была открыта возможность определяться в военную службу⁹⁶¹. В Эстляндии, в отличие от столиц, у родителей дворянских отпрысков не было выбора: отдавать сына в университет или кадетский корпус (за отсутствием последнего). При вступлении в военную службу выпускники Дерптского университета не могли рассчитывать на офицерские чины, а принимались унтер-офицерами на неопределенный срок. Однако под давлением местного дворянства ректор университета Г.-Ф. Паррот обратился в январе 1806 г. с представлением о мерах, облегчающих получение офицерского звания окончившими Дерптский университет⁹⁶². Это предложение совпадало с видами правительства, которое в разгар наполеоновских войн также было заинтересовано в усилении офицерского корпуса образованной молодежью.

Г.-Ф. Паррот рассчитывал введением преподавания военных наук сделать привлекательным для дворян пребывание «во всех университетах в государстве». Его поддержал попечитель Дерптского университета Ф. Клингер и попечители других университетов. 3 июля 1806 г. последовало высочайшее распоряжение об ограничении 6-ю месяцами срока выслуги для выпускников университета, по представлении ими документов о дворянстве, личных прошений о желании вступить в армию, аттестата об окончании университета с обозначением поведения и успехов в науках, особенно «к военному званию приличных». Вступающий в службу студент должен был первые 3 месяца прослужить в нижних чинах, а потом еще три – в чине подпрапорщика, после чего производился в офицеры, даже если в полку, где он находился, не было офицерских вакансий⁹⁶³.

Чтобы подготовить таких студентов к офицерской должности, был составлен план преподавания военных наук, а при выпуске предусматривался отдельный экзамен в военных науках. Были определены два блока дисциплин – «предуготовитель-

⁹⁶¹ РГИА. Ф. 732 (Главное правление училищ). Оп. 1. Д. 277.

⁹⁶² Там же. Ф. 733. Оп. 20. Д. 136.

⁹⁶³ Там же. Л. 9–10.

ные» и собственно военные. К первым отнесены: российский язык (чтобы будущие командиры владели им в совершенстве), всемирная история («особенно же история Российского государства»), а также физика, арифметика, геометрия и тригонометрия, практическая геометрия, ситуационные планы. К собственно военным наукам были отнесены фортификация, тактика пехоты и кавалерии, начальные основания артиллерии.

Для будущих инженеров и артиллеристов в университете дополнительно предусматривалось преподавание ситуационных планов, полевой фортификации, атаки крепостей, практического строения крепостей, артиллерии, минерного и понтонного дела, «начальных оснований тактики различных орудий» (т. е. родов войск. – Т.Ж., К.К.), а также стратегия⁹⁶⁴.

Спустя несколько месяцев постановление от 3 июля 1806 г. об определении в службу студентов-дворян распространилось и на разночинцев, если это не были казенные студенты, обязанные подпиской служить в учительском звании⁹⁶⁵. Эти постановления заинтересовали студентов-дворян в том, чтобы оканчивать университетский курс, а студентам-разночинцам обеспечивали дополнительные условия социальной мобильности.

Положение 1806 г. было дополнено рескриптом Александра I от 14 марта 1807 г. на имя военного министра. Студенты, окончившие любой из российских университетов, могли явиться в один из сухопутных кадетских корпусов в Петербурге и, пробыв в нем 6 месяцев, выпускаться офицерами в полки. Это положение, вызванное к жизни университетским сообществом, приобрело широкую адресацию к дворянской молодежи вообще и анонсировалось через гражданских губернаторов, губернских и уездных дворянских предводителей, попечителей округов. «Я уверен, – объявлял император в заключении рескрипта, – что сим распоряжением достаточно облегчены будут благородному юношеству средства ко вступлению в

⁹⁶⁴ РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 277. Л. 34–36.

⁹⁶⁵ Там же. Ф. 733. Оп. 20. Д. 136. Л. 17.

службу... в такое время, когда честь и польза государства призывает к службе каждого члена благородного сословия, знаменитого своею любовью и верностью к Отечеству»⁹⁶⁶. Через месяц после подписания рескрипта Совет Московского университета рапортовал, что приняты «все надлежащие меры к точному исполнению повеления», а его содержание объявлено студентам⁹⁶⁷.

Практика «обогащения» программы университета военными науками себя не оправдала, и в большинстве университетов в то время не прижилась. Однако среди питомцев Дерптского университета в 1812 г., несмотря на его отдаленность от театра войны, было много вступивших в армию. Прежде всего в качестве военных медиков участвовали в войне питомцы медицинского факультета. Но среди ушедших добровольцами в действующую армию был и профессор русской литературы А.С. Кайсаров, погибший в 1813 г.

Университетский устав 1835 г. сохранил преимущества для выпускников университета при производстве в офицеры. § 129 устава предполагал, что окончившие с успехом университетский курс должны прослужить в унтер-офицерском звании 6 месяцев, после чего могут производиться в офицеры, «хотя бы не имелось вакансий в тех полках, куда они приняты будут, лишь бы только знанием фронта были того достойны»⁹⁶⁸.

Среди выпускников Петербургского университета 1830-х гг. многие предпочли офицерскую карьеру не только в военное, но и в мирное время. Карл Позе дослужился до командующего войсками на Кавказской линии и в Черноморье, Николай Савин – до подполковника Генерального штаба, Сергей Мальцев – до полковника Кавалергардского полка и адъютанта принца Ольденбургского, Александр Дондуков-Корсаков – до полковника Драгунского полка, Николай Евреинов – до инженер-полков-

⁹⁶⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 136 Л. 20–22 об.

⁹⁶⁸ Там же. Л. 28.

⁹⁶⁹ Параллельный свод общих уставов императорских российских университетов 1863, 1835 и 1804 гг. и Дерптского 1865 г. СПб., 1880. С. 194.

ника, братья Константин и Петр Маслаковы вышли в службу в корпус инженеров путей сообщения⁹⁶⁹. Все названные молодые люди принадлежали к своекоштным студентам.

Студенты из дворян могли вступить в военную службу с чином унтер-офицера в любое время, даже не окончив курса. Так поступил в 1843 г. старший из братьев Бекетовых, Андрей, будущий профессор и ректор Петербургского университета, известный ботаник. Он оставил Петербургский университет после двух семестров (тогда он учился на отделении восточных языков) и вступил в лейб-гвардии Егерский полк унтер-офицером.

Среди вступивших в военную службу по окончании курса были и стипендиаты Царства Польского, учившиеся в Петербургском и Московском университетах. В июне 1853 г. студент Петербургского университета Иван Стахурский, окончивший физико-математический разряд философского факультета и получавший «педагогическую» стипендию Царства Польского, был освобожден с разрешения министра от обязанности прослужить на родине 6 лет в учительской должности. В своем прошении он сообщал, что находит себя «неспособным к званию учителя», но чувствует «сильное влечение к военной службе»⁹⁷⁰. Прощение Стахурского было удовлетворено, поскольку в этом году в Царстве Польском не оказалось учительских вакансий.

Вступление в службу в военное время существенно облегчалось, в 1812 г. были сделаны исключения даже для казеннокоштных студентов. Но более ранние их ходатайства не имели успеха. Так, в 1806 г. несколько студентов Педагогического института подали прошения о вступлении в ополчение. Это стремление было вызвано правительственными воззваниями и мобилизационными мерами тех лет, в частности, Манифестом 6 декабря 1806 г. о созыве земского ополчения и постановлением Св. Синода, которое зачитывалось во всех православных

⁹⁶⁹ Списки окончивших университет см.: Воронов А.С. Историко-статистическое обозрение учебных заведений С.-Петербургского учебного округа с 1775 по 1853 гг. СПб., 1849. С. 45–77.

⁹⁷⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 77. Д. 74. Л. 432–435.

храмах. В постановлении Синода Наполеон был представлен поработителем человечества, «неистовым врагом мира и благословенной тишины», узурпатором трона, который «опустошил мечом и пламенем» города и села соседних стран, а теперь «дерзает... угрожать России вторжением в ее пределы... и потрясением Православных Греко-Российских церкви»⁹⁷¹. Эти документы провозглашали войну с Наполеоном войной против тирана, угрожающего Отечеству, несмотря на то что военные действия велись в Европе.

Вняв этим призывам, трое студентов Педагогического института обратились в Конференцию с прошениями, риторика которых отсылает к формулам официальной антинаполеоновской пропаганды. Вот пассаж из коллективного прошения Егора Сферина, Андрея Борисоглебского и Семена Яновского: «Почтеннейшая Конференция! ... Мы – россиане, и не имеем чем пожертвовать Отечеству кроме своей жизни. Если она может быть полезна в каком бы то ни было случае, то мы охотно отдаем ее ... Нынешние обстоятельства требуют сего, и неужели одни Минервины питомцы не должны защищать храм ее? Мы оставляем оный, чтобы после, когда благоволит Правящий судьбами царств войти в него с лавром, купленным кровию своею, чтобы тем более полюбить оный, как защищаемый собственными руками. Мы соделаемся воинами, чтобы после быть воспитателями воинов, в противном же случае мы умеем умереть»⁹⁷². На следующий день еще пять казенных воспитанников института и «студент из дворян» Павел Савич-Канивецкий подали аналогичные просьбы. Любопытно, что прошения студентов были составлены 6 и 7 декабря 1806 г., сразу после объявления императорского Манифеста.

Однако всем просителям было отказано, кроме Савич-Канивецкого, бывшего «вольным студентом», как тогда писалось. Попечитель Н.Н. Новосильцов, ознакомившись с

⁹⁷¹ Шильдер Н.К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. 2. СПб., 1897. С. 353–354.

⁹⁷² ЦГИА СПб. Ф. 13. Д. 171. Л. 2.

заявлениями, «приказал в присутствии Конференции, изъявив студентам благодарность за благородное рвение патриотизма, внушить купно им, что они не могут располагать собою, быв предназначены для другого рода служения, и что заведение сие не с тем намерением учреждено, чтоб распускать их в другой род службы, против учительской»⁹⁷³.

Та же история повторилась в 1812 г., но на этот раз рапорты отдельных казенных студентов и кандидатов Педагогического института были удовлетворены. Например, бывший студент Н. Язвицкий служивший в 1812 г. учителем в С.-Петербургской гимназии и в самом институте, добился разрешения уйти в ополчение⁹⁷⁴. Однако вернувшемуся из «академического путешествия» в 1811 г. адъюнкту А.В. Ржевскому было отказано вступить в ополчение⁹⁷⁵. Мотив отказа понятен: на его многолетнюю подготовку к профессуре в институте, а потом за границей Министерство народного просвещения к тому времени затратило не менее 10 тыс. руб., и потерять «готового профессора» было неразумно. Этот казус вызвал необходимость регламентировать переход в военную службу и ополчение для студентов и чиновников университета и их возвращение к прежнему состоянию⁹⁷⁶. Уход в ополчение оставался делом добровольным, исключая служивших в области Войска Донского и происходивших из казаков. Войсковой атаман генерал-майор А.К. Денисов 17 августа 1812 г. отдал приказ о том, что все учителя старше 17 лет, а в гимназиях и ученики, происходившие из казаков, причисляются ко всеобщему ополчению Войска Донского. Те из них, которые имели чин обер-офицеров и урядников, должны были занять места в полках⁹⁷⁷.

Выпускники университетов в 1820–1830-х гг. уже активно пользовались преимуществами при вступлении в военную службу. О каждом студенте, изъявившем желание поступить в

⁹⁷³ ЦГИА СПб. Ф. 13. Д. 171. Л. 8 об.

⁹⁷⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 108.

⁹⁷⁵ ЦГИА СПб. Ф. 13. Д. 1173

⁹⁷⁶ РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 215; Ф. 733. Оп. 86. Д. 306, 377.

⁹⁷⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 86. Д. 306. Л. 13.

военную службу, университетское начальство доводило до сведения МНП. В отношении Петербургского университета данное постановление было подтверждено в 1821 г. министром кн. А.Н. Голицыным⁹⁷⁸. Преимущества при вступлении выпускников университета в военную службу были законодательно закреплены университетским уставом 1835 г. Но этим правом по-прежнему могли воспользоваться только своекоштные студенты. Что касается казеннокоштных, то их поступление в военную службу как до, так и после окончания университетского курса было связано со многими трудностями.

Выход в военную службу казенных студентов как при Александре I, так и в николаевское царствование был формально под запретом. Связано это было с тем, что некоторые казенные воспитанники, не окончив курса, просили о вступлении в военную службу с тем, чтобы избежать обязательной 6-летней службы по учебному ведомству. В 1820 г. вышло распоряжение МНП, в котором говорилось, что обязанность прослужить 6-летний срок по учебной части «не относится вообще к военной службе, для которой они (студенты. – Т.Ж., К.К.) и не воспитывались»⁹⁷⁹. Случаи, когда казеннокоштные воспитанники попадали в армию, были связаны, как и прежде, только с дисциплинарным наказанием и исключением из университета за проступки.

Своекоштные студенты имели право выходить в военную службу и до окончания курса, однако в этом случае они не пользовались преимуществами, оговоренными в уставе 1835 г.

Молодые люди, выбиравшие после окончания университета военную карьеру, были, как правило, дворянского происхождения. Так, Н.Ф. Оже де Ранкур после окончания университета избрал военное поприще и поступил в кавале-

⁹⁷⁸ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 2660: По предложению министра об уведомлении его о студентах, кончивших курс и желающих поступить в военную службу. 1821. Л. 1.

⁹⁷⁹ Сборник распоряжений... Т. 1. Стлб. 433.

рию, где по его собственному признанию «научился подчиняться дисциплине»⁹⁸⁰.

В годы Крымской войны число студентов, желающих вступить в военную службу, резко увеличивается. В годовом отчете университета за 1855 г. отмечалось, «что многие молодые люди, получившие права на видную и удобную службу, добровольно отказались от нее, испросив дозволения, по случаю военных обстоятельств, вступить в ряды действующей армии. В течение 1854 г. в военную службу поступило от нас (т. е. из Петербургского университета. – Т.Ж., К.К.) 23 человека»⁹⁸¹. В марте 1855 г. было издано особое постановление, разрешавшее принимать выпускников столичных университетов в военную службу сразу в звание офицеров. Это преимущество распространялось на выпускников Московского и С.-Петербургского университетов только на время войны.

Если в течение всей первой половины XIX в. значительное число универсантов еще стремилось выйти в военную службу ради ускоренной карьеры, то среди офицеров, в свою очередь, появляется немало желающих пополнить свое образование и готовых к тому, чтобы в свободное от службы время посещать лекции университетских профессоров в качестве вольнослушателей. Открытый для военных и статских чиновников в 1820-х гг. в Петербургском университете так называемый «внешний курс» продолжался всего 5 месяцев, с ноября по май, его лекции не дублировали те, что читались для студентов. Первоначально слушателей было не более 20–30, и те ходили нерегулярно. По итогам курса сдавались экзамены в специальных «комиссиях испытаний», и, судя по сохранившимся протоколам этих комиссий, именно офицеры гвардейских полков, квартировавших в Петербурге, были постоянными и наиболее успешными среди вольнослушателей. Они экзаменовались как по языкам (французскому, немецкому), российской словесности, так и по точ-

⁹⁸⁰ Оже де Ранкур Н.Ф. В двух университетах ... С. 582.

⁹⁸¹ Годичный торжественный акт, ... бывший 8 февраля 1855 г. С. 47.

ным и естественным наукам. В 1830-е гг. вольнослушатели уже не отделялись от основного курса и слушали лекции вместе со студентами. Среди них были как постоянные слушатели, так и те, кто приходил на отдельные, наиболее интересные лекции.

Связь универсантов с миром русской армии устанавливалась и через живой канал – служителей университета (сторожей, истопников, смотрителей), которые набирались из солдат-инвалидов. Многие студенты, разделяя представление о своем социальном превосходстве, свысока смотрели на служителей. При нарушении студентами правил распорядка (уход за ворота без разрешения, пьянство, курение, приглашение посторонних и пр.) нередко были столкновения со служителями, требовавшими подчинения правилам. Студенты «срывались» на сторожах и смотрителях. Конференция Педагогического института, а впоследствии Совет университета разбирали проступки студентов, ударивших или оскорбивших кого-то из служителей. Между тем в 1810–1820-х гг. среди них были и ветераны наполеоновских войн, имевшие награды⁹⁸². Случались инциденты, связанные с «нетрезвым поведением» и проступками самих инвалидов, которых университет вынужден был увольнять и требовать присылки новых.

Внешний вид студентов для городского обывателя мало чем отличал их от офицеров. Униформа, введенная в 1834 г., еще более усилила это сходство. Почти так же строго как в отношении военных, к студентам применялись взыскания за нарушение установленной формы, оговоренной в «Правилах для студентов С.-Петербургского университета», о чем говорилось выше. В общественных собраниях в черте города полагалось ходить при шпаге и в треуголке, быть застегнутыми на все пуговицы и крючки воротника⁹⁸³.

⁹⁸² В 1826 г. памятные медали в честь взятия Парижа получили «ветераны университета» Иван Брюзгалов, Петр Калинин, Трофим Сорокин, Григорий Калишкин (ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 4221).

⁹⁸³ Правила для студентов Императорского С.-Петербургского университета. СПб., 1839. С. 3.

Чрезмерная милитаризация облика тяготила студентов, а сам мундир являлся предметом постоянных придинок со стороны инспекции, причиной конфликтов, лежавших вне академической сферы отношений, и оттого порождавших у студентов сознание правовой ущербности. Инспектор «придирался к самому незначительному упущению в костюме», к небритой бороде, к чуть-чуть отросшим волосам», и заключение в карцер было вполне возможным финалом такой встречи. В Московском университете инспектор Шпейер, кроме того, любил репетировать со студентами отдавание чести и заставлял каждого пройти мимо него и отдать ему честь, а тот, кто проделывал это без достаточной грации и ловкости, должен был возвращаться назад и повторять церемониальное прохождение⁹⁸⁴.

Студенты были обязаны при встречах отдавать честь старшим офицерам и генералам «особым образом»: становясь во фронт и сбросив с плеча шинель, как это требовалось в армии. Этот ритуал комично выглядел со стороны, поскольку руки у студента, в отличие от офицера, были часто заняты. Н.Ф. Оже де Ранкур иронически описывал встречу своего товарища с неким генералом, когда при отдавании чести студент уронил шинель на тротуар и рассыпал книги. Генерал лишь добродушно посмеялся⁹⁸⁵. Но после похожей встречи студентов Маркова и Сологорского, «недолжным образом» приветствовавших военного, им оказалось не до смеха. Поскольку тот, кого они встретили, оказался самим Николаем I, а они, не узнав государя, не отдали ему чести⁹⁸⁶. Попечитель округа вызвал к себе студентов для выяснения, «не кроется ли в молодых людях дух вольнодумства, дерзости или непокорности к властям». Мемуарист сообщает, что император вечером того же дня пригласил оплошавших во дворец и, накормив их отличным обедом, провел воспитательную беседу. При

⁹⁸⁴ Белоголовый Н.А. Из моих воспоминаний о Сергее Петровиче Боткине // Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 306–307.

⁹⁸⁵ Оже де Ранкур Н.Ф. В двух университетах... С. 571.

⁹⁸⁶ РГИА. Ф. 735. Оп. 1. Д. 144. 1826. Л. 5.

этом он якобы сказал: «Помните, что ежели я сравнял вас с офицерами, то и требую от вас того же чинопочитания. Передайте мои слова своим товарищам!».

В другой раз Николай I говорил с учащимися о великой уравнительной силе мундира: «Я бы желал, чтобы молодые люди уважали мундир, который они носят, мундир, который уравнивает богатых и бедных, знатных и незнатных». Сами студенты это качество униформы прекрасно чувствовали. Вид мундира, напоминавшего офицерский, заставлял обывателей и даже полицию избегать уличных столкновений со студентами. Это обстоятельство стало одним из аргументов в пользу отмены студенческого мундира после «беспорядков» 1861 г., закончившихся закрытием университета.

В годы назревания «восточного кризиса» Николай I ставит задачу расширения преподавания военных наук в университете, чтобы студенты в случае войны могли стать «мобилизационным резервом». В 1850 г. императором был одобрен проект введения «батальонного учения» (строевой подготовки. – Т.Ж., К.К.) для гимназистов старших классов. В декабре 1854 г., уже после начала войны министр народного просвещения А.С. Норов представил проект введения преподавания артиллерии и фортификации на физико-математических отделениях в двух столичных университетах⁹⁸⁷. Как и прежние попытки введения военных дисциплин в университетскую программу, эта ориентировалась на добровольцев, желающих приобрести военную специальность и выйти в службу офицерами. В своей резолюции на докладе Норова Николай I пошел дальше, предложив дополнить теоретическое учение «практикой» при полках. Он писал: «Преподаванию артиллерии и фортификации не вижу препятствия; ежели в числе студентов найдутся теперь же желающие практически приготовиться к строевой службе при войсках, то легко можно будет

⁹⁸⁷ Из всеподданнейшего доклада министра А.С. Норова Николаю I 27 декабря 1854 // РА. 1915. № 3. С. 328–329.

сему желанию удовлетворить, прикомандировав их к образцовому пехотному полку»⁹⁸⁸.

В годы Крымской войны те из студентов и профессоров, кто не мог вступить в армию, включились в сборы пожертвований на нужды войны. 13 марта 1854 г. попечитель столичного округа М.Н. Мусин-Пушкин сообщал министру о том, что студенты университета собрали тысячу рублей серебром и просят о принятии этих денег «в пользу раненых нижних чинов нашей армии»⁹⁸⁹. Попечитель просил ходатайствовать о высочайшем соизволении «на употребление означенных денег согласно желанию жертвователей». На следующий день был получен ответ Николая I с изъявлением высочайшей благодарности студентам и повелением собранные деньги «обратить в инвалидный капитал»⁹⁹⁰. 2 апреля 1854 г. «профессоры и адъюнкты Петербургского университета» передали еще 930 руб. сер. «по случаю настоящих военных обстоятельств»⁹⁹¹. Весной–летом 1854 г. в сбор пожертвований включились учащиеся и чиновники всех петербургских гимназий, губернских гимназий и уездных училищ столичного округа.

Чиновники и преподаватели Главного педагогического института также составили подписку о пожертвованиях на 1855 год. Среди жертвовавших 10-ю часть жалованья были директор института И.И. Давыдов, профессор Ф.И. Рупрехт и советник Правления Данилевский, другие профессора и адъюнкты жертвовали 20-ю часть жалованья «до окончания войны», третьи делали единовременный взнос от 10 до 50 руб. Всего было собрано 328 руб. единовременных пожертвований, внесено 343 руб. 9 коп. ежегодных отчислений «до окончания войны» и 212 руб. 54 коп. в течение 1 года. Все пожертвования института составили сумму 792 руб. 60 коп., обращенную в военный капитал.

⁹⁸⁸ Из всеподданнейшего доклада министра А.С. Норова Николаю I 27 декабря 1854 // РА. 1915. № 3. С. 329.

⁹⁸⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 26. Д. 188. Л. 1–1 об.

⁹⁹⁰ Там же. Л. 5–5 об.

⁹⁹¹ Там же. Л. 9.

После оставления Севастополя изменяется адресация пожертвований, они направляются «для покрытия расходов, с призывом ополчения сопряженных», «в пользу морских чинов и их семейств, потерявших дома и имущество в Севастополе», семьям убитых героев обороны⁹⁹². В 1855 г. деньги, собранные в университете и учебном округе, уже прямо доставлялись главнокомандующему Южной армией и морскими силами в Крыму⁹⁹³.

Кроме денежных сборов студенты и учащиеся активно занимались изготовлением перевязочного материала для раненых. В октябре 1854 г. в Военное министерство от директора Ларинской гимназии был доставлен 1 пуд корпии, изготовленной «семействами служащих и учеников во время нахождения их в лазарете военно-учебных заведений»⁹⁹⁴. В 1854 г. в Петербургском университете «из ветхого белья, оставшегося после казеннокоштных студентов и пансионеров» было изготовлено 1 пуд 21 фунт корпии, в 1855 г. – 2 пуда⁹⁹⁵. Всего по округу было изготовлено 13 пудов 21 $\frac{3}{4}$ фунта корпии, «770 штук и 437 аршин бинтов, 400 бинтиков и 926 компрессов». Перевязочные материалы посылались директору канцелярии Военного министерства, а участвовавшим в их изготовлении была объявлена через попечителя высочайшая благодарность⁹⁹⁶.

Денежные сборы производились до конца войны. Так, в феврале 1856 г. студенты Петербургского университета просили перечислить сбор с одного из своих музыкальных концертов, которые, как доносил попечитель, «уже с давнего времени ежегодно в течение зимних месяцев по воскресным дням с разрешения начальства бывают» для доставления средств бедным студентам. Выручка с этого концерта (11-го по счету «музыкального утра») составила 500 руб. и была направлена «для употребления в пособие раненым при обороне Севастополя». Александр II поблагодарил студентов за это

⁹⁹² РГИА. Ф. 733. Оп. 26. Д. 188. Л. 114, 120–129, 130.

⁹⁹³ Там же. Л. 106.

⁹⁹⁴ Там же. Л. 71.

⁹⁹⁵ Там же. Л. 97–97 об.

⁹⁹⁶ Там же. Л. 74–75.

приношение и распорядился передать деньги в Главное казначейство для причисления к инвалидному капиталу⁹⁹⁷.

Таким образом, в 1854-1855 гг. помощь фронту приобретает постоянный характер и объединяет российское общество. Вклад в нее универсантов и вообще учащихся в силу их корпоративной сплоченности оказался не только весом, но и разнообразен.

Университетский устав 1863 г. уже не содержал особых правил, регламентирующих поступление студентов в военную службу, отсылая к действующим постановлениям военного ведомства. Это означает, что университетская карьера, наконец, перестала соотноситься с перспективами военной службы и была признана самоценной для всех, кто переступал порог университета.

На протяжении всего дореформенного периода истории университета коридор между университетом и армией был довольно широк. И в этом проявляется национальная специфика российской модели университета, отличающая его от немецких прообразов. Правительство часто решало проблемы комплектования офицерского корпуса за счет университета, а универсантам-дворянам тем самым предоставлялись дополнительные возможности социальной мобильности, помимо тех, которые предлагал сам университет. При всех равных условиях службы университетское образование давало преимущества в карьерном росте не только в службе гражданской, но и в военной.

Система контроля за выпускниками позволяла следить за деятельностью учителей в гимназиях и училищах округа. Наиболее способные из выпускников имели возможность остаться при университете для подготовки к профессорской должности, чтобы впоследствии пополнить академическое сообщество. Таким образом, университет не только готовил образованных специалистов «для разных родов государственной службы», обеспечивал их трудоустройство, контролировал их деятельность в случае выхода в педагогическую службу, но и заботился о благополучии своих выпускников и их семей.

⁹⁹⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 26. Д. 188. Л. 133–133 об.

Служебные траектории выпускников университета, как мы пытались представить, в значительной степени зависели от того, учился ли студент за собственный счет, или был казеннокоштным, или обладателем персональной, региональной или иной стипендии. В отношении казеннокоштных студентов с момента их поступления и до окончания срока их обязательной службы по учебному ведомству в должности учителей или даже профессоров (соответственно 6 и 12 лет) университет осуществлял патронажную и социально-адаптационную функцию. Карьерные траектории выпускников университета тщательно отслеживались руководством МНП. Согласно «Положению о производстве в ученые степени», утвержденному в 1819 г., Совет университета обязан был ежегодно подавать министру духовных дел и народного просвещения сведения о студентах, удостоенных степени «действительный студент» и «кандидат»⁹⁹⁸.

Казеннокоштные студенты в течение всего этого времени оставались под контролем университета, в системе его административного, научного, культурного влияния. Однако сведения о продвижении по службе отслеживались даже в отношении своекоштных студентов, которые после окончания университета могли свободно распоряжаться собой и не имели перед университетом каких-либо обязательств. Не случайно университет гордился теми из них, кто сделал выдающуюся государственную карьеру, заносил их имена на памятные доски, в списки выпускников, прилагаемые к юбилейным изданиям. Традиция включения жизненных успехов «знаменитых универсантов» в исторические анналы самого университета дошла до наших дней и характерна для всех университетов⁹⁹⁹. Она восходит к культуре средневековых университетов, опиравшихся на свою академическую клиентелу, влиятельное окружение, механизмы соединения власти и знания.

⁹⁹⁸ Сборник распоряжений... Т. 1. Стлб. 447–448.

⁹⁹⁹ Казанский университет (1804–2004). Биобиблиографический словарь. / Гл. ред. Г.Н. Вульфсон. Т. 1–3. Казань, 2002–2004; Знаменитые универсанты. Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета. / Отв. ред. Н.Я. Олесич. Т. 1–3. СПб.: Фонд «Знаменитые универсанты», 2002–2005; Влиятельные универсанты / Сост. Н.Я. Олесич, М.А. Соловьева, Н.А. Ахадова и др. СПб., 2007.

ГЛАВА 6

СТУДЕНТЫ И ПОЛИТИКА

Политические события, происходившие внутри и вне России, влияли на атмосферу университета постоянно. Студенты, как уже было сказано, определялись как объект не только обучения, но и воспитания, их учебная и внеучебная деятельность жестко регламентировалась, контроль за «состоянием умов» студентов осуществлялся в форме фильтрации содержания преподавания и наблюдения за их связями, знакомствами, настроениями, кругом чтения со стороны инспекции. Мотивы локализованного и разрозненного студенческого протеста до конца 1850-х гг. были связаны исключительно с внутриуниверситетским режимом, а сам «протест» выражался в форме невинных каверз, устраиваемых инспекторам и их помощникам, демонстративных нарушений порядка, бравადы, молодечества, высмеивания начальства.

Университетская профессура ни в 1820-х гг., ни в 1840-х гг. не обнаруживала признаков общественно-политической оппозиционности, которую она могла бы транслировать студенчеству, хотя этот воображаемый сценарий беспокоил власть. Об этом беспокойстве можно судить как по настороженным описаниям настроений в отдельных университетах, включенным в министерские отчеты С.С. Уварова, так и по политическим обзорам о «настроениях умов» в России, готовившимся с 1827 г. в ведомстве III отделения¹⁰⁰⁰.

На самом деле не столько равнодушие к общественным вопросам, сколько зависимость университетской профессуры от административного «кнута» и «пряника», встроенность в бюрократический режим управления определяли ее позицию демонстративной лояльности. Это наглядно продемонстриро-

¹⁰⁰⁰ Россия под надзором. Отчеты III отделения. 1827–1869 / Сост. М.В. Сидорова, Е.И. Щербакова. М.: Рос. архив, 2006.

вали уже события в Казанском университете после «ревизии» М.А. Магницкого и инспирированное в 1821 г. в Петербургском университете «дело профессоров».

В Петербургском университете, как и в других, список преподаваемых «политических» наук, включающих статистику (науку о государственном хозяйстве и управлении), естественное право, политическое устройство современных государств, начал сокращаться еще в 1820-е гг. После ухода с кафедр А.П. Куницына, М.А. Балутьянского, К.Ф. Германа, К.И. Арсеньева их просто некому было читать. Хотя и раньше в своем курсе по истории политических систем М.А. Балутьянский ничего отклоняющегося от официальной либеральной риторики того времени не допускал. То же можно сказать и о его ученике А. П. Кунице, читавшем курс «Естественное право» по своей книге, одобренной цезурой.

Интерес к политике профессоров и студентов возрастал в драматические моменты, такие как война 1812 г., польское восстание 1830–1831 гг., выступление декабристов. Хотя, в отличие от Московского университета, откликов на события 14 декабря 1825 г. в малочисленном тогда Петербургском университете по мемуарам не зафиксировано, за исключением нескольких настороженных записей в дневнике студента А.В. Никитенко из-за близости его к семейству Е.П. Оболенского. Делопроизводство же университета 1821–1826 гг. столь плохо сохранилось из-за небрежности ведения дел в период управления Д.П. Рунича и по причине повторявшихся переездов, уничтожения дел архивариусами, что в нем не найти никаких отголосков воздействия 14 декабря на универсантов.

В первые десятилетия XIX в., вопреки инвективам и предостережениям, звучавшим в программных текстах консервативных идеологов М.А. Магницкого. А.С. Стурдзы и Д.П. Рунича, российские университеты и их студенты не доставляли власти реального беспокойства. В архивах МНП, как и в университетском делопроизводстве, мы не встречаем прецедентных

дел того времени, которые имели бы политический состав. Университет не доставлял гражданскому и ведомственному начальству иных хлопот, кроме нарушений дисциплины со стороны студентов, профессиональных конфликтов между профессорами, корыстолюбия в некрупных масштабах или незаконного присвоения ученых степеней. В силу разобщенности профессоров, малочисленности и тотальной поднадзорности студентов того времени не только конспирации, но даже кружки культурно-просветительского характера не складывались в Петербургском университете до конца 1830-х гг., о чем мы писали в предыдущих главах. В Московском университете 1820-х – начала 1830-х гг., несмотря на усиление надзора, все же были более благоприятные условия для формирования студенческих кружков, о чем упоминают и мемуаристы, и документы полицейского надзора¹⁰⁰¹. Так, Н.И. Пирогов, поступивший в Московский университет в 1824 г., писал о довольно свободных политических разговорах, которые велись в «10 нумере» студенческого общежития, занимаемом студентами-медиками. К сожалению, внеучебная жизнь петербургских студентов слабо отражена в университетском делопроизводстве того времени, а мемуарные свидетельства, освещающие период 1820-х – начала 1830-х гг., единичны.

При этом рескрипт Александра I от 1 августа 1822 г. о запрещении всех вообще тайных обществ и масонских лож в России коснулся и университетских чиновников. Они так же как все статские и военные чины дали подписку о непринадлежности впредь к любым формам конспираций, которая была повторена в 1826 г. после выступления декабристов. Благодаря этому в ведомственных архивах сохранились свидетельства о посещениях профессорами и адъюнктами Петербургского университета собраний масонских лож, действовавших в столице. К масонству формально принадлежали более половины петер-

¹⁰⁰¹ См.: Пирогов Н. И. Из жизни московского студенчества 20-х годов XIX века // Московский университет в воспоминаниях современников, 1989. С. 80–88; Насонкина Л. И. Московский университет после восстания декабристов. М., 1972.

бургских профессоров первого поколения, о чем свидетельствует подписка, данная ими, требовавшая раскрыть подробности деятельности масонских лож и конспираций, если подписант к ним принадлежал.

В частности, при подписке выяснилось, что петербургские ложи посещали профессор П.Д. Лодий, вступивший в ложу «Елизаветы к добродетели», к которой были близки члены Союза благоденствия, Ф.Б. Грефе, бывший членом ложи «Соединенных друзей». О.И. Сенковский сообщал, что вступил в «Ложу, преобразованную ревностью литовцев», видимо, еще будучи студентом Виленского университета. Адъютант Вильгельм Шнейдер был членом ложи «Ищущих манны», учитель фехтования университетского Благородного пансиона И. Севербрик – членом ложи «Палестины». Профессор К.И. Арсеньев вступил в ложу «Избранного Михаила». А.И. Галич в своей подписке заявил, что принадлежал к ложе «Благотворительность к Пеликану»¹⁰⁰², с ошибкой воспроизведя название существовавшего в Петербурге союза «Александра благотворительности к коронованному пеликану». Это говорит о поверхностном масонском опыте Галича, да и всех названных лиц. Как известно, ни одна из упомянутых лож не имела политической направленности.

Любопытно признание о мотивах вступления в масоны, оставленное П.Д. Лодием в присяжном листе 29 августа 1822 г.: «Я, нижеподписавшийся, объявляю, что я, будучи увлечен обещаниями таинств, коих не доставляет философия, вступил в масонское общество и принадлежал к ложе братства масонов, именуемой Елизаветы добродетели, состоящей в г. С.-Петербурге, но не видя того, что здравая философия научает (П.Д. Лодий – доктор философии, питомец Львовского университета. – Т.Ж., К.К.) в 1812 г. вышел из этого общества»¹⁰⁰³. Таким образом, Лодий проявил к масонскому вероучению научный интерес и признался, что был разочарован.

¹⁰⁰² РГИА. Ф. 733. Оп. 1. Д. 248. Л. 5–7об.

¹⁰⁰³ Там же. Л. 8.

Увлекаясь масонским учением и обрядностью, профессора, главным образом иностранцы, отдали дань модному течению в пору, когда масонские ложи действовали в России почти открыто. Как известно, связи российских конспираций, в том числе масонских, с тайными обществами за границей, в рамках концепта «единого всеевропейского заговора», не удалось установить ни Александру I, ни Николаю I. Возобновленные во время следствия над декабристами подозрения об этой связи оказались несостоятельны, как и стремление обнаружить посредников в их контактах с Западом в лице итальянца-педагога Джильи или высланного в 1821 г. из России за вольномыслие профессора Э.-Б. Раупаха¹⁰⁰⁴. Совершенно надуманными были зловещие обвинения М.Л. Магницкого в «иллюминатстве академическом», которые были направлены в адрес не только немецких, но и российских ученых и университетов. Они были оформлены как интеллектуальные проекты в цикле писем Магницкого 1824–1826 и 1831 гг., представленных на высочайшее имя¹⁰⁰⁵, и до его отставки оценивались всерьез.

Последователем Магницкого в Петербургском университете стал Д.П. Рунич, назначенный в июле 1821 г. исполняю-

¹⁰⁰⁴ Чернов С. Н. Поиски сношений декабристов с Западом // Из эпохи борьбы с царизмом. Сб. 5. Киев, 1926, С 113-123; Андреева Т.В. Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. СПб.: Лики России, 2009.

¹⁰⁰⁵ Так, в «Записке о тайных обществах», полученной Александром I от М. Л. Магницкого в 1824 г., автор писал, в частности, «о способе, которым германская философия заразила все науки, даже те, которые прежде связи с нею не имели», о студенческих «буршенштафтах» в Йенском и других университетах как «отраслях иллюминатства», о преподавании «прагматической», т. е. «рассуждающей» истории, подрывающей учение церкви и т. п. (ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 3. Д. 59). Впоследствии эти обвинения будут многократно повторены в выступлениях Магницкого в Главном правлении училищ, в его деятельности по управлению университетами, в записках, адресованных из ревельской ссылки Николаю I. См.: ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 2245; Оп. 3. Д. 880; Письма на высочайшее имя и записки Магницкого об иллюминатстве в России // Научный архив СПб ИИ РАН. Ф. 115. Д. 219. Опубл. в сокращении: РС. 1899. Т. 97. С. 67–87, 289–313. Почти всех без исключения активных деятелей просвещения конца XVIII – первой четверти XIX в. – от Ф.И. Янковича де Мириево до Н.Н. Новосильцова и С.С. Уварова – Магницкий разоблачает в этих текстах как иллюминатов, действовавших по единому плану.

щим должность попечителя. «Дело профессоров»¹⁰⁰⁶, разобличившее профессорскую корпорацию и лишившее ее лучших интеллектуальных сил в лице Э.-Б. Раупаха, А.И. Галича, К.Ф. Германа, К.И. Арсеньева и вскоре оставивших преподавание М.А. Балугьянского, Ф. Шармуа и Ш. Деманжа, было построено на неограниченном доверии к Руничу министра А.Н. Голицына. В то же время Рунич лишь повторил эффективный опыт разоблачений Магницкого, состоявший в том, что чем больше будет открыто неустroйств и «злоумышлений» в управлении университетом и в умах учащихся и учащихся, тем больше возвысится их «разоблачитель», претендующий на роль реформатора университета. Поэтому Рунич до последнего года своего управления университетом забрасывал министра (сначала Голицына, потом А.С. Шишкова) жалобами и проектами, предлагая перемены в порядке управления, перемещение и перестройку зданий университета, но, главным образом – разоблачая и обличая своих предшественников и запугивая мнимыми бедствиями, грозящими университету, если не последовать его проектам. Со сменой министров и назначением в 1825 г. А.С. Шишкова репутация Д.П. Рунича как «эксперта» по духовно-нравственному реформированию университета, якобы наполненного врагами «истинного» просвещения и адептами «безверия», рухнула, и ему пришлось перейти к тактике самозащиты.

Во время тотального следствия о тайных обществах 1825–1826 гг., открывшего десятки объединений, которые представляли всевозможные формы и разновидности конспираций как культурной модели¹⁰⁰⁷, принадлежность к ним профессоров

¹⁰⁰⁶ См. об этом: С.-Петербургский университет в первое столетие его деятельности. 1819–1919. Материалы по истории С.-Петербургского университета. Т. I. 1819–1835. / Под ред. С.В. Рождественского. Пг., 1919; Косачевская Е.М. М.А. Балугьянский и Петербургский университет первой четверти XIX в. Л., 1971. С. 89–97; Марголис Ю.Д., Тишкин Г.А. «Единым вдохновением...»: Очерки истории университетского образования в Петербурге... С. 93–121.

¹⁰⁰⁷ См.: Бокова В.М. Эпоха тайных обществ. Русские общественные объединения первой трети XIX в. М., 2003; Жуковская Т.Н. «Тайные общества» первой трети XIX в. и организационные модели декабризма // 14 декабря 1825 года. Источники. Исследования. Историография. Библиография. Вып. 5. СПб., 2002. С. 63–94.

или студентов столичного университета нигде не была зафиксирована.

Заведение между студентами полезных «обществ», наоборот, осознавалось как хорошее противоядие модному увлечению конспирацией. Так, в частном письме попечителя Дерптского университета Захара Карнеева к министру А.Н. Голицыну от 26 февраля 1821 г., вообще маловразумительном, говорится как о благом деле – об удалении действующего ректора и заведении «библейского сотоварищества студентов». Карнеев пишет: «На единении во Христе зиждется и общая служба наша, дай Боже, чтобы распространение сей истины достигало от Вас чрез меня и пределов моего круга»¹⁰⁰⁸.

Студенты 1820–1840-х гг., за исключением поляков, были, в общем, далеки от политики. «Все студенты того времени политикой вовсе не занимались, газет не читали, да их и негде было взять», – писал студент Казанского университета Э.П. Янишевский¹⁰⁰⁹. Ему вторит П.Д. Боборыкин, учившийся в Казанском и Дерптском университетах: «Никаких кружков, землячеств, собраний, сходок, и не потому только, что это было неосуществимо... Не назрел “дух” ни в общественном смысле, ни в чисто университетском... Политическое чувство настолько еще дремало, что и такой оборот судьбы, как смерть Николая, не вызвал на первых порах никакого особенного душевного подъема»¹⁰¹⁰.

Однако настроения студентов («дух юношества», как выражался главный идеолог университетской реформы С.С. Уваров) весьма заботили не только ведомственное начальство, но и политическую полицию. Иначе невозможно объяснить массовое делопроизводство о наблюдении за студентами из поляков и не из поляков, практику досмотра вещей казеннокоштных студентов инспекторами с целью изъятия предполагаемой запрещен-

¹⁰⁰⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 94. Д. 7. Л. 39–39 об.

¹⁰⁰⁹ Янишевский Э.П. Из воспоминаний старого казанского студента // Былое из университетской жизни. Казань, 1904. С. 59.

¹⁰¹⁰ Боборыкин П. Д. За полвека. Воспоминания. М., 2003. С. 74, 82.

ной литературы, поощрение доноительства и усиление внешнего наблюдения за связями и знакомствами студентов. Некоторые студенческие «буйства» в этой связи получали на языке полиции двойную интерпретацию: дисциплинарную и политическую. Поэтому на основании только официальных документов непросто разобраться в природе, мотивации и целях неакадемической активности студентов, установить ее связь не только с оформляющейся университетской корпоративностью, что мы пытались сделать в главе 5, но и с вовлечением университетов в пространство политического.

Определение «буйства» в 1800-х гг. использовалось для характеристики злостных нарушений предписанного для студентов распорядка и поведения. Так, в еженедельных рапортах профессоров Петербургского педагогического института мы находим свидетельства не только об обыденном пьянстве, карточной игре, драках и шалостях отдельных студентов. Эти факты квалифицировались как нравственные «пороки», а самых закоренелых нарушителей порядка, не подлежащих исправлению, не показывающих успехов в науках и развращающих товарищей, ожидало исключение, а с 1811 г. (для казенных студентов) отдача в солдаты¹⁰¹¹. Эти «буйства» не имели коллективного характера, а допускались отдельными студентами.

В истории Педагогического института встречается, пожалуй, единственный случай коллективной обструкции студентов, устроенной инспектору А.С. Лубкину в 1807 г., которая была им интерпретирована как «бунт». Эту историю начальство постаралось замять, поскольку сам инспектор отличался взбалмошным характером, оскорблял студентов и тем спровоцировал инцидент. Однако Конференция института и попечитель округа обеспокоились тем, что студенты «действовали вместе наподобие заговора», что может подать худой пример¹⁰¹².

¹⁰¹¹ См.: Жуковская Т. Н. Петербургский университет в городском пространстве первой трети XIX в... С. 41–67.

¹⁰¹² Там же. С. 58–59.

В то же время в первой трети XIX в. начальство не усматривало политической подоплеки в таких действиях студентов, совершенных группами, как неповиновение чинам городской полиции или даже драка с ними. В небольшом Дерпте, где университет был центром не только культурной, но и хозяйственной, и публичной жизни, студенты вели себя более раскованно, и подобные инциденты случались на улицах нередко. В ответ правительство издает постановление о лишении дерптских студентов привилегии неподсудности полицейскому начальству. Подобная мера впервые вводилась в 1808 г., потом была отменена, затем Александр I в указе 17 февраля 1816 г. аргументировал ее восстановление следующим: «Я надеялся, что Университет потщится удержать воспитанников своих в правилах благонравия, столь необходимого учебному заведению, но, к сожалению, вижу, что с того времени не перестали студенты делать своевольт, буйств и дерзостей до того, что в драке с купцами учинили даже смертоубийство. ... Предпочитая спокойствие граждан и желая обуздать противузаконные поступки студентов, повелеваю меру, уже принятую в 1808 году, паки восстановить впредь до усмотрения Моего, что поведение студентов заслуживает возратить университету суд над оными»¹⁰¹³. 5 апреля 1817 г. высочайше повелено было запретить студентам Дерптского университета носить шпаги «как и всякое другое оружие», а участников беспорядков, вновь разыгравшихся в городе, «предать гражданскому суду, несмотря на то, как бы велико число их не было»¹⁰¹⁴. Система суровых мер против уличной активности дерптских студентов, как видим, рассматривала ее как дисциплинарную девиацию, без политической составляющей.

Окончательное оформление отношения к уличной активности студентов и к регламентации их поведения по типу солдатского произошло в 1830-х гг. Идеалом университетского начальства, ориентировавшегося на вкусы самого императора,

¹⁰¹³ Сборник постановлений... Т. I. Стлб. 797.

¹⁰¹⁴ Там же. Стлб. 894–895.

стало «солдатство», беспрекословное подчинение и внешнее благообразие студентов, фрунтовая симметрия. От студента требовалось не столько усердие в науках, сколько умение козырять, чистить пуговицы мундира и становиться перед начальством «во фрунт». Борьба администраторов за соответствие этому стандарту поведения и изгнание всего, что имеет отношение к политике из университетских программ и повседневной жизни, не мешали смотреть сквозь пальцы на свойственные молодым людям грехи и проделки. Киевский генерал-губернатор Д.Г. Бибииков, на которого были возложены также задачи управления учебным округом, собрав студентов-медиков, по воспоминаниям мемуариста, держал перед ними такую речь: «Вы-де, господа, пляшите, картежничайте, ухаживайте за чужими женами, посещайте б..., бейте б... (его подлинные слова), но политикой не занимайтесь, не то выгоню из университета. Такова была его этическая программа»¹⁰¹⁵. Харьковский генерал-губернатор и попечитель округа генерал С.А. Кокошкин при посещении университета первым делом проверил «амуницию» студентов, но остался ею недоволен, как и отсутствием «преданности начальству» в голосе молодых людей, кричавших «Здравия желаем!». Тогда Кокошкин задал ректору вопрос: читаются ли студентам «лекции дисциплины», видимо, относя ее к числу равноправных наук¹⁰¹⁶.

Инспекторский (внутриуниверситетский) надзор за студентами усилился в середине 1830-х гг., затем в 1844 г. его цели и формы были еще раз пересмотрены. Инспектор подчинялся напрямую попечителю округа и выполнял его указания. С этого времени внимание к дисциплинарным проступкам было смещено в сторону наблюдения за нравственностью, религиозностью и вообще образом мыслей студентов. Это предпола-

¹⁰¹⁵ Романович-Славатинский А.В. Моя жизнь и академическая деятельность. 1832–1884 // Вестник Европы. 1903. Кн. 2. С. 627.

¹⁰¹⁶ Вейнберг П. Харьковский университет в пятидесятих годах (Из моих воспоминаний) // Харьківський університет ХІХ – початку ХХ ст. в спогадах його професорів та вихованців. Т. 1. Харків, 2008. С. 375–377.

гало узаконенный внешний контроль за чтением молодых людей, посещением ими церкви, формами досуга. В инструкции инспектору студентов 1844 г. говорилось, что он является «одним из главных чиновников университета, по обширности управления, по важности обязанностей, на нем лежащей»¹⁰¹⁷.

Этот документ, о котором уже шла речь, отражал представление о том, что «религия есть тот краеугольный камень, на котором неизбежно зиждется чистая добрая нравственность», а правильное религиозное направление является лучшим противоядием против увлечения пагубными политическими умствованиями¹⁰¹⁸. Инспектор должен был следить за посещением студентами церкви, своевременным причащением, исповедью и др. религиозными практиками. Этот контроль охватывал не только православных, но и студентов-лютеран и католиков. Все казеннокоштные студенты должны были присутствовать на утренней и вечерней молитве в своих комнатах. Далее в той же инструкции инспектору предписывалось следить, чтобы студенты «ни под каким предлогом и названием не заводили тайных обществ и сходбищ», об обнаружении которых следовало немедленно докладывать попечителю, как и об обнаружении запрещенных книг¹⁰¹⁹. Инспектору и его помощникам предписывалось посещать «гуляния и места общественного увеселения, ... чтобы удостовериться в том, что студенты бывают там в приличном виде и пристойно себя держат»¹⁰²⁰. В контексте всей инструкции понятно, что публичное поведение студентов с этого времени контролируется уже не только с точки зрения дисциплины и нравственности, но и с точки зрения политической благонадежности.

Помимо усиления внутриуниверситетской инспекции (а инспектору в 1830-х гг. были приданы два помощника, затем их число еще увеличено) был установлен внешний надзор за студен-

¹⁰¹⁷ Инструкция инспектору студентов Императорского Санкт-Петербургского университета. СПб., 1844. С. 2.

¹⁰¹⁸ Там же. С. 3.

¹⁰¹⁹ Там же. С. 4–5.

¹⁰²⁰ Там же. С. 16.

тами, попадавшими вне университета под наблюдение городской полиции. Какие-либо происшествия с их участием, неподобающее поведение, появление в недозволенных местах (например, на катальных горах) тут же пресекались, виновный мог быть взят под стражу. Если за студентом замечались дисциплинарные нарушения, то запрашивались сведения и о его «образе мыслей». Для удобства внешнего наблюдения петербургский военный губернатор регулярно получал из университета сведения об адресах студентов, живущих самостоятельно и не в родительских домах. Надзор сохранялся за студентами, окончившими университет, но не поступившими на службу¹⁰²¹.

Николаевская политическая полиция с ее установкой на поиски не только организованной «конспирации», но и «противозаконных умышлений», где только можно, бдительно следила за молодежью. Но как в действительности менялись настроения в студенческой среде, каковы были, так сказать, этапы ее политизации, если судить по доступным источникам?

О благонамеренности студентов III отделение, в конечном счете, судило по донесениям инспекторов, т. е. получало сведения, которые скорее сглаживали картину состояния умов учащейся молодежи. Инспектор из боязни обнаружить свои «упущения» или из желания не навредить молодым людям и не уронить честь университета, с которым был связан многие годы, обычно уверял начальника округа в благонамеренности основной массы студентов, не вникая в их мысли и намерения. Поэтому мемуаристы, учившиеся в 1830-х – начале 1850-х гг., по-доброму вспоминают своих инспекторов А.И. Фицтума фон Экштедта (в Петербургском университете) и П.С. Нахимова (в Московском). Эти люди не стали «домашними полицейскими» и скорее выгораживали студентов, чем обвиняли. Неудивительно, что они сами не становились объектом студенческих каверз и мелкой мести, обычных для другого времени

¹⁰²¹ РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Д. 297: Журнал секретных исходящих бумаг. 1825–1857. Л. 17.

и других университетов. Эти инспекторы фактически вступали со студентами в соглашение: думайте и читайте что хотите, но ведите себя «без эксцессов».

Однако источником полицейской информации являлась также система доносов, в которую вовлекались и сами студенты, и контактировавшие с ними городские жители. Доносы были положены в основу множества казуальных дел, находящихся в фондах Канцелярии министра народного просвещения и III отделения. Хотя полученные из доносов сведения о неблагонамеренных взглядах или действиях фигурантов дел, подпадающих под определение государственного преступления или преступления «против порядка управления», – в большинстве случаев остаются неподтвержденными, многие дела оканчиваются высочайшими резолюциями или определениями министра об исключении студента из университета, отдаче его под надзор полиции или в солдаты. С 1830-х гг. устанавливается практика личного вмешательства императора в дела, где подозревался политический состав. Знакомясь с докладом министра по тому или иному делу о «неблагонадежности» студента, Николай I оставлял на полях красноречивую резолюцию, в строгом соответствии с которой решалось дело.

Иногда высочайшее повеление об установлении полицейского надзора за студентом отдавалось даже без явных признаков «неблагонамеренности» с его стороны, по одному подозрению. Так, в январе 1848 г. по повелению Николая I был установлен надзор за студентом 2-го курса юридического отделения Московского университета Степаном Буховецким, из поляков. Трудно понять, какие действия студента вызвали это распоряжение. «... До государя императора *частным образом* (курсив наш. – Т.Ж., К.К.) дошли сведения, наводившие сомнение на студента ... Степана Буховецкого и жительствовавшего с ним вместе в Москве дворянина Царства Польского Константина Плотницкого, и как по произведенному разведанию они в поведении вообще не одобряются», повелено за первым

учредить надзор, а Плотницкого не допускать к занятию должности домашнего учителя. Через год студент Буховецкий оставил университет¹⁰²².

Негласный надзор мог быть учрежден и за профессором, и за другим чиновником училищного ведомства. Полиция также могла запросить у университетского начальства характеристику их благонадежности. Так, 23 июля 1849 г. начальник III отделения Л.В. Дубельт секретным предписанием петербургскому попечителю просил: «По встретившейся надобности ... сколько возможно в наискорейшем времени уведомить меня о нравственности, образе мыслей и благонадежности профессора Санкт-Петербургского университета Сомова». На что М.Н. Мусин-Пушкин отвечал: «Экстраординарный профессор математики ... Сомов всегда замечен мною был как преподаватель усердный, полезный по своим отличным познаниям и точный в отношении своих служебных обязанностей. При посещении его лекций я постоянно находил его занимающимся со своими слушателями тем именно математическим предметом, преподавание которого на г. Сомова возложено. На испытаниях слушатели его лекций доказывали своими удовлетворительными ответами, что они с пользою и вниманием следили за его преподаванием. Отзывы о г. Сомове ректора университета, декана факультета и старших профессоров всегда были в его пользу... О частных отношениях, домашней жизни, знакомствах и связях г. Сомова ... мне вовсе ничего не известно. Но по крайней мере никогда об них не доходило до меня никаких неблагоприятных сведений, которые бы побудили меня обратить на поступки их особенное внимание»¹⁰²³.

Предметом беспокойства полиции в годы «мрачного семилетия» стали повторяющиеся случаи самоубийств студентов или попыток их бегства за границу. Дело в том, что официальный выезд из России в эти годы был ограничен необходи-

¹⁰²² РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Д. 200.

¹⁰²³ Там же. Д. 233. Л. 2–3 об.

мостью получения личного разрешения императора и требовал серьезной мотивировки. Так, в сентябре 1849 г. было заведено дело о намерении коллективного побега студента Дерптского университета Эдуарда Шольца и двух помещиков Витебской губернии¹⁰²⁴. Все они по высочайшему повелению были преданы военному суду при Витебском гарнизоне.

Полиция с определенного времени держала под контролем не только настроения, но и все формы организованных действий универсантов, искала признаки превращения студенческих корпораций в «тайные общества», имеющие «цель политическую». Повседневная жизнь закрытого университетского сообщества давала повод к подозрительности. Однако дел о «тайных обществах», фигурантами которых были бы универсанты, вообще сравнительно мало, тайные студенческие союзы существовали лишь в Виленском («филареты» и «филоматы») и Дерптском университетах, причем в последнем они отражали чисто корпоративные отношения и традиции.

К чести университетских людей, та мания доносительства, которая распространилась в обществе в связи с выступлением декабристов и следствием над ними, почти не затронула университета. Однако попечитель Петербургского учебного округа Д.П. Рунич, ссылаясь именно на события 14 декабря, в феврале 1826 г. запросил о возврате ему полномочий в виде «прямого» управления университетом, минуя ректора и Совет профессоров, каким он пользовался до 1824 г. на основании прежнего порядка управления и до распространения на столичный университет устава Московского университета. Он писал: «Считаю необходимым, доколе столица не будет совершенно обеспечена открытием всех злоумышленников, которые могли иметь участие в покушении 14 декабря, поставить университет в непосредственное мое управление. ... Только тогда я буду иметь возможность удержать его в границах и благоустройстве». Попечитель добавлял, что для него сомни-

¹⁰²⁴ РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Д. 236: О намерении студента Шольца бежать за границу.

тельно и настроение профессоров, «на коих совершенно положиться не могу»¹⁰²⁵.

Министр народного просвещения А.С. Шишков ответил на это, что Петербургский университет благодаря территориальной близости к самому министерству чрезвычайного управления не требует, но на всякий случай просил попечителя сообщить имена «ненадежных» профессоров¹⁰²⁶. Оговор невиновных мог стать вторым изданием «дела профессоров» 1821 г. и окончательно погубить университет. Рунич, уже чувствуя непрочность своего положения, счел за лучшее прекратить переписку на эту тему.

В ноябре 1833 г. было открыто следствие о тайном обществе между дерптскими студентами. По высочайшему повелению замешанные в нем студенты (18 человек) были исключены с указанием не определять их в службу по другим округам¹⁰²⁷. Фактически речь шла об известных и ранее в Дерптском университете студенческих корпорациях. Но в данном случае, наказывая корпорантов за противозаконные действия (уличные шествия, драки, ношение оружия) и преследуя внешнюю форму этих организаций («тайность»), правительство настаивает на более суровом наказании, чем раньше, хотя политическая опасность выявленных сообществ не была обнаружена в это время, так же как и в 1810-х гг. Запретительные меры оказались малоэффективны. Отчаявшись бороться с традициями корпораций в Дерптском университете, правительство в 1855 г. идет на уступки и разрешает их, но при условии ликвидации всяких признаков «тайности», придав их деятельности открытый характер под контролем начальства. Меры контроля за составом и деятельностью корпораций были сформулированы в записке дерптского попечителя Е.Ф. фон Брадке и утверждены Александром II¹⁰²⁸.

¹⁰²⁵ РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Д. 30. Л. 2–3.

¹⁰²⁶ Там же. Л. 12 об., 18 об.

¹⁰²⁷ Там же. Д. 297: Журнал секретных исходящих бумаг. 1825–1857. Л. 39–40.

¹⁰²⁸ Там же. Д. 273. В своем донесении о характере деятельности корпораций и возможных мерах их нейтрализации, Е. Ф. фон Брадке ссылался на аргументы С.С. Уварова, высказанные в 1844 г. по поводу корпораций в Петербургском университете, о чем сказано ниже.

Корпорации распространились и в Петербургском университете во второй половине 1830-х гг., о чем шла речь в 5-й главе, но историкам известно о них в основном из мемуарных источников. Политическую полицию корпорации столичного университета заинтересовали только в 1844 г., но и тогда политическая составляющая их была признана несущественной. Так, шеф жандармов А.Ф. Орлов сообщал С.С. Уварову: «По розысканию, произведенному частным и осторожным образом (многозначительная фраза, указывающая опять-таки на наличие доносчика или тайного осведомителя среди студентов и их знакомых. – Т. Ж., К.К.), сделалось известно, что между студентами образовано три общества: аристократов, «Балтика» и «Рутения». Цель оных обществ состоит в том, чтобы решать споры между студентами, назначать поединки, долженствующие оканчиваться только незначительным пролитием крови, помогать нуждающимся товарищам, выручать друг друга на экзаменах, давать в известные дни года пиры и на этих пирах петь студентские песни... Поляков в общество не принимают, дабы не было повода к предположениям, что тут кроется что-либо политическое. Один из главных членов общества «Балтика» есть студент Шнейдер»¹⁰²⁹.

Будучи убежден в неопасном характере этих собраний, А.Ф. Орлов тем не менее предложил для получения дополнительных сведений об их членах, отыскания корпоративных фуражек и других атрибутов организации «сделать внезапный обыск у Шнейдера и других главных членов общества» или «дождаться их празднества». В качестве превентивной меры А.Ф. Орлов предложил «студентов *всех университетов* (выделено нами. – Т.Ж., К.К.), принадлежавших и не принадлежавших к тайным обществам, обязать подписками, что если впредь между ними будет обнаружено что-нибудь подобное, то виновные подвергнутся ответственности по всей строгости законов». Фактически это означало повторение всеобщих подписок

¹⁰²⁹ РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Д. 175: О неправомерных собраниях между студентами СПб. университета. Л. 1–3.

1822 и 1826 гг. о непринадлежности к тайным обществам, но только среди студентов. Николай I не одобрил это предложение, повелев, чтобы М.Н. Мусин-Пушкин в Петербурге «кончил это дело домашним образом, употребив для уничтожения зла и достижения надлежащей цели такие меры, которые признает удобнейшими, без излишней однако огласки и уклоняясь от всяких письменных предначертаний, но так, чтобы в Университетах известно было, что правительство все знает, желает предупредить студентов и что оно впредь будет действовать уже по всей строгости законов»¹⁰³⁰.

Министр С.С. Уваров в этом деле, как и прежде, и впоследствии, защищал репутацию университетов перед самодержцем. В объяснительной записке он уверял: «Благодаря Бога, во всех подобных увлечениях пылкою юношества ныне нигде не замечено ни малейшего намерения политического, скажу более – в самих этих увлечениях обозначается резко благородное чувство народности и какое-то темное мечтание, что юношество идет и должно идти по стезе, открытой Государем, и так сказать, под его знаменем»¹⁰³¹. Таким образом, до 1848 г. чиновники и сам император еще готовы были убедить себя в том, что университетское юношество остается вне политики.

В 1830-х – начале 1850-х гг. особое и все усиливающееся наблюдение велось за студентами-поляками, которых в Петербургском университете было больше, чем в других. Едва ли не половина всей секретной переписки и прецедентных дел о наблюдении за студентами относится именно к этой группе. Польские студенты в университете, как уже говорилось, создали сообщество «всех поляков» (по-польски *Ogół*), которое обходилось без корпоративных символов и ритуалов и занималось литературной, просветительской работой и организацией взаимопомощи среди земляков¹⁰³². Именно в силу того,

¹⁰³⁰ РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Д. 175: О неправомерных собраниях между студентами СПб. университета. Л. 4–4 об.

¹⁰³¹ Там же. Л. 5–6.

¹⁰³² См.: Пантелеев Л. Ф. Польская студенческая корпорация // Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Т. 1. Л., 1963. С. 68–71.

что польское сообщество объединяло всех поляков, оно не было тайным и не нуждалось в конспиративных формах вплоть до конца 1850-х гг., когда внутри него оформилась радикальная политическая группировка. Но это произошло уже в годы ослабления полицейского надзора и общественного подъема, возродившего надежды польских патриотов.

Тем не менее надзор за стипендиатами Царства Польского и польскими уроженцами, по признанию петербургского попечителя, был всегда «более бдительный... хотя и не явный». Руководство столичного округа ежегодно «сообщало попечителю Варшавского учебного округа сведения об успехах его пансионеров и об их поведении», а в начале каждого семестра сообщало С.-Петербургскому обер-полицмейстеру список всех студентов, «живущих рассеянно по большому пространству столицы», с показаниями, «кто какой уроженец и адреса их квартир». Городская полиция оказывала свое содействие в организации внешнего наблюдения за «частной жизнью» своекоштных студентов¹⁰³³. В то же время бдительное наблюдение за студентами-поляками, на что отпускались особые и немалые средства и чем занимались, по предложению С.С. Уварова, особые чиновники, не отразило деятельности польского «Огула», тогда как мемуаристы о ней упоминают. Можно полагать, что номенклатура и структура всех корпораций, в том числе польского сообщества в Петербургском университете, были сложнее, чем представлялось полиции. В мемуарных источниках описания их собраний и состава лаконичны, поскольку мемуаристы – это, чаще всего, некорпоранты и пишут понаслышке.

Обнаруженное в столичном университете в 1844 г. сообщество «аристократов», не было признано корпорацией. Почти полное отсутствие следов дела «аристократов» в министерских архивах объясняется тем фактом, что членами этого общества оказались сыновья знатных сановников, в том числе

¹⁰³³ РГИА. Ф. 735. Оп.10. Д. 167: О существующем между студентами СПб. университета демократическом образе мыслей (1843).

сын самого С.С. Уварова Алексей, а также князя Г.А. Щербатов, А.И. Васильчиков, С. Долгоруков, А. и Б. Голицыны, Барятинский, граф П. Шувалов, К. Толь, А. и В. Блудовы¹⁰³⁴. С.С. Уваров в докладной записке убеждал императора, что «о существовании общества Аристократов говорить излишне», в университетах «аристократами называют детей известных фамилий, которые ближе между собой соединяются и на поприще учебных успехов оспаривают, несомненно, первенство у разночинцев и биргеров»¹⁰³⁵.

Однако вслед за этим министр составил циркулярное письмо всем попечителям учебных округов, чтобы без огласки выяснить, существуют ли в их университетах подобные общества и «принять меры к усугублению бдительности». В Петербургском университете в 1844 г. была взята подписка со студентов о непринадлежности к тайному обществу.

После европейских событий 1848–1849 гг. власти особенно опасались прямых контактов студенческих тайных обществ с западными конспирациями, но расследования таких контактов не повторяют тотальные следственные процессы 1825–1826 гг., а остаются поверхностными. Так, в 1852 г. были открыты якобы существующие связи студентов Дерптского университета с революционным обществом за границей «La jeune Scandinavie». Докладывавший об этом генерал-губернатор Лифляндской, Эстляндской и Курляндской губерний А.А. Суворов писал, что «Молодая Скандинавия» «употребляет все усилия распространить свои замыслы в России» и уже установила сношения со студентами Дерптского университета, «давшими будто бы клятву содействовать преступным намерениям сего общества»¹⁰³⁶. Министр П.А. Ширинский-Шихматов распоряжением на имя ректора университета приказал усилить наблюдение за студентами, но отсутствие дальнейшей переписки с III отделе-

¹⁰³⁴ Студенческие корпорации в Петербургском университете в 1830–1840-е гг. (Из воспоминаний бывшего студента) // РС. 1881. Т. 30. С. 368.

¹⁰³⁵ РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Д. 175. Л. 7–7об.

¹⁰³⁶ РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Д. 261.

нием и внимания со стороны императора к этому делу говорит о том, что донос, который, видимо, использовал лифляндский генерал-губернатор, оказался неосновательным.

Опасения трансформации корпоративных связей студентов в политические действия не оправдались. Многочисленные «буйства», как в 1830-х, так и в начале 1850-х гг., в расследование которых включалась политическая полиция, на поверку оказывались теми же актами чистого хулиганства или данью корпоративному ритуалу. Однако власть беспокоило не только содержание акций, но и то, что они совершаются «скопом», что само по себе, в случае обнаружения в них политического состава, сообщало деянию высшую степень политической опасности, почему и предполагало более строгую ответственность¹⁰³⁷.

Вот почему даже дело об аресте студентов Московского университета в 1834 г. «за то, что они по ночам собирались в не трезвом виде» потребовало вмешательства А.Х. Бенкендорфа, поскольку речь шла о действиях, совершенных «скопом»¹⁰³⁸. Инспектор университета, обходя квартиры своекоштных студентов, обязан был пресекать всякие «сборища», независимо от того, чем и в какое время занимались на них студенты.

Не только городская, но и политическая полиция брала на себя посредничество в отношениях между начальством учебного округа и министром народного просвещения при любом коллективном инциденте с участием студентов, даже если он не выходил за рамки уличной драки. Из описаний некоторых происшествий можно понять, что в них вмешивалась не только городская полиция, но и чины корпуса жандармов¹⁰³⁹. Его начальники А.Х. Бенкендорф, Л.В. Дубельт и их преемники уве-

¹⁰³⁷ См.: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. 1845. Разд. 3: О преступлениях государственных. Гл. 2. Отд. 1. Ст. 271–274 // Российское законодательство X–XX вв. Т. 6: Законодательство первой половины XIX века. М., 1988. С. 235–237.

¹⁰³⁸ РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Д. 297. Л. 41об.–42.

¹⁰³⁹ Там же. Д. 109: По отношению ген.-ад. гр. Бенкендорфа о бывшем 10 ноября 1835 г. буйстве между студентами Дерптского университета.

домляли по своим каналам министра народного просвещения, и эта переписка выделялась в особое секретное производство министерской канцелярии. Министр должен был сообщить о результатах «собственного расследования» инцидента и о том, какие меры приняты по отношению к беспокойным студентам.

Так, в ноябре 1835 г., как сообщал А.Х. Бенкендорф С.С. Уварову, «подле дома Дерптского бюргер-клуба и во время бывшего в оном бала университетские студенты произвели на улице драку со столярным мастером Герцом и его товарищами». Появление квартального надзирателя заставило студентов ретироваться. Но через некоторое время толпа студентов с палками и поленьями опять пришла к бюргер-клубу и с криком и угрозами требовала от мещан, дабы они выдали им шинель и фуражку их товарища, оставшиеся там во время драки. Квартальный надзиратель Бах, не в силах усмирить студентов, послал за жандармами, и только увидев жандармов, студенты разбежались. Предводительствовал сей «буйной толпою» исключенный ранее студент Энгельман, в партикулярном платье. Многие студенты также явились не в мундирах, что уже было нарушением порядка. В Дерптском университете было произведено следствие, зачинщики наказаны, и, как уверял С.С.Уваров, после назначения нового попечителя «будут приняты по возможности меры для водворения желаемого порядка и тишины между обучающимся юношеством». Таков был обычный для 1830–1850-х гг. порядок уведомления об особо дерзких дисциплинарных проступках студентов, которые потребовали вмешательства политической полиции.

III отделение брало на себя труд блюсти и за нравственностью студентов. Так, в октябре 1836 г. А.Х. Бенкендорф издал предписание столичному обер-полицмейстеру об удалении из окрестностей университета публичных женщин¹⁰⁴⁰. Среди книг, изымаемых у студентов, попадались не только фи-

¹⁰⁴⁰ РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Д. 297. Л. 45.

лософские и политические сочинения, но и, например, роман маркиза де Сада «Жюстина»¹⁰⁴¹.

Естественно, что интерес молодежи 1830–1840-х гг. к политике или современной истории, не находящий удовлетворения в учебных и научных занятиях, имел выход в чтении и распространении недозволенной литературы. Особенно много «политической» литературы на разных языках изымалось инспекторами у студентов-поляков. «Сомнительные» сочинения передавались на экспертизу в Комитет цензуры иностранной¹⁰⁴². Так, в 1843 г. по доносу бывшего студента юридического факультета Петербургского университета В. Давида несколько его товарищей обвинялись в распространении польской патриотической литературы. Давид показал, что во время учебы в университете «примечал, что демократические мысли и понятия рассеялись там, особенно между польскими уроженцами, что у самих профессоров Мишкеля, Петровского, Горецкого, Шимановского были многие возмутительные сочинения, которые ходили по рукам и читаны были учениками с жадностью, что наблюдение за этим было вообще весьма слабое». Давид назвал сочинения А. Мицкевича, «15 лет владычества России в Польше», знаменитого «Пана Тадеуша», а также «рассуждения Белинского о необходимости равенства всех перед законом»¹⁰⁴³.

В ответ на требование начальства устроить надзор за поляками инспектор Петербургского университета А.И. Фицтум фон Экштедт уверил попечителя, что он с помощниками и так «в течение почти 5 лет бдительно наблюдал как за действиями, так и за образом мыслей пансионеров Царства Польского, но

¹⁰⁴¹ РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Д. 269: О покупке студентами Полонским и Татаринным некоторых запрещенных книг от лектора Джустиниани.

¹⁰⁴² В описи секретных бумаг канцелярии министра за апрель 1836 г. упоминается «о найденной у студента Харьковского университета книге „Доктрина Сен-Симона“ (РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Д. Л. 45). Несколько студентов Московского университета были уличены тогда же в том, что занимались перепиской «Философических писем» Чаадаева, опубликованных в журнале «Телескоп». (Там же. Л. 45 об.).

¹⁰⁴³ РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Д. 167. Л. 1–2.

не имел случая заметить что-либо противное духу правительства». Среди них были исключенные за дурное поведение, но «не было замечено между студентами, в особенности польского происхождения, развития демократических мыслей». Не находил у них инспектор и запрещенных книг¹⁰⁴⁴.

После 1848 г. и ужесточения контроля за публичной жизнью и литературой особое беспокойство властей вызывала перспектива возрождения «тайных обществ», которые в замкнутой студенческой среде могли найти отличную почву и опереться на традиции корпоративности. Поэтому всякого рода «непозволительные общества», даже не имевшие вида конспираций, при первых сигналах истреблялись, а за их участниками устанавливался надзор или же они покидали университет не по своей воле. Любой намек на интерес студентов к политике, слухи и известия о произнесении ими политических речей или распространении недозволенной литературы вызывали пристальное многоуровневое расследование. Сведения, полученные «частным образом» от внешних осведомителей и переданные через главу III отделения министру народного просвещения, а от него – попечителю округа и подчиненному ему инспектору требовалось подтвердить или опровергнуть. Попечитель, а иногда и сам министр старался смягчить остроту подозрений, но даже в случае если их «неосновательность» была доказана, однажды попавший под подозрение студент оставался под двойным надзором – обычным, со стороны инспекции, и тайным, со стороны политической полиции. Последний вид надзора сохранялся даже после того, как он покидал стены университета.

В это время петербургские студенты вступают в полосу конфликтов с попечителем, поскольку стиль управления отставного полковника М.Н. Мусина-Пушкина раздражал не только профессоров, но и студентов. Профессор А.В. Никитенко записывает в дневнике: «Что такое Мусин-Пушкин? Не страдает ли он умопомешательством? Как он обращается с подчинен-

¹⁰⁴⁴ РГИА. Ф. 735. Оп.10. Д. 167. Л. 27–27 об.

ными? Недавно он позвал к себе нескольких учителей гимназии и разругал их “болванами, дураками, пустыми головами, шутами” и пр. И он таков со всеми подчиненными, имеющими в нем нужду, кроме, впрочем, профессоров университета.... Словом, это зверь! Он начал обращаться так же и со студентами: ему погрозили, что сначала освищут его, а, наконец, и поколотят. Он притих. И этого человека выбрали попечителем в столице!»¹⁰⁴⁵. Притом Мусин-Пушкин был поставлен попечителем после относительно «безвредных» и просвещенных кн. Г.П. Волконского и М.А. Дондукова-Корсакова. Доверие к нему Николая I превратило второе попечительство Мусина-Пушкина в столичном университете (после 17-летнего управления Казанским учебным округом) в долговременное зло.

«Генеральский» стиль управления, грубость, очевидное непонимание, чем ему приходится руководить, и в то же время уверенность в своей непогрешимости спровоцировали студенческую демонстрацию против попечителя. Намерение выразить свое возмущение в лицо самому попечителю возникло у петербургских студентов за несколько лет до того, как студенческие обструкции стали основной формой демонстрации корпоративной солидарности. Однако в это время студентов еще можно было запугать, провести, добиться их согласия и спокойствия административными уловками.

Среди дел, вызвавших серьезное беспокойство полиции на фоне общеполитических осложнений, особняком стоит история 1848 г. «о дошедших до Государя императора слухах, будто студенты Санкт-Петербургского университета намерены при экзамене освидетельствовать попечителя и даже коснуться его орденовских знаков». Слух этот через осведомителя дошел до начальника III отделения, и тот поспешил предупредить попечителя М.Н. Мусина-Пушкина о якобы готовящейся оскорбительной демонстрации в его адрес. Причиной обиды студентов на по-

¹⁰⁴⁵ Никитенко А. В. Моя повесть о самом себе и о том «чему свидетель в жизни был»: записки и дневник. СПб., 1905. Т. 1. С. 362–363.

печителя был сделанный им несправедливый и грубый по форме выговор студенту Макшееву. Студент Голиховский, по сведениям полиции, «говорил своим товарищам, что следует просить попечителя не употреблять грубых выражений при взысканиях студентов и после того мало помалу разнеслась молва, будто бы студенты в числе 300 человек (!) намерены были во время экзамена 4 июня освистать попечителя и даже коснуться его орденских знаков. Последнее можно было истолковать как оскорбление действием. Император повелел “дабы все дело было открыто в точности как оно было”»¹⁰⁴⁶.

С.С. Уваров секретно сообщил начальнику III отделения А.Ф. Орлову полученные объяснения студента Макшеева, которого действительно «за неудачный ответ на экзамене профессору сельского хозяйства попечитель выругал разными непристойными словами, а потом приказал арестовать». Ввиду готовящейся против попечителя демонстрации решено было перенести экзамен с 4 на 9 июня и объявить в университете, что на нем будет присутствовать сам министр. В то же время Уваров сделал выговор Мусину-Пушкину «наедине» и указал на необходимость «во всякое время и, особенно, в настоящее, умерять силу выражений, употребляемых публично во всем, что относится слишком близко к самолюбию или к личной чести провинившихся». М.Н. Мусин-Пушкин признал «основательность замечаний и обещал впредь соображаться с оными вполне»¹⁰⁴⁷.

Инспектор А.И. Фицтум фон Экштедт вообще заверил в своем рапорте, что подозреваемые как зачинщики демонстрации студенты «отличаются благонравием», а донос на них неоснователен. На экзаменах 7 и 8 июня «сохранялась совершенная тишина и благочиние», присутствие попечителя «не служило поводом к малейшему нарушению порядка». 9 июня попечитель докладывал: «Сего дня 9 июня я провел утро в университете. Ни малейшего следа волнений не усмотрено

¹⁰⁴⁶ РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Д. 209. Л. 1–2.

¹⁰⁴⁷ Там же. Л. 2 об.

мною между студентами». В этом деле важнейшим моментом, на наш взгляд, является указание Уварова на имеющиеся у студентов представления о корпоративной чести и готовности эту честь защищать, и с этим отныне нужно считаться. В то же время студенты, желавшие призвать попечителя быть с ними вежливым, своего добились, т. к. о том же «внушил» ему приватно и министр.

В 1850-е гг. уличные происшествия с участием студентов меняют свой облик: из немотивированных стычек в театре, юношеских шалостей, пьяных ссор и драк с мастеровыми и офицерами они все более явно превращаются в организованное, иногда подчеркнуто корректное действие по защите не только личной чести, но и чести групповой, чести всего студенческого сословия.

Именно такая подоплека усматривается в конфликте петербургских студентов с полицией в сентябре 1858 г. Советские историки искали в нем и ему подобных столкновениях «предвестие» политических выступлений студентов последующих лет. На самом деле эта история лишена политического подтекста и представляет собой типичное дело о защите чести корпорации.

Суть происшествия заключалась в том, что 6 студентов, шедшие «толпою» и не хотевшие расходиться по требованию полиции, были доставлены к столичному обер-полицмейстеру П.А. Шувалову для объяснений. Студенты были вскоре отпущены, но их конвоирование полицейскими по улицам было воспринято как оскорбительное. Для «оправдания себя перед товарищами» студенты изобразили дело так, что не полиция их привела, а они сами явились к Шувалову «для принесения жалобы на оскорбившего их городского стража». Они добавили в пылу рассказа, будто бы обер-полицмейстер выражался о студентах «самым обидным для них образом», чего, возможно, и не было. Главное, что студенты в разговорах между собой ставили вопрос: «как предупредить подобные случаи на

будущее время»¹⁰⁴⁸. То есть студенты, почти 30 лет беспрекословно подчинявшиеся требованиям полиции вне университета и терпевшие иногда откровенные издевательства в полицейских участках¹⁰⁴⁹, теперь поставили вопрос о прекращении подобного.

Попечитель и ректор сделали студентам внушение, что они «не должны никогда касаться рассуждений о подобных предметах, т. к. определение отношений студентов и полиции принадлежит единственно ведению и попечению начальства», что студенты «так же беспрекословно подчиняются полиции как другие городские обыватели», а в случае, если кто-нибудь из них считает себя оскорбленным действием полиции, должны обращаться с жалобой к своему начальству, которое будет «искать удовлетворения для обиженного». Видимо, слухи об «обиде студентов» распространились по городу. Как доносил попечитель, молва представила это дело «в виде какого-то восстания Университета против полиции, сопровождаемого требованиями студентов, чтобы для объяснений с ними явились не только ректор с попечителем, но и министр народного просвещения, чего никогда не было и быть не может»¹⁰⁵⁰.

Видимо, «молва» дошла до Александра II, потому что он, еще до получения официального донесения о происшествии от петербургского градоначальника, 25 сентября 1858 г. потребовал от министра народного просвещения сообщить, «все ли в порядке в здешнем университете после известных Вам происшествий, скромно ли ведут себя студенты, не собираются ли они произвольно для совещания о разных предположениях вследствие означенных случаев, сохраняют ли они должное чиновничество к высшим начальникам и внушено ли им, чтобы на будущее время они вели себя одобрительно». При этом импе-

¹⁰⁴⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 27. Д. 18: О беспорядках между студентами СПб. университета.

¹⁰⁴⁹ См. дело о насилии над казанским студентом в участке, описанное в мемуарах Н.А. Фирсова // Былое из университетской жизни ... С. 37–39.

¹⁰⁵⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 27. Д. 18. Л. 3–3 об.

ратор хотел знать из первых рук «о сущности самых происшествий, которые подали повод к настоящим вопросам»¹⁰⁵¹.

Настроения студентов и их недовольство беспокоили царя, но Александр II, как и его отец, еще сохранял убеждение, что студентам, как школьникам, можно нечто «внушить» и, как солдат, заставить подчиняться любым распоряжениям начальства. Стоя на пороге университетских реформ, он совершенно не представлял себе университет как социальный институт и общество.

Министр народного просвещения Е.П. Ковалевский заверил, что студенты «ведут себя хорошо, не составляют сборищ для совещания и сохраняют должное уважение и подчиненность к начальству». Этих объяснений императору показалось недостаточно. Он написал на полях доклада: «Желаю, чтобы было так. Но я сам заметил сегодня, что многие из студентов, возвращавшиеся, как кажется, из университета, ибо большая часть из них имела в руках книги и портфели, не отдавали мне должной чести, хотя и видели, что на улице все снимали передо мной шляпы. Прошу поставить им эту небрежность на вид в подтверждение, что впредь я всех таковых не оставляю без взыскания»¹⁰⁵².

Подводя итог этому инциденту, на докладе министра император написал: «Надеюсь, что этим и кончится, и что со стороны университетского начальства будут приняты меры, дабы подобные беспорядки не возобновлялись»¹⁰⁵³. Личное неудовольствие императора против студентов, которые, как он считал, намеренно не приветствуют его на улицах, заставило университетское начальство сделать им еще одно внушение – «о соблюдении в сем отношении указанных правил, с подтверждением, что неисполняющие ... будут подвергаться строгому взысканию».

Запрет, наложенный в 1844 г. на существование любых студенческих обществ и объединений, спровоцировал активное

¹⁰⁵¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 27. Д. 18. Л. 4–5.

¹⁰⁵² Там же. Л. 6а, автограф карандашом.

¹⁰⁵³ Там же. Л. 2.

участие студентов в научно-литературных кружках, сложившихся вне университета и соединявших науку и политику. Такими были «пятницы» М.В. Петрашевского в 1847–1849 гг., которые в разное время посещали студенты и вольнослушатели университета, в основном окончившие обучение к моменту разоблачения кружка. Ю.Д. Марголис определил принадлежность к кружку Петрашевского 21 питомца столичного университета¹⁰⁵⁴. Не вдаваясь в разбор проблемы о степени радикальности идей и активности действий этого кружка и о несоответствии силы вины и степени наказания, которое определило петрашевцам запуганное европейскими революциями правительство, нельзя не усмотреть в принадлежности студентов к этому кружку отражение политизации их настроений. Члены кружка удовлетворяли в этих собраниях свой интерес к политическим и социальным проблемам, не удовлетворенный в университетских аудиториях.

Подчеркнем, что во время продолжительного следствия собрания Петрашевского не были определены как университетский кружок, ответственность за это сообщество на университет не возлагалась. Но во время следствия университетскому начальству посылались запросы об отдельных его членах¹⁰⁵⁵, в разное время учившихся в университете. Однако многие студенты-петрашевцы, и прежде всего сам М.В. Петрашевский, связывали становление своих радикальных обще-

¹⁰⁵⁴ Марголис Ю. Д. Петрашевцы – студенты Петербургского университета // Очерки по истории Санкт-Петербургского университета. Вып. VII. СПб., 1998. С. 99–123.

¹⁰⁵⁵ См.: РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Д. 223: О студенте С.-Петербургского университета Алексее Толстове, обвиняемом в произнесении слов о произошедшем в Москве бунте и в дерзких и оскорбительных выражениях насчет императорской фамилии. Любопытно, что в течение первых недель после получения из III отделения сведений о причастности Толстова к кружку петрашевцев и до его ареста попечитель округа и сам министр С.С. Уваров пытались спасти репутацию университета и свою собственную, уверяя, что Толстов вполне благонадежен и на него произведен ложный донос. «Откровенные ответы и вовсе не смущенный вид студента Толстова наклонили меня думать, что сделанный на него донос несправедлив ... Студент показался мне глубоко огорченным сделанным на него наветом и тем, что не дано ему возможности доказать свою невиновность», – сообщал М.Н. Мусин-Пушкин 1 апреля 1849 г. (Там же. Л. 5–5 об.).

ственно-политических позиций с воздействием на них университета (А. В. Ханыков, В. П. Катенев, В. А. Головинский и др.), именно здесь сформировались личные связи кружковцев. Из них Д. Д. Ахшарумов, П. И. Европеус, А. Н. Плещеев, А. Д. Толстов, А. В. Ханыков учились на восточном факультете. Политические взгляды их оформились, видимо, уже в кружке и стремительно радикализировались.

Так, В. А. Головинский, готовящийся в университете к кандидатскому экзамену, 1 апреля 1849 г. выступил в кружке с речью, обличающей крепостнический строй, В. П. Катенев в своих стихах клеймил самодержавный Петербург как «столицу новую разврата, приют цепей и топора, мучений, ненависти, злата»¹⁰⁵⁶. Утопию «фаланстера» Фурье некоторые студенты воплощали в собственной практике, создавая коммуны в совместно снимаемых квартирах. «Я был приятелем с двумя товарищами – Барановским Н. И. и Головинским-старшим, которые только что окончили курс и поселились в 16-й линии В. О., в особом помещении, которое они называли фаланстером, потому что они хотели проводить фурьеристские тенденции в жизнь. В фаланстере я видел некоторых петрашевцев; помню Филиппова, Достоевского...», – вспоминал Н. П. Балин¹⁰⁵⁷. Петрашевцы, поставив своей целью длительную разностороннюю пропаганду в разных классах народа, направляли свои усилия прежде всего на учащихся: слушателей учебных заведений, военных училищ, гимназий, активно взаимодействовали с польскими «огулами» в Петербурге, возможно, со студентами-поляками. Поэтому современниками они воспринимались как представители студенчества.

В начале 1850-х гг. заканчивается повсеместное «усыпление мысли» безликими лекциями профессоров, нарастает академический протест студентов, все чаще прибегающих к обструкциям неугодных профессоров. Не стало меньше и

¹⁰⁵⁶ Марголис Ю. Д. Петрашевцы – студенты ... С. 103–105.

¹⁰⁵⁷ Петрашевцы и их время в воспоминаниях Н. П. Балина // Каторга и ссылка. 1930. № 2. С. 87–88.

конфликтов с инспекторами, особенно в провинциальных университетах, рассказы о которых встречаются почти во всех студенческих мемуарах.

Аплодисменты как знак одобрения студентами понравившихся лекций, шиканье и свист как знак недовольства лектором вошли в обиход в столичном университете еще в 1836 г. Мемуарист А.А. Чумиков сообщает об овациях, которые устроили тогда преподававшему всеобщую историю М.С. Куторге и об обструкции бесцветного Шакеева, несмотря на то что его протезировал ректор. М.С. Куторга был «вынесен студентами на руках с лестницы». Мемуарист считал, что эти аплодисменты «были первые, которые раздались в аудиториях университета и с этих пор они стали употребляться кстати и некстати»¹⁰⁵⁸. Однако еще в декабре 1831 г. правительство было встревожено тем, как восприняли студенты Московского университета первую лекцию профессора красноречия И.И. Давыдова. Тогда «студенты всех факультетов собрались в аудиторию, по окончании лекции изъявили свое удовольствие громким рукоплесканием, продолжавшимся 10 минут»¹⁰⁵⁹. Министр народного просвещения распорядился найти зачинщиков, посадить их на несколько дней в карцер и разъяснить студентам «всю неприличность их поступка и внушить, что они вместо благодарности г. профессору причинили ему в самом деле обиду, ибо таким образом нельзя выражать удовольствие наставникам своим, а только актерам в зрелищах». Внушение было сделано и И.И. Давыдову. После этого аплодисменты в аудиториях расценивались как «нарушение порядка и благопристойности», но, впрочем, строго не наказывались.

Студенческие обструкции как средство обновления состава профессоров приобрели огромное значение после 1855 г., т. е. действительно стали эффективны и приводили к удалению «отсталых», консервативных или плохо знающих предмет

¹⁰⁵⁸ Студенческие корпорации в Петербургском университете... С. 271.

¹⁰⁵⁹ РГИА. Ф. 735. Оп. 1. Д. 494. Л. 1.

преподавателей, часто по их собственной воле. В 1858–1859 гг. они стали повторяться все чаще и утратили прямую связь с учебным процессом. Теперь студенты выражали свое отношение уже не к научному уровню преподавателя, а к его общественной репутации, «аплодировали наиболее либеральным, освистывали тех, кто оставался “чистыми академиками”». Аплодисменты и обструкции стали массовыми, затронули все университеты, были запрещены указом, но не прекратились¹⁰⁶⁰.

Студенты с определенного времени участвовали в подготовке литографированных лекций профессоров и их распространении. В 1849 г. Секретный цензурный комитет под руководством Д.П. Бутурлина заинтересовался этой практикой и распорядился о доставке литографий всех курсов, читаемых в Петербургском университете и Педагогическом институте. Особенное внимание было проявлено к содержанию лекций по всеобщей истории и истории русской литературы. Попечитель округа М.Н. Мусин-Пушкин сообщил, что сведений, «в каких литографиях печатались лекции, и были ли выпускаемы в продажу, в университете нет, потому что прежде порядком литографирования распоряжались студенты с дозволения профессоров без всякого участия последних в экономическом отношении». Стремясь уменьшить свою ответственность, попечитель добавил, что он, вступая в управление округом, «литографирование профессорских лекций, найденное мною здесь... предполагал воспретить», а порядок предоставления лекций в печать сделать таким, чтобы они проходили обычную цензуру, предварительно будучи рассмотрены и одобрены преподавателями¹⁰⁶¹.

В 1858–1857 гг. самоорганизация студентов наконец перешагнула порог «юношеских» шалостей, обидных шуток и издевательств над инспекторами, фрондирования короткими фалдами, отпущенными баками, запрещенными корпоратив-

¹⁰⁶⁰ Посохов И.С. Студенческие обструкции в университетах Российской империи (XIX – нач. XX вв.) // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії. Збірник наукових праць. Харків, 2008. Вип. 11. С. 101–108.

¹⁰⁶¹ РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Д. 228. Л. 29–30.

ными фуражками или особого покроя панталонами. Студенты конца 1850-х гг. проявляют инициативу в издании научно-литературных трудов, налаживают сотрудничество с молодыми профессорами. Так появился «Сборник, издаваемый студентами Императорского Петербургского университета» (выпуск 1-й – в 1857 г., выпуск 2-й – в 1860 г.). Профессором-редактором сборника стал М.И. Сухомлинов, соредакторами – студенты, выбранные от факультетов. История студенческих изданий и их значение достаточно хорошо исследованы в контексте роста общественной активности¹⁰⁶².

В предисловии к первому студенческому сборнику редакторы декларировали беспристрастие и непринадлежность «ни к какой партии», чисто научный характер помещаемых сочинений¹⁰⁶³. Однако уже в первом выпуске была помещена «Летопись внутренней жизни университета», где была представлена динамика роста числа студентов в университете, этот рост было предложено принять за «норму развития русского общества»¹⁰⁶⁴. То есть себя самих студенты представили маркером общественного прогресса, и это, пожалуй, наиболее яркое свидетельство высокой самооценки студенческого сообщества на тот момент и готовности ее защищать.

Готовность отстаивать корпоративную честь студентами отражает и дело об их столкновении с чинами Гвардейского морского экипажа, которое произошло 15 декабря 1858 г. при пожаре на 3-й линии Васильевского острова¹⁰⁶⁵. Во время пожара в доме, где снимали квартиры несколько студентов (среди них были поляки и русские), произошла их драка с матросами, выставленными в оцепление горевшего дома. Студенты до приезда пожарных помогали эвакуации жителей, выносу вещей и тре-

¹⁰⁶² Тишкин Г. А. О студенческих сборниках 1857–1960 гг. // Вопросы истории России. Л., 1983. С. 57–59.

¹⁰⁶³ Сборник издаваемый студентами С.-Петербургского университета. Вып. 1. СПб., 1857. С. III.

¹⁰⁶⁴ Там же. С. 377–392.

¹⁰⁶⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 27. Д. 20: О нанесении студентами СПб университета оскорблений нижним чинам Гвардейского экипажа во время пожара.

бовали пропустить их через оцепление, но были «оскорблены словом и действием». Конфликт был усугублен грубостью морского офицера Николева, начальника караула, на которого студенты подали жалобу обер-полицмейстеру. Причем во время столкновения солдаты грубо оскорбили сначала студентов-поляков, а на подмогу им прибежали «привлеченные их криками» русские студенты. В этом эпизоде можно также усмотреть факт преодоления национальной разобщенности студентов перед необходимостью «выручать своих», в пользу общих корпоративных интересов. Офицер Николев действовал грубо, он приказал солдатам «не рассуждать» а «валить их (студентов. – Т.Ж., К.К.) штыками и прикладами!», и ободренные солдаты, которых было по несколько человек на одного студента, буквально исполнили приказание, чувствительно помяв студентов, так что некоторым даже потребовалась помощь медика. Прибывший на место драки конный жандарм не только не остановил солдат, но велел бить студентов нагайками.

По повелению императора было назначено следствие с участием депутата от университета, которым выступил адъюнкт-профессор права В.Д. Спасович. Этот случай любопытен тем, что действия студентов по защите коллективной чести в форме драки не повлекли их наказания, а по внимательном разборе дела виновными в оскорблении чести студентов были признаны матросы и караульный офицер. В это дело были посвящены не только министр народного просвещения и морской министр вел. кн. Константин Николаевич, но и сам император. Студентам официально было сообщено, что дело решено в их пользу, однако и Николев, по решению морского министра, наказан не был, поскольку было усмотрено, что он действовал по уставу.

Профессора при разборе этой истории в основном встали на сторону студентов. А.В. Никитенко так транслирует этот эпизод: «...Солдаты, составлявшие около пожара цепь, не только не пустили их туда, но, отталкивая, еще били их прикла-

дами, к чему особенно поощрял солдат офицер, командовавший цепью. “Бей этих канальев!” – неоднократно повторял он»¹⁰⁶⁶. Мемуарист сообщает, что студентами была организована депутация и составлено прошение на имя попечителя учебного округа с просьбой об их защите от солдатского и полицейского произвола, участвовать в которой они предложили и представителям профессорского сообщества. Это говорит о невозможном прежде факте солидарности студентов и профессоров для защиты коллективной чести и репутации университета, но также и о том, что профессора проигрывают студентам в скорости оформления корпоративного сознания.

Сам А.В. Никитенко прошение студентов подписать отказался, однако именно по его предложению профессора сами обратились для разрешения конфликта к попечителю с предложением составить специальную комиссию из ректора и нескольких профессоров. Целью этой комиссии, по мысли Никитенко, было усмирение волнений в студенческой среде.

В качестве способа снижения студенческой активности руководство МНП рассматривало отмену университетской формы. Несколько лет обсуждалось и в мае 1860 г. было принято постановление, разрешавшее студентам вне стен университета находиться в партикулярном платье. А.В. Никитенко еще в 1858 г. высказал мысль в своем дневнике, что эта мера сделает положение студентов в отношении полиции более сложным и «уже совершенно предаст этих бедных юношей во власть нашей грубой полиции»¹⁰⁶⁷.

Нарастание общественной активности и склонность к коллективным действиям отличали не только петербургских студентов. Никитенко фиксирует в дневнике в декабре 1860 г.: «Беспрестанно слышишь о каком-нибудь скандале то в таком-то университете, то в другом заведении»¹⁰⁶⁸. В феврале 1861 г. во время университетского акта студенты выразили организо-

¹⁰⁶⁶ Никитенко А.В. Дневник. Т. 2. С. 81.

¹⁰⁶⁷ Там же.

¹⁰⁶⁸ Там же. С. 187.

ванное недовольство известием об отмене речи Н.И. Костомарова. Прямо в актовом зале «вдруг раздались крики: “Речь, речь Костомарова!” Крики сопровождались топанием, стуčanьем и скоро превратились в дикий рев»¹⁰⁶⁹. Примечательна растерянность администраторов просвещения в этот момент. «Начальство скрылось, – сообщает А.В. Никитенко. – Один инспектор, как тень, бродил по коридору»¹⁰⁷⁰. Попытку разрешить конфликт предпринял лишь ректор П.А. Плетнев, которого студенты уважали за доброту, но уже не слушали, поэтому «... должного эффекта это действие не оказало». Студенческая сходка продолжалась. Л.Ф. Пантелеев так описывает эти события: «На кафедру взобралось несколько студентов, и между ними мой знакомый Модзалевский; я понял, что происходит сходка. Когда аудитория несколько поуспокоилась, Модзалевский, крайне возбужденный, начал держать речь»¹⁰⁷¹.

Происшествие на университетском акте стало прологом для новых студенческих волнений в Петербургском университете. Старшее поколение профессоров, которым такая активность студентов была не понятна, возлагало ответственность на нерешительные действия администрации. А.В. Никитенко записал в связи с обсуждением способов умерить студенческую активность: «Я высказал некоторые истины начальству, но, к сожалению, оно лишено возможности действовать с энергией и с достоинством». При этом Никитенко однозначно осуждал действия не только студентов, но также и профессоров, которые их поддерживали, считая, что они заискивают перед молодежью, ищут у нее популярности. «Вместо того, чтобы читать им науку, вы пускаетесь в политическое заигрывание с ними», – упрекает он своих молодых коллег¹⁰⁷². Действия студентов сам Никитенко в этот момент оценивал с позиций предыдущих десятилетий, когда они истолковывались однозначно как «буйства», требующие усмирения и наказания, а единственное средство их усмирить, – заставить сту-

¹⁰⁶⁹ Никитенко А.В. Дневник. Т. 2. С.194.

¹⁰⁷⁰ Там же. С. 194.

¹⁰⁷¹ Пантелеев Л. Ф. Воспоминания. М. Т. 1. 1958. С. 151.

¹⁰⁷² Никитенко А.В. Дневник. Т. 2. С. 195.

дентов все свое время проводить в аудиториях. Он резюмирует: «Главная причина всему – неразвитость нашего юношества, которому поэтому и надо больше учиться и проч.»¹⁰⁷³.

Многие профессора осуждали неакадемическую активность студентов, считая, что она мешает учебе, отнимая время и «отвращая от настоящей работы». Быстро развивающиеся формы студенческого самоуправления и несанкционированной активности вызвали серьезные опасения у правительства. С 1857 г. участились уличные столкновения студентов с воинскими чинами, которые разнимала полиция, арестовывая и тех и других. Несколько таких инцидентов в Киеве, Москве и Петербурге были разрешены в пользу студентов, которые были признаны потерпевшими и оскорбленными в коллективной чести, после вмешательства самого императора Александра II. Усиливается давление студентов на неугодных преподавателей, которые считались ретроgrадами или недостаточно актуально излагали предмет, или лекции которых считались слишком сложными. Особенно активно использовали обструкции против профессоров студенты Казанского и Московского университетов¹⁰⁷⁴.

В Петербургском университете в начале 1859 г. тоже началась студенческая кампания против профессоров, не имеющих авторитета. А.В. Никитенко упоминает в своем дневнике, что «между студентами ходит лист с именами тех профессоров, которых они хотят выжить из университета»¹⁰⁷⁵. В список «разочаровавших» студентов преподавателей попали и недавние властители дум – М.И. Сухомлинов и Н.И. Костомаров. На выговор А.В. Никитенко одному слишком активному студенту о том, что «надобно учиться, а не делать глупостей», тот отвечал, что «отныне не наука должна занимать студентов, а современные вопросы»¹⁰⁷⁶. Общественно активные студенты вообще перестали посещать лекции старых и скучных профессоров. А.В. Никитенко осуждал тех из молодых профессоров, которые пытались заигрывать со

¹⁰⁷³ Никитенко А.В. Дневник. Т. 2. С. 194.

¹⁰⁷⁴ Новиков М.В., Перфилова Т.Б. Студенческие волнения накануне эпохи «Великих реформ» ... С. 17.

¹⁰⁷⁵ Никитенко А.В. Дневник. Т. 2. С. 56.

¹⁰⁷⁶ Там же. С. 232.

студентами, «вместо того, чтобы читать им науку» и создавали в молодежи иллюзию, что она является политической силой, «которая может предлагать правительству запросы и контролировать его действия»¹⁰⁷⁷. Анархию в университете и чрезмерную активность студентов осуждал и либерально настроенный профессор Московского университета Б.Н. Чичерин, который писал, что студенты собирали сходки по любому поводу, «на которые иногда вызывались ректор и деканы, и те ходили, объяснялись, старались успокоить молодежь. Всякая власть исчезла... Разумеется об исправном посещении лекций совершенно перестали думать... Если таковы были порядки в Московском университете, то в Петербургском, подверженном непосредственному влиянию Чернышевского с компаниею, дело обстояло еще несравненно хуже»¹⁰⁷⁸. Движение от борьбы студентов за академические свободы к политическим лозунгам наметилось, но правительство попыталось его прекратить.

Александр II был чрезвычайно обеспокоен изменением настроений студентов и форм студенческой активности. Историки фиксируют в 1858–1861 гг. нарастание кризиса в университетской политике, который проявился в затягивании разработки нового устава на фоне роста общественного движения в стране, демократизации состава студентов и роста их численности, смены поколений профессоров. Надзор же за студентами в это время еще более усилился, и даже невинные в политическом отношении дела о «буйствах», неповиновении полиции вызывали репрессивные решения, определенные, как правило, вмешательством императора. Александр II в студенческом вопросе буквально воспроизводил позицию своего отца, это в изменившейся обстановке выглядело анахронизмом. Моментом зрелости студенческого протеста и переломным моментом в университетской политике стали события волнений осени 1861 г., которые привели к массовым исключениям и закрытию Санкт-Петербургского университета почти на 2 года.

¹⁰⁷⁷ Никитенко А.В. Дневник. Т. 2. С. 176.

¹⁰⁷⁸ Чичерин Б.Н. Воспоминания. Московский университет / Вступ. ст. и прим. С.В. Бахрушина. М., 1929. С. 16.

Предвестником этих событий стали две мемориальные акции: похороны Т.Г. Шевченко 28 февраля 1861 г. с отпеванием в университетской церкви¹⁰⁷⁹ и массовая панихида, устроенная 1 марта 1861 г. польскими студентами Петербургского университета и Медико-хирургической академии в римско-католической церкви Св. Екатерины по умершем студенте Тукалло. Панихида, заказанная студентами, оказалась многолюдной, поскольку участники захотели соединить с поминками товарища «поминование» убитых 15 февраля во время уличной демонстрации в Варшаве, «в числе которых находились знакомые и приятели многих из студентов, дабы назначением отдельной панихиды о последних не возбудить соблазна и говора в публике». И хотя, как доносила полиция, кроме многоголосого пения молитвы *Angelus Domini*, «никаких слов против религии, правительства и духовенства» в храме не произносилось, правительство было встревожено массовым и явным патриотическим характером акции¹⁰⁸⁰.

После назначения 2 июля 1861 г. новым министром народного просвещения адмирала и дипломата Е.В. Путятина были разработаны запретительные меры и введено ужесточение режима обучения в университетах. Министерским циркуляром от 21 июля 1861 г. запрещались любые студенческие собрания, вводилось обязательное посещения лекций и плата за обучение. Министр народного просвещения писал, что в студенческих сходках кроется корень всего зла, т. к. здесь «образуется то убеждение в молодых людях, что они составляют какую-то политическую корпорацию, которая должна быть независимой и в учении, и в образовании, и даже в самой общественной деятельности»¹⁰⁸¹.

Введение одобренных Е.В. Путятиным матрикул, аналога зачетных книжек, куда заносились успехи и дисциплинарные нарушения каждого студента, а также новых правил для студентов, которые запрещали студенческие сходки, студенческие чи-

¹⁰⁷⁹ Марголис Ю. Д. Т.Г. Шевченко и Петербургский университет... С. 149–160.

¹⁰⁸⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 27. Д. 244.

¹⁰⁸¹ Там же. Д. 231: О закрытии Санкт-Петербургского университета. Л. 2 об.

тальни, кассы взаимопомощи, периодические издания и т. п., спровоцировало в сентябре 1861 г., сразу после начала занятий в университете, студенческие волнения в защиту уже фактически сложившихся студенческих корпоративных свобод. Накануне отмены крепостного права, когда общество ожидало реформ, возвращение университетской политики к строгостям николаевского времени не могло не вызвать недовольства. Тактика лавирования и «жесткого ответа» со стороны министра народного просвещения и попечителя Санкт-Петербургского учебного округа Г.И. Филипсона в этой ситуации оказалась провокационной и только усилила сопротивление. По свидетельству А.В. Никитенко, циркуляр министра, в частности, возлагавший отныне на проректора, избираемого из профессоров, обязанностей надзора за студентами, казался оскорбителен и для профессоров, а студенты сразу же принялись бойкотировать распоряжения нового министра, прозванного «недалеким»¹⁰⁸².

Оба администратора, и Е.В. Путятин, и попечитель Г.И. Филипсон, бывший начальник Главного штаба Кавказской армии, оказались далеки от понимания положения в университетах, выступили с серией ошибочных решений и тем обострили ситуацию до предела. Г.И. Филипсон даже не уведомил студентов о вводимых матрикулах до начала вакаций, они узнали о новых строгостях, уже вернувшись в университет осенью.

Как показывают документы, для многих студентов участие в волнениях определялось не их политическими взглядами, еще не оформившимися, а стремлением отстоять свои академические и корпоративные права и ответом на личную несправедливость. Некоторые студенты, не успевшие получить матрикулы по причинам от них не зависящим, например, по болезни или отсутствию в городе, были без какого-либо разбирательства уволены из университета, а их документы отправлены к обер-полицмейстеру¹⁰⁸³. Жесткие

¹⁰⁸² Никитенко А.В. Дневник. Т. 2. С. 207–210, 235.

¹⁰⁸³ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 6087: О закрытии Санкт-Петербургского университета. Л. 63–88.

меры правительства по отношению к активным участникам волнений спровоцировали вовлечение в события 1861 г. все большего число студентов.

Сходки в Петербургском университете начались с первых дней занятий, начало которых было отодвинуто до середины сентября 1861 г. из-за введения матрикул и их оформления. Аудитории немедленно заполнились участниками сходок, лекции оказались сорваны. Студенты приняли решение обратиться с требованием отмены новых правил к попечителю Г.И. Филипсону и продемонстрировать свою «общественную силу», организовав массовое шествие 20 сентября через весь Петербург от здания университета до дома попечителя на Колокольной улице. Колонна студентов, растянувшаяся на целую версту, двигалась в сопровождении полицейских, пожарных, множества зевак и стрелкового батальона под командованием генерал-губернатора столицы и обер-полицмейстера. Для переговоров с попечителем были избраны депутаты, но Г.И. Филипсон согласился вступить в диалог только на территории университета при условии, что зачинщики «беспорядков» немедленно вернуться к занятиям. Получившие надежду на диалог студенты разошлись, однако на следующий день 37 студентов и вольнослушателей были арестованы, среди них депутаты, участвовавшие накануне в переговорах с попечителем, редакторы «Студенческого сборника», руководители кассы взаимопомощи. Это вызвало на следующий день новую сходку на университетском дворе, во время которой был составлен адрес министру с требованием освободить арестованных товарищей или арестовать всех, поскольку «все студенты одного мнения относительно правил»¹⁰⁸⁴. Под этим адресом свои подписи поставили 700 студентов. Участников сходки не удалось запугать стянутыми к университету частями полиции и батальоном л.-гв. Финляндского полка. Только угрозы генерал-губернатора П.Н. Игнатьева применить оружие заставили студентов разойтись. В течение следующих двух недель

¹⁰⁸⁴ Эймонтова Р.Г. Русские университеты на путях реформы... С. 50.

утром снова и снова студенты собирались на сходку в университете, а полиция их окружала, арестовывая наиболее активных ораторов. Сходки во дворе университета прекратились только после одновременного ареста 33 активистов, среди которых оказались все члены студенческого комитета: Ген, Михаэлис, Стефанович и др. Студенческая масса, оставшись без лидеров, стала спокойнее, и это позволило открыть университет 11 октября. Однако к занятиям приступили всего 650 человек из полутора тысяч студентов и вольнослушателей. Они согласились подать прошение о выдаче матрикул. Остальные, отказавшиеся принять матрикулы, «считались исключенными из университета», и был отдан приказ об их высылке из города в течение двух дней. Но даже среди лояльных студентов было мало желающих сотрудничать с администрацией, многие «матрикулисты» уничтожали свои матрикулы, усеивая ими университетский двор и продолжали бойкотировать лекции¹⁰⁸⁵. А те студенты, что отказались от матрикул и уже считались исключенными, беспрепятственно проникали в университет. Для восстановления порядка пришлось снова ввести в университет войска, и это был первый и беспрецедентный эпизод в его истории. 12 октября при столкновении с солдатами во дворе университета от прикладов и штыков пострадало более 20 студентов, за три недели «беспорядков» было арестовано не менее 300 человек, для которых не хватило места в Петропавловской крепости, и часть арестованных морем была переправлена в Кронштадтскую крепость. На стене бастиона Петропавловской крепости крупными буквами кто-то начертал иронически: «Петербургский университет».

После массовых арестов уже не только студенты, но и многие профессора перестали посещать университет. Либеральные профессора К.Д. Кавелин, В.Д. Спасович, М.М. Стасюлевич, Б.И. Утин, А.Н. Пыпин, «питавшие дух оппозиционности в студентах»¹⁰⁸⁶, подали в отставку. Это укрепило в своих силах протестующих студентов и «беспорядкам» не видно было конца.

¹⁰⁸⁵ Никитенко А.В. Дневник. Т. 1. С. 226.

¹⁰⁸⁶ Там же. С. 233.

В начале декабря попечитель Г.И. Филипсон сообщал министру о том, что 30 ноября около 100 студентов, собравшихся в аудитории, объявили, что опасаются за участь товарищей, при этом выкинули матрикулы и объявили, что подадут прошение об увольнении из университета¹⁰⁸⁷. Это вызвало усиление репрессий и новые аресты. «Более 300 студентов, участвовавших в беспорядках, посажены в крепость, более 400 уволены из университета и отправлены на родину, ... остальные 700 студентов, добровольно подчинившихся правилам, на лекции не ходят и высказывают тот же дух неповиновения»¹⁰⁸⁸, – докладывал Г.И. Филипсон. В такой обстановке правительство приняло решение закрыть университет на неопределенный срок, «до пересмотра университетского устава».

Столкновения с полицией имели место не только в Петербургском, но и в Казанском университете, а студенты младших курсов Московского университета поддерживали петербургских товарищей, бойкотируя занятия в конце сентября 1861 г. К тому времени в Московском университете появились депутаты от петербургского студенчества, продемонстрировав способность координировать студенческий протест в двух центрах. Университетский Совет Московского университета, стремясь пресечь разраставшиеся «беспорядки», постановил исключить на год участников волнений, прекратить занятия на младших курсах и закрыть аудитории для доступа студентов. Однако митинги продолжались в университетском саду, с разрешения генерал-губернатора П.А. Тучкова. Московские студенты намеревались представить адрес самому императору с просьбой смягчить министерский циркуляр от 21 июля и оказывали давление на попечителя Московского учебного округа Н.В. Исакова. Уличные столкновения с еще большим количеством пострадавших студентов, чем в Петербурге, имели место у гостиницы «Дрезден», где со студентами «сражалась» пешая и конная полиция и московская «чернь», натравленная на молодежь.

¹⁰⁸⁷ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 6087: О закрытии Санкт-Петербургского университета. Л. 95–95 об.

¹⁰⁸⁸ Эймонтова Р.Г. Русские университеты на путях реформы... С. 52.

В итоге из Петербургского университета было исключено 37 зачинщиков, остальные разделены на несколько групп: студентам младших курсов было разрешено переводиться в другие университеты, студентам старшего курса – сдать экзамены экстерном.

«Беспорядки» в Петербургском университете вызвали волну общественного сочувствия студентам: в крепость посылались передачи с книгами, папиросами, провизией. Комендант Кронштадтской крепости разрешил им прогулки и часто навещал в камерах, как и военный губернатор столицы А.А. Суворов, лично поручившийся за 50 человек, дав им возможность закончить обучение. Даже дамы света выражали сочувствие студентам и погружались в подробности университетской «истории»¹⁰⁸⁹.

Волнения студентов Санкт-Петербургского университета в 1861 г. заставили правительство скорректировать университетскую политику и провести ротации в управлении министерством и столичным учебным округом. Были уволены в отставку запятнавшие себя в общественном мнении организаторы физической расправы над студентами начальник корпуса жандармов и глава III отделения П.А. Шувалов и обер-полицмейстер столицы А.В. Паткуль.

В 1855–1861 гг. русские университеты переживали переходный период, который заключался в поиске новых форм публичности, обновлении состава преподавателей и содержания предметов, прежде всего гуманитарного цикла. Студенты эффективно применяют обструкции, объединяются с передовыми профессорами и магистрами в стремлении обновить жизнь университета, устраивают открытые диспуты по общественно значимым вопросам, организуют издание студенческих научных сборников, выпуск рукописных листков. Однако правительственная политика в университетском вопросе, по мнению авторитетных историков, именно в эти годы вступила в полосу кризиса¹⁰⁹⁰. Вместо ускоренной корректировки целей и содержания обуче-

¹⁰⁸⁹ Керн А.П. Воспоминания. М., 1989. С. 247–266.

¹⁰⁹⁰ Эймонова Р.Г. Русские университеты в годы реформ 1860-х гг. М., 1993. С. 26–29.

ния, модернизации управления университетом в соответствии с ожиданиями общества, власть идет по пути более жесткой регламентации студенческой жизни, нисколько не ослабляя полицейского надзора и строгости наказаний, применяемых к нарушителям порядка. Новые дисциплинарные «Правила», введенные министром Е.В. Путятиным перед началом осеннего семестра 1861 г., выглядели отголоском николаевской полицейщины. Сформировавшееся к тому времени сознание студентами себя в качестве самостоятельных и полноправных субъектов университетской жизни, а не опекаемых и воспитуемых детей, было оскорблено и требовало выхода. В сентябре 1861 г. в Петербургском университете, а затем в Московском и Казанском, началось совершенно новое по форме противостояние студенчества власти, при открытой поддержке нескольких молодых профессоров и скрытом одобрении многих других. Впервые осенью 1861 г. столица империи стала свидетелем волнений студентов, уличных демонстраций с сотнями участников, применения против них военной силы, а затем массовых арестов и заключения сотен «зачинщиков» в главную политическую тюрьму страны. Если массовые выступления студентов до этого момента носили характер не политических, а корпоративных демонстраций и борьбы за академические права, то итогом волнений 1861 г. стало массовое вовлечение студентов, особенно исключенных из университета подобно первокурснику юридического факультета П.Н. Ткачеву¹⁰⁹¹ и многим студентам-полякам, в политическое противостояние власти. С этого момента студенчество вливается в оппозиционное движение в качестве его наиболее активного и монолитного отряда. Народнический этап российского революционного движения 1860–1880-х гг. вообще не может быть интерпретирован без понимания особенностей социального состава и индивидуальных траекторий его участников, юношей, от которых, говоря словами А.И. Герцена, «закрыли науку».

¹⁰⁹¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 27. Д. 243: Об отказе в обратном приеме в университет студента П.Н. Ткачева.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Университет в России изначально являлся местом, объединявшим «учащих и учащихся», и был противопоставлен внеуниверситетскому миру через законодательно оформленные уставами начала XIX в. особые привилегии, экстерриториальность, социальные лифты в виде ученых степеней и высокого чина при окончании курса наук. В то же время дореформенный университет был тесно связан с властью системой государственного заказа и, соответственно, контроля за преподаванием, поведением и умственным обликом своих членов, пронизывавшими всю университетскую повседневность.

Дореформенный университет прошел в своем административном и социальном развитии несколько этапов, что мы видим на примере истории Санкт-Петербургского университета – от Педагогического института, учрежденного как его «первое отделение», до университета второго по численности и первого по влиянию, каким он стал на рубеже 1850–1860-х гг. К этому времени разрешился конфликт идеалов Просвещения и бюрократической организации управления университетами, заложенный еще университетской реформой Александра I. Процесс формирования способного к обучению и всесословного по составу контингента студентов, соответствовавший началу модернизации сословного общества, превращение замкнутого корпоративного пространства в университет, открытый обществу, и в центр науки, как мы попытались показать, занял примерно два с половиной десятилетия. После кадрового и научного упадка начала 1820-х гг. в С.-Петербургском университете он протекал более ускоренно, чем в других, благодаря столичному положению и окружению, научной репутации, востребованности его дипломов в государственной службе.

Конечным получателем как просвещенного знания, так и бюрократической регламентации был студент, в данном случае петербургский. Без понимания его правового положения, мен-

тальных и поведенческих рамок, определявшихся не только социально-культурными, но и административными факторами, мы не можем определить меру эффективности российской модели университета и меру ее особенности. Студенчество было «душой» университета и одновременно его «телом», носителем корпоративного духа, памяти об университете и «коллективного бессознательного», в том множественном значении, которое придается понятию «*anima*» (лат. «душа») в культурной традиции. Говоря о студентах университета мы говорим об «*anima Universitatis*», живой и изменчивой «душе Университета».

Мы постарались показать, что в дореформенном С.-Петербургском университете, как и в других университетах Российской империи, начался и завершился процесс оформления студенчества как сообщества, вписанного в определенные ему нормативные и академические рамки, множеством каналов связанного с внеуниверситетской городской культурой. К концу изучаемого периода оформилось корпоративное сознание и сложилась самоорганизация студенчества, были апробированы формы коллективного действия, развернутые в пространстве академического, социального и политического, которые не могли быть предложены ни одной другой социальной группой в раннемодерной России. Это произошло во многом вопреки последовательному регулированию состава студентов, административному и полицейскому контролю, «герметизации» студенчества до вступления в возраст зрелости в стенах учебных заведений. Чтобы понять механизм «обратного» результата в ответ на политику власти в отношении студенчества, надо представить ее как фазы социального конструирования с неоднозначными установками.

В 1820-е гг. произошла унификация условий обучения в университетах и утвердилась система научной аттестации. Законодательство во многом закрепляло уже сложившиеся практики обучения и научного лицензирования, детализируя порядок проведения экзаменов и определяя необходимый объем знаний

учащихся. Правовое положение студенческой молодежи, отраженное в официальных документах, соответствовало правовому сознанию дореформенной России. Принято считать, что правовое поле, в котором жил и действовал студент, не зависело от его сословного происхождения. Тем не менее, как показало исследование, в дореформенном университете существовали практики смягчения дисциплинарных наказаний для студентов-дворян, что являлось одним из наглядных проявлений «сословности» как курса университетской политики.

В связи с необходимостью наполнения аудиторий в первые десятилетия XIX в. проблема соответствия поступающих возрастным, сословным критериям и необходимой образовательной подготовке для восприятия университетского учения, отодвигалась на второй план. Поэтому «отсев» студентов во время обучения был достаточно велик, а уровень подготовки выпускников, большинство из которых выходили из университета в звании действительных студентов, был довольно низок. Льготные правила поступления на первых порах были призваны лишь наполнить почти пустующие аудитории.

Ужесточение требований к поступающим происходит с середины 1830-х гг., что было связано с бюрократической реформой и профессионализацией всей системы службы. Правилами для студентов 1830–1840-х гг. правительство регулировало как поведение учащихся, так и их академическую деятельность. Система вступительных, переводных и окончательных испытаний, присвоения и, наоборот, лишения стипендий, распределения к местам службы и т.д. представляла механизмы формирования численного и социального облика студентов.

Особенностями социального облика петербургских студентов первых десятилетий XIX в. (включая питомцев Педагогического института) были широкий возрастной диапазон, доминирование социальной мотивации обучения над интеллектуальной. Это говорит о том, что университет в Российской империи формировался прежде всего как социальный институт, механизм переформатирования политической и духовной

элиты империи. Происхождение будущей элиты, проходившей через фильтр университетского образования, изначально было всесословным, с преобладанием недворянских элементов. Для выходцев из непривилегированных сословий университетское образование становилось условием быстрой вертикальной социальной мобильности в будущем. С другой стороны, активная политика по привлечению дворян в университеты, повышение престижа университетского образования в обществе и установление единых четких правил обучения уже во второй половине 1830–1840-х гг. способствуют численному увеличению студенческого сообщества, повышению уровня подготовки и выравниванию возрастных и сословных параметров учащихся. В конечном счете, это ведет к повышению уровня подготовки специалистов и свидетельствует об успешности университетского проекта в России.

Время универсанта было четко регламентировано, начиная от этапных моментов академической траектории: приемные, годовые, итоговые испытания, – до повседневных практик, включая режим пребывания «за оградой» университета и допустимые социальные контакты в городской среде. Граница между нормой и проступком с течением времени смещалась в сторону ужесточения дисциплинарного режима. В начале века она еще устанавливалась достаточно произвольно и зависела от меры снисхождения и строгости профессоров, но с 1835 г. задавалась нормативными документами. Рамки правового поля становятся для универсанта более жесткими, но более четко определяются и его преимущества. К нарушениям допустимых правовых отношений принадлежали не только «безнравственные проступки», но и отступления от правил ношения мундира. Расширялась и детализировалась система наказаний. Это, в целом, соответствовало нормативной системе воспитания, утвердившейся в дворянской культуре, и тому, что доля дворян в университете в 1840-х гг. превысила 50%.

Сам статус студента был определен и воспринимался как переходный и потому не престижный в социальной иерархии. За-

Заключение

конодательные документы фиксировали нормы и правила поведения студентов в университете и за его пределами, очерчивая не очень широкую сферу социальной коммуникации, чтобы не затруднять ход конструирования того «благородного юношества», которое проходило подготовку к государственной службе, определенной как основная цель университета. Правительство желало видеть университетских студентов не только новым образованным слоем, живущим в согласии с высокими идеалами Просвещения, но и отрядом «универсальных чиновников» в бюрократизирующейся империи, одновременно инициативных и лояльных, высоконравственных, профессиональных, верноподданных и аполитичных. До определенного времени этот социальный конструкт успешно создавался в стенах университетов, и именно Петербургский университет являлся его эталоном. Это было время «уваровского университета» (1830–1840-х гг.), целью которого было провозглашено воспитание новой элиты «русских по духу, европейцев по образованию». Эта модель ушла в прошлое вместе с преобладающим типом студента-академиста и карьериста, в конце николаевского царствования.

Университет по своей природе космополитичен, в то же время традицией европейских университетов со времен Средневековья было оформление «наций» или групп студентов по принципу этнической общности или землячества. В российских университетах структуризация студенческой корпорации по национальному признаку стала возможна только с достижением ее относительной многочисленности. Это произошло также в 1830–1840-е гг. и совпало, с одной стороны, с подъемом национального романтизма как этапа нациестроительства, давшего импульс историко-филологическим и этнографическим исследованиям, с открытием новых специализаций, а с другой – с переопределением национальной политики империи в Царстве Польском, Западном крае, на других окраинах. Стержнем этой политики становились воспитание политической лояльности, более или менее мягкая русификация в куль-

турно-языковом отношении и инкорпорация национальных элит в тело общеимперской бюрократии.

Среди университетов Российской империи студенческое сообщество Санкт-Петербургского университета начиная с 1840-х гг. было, пожалуй, самым многонациональным, а в словесном отношении – наиболее элитарным, с преобладанием учащихся дворянского происхождения и включением в состав студентов детей высших государственных сановников. С этого времени столичный университет становится престижным и влиятельным учреждением.

Сеть университетов и военно-учебных заведений, формировавших корпус государственных служащих и военную элиту, должна была стать инструментом воспитания новой идентичности в молодом поколении польских, малороссийских, кавказских уроженцев, которая бы не противостояла доминирующей идее «русской» народности, положенной в основу государственной идеологии. Этот имперский проект, в целом, оказался утопичен, но число военных и статских чиновников, если не русифицированных, то, по крайней мере, оторвавшихся от национальной почвы, было велико¹⁰⁹². Это справедливо в отношении всех этнических групп, в том числе поляков, которые в условиях культурной экстерриториальности и конфессиональных ограничений могли через одно-два поколения потерять или деформировать свою национальную идентичность. Обучение в русских университетах и последующая обязательная служба в системе имперских учреждений были двумя последовательными этапами воспитания лояльности в польской молодежи.

Процесс замещения казеннокоштных студентов стипендиатами в столичном университете шел гораздо быстрее, чем в других российских университетах. В дореформенное время доминировали государственные формы помощи малообеспеченным студентам, однако увеличение числа пособий и стипендий для студентов было существенным только в период

¹⁰⁹² См.: Горизонтов Л.Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.) М., 1999.

Заключение

1849–1855 гг., когда сократилась общая численность студентов ввиду ограничений по приему, т. к. особенно сократилось число своекоштных и, соответственно, беднейших и нуждающихся. Практика вмешательства университетской администрации, МНП, а иногда и самого императора в судьбы универсантов и процедуру назначения стипендий свидетельствует о несовершенстве системы материальной помощи учащимся в дореформенное время.

Дореформенный университет в Российской империи выполнял социально-адаптационную функцию по отношению к своим воспитанникам. Получение университетского образования при прочих равных условиях открывало обладателю университетского диплома большие карьерные перспективы, исходя из концепции знания/власти. Для выходцев из податных сословий университет становился тем социальным лифтом, который предоставлял возможность вертикальной социальной мобильности через государственную службу, начатую в достаточно высоких чинах. Сложившаяся в 1810–1830-х гг. внутриуниверситетская иерархия, соединяющая чины с учеными званиями, учеными степенями и должностями, все более эффективно влияла на выбор студентами науки и образования в качестве сферы профессиональной реализации.

Университет сохранял свое патрональное воздействие на некоторые категории выпускников, в частности, на казенных студентов, распределяемых к учительским должностям, не только до 1835 г., но до определенной степени, в следующие десятилетия. Университет через свое Правление и ректора контролировал их служебную деятельность, при благоприятных обстоятельствах способствовал карьерному продвижению, оказывал материальную, административную и интеллектуальную поддержку. После окончания университета бывший казенно-коштный студент или стипендиат (из числа кавказских студентов или поляков) как минимум в течение шести лет, а на практике гораздо дольше, оставался включенным в зону его юрисдикции и администрирования. Это было необходимо

обеим сторонам, если учитель проявлял профессиональные амбиции, продолжал занятия наукой и претендовал в последующем на публикации или защиту диссертации, т. е. вовлекался в академические процедуры, лежащие в юрисдикции университета.

Постепенному нивелированию сословных, возрастных, национальных различий внутри студенчества столичного университета способствовало развитие корпоративных (общеуниверситетских) ценностей. Однако лишь к концу 1850-х гг. студенчество проявляет себя как более-менее сплоченная и социально активная группа. Причины длительного оформления студенческой корпоративности, занявшего несколько десятилетий, можно усмотреть в том, что универсамтам необходимо было время на преодоление этноконфессиональных, сословных, интеллектуальных перегородок в собственной среде, для того чтобы ощутить себя единым целым, выработать неписанные нормы, особые практики, поведенческие стереотипы, выражающие тот «университетский стиль» жизни, который усваивается и воспроизводится следующими поколениями.

В 30–50-е гг. XIX в. коллективная идентичность студенческого сообщества формировалась и проявлялась в ходе социального взаимодействия как внутри университетского сообщества, так в отношении городского окружения. Законодательство этому способствовало, но не прямо, а косвенно, апеллируя к студенческой организованности и дисциплине. Корпоративный же статус студента оформлялся не законодательством, а практиками социального взаимодействия друг с другом, профессорами, инспекторами, администраторами, внешним окружением, часто недружелюбным и агрессивным по отношению к студентам.

Отношения профессора и студента на протяжении рассматриваемого периода трансформировались от патриархально-семейных до официальных, вписанных в дисциплинарные рамки учебного процесса. Отсутствие свободы выбора как учебных курсов, так и преподавателя, порождало ситуацию конфронтации между студентами и теми профессорами, которые не соот-

Заключение

ветствовали ожиданиям и представлениям учащихся. Формы студенческого сопротивления интеллектуальному принуждению были разнообразны: от пропуска лекций до коллективных выступлений и, в конечном счете, были проявлением растущего стремления студентов влиять на качество преподавания.

В дореформенном университете существовали студенческие общества и кружки различного типа и направленности. Однако формы студенческой организации в Петербургском университете до второй половины 1850-х гг. были менее разнообразны по сравнению с самоорганизацией студентов европейских университетов, питающейся вековыми традициями. Культурными посредниками между российскими студентами и этими традициями становились не только профессора-иностранцы, но и академические мигранты, те из студентов, кто учился в Вильно и Дерпте, а также профессоранты, побывавшие на стажировках за границей.

Сфера социального взаимодействия студента с городским окружением в значительной мере определялась его сословным происхождением и этноконфессиональной принадлежностью. Увеличение числа студентов дворянского происхождения способствовало установлению более прочных социальных связей и повышению общественной репутации Петербургского университета. Взаимодействие студентов с просвещенной публикой было относительно бесконфликтным. Коммуникации студента в городской среде, находившейся вне зоны влияния «просвещенности», порождали разнообразные стычки и конфликты. Таковы были столкновения студентов с кадетами, молодыми офицерами, мастеровыми, чинами городской полиции в общественных заведениях и на улицах города.

Опираясь на фундамент знания, самоорганизации и расширяя сферу социальных коммуникаций, студенчество в общественном отношении зрело гораздо быстрее общества в целом. Высшее проявление корпоративности – студенческая самоорганизация достигла развитых форм еще во второй половине 1850-х гг., и можно полагать, к 1861 г. этот процесс пошел го-

раздо быстрее оформления профессорской корпоративности. Для последней только университетский устав 1863 г. стал мотиватором и программой борьбы за академическую автономию, в которой профессорская корпорация действительно сплотилась¹⁰⁹³.

События 1861 г. в Петербурге продемонстрировали наивысшее развитие студенческой самоорганизации «доустановного» университета, но затем социальная и корпоративная общность и преемственность были разрушены фактом закрытия университета, исключения и «рассеяния» студентов и почти полного обновления их состава в 1863 г., после полного открытия университета. Есть предположение, что ускоренная самоорганизация студентов в 1850-х гг. была связана с двумя нивелирующими моментами. Во-первых, с ликвидацией прежних категорий «своекоштного» и «казеннокоштного» студента, теперь каждый из обучающихся мог претендовать на одну из разнообразных стипендий. Во-вторых, с резким ростом численности студентов за счет тех, кто не зависел от материальных условий обучения. Соответственно, этот этап мы можем выделить как завершающий в оформлении студенческой корпоративности, когда прежнее «кружковое», «национальное», «земляческое», «сословно-кастовое» самосознание отдельных групп студентов дополняется и замещается осознанием принадлежности к единому сообществу всего университета.

В конце изучаемого периода по мере преодоления научной, территориальной, национальной обособленности отдельных университетов через законодательное регулирование их деятельности, унификацию условий существования для разных категорий обучающихся, все российское студенчество превращается в многочисленную, гораздо более однородную по составу группу, и одновременно – в заметную общественную силу.

¹⁰⁹³ Ростовцев Е.А. Столичный университет Российской империи: учение сословие, общество и власть... Ч. 2.

БИБЛИОГРАФИЯ

І. ИСТОЧНИКИ

Материалы университетского делопроизводства

Высшая школа Санкт-Петербурга. XIX – начало XX века. Сборник документов/ Отв. сост. Н.Ф. Никольцева. СПб.: Лики России, 2007. 341 с.

Санкт-Петербургский университет в первое столетие его деятельности. 1819–1919. Материалы по истории С.-Петербургского университета. Т. 1. 1819–1835 / Под ред. С.В. Рождественского. Пг., 1919. 780 с.

Официальные и ведомственные издания

Годичный торжественный акт в Императорском Санкт-Петербургском университете, бывший 25 марта 1842 г. СПб., 1842. 83 с.

Годичный торжественный акт в Императорском Санкт-Петербургском университете, бывший 8 февраля 1845 г. СПб., 1845. 168 с.

Годичный торжественный акт в Императорском Санкт-Петербургском университете, бывший 8 февраля 1846 г. СПб., 1846. 257 с.

Годичный торжественный акт в Императорском Санкт-Петербургском университете, бывший 8 февраля 1847 г. СПб., 1847. 300 с.

Годичный торжественный акт в Императорском Санкт-Петербургском университете, бывший 8 февраля 1848 г. СПб., 1848. 259 с.

Годичный торжественный акт в Императорском Санкт-Петербургском университете, бывший 8 февраля 1849 г. СПб., 1849. 270 с.

Годичный торжественный акт в Императорском Санкт-Петербургском университете, бывший 8 февраля 1850 г. СПб., 1850. 48 с.

Годичный торжественный акт в Императорском Санкт-Петербургском университете, бывший 8 февраля 1851 г. СПб., 1851. 155 с.

Годичный торжественный акт в Императорском Санкт-Петербургском университете, бывший 8 февраля 1852 г. СПб., 1852. 116 с.

Краткий отчет о состоянии и деятельности Императорского СПб. университета в течение первого 4-летия со времени преобразования его по новому уставу, с 1836 по 1840 г., чит. проф. Шульгиным. СПб., 1841. 118 с.

Инструкция студентам университета Св. Владимира от инспектора. Киев., 1858. 10 с.

Объявление о публичном преподавании наук в Императорском С.-Петербургском университете на 1854–1855 академический год. СПб., 1854. 45 с.

Положение о взимании платы, утвержденное министром народного просвещения 16 мая 1852 г. СПб., 1852. 6 с.

Библиография

- Правила для студентов Императорского С.-Петербургского университета. СПб., 1839. 14 с.
- Правила для студентов Императорского С.-Петербургского университета. СПб., 1843. 11 с.
- Правила для студентов Императорского С.-Петербургского университета. СПб., 1855. 12 с.
- Правила для учащихся в Дерптском университете [утв. 4 июня 1838 г.] Дерпт, 1838 г. 43 с.
- Правила для учрежденной при Дерптском университете Академической муссы. Дерпт, 1857 г. 16 с.
- Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т.1: Царствование Александра I. 1802–1825. Т. 1. СПб., 1864; Т. 2: Царствование императора Николая I, 1825–1855. СПб., 1864; Т. 3: Царствование императора Александра II, 1855–1864. СПб., 1865.
- Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т.1, 2. СПб., 1866.
- Сравнительная таблица уставов университетов 1884, 1863, 1835 и 1804 гг. СПб., 1901. [1] с.; 270 столб.

Периодическая печать

- ЖМНП. 1834. № 8.
- ЖМНП. 1835. № 5.
- ЖМНП. 1836. № 3.
- ЖМНП. 1840. № 6.

Непериодические издания

- Сборник, издаваемый студентами Императорского Петербургского университета. Вып. 1. СПб., 1857.
- Сборник, издаваемый студентами Императорского Петербургского университета. Вып. 2. СПб., 1860.
- Дело петрашевцев. М.;Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951. Т. 3. 519 с.

Мемуарные и эпистолярные источники

- Аксаков К.С. Воспоминания студентства 1832–1835 гг. // Русское общество 30-х годов. Люди и идеи / Под ред. Федосова И.А. М.: Из-во МГУ, 1989. С. 312–334.
- Аксаков С.Т. Ранние годы Казанского университета // Соловьев И.М. Русские университеты в их уставах и воспоминаниях современников. Вып.1. СПб., 1914. С. 70–75.

Библиография

- Афанасьев А.Н.* Московский университет (1844–1848 гг.) // Московский университет в воспоминаниях современников. М.: Современник, 1989. С. 249–280.
- Бекетов А.Н.* Описание студентов, особенно петербургских // Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Т. I. Петербургский университет. 1819–1895. / Под ред. В.В. Мавродина Л., 1963. С. 84–90.
- Белов И.Д.* Университет и корпорации (отрывок из воспоминаний) // ИВ. 1880. Т. 1. № 4. С. 779–804.
- Белоголовый Н.А.* Из моих воспоминаний о Сергее Петровиче Боткине // Московский университет в воспоминаниях современников... С. 302–329.
- Бестужев-Рюмин К.Н.* Воспоминания // Московский университет в воспоминаниях современников... С. 360–371.
- Бобровский Т.* Дневник моей жизни // Поляки в Петербурге в первой половине XIX в. М., 2010. С. 629–631.
- Боровков А.Д.* Автобиографические записки // РС. 1898. Т. 95. № 9. С. 533–564.
- Буслаев Ф.И.* Мои воспоминания // Московский университет в воспоминаниях современников... С. 200–222.
- Быт русских студентов в Дерптском университете (Письмо из Дерпта) // Русская речь. 1851. № 57. С. 78–79.
- Вистенгоф П.Ф.* Московский и Казанский университеты // Соловьев И.М. Русские университеты в их уставах и воспоминаниях... С. 111–118.
- Галаган Г.Н.* Отрывки из дневника // Киевская старина. 1898. Т. 62. № 9. С. 228–242.
- Герцен А.И.* Былое и думы // Собр. соч. в 30 т. Т. 8. М., 1956.
- Гончаров И.А.* Воспоминания. В университете // Московский университет... С. 144–172.
- Григорьев В.В.* Т.Н. Грановский до его профессорства в Москве // Ленинградский университет в воспоминаниях... С. 37–40.
- Де-Пуле М.П.* Харьковский университет в сороковых годах // Соловьев И.М. Русские университеты в их уставах и воспоминаниях... С. 170–175.
- Дмитриев М.А.* Главы из воспоминаний моей жизни. М.: Новое литературное обозрение, 1998. 485 с.
- Дондуков-Корсаков А.М.* [Мои воспоминания] // Старина и новизна. 1902. № 5. С. 119–234.
- Жихарев С.П.* Дневник студента. Т.1. Л.: Искусство, 1989. 311 с.
- Зеленин Д.К.* Студенчество старого Дерпта // Вестник всемирной истории 1901. № 2. С. 33–55.
- Иваницкий Н.И.* Автобиография // РА. 1909. Кн. 3. № 10. С. 126–180.

Библиография

- Из воспоминаний дерптского студента // Соловьев И.М. Русские университеты в их уставах и воспоминаниях современников... С. 155–157.
- Из жизни дерптского студенчества // Там же. С. 184–185.
- Иностранцев А.А. Воспоминания (Автобиография). СПб.: Центр «Петербургский востоковед», 1998. 272 с.
- Колмаков Н.М. Очерки и воспоминания с 1816 г. // РС. 1891. Т. 70. № 5. С. 449–469; РС. 1891. Т. 70. № 6. С. 657–680.
- Летопись забав и шалостей дерптских студентов // РС. 1890. Т. 65. С. 341–370.
- Лебедев В. Учебные воспоминания. Казанский университет на рубеже второго пятидесятилетия своей жизни // РС. 1908. Т. 138. № 8. С. 241–255; Т. 139. №9. С. 581–600.
- Ляликов Ф.И. Студенческие воспоминания (1818–1822) // РА. 1875. Кн. 3. № 11. С. 376–387.
- Мамаев Н.И. Записки // ИВ. 1897. Т. 83. № 4. С. 46–83.
- Матисен Е.А. Воспоминания из дальних лет // РС. 1881. № 5. С. 155–160. В сокращении: Ленинградский университет... С. 26–29.
- Мурзакевич Н.Н. В Московском университете, 1825 // Московский университет... С. 89–96.
- Назарьев В.Н. Жизнь и люди былого времени // ИВ. 1890. Т. 42. № 11. С. 424–443.
- Никитенко А.В. Дневник. Т. 1. 1826–1857. М.: Гослитиздат, 1955. 543 с.
- Никитенко А.В. Записки и дневник. М.: Захаров, 2005. Т. 1. 640 с.
- Обнинский П.Н. Студенческие годы // Воспоминания о студенческой жизни. М., 1899. С. 21–65.
- Об условиях университетского образования (воспоминания студента Варадинова) // Русское слово. 1859. № 4. С. 69–85.
- Оже де Ранкур Н.Ф. В двух университетах: Воспоминания. 1837–1843 // РС. 1896. Т. 86. № 6. С. 571–582.
- Острогорский В. Из истории моего учительства. Как я сделался учителем (1851–1864 гг.) СПб., 1895. 293 с.
- Панаев В.И. Воспоминания // ВЕ. 1867. Т. 3. С. 193–270.
- Панаев И.И. Литературные воспоминания. Л.: Academia, 1928. 547 с.
- Пантелеев Л.Ф. Воспоминания. М.: Гослитиздат, 1958. 848 с.
- Пирогов Н.И. Из жизни московского студенчества 20-х годов XIX века // Московский университет в воспоминаниях современников... С. 80–88.
- Письма Н.М. Языкова к родным (1822–1829). / Под ред. и с объясн. примеч. [и вступ. ст.] Е.В. Петухова. СПб. 1913. 502 с.
- Петрашевы и их время в воспоминаниях Н.П. Баина // Каторга и ссылка. 1930. № 2. С. 80–89.

Библиография

- Полонский Я.П. Мои студенческие воспоминания // Московский университет в воспоминаниях современников... С. 242–248.
- Полуденский С.П. Заметки о старом Московском университете // Москвитянин. 1853. Т. 6. Дек. Кн. 1. Исторические материалы. С. 17–22.
- Прозоров П.И. Белинский и Московский университет в его время (Из студенческих воспоминаний) // Московский университет в воспоминаниях современников... С. 102–114.
- Пытин А.Н. Мои заметки // Ленинградский университет... С. 45–52.
- Свербеев Д.Н. Из воспоминаний // Московский университет... С. 64–79.
- Семенов-Тянь-Шанский П.П. С.-Петербургский университет (1845–1848) // Ленинградский университет... С. 41–44.
- Сеченов И.М. В Московском университете (1850–1856 гг.) // Московский университет... С. 283–301.
- Скабичевский А.М. Литературные воспоминания. М.: Аграф, 2001. 432 с.
- Соковнин Н.М. Воспоминания старого казанского студента. 1856–1858 г. // РС. 1892. Т. 74. № 5. С. 271–291.
- Соллогуб В.А. Воспоминания. М.: СЛОВО, 1998. 384 с.
- Сорокин В.М. Воспоминания старого студента // РС. 1888. Т. 60. № 12. С. 617–648.
- Тимковский Е.Ф. Московский университет в 1805–1810 гг. Из воспоминаний // Московский университет... С. 60–63.
- Т.Н. Грановский на экзаменах // Русское обозрение. 1896. Т. 37. № 2. С. 958–959.
- Третьяков М.П. Императорский Московский университет в 1799–1830 гг. // РС. 1892. Т. 75. № 7. С. 105–131.
- Тургенев И.С. У Плетнева // Ленинградский университет... С. 33–36.
- Устрялов Ф.Н. Воспоминания о С.-Петербургском университете в 1852–1856 гг. // ИВ. 1884. Т. 16. № 5. С. 578–604.
- Фортунатов Ф.Н. Воспоминания о С.-Петербургском университете за 1830–1833 годы. // РА. 1869. № 7. С. 305–340.
- Чичерин Б.Н. Воспоминания. Минск: Харвест, 2001. 336 с.
- Чумиков А.А. Петербургский университет полвека назад: Воспоминания бывшего студента // РА. 1888. Кн. 3. № 9. С. 120–150.
- Чумиков А.А. Студенческие корпорации в Петербургском университете в 1830–1840-х годах // Соловьев И.М. Русские университеты... С. 157–160.
- Шрамченко Н.А. Мои воспоминания // Харківський університет ХІХ – початку ХХ століття у спогадах його професорів та вихованців. Харків: Вид-во «Сага», 2008. Т. 1. С. 170–175.
- Янишевский Э.П. Из воспоминаний старого Казанского студента. Казань, 1893. 111 с.

II. ЛИТЕРАТУРА

- Аврус А.И. История российских университетов: Очерки. М.: Моск. обществ. науч. фонд, 2001. 86 с.
- Аврус А. И., Голосеева А.А. Культурная и просветительская деятельность российских классических университетов // Философский век. Альманах. Вып. 29. История университетского образования в России и международные традиции просвещения. Т. 2. / Отв. ред. Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2005. С. 95–99.
- Александров Д.А. Историческая антропология науки в России // Вопросы истории естествознания и техники. 1994. №4. С. 3–22.
- Андреев А.Ю. 1812 год в истории Московского университета. М.: Изд-во МГУ, 1998. 87 с.
- Андреев А.Ю. О начале университетского образования в Санкт-Петербурге // Отечественная история. 1998. № 5. С. 62–72.
- Андреев А.Ю. Лекции по истории Московского университета. 1755–1855. М.: Изд-во МГУ, 2001. 239 с.
- Андреев А.Ю. Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX века. М.: Языки рус. культуры, 2000. 312 с.
- Андреев А.Ю. Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половины XIX века. М.: Знак, 2005. 432 [16] с.
- Андреев А.Ю. Идея университета в России (XVIII – начало XX в.) // «Быть русским по духу и европейцем по образованию»: Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII – начало XX в.: Сб. статей. / Отв. сост. А.Ю. Андреев. М.: РОССПЭН, 2009. С. 9–32.
- Андреев А.Ю. Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М.: Знак, 2009. 640 с.
- Андреев А.Ю. О «новом прочтении» истории российских университетов // Высшее образование в России. 2009. №3. С. 149–159.
- Андреев А.Ю. Проблемы рецепции «гумбольдтовского» университета в России в ее прошлом и настоящем // Гумбольдтовские чтения: матер. междунар. науч. конф. М.: РГГУ, 2010. С. 146–157.
- Андреева Т.В. Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. СПб.: Лики России, 2009. 912 с.
- Аристов В.В. Страницы славной истории. Рассказы о Казанском университете. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1987. 224 с.
- Аурова Н.Н. От кадета до генерала. Повседневная жизнь русского офицера в конце XVIII – первой половине XIX в. М.: Новый хронограф, 2010. 463 с.
- Ашевский С. Русское студенчество в эпоху шестидесятых годов (1855–1863) // Современный мир. 1907. № 10. С. 32–33.
- Базылев А. Поляки в Петербурге. СПб.: Блиц, 2003. 447 с.

Библиография

- Баринов Д.А. Коллективная биография студенчества Санкт-Петербургского университета 1884–1917 гг.: статистический анализ // Клио. Журнал для ученых. 2013. № 10. С. 42–48.
- Баринов Д.А. Этноконфессиональные и региональные организации студенчества Санкт-Петербургского университета. 1884–1917. Дис... канд. ист. наук. СПб., 2015.
- Бартнищка К. Профессорский институт Дерптского университета и его польские учащиеся // Польские профессора и студенты в университетах России (XIX – начало XX в.) Конф. в Казани 13–15 окт. 1993 г. Варшава: Изд-во «UN-O», 1995. С. 149–162.
- Берков П.Н. Из ранней истории научных и литературных сборников студентов Петербургского университета // Очерки по истории Ленинградского университета. Т. I. Л.: Изд-во ЛГУ, 1962. С. 88–105.
- Бокова В.М. Эпоха тайных обществ. Русские общественные объединения первой трети XIX в. М.: Реалии-Пресс, 2003. 656 с.
- Бороздин А.К. Академический университет в XVIII веке // ИВ. 1886. Т. 7. Апрель. С. 120–133.
- Будылин Д.Ю., Полатайко С.В. Онтологический анализ университетского идеала // Философский век. Альманах. Вып. 29. История университетского образования в России и международные традиции просвещения. Т. 2 / Отв. ред. Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2005. С. 114–127.
- Булгакова Л.А. Сословная политика в области образования во второй четверти XIX века // Вопросы политической истории СССР. М.; Л.: АН СССР, 1977. С. 105–124.
- Булгакова Л.А. Отчеты попечителей по учебным округам и университетам как исторический источник // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. X. Л.: Наука, 1978. С. 244–252.
- Булгакова Л.А. Интеллигенция в России во второй половине XIX века (состав, правовое и материальное положение). Дис... канд. ист. наук. Л., 1983. 239 с.
- Булгакова Л.А. Мемуары как источник по истории университетов дореформенной России // Вспомогательные исторические дисциплины Т. XVI. Л.: Наука, 1985. С. 189–202.
- Булгакова Л.А. Особенности системы высшего образования в царствование Николая I // Николаевская Россия: власть и общество: Материалы круглого стола, посвященного 80-летию со дня рождения И.В. Пороха. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2004. С. 124–134.
- Булич Н.Н. Из первых лет Казанского университета (1805–1819). Рассказы по архивным документам. СПб., 1904. Ч. 1–2.
- Бурдые П. Начала. Часть 1: Маршрут. М.: Socio-Logos, 1994.

Библиография

- Бурдье П. Социология социального пространства / Пер. с франц., отв. ред. перевода Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.
- Бурдье П. Университетская докса и творчество // *Sociologos* '96. М.: Socio-Logos, 1996
- Виртшафтер Э.К. Социальные структуры: разночинцы в Российской империи М.: Логос, 2002. 272 с.
- Виттеккер Ц.Х. Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб.: Академический проект, 1999. 352 с.
- Вишленкова Е.А. Ревизор или случай университетской проверки 1819 года // Отечественная история. 2002. № 4. С. 22–35.
- Вишленкова Е.А. Казанский университет александровской эпохи: альбом из нескольких портретов. Казань: Изд-во Казанск. гос. ун-та, 2003. 240 с.
- Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. Terra Universitatis: два века университетской культуры в Казани. Казань: Изд-во Казанск. гос. ун-та, 2005. 498 с.
- Вишленкова Е.А., Галлиуллина Р.Х., Ильина К.А. Русские профессора: университетская корпоративность или профессорская солидарность. М.: НЛО, 2012. 650 с.
- Вишленкова Е.А. Университетский человек и время // Образование и просвещение в губернской Казани. Сб. статей. Вып. 2. / Отв. ред. И.К. Загидуллин, Е.А. Вишленкова. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. С. 24–52.
- Вишленкова Е.А. Публичная и частная жизнь университетского человека в Казани XIX века // Адам и Ева. 2004. № 7. С. 172–201.
- Вишленкова Е.А. Между «Западом» и «Востоком»: культурно-пространственные ориентации российского университета // «Быть русским по духу и европейцем по образованию»: Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII – начала XIX в. / Сост.: А. Андреев. М.: РОССПЭН, 2009. С. 83–100.
- Вишленкова Е.А., Ильина К.А. «Воспроизводство себе подобных» в российском университете первой половины XIX века. М.: НИУ ВШЭ, 2011
- Вишленкова Е., Ильина К. Об ученых степенях и о том, как диссертация в России обрела научную и практическую значимость // Новое литературное обозрение. 2013. № 4 (122). С. 84–107.
- Вишленкова Е.А., Галиуллина Р.Х., Ильина К.А. Русские профессора: университетская корпоративность или профессорская солидарность. М.: НЛО, 2012. 650 с.
- Влиятельные универсанты. Питомцы Ленинградского-Санкт-Петербургского университета. Кто есть кто: [Именной указ.]. / Сост. Н.Я. Олесич, М.А. Соловьева, Н.А. Ахадова и др. СПб.: Культ. фонд «Знаменитые универсанты», 2007. 243 с.
- Воробьев В.А. К истории наших университетских уставов // Русская мысль. 1905. № 12. С. 1–11.

Библиография

- Воронов А.С. Историко-статистическое обозрение учебных заведений С.-Петербургского учебного округа с 1715 по 1828 гг. СПб., 1849. 293 с.
- Воронов А.С. Историко-статистическое обозрение учебных заведений С.-Петербургского учебного округа с 1829 по 1853 гг. СПб., 1854. 121 с.
- Высочков Л.В. «Проза» студенческой жизни в поэзии Н.Я. Агнивцева // Уроки истории – уроки историка. Сборник статей к 80-летию Ю.Д. Марголиса (1930-1996). / Сост. Т.Н. Жуковская, отв. ред. А.Ю. Дворниченко. СПб.: Изд-во Нестор-история, 2012. С. 322–340.
- Высшее образование в России: Очерк истории до 1917 года / Под ред. В.Г. Кинелева. М.: НИИВО, 1995. 342, [5] с.
- Галиуллина Р.Х. Михаил Николаевич Мусин-Пушкин – попечитель Казанского учебного округа (1827–1845 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Казань: Изд-во КГУ, 1997. 223 с.
- Галиуллина Р.Х. М.Н. Мусин-Пушкин – попечитель Казанского и Петербургского учебных округов // Санкт-Петербургский университет в XVIII–XX вв.: европейские традиции и российский контекст. Материалы междунар. научной конф. 23–25 июня 2009 г. / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко, И. А. Тихонов. СПб.: Изд-во Санкт-Петербур. ун-та, 2010. С. 88–105.
- Галиуллина Р.Х. Властные практики управления и практики самоуправления в университетах России второй половины XVIII – первой половины XIX вв.: учебное пособие. Казань, 2011. 86 с.
- Галиуллина Р.Х. Кризис университетской автономии в России: 1840-е – начало 1860-х годов // Уроки истории – уроки историка. Сборник статей к 80-летию Ю.Д. Марголиса (1930–1996) / Сост. Т.Н. Жуковская, отв. ред. А.Ю. Дворниченко. СПб., 2012. С. 278–286;
- Галиуллина Р.Х., Ильина К.А. «Ученые записки» ученого сословия (первая половина XIX века): препринт WP6/2012/02 [Текст]: НИУ ВШЭ. М., 2012. 44 с.
- Глинский Б.Б. Университетские уставы (1755–1884 гг.) // ИВ. 1900. Т. 79. № 1. С. 324–351.
- Горизонтов Л.Е. Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.) М., 1999. 270 с.
- Горин Д.Г. К вопросу о «профессорской культуре» России XIX – начала XX в. // Отечественная культура и историческая наука XVIII – XX веков. Сб. статей. Брянск: Изд-во БГПУ, 1996. С. 42–51.
- Григорьев В.В. Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых 50 лет его существования. Историческая записка. СПб., 1870. 679 с.
- Гришунин П.В. Студенчество столичных университетов: структуры повседневной жизни. 1820-е–1880-е гг. Автореф. дис... канд. ист. наук. СПб., 2005. 19 с.
- Гуркин В.А. Развитие российской науки и университетское образование // Философский век. Альманах. Вып. 29. История университетского образования в России и международные традиции просвещения. Т. 2 / Отв. ред.

Библиография

- Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2005. С. 287–295.
- Дмитриев А. По ту сторону «университетского вопроса»: правительственная политика и социальная жизнь российской высшей школы (1900–1917 годы) // Университет и город в России (начало XX века) / Под ред. Т. Маурер и А. Дмитриева. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 105–204.
- Дьяков В.А. Освободительное движение в России. 1825–1861 гг. М.: Мысль, 1979. 288 с.
- Дьяков В.А. Польские студенческие организации 30–60-х годов XIX века в российских университетах // Польские профессора и студенты в университетах России (XIX – начало XX века) Варшава: «UN-O», 1995. С. 20–28.
- Егоров Ю.Н. Студенчество Санкт-Петербургского университета в 30–50-х годах XIX в., его социальный состав и распределение по факультетам // Вестник Ленинградского университета. Сер. История. 1957. № 14. С. 5–19.
- Егоров Ю.Н. Русские университеты и студенческое движение во второй половине 30–50-х гг. XIX в. Автореф. дис... канд. ист. наук. Л., 1957. 23 с.
- Егоров Ю.Н. Реакционная политика царизма в вопросах университетского образования в 30–50-х гг. XIX в. // Исторические науки. 1960. № 3. С. 60–75.
- Ежова С.А. Мемуары воспитанников Казанского университета как исторический источник (XIX в.) Автореф. дис... канд. ист. наук. Казань: Казанский гос. ун-т, 1995. 18 с.
- Ендольцев Ю.А. Университетский быт – исторический ракурс // Очерки по истории Санкт-Петербургского университета. Т.VIII. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2000. С. 89–104.
- Жарова Е.Ю. Экзамены в университетах Российской империи в первой половине XIX в. // Вопросы образования. 2014. № 4. С. 246–259.
- Жуковская Т.Н. С.С. Уваров и воссоздание Санкт-Петербургского университета // Очерки по истории Санкт-Петербургского университета. Т.VII. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1998. С. 56–74.
- Жуковская Т.Н. Правительство и общество при Александре I. Петрозаводск: Изд-во Петр. гос. ун-та, 2002. Гл. IV: Университеты. С. 114–175.
- Жуковская Т.Н. Университеты в годы наполеоновских войн // Санкт-Петербургский университет в XVIII–XX вв.: европейские традиции и российский контекст. Материалы междунар. научной конференции. 23–25 июня 2009 г. / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко, И. Л. Тихонов. СПб.: Изд-во Санкт-Петербур. ун-та, 2010. С. 22–37.
- Жуковская Т.Н. «Императорский университет»: система высочайшего вмешательства в жизнь университетов в первой половине XIX в. // Власть, общество и реформы в России в XIX – начале XX века. Исследования, историография, источниковедение. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 74–89.
- Жуковская Т.Н. Между Марсом и Минервой: война, военная служба и универсанты первой половины XIX века // Диалог со временем. Альманах

Библиография

- интеллектуальной истории. 2009. Вып. 29. С. 285–307.
- Жуковская Т.Н. Студенты-поляки в Петербургском университете в 1830-х – начале 1860-х гг. // «Финно-угры – славяне – тюрки: опыт взаимодействия (традиции и новации)». Сб. матер. Всероссийской научной конференции. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2009. С. 192–199.
- Жуковская Т.Н. Какая история нужна Петербургскому университету // Санкт-Петербургский университет в XVIII–XX вв.: европейские традиции и российский контекст. Материалы междунар. научной конференции. 23–25 июня 2009 г. / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко, И. Л. Тихонов. СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 2010. С. 463–478.
- Жуковская Т.Н. О «лжеучености», корысти, интриганстве и корпоративной этике: пороки в университетской среде первой половины XIX в. // Университеты в образовательном пространстве региона: опыт, традиции, инновации. Матер. научно-метод. конф. 16–17 февраля 2010. Петрозаводск, 2010. Ч. 1 (А – К) С. 16–26.
- Жуковская Т.Н. Петербургский университет в городском пространстве первой трети XIX в. // Социальная история. Ежегодник. 2009. М., 2010. С. 41–67.
- Жуковская Т.Н. Университеты и университетские традиции в России. Курс лекций. Петрозаводск, Изд-во ПетрГУ. 2011. 141 с.
- Жуковская Т.Н. Санкт-Петербургский (Ленинградский) университет в воспоминаниях, или Особенности университетской памяти // Парадигмы университетской истории и перспективы университетологии. VII Арсентьевские чтения (к 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова): материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 18 сент. 2017 г.) / Редкол.: О. Н. Широков [и др.]. Чебоксары: ИД «Среда», 2017. С. 128–132.
- Жуковская Т.Н. «Тайные общества», студенческие «буйства» и запрещенные лекции: политика в дореформенном университете // Уроки истории – уроки историка. Сборник статей к 80-летию Ю.Д. Марголиса (1930–1996) / Сост. Т.Н. Жуковская, отв. ред. А.Ю. Дворниченко. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 258–278.
- Жуковская Т.Н. Peregrinatio academica: подготовка профессорантов Санкт-Петербургского университета в Европе в начале XIX в. // Вестник СПбГУ. 2013. № 3. С. 30–42.
- Жуковская Т.Н. Александр I и Санкт-Петербургский университет // К 400-летию Дома Романовых. Монархи и династии в истории Европы и России. Сборник материалов международной научной конференции. Ч. 2. СПб., 2013. С. 97–108.
- Жуковская Т.Н. Национальные группы среди профессоров и студентов в Петербургском университете в первой половине XIX в. // National Intellectuals in Russian Empire: Universities, Knowledges and Networks / Ed. Nobuya Hashimoto. Kyoto: Showado Publishing, 2014. P. 22–47.

Библиография

- Жуковская Т.Н. Повседневная жизнь Педагогического института в Санкт-Петербурге (1804–1819) в отражении его архивов // Университетский архив как явление культуры. Сб. ст. М.: НЛО, М., 2015. С. 79–118.
- Жуковская Т.Н. Правительственные стратегии в сфере просвещения и идея университета в Петербурге (1803–1819) // Клио. Журнал для ученых. № 10 (82). 2013. С. 15–25.
- Жуковская Т.Н. «Тайные общества» первой трети XIX в. и организационные модели декабризма // 14 декабря 1825 года. Источники. Исследования. Историография. Библиография. Вып. 5. СПб., 2002. С. 63–94.
- Жуковская Т.Н., Дубровская Н.В. Благородный пансион при Санкт-Петербургском университете (1817–1830): организационная структура и повседневная жизнь // Клио. Журнал для ученых 2017. № 9. С. 57–65.
- Жуковская Т.Н., Казакова К.С. Как жили студенты Петербургского университета в первой половине XIX в. // Санкт-Петербургский университет. 2009. № 2–3. С. 23–29.
- Жуковская Т.Н., Казакова К.С. Русский студент дореформенной эпохи: нормы и повседневная жизнь корпорации // Отечественная история. 2007. № 6. С. 63–76.
- Жуковская Т.Н., Калинина Е.А. «Просвещенная окраина»: Олонецкая губерния в составе столичного учебного округа в первой половине XIX в. // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2011. Ноябрь. № 7. Т. 2. С. 12–18.
- Жуковская Т.Н., Калинина Е.А. «От азбуки до университета»: административная деятельность Санкт-Петербургского университета в учебном округе в первой половине XIX в. // Вестник СПбГУ. 2014. № 2. (№ 10). С. 22–32.
- Жуковская Т.Н., Любезников О.А. Правительственная политика и корпорация Петербургского университета в дореформенный период: основные итоги и проблемы изучения // Клио. Журнал для ученых. № 10 (82). 2013. С. 26–35.
- Жуковская Т.Н., Ростовцев Е.А. «Образование в своем отечестве»: университетская политика Николая I, идеология и прагматика // Родина. 2013. № 3. С. 93–96.
- Загоскин Н.П. История Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования. 1804–1904. Казань, 1902–1904. Т. 1–4.
- Зайончковский П.А. История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. Аннотированный указатель книг и публикаций в журналах. Т. 2. Ч. 1. М.: Книга, 1976–1977. 341 с.
- Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: Мысль, 1978. 288 с.
- Запорожец О.А. Навигатор по карте историко-социологических исследований университета // Сословие русских профессоров. Создатели стату-

Библиография

- сов и смыслов. Коллект. моногр. М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2013. С. 21–58.
- Захаров И.В., Ляхович Е.С. Миссия университета в европейской культуре. М.: Фонд «Новое тысячелетие», 1994. 239 с.
- Знаменитые универсанты. Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета / Отв. ред. Н.Я. Олесич. Т. 1–3. СПб.: Фонд «Знаменитые универсанты», 2002–2005.
- Иванов А.Е. Демократическое студенчество в революции 1905–1907 гг. // Исторические записки. 1982. Т. 107. С. 171–225.
- Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. М.: Академия наук СССР: Институт истории СССР, 1991. 392 с.
- Иванов А.Е. Главный педагогический институт (1828–1859 гг.) Из истории подготовки российской профессуры // Вестник истории, литературы, искусства. 2014. Т. 9. С. 32–46.
- Иванов А.Е. Мир российского студенчества. Конец XIX – начало XX в. Очерки. М.: Новый хронограф, 2010. 332 с.
- Иванов А.Е. Ученые степени в Российской империи. XVIII в. – 1917 г. М.: Ин-т рос. истории, 1994. 195, [2] с.
- Иванов А.Е. Университетская политика царского правительства накануне революции 1905–1907 годов // Отечественная история. 1995. № 6. С. 93–105.
- Иванов А. Е. Русский университет в Царстве Польском. Из истории университетской политики самодержавия: национальный аспект // Отечественная история. 1997. № 6. С. 23–33
- Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX – начала XX века: Социально-историческая судьба. М.: РОССПЭН, 1999. 414 с.
- Иванов А.Е. Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации. М.: Новый хронограф, 2004. 408 с.
- Иванов А.Е. Еврейское студенчество в высшей школе Российской империи начала XX века. Каким оно было? Опыт социокультурного портретирования. М.: Новый хронограф, 2007. 436 с.
- Иванов А.Е. Ученое достоинство в Российской империи. XVIII – начало XX века. Подготовка и научная аттестация профессоров и преподавателей высшей школы. М.: Новый хронограф, 2016.
- Иващенко В.Ю. Мемуари професорів та студентів з історії Харківського університету XIX – початку XX століття. Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Дніпропетровськ, 2004. 18 с.
- Ильина К.А. Инструкция попечителя и управление Казанским учебным округом (первая четверть XIX века) // Образование и просвещение в губернской Казани. Сб. статей. Вып. 2. / Отв. ред. И.К. Загидуллин, Е.А. Вишленкова. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. С. 115–116.
- Ильина К.А. Делопроизводственная документация как источник изучения практик управления российскими университетами первой половины XIX века. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2011. 26 с.

Библиография

- Ильина К.А. Траектории научной аттестации в российских университетах 1830-х годов: опыт защиты И.А. Чивилева // *Диалог со временем*. Вып. 56. М., 2016. С. 169–187.
- История Ленинградского университета. 1819–1969: Очерки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1969. 663 с.
- История Тартуского университета. 1632–1982 / Под ред. проф. К. Сийливаска. Таллин: Периодика, 1982. 280 с.
- Кавелин К.Д. Устройство и управление немецких университетов // Кавелин К.Д. Собр. соч. Т. 3. СПб., 1899. С. 92–187.
- Казакова К.С. Социокультурный облик петербургских студентов первой половины XIX в. // *Санкт-Петербургский университет в XVIII–XX вв.: европейские традиции и российский контекст*. Материалы междунар. научной конф. 23–25 июня 2009 г. / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко, И.Л. Тихонов. СПб.: Из-во СПбГУ, 2009. С. 45–57.
- Казакова К.С. Быт русского студенчества первой половины XIX в. // *Человек в социокультурном пространстве: Европейский Север России*. Апатиты, 2005. С. 172–182.
- Казакова К.С. Повседневная жизнь русского студенчества 1800–1850-х гг. // *Ante annum: Сб. науч. работ студентов и аспирантов ист. ф-та*. Вып. IV. Петрозаводск, 2008. С. 39–55.
- Казакова К.С. Некоторые особенности учебного процесса в русских университетах первой половины XIX века // *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*. 2009. № 5 (98) февраль: *Общественные и гуманитарные науки*. С. 30–37.
- Казакова К.С. Студенчество Санкт-Петербургского университета в первой половине XIX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 2011.
- Казанский университет (1804–2004). Биобиблиографический словарь / Гл. ред. Г.Н. Вульфсон. Т. 1–3. Казань, 2002–2004.
- Кузнецова (Казакова) К.С. Из истории университетского быта: студенческие корпорации и землячества 1830–1840-х годов // *Ante annum: Сб. науч. работ студентов и аспирантов ист. ф-та*. Вып. II. Петрозаводск, 2004. С. 67–80.
- Калинина Е.А. Санкт-Петербургский университет первой половины XIX века в системе управления подведомственными училищами: административный, социальный, культурный аспекты // *Санкт-Петербургский университет в XVIII–XX вв.: европейские традиции и российский контекст*. Матер. междунар. научной конференции. 23–25 июня 2009 г. / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко, И.Л. Тихонов. СПб.: Из-во СПбГУ, 2009. С. 74–88.
- Камоско Л.В. Изменение сословного состава учащихся средней и высшей школы в России (30–80-е годы XIX в.) // *Вопросы истории*. 1970. № 10. С. 203–207.
- Кирсанова Р. Московский «Латинский квартал» // *Родина*. 1997. № 12. С. 51–54.

Библиография

- Консерватизм в России и мире / Редкол.: А.Ю. Минаков, С.Г. Аленов, М.Д. Долбилов и др. Ч. 1. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2004. 263 с.
- Косачевская Е.М. Михаил Андреевич Балугьянский и Петербургский университет первой четверти XIX в. Л.: Изд-во ЛГУ, 1971. 271 с.
- Косачевская Е.М. Декабристы и Петербургский университет // Петербургский университет и революционное движение в России. Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. С. 124–137.
- Костина Т.В. Воспитанники Санкт-Петербургского университета в Дерптском профессорском институте // Петербургские исследования. Вып. 3. СПб., 2012. С. 221–230.
- Костина Т.В. Мир университетского профессора Казани. 1804–1863. Дис. ... канд. ист. наук. Казань: Изд-во КГУ, 2007. 226 с.
- Костина Т.В. Карьера в университете, или сколько лет должно быть профессору? (На материалах Казанского университета 1804–1863 гг.) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М.: Издательство АКИ, 2007. Ч. 20. С. 262–269.
- Костина Т.В. Сословная идентичность профессоров Казанского университета XIX в. // «Быть русским по духу и европейцем по образованию»: Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII – начало XX в.: Сб. статей. Отв. сост. А.Ю. Андреев. М.: РОССПЭН, 2009. С. 128–138.
- Костина Т.В. К вопросу о численности и статусе первых академических студентов в Петербурге (1725–1732 гг.) // Вестник ПСТГУ. 2016. № 1 (68). С. 32–44.
- Костина Т.В. Подготовка элит Российской империи в учебных заведениях Академии наук (1726–1805) // Актуальное прошлое: взаимодействие и баланс интересов Академии наук и российского государства в XVIII — начале XX в. Очерки истории: в 2 кн. / Сост. и отв. ред. И. В. Тункина. СПб.: Реноме, 2016. Кн. I. С. 207–302.
- Костина Т.В. Ученики Академической гимназии 1751–1765 гг. // XVIII век. 2017. № 29. С. 270–326.
- Кузнецова Н.И. Социо-культурные проблемы формирования науки в России (XVIII – начало XIX в.). М.: Эдиториал УРСС, 1999. 176 с.
- Кулакова И.П. Московский и Санкт-Петербургский университеты: к спору о первородстве // Российские университеты в XVIII–XX вв. Сб. науч. статей: Вып. 5. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2000. С. 28–64.
- Кулакова И.П. У истоков высшей школы. Московский университет в XVIII в. // Отечественные записки. 2002. № 2. С. 135–158.
- Кулакова И.П. Московский университет в историко-культурной среде XVIII века. Дис. ... канд. ист. наук. М.: Изд-во МГУ, 2002. 278 с.
- Кулакова И.П. Университетское пространство и его обитатели: Московский университет в историко-культурной среде XVIII века. М.: Новый хронограф, 2006. 333, [9] с.

Библиография

- Кулакова И.П. Игровые формы и университетское образование в России второй половины XVIII в. // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2001. Вып. 6. С. 118–124
- Кулакова И.П. Мундир российского студента (по материалам XVIII века) // Теория моды: Одежда. Тело. Культура. 2008. № 9
- Кулакова И.П. Михаил Ломоносов: жизненные стратегии в контексте эпохи // Вестник Московского университета. Сер. 8 «История». 2011. № 4. С. 26–28.
- Левандовский А.А. Время Грановского: У истоков формирования русской интеллигенции. М.: Молодая гвардия, 1990. 304 с.
- Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М.: Мысль, 1971. 378 с.
- Литвак Б.Г. О закономерностях эволюции делопроизводственной документации в XVIII–XIX вв. (К постановке вопроса) // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин (Статьи и материалы). М.: Наука, 1984. С. 48–55.
- Мантров Ю.Н. Государственная политика России по управлению и развитию университетов в первой трети XIX века. Автореф. дис... канд. ист. наук. М.: Гос. ун-т управления, 2007. 25 с.
- Манчестер Лори. Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России. М.: НЛО, 2015. 440 с.
- Марголис Ю.Д. Студенты-поляки Петербургского университета 40–60-х годов XIX в. // Польские профессора и студенты в университетах России в конце XIX – начале XX века. Варшава: Изд-во «UN-O», 1995. С. 132–145.
- Марголис Ю.Д. Т.Г. Шевченко и Петербургский университет. Л., Изд-во ЛГУ, 1983, 152 с.
- Марголис Ю.Д. Петрашевцы – студенты Петербургского университета // Очерки по истории Санкт-Петербургского университета. Т. VII СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 1998. С. 99–123.
- Марголис Ю.Д., Тишкин Г.А. «Отечеству на пользу, а россиянам во славу»: Из истории университетского образования в Петербурге в XVII – начале XIX в. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. 232 с.
- Марголис Ю.Д., Тишкин Г.А. «Единым вдохновением»: Очерки истории университетского образования в Петербурге в конце XVIII – первой половины XIX в. СПб: Изд-во С.-Петербургского университета, 2000. 228 с.
- Марголис Ю.Д., Фельдман М.А., Тишкин Г.А. Грузинские студенты в Петербурге: 1824–1917 // Интернациональные традиции русской культуры. Сб. науч. тр. Л.: Ленингр. Гос. ин-т культуры, 1991. С. 61–68.
- Марголис Ю.Д. Студенческие переписи в России 1872–1912 гг. // Средневековая и новая Россия. Сб. науч. статей к 60-летию проф. И.Я. Фроянова. СПб., 1996. С. 656–669.

Библиография

- Марголис Ю.Д. Студенты-поляки Петербургского университета 40–60-х годов XIX в. // Польские профессора и студенты в университетах России в конце XIX – начале XX века. Варшава, 1995. С. 132–145.
- Марков А.Р. Что значит быть студентом? Работы 1995–2002 годов. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 264 с.
- Маурер Т. Новый подход к социальной истории университета: коллективная биография профессоров // Из истории русской интеллигенции. Сб.ст. к 100-летию со дня рождения В.Р. Лейкиной-Свирской. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 273–302.
- Маурер Т. «Барометры» или «маяки» общества? Избранные статьи по социальной истории русских и немецких университетов». М.: РОССПЭН, 2015.
- Маурер Т. Университет и (его) город: новая перспектива для исследования истории российских университетов // Университет и город в России (начало XX века) / Под редакцией Т. Маурер и А. Дмитриева. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 5–104.
- Мельгунов С.П. Из истории студенческих обществ в русских университетах. М., 1904. 71 с.
- Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 2. Ч. 2.: Искусство, школа, просвещение. М.: Издат. группа «Прогресс-культура», 1994. 496 с.
- Милюков П.Н. Русские университеты // Энциклопедический словарь Брокгауз-Ефрон. Т. 68. СПб., 1902. С. 788–800.
- Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – нач. XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. Т. 1. 546 с.
- Митюрев С.Н. «Раздолье Вакха и свободы...» (Буршество как тип поведения) // Школьный быт и фольклор. Сб. статей под ред. Митюрева С.Н. Ч. 1. Таллинн: Таллиннский пед. ин-т, 1992. С. 187–200.
- Михайленко В.В. «В библиотеке больше всего поляков...» // Многонациональный мир Петербургского университета / Отв. ред Н.Я. Олесич. СПб.: Культурный фонд «Знаменитые универсанты СПбГУ», СПб., 2010. С. 114–134.
- Нагуевский Д.И. Профессор Франц Ксаверий Броннер, его дневник и переписка. (1758–1850 гг.) Казань, 1902. ССLXXVIII + 504 с.
- Насонкина Л. И. Московский университет после восстания декабристов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. 343 с.
- Никольцева Г.Д., Шилов А.А. Из истории музыкальной жизни Петербургского университета // Очерки по истории Санкт-Петербургского университета. Т. IV. А.: Изд-во АГУ, 1982. С. 110–135.
- Никонов С.П. Университетские реформы в России // Вестник права: Журнал Юридического общества при С.-Петербургском университете 1901. № 9. С. 256–289.

Библиография

- Носалевич М.И. Материалы для истории студенчества Харьковского университета за сто лет (1806–1906 гг.) // Записки Харьковского университета. Отд. Летопись Харьковского университета. Харьков, 1908. Кн. 3–4.
- Новиков М.В. Перфилова Т.Б. Студенческие волнения накануне эпохи «Великих реформ» // Ярославский педагогический вестник. 2013. № 2. Т. 1 (Гуманитарные науки). С. 14–32.
- Обзор деятельности Дерптского университета. На память о 1802–1865 гг. Сост. по отчетам и донесениям, представленным попечителю Дерптского учебного округа. Дерпт, 1866. 172 с.
- Олесич Н.Я. Господин студент Императорского С.-Петербургского университета. СПб.: Бельведер, 2002. 208 с.
- Олесич Н.Я. Духовная жизнь студентов Императорского Санкт-Петербургского университета // Празднование 275-й годовщины основания Санкт-Петербургского университета. Документы и материалы / Науч. ред. А.А. Вербицкая, сост. Г.А. Тишкин. СПб., 2003. С. 357–377.
- Павлова Г.Е. Организация науки в России в первой половине XIX в. М.: Наука, 1990. 239 с.
- Паульсен Ф. Немецкие университеты и их историческое развитие. М., 1898. 131 с.
- Первое двадцатипятилетие СПб. университета. Историческая записка по определению университетского совета, читанная ректором университета Петром Плетневым на публичном торжественном акте 8 февраля 1844 г. СПб., 1844. 227 с.
- Петров Ф.А. Гутнов Д.А. Российские университеты // Очерки русской культуры XIX в. Вып. 3: Культурный потенциал общества. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2001. С. 124–199.
- Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России Т. 1: Российские университеты и Устав 1804 года. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2002. 416 с.
- Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России Т. 2: Становление системы университетского образования в России в первые десятилетия XIX века. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2002. 816 с.
- Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России Т. 3: Университетская профессура и подготовка Устава 1835 года. М.: Издательство: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2003. 480 с.
- Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России Т. 4. Российские университеты и люди 1840-х годов. Ч. 1: Профессура. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2003. 584 с.; Ч. 2: Студенчество. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. 464 с.
- Петухов Е.В. Юрьевский, бывший Дерптский, университет за сто лет его существования (1802–1902) Т. 1. Юрьев, 1902. 620 с.

Библіографія

- Плотникова Л.Н. Студенческие корпорации в Дерптском университете в первой половине XIX в. Философский век. Альманах. Вып. 29. История университетского образования в России и международные традиции просвещения. Том 2 / Отв. ред. Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2005. С. 44–56.
- Пономарева В.В. Хорошилова Л.Б. Университет для России. Т.3: Университетский Благородный пансион. М.: Новый хронограф, 2006. 432 с.
- Попов С.А. Мундир студентов и учащихся дореформенной России. М.: Фонд «Русские витязи», 2016. 114 с.
- Посохов И.С. Студенческие обструкции в университетах Российской империи (XIX – нач. XX вв.) // Актуальні проблеми вітчизняної та все-світньої історії. Збірник наукових праць. Харків, 2008. Вип. 11. С. 101–108.
- Посохов И.С. Университетский карцер // Universitates: Наука и просвещение. Харьков, 2009. № 1. С. 36–41.
- Посохов И.С. Релігійні цінності студентів (на матеріалах університетів Російської імперії XIX – початку XX ст.) // Наукові записки [Харківського педагогічного університету ім. Г.С. Сковороди]. Х., 2010. Вип. 37. С. 122–129.
- Посохов И.С. Студентська субкультура: становлення та еволюція (на матеріалах російських університетів XIX - поч. XX ст.). Дис. ... канд. ист. наук. Харків, 2010.
- Посохов С.И. Уставы российских университетов XIX века в оценках современников и потомков // Вопросы образования. 2006. №1. С. 370–381.
- Посохов С.И. Университет и город в Российской империи (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.) Харьковський нац. ун-т ім. В.Н. Каразіна. Харків : ХНУ, 2014
- Посохов С.И. Університет як тип інтелектуального співтовариства: міркування про «університетський дух» // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. К.: Інститут історії України НАН України, 2009. № 4. С. 125–137.
- Посохов С.И. Конфликты в Харьковском университете в начале XIX в. и их интерпретация в публицистике и историографии // Universitates. Университеты: наука и просвещение. 2008. № 4.
- Посохова Л.Ю. На перехресті культур, традицій, епох: православні колеґіуми України наприкінці XVII – на початку XIX ст. Харків, 2001.
- Посохова Л.Ю. Православные колеґіуми на пересечении культур, традиций, эпох (конец XVII – начало XIX в.) М.: РОССПЭН, 2016. 550 с.
- [Пфаф Г.] Статистические материалы для определения общественного положения лиц, получивших образование в Императорском Дерптском университете с 1802–1852 год. СПб., 1862. 21 с.
- Репина Л.П. Новая историческая наука и социальная история. М.: ИВИ РАН, 1998. 282 с.
- Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902. 787 с.

Библиография

- Рождественский С.В.* Очерки истории системы народного просвещения. СПб., 1912. 680 с.
- Рождественский С. В.* Сословный вопрос в русских университетах в первой половине XIX в. // ЖМНП. 1907. Ч. 9. Отд. 2. С. 3–28.
- Ростовцев Е.А.* Академическая корпорация Санкт-Петербургского университета в начале XX в.: отношение к власти и гражданскому обществу // «Быть русским по духу и европейцем по образованию»: Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII–начало XX в.: Сб. статей / Отв. сост. А.Ю. Андреев. М.: РОССПЭН, 2009. С. 139–156.
- Ростовцев Е.А.* Университет столичного города (1905–1917 годы) // Университет и город в России (начало XX века). / Ред. Т. Маурер и А. Дмитриева. М., 2009. С. 205–370.
- Ростовцев Е.А.* Российские мандарины. Столичная профессура, студенчество и власть в начале XX века // Родина. 2010. Спецвыпуск: Образование в России: вчера, сегодня, завтра. С. 47–52.
- Ростовцев Е.А.* Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.) М.: РОССПЭН, 2017. 903 с.
- Ростовцев Е.А.* Революционные коммеморации в Петербургском университете на рубеже XIX–XX вв. // Клио. Журнал для ученых. 2011. № 4 (54). С. 89–99.
- Ростовцев Е.А.* Столичный университет в фокусе министерской политики (1884–1890) // Клио. Журнал для ученых. 2013. №10 (82). С. 5–64.
- Ростовцев Е.А., Баринов Д.А.* Историко-филологический факультет Петербургского университета: проблемы коллективной биографии (1819–1917) // Клио. Журнал для ученых. 2013. №10 (82). С. 36–41.
- Рудаков В.Е.* Студенческие научные общества // ИВ. 1899. № 12. С. 1143–1156.
- Русские писатели. Биобиблиографический словарь. Ч.1. А–Л.* / Под ред. П.А. Николаева. М.: Просвещение, 1990. 429 с.
- Слотвинский В.* Польские студенты в Петербургском университете в 30–40-х гг. XIX в. // Петербургский университет и революционное движение в России. Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. С. 117–124.
- Смагина Г.И.* Российская Академия наук и российская школа (вторая половина XVIII в.) СПб., 2002. 165 с.
- Смагина Г.И.* Академик Г.Ф. Миллер и его «Проект Регламента Академического университета» (1748) // «Быть русским по духу и европейцем по образованию»: Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII – начала XX в./ Отв. сост. А.Ю. Андреев. М.: РОССПЭН, 2009. С. 52–70.
- Соловьев Д.Н.* Первое пятидесятилетие Петербургской гимназии. СПб.: Тип. 2-го отделения Е.И.В. канцелярии, 1880. 367 с.

Библиография

- Стаферова Е.Л. Образование и религия в 1860–1870 годах: взгляд из Министерства народного просвещения // Российская история. 2010. №6. С. 70–84.
- Столянский П.Н. К истории зданий С.-Петербургского университета // Материалы по истории Санкт-Петербургского университета. Т. 1. 1819–1835. Пг., 1919. С. СІХ – СXLVII.
- Сумцов Н.Ф. Столетие Юрьевского бывшего Дерптского университета. Харьков. 1903. 23 с.
- Сухомлинов М.И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. Т. 1: Материалы для истории образования в России в царствование императора Александра I. СПб., 1889. 671 с.
- Тамул В.Э. Профессорский институт и международные научные связи Тартуского университета в первой половине XIX в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тарту: Тарт. гос. ун-т, 1988. 16 с.
- Танклер Х.Л. Научно-педагогическая деятельность преподавателей Петербургского университета в первой половине XIX в. // Очерки по истории Ленинградского университета. Т. VI. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. С. 136–158.
- Тарасов Е.И. Русские «геттингенцы» первой четверти XIX в. и влияние их на развитие либерализма в России // Голос минувшего. 1914. № 7. С. 195–209.
- Тихонов И.Л. Студенческие корпорации Санкт-Петербургского университета в описании графа А.А. Бобринского // Клио. Журнал для ученых. 2017. № 10. С. 66–76
- Тихонов И.Л., Жуковская Т.Н. Как поступали в университет 200 лет назад // Санкт-Петербургский университет. № 11 (3778) 29 августа 2008. С. 23–27.
- Тишкин Г.А. Студенческое движение в Петербурге в конце 50–начале 60-х годов XIX в.. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1973. 15 с.
- Тишкин Г.А. Рукописные издания студентов университета в 1857–1858 годах // Очерки по истории Ленинградского университета. Т. III. Л.: Изд-во ЛГУ, 1976. С. 71–84.
- Тишкин Г.А. И.П. Шульгин и П.А. Плетнев (история Санкт-Петербургского университета освещении его ректоров) // Очерки по истории Санкт-Петербургского университета. Т. VII. СПб.: Изд-во С.-Петерб. университета, 1998. С. 75–98.
- Толстой Д.А. Академический университет в XVIII столетии, по рукописным документам архива Академии наук. СПб., 1885. 67 с.
- Трохимовский А.Ю. Заграничные командировки ученых Московского университета в 1856–1881 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ, 2007. 26 с.
- Уваров П.Ю. Университеты и идея европейской общности // Европейский альманах. История. Традиции. Культура. М.: Наука, 1993. С. 115–123.
- Уваров П.Ю. История интеллектуалов и интеллектуального труда в Средневековой Европе (спецкурс). М.: ИВИ РАН, 2000. 98 с.
- Уваров П.Ю. Университеты Российской империи глазами медиевиста (в защиту «идола истоков») // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 7. М.: Едиториал УРСС, 2001. С. 207–223.

Библиография

- Универсанты в мире музыки. Проект культурного фонда «Знаменитые универсанты СПбГУ», 2009.
- Университет для России. Т. 2: Московский университет в александровскую эпоху. М.: Русское слово, 2001. 366 с.
- Университетская идея в Российской империи XVIII – начала XX веков: антология : учебное пособие для вузов / Сост.: А.Ю. Андреев, С.И. Посохов. М. : РОССПЭН, 2011.
- Федосов И.А. Революционное движение в России во второй четверти XIX в. (Революционные организации и кружки). М.: Соцэкгиз, 1958. 414 с.
- Фельдман М.А. Новое о студенте Соломоне Ивановиче Додашвили // Очерки по истории Ленинградского университета. Т. VI. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. С. 163–167.
- Феофанов А.М. Студенчество Московского университета XVIII – первой четверти XIX в. М.: Изд-во МГУ, 2011. 254 с.
- Харатишвили Г.С. Кавказоведение в Санкт-Петербургском университете и его преподаватели (Часть 1) // Вестник СПбГУ. Сер. 13. 2014. Вып. 3. С. 35–47.
- Хорошилова Л.Б., Пономарева В.В. Воспитание в Московском университете в первой четверти XIX в. // Педагогика. 2000. № 10. С. 76–80.
- Чебыкина Н.В. Быт студенчества С.-Петербургского университета в дореформенный период // Очерки по истории С.-Петербургского университета. Т. VIII. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. С. 105–119.
- Шилов Л.А. Из истории юридического факультета Петербургского университета (1819–1917) // Вестник Ленинградского университета. Экономика, философия, право. 1969. № 5. Вып. 1. С. 107–120.
- Шевченко М.М. Император Николай I и ведомство народного просвещения // Философский век. Альманах. Вып. 6: Россия в николаевское время: наука, политика, просвещение / Отв. ред. М.Ф. Хартанович, М.И. Микешин. СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 1998. С. 100–116.
- Шепелев Л.Е. Чиновный мир России: XVIII – начало XX в. СПб.: Искусство-СПб., 1999. 477, [22] с.
- Шильдер Н.К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. 2. СПб., 1897.
- Шубин В.Ф. Вечера Плетнева в Ректорском флигеле // Очерки по истории Санкт-Петербургского университета. Т.V. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. С. 86–93.
- Шульгин В.Я. История Университета св. Владимира. СПб., 1860. 230 с.
- Эймонтова Р.Г. Русские университеты на грани двух эпох: от России крепостной к России капиталистической. М.: Наука, 1985. 346 с.
- Эймонтова Р.Г. Русские университеты на путях реформы: шестидесятые годы XIX века. М.: Наука, 1993. 272 с.
- Юркина Н.Н. Повседневная жизнь московского студенчества 1830–1890-е гг. Дис... канд. ист. наук. М.: МГПУ, 2006. 283 с.
- 275 лет. Санкт-Петербургский государственный университет: Летопись

Библиография

1724–1999: Юбилейное издание / Г. Л. Соболев, И. Л. Тихонов, Г. А. Тишкин; Под ред. Л. А. Вербицкой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. 422 с.

Bourdieu P. Homo academicus. Transl. by Peter Collier. Stanford: Stanford University Press, 1988. XXVI, 345 p.

Bazylow, L.: Polacy w Petersburgu, Wrocław-Warszawa-Kraków, 1984.

Flynn J.T. The university reform of Tsar Alexander I, 1802–1835 / J.T.Flynn. Washington, 1988. 284 p.

Friedman R. Masculinity, Autocracy and the Russian University. 1804-1863. L., 2005. 195 p.

Humboldt International. Der Export des deutschen Universitätsmodells im 19 und 20. Jahrhundert / Hrsg. Von R.C. Schwinges. Basel, 2001. 503 S.

Geschichte der Universität in Europa (hrsg. Von W. Rüegg) Bd.3 Vol. 19. Jahrhundert zum Zweiten Weltkrieg (1800–1945). München, 2004. 607 s.

Kassow S.D. Students, Professors and the State in Tsarist Russia. Berkeley; Los Angeles; L., 1989. 438 p.

Kijas A. Polacy w Rosji od XVII wieku do 1917 roku. Słownik biograficzny. Warszawa-Poznań. 2000

Łukawski, Z. Ludność polska w Rosji: 1863–1914. Wrocław-Warszawa-Kraków, 1978.

Mühlpfordt G. Russlands Aufklärer und die Mitteldeutsche Aufklärung: Begegnungen, Zusammenwirken, Partnerschaft // Deutsch-russische Beziehungen im 18. Jahrhundert. Kultur, Wissenschaft und Diplomatie / Hrsg. von C. Grau, S. Karp, J. Voss. Wiesbaden, 1997. S. 83–166.

Nowiński, F. Polacy na Uniwersytecie Petersburskim w latach 1832–1884, Warszawa-Wrocław-Kraków, 1986. 253 с.

Rostovtsev E.A. The Poles In The Academic Corporation of Saint-Petersburg Imperial University // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2014. №2. С. 194–204.

Śliwowska, Wiktoria. Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim w pierwszej połowie XIX wieku. Warszawa: DiG, 1998. 835 с.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Архив СПб. ИИ РАН	Архив Санкт-Петербургского института истории РАН
ВЕ	Вестник Европы
ЖМНП	Журнал Министерства народного просвещения
ИВ	Исторический вестник
МНП	Министерство народного просвещения
ОР РНБ	Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
ПФА РАН	Петербургский филиал архива Российской Академии наук
РА	Русский архив
РГИА	Российский государственный исторический архив
РО ИРЛИ	Рукописный отдел Института русской литературы РАН (Пушкинский дом)
РВ	Русский вестник
РС	Русская старина
СЕИВК	Собственная Его Императорского Величества канцелярия
ЦГИА СПб.	Центральный государственный исторический архив г. Санкт-Петербурга

ПРИЛОЖЕНИЯ

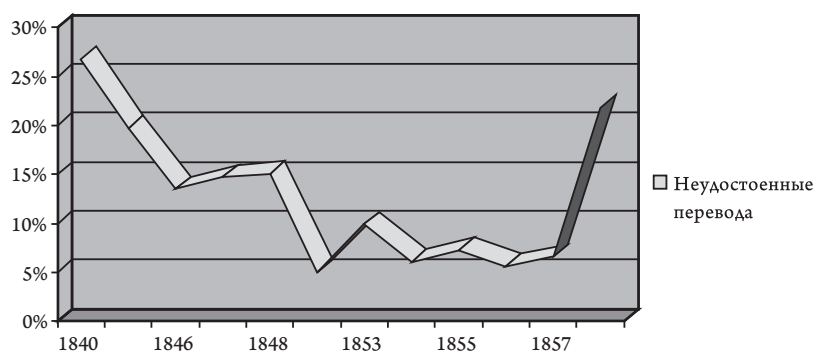
Таблица № 1

Сведения о поведении студентов Санкт-Петербургского университета за 1837–1852 гг.

1837	Отличное – 239 Очень хорошее – 81 Хорошее – 13
1839	Отличное – 26 Очень хорошее – 35 Хорошее – 157 Удовлетворительное – 118 Посредственное – 3
1843	Отличное – 59 Хорошее – 175 Добропорядочное – 225
1852	Отличное – 11 Очень хорошее – 138 Хорошее – 202 Довольно хорошее – 7

Таблица № 2

Число студентов, не удостоенных перевода в высшие курсы

Приложения

Таблица № 3

Число студентов по факультетам, не удостоенных перевода
в высшие курсы

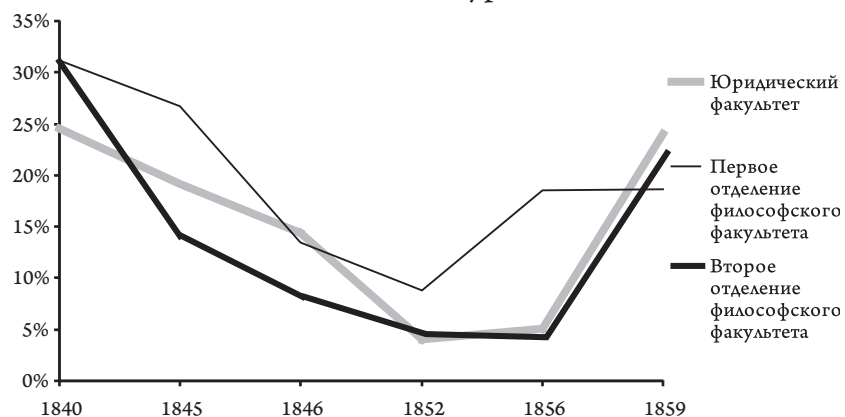
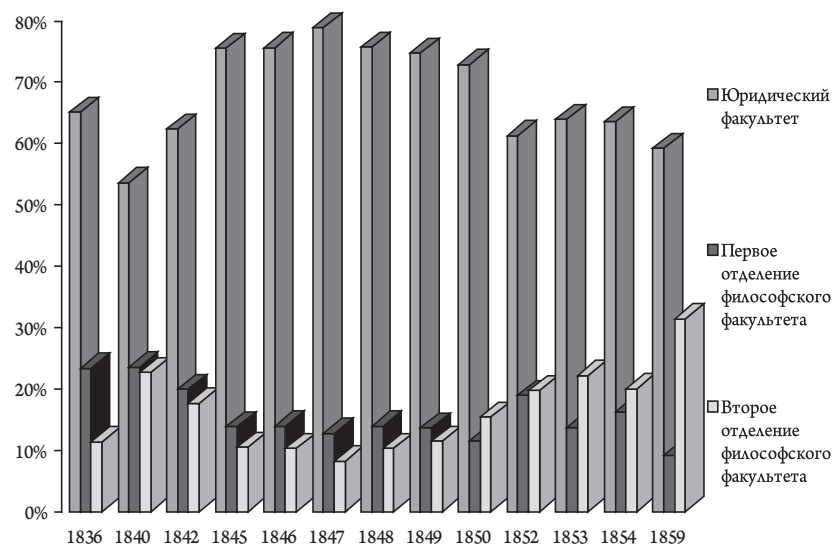

Таблица № 4

Распределение студентов Санкт-Петербургского
университета по факультетам и отделениям *

* Составлено по данным университетских отчетов за 1836–1859 гг.

Приложения

Таблица № 5

«Росписание, где именно отправленным в чужие край студентам Педагогического института в продолжение трехлетнего путешествия их надлежит находиться, и за какое время поныне выдано им содержание»¹⁰⁹⁴

Имена студентов	Где назначено им находиться			За какое время им выдано содержание	
	В первый год	Во второй год	В третий год	За 1-й год	За 2-й год
Бутырский для словесности вообще и в частности, для эстетики	В Геттингене		В Париже, Вене, и др. городах Франции, Германии и Англии	За первый год получили полное содержание	За одну треть вперед, считая, с 1 июня сего 1809 г.
Куницын для дипломатики	В Геттингене	В Гейдельберге	Во Франции и Англии		Тож
Плисов для экономии политической и коммерции	Тож	Тож	Тож		Тож
Галич для философии	В Гельмштетте	= // =	В Геттингене	= // =	= // =
Кайданов для истории, географии и статистики	В Геттингене	= // =	= // =	= // =	= // =
Подзорский для технологии и сельского домоводства	В Геттингене	В Берлине	В Англии и России	= // =	= // =
Карцов для физики и прикладной математики	В Иене	В Галле	В Париже	= // =	За две трети вперед
Чижов для чистой математики	В Гельмштетте, Геттингене, Галле и Париже			= // =	За одну треть вперед
Ржевский для зоологии	2 года, в чужих краях и больше в Париже		3-й путешествовать по России	= // =	За две трети вперед
Кастальский для ботаники и минералогии	В Геттингене	В Берлине и Регенсбурге	В Париже и Англии	= // =	За одну треть вперед
Воронковский для практической астрономии	В Геттингене	= // =	В разных городах Германии, Милане, Париже и Англии	= // =	За одну треть вперед
Соловьев для химии	В Берлине	В Париже	В Англии	= // =	За одну треть вперед

¹⁰⁹⁴ Инструкция «Об отправлении студентов Педагогического института в чужие край». Датирована 1 сентября 1807 г. // ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 231. Л. 1–1 об. Написание подлинника сохранено.

Приложения

Таблица № 6
Студенческий состав Санкт-Петербургского университета
по видам оплаты за обучение ¹⁰⁹⁵

Год	На своем коште (из них получают пособие)	На казенном коште	Пансионеры и стипендиаты	Итого
1819	14	78	В отчетах не указывалось	92
1820	13	67		80
1824	42	10		52
1825	38	10		48
1826	56	10		66
1827	71	22		93
1828	82	24	14	120
1829	92	38	10	140
1830	126	34	15	175
1831	147	37	6	190
1833/34	176	44	10	230
1835	156	38	6	200
1836	231	22	16	269
1837	280	22	30	338
1838	247	20	42	309
1839	272	13	46	331
1840	234	18	74	326
1841	274	20	79	353
1842	309	24	68	401
1843	374	20	64	458
1844	437	20	62	519
1845	463	20	61	744
1846	518 (22)	16	66	600
1847	563 (23)	5	60	628
1848	584 (12)	4	62	650
1849	432 (12)	20	51	503
1850	316 (20)	10	61	387
1851	320 (25)	8	41	369
1852	298 (25)	6	54	358
1853	326 (26)	2	54	382
1854	325 (25)	-	49	374
1855	315 (25)	-	84	375
1856	381 (26)	-	82	523
1857 ¹⁰⁹⁵	631	-	85	716
1859	865	-	161	1026

¹⁰⁹⁵ Таблицы № 6–10 составлены по данным отчетов университета: См. РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 315; Ф. 733. Оп. 21. Д. 147; Ф. 733. Оп. 22. Д. 1; Ф. 733. Оп. 95 Д. 91, 87, 96, 100, 103, 109, 110, 114, 118, 120, 124, 128, 135, 136, 140, 147, 151, 152, 154, 156, 159, 162, 165, 172.

¹⁰⁹⁵ В течение 1857 г. соотношение меняется: 624 своекоштных и 92 пансионер / стипендиат, т. е. семь своекоштных студентов переведены в разряд стипендиатов.

Таблица № 7
Состав студентов Санкт-Петербургского университета по сословному происхождению

Год	1833-1834	1835	1836	1837	1838	1839	1840	1841	1842	1843	1844	1845	1846	1847	1848	1849	1850	1851	1852	1853	1854	1855	1856	1857	1859
Дворяне	117	120	154	192	186	190	186	185	287	313	362	314	323	368	378	287	224	229	229	216	237	225	227	402	585
Обер-офиц. дети	30	34	36	45	31	42	59	57				49	72	47	51	49	35	36	27	32	44	12	49	147	196
Штаб-офиц. дети	17	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	28	25	23	14	17	19	16	21	75	38	-	28
Духовенство	8	6	14	19	17	11	13	13	15	18	21	21	24	18	14	16	15	14	7	10	8	22	17	45	96
Разночинцы	15	10	8	7	12	12	9	37	36	48	38	13	18	49	64	32	49	23	35	72	25	9	73	-	39
Мещане	8	-	9	23	16	21	24	16	27	28	35	51	43	38	32	30	17	14	12	11	5	19	17	32	47
Купцы	20	27	32	40	34	45	28	21	36	52	46	52	83	53	54	42	33	36	29	25	39	26	42	52	14
Почетные граждане	5	-	7	-	-	-	-	1	-	-	-	4	4	7	5	3	-	-	-	-	-	-	-	13	-
Воспит. дом	-	-	-	-	-	-	-	15	-	-	-	6	6	10	-	4	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Крестьяне	4	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	4	18	4	2	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Иностранцы	4	-	6	5	13	11	7	8	-	-	17	24	27	27	20	16	-	-	-	-	-	10	-	27	21
Итого	228	200	266	331	309	332	326	353	401	459	519	538	618	649	645	503	387	369	358	382	379	398	463	718	1026

Приложения

Таблица № 8
Студенческий состав Санкт-Петербургского университета
по вероисповеданию

Год	1835	1836	1837	1838	1839	1840	1841	1842	1843	1844	1845	1846	1847
Греко- русского	125	178	220	212	209	204	201	207	240	267	284	317	354
Римско- католического	41	47	59	56	79	76	80	116	131	148	160	162	196
Лютеранского	34	42	52	39	41	40	69	75	82	91	86	87	92
Реформатского	-	2	2	2	2	3	3	2	5	7	3	9	-
Армянно- грегорианского	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	3	7	3
Евреи	-	-	-	-	-	-	-	1	1	3	2	5	2
Магометане	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1	1	1
Итого	200	269	333	309	331	323	353	401	459	519	539	588	648

Год	1848	1849	1850	1851	1852	1853	1854	1855	1856	1857	1859
Греко-русского	386	312	241	224	224	237	242	258	289	375	Сведения отсутствуют
Рим-католического	163	111	80	75	66	81	72	76	108	228	
Лютеране	95	72	59	59	59	57	54	55	54	95	
Англикане	1	1	2	2	3	2	7	-	-	3	
Евангел.	1	3	2	3	4	5	-	3	7	-	
Армянно- грегорианского	1	1	-	1	1	1	2	3	3	4	
Евреи	3	3	3	5	1	-	2	2	2	11	
Магометане	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	
Итого	650	503	387	369	358	383	379	398	463	716	

Таблица № 9
Студенческий состав Санкт-Петербургского университета по предварительному образованию

Год	1833/34	1835	1836	1837	1838	1839	1840	1841	1842	1843	1844	1845	1846	1847	1848	1849	1850	1851	1852	1853	1854	1855	1856	1857	1859
Другие университеты	8	5	5	14	22	44	30	22	31	24	25	27	39	44	40	38	32	11	11	-	9	34	23	-	162
Академии (Военно-мед. и Духовная)	1	-	1	1	4	5	4	2	2	5	8	6	13	15	17	15	13	5	2	3	-	-	22	-	36
Лицеи	1	5	6	5	6	2	4	4	1	1	2	4	7	6	8	6	6	6	3	2	-	12	9	-	25
Семинарии	5	-	6	7	7	6	-	3	9	5	5	6	9	7	4	3	2	-	-	4	3	32	19	42	16
Институты	4	-	-	-	-	-	-	-	11	3	13	17	23	24	25	23	18	17	13	9	8	10	26	8	57
Гимназии	113	95	133	162	162	164	176	215	236	262	292	312	311	339	384	232	201	253	233	244	291	218	143	317	287
Училище	21	24	16	13	1	2	8	5	21	16	31	19	23	13	18	13	10	24	15	12	12	26	24	12	27
Военно-учебные заведения	2	8	9	6	6	2	6	1	-	1	-	4	6	3	2	2	1	1	-	-	-	-	-	-	-
Воспитательные дома	2	3	1	4	4	9	16	15	6	16	12	9	17	16	8	6	6	-	-	-	-	-	-	-	-
Варшав. юрид. курсы или Варш. Благород. пансион	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	7	9	13	8	7	5	3	4	8	16	11	11	10
Дома родителей или частные учебные заведения*	58+15	49+11	78+14	104+17	97	76+20	75	76+2	77	117	131	128	135	167	154	158	93	50	72	57	47	41	186	237	406

* В университетских отчетах за 1834–1841 гг. число воспитанников, получивших домашнее образование, и число воспитанников частных пансионов указывалось отдельно, в университетском отчете за 1842 г. и в последующие годы эти данные объединяются.

Таблица № 10
Численность студентов, выбывших из университета до окончания курса

Год	1834	1836	1837	1838	1839	1840	1841	1842	1843	1844	1845	1846	1847	1848	1849	1850	1851	1852	1853	1854	1855	1856	1857	1859
По собств. желанию	16	7	27	44	31	32	60	3	34	33	40	43	39	33	48	14	29	14	22	34	26	19	37	77
Малоуспеш. в науках	-	-	-	-	-	-	-	6	14	11	22	13	10	16	1	5	3	3	5	5	3	3	7	34
Невознос платы	-	-	-	-	-	-	-	3	12	11	14	14	5	28	1	-	-	1	1	-	-	-	-	25
Неявка из отпуска	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	1	4	13	1	6	-	-	2	4	1	-	-	-
По распоряж. начальства	-	10	2	1	1	1	3	3	2	3	2	3	-	-	4	-	-	-	-	-	1	-	-	-
Умерло	-	-	-	2	-	1	3	-	5	3	2	5	4	5	2	5	-	1	1	1	2	2	3	6
Итого	16	17	29	47	32	34	66	15	67	61	82	79	62	95	57	30	32	19	31	44	33	24	47	142

Таблица № 11
Стипендии для студентов Петербургского университета в 1819-1861 гг.

Наименование стипендии	Число стипендий; сумма	Когда учреждены	Стипендии МНП			На каких условиях	Обязанности стипендиатов
			Назначение зависит от	Наиболее способные кандидаты в педагогических курсах	Прослужить по учебному ведомству по назначению начальства 3 года за каждый год стипендиатства		
Стипендия в педагогических курсах Санкт-Петербургского университета	Двадцать по 350 руб.	20 марта 1860 г.	полечительского Совета	Ученики из гимназий Виленского учебного округа	Прослужить по учебному ведомству по назначению начальства 3 года за каждый год стипендиатства	На каких условиях	Обязанности стипендиатов
Стипендия Виленского учебного округа	Шесть по 142 руб 85 коп.	Высочайшим повелением 2 октября 1838г и министерским распоряжением, май 1850 г.	Начальство Виленского учебного округа	Ученики из гимназий Виленского учебного округа	Прослужить по распоряжению правительства 6 лет во внутренних русских губерниях	Ученики из гимназий Виленского учебного округа	Прослужить по распоряжению правительства 6 лет во внутренних русских губерниях
Стипендия Санкт-Петербургского учебного округа (для губерний Витебской и Могилевской)	Две по 142 руб 85 коп.	-	Почетитель Санкт-Петербургского учебного округа	Лучшие ученики из окончивших курс наук в Витебской и Могилевской губерниях	Прослужить в учительском звании в местных губерниях не менее 6 лет	Лучшие ученики из окончивших курс наук в Витебской и Могилевской губерниях	Прослужить в учительском звании в местных губерниях не менее 6 лет
Стипендия МНП для факультета восточных языков	Одиннадцать по 300 руб.	По штату 1854 г.	Министр народного просвещения	Из лучших студентов факультета восточных языков, выдержавших экзамен за первый курс	Прослужить по назначению министра 6 лет	Из лучших студентов факультета восточных языков, выдержавших экзамен за первый курс	Прослужить по назначению министра 6 лет
Стипендия Новороссийского края по факультету восточных языков	Восемь по 300 руб.	По штату 1854 г.	Министр народного просвещения	В штате не определено	Прослужить 6 лет по распоряжению начальства Новороссийского края	В штате не определено	Прослужить 6 лет по распоряжению начальства Новороссийского края
Стипендии дирекции училищ Бессарабской области в Санкт-Петербургском университете	Четыре по 250 руб.	По положению о благородном пансионе при Кишиневской гимназии от 29 августа 1846 г.	Начальство Одесского учебного округа по сношению с местным генерал-губернатором	Из отличнейших воспитанников Благородного пансиона при Кишиневской гимназии	Прослужить в Бессарабской области или Новороссийской губернии не менее 6 лет	Из отличнейших воспитанников Благородного пансиона при Кишиневской гимназии	Прослужить в Бессарабской области или Новороссийской губернии не менее 6 лет

Продолжение таблицы № 11

Стипендии Особ Императорской фамилии						
Государя Императора	Три по 212 руб. 85 коп.	По высочайшему повелению, объявленному генерал-адъютантом графом Адлербергом 8 дек. 1846 г.	Государь	Университету неизвестно	Обязанностей не возлагаются	
Кабинета Его Величества	Две по 250 руб.	-	Государь	Детям беднейших чиновников, служащих по ведомству Кабинета его Величества	Обязанностей не возлагаются	
Государя наследника цесаревича	Одна по 150 руб.	Учреждена Государем Наследником Цесаревичем	Наследник Цесаревич	Университету условия не известны	-	
Стипендии, учрежденные посторонними ведомствами и от них зависящие						
Стипендии Царства Польского в Санкт-Петербургском университете	Две по 250 руб.	По положению 11.08.1845 г.	Наместник Царства Польского	Лучшим из воспитанников гимназий Царства Польского по испытанию, выдержанному в особой комиссии в Варшаве	Прослужить в Царстве Польском: по юридической части не менее 10 лет, по педагогической – 6 лет	
Министерства иностранных дел по Восточному факультету Санкт-Петербургского университета	Десять по 300 руб.	По штату факультета восточных языков от 22 окт. 1854 г.	министр иностранных дел	-	-	
Стипендии Гатчинского Николаевского сиротского института	Шесть по 242 руб.	Учреждена Санкт-Петербургским опекунским советом	Санкт-Петербургский опекунский совет	Из воспитанников Гатчинского сиротского института	Сведений не имеется	
Черниговского приказа общественного призрения	Одна по 242 руб.	Учреждена помещицом Пашкевичем	Черниговский приказ общественного призрения		Сведений не имеется	
Тамбовского приказа общественного призрения	Одна по 285 руб. 71 коп.	По высочайшему повелению 19 мая 1859 г.	-	-	-	
Вилenskого Евангелическо-реформаторского Синода	Две по 200 руб.	По высочайшему повелению 18 января 1838 г.	Виленьский Синод	Университету неизвестно	Прослужить в Случской гимназии учителем	

Приложения

Продолжение таблицы № 11

Стипендии, учрежденные частными лицами					
Стипендия И.А. Крылова	Три по 800 руб.	С высочайшего соизволения по случаю юбилея И.А.Крылова 10.03.1839 г.	И.А. Крылов, а после его смерти министр народного просвещения	Воспитанники Ларинской, 2-й и 3-й С.-Петербургских гимназий, двое из которых должны были быть детьми чиновников министерства финансов	Обязанностей не возлагается
Стипендия Князя Юсупова	Две по 200 руб.	По высочайшему повелению 12 апреля 1850 г.	Совет Санкт-Петербургского университета	Истинно бедным студентам, преимущественно из воспитанников Санкт-Петербургских гимназий, оказавшим лучшие успехи на вступительном экзамене и имеющим в русской словесности и истории полные баллы	Обязанностей не возлагается
Стипендия Мусина-Пушкина	Одна по 100 руб.	С высочайшего соизволения, последовавшего 14 марта 1852 г., учреждена бывшими студентами Санкт-Петербургского университета	Совет Санкт-Петербургского университета	Одному из наименее студентов, отличнейших по поведению и успехам в науках и находящихся в университете не менее одного года	Обязанностей не возлагается
Стипендия студента Александра Еврейнова	Одна по 300 руб.	По высочайшему повелению 10 мая 1855 г. д.с.с. Еврейновым	Юридический факультет Санкт-Петербургского университета под председательством ректора	Отличнейшему по поведению и успехам в науках студенту, удостоенному перевода в 3-й курс и в особенностях оказавшему любовь, прилежание и успехи в изучении технологии, полит. экономии и статистики	Обязанностей не возлагается

Окончание таблицы № 11

Стипендия Александра Пушкина	Одна по 300 руб.	По высочайшему повелению 28 окт. 1861 г. бывшим воспитанником императорского Александровского лицея	Историко-филологический факультет	Отличнейшему по успехам и способностям окончившему студенту, первые курсы историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета	
Временные стипендии частных лиц					
Генерал-майора Игнатьева (учреждена Кяхтинским купечеством на 15 лет)	525 руб.	По утвержденному 4 апр. 1861 г. положению Сибирского комитета	Генерал-майор Николай Игнатьев	Из наиболее способных воспитанников Иркутской гимназии для выслушивания в университете курса наук по Китайско-Манчжурскому разряду	Прослужить не менее 4-х лет по назначению правительства в местах, установленных для сношения с Монголией и Китаем.
Графа Муравьева-Амурского (учреждена Кяхтинским купечеством на 15 лет)	525 руб.	По утвержденному 3 окт. 1860 г. положению Сибирского комитета	Генерал-адъютант граф Муравьев-Амурский и Иркутская гимназия	Из наиболее способных воспитанников Иркутской гимназии	Прослужить не менее 4-х лет по назначению правительства на Амуре или в местах, установленных для сношения с Манчжурией и Китаем.

Приложения

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- А**
 Абрамов Илья – студент 107
 Абашев Алексей – студент 125, 359, 364
 Аверкин – студент 370
 Аврус А.И. – 22, 304, 324, 329, 498
 Агиландер Н.А. – студент 355
 Агнивцев Николай – студент, поэт 350, 501
 Аксаков К.С. – студент, мемуарист 222, 293, 494
 Аксаков С.Т. – студент, мемуарист 314, 494
 Александров – студент 190, 421
 Аленов С.Г. – 507
 Ананьич Б.В. – 13
 Анк Болеслав – студент 262, 263
 Анненков П.В. – литер. критик, мемуарист 329
 Антошевич Эдвард – студент 262
 Андреев А.Ю. – 11, 22, 26, 29–30, 159, 169, 170–171, 283, 408, 498, 500, 508, 513, 515
 Андреева Т.В. – 441, 498
 Александр I – 8, 15, 36, 92, 109, 111, 190, 226, 326–327, 388–389, 403, 421, 426, 428, 439, 441, 445, 483, 494, 502, 504, 515
 Александр II – 36, 120, 132, 198, 264, 311, 434, 464–465, 475, 494
 Александров Д.А. – 308, 498
 Алексеев – студент 370
 Альфонский А.А. – ректор 353
 Аристов В.В. – 202, 361, 498
 Армфельт А.Г. – статс-секретарь Великого княжества Финляндского 213
 Арсеньев К.И. – студент, адъюнкт-профессор 54, 195, 219, 402, 438, 440, 442
 Артемьев А.И. – студент, мемуарист 55, 293–294
 Артемьева Т.В. – 498, 499, 502
 Аурова Н.Н. – 292, 498
 Афанасьев А.Н. – студент, мемуарист 355, 495
 Ахадова М.А. – 436, 501
 Ахшарумов Д.Д. – студент 309, 467
 Ашевский С. – студент 315, 499
- Б**
 Бадмаев Ампил – студент 187
 Базилев Филарет – студент 363
 Базылев Л. – 236, 238, 499, 515
 Балугьянский М.А. – профессор 18, 86, 219, 229, 389, 438, 442, 507
 Балин Н.П. – студент, мемуарист 467
 Барановский Н.И. – студент 467
 Баринов Д.А. – 31, 499, 513
 Барклай-де-Толли М.Б. – 72, 420
 Бартницка Калина – 237, 252, 410, 499
 Бартошевич Юлиан – студент 237, 266–267
 Баршев Я.И. – профессор 413
 Барятинский – князь, студент 456
 Бах Генрих – студент 127
 Бахрушин С.В. – 475
 Безобразов Николай – студент 331, 415
 Бекетов А.Н. – профессор 215, 425, 495
 Беликов Петр – студент 379–380
 Белинский В.Г. – 296, 355, 459
 Белов И.Д. – студент, мемуарист 59, 298–303, 305, 308, 495
 Белоголовый И.А. – студент, мемуарист 117, 353, 431, 495
 Бенкендорф А.Х. – начальник III отделения и корпуса жандармов 127, 276, 360, 457–458

Указатель имен

- Берви В.Ф. – профессор 279
 Березовский Александр – студент 264
Берков П.Н. – 314, 499
 Беркович Леопольд – студент 241
 Беркевич Леонард – студент 241
 Бернацкий Юзеф – студент 262, 263
 Бестужев-Рюмин К.Н. – студент, мемуарист 495
 Бибииков Дмитрий – студент 124, 420
 Бибииков Д.Г. – киевский ген.-губернатор и попечитель уч. округа 446
 Благовещенский Алексей – студент, кандидат правоведения 412
 Благовещенский Н.М. – профессор 296
 Блахин Владимир – студент 125, 359, 364
 Блудов Андрей – студент 221, 456
 Блудов Вадим – студент 221, 456
 Блудов Д.Н. – министр внутренних дел 314
 Боборыкин П.Д. – студент, мемуарист 79–80, 277, 306, 357–358, 360, 362, 368, 443
 Бобринский Алексей – студент 58, 221, 301, 514
 Бобринский Владимир – студент 58, 221
 Бобровский Тадеуш – студент, мемуарист 59, 237–238, 247, 249, 252, 255, 256, 258–259, 332, 350, 495
 Богданов – студент 92–93
 Богородский Савва – кандидат правоведения 412–413
 Боде Йоганн – профессор Берлинского университета 395
 Бойков – инспектор 128
Бокова В.М. – 297, 499
 Больцани И.А. – профессор Казанского университета 279
 Борисоглебский Андрей – студент 426
 Боровков А.Д. – студент, мемуарист 495
Бороздин А.К. – 70, 499
 Бороздин К.М. – попечитель 43, 60, 61, 285, 335, 410
 Боткин С.П. – 431
 Брадке Е.Ф. фон – попечитель 94, 332, 452
 Брам Г. – 126–127
 Бройкевич – студент 74
 Броннер Ф.-К. – профессор Казанского университета 86, 363, 510
 Брут А.И. – профессор 91, 352
 Брюзгалов Иван – служащий университета 430
 Будберг Андрей – студент 221, 230
 Будзинский С.М. – преподаватель 257
Будылин Д.Ю. – 271, 499
Булгакова Л.А. – 19, 43, 60, 105, 141, 146, 176, 198, 200, 207, 212, 224, 232, 499
 Булгарин Ф.В. – 197
Булич Н.Н. – 87, 158, 500
Бурдьё П. – 34, 35, 500, 515
 Буслаев Ф.И. – студент 152, 495
 Буссе Ф.И. – студент, педагог 403–404, 408
 Буташевич-Петрашевский М.В. – 41, 309, 466–467
 Бутлеров А.М. – профессор 79
 Бутович – студент 417
 Бутурлин Д.П. – председатель Комитета по надзору за книгопечатанием 469
 Бутырский Н.И. – магистр, профессор 391–392, 401
 Буховецкий Степан – студент 449–450
- В**
 Валицкий – студент 251
 Варадинов – студент 104, 496
 Василевский Д. – студент 169

Указатель имен

- Васильчиков А.И. – князь, студент 121, 221, 456
 Вахромеева О.Б. – 13
 Введенский Семен – студент 107
 Ведров В.М. – профессор 279
 Вейнберг Петр – студент 446
 Венедиктов А.С. – профессор Харьковского университета
 Венцковский Ф.А. – студент 312
 Вербицкая Л.А. – 21, 511, 513
 Вердеревский П. – студент 81, 119, 124–125, 204, 420
 Веселовский – студент 93
 Вериго Эдмунд – студент 261–262
 Вилбут – студент 263
 Виртишафтер Э. – 216, 500
 Вистенгоф П.Ф. – студент, мемуарист 495
 Вишленкова Е.А. – 9, 13, 26, 84, 94, 117, 145, 154, 181, 203, 272–273, 283, 287, 289, 293, 337, 347, 356–357, 363, 366, 370, 500–501, 506
 Вишневский В.К. – профессор 243
 Вишневский Николай – студент 137
 Виттекер Ц. – 32, 94, 149, 151, 279, 500
 Волков М.Г. – студент, магистр 91, 186
 Волков Самсон – студент 107
 Волконский Г.П. – попечитель 60, 461
 Вольф М. – книготорговец 256
 Воробьев В.А. – 501
 Воронковский Н.К. – студент, магистр 392, 394–399, 401
 Воронов А.С. – 16, 50, 51, 160, 221, 222, 230, 247, 413, 425, 501
 Воскресенский А.А. – профессор, ректор 265
 Вульфсон Г.Н. – 436, 507
 Вызинский Генрих – студент 267
 Выскочков Л.В. – 350, 501
- Г**
 Ганелин Р.Ш. – 13
 Галаган Г.Н. – студент 55, 495
 Галахов А.Д. – педагог, историк литературы 329
 Галич А.И. – магистр, адъюнкт-профессор 391–392, 404, 440, 442
 Галлиулина Р.Х. – 26–27, 272, 286, 331, 500–501
 Гаусс К.-Ф. – профессор Геттингенского университета 394–396
 Гейкинг Альфред – бар., студент 221
 Гейкинг Георг (Егор) – бар., студент 415
 Ген К.А. – студент 479
 Герман К.Ф. – профессор 389, 438, 442
 Герцен А.И. – 120, 125–126, 194, 284, 296, 482, 495
 Глинский Б.Б. – 501
 Годейн П.П. – 383
 Голенищев-Кутузов П.И. – 72
 Голиховский – студент 462
 Голицын Аркадий – студент 221, 456
 Голицын А.Н. – министр народного просвещения 75, 92, 381, 408, 428, 442–443
 Голицын Борис – студент 221, 456
 Голицын Давид – студент 221
 Голицын Павел – студент 221
 Головинский В.А. – студент 309, 467
 Головин А.В. – министр народного просвещения 414
 Голосеева А.А. – 324, 329, 498
 Голубев – студент 93
 Голубцов – студент 340–341
 Гонзаго-Павличинский Иван – студент 415
 Горецкий – профессор 459
 Гончаров И.А. – студент, мемуарист 495
 Горизонтов Л.Е. – 242, 488, 501
 Горин Д.Г. – 289, 501

Указатель имен

- Горлов И.Я. – профессор 296
 Горлов Николай – студент 246
 Горчак Йосиф – студент 261, 262
 Грабовский Бронислав – студент 262
 Грановский Т.Н. – профессор Московского университета 276, 284, 497
 Грацилевский И.П. – студент, преподаватель 186, 243
 Грибоедов А.С. – 367–368
 Грешищев – студент 93
 Грефе Ф.Б. – профессор 140, 219, 374, 440
 Григорьев – колл. секретарь 371
 Григорьев Аполлон – студент, литер. критик, мемуарист 353
 Григорьев В.В. – 15, 50–51, 62, 154–155, 157, 178, 198, 200, 352, 372, 409, 495, 502
 Григорьева Дарья – 364–365
 Гришунин П.В. – 23, 502
 Губе Р.М. – профессор 257
 Гумбольдт А. – профессор Берлинского университета 207
 Гуркин В.А. – 502
 Гуссаковский А.С. – студент 329
 Гутнов Д.А. – 511
- А**
 Давид В. – студент 250–251, 459
 Давыдов И.И. – профессор, директор Главного педагогического института 276, 433, 468
 Данилевский Г.П. – студент, истор. писатель 166
 Данилевский – советник Правления Главного педагогического института – 433
 Дворниченко А.Ю. – 11, 27, 350, 501, 503–504, 506–507
 Делаacroa Александр – студент 230
 Далевский Титус – студент 264
 Дегуров А.А. – профессор, ректор 43, 60, 61
 Деманж Ш. – профессор 442
 Демезон Петр – студент 230
 Демидов Павел – студент 295, 341
 Денисов А.К. – атаман Донского казачьего войска 427
 Де-Пуле М.П. – студент, мемуарист 495
 Дестунис Гавриил – студент 230
 Джильи Мариано – педагог 441
 Джудицкий Юзеф – студент 263
 Джустиниани – лектор 459
 Диссон Ю.А. – 218
 Дмитриев А.Н. – 23, 31, 33, 323, 502, 510, 513
 Дмитриев М.А. – студент, мемуарист 281–282, 495
 Додаев (Додашвили) С.И. – студент 227, 515
 Долбилов М.Д. – 507
 Долгоруков Н.А. – полтавский, черниговский и харьковский ген.-губернатор – 330, 356
 Долгоруков С. – студент 456
 Долинский Петр – студент 262
 Домбровский Ярослав – польский революционер 261
 Дондуков-Корсаков Александр – студент, мемуарист 221, 424, 495
 Дондуков-Корсаков Алексей – студент 221
 Дондуков-Корсаков М.А. – попечитель 60, 82, 99, 179, 231, 374–375, 461
 Достоевский Ф.М. – 467
 Дохторов А. – студент 76
 Дружинин А.В. – писатель, литер. критик 329
 Дубельт Л.В. – начальник III отделения 123, 450, 457

Указатель имен

- Дубровская Н.В. – 201, 218–219, 504
 Дудышкин С.С. – студент, литер. критик 329
 Дьяков В.А. – 32, 235, 297, 310, 502
- Е**
 Евреинов Алексей – студент 186, 527
 Евреинов Николай – студент 424
 Европеус П.И. – студент 309, 467
 Егоров Ю.Н. – 17, 177, 192, 198–200, 224, 502
 Ежова С.А. – 502
 Екатерина II – 421
 Елпатьевский В.К. – студент, преподаватель 91
 Ендольцев Ю.А. – 23, 218, 502
 Ершов П.П. – студент 62
- Ж**
 Жарова Е.Ю. – 148, 502
 Жуковская Т.Н. – 11–13, 22, 25–27, 49, 56, 72, 91, 128, 132, 135, 174, 176, 201, 218–219, 230, 233, 238, 257, 308, 324–325, 333, 350, 370, 376–377, 384, 387, 397, 442, 444, 501–505, 514
 Жихарев С.П. – студент, мемуарист 201, 495
- З**
 Заблоцкий М. – студент 168
 Заблоцкий-Десятовский А.П. – 329
 Заборовский К.А. – профессор 257
 Завадовский П.В. – министр народного просвещения 108, 206
 Загидулин И.К. – 500, 506
 Загорский Михаил – студент 409
 Загоскин Н.П. – 15, 505
 Зайончковский П.А. – 223, 505
 Зайцев Б.П. – 28
 Залевский Зигмунт – студент 264
- Запорожец О.А. – 35, 505
 Захаров И.В. – 153, 505
 Зданович Игнатий – студент 261, 263
 Зеленин Д.К. – студент 495
 Зенькович Феликс – студент 261–263
 Зимин – купец 371
 Зиновьев Павел – студент 295
 Зиновьев П.В. – попечитель Харьковского уч. округа 311
 Знаменский Василий – кандидат права 412
 Зубакович – студент Учительской семинарии 417
 Зябловский Е.Ф. – профессор 71, 170
- И**
 Иванов А.Е. – 13, 24, 144, 166, 168, 174, 178, 288, 291, 295, 303–304, 308, 317, 408, 411, 505–506
 Иванов С. – студент 70
 Иваницкий Н.И. – студент, мемуарист 55, 121, 191, 293, 334, 359, 421, 495
 Ивановский И.И. – профессор 257
 Игельстром Павел – студент 230
 Игнатьев П.Н. – С.-Петербургский ген.-губернатор 478
 Илличевский А.Д. – воспитанник Царскосельского лицея – 405
 Ильина К.А. – 13, 26–27, 49, 287, 500–501, 506
 Ильинский А.И. – мемуарист 357
 Иностранцев А.А. – студент, профессор, мемуарист 496
 Исаков Н.В. – попечитель Московского уч. округа 480
- К**
 Кавелин А.А. – С.-Петербургский военный губернатор – 249

Указатель имен

- Кавелин Д.А. – директор Главного педагогического института и университета 90–91, 157, 288
 Кавелин К.Д. – профессор 329, 479, 506
 Казакова (Кузнецова) К.С. – 25, 132, 230, 333, 370, 504, 506–507
 Кайданов И.К. – магистр 391–392, 394, 402, 405
 Кайсаров А.С. – профессор Дерптского университета 424
 Калинин Петр – служащий университета 430
 Калинина Е.А. – 13, 25, 176, 238, 376–377, 384, 386–387, 504, 507
 Калиновский В.-К. – студент 261, 263, 264
 Калишкин Григорий – служащий университета 430
 Калмыков П.Н. – профессор 409, 412–413
 Камоско Л.В. – 507
 Карблум – студент 344
 Карганов Захар – студент 380–381
 Карнеев З.Я. – попечитель Дерптского университета 443
 Карцов Я.И. – студент, магистр 391, 396, 402, 405
 Кастальский И.А. – студент, магистр 391–392, 405
 Касторский Александр – студент 383
 Касторский М.И. – профессор 282
 Катенев В.П. – студент 41, 309, 467
 Кейм – студент 73
 Кемпинский – студент 79–80
 Керн А.П. – мемуаристка 481
 Кинелев В.Г. – 501
 Кирсанова Р. – 114, 507
 Кияс А. – 236, 515
 Клаус К.К. – профессор 79
 Клемент Н.М. – инспектор 90
 Клиндер В.Х. – ординатор 278, 422
 Ключков – студент 208
 Ковалевский Е.П. – министр народного просвещения 329, 465
 Козьевский Николай – студент 385
 Кокошкин С.А. – попечитель Харьковского уч. округа 446
 Колмаков Н.М. – студент, мемуарист 61–62, 348, 361, 496
 Комаренков Василий – студент 107
 Комаровский Алексей – гр., студент 221
 Комиссаржевский Ф.П. – студент 329
 Коновицкий Павел – студент 261
 Кокорин – студент Педагогического института
 Корин – студент 207
 Корсак Александр – студент 340–341
 Корш Л.Ф. – 353
 Косачевская Е.М. – 18, 308, 442, 507
 Костенецкий Я.И. – студент, мемуарист 296
 Костина Т.В. – 13, 20, 27, 272, 277, 289, 413, 507–508
 Костомаров Н.И. – профессор 276, 474
 Кочубей Сергей – студент 221
 Краевский А.А. – цензор, издатель 329
 Кржижановский Иосиф – студент 243
 Кривцов Андрей – студент 137
 Крупский – студент 251
 Крушевский Адам – студент 261
 Крушевский Наполеон – студент 150
 Крылов – студент 91
 Крылов И.А. – 186, 527
 Крылов А.Л. – адъюнкт-профессор 352
 Крылов Н.И. – профессор Московского университета 353, 412–413
 Кудринский Иван – студент 188–189, 281

Указатель имен

- Кудрявцев П.Н. – профессор, мемуарист 62, 267
 Кузин – харьковский купец 330, 356
 Кузнецова Н.И. – 195, 508
 Кукольник В.Г. – профессор 170
 Кулакова И.П. – 9, 11, 23, 70, 84, 107, 220, 289, 299, 319, 321, 324–326, 508
 Куницын А.П. – студент, профессор 54, 195, 219, 391–392, 394, 402, 404–405, 412–413, 438
 Курнаговский – студент 79–80
 Курневич Игнатий – студент 262, 263
 Куторга М.С. – профессор 158, 276, 280, 409, 411, 468
 Куторга С.С. – профессор 409, 411
- Л**
 Лагуна С.И. – преподаватель 257
 Лапшин В.И. – студент, профессор Харьковского университета 409
 Лахтин Дмитрий – студент 77
 Лебедев В.А. – студент 281, 363, 496
 Левандовский А.А. – 284, 508
 Лейкина-Свирская В.Р. – 19, 33, 508–509
 Леонтьев Александр – студент 107
 Лермонтов М.Ю. – 296
 Ливен К.А. – министр народного просвещения 128, 209, 276, 321
 Линдквист – студент 230
 Липранди И.П. – 40
 Литвак Б.Г. – 127, 508
 Лодий П.Д. – профессор 69, 72, 229, 334, 419, 440
 Ломоносов М.В. – 107
 Лопухин И.В. – 353
 Лотман Ю.М. – 358
 Лубкин А.С. – инспектор Педагогического института 69, 83, 87, 444
 Любезников О.А. – 13, 505
 Ляликов Ф.И. – студент 496
 Ляхович Е.С. – 153, 505
- М**
 Магницкий М.А. – попечитель Казанского уч. округа 88–90, 110, 357, 438, 441–442
 Маевский Адам – студент 262–263
 Максимович Александр – студент 404, 408
 Максимович Павел – студент 404, 408
 Макшеев – студент 462
 Малиновский Д. – студент 189
 Малов М.А. – профессор 284
 Малышев – студент 208–209
 Малышева С.Ю. – 9, 26, 84, 273, 283, 289, 293, 337, 356–357, 363, 366, 370, 500
 Мальцев Сергей – студент 424
 Мальцов – студент 68–69
 Мамаев Н.И. – студент 121, 160, 496
 Мантров Ю.Н. – 195, 509
 Манчестер Л. – 217, 509
 Марахов Г.И. – 32, 237
 Марголис Ю.Д. – 11, 20–21, 27, 107, 227, 235, 304, 309, 326–327, 350, 442, 466–467, 476, 501, 504, 509
 Марков – студент 116, 431
 Марков А.Р. – 22, 350, 509
 Маркевич Северин – студент 262–263
 Маркиз де Сад Д.-А.-Ф. – 40, 459
 Мартынов И.И. – профессор, конференц-секретарь Педагогического института 86
 Маслаков Константин – студент 425
 Маслаков Петр – студент 425
 Матвеева Екатерина – мещанка 348
 Матисен Е.А. – студент, мемуарист 114, 157, 291, 305–306, 331, 496

Указатель имен

- Маурер Т.* – 23, 31, 33, 207, 330, 344, 502, 509–510, 513
Маяковский И.А. – 50
Мейендорф, поручик – 341
Мельгунов С.П. – 510
Мерзляков А.Ф. – профессор Московского университета 352
Мерославский Людвик – польский революционер, генерал 263
Мессинг – студент 338
Мессинг Г.И. – действ. статский советник 338
Мещерский Николай – студент 221
Мизандари А.И. – студент 329
Микешин М.И. – 415, 498, 499, 502, 515
Миллер Г.Ф. – академик 513
Милюков П.Н. – 16, 510
Милютин В.А. – адъюнкт-профессор 284
Минаков А.Ю. – 507
Миронов Б.Н. – 24, 223, 510
Митинский Н.Н. – студент 379
Митюрёв С.Н. – 299, 510
Михайленко Т.М. – 25, 510
Михайлова С.М. – 237
Михаэлис Е.П. – студент 479
Мицкевич Адам – 256, 459
Мишкель – профессор 459
Мерцалов А. – студент 128–129
Модзалевский А.Н. – студент 472
Молоствов В.П. – попечитель Казанского уч. округа 345
Муравьев-Амурский Н.Н. – 187, 528
Муравьев М.Н. – попечитель Московского уч. округа 354
Мурзакевич Н.Н. – студент, мемуарист 496
Мусин-Пушкин М.Н. – попечитель 60, 123, 146, 169, 176–178, 187, 197, 210, 286, 331, 339, 343, 364–365, 378, 433, 450, 454, 460–462, 469, 501, 527
Мухин Николай – студент 415
Мякинин Петр – студент 416
- Н**
- Нагуевский Д.* – 363, 510
Навроцкий – студент 243
Назарецкий – студент Учительской семинарии 417
Назарьев В.Н. – студент 496
Наполеон Бонапарт – 349, 397, 426
Насонкина Л.И. – 297, 439, 510
Нахимов П.С. – инспектор 448
Неволин К.А. – профессор 412–413
Нейман Александр – студент 241
Нивинский Владислав – студент 262
Никитенко А.В. – профессор 52, 54, 61, 63, 75, 226, 236, 285, 296, 327, 329, 335, 410, 438, 460–461, 471–474, 477, 479, 496
Николаев А.Н. – студент, музыкант, педагог 329
Николаев А.С. – 50, 417
Николаев П.А. – 513
Николаи Николай – студент 221
Николай I – 17, 32, 36, 40, 49, 57, 93, 111, 115–116, 141, 190–191, 239, 250–251, 255, 327, 342, 379, 408, 411, 415, 421, 431–433, 441, 449, 454, 461, 494, 499, 505, 515
Николев – капитан-лейт. Гвардейского морского экипажа 471
Никольский Григорий – студент, профессор, ректор Казанского университета 386
Никольский Парфен – студент 385–386
Никольцева Г.Д. – 19, 295, 510
Никольцева Н.В. – 51, 493
Никонов С.П. – 146, 510
Ничпаевский – студент 284
Новиков М.В. – 316, 474, 510

- Новиньский Ф. (см. *Nowiński F.*) – 32, 233–234, 245, 261–263, 265
 Новосильцев Н.Н. – 108, 389–391, 393, 396, 426, 441
 Нокелин Петр – студент 212–213
 Норов А.С. – министр народного просвещения 169, 343, 346–347, 421, 432
 Носалевич – М.И. 202, 510
- О**
 Обнинский П.Н. – студент 496
 Ободовский А. Г. – студент 403–404, 408
 Оболенский Е.П. – декабрист 438
 Огарев Н.П. – 296
 Одоевский Сергей – студент 221
 Оже де Ранкур Н.Ф. – студент, мемуарист 55–58, 78, 220–221, 303, 330–331, 342, 349, 355–356, 428–429, 431, 496
 Окунев Н.А. – попечитель Варшавского уч.округа 239
 Окунь С.Б. – 17
 Олесич Н.Я. – 21, 436, 501, 505, 511
 Ольховский – студент Учительской семинарии 417
 Опоцкий Теодор – студент 261
 Орлов А.Ф. – начальник III отделения 221, 453, 462
 Орнатский С. – профессор 412–413
 Островский Борислав – студент 382
 Острогорский В. – студент, мемуарист 188, 496
 Отроков С. – студент 211
- П**
 Павел I – 417
 Павлов – студент 291
 Павлова Г.Е. – 140, 511
 Павловский С.Г. – студент 329
 Пальмин М.А. – студент, профессор 386
 Панаев В.И. – 496
 Панаев И.И. – воспитанник Благородного пансиона, мемуарист 220, 496
 Панин В.Н. – министр юстиции 252, 253
 Пантелеев А.Ф. – студент, мемуарист 59, 237, 260–261, 304–305, 454, 473, 496
 Паррот Г.-Ф. – профессор Дерптского университета 408, 422
 Парсамов В.С. – 13
 Паскевич И.Ф. – 246
 Паткуль А.В. – обер-полицмейстер Петербурга 481
 Паульсен Ф. – 273, 511
 Пекарский П. – 54
 Пеньковский Адольф – студент 262
 Перовский Л.А. – министр внутренних дел 313
 Перфилова Т.Б. – 316, 474, 510
 Петр I – 15, 327
 Петрица Иосиф (Осип) – студент 191
 Петров П.Я. – профессор 411
 Петров Ф.А. – 9, 22, 98, 116, 121, 130, 140–141, 143, 167, 196, 199, 203, 205, 408, 413–414, 511
 Петровский – профессор 459
 Петухов Е.В. – 15, 66, 186, 321, 335, 496, 511
 Пешехонов Александр – кандидат правоведения 412
 Пильчиков Д. – студент 312
 Пиотровский Р. – 236
 Пирогов Н.И. – профессор 76, 306–307, 349, 439, 496
 Плаксин Василий – студент 93
 Платонов И. – профессор 413
 Платонов С.Ф. – 417
 Плетнев П.А. – ректор 52, 56, 62, 132, 152, 188–189, 195, 200, 214, 236, 257,

- 280–282, 305, 314, 327, 347, 354, 497, 511, 514
 Плещеев А.Н. – студент 309, 467
 Плисов (Плюсов) М.Г. – студент, адъюнкт-профессор 90, 391–392, 404, 412
Плотникова Л.Н. – 307, 511
 Плотницкий Константин – 449–450
 Погодин М.П. – профессор 351
 Погуляев – студент 343
 Подзорский Степан – студент, магистр 398–399
 Позе Карл – студент 424
Полатайко С.В. – 271, 499
 Поленов Алексей – студент 107
 Поллнер Василий – студент 295
 Полонский Я.П. – студент Московского университета, мемуарист 353, 496
 Полонский – студент 459
 Полубинский – студент 251
 Полуденский С.П. – студент 282–283, 497
 Поляновский – студент 261
Пономарева В.В. – 85, 218, 511, 515
 Поплоньский – студент 263
 Попов – студент 123
Попов С.А. – 112, 117, 512
Порох И.В. – 19, 499
 Порошин В.С. – профессор 284, 411
 Посников – студент 386
Посохов И.С. – 28, 469, 512
Посохов С.И. – 28–29, 512, 515
Посохова Л.Ю. – 28, 512
 Постельс А.Ф. – студент, профессор 91
 Прейс П.И. – студент, профессор 298
 Преллер Л. – профессор 278
 Пржецлавский О.А. – издатель, мемуарист 255
 Прибытков Сергей – студент 336
 Прозоров П.И. – студент 497
 Прокопович Владзимеж – студент 262
 Прыткой Иван – студент 107
 Пузыревский Степан – студент 137
 Пургарович – студент 71, 72
 Путятин Е.В. – министр народного просвещения 288, 476–477, 482
 Пушкин А.С. – 282, 349, 405, 528
 Пухальский – студент 243
 Пфау Станислав – студент 241
Пфафф Г. – 512
 Пыпин А.Н. – профессор, мемуарист 479, 497
- Р**
 Разумный И. – студент 213
 Разумов Алексей – студент 107
 Разумовский А.К. – министр народного просвещения 72, 107, 207, 214, 397–398, 402, 405, 418
 Разумовский К.Г. – Президент Академии наук 107
 Райский – студент 343
 Раппопорт Маврикий – студент 241
 Рауха Э.-Б. – профессор 219, 441–442
 Раутовский Константин – студент 256
 Ребиндер Н.Р. – попечитель 294
 Редкин П.Г. – профессор 412–413
 Резанов М.Е. – профессор 86, 170, 291
 Рейнгольд Э.К. – студент 231
Репина Л.П. – 512
 Рер Франц – студент 241
 Ржевский А.В. – студент, адъюнкт 391–392, 404–405, 427
 Рибоьер Иван – студент 230
 Рогов А. – 126
 Рогов Т.О. – профессор 220, 402
 Рождественский Н.Ф. – профессор 91, 252
Рождественский С.В. – 16, 50, 137, 153, 206, 215, 217, 442, 493, 512

Указатель имен

- Розанов Александр – студент 379–380
 Розинская – квартирохозяйка 336
 Ростовцев Е.А. – 9, 13, 31, 238, 492, 505, 513
 Роспини Карл – студент 230
 Рузевич Е. – 237
 Рудаков В.Е. – 314, 513
 Романович-Славатинский А.В. – студент 446
 Румский – студент 86
 Рунич Д.П. – попечитель 43, 52, 88–93, 110–112, 139, 214, 296, 320, 326, 404, 438, 441–442, 451
 Рупрехт Ф.И. – профессор Главного педагогического института 433
 Руцкий Теофил – студент 262
 Рыльский – студент (?) 263
- С**
 Савельев А. – студент 213
 Савельева И.М. – 26, 501
 "Савельич" – швейцар 56, 63
 Савин Николай – студент 424
 Савинский Анастасий – студент 382–383
 Савиньи Ф.-К. – профессор Берлинского университета 412
 Савич А.Н. – профессор 411
 Савич-Канивецкий Павел – студент 426
 Сальникова А.А. – 9, 26, 84, 273, 283, 289, 293, 337, 356–357, 363, 366, 370, 500
 Сафронов М. – студент Академического университета 107
 Сахаров Матвей – студент 291
 Свенске К.Ф. – студент 403–404, 408
 Свербеев Д.Н. – студент, мемуарист 85, 283, 352, 497
 Сверчков – студент 121
 Севербрик Иван – учитель Благородного пансиона 440
 Селивановский Н.С. – студент 296
 Семенов – студент 91
 Семенов-Тянь-Шанский П.П. – студент, мемуарист 497
 Сенковский О.И. – профессор 185, 243, 285, 440
 Сераковский Сигизмунд – студент 261, 264
 Сергеев Петр – студент 404, 408
 Серебренников – офицер корпуса жандармов 344
 Серебрякова Н.О. – 13
 Сеченов И.М. – профессор 497
 Сиверс Эммануил – студент 221
 Сидорова М.В. – 437
 Сийливаск К. – 297, 506
 Скабичевский А.М. – студент 315–316, 497
 Скобелинов Михаил – студент 382
 Снегирев И.М. – профессор Московского университета, мемуарист 283
 Славинский Павел – студент 415
 Слизовская В. – 236
 Слотвиньский В. – 18, 32, 234, 258, 513
 Случевский Измаил – студент 125, 359, 364
 Смагина Г.И. – 20, 513
 Смирнова Т.М. – 236
 Соболев Г.А. – 513, 515
 Созонович В. – 138–139
 Сокальский Иван – студент 189–190
 Соколов – студент 91
 Соковнин Н.М. – студент 497
 Соллогуб В.А. – студент, мемуарист 497
 Соловьев Григорий – студент 418
 Соловьев Дмитрий – студент 363

Указатель имен

- Соловьев Д.Н. – 218, 513
 Соловьев И.М. – 64, 282, 495, 497
 Соловьев М.Ф. – студент, профессор 391, 394
 Соловьева М.А. – 436, 501
 Сологоровский – студент 116, 431
 Солодовников В. – студент 346
 Сомов О.И. – профессор 450
 Сорокин В.М. – студент, мемуарист 275–276, 328, 497
 Сорокин Трофим – служащий университета 430
 Соц – студент 338
 Соц В.И. – цензор 338
 Спасович В.Д. – профессор 257, 471, 479
 Сперанский М.М. – 159, 411–412, 416
 Станевич Ян-Онуприй – студент 261
 Станкевич Иосиф – студент 262
 Станкевич Н.В. – студент Московского университета 297
 Стасюлевич М.М. – студент, профессор 296, 479
 Стахурский Иван – студент 425
 Стемповский Юзеф – студент 263
 Стригоцкий Александр – студент 415
 Строганов С.Г. – попечитель Московского уч. округа 276, 353, 355
 Струве Ф.А. – профессор 279
 Стаферова Е.А. – 102, 514
 Стемповский Юзеф – студент 263
 Стефанович – студент 479
 Столянский П.Н. – 353, 514
 Стурдза А.С. – 438
 Суворов А.А. – ген.-губернатор Лифляндской, Курляндской, Эстляндской губерний 481
 Сумцов Н.Ф. – 307, 514
 Суслов Павел – студент 415
 Сухомлинов М.И. – приват-доцент 474, 514
 Сухомлинов И.И. – профессор Харьковского университета 284
 Сферин Егор – студент, магистр 426
- Т**
 Тамбовцев – 186
 Тамул В.Э. – 408, 514
 Танклер Х.А. – 274, 514
 Тазбир Я. – 236
 Тарасов Е.И. – 408, 514
 Татаринов – студент 459
 Твелькмейер – студент 100–101
 Тер А.-Д. – профессор Берлинского университета 399
 Теряев А.М. – профессор 86
 Тибо – профессор Геттингенского университета 395
 Тимаев М.М. – студент, педагог 403–404, 408
 Тимковский – студент 404
 Тимковский И.Ф. – студент, мемуарист 353, 497
 Тимофеев Александр – студент 416
 Тихомиров – студент 91
 Тихонов И.А. – 11, 13, 58, 135, 301, 303, 501, 503, 506–507, 513–515
 Тишкин Г.А. – 11, 18–21, 27, 107, 227, 235, 314–315, 326–327, 442, 470, 509, 511, 513–515
 Ткачев П.Н. – студент 482
 Толмачев Я.В. – профессор 220
 Толстов А.Д. – студент 41, 57, 105, 123–124, 309, 466–467
 Толстой Д.А. – министр народного просвещения 514
 Толь Константин – гр., студент 221, 456
 Трейдосевич Ян-Непомунцен – студент 261
 Третьяков М.П. – студент 283, 497

Указатель имен

- Троицкий М.И. – студент, директор училищ Олонецкой губернии 385
 Трохимовский А.Ю. – 414
 Тукалло – студент 476
 Тункина И.В. – 508
 Тургенев И.С. – студент, мемуарист 62, 329, 497
 Тургенев Н.И. – декабрист, мемуарист 325, 398
 Тургенев С.И. – 325
 Туркул И.Л. – министр, статс-секретарь Царства Польского 256
 Тучков П.А. – московский ген.-губернатор 480
- У**
 Убри Павел – студент 230
 Уваров Алексей – студент 58, 221, 456
 Уваров П.Ю. – 29, 319, 514–515
 Уваров С.С. – попечитель С.-Петербургского учебного округа (1811–1821), министр народного просвещения – 7, 12, 32, 44, 50, 60, 65, 87, 94, 99, 113, 115–116, 127, 138–139, 140–141, 149–151, 170, 178–179, 202, 221, 239, 241, 246, 251, 275, 279, 286, 308, 310, 312, 325, 332, 360, 378, 380, 383, 402, 405, 411, 415, 437, 441, 443, 453–456, 458, 462–463, 502
 Устрялов Н.Г. – профессор 78, 252
 Устрялов Ф.Н. – студент, мемуарист 146–147, 337, 497
 Утин Б.И. – профессор 479
 Уфимцев – студент 363
 Ушаков Н.П. – директор училищ 380
- Ф**
 Фалькович С.М. – 236
 Фаминцын А.С. – студент, музыкант 329
 Фантон-де-Веррайон М.А. – 343
 Федосов И.А. – 297, 515
 Федотов-Чеховской А. – профессор 412–413
 Федута А.И. – 59, 237, 255
 Фельдман М.А. – 227, 509, 515
 Феофанов А.М. – 22, 137, 144, 174, 179, 201, 515
 Феребов А.Н. – 138
 Фет А.А. – 352
 Фивечер Александр – студент 248
 Филатьев В.И. – попечитель Харьковского уч. округа 129
 Филиппов Михаил – студент 210
 Филипов П.Н. – студент, член кружка петрашевцев 467
 Филиппов И.П. – инспектор 56, 63
 Филипсон Г.И. – попечитель 477–480
 Фирсов Н.А. – студент, мемуарист 464
 Фиткаль Людвиг – студент 241
 Фицтум фон Экштедт А.И. – инспектор 56, 63, 257, 259, 305, 354, 356, 448, 459, 462
 Формицын А. – студент 70
 Фортунатов Ф.Н. – студент, мемуарист 55–56, 61, 157, 280, 497
 Фрейдекер К. – студент 70, 72, 419
 Фридман Р. (см. *Friedman R.*) – 33, 103, 106, 129, 297, 313, 335
 Фроянов И.Я. – 509
 Фукс К.Ф. – профессор 158
 Фус Н.И. – непрременный секретарь Академии наук 389
- Х**
 Ханыков А.В. – студент 41, 309, 467
 Харатишвили – Г.С. 515
 Хартанович М.Ф. – 415, 515
 Хорошевский Владислав – студент 261, 305

Хорошилов Василий – студент 376
Хорошилова А.Б. – 85, 218, 511, 515

Ц

Цамутали А.Н. – 13
Ценковский В.С. – профессор 296
Цицианов Иосиф – студент 221, 228
Цешинский Тадеуш – студент 262
Циунчук Р.А. – 237
Цыганенков В.В. – секретарь Правления университета 145

Ч

Чаадаев П.Я. – 459
Чавчавадзе И.Г. – студент 221, 228
Чайковский А.П. – профессор 257
Чарнецкий Цезарь – студент 262
Чебыкина Н.В. – 19, 328, 358, 515
Чеботарев Х.А. – профессор Московского университета 283, 353
Чернов С.Н. – 441
Чернощекоев – мещанин 346
Чернышевский Н.Г. – 329, 475
Чивилев А.И. – профессор 27, 409, 411, 506
Чижов Д.С. – студент, профессор 195, 374, 391–392, 405–406
Чистов – студент Московского университета 349
Чистяков М.Б. – студент 296
Чичерин Б.Н. – профессор 475, 497
Чубинов-Георгиев Давид – студент 228–229
Чуйков П.Е. – студент 312
Чумиков А.А. – студент, мемуарист 55, 59–63, 222, 280, 297, 299, 302–303, 468, 497

Ш

Шакеев А.В. – профессор 57, 279, 280, 285, 468

Шарбе Р.А. – профессор 279
Шармуа Ф. – профессор 442
Шароградский – студент 170
Шаумбург – студент 91
Шевченко М.М. – 196, 217, 415, 515
Шевченко Т.Г. – 476, 509
Шевырев А.П. – 24
Шевырев С.П. – профессор Московского университета 15, 276, 189
Шелейховский К.А. – адъюнкт-профессор 243
Шембель – прапорщик л.-гв. Гатчинского полка 371
Шепелев Л.Е. – 111, 113–114, 515
Шепелевич Стефан – студент, 263
Шеппинг Федор – студент 221
Шерер А.И. – профессор 170
Шилов Л.А. – 19, 199, 295, 510, 515
Шилишкевич – студент 263
Шильбкнехт Александр – студент 336
Шильдер Н.К. – 426, 515
Шимановский М.В. – профессор 459
Ширинский-Шахматов П.А. – министр народного просвещения 255, 364, 456
Широков О.Н. – 56, 503
Шислер Альберт – студент 241
Шифнер А. – студент 213
Шишкарёв Иван – студент 107
Шишков А.С. – министр народного просвещения 39, 44, 73, 93, 101, 110–111, 442, 452
Шкляревский Павел – студент 409
Шматко Н.А. – 35, 500
Шнейдер А.В. – студент 231, 453
Шнейдер В. – адъюнкт 440
Шнейдер Карл – студент 416
Шодуар Максимилиан – студент 221
Шольц Э. – студент 451
Шпейер – инспектор 431

Указатель имен

- Шрамченко Н.А. – студент, мемуарист 279, 497
Штемпель Юзеф – студент 263
Штейнгейль – Ф.Ф. 419
Штуммель Эдуард – студент 241
Штрандман И. – дипломат 403
Шубин В.Ф. – студент 19, 281, 354, 515
Шувалов П.П. – гр., студент 221, 331, 456
Шувалов П.А. – петербургский обер-полицмейстер, начальник III отделения 463, 481
Шульгин В.Я. – 332, 515
Шульгин И.П. – профессор, ректор 61–62, 82, 100, 115, 142, 198, 214, 229, 232, 279, 354, 374–375, 406, 493, 514
- Щ**
Щедрин А.Ф. – архитектор 327
Щербакова Е.И. – 437
Щербатов Г.А. – князь, студент 58, 221, 331, 416, 456
Щербатов Г.А. – попечитель 253, 254, 316
- Э**
Эймонтова Р.Г. – 18, 158, 198, 204–206, 242, 284, 316, 480–481, 515
Энгельман – студент
Эртель Ф.Ф. – петербургский обер-полицмейстер 86, 418
Эртман – профессор Дерптского университета 280
- Ю**
Юндзилл Петр-Эмманюэль – студент 261
Юневич Василий – художник 364–365
Юркина Н.Н. – 178, 515
Юсупов Николай – князь, студент, 221
Юсупов Н.Б. – князь 187, 527
Юхнева Н.В. – 255
- Я**
Язвицкий Николай – студент 427
Языков Н.М. – студент 63, 191, 280, 298–299, 341, 496
Янишевский Э.П. – студент, мемуарист 284, 443, 497
Янкович де Мириево Ф.И. – просветитель, педагог 441
Яновский Семен – студент 426
- Bourdieu P.* – 34, 35, 500, 515
Bazyłow L. – см.: Базылев Л.
Flynn J. – 31, 515
Friedman R. – см. Фридман Р.
Іващенко В.Ю. – 28, 54, 506
Кадеєв В.І. – 28
Kassov Samuel D. – 32, 515
Kijas A. – см. Кияс А.
Nowiński F. – см. Новиньский Ф.
Rostovtsev E.A. – см. Ростовцев Е.А.
Śliwowska W. – 32, 515

Научное издание

Татьяна Николаевна Жуковская
Ксения Сергеевна Казакова

Anima universitatis:
Студенчество Петербургского университета
в первой половине XIX века

Издатель Леонид Янович

Корректоры *Ирина Башилай, Ольга Крупченко*
Оригинал-макет *Андрей Королев*
Обложка *Владимир Хананов*

Налоговая льгота –
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2
953000 – книги, брошюры

НП Издательство «Новый хронограф»
Контактный телефон +7(916) 651-30-94
по вопросам реализации 8-985-427-9193
E-mail: nkhronograf@mail.ru

Информация об издательстве в Интернете: <http://www.novhron.info>

Подписано к печати 12.09.2018
Формат 60х90/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Объём 36 усл.-печ. л.
Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13.

9 785948 814216